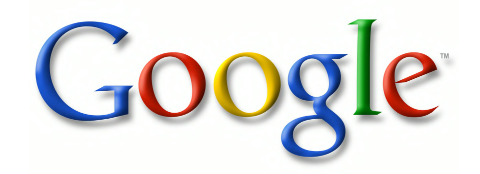
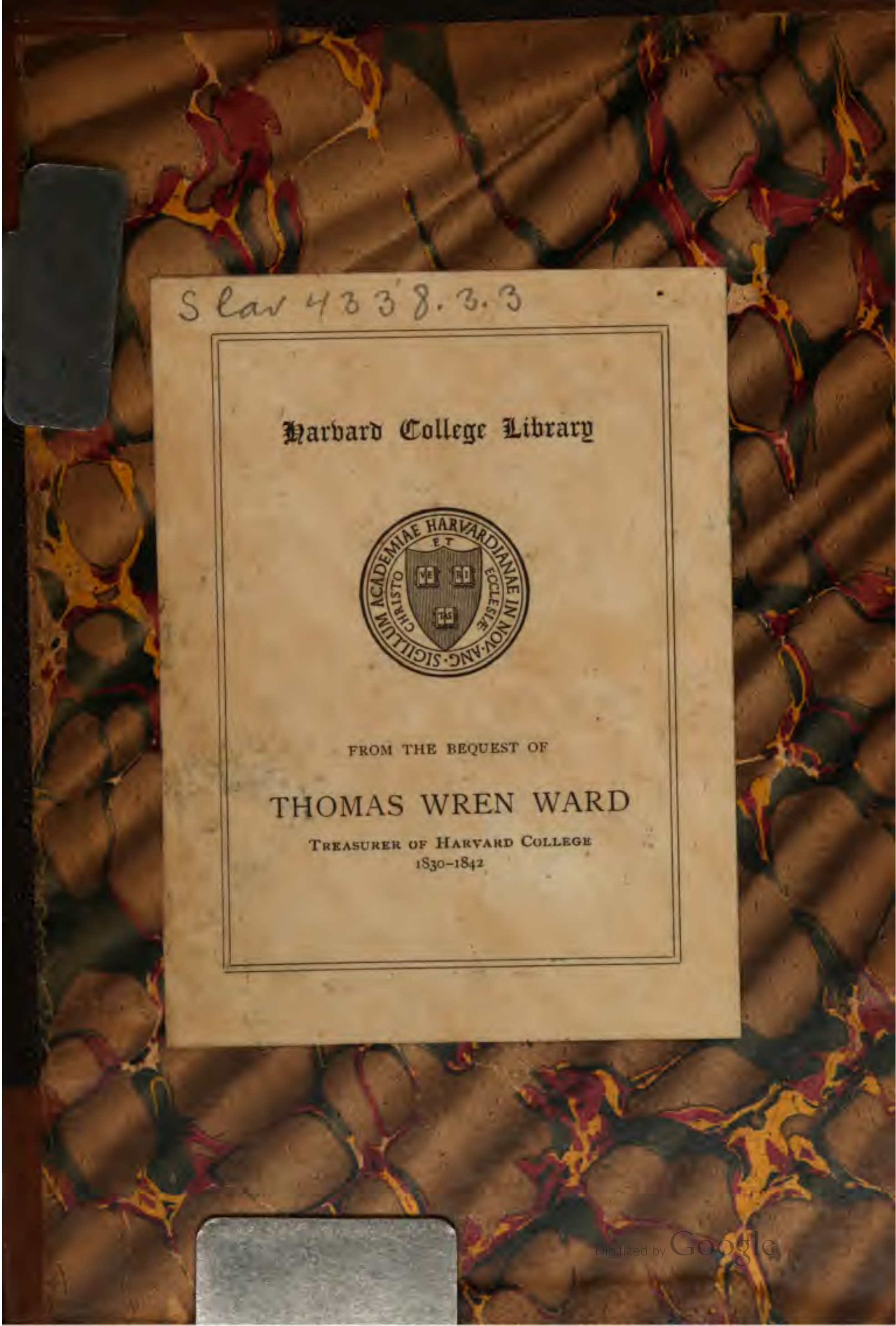
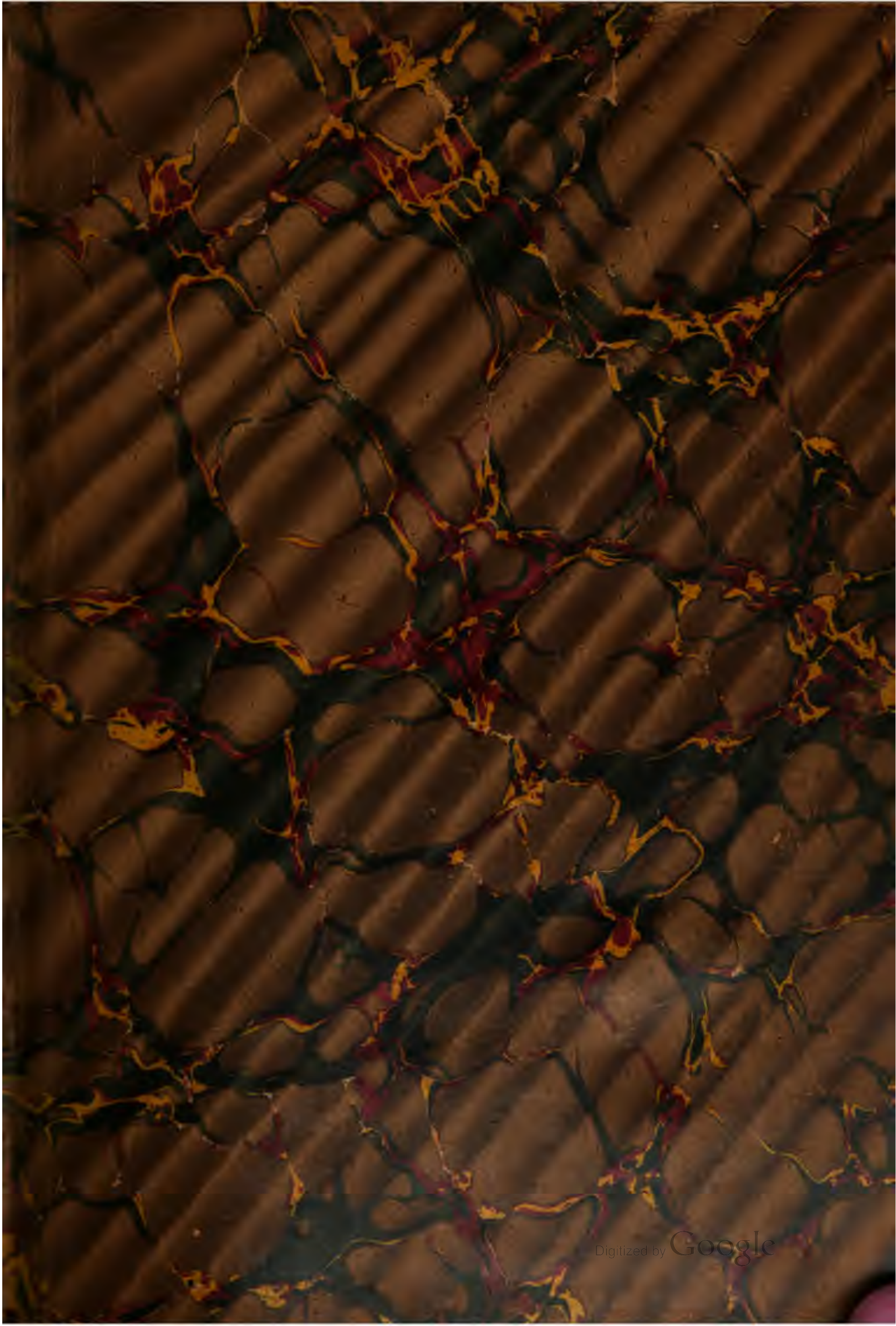

Slav 4338.3.3
Harvard College Library
HARVARDIANAE IN NOV·ANG· ACADEMIAE SIGILLUM
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS
FROM THE BEQUEST OF
THOMAS WREN WARD
TREASURER OF HARVARD COLLEGE
1830–1842
Digitized by Google

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

МИРОВИЧЪ.

(1762—1764 г.)

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЦАРСТВЕННЫЙ УЗНИКЪ.

— «Да,—скажутъ наши правнуки:—
имъ было больно угнетеніе Россіи».

Ледяной домъ.

I.

Курьеръ изъ завоеванной Пруссіи.

Императрица Елисавета Петровна скончалась 25-го декабря 1761 года, въ самый разгаръ войны Россіи съ Пруссіей. Войска Фридриха были уже не тѣ: лучшіе его офицеры убиты или взяты въ плѣнъ.

За годъ передъ тѣмъ, отрядъ генералъ-поручика Петра Ивановича Панина овладѣлъ Берлиномъ. Казаки, съ союзниками-кроатами, опустошили столицу Фридриха-Второго, разграбили въ ней до трехъ-сотъ домовъ, не пощадили и загороднаго королевскаго дворца: изломали въ немъ дорогую мебель, перебили фарфоръ, бронзы и зеркала, изорвали штофные и гобеленевые обои, изрубили итальянскія картины и разнесли въ клочки кабинетъ рѣдкостей.

Начальники не отставали отъ подчиненныхъ. Дано было приказаніе прогнать сквозь строй «Подъ-Липами» берлинскихъ «газетировъ» за то, что эти публицисты слишкомъ обидно и дерзко писали о русскихъ. Вслѣдствіе такого при-

каза, «противныя Россіи, печатныя въ газетахъ письма» жгли черезъ палача подъ висѣлицей, а сочинителей тѣхъ писемъ вывели на экзекуціонсъ-плацъ, чтобы наказать за ихъ противности, шпицрутеномъ. Генералъ Чорнышевъ ихъ помиловалъ. Одного «дусёргельда» на вино, на сигары и вообще на угощеніе русской арміи было истребовано отъ Берлина сто тысячъ. Измѣна командира отдѣльнаго русскаго корпуса, графа Тотлебена, и его арестъ, съ общаго совѣта всѣхъ русскихъ полковыхъ командировъ, на маршѣ въ Помераніи не измѣнили рвенія побѣдоносной арміи. Положеніе Фридриха было отчаянное. Онъ изъ прусскаго короля сталъ опять ничтожнымъ бранденбургскимъ курфюрстомъ. Въ Кёнигсбергѣ поселился русскій губернаторъ, отецъ Суворова. Вся Пруссія была завоевана и, — послѣ роковой надписи Елисаветы «быть по сему» на докладѣ о ея присоединеніи, — присягнула въ подданство русской императрицѣ. Въ этой новой «губерніи» стали вводить русскіе порядки. Въ ней явилась русская миссія съ архимандритомъ; начали чеканить русскую монету. И вдругъ обстоятельства измѣнились...

Племянникъ Елисаветы Петровны, императоръ Петръ III-й, въ самый день смерти тётки, вошелъ съ обожаемымъ имъ королемъ Фридрихомъ въ переговоры о перемиріи. Губернаторъ Суворовъ, по именному указу, сдалъ войска и управленіе прусскимъ королевствомъ генералъ-поручику Петру Ивановичу Панину, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ и сталъ, изъ-за долговъ, публиковать въ вѣдомостяхъ о продажѣ своего имущества. За нимъ, радуясь манифесту «о вольности дворянства», двинулись подъ разными предлогами въ Россію и другіе офицеры, особенно штабные. Огорченія обидныхъ уступокъ забывались. Всѣхъ волей-неволей манило изъ долгаго похода на родину...

Въ концѣ февраля 1762 года, на курьерской тройкѣ въ пошевняхъ, по пути изъ Пруссіи въ Петербургъ выѣхалъ средняго роста, лѣтъ двадцати-двухъ, сухощавый, съ черными, строгими, нѣсколько разсѣянными и какъ бы недовольными глазами, офицеръ изъ Кёнигсберга. Былъ второй часъ пополудни. Онъ спѣшилъ застать присутствіе въ военной коллегіи. Отъ въѣзда въ городъ у Калинкина моста, до зданія коллегіи (Штегельмановскій домъ на Мойкѣ, у

Краснаго моста,—гдѣ нынѣ институтъ глухонѣмыхъ), офицеръ всячески торопилъ ямщика. Десять дней пути въ ростепель и водополье по Литвѣ сильно его утомили. Онъ везъ собственноручныя бумаги Панина, съ робкимъ, хотя яснымъ предложеніемъ—попытаться продолжать войну. Въ мысляхъ офицера рисовался ожидаемый имъ, полный неизвѣстности, пріемъ, борьба Панина съ дворскими партіями и вѣроятное сочувствіе и поздравленія товарищей. Онъ добрался до коллегіи, одернулъ на себѣ поношенный зеленый, съ такимъ же воротомъ, кафтанъ и красный камзолъ, обмахнулъ снѣгъ съ черныхъ штиблетъ и тупоносыхъ, безъ пряжекъ, истоптанныхъ башмаковъ, и оправилъ ненапудренныя букли и космы развившейся въ дорогѣ свѣтло-русой, запорошенной инеемъ, косы. Спросивъ въ коллегіи генерала, къ которому везъ отъ Панина еще частное письмо, онъ сдалъ пакеты и, измученный дорогой, ожидалъ, что его станутъ разспрашивать, готовилъ въ умѣ отвѣты, подбиралъ убѣдительныя слова. «Войско,—думалъ онъ,—рвется сражаться, смѣлый прожектъ Петра Иваныча одолѣетъ... Себя не пожалѣю, всю правду докажу. Лишь бы отечеству польза,—лишь бы оцѣнили смѣлость столь честнаго и неподкупнаго командира!..»

Бѣлолицый, важный ростомъ и повадкой, дежурный генералъ Бехлешовъ прочиталъ привезенное письмо, остальныя бумаги отложилъ къ сторонѣ, пристально вглядѣлся въ посланнаго, сердито потоптался на мѣстѣ и, презрительно фыркая, сказалъ: «Новости твои, сударь, вовсе не важны... А Петръ Иванычъ хоть и почтенный патріотъ, почтенный,—но... да это не твое дѣло... Война—экіе смѣльчаки! тутъ о перемиріи, а они о войнѣ! Завтра, сударь, воскресенье... а, впрочемъ, навѣдайся послѣзавтра...» Офицеръ вспыхнулъ. «Ахъ, ты, кукла плюгавая, пузырь!—хотѣлъ онъ сказать:—еще о патріотахъ судить. Ну, да этотъ еще не Богъ-вѣсть какая птица! Что скажутъ другіе, вся коллегія?» Онъ вздохнулъ, вышелъ, постоялъ, нѣсколько опѣшенный, на улицѣ, и велѣлъ ямщику ѣхать на Васильевскій Островъ. На сердцѣ у него отлегло. Видъ знакомыхъ, когда-то близкихъ, мѣстъ отрадно повѣялъ на него. И солнце кстати выглянуло и такъ весело освѣтило улицы, дома и душу путника.

Проѣзжая мимо шляхетнаго кадетскаго корпуса (домъ Меншикова, теперь Павловское военное училище), онъ снялъ шляпу и перекрестился; здѣсь прошло его ученіе и отсюда,

изъ кадетовъ, два года назадъ, онъ былѣ посланъ въ заграничную армію. На углу одной изъ дальнихъ линій и набережной Невы, онъ завидѣлъ почернѣлый заборъ и ветхую крышу домика, съ давнихъ поръ принадлежавшаго вдовѣ лейбъ-кампанца, Настасьѣ Бавыкиной.

Сердце путника сжалось. Сюда по праздничнымъ днямъ, бездомный, круглый сирота, столько лѣтъ сряду, хаживалъ онъ изъ корпуса въ гости. Здѣсь привѣтная и твердая нравомъ, бездѣтная и сердобольная старуха, Настасья Филатовна, прозваніемъ «царицына-сказочница», ласкала его, и въ немъ, бѣдномъ кадетѣ, находила утѣшеніе въ своемъ одиночествѣ и сиротствѣ. Домъ ея былъ въ ту зиму, какъ зналъ изъ ея писемъ офицеръ, проданъ за долги, и его хозяйка переѣхала куда-то на квартиру, не успѣвъ ему сообщить новаго своего адреса. Офицеръ остановился у знакомыхъ воротъ.

— Вамъ кого?—спросилъ его какой-то мѣщанинъ, сидѣвшій подъ навѣсомъ сосѣдняго крыльца.

Офицеръ назвалъ Бавыкину.

— Рухнулъ древній, крѣпкій столбъ, — сказалъ мѣщанинъ:—и она, властная, сократилась: изъ домохозяйки жилицей стала... Приходятъ, знать, послѣдни времена.

— Да куда жъ она переѣхала? гдѣ живетъ?

— У звѣздочета, какого-то, ученаго... Уѣла нынѣ насъ всѣхъ эта анаѳема — дороговизна... Приступу ни къ чему нѣту-ти, хоть ложись, да помирай... На погорѣлыхъ, слышно, мѣстахъ, на Мойкѣ, каменный домъ чей-то противъ Съѣзжей, а Филитовна во дворѣ, внизу, въ деревянномъ фатеру снимаетъ,—тамъ вывѣска портного... Спроси звѣздочета—всякъ тебѣ тамъ покажетъ...

Офицеръ поѣхалъ къ Синему мосту, а оттуда вправо, берегомъ Мойки, и остановился противъ мѣста, гдѣ теперь, у пѣшеходнаго мостика, помѣщаются зданія почтамта. Здѣсь на пустынный и низменный, безъ набережной и ограды, берегъ Мойки выходилъ кирпичный, одноэтажный, похожій на фабрику, домъ, съ высокой трубой. На заборѣ была вывѣска портного. За каменнымъ зданіемъ, въ глубинѣ двора, высился обветшалыми стѣнами другой домъ, деревянный въ два яруса, съ красною голландскою черепичною крышей. Снизу въ верхнюю половину этого дома вела открытая, съ площадкой, лѣстница, навѣсомъ для которой служили вѣтви

высокой, въ нѣсколько обхватовъ, березы, росшей на дворѣ у крыльца и, безъ всякаго сомнѣнія, видѣвшей еще шведовъ и Перваго Петра. Влѣво, за вторымъ домомъ, выглядывалъ безлистый, обсыпанный снѣгомъ садъ.

Смеркалось, когда голубая, цвѣта васильковъ, тогдашняя обще-армейская шинель путника показалась во дворѣ, гдѣ теперь жила Бавыкина. Чуть не потерявъ на крыльцѣ истрепанной вѣтромъ, съ трехъ угловъ подвернутой, поярковой шляпы, офицеръ съ тощимъ чемоданомъ подъ мышкой быстро вошелъ въ нижнія сѣни. Онъ сунулъ въ уголъ чемоданъ, шагнулъ въ полуосвѣщенную комнату направо, оттуда въ какую-то «боковушку» налѣво и, растерявшись, остановился у новой двери. За нею была опять перегородка. Въ щель этой двери пробивался свѣтъ. «Вѣрно тутъ, — подумалъ гость, оглядываясь и переводя дыханіе:—вотъ удивится!»

— Настасья Филатовна, здравствуйте!—сказалъ онъ, постучавшись въ дверь.

— Никакой Настасьи Филатовны здѣсь нѣту-ти-съ! — отозвался недовольный суровый голосъ изъ-за перегородки:— дессіянсъ-академіи академикъ тутъ живетъ... извините...

«Что же это значитъ?»—подумалъ озадаченный гость.

— Академіи-дессіянсъ академикъ здѣсь, богъ мой! — добавилъ нетерпѣливо голосъ:—а къ жилицѣ, благоволите, изъ прихожей налѣво... но ея нѣтъ дома.

Офицеръ поблагодарилъ,—хотѣлъ идти.

— Вы же, извините, кто? — послышалось за дверью: — какъ сказать, коли возвратится?

— Заграничной арміи курьеръ, генеральсъ-адъютантъ прусскаго губернатора Панина,—отвѣтилъ офицеръ.

За перегородкой послышался торопливый шорохъ. Дверь отворилась. На ея порогѣ, въ халатѣ, показался высокаго роста, лѣтъ за пятьдесятъ, плечистый и плотный человѣкъ съ умнымъ, усталымъ, въ красивыхъ морщинахъ, лицомъ, съ недоумѣвающими, добрыми глазами, лысый и съ крупными жилистыми руками, изъ которыхъ въ одной была табакерка, въ другой перо.

— Изъ арміи? что вы сказали?.. изъ Пруссіи?..

— Точно такъ-съ... Нарвскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ, ордонансъ Панина, курьеромъ съ бумагами.

— Знакомецъ моей жилицы?

— Такъ точно-съ!

Кроткая, ласковая улыбка освѣтила строгое лицо академика.

— Слышалъ о васъ, слышалъ... Нежданный гость,—тѣмъ пріятнѣе. Она и не подозрѣваетъ. Сколько о васъ гадано, толковано. Милости прошу, зайдите пока ко мнѣ...

— Какія же новости? Утѣшьте, сударь, подарите,—продолжалъ хозяинъ:—бьёмъ нѣмцевъ? не правда ли? крошимъ ферфлюхтеровъ?..

— Бить-то били, да теперь отступаемъ и скоро, надо полагать, вовсе вернемся. О перемиріи заговорили.

— Что?.. отступаемъ? перемиріе? да кто-жъ его предложилъ?

— Съ нашей, знать, было стороны.

Табакерка и перо академика полетѣли на столъ.

— Какъ? мы? о мирѣ? да вы шутите?—вскрикнулъ дебелый широкій въ кости, академикъ, дрожащими руками оправляя на плечахъ потертый, сѣрый китайчатый халатъ:— ахъ, дерзость! ахъ, наглость и стыдъ! батюшки! Послѣ стольких-то побѣдъ!..—Голубчикъ, молодой вы человѣкъ,— съ дороги озябли... устали... садитесь... Лизхенъ! Лизавета Андреевна! Леночка! чаю, самоварчикъ ему... умываться скорѣй...

— Bitte, bitte, gleich! — отозвался женскій голосъ изъ сосѣдней комнаты.

— Извините,—поклонился офицеръ:—ваша жилица Настасья Филатовна мнѣ старая благодѣтельница...

— Знаю, не обидится... Мы съ ней почасту толкуемъ... архива всякихъ преданій!..

— Гдѣ-жъ она?

— Къ вечернѣ, должно, ушла. Переждите; вотъ, пожалуйте сюда, въ комнату моей дочушки, Леночки; но осторожнѣй. Тутъ у меня, какъ у крота, переходовъ, да всякихъ клѣтокъ. Каменный домъ подъ фабрику мною строенъ; а этотъ съ садомъ уцѣлѣлъ отъ пожара,—въ старину еще, другими наложенъ. Внизу у насъ жильцы и женино хозяйство; на верху жъ мой рабочій кабинетъ, инструменты, электрическія баттареи, подзорныя трубы, реторты, да колбы...

Въ комнату, куда академикъ ввелъ гостя, вбѣжала, съ полотенцемъ и со свѣчей, улыбающаяся дѣвочка лѣтъ три-

надцати, тоненькая, бѣлокурая, въ локонахъ, — голубыми глазами и улыбкой похожая на отца. За нею, съ тазомъ и кувшиномъ воды, — повторяя снова: «bitte, bitte», вошла еще красивая, полная, въ бѣломъ фартукѣ, чепцѣ и съ засученными по локти рукавами, жена хозяина. Всѣ они и самыя комнаты, теплыя, уютныя, казались офицеру такими добрыми, ласковыми.

— Вотъ вамъ, голубчикъ вы мой, мыло и вода! — сказалъ академикъ, когда дамы ушли: — дѣлайте свой туалетъ безъ церемоній, а я — простите за любопытство — еще кое-о-чемъ васъ разспрошу... Такъ, перемиріе? Ахъ, они окаянные, слѣпцы...

— Панинъ хочетъ поправить дѣло и прислалъ рапортъ; жалко, армія стремится къ бою.

— И что жъ? есть надежда поправить дѣло?

— Богъ вѣсть, какъ посудятъ; союзниковъ нынче, сказываютъ, у Пруссіи немало и здѣсь.

— Рвань поросячья! Каины! Черти особые, ихъ же и крестъ россійскій не беретъ! — шагая по горенкѣ, сердито вскрикнулъ академикъ: — иродовы души! травка гнусная, фуфарка!..

Онъ закашлялся и, побороя волненіе, остановился у стемнѣвшаго окна.

— Бѣсъ шелъ сѣять на болото всякія плевелы и дрянь, — сказалъ онъ не оглядываясь, — да и просыпалъ нечаянно это зелье — фуфарку; ну, изъ него и отродился весь нѣмецкій синклитъ, — самъ старый лукавецъ Фрицъ, его генералы Гильвенъ и Циттенъ, а съ ними и наши доморослые колбасники — Бироны, Тауберты, Винцгеймы, и вся братія... И ихъ еще не ругать? Вздоръ! — обернулся и махнулъ кулакомъ академикъ: — я ихъ ругаю за нелюбовь къ кормящей ихъ Россіи, позорно, въ глаза, самою сугубою и ихъ же пакостною нѣмецкою бранью. Говорю-жъ съ ними въ конференціи не иначе, какъ по-латыни. Не выноситъ ихъ бунтующая противъ такой напасти и такого безстыдства душа.

— Но ихъ сила, господинъ академикъ! — произнесъ офицеръ: — не лучше ли имѣть съ ними волчій зубъ, да лисій хвостъ?

— Одинъ волчій зубъ, безъ всякаго хвоста! — болѣе и болѣе раздражаясь, крикнулъ академикъ: — не церемонюсь я съ несытыми въ алчной злобѣ проходимцами, и потому

у нихъ не въ авантажѣ... Таковъ, сударь, моей натуры чинъ и складъ!.. Ахъ, дерзость! Ахъ, нескончаемая лютость, поправшая всякій естества законъ... Такъ это правда? Успѣла голубица мира, успѣлъ Гудовичъ доставить масличную вѣтку въ Берлинъ? Боже-Господи! Ужли-жъ побѣжденному королю ввѣрять судьбы россійской исконной политики? Да этого, другъ мой, Россія съ ордынскихъ баскаковъ не видывала...

— Жилъ я между нѣмцами, — сказалъ офицеръ: — извините, хоть и враги наши, а у нихъ хорошо: порядокъ, науки...

— Да насъ-то они ненавидятъ, не признаютъ. Бить бы тамошнихъ до конца, здѣшніе бы присмирѣли!.. Ни одобренія къ возрастанію родныхъ наукъ, ни чести по рангу, ни вниманія къ каторжному, въ здѣшнемъ краѣ, ученому труду! Я мозаику, сударь, я стеклянный заводъ завелъ,— а они, — конюховъ да сапожниковъ креатуры, — жалованье мнѣ завалящими книжками изъ академической лавки платили. Я открытія дѣлалъ, оды писалъ, а съ меня, когда я жилъ въ казенномъ домѣ, деньги за двѣ убогихъ горенки высчитывали. Истомили, меня, истерзали кляузами... Поневолѣ другой сталъ бы пригинаться, слабѣть, какъ иные,— не хочу ихъ называть,— Лазаря знатнымъ барамъ пѣть, на заднихъ лапкахъ за подачкой стоять... Да не буду стоять! не буду подличать!... Друзья у меня не по знатности, — по генію и по усердству наукъ... И душа моя, сударь, плебейская, поморская... Воспиталъ ее въ соловецкихъ-бѣломорскихъ зыбяхъ студеный, надполярный океанъ... Оттого-то вѣтеръ солёный, морской ходитъ въ ней, бушуетъ по-часту...

«Вотъ человѣкъ, открытая, смѣлая душа!» — подумалъ офицеръ, съ горячимъ, почтительнымъ сочувствіемъ глядя на матерого плебея-академика, съ распахнутою, могучею грудью, шагавшаго передъ нимъ въ старенькомъ китайчатомъ халатѣ.

— Охъ, извините,—сказалъ тотъ, остановясь:—вы привезли зѣло печальныя, волнующія вѣсти; не удержишься. А потому, — вдругъ добавилъ онъ, понижая голосъ и какъ-то дѣтски-робко оглядываясь на дверь, — если вы въ сей моментъ, какъ военный, походный человѣкъ, готовы и расположены, то померекайте тутъ съ вашею старою пріятелькой, а черезъ часъ, черезъ два, за калиткой будетъ стоять

договоренная мной городовая коляска... Дома, въ горницахъ, беседовать по душѣ тѣсновато... Я-жъ проболѣлъ и давно не выѣзжалъ. Такъ мы съ вами, сударь, коль согласны, поѣдемъ въ гербергъ къ Иберкампфу, сыграемъ на бильярдѣ, разопьемъ бутылочку и потолкуемъ обо всемъ на свободѣ...

— Не по рангу мнѣ, господинъ академикъ... притомъ же дорога... мои финансы...

— Полно, полно, другъ. Давно я, говорю, соблюдалъ лѣчебный диетъ, ну, и постъ, а сегодня вотъ кстати и жалованье изъ конференціи прислали... Поѣдемъ; тамъ, государь мой, устерсы фленскія, анкерки токайскіе, бургонское и особый, скажу вамъ, новоманерный пуншъ...

Дверь распахнулась.

— Какой пуншъ? кто пуншъ?—вскинувъ руками, произнесла на порогѣ полная, сѣдая, но еще румяная и бодрая, въ темной душегрѣѣ и въ такой же кичкѣ, съ калитой и ключами у пояса, шестидесятилѣтняя старуха. Это и была свѣтъ-матушка, древній, властный столбъ, Настасья Филатовна.

Она взглянула на офицера, отступила.

— Вася! ой, да стой же... что это?.. Василёкъ, голубчикъ ты мой!—вскрикнула и повисла на шеѣ гостя старуха.

Смуглыя, обвѣтренныя щеки офицера дрогнули. Онъ горячо припалъ къ Филатовнѣ, съ радостными слезами безмолвно обнимавшей нежданнаго гост

— Охъ, милый, вотъ такъ утѣшилъ, — сказала она: — одначе, стой... Такъ и есть, не стыдно ли? Не сѣлю, не пало, а ужъ и за компанство, за пуншъ... Да и вы, ваше высокородіе — хоть и хозяинъ мой... Стыдно! Вотъ я супружницѣ вашей все отлепортую...

— Долгъ гостепріимства, сударыня,—отвѣтилъ, глядя на офицера, академикъ.

— Гостепріимства! а ты?—ласково обратилась къ гостю, по уходѣ хозяина, старуха:—ну-ка, испиватель пуншей, кадетъ, разсмотрю, каковъ ты нынче сталъ.

Бавыкина обвела его свѣчой.

— Сердечный мой, радостный! едва тебя спознала! вотъ она, походная-то доля, какъ возмужалъ! Ну, ангелъ мой Васенька, пойдемъ же въ мою конуру, — не своя теперь, чужая...

Они прошли въ сѣни, за которыми Бабыкина снимала двѣ комнаты.

— Вася! соколикъ мой! — сказала, припавъ опять къ гостю, старуха:—повидала я тебя, а не чаяла болѣе... Не такою ты оставилъ вдову сударя Анисима Поликарпыча... Дубъ оголѣлый—нынче я... облетѣли всѣ листочки, вѣтромъ ошарпало ихъ, сдуло... Не въ этакой узкости и тѣснотѣ суждено было вѣкъ доживать. Ахъ! и гдѣ-то, Вася, тѣ счастливые, да шумные старые годы?..

Вдова Анисима Поликарпыча, — кто не зналъ общей печальницы и утѣшницы?—самой государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ угодила, безсонныя ночи ей грѣшнымъ рабьимъ языкомъ коротала. Сильно скучала иной разъ ласковая царица, и хаживали ее утѣшать изъ предмѣстьевъ да съ базаровъ бабы-цокотухи, умѣлыя, бѣдовыя на языкъ. Хаживала и лейбкампанца Настасья. Сидитъ, бывало, ея величество въ кофтѣ, да въ платочкѣ поверхъ русыхъ, пудреныхъ волосъ, и спрашиваетъ гостью: «отчего ты, Филатовна, темна будто становишься?» — «Старѣю, матушка, запустила себя, ласковая; прежде пачкалась бѣлилами, брови марала, румянилась... Нынѣ все бросила»... — «Румяниться не надо,—говоритъ царица;—а брови марай... Ну, сядь же, соври про разбойниковъ, или про какія иныя дѣла». — «Казни, всевластная, не въ мочь; вся душенька во мнѣ трепехчется»... — «Отчего жъ она у тебя трепехчется?» — смѣется государыня. — «Какъ иду къ тебѣ, милостивая, будто на исповѣдь, а вышла, точно у причастія была»...— И припадетъ Настасья къ постели царицы, ножки, юпочки ея цѣлуетъ, до утра ей тараторитъ. — «Въ чемъ счастье, Филатовна?» — «Въ силѣ, матушка-государыня, въ знатности, да въ деньгахъ. По деньгамъ и молебны служатъ». — «А горе въ чемъ?» — «Безъ денегъ, всемилостивая». — «Да ты нешто, вѣдьма, жадна?» — «Жадна, охъ, жадна, и все, пресвѣтлая, что пожалуешь, возьму... Деньга, — охъ! — она вѣдь и попа купитъ, и Бога обманетъ»...—Весело царицѣ.— «Вотъ, было въ старые годы»...» — начнетъ Филатовна, и говоритъ про все, что видѣла и слышала на свѣтѣ, на долгомъ вѣку. Фавориты ее побаивались, и самъ канцлеръ Бестужевъ, въ праздники, посылалъ ей подарки — муки, меду, пудовыхъ бѣлугъ и осетровъ. И хоть недолго Филатовна пожила за вдовцомъ, сержантомъ лейбкампаніи, зато

всласть, въ полную волю. Анисимъ Поликарпычъ нерѣдко загуливалъ и буянилъ, но уважалъ Настю и тоже побаивался, а по смерти, отказалъ ей домъ на Острову у Невы. Падчерицу она пристроила за повара графа Разумовскаго, но вскорѣ ее схоронила и осталась круглой сиротой. Зато, кто ее не зналъ? Совѣтъ ли дать, навѣстить ли въ горѣ, похлопотать ли за кого—ея было дѣло. Не только свѣтскіе, духовные ее уважали... Церкви Андрея попъ взялъ ее къ себѣ кумой. Домъ, хозяйство Филатовны славились въ околоткѣ. Сама она стряпала, окна и полы мыла, безъ очковъ на старости лѣтъ шила бисеромъ, золотомъ, копала огородъ и доила коровъ. И не разъ сама государыня Елисавета Петровна лично удостоивала ее заѣздомъ къ ней,—малины тарелку откушать, прямо съ кустовъ, либо выпить изъ холодильни стаканъ свѣжаго, неснятаго молока. И деньги водились у Филатовны. Они-то ее и погубили. Отдавала она ихъ тайкомъ богатенькимъ господамъ въ ростъ. Но попуталъ бѣсъ. Одна знакомка дала совѣтъ. Погналась Бавыкина за большимъ барышемъ, ссудила немалый кушъ извѣстному гвардейскому моту, и всю казну потеряла. Хотѣла извернуться молчкомъ; поплакала, погоревала и заложила свой участокъ банкиру Фюреру, но не выдержала срочныхъ платежей, и домъ ея со дворомъ были проданы въ началѣ той зимы съ молотка.

Таковъ-то безлистый, оголѣлый на вѣтрѣ дубъ стоялъ теперь передъ залётнымъ гостемъ.

— Ну, да что тутъ, садись, соколикъ, — сказала Бавыкина офицеру.

Они сѣли.

— Не тѣ времена, Вася; все ушло, все улетѣло, какъ почила наша пресвѣтлая благодѣтельница. Что сберегла добра, рухлядишки, все перевезла сюда... Остальное—разобрали люди.

— Ничего! дастъ Богъ, поправитесь; вотъ я пріѣхалъ,—подумаемъ...

— Поздно, другъ сердечный, поправляться да думать. Другимъ, видно, чередъ насталъ. Вотъ, къ грекенѣ къ одной, въ Никанорши зовутъ, за хозяйствомъ глядѣть; приходится въ наймы на старости лѣтъ... Все прахомъ пошло... А я мыслила о тебѣ, тебѣ сберегала... Ну, да вой, не вой, на

то и велика рыба, чтобъ мелкихъ-то живьёмъ глотать...
Повѣдай лучше о себѣ.

Офицеръ вздохнулъ. Рѣчь не слушалась. Два года разлуки немало унесли молодыхъ ожиданій, вѣры въ счастье, надеждъ.

— Въ карты, Вася, по-былому, извини, играешь?—спросила, взглянувъ на него, старуха:—да ты не сердись: дѣло говорю.

— Что вы, помилуйте,—отвѣтилъ гость:—жалованье какое! а тутъ, сами знаете, походы, контуженъ былъ,— до того ли?.. притомъ...

Офицеръ хотѣлъ еще что-то сказать; слова ускользали съ языка. По лицу прошло облако. Глаза смотрѣли разсѣянно, куда-то далеко. У губъ обозначилась сердитая, угрюмая складка.

Бавыкина покачала головой.

— Ужли и тамъ не забылъ?—спросила она.

— Вотъ, пустяки, охота вамъ...

— Да ты, вьюнъ, не финти; говори, въ резонтъ спрашиваю.

Офицеръ всталъ, оправилъ волосы. Точно отгоняя тяжелую мысль, онъ провелъ рукой по лицу, подумалъ и снова молча присѣлъ къ столу.

«Такъ, такъ, изъ-за нея,—мыслила тѣмъ временемъ старуха, — изъ-за Поликсены ты и пріѣхалъ, чуть смогъ вырваться оттоль... Знаю тебя! отъ гордости молчишь, — а самъ бы кинулся, готовъ просить: голубушка, родная, здорова ли она, жива ль?»

Офицеръ, сгорбившись, молчалъ. Филатовна не выдержала.

— Не закусишь ли съ дороги? Молочка, сбитню не согрѣть ли?

Гость отказался.—«Ну, Богъ съ нимъ, сердечнымъ, усталость, знать, одолѣла».— Старуха постлала ему постель въ собственной спальнѣ, дала ему огарокъ свѣчи, а разспросъ о сердечныхъ его дѣлахъ отложила до другого раза: «всякъ божій день не безъ завтрашняго».

Офицеръ раздѣлся, досталъ изъ чемодана святцы и образокъ, поставилъ его въ углу на столѣ, раскрылъ святцы, разсѣяннымъ взоромъ прочелъ нѣсколько страницъ, перевелъ глаза къ темному окну и долго молился, кладя земные поклоны и прося у Бога новаго терпѣнія и новыхъ силъ.

«Родина, дорогая родина!—мыслилъ онъ,—вотъ она, наконецъ, и я опять среди нея... Храмъ Соломона!.. далеко, кажется, до него... На чемъ-то они теперь стоятъ, чего держатся? Освѣтилъ ли ихъ хоть малость свѣтъ истинной жизни, свѣтъ разума и вышней братской любви? Или все тотъ же этотъ край, хмурный, непривѣтный, запустѣлый и вѣющій холодомъ?..»

— Что? легъ спать? — перегодя, спросилъ Бавыкину, встрѣтясь съ нею въ общихъ сѣняхъ, академикъ.

— Спитъ, — нѣхотя отвѣтила Филатовна: — еще бы! намаялся сердечный: столько дёнъ, сломя голову, скакалъ. А вамъ, сударь, что до него?

— Да я такъ, новостей онъ привезъ, и любопытно разспросить.

— Ну, только, ужъ извините, это завтра...

— А какъ, бишь, упомнилъ, фамилія этого вашего гостя?

— Родомъ малороссіянецъ, и имя ему Василій Яковлевичъ Мировичъ... Сызмальства... Да что! спокойной ночи, сударь... Только опять же совѣтую,—хоть вы и хозяинъ—не держите долго огня... Все-то у васъ бумаги, да книжки... пожаръ еще, упаси Господи, не напроворили бъ... и то вотъ на погорѣломъ дворищѣ построились...

«Ишь козырь, доброобычайная старица, какъ распекаетъ! — улыбнулся академикъ, съ потупленной головой, вновь пробираясь въ свои горницы: — да, оно и лучше! и здоровью легче. — Вотъ печень намедни какъ было опять разгулялась! и дѣлъ, по правдѣ, не оберешься. Мозаику кончать, о метеорахъ писать... Баста!.. Скудель тѣсная — существа предѣлъ!.. Прощай, былые годы!.. Mens sana in corpore sano»...

— Настасья Филатовна, кто, скажите, вашъ хозяинъ?— спросилъ Мировичъ изъ спальни, уже впотьмахъ:—я и забылъ освѣдомиться.

— И этотъ тоже! да что съ вами подѣлалось?.. точно сговорились! Пара онъ тебѣ, что ли? Коллежскій совѣтникъ,—почитай бригадиръ... Спать пора! индо напугалъ.

Василій Яковлевичъ Мировичъ крѣпко заснулъ. Міръ давно забытыхъ картинъ охватилъ его. Ему грезились давніе, дѣтскіе и отроческіе годы, утрюмая Сибирь, потомъ украинскій тихій хуторъ, старый заповѣдный лѣсъ и пчелы,

бѣдность и горести нѣкогда богатой и знатной, потомъ гонимой судьбою, разоренной и обѣднѣвшей семьи.

II.

Прошлое Мировича.

Предокъ Мировича, во время казни гетмана Остраницы, былъ въ Варшавѣ, съ другими плѣнными казацкими сотниками, прибитъ гвоздями къ осмоленнымъ doскамъ и сожженъ медленнымъ огнемъ.

Его прадѣдъ, Иванъ Мировичъ, переяславскій полковникъ, былъ бѣшеной храбрости человѣкъ. Гетманъ Мазепа выдалъ за него, вторымъ бракомъ, выписанную изъ Польши свою сестру, Янелю. Разгромивъ татаръ у Перекопа и Очакова, Иванъ Мировичъ возилъ въ Москву плѣнниковъ и пушки, и, возвратясь оттуда съ щедрыми подарками, началъ строить каменный переяславскій покровскій соборъ, но вскорѣ скончался. Здѣсь, по его заказу, на большомъ запрестольномъ образѣ, весьма схоже, былъ изображенъ Петръ I, возлѣ него гетманъ Мазепа и духовенство, поодаль придворныя дамы, народъ и казацкое войско, а надъ всѣми, въ облакахъ, Покровъ эллинской Божіей Матери. У этой еще неоконченной церкви, по преданію, гетманъ Мазепа, поскользнувшись, упалъ съ конемъ. — «Не къ добру!» — сказалъ народъ и вспомнилъ это послѣ полтавскаго боя.

Сынъ Ивана отъ перваго брака, Ѳедоръ Мировичъ, былъ генеральнымъ есауломъ Орлика. Посланный вельможнымъ дядей-гетманомъ въ Польшу, подъ команду Паткуля, завзятый рубака, Ѳедоръ Мировичъ не вынесъ «муштры» нѣмца, бившаго казаковъ палками, и возвратился съ даннымъ ему полкомъ въ Украйну. Мазепа отплатилъ племяннику. Въ 1706 г. огромныя силы шведовъ осадили Мировича въ Ляховичахъ. Мазепа, сославшись на половодье, не доставилъ ему помощи. Брошенный своими, тѣснимый врагомъ, полковникъ Ѳедоръ Мировичъ сдался съ отрядомъ и былъ увезенъ въ цѣпяхъ въ Стокгольмъ. Церковь въ Переяславлѣ, заложенную его отцомъ, достроила впослѣдствіи его жена, племянница гетмана Самойловича, Пелагея Захаровна, урожденная Голубина. Освободившись изъ плѣна, Ѳедоръ Мировичъ жилъ нѣкоторое время въ Турціи, потомъ въ Вар-

шавѣ у Вишневецкаго, гдѣ и умеръ. За сношенія Ѳедора Иваныча съ угнетенной родиной, Петръ I-й сослалъ его жену и сыновей въ Сибирь и отобралъ въ казну имѣнія не только виноватаго передъ нимъ Ѳедора Мировича, но и ни въ чемъ неповинной его жены.

Юныхъ сыновей Ѳедора Иваныча государь, спустя нѣкоторое время, помиловалъ. Мировичей отпустили изъ Сибири въ Черниговъ, къ ихъ дядѣ, знаменитому Павлу Полуботку который въ 1723 г. отвезъ ихъ въ Петербургъ, и помѣстилъ, для прохожденія наукъ, въ академическую гимназію. Здѣсь они были недолго. Полуботокъ кончилъ жизнь въ крѣпости, племянники остались безъ средствъ и отъ бѣдности бросили науку. Старшій изъ нихъ, Петръ, получилъ мѣсто секретаря при дворѣ великой княжны Елисаветы Петровны; младшаго, Якова, взялъ къ себѣ изъ милости польскій посланникъ, графъ Потоцкій, съ которымъ тотъ побывалъ и въ Польшѣ. Но было вскорѣ перехвачено письмо Петра Мировича въ Варшаву къ отцу, съ копіей указа о Полуботкѣ и съ извѣстіемъ о притѣсненіяхъ малороссійскаго народа. Братьевъ опять арестовали и перевезли въ Москву, потомъ въ 1732 г. снова выслали, подъ видомъ боярскихъ дѣтей, въ Сибирь, гдѣ Петръ Мировичъ дослужился мѣста управителя заводской исетской конторы, а впослѣдствіи даже былъ назначенъ воеводой енисейской провинціи.

Во время коронаціи Елисаветы въ Москвѣ бывшій еще недавно пѣвчій цесаревны, Алёшка, теперь же всесильный и вельможный графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій напомнилъ императрицѣ о судьбѣ своихъ забытыхъ земляковъ, Мировичей. Государыня лично въ сенатѣ, въ 1742 г., объявила именной указъ, которымъ обоимъ братьямъ Мировичамъ, послѣ вторичной десятилѣтней ссылки въ Сибирь, даровалось прощеніе и предоставлялось служить, гдѣ они захотятъ. Они пожелали докончить вѣкъ на покоѣ, на родинѣ, куда, послѣ нѣкотораго пребыванія въ Москвѣ, и переѣхали.

Старая «Мировичка», мать Петра и Якова Ѳедорычей, Пелагея Захаровна, была отпущена изъ Сибири въ Маллороссію двумя годами позже сыновей. Тщетно она подавала изъ ссылки и изъ Малороссіи прошенія царицамъ Аннѣ и Елисаветѣ, умоляя ихъ о возвращеніи ей, если не мужниныхъ, то хотя бы части ея собственныхъ, приданыхъ и благопріо-

брѣтенныхъ имѣній. На всѣ ея прошенія были получены отказы. Нѣкогда вольможная пани-есаульша, родня по мужу Полуботкамъ, Мокіевскимъ, Забѣлло и Ломиковскимъ, и жена гетманскаго племянника, Пелагея Захаровна умерла, по возвращеніи на родину, въ бѣдности. Богатая и знатная, также ограбленная ея родня не туда смотрѣла, сыновья пособлять не могли, а что̀ получала она отъ немногихъ старыхъ друзей, употребляла на додѣлки неконченнаго свекромъ и мужемъ собора.

Отставной енисейскій воевода, Петръ Ѳедорычъ Миро̀вичъ, былъ нрава буйнаго, заносчиваго и дикаго. Въ Сибири онъ, между прочимъ, былъ одно время подъ слѣдствіемъ за то, что, въ качествѣ управителя енисейской провинціи, явился въ воеводскую канцелярію въ халатѣ и въ колпакѣ, и тамъ передъ зерцаломъ обругалъ первостатейныхъ купцовъ самыми непотребными словами. Слѣдователи, впрочемъ, его оправдали. Возвратясь изъ Сибири въ Москву, а потомъ на родину, онъ не укротилъ своего нрава. Будучи бѣденъ и гордъ и доживая вѣкъ гдѣ-то въ глухомъ мѣстечкѣ, на небольшомъ пособіи отъ какого-то сосѣдняго магната, онъ никому не уступалъ и умеръ отъ запоя, изрубивъ передъ кончиной полицейскаго офицера за то, что тотъ передъ нимъ не снялъ шляпы.

Братъ Петра, Яковъ Миро̀вичъ, былъ нрава кроткаго и тихаго, притомъ съ дѣтства слабый здоровьемъ. Наука ему плохо далась. Петербурга, гдѣ онъ нѣкоторое время былъ въ академической гимназіи, какъ и нахожденія у Потоцкаго, онъ почти не помнилъ. Во время первой ссылки, въ Тобольскѣ, онъ обучался въ школѣ у нѣкоего «несчастливца» Сильвестровича, который хорошо игралъ на скрипицѣ, но по-русски почти не говорилъ. Женившись на небогатой купеческой дочкѣ Акишевой, во время пребыванія въ Москвѣ, Яковъ Ѳедорычъ, при жизни матери и брата, кое-какъ еще содержалъ семью. По смерти же ихъ, онъ впалъ въ окончательную нищету, овдовѣлъ, огрубѣлъ и, одичавъ отъ бѣдности, ужъ мало чѣмъ отличался отъ любого простолюдина-батрака: ходилъ въ сермягѣ и въ дегтярныхъ сапогахъ и нанимался у сосѣдей-помѣщиковъ то въ ключники, то въ объѣздные, торговалъ нѣкоторое время водкой, гонялъ на продажу гурты скота, а состарѣвшись и не видя себѣ ни въ чемъ удачи и успѣха, сѣлъ у хуторянина-кума Данилы

Майстрюка, въ лѣсу на пасѣкѣ, глядѣть пчелъ. Кумъ Данило держалъ отъ какого-то графа на арендѣ клочекъ той самой земли, которая была отнята у отца Мировича.—«Тутъ и умру! — сказалъ себѣ Яковъ Өедорычъ, сидя у стараго отшенника, въ заповѣдной, медвяной яворщинѣ кума: сложу здѣсь кости! земля все-таки наша»...—«А сынъ? а дочери?» — спрашивалъ себя старикъ.

У Якова Өедорыча Мировича, отъ рано-умершей и такой же, какъ онъ, плохой здоровьемъ жены, остались четверо дѣтей: три дочери, Прасковья, Аграфена и Александра, и сынъ Василій. Дочекъ разобрали по рукамъ добрые люди. Мальчикъ подросталъ при отцѣ.

Зимой Вася учился на хуторѣ у дьячка, лѣтомъ помогалъ отцу у пчелъ, носилъ ему въ лѣсъ обѣдать и ужинать, плелъ корзины, строгалъ бабамъ ложки и веретена, игралъ на дудкѣ и торбанѣ. Кто-то забросилъ въ рѣку сѣраго щенка; Вася съ плачемъ кинулся, чуть не утонулъ, но успѣлъ его спасти и выростилъ.

Разъ услыхалъ отецъ, какъ его десятилѣтній Василь въ церкви поетъ и читаетъ апостола, и задумался. — «Нѣтъ, ему жить не въ лѣсу, не на селѣ! — сказалъ себѣ Яковъ Өедорычъ,—другимъ удается,—попытаюсь и я о немъ! Все-же онъ дворянской крови... Предки знатные были и не подъ тыномъ валялись... А царица Лизавета Петровна до Украйны милостей своихъ еще на замуровала въ стѣну»... Думалъ онъ долго, и рѣшился, наконецъ, устроить судьбу сына.

Это случилось восемь лѣтъ назадъ, а именно въ 1754 году.

Былъ жаркій лѣтній день.

Изъ Малороссіи въ Петербургъ, на парѣ воловъ и на простомъ мужицкомъ возу, пріѣхалъ путникъ—высокій, костлявый, лѣтъ за пятьдесятъ. Онъ былъ въ долгополой, черной свитѣ и въ сѣрой, барашковой шапкѣ. Самъ сѣдъ, а черные глаза, какъ угли, свѣтились изъ-подъ насупленныхъ бровей. На возу у него сидѣлъ мальчикъ, лѣтъ тринадцати, съ небольшимъ. У воза шла сѣрая лохматая собака. Ѣхали они проселками, продовольствовали воловъ на подножномъ корму, сами питались сухарями. Отправились изъ дому въ срединѣ апрѣля, прибыли въ Петербургъ въ началѣ іюня. Въ дорогѣ, слѣдовательно, находились почти два мѣсяца. То были Яковъ Өедорычъ Мировичъ и его сынъ Василій.

Остановились они на отдыхѣ на обширномъ, поросшемъ густою зеленою травой, Адмиралтейскомъ лугу (нынѣшняя Исаакіевская площадь, съ новымъ садомъ). Выпрягли воловъ, умылись въ Невѣ, Богу помолились и закусили. Мальчикъ, болтая босыми ногами въ рѣкѣ, примѣтилъ подъ бастіонами крѣпости (на мѣстѣ нынѣшняго адмиралтейскаго бульвара) стадо пасшихся на травѣ придворныхъ коровъ, и подогналъ къ нимъ своихъ круторогихъ. Старикъ вынулъ изъ-за пазухи бумагу, долго думалъ надъ ней, сунулъ ее опять на мѣсто и, съ кнутомъ въ рукѣ, пошелъ кого-то отыскивать по Невской «першпективѣ».

Мальчикъ, тѣмъ временемъ, вышелъ съ собакой на площадь и сталъ разглядывать городъ. Все его занимало: красота и обширность зданій, пушки на бастіонахъ, шумъ уличной ѣзды и суета рабочихъ, съ криками и пѣснями выгружавшихъ въ то время съ канала, у нынѣшней разводной дворцовой площадки, послѣдній камень, кирпичъ, громадныя бревна и доски для постройки, тогда заложеннаго Растреліемъ, нынѣшняго Зимняго дворца. Залюбовался мальчикъ и золотыми, ярко горѣвшими на солнцѣ, шпицами адмиралтейства, Петропавловскаго собора и прежней Исаакіевской церкви, стоявшей близъ того мѣста, гдѣ теперь памятникъ Петру. Обернулся мальчикъ назадъ, передъ нимъ, въ безконечную даль, тянулась, вся въ яркой зелени густыхъ, въ четыре ряда, высокихъ липъ, Невская першпектива. А по ней шли нарядные господа, скакали верхомъ военные, мчались цугомъ раззолоченныя кареты.

Яковъ Ѳедорычъ, со словами: «а будьте ласковы, скажите, гдѣ тутъ?»—снималъ шапку чуть не передъ каждымъ прохожимъ. Всѣ дивились на него, на его рѣчь, одежду и на почернѣлое отъ зноя, съ сѣдыми усами, лицо. Прохожіе пожимали плечами и шли далѣе. Горожанамъ было не до него; да украинца рѣдко кто и понималъ.

Понялъ и выслушалъ Якова Ѳедорыча случайно встрѣченный имъ у тогдашняго деревяннаго Аничкова моста, нѣкій важный и съ виду гордый человѣкъ. Съ двойнымъ подбородкомъ и объемистымъ животомъ, этотъ господинъ, отдуваясь и еле передвигая ноги, шелъ въ вощанковой зеленой шляпѣ, въ голубомъ камзолѣ и въ красныхъ башмакахъ.

День былъ душный. Незнакомецъ, несмотря на свой на-

рядъ, несъ съ живейнаго рынка, бывшаго за мостомъ, на Литейной, въ одной рукѣ—пукъ зелени, а въ другой—пару, перевернутыхъ вверхъ ногами, живыхъ каплуновъ. Мировичъ съ поклонами передалъ и ему, въ чемъ дѣло. Пузанъ оказался его землякомъ.

— Такъ тебѣ, землячекъ, графа Разумовскаго?—сказалъ онъ, поморщившись и крякнувъ.

— Его-жъ, его-жъ... Розума нашего и кормильца!...

— Квартируетъ онъ въ самомъ царскомъ дворцѣ, а съ мѣсяцъ, за передѣлками тамъ, вотъ гдѣ проживаетъ!—гордо ткнулъ пучкомъ зелени важный господинъ, указывая, черезъ поросшій травой берегъ Фонтанки, на жестяные куполы Аничкова дворца:—то будетъ его хижка... Царица ему подаровала... Что хорошо?

— Фить-фить!—засвисталъ удивленно старый Мировичъ:—а вы-жъ, ваше сіятельство, чѣмъ будете? и какъ васъ титуловать?

— Кофи-шенкомъ у графа!—еще важнѣе пыхнулъ сквозь зубы толстякъ:—и я тебѣ, землячекъ, подозволь, такъ и быть, въ чемъ нужно, помогу...

— Какъ же это кофи-шенкъ? въ какомъ будетъ рангѣ?

— А то же, почитай, что гофъ-диннеръ,—пускалъ пыль въ глаза толстякъ:—мало чѣмъ меньше тафельдекера, а то и больше того...

Мировичъ снялъ шапку и ужъ ее не надѣвалъ.

Землякъ привелъ его къ Аничкову саду, занимавшему въ то время все мѣсто, гдѣ теперь площадь съ Александринскимъ театромъ, памятникомъ Екатерины и Публичной библіотекой. Они обогнули этотъ садъ со стороны Гостинаго двора, и отъ заводей Фонтанки и Чернышовскихъ прудовъ, бывшихъ на мѣстѣ нынѣшнихъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, подошли къ небольшой садовой калиткѣ. Вожатый, на разставаньѣ, далъ Мировичу нѣсколько наставленій и обѣщалъ, если понадобится, пристроить его на квартирѣ.

— Вонъ, малый, крыльцо,—указалъ онъ въ калитку на одинъ изъ лѣтнихъ павильоновъ дворца: — ступай прямо туда... Изъ прихожей будетъ тебѣ, братецъ, свѣтличка,—въ ней графъ завелъ теперь принимать просителей... Тамъ, коли не опоздалъ сегодня, и дожидайся...

Мировичъ, тѣнистыми, пахучими аллеями, прошелъ къ

указанному павильону, заглянулъ въ прихожую — ни души, заглянулъ въ пріемную — тоже никого: постоялъ у порога, раза два кашлянулъ и, какъ былъ, въ черной свитѣ и смазанныхъ дегтемъ сапогахъ, поджавъ ноги, присѣлъ на голубую, штофную, съ золотыми точеными ножками софу.

Долго онъ дожидался. Никто не приходилъ и не подавалъ голоса. Пріемъ, очевидно, кончился. Но разъ попавъ такъ легко къ высокому графу,—о которомъ онъ, какъ о благодѣтелѣ своей семьи, столько наслышался и про котораго такая слава и такой говоръ стояли на родинѣ,—Мировичъ рѣшился, во что бы то ни стало, ждать. «А какъ выгонятъ?.. Ну, дворянина, пожалуй, и не посмѣютъ...»

Въ комнатѣ было еще жарче, чѣмъ на дворѣ.

Мухи то-и-дѣло садились на потное, обросшее за дорогу, лицо украинца. Мировичъ то дремалъ отъ усталости, то, съ досадой и бранью, отмахиваясь отъ мухъ, ловилъ ихъ на-лету и давилъ. Одна особенно назойливо и долго приставала къ нему. Онъ ее согналъ съ шеи, — она укусила его за щеку и пересѣла ему на колѣно. Стиснувъ зубы, онъ прицѣлился на нее, хлопнулъ по ногѣ, но промахнулся: муха увильнула, посновала по комнатѣ и опустилась на большую, японскую вазу. Задремалъ въ тишинѣ Мировичъ. Солнечные лучи, врываясь сквозь вѣтви тихо трепетавшихъ липъ, яркими, извилистыми просвѣтами играли по паркету, бронзѣ и зеркаламъ. Муха опять сѣла на щеку Мировича, жужжа и путаясь въ усахъ, укусила его и вновь улетѣла на вазу. «А, каторжная!—проворчалъ Мировичъ:—постой же! шкода! теперь не уйдешь!»

Онъ всталъ и тихо, на цыпочкахъ, началъ подкрадываться къ обидчицѣ; изловчился, размахнулся, но муха снова мимо, а ваза съ громомъ рухнула съ поставца и разлетѣлась вдребезги.

Рѣзная лаковая дверка отворилась въ углу комнаты. За нею показалась пола бархатнаго вишневаго халата, звѣзда на лацканѣ и румяное, удивленное, а вмѣстѣ смѣющееся лицо: густыя черныя брови, каріе, съ поволокой и краснинкой, глаза и вздрагивавшія отъ позывовъ къ смѣху, крупныя и влажныя, добрыя губы...

— А що, земляче, піймавъ?—раздался голосъ пышущаго здоровьемъ, сорокалѣтняго вельможи, узнавшаго въ гостѣ земляка.

Яковъ Өедорычъ упалъ передъ нимъ на колѣни. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій милостиво ободрилъ растерявшагося просителя, ласково ввелъ его въ свой кабинетъ, усадилъ въ кресло и сталъ разспрашивать, кто онъ и какъ сюда попалъ?

— Знаю, знаю, сердце!.. Но неужто на волахъ?—спросилъ, удивленно поднявъ брови, Разумовскій;—не шутишь? такъ-таки, го̀лубе сизый, на во̀ликахъ, да еще, можетъ, и на сѣрыхъ?..

— На сирыхъ, ваша графская свѣтлость, ни сирыхъ...

— И пого̀нычa, хло̀пчика, вѣрно, взялъ?

— Сына... подросточка...

— Давай же его, голубоньку, сюда, можетъ, и пѣсни играетъ? гдѣ онъ?

— На лугу, у новаго дворца, скотину съ собакою пасетъ.

— Какъ? гдѣ?..

Миро̀вичъ объяснилъ. Графъ окончательно покатился со смѣху...

— Вотъ такъ придумалъ!—бархатнымъ пѣвучимъ горломъ выводилъ Разумовскій:—кто жъ тебя ко мнѣ направилъ?

Миро̀вичъ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ кофи-шенкомъ графа, который и на квартирѣ, у тещи своей, обѣщалъ его пристроить.

— Какой кофи-шенкъ? и что̀ ты, диду, городишь?—опять зашевелилъ поднятыми бровями графъ:—землякъ? и толстый? А!.. такъ вотъ оно кто... Юрченко Абрашка! Ну, назвался же, собачій сынъ, какимъ титуломъ... А онъ у меня за подручнаго въ поварнѣ на людской... Кофи-шенкомъ же, друже, у меня французъ Брію̀шь, и такая, скажу тебѣ, шельма искусная, да гордая, что Абрашку еще за вихры отдубаситъ, какъ узнаетъ о его самозванствѣ... Такъ, такъ, онъ самый и есть! и у его тещи, Бавыкинши, свой домъ на острову... и отлично...

Разумовскій позвонилъ.

— Ѣзжай же ты, сердце, къ ней, — сказалъ онъ: — а завтра въ эту же пору—или нѣтъ, постой,—лучше къ вечеру,—будь ты опять у меня, да, непремѣнно, съ сыномъ и на волахъ... Тогда и о дѣлѣ твоемъ потолкуемъ. А теперь нѐкогда,—ѣду во дворецъ.

За стѣной послышалась суета. Поспѣшно вошелъ разодѣтый въ золотую ливрею слуга, за нимъ—другой.

— Торо̀хъ. торо̀хъ, посыпался горохъ!.. Эка, центюхи... Вы спите тамъ, — сказалъ Разумовскій: — а тутъ, чтобъ чортъ такъ и этакъ побилъ вашего батька — добрый человѣкъ дожидается... Позвать повара Абрашку.

Вошелъ Абрамъ. Миро̀вичъ глазамъ своимъ не вѣрилъ: куда дѣлась важность мнимаго кофи-шенка,—и животъ осунулся, и куда-то въ камзолъ спрятался двойной, вспотѣвшій подбородокъ.

— Не пьянъ сегодня? — спросилъ, строго хмуря брови, графъ: — ну, и отлично! рѣдко съ вами, архибестіи, бываетъ... Такъ вотъ же что... Бери ты, Абрашка, вотъ сего сизаго голубя къ своей тещѣ на постой, да береги его, слышишь, пуще глазу... Угости тамъ, успокой и покажи ему и его хло̀пцу столицу... А это ему пока на расходъ.

Графъ бросилъ повару кошелекъ.

На другой день государыня Елисавета Петровна пила у графа, въ Аничковскомъ саду, вечерній чай. Прибыла она изъ лѣтняго дворца, гдѣ теперь инженерный за̀мокъ, на катерѣ съ гребцами и съ роговою музыкою. Катеръ въѣхалъ изъ Фонтанки прямо въ прудъ, бывшій тогда среди Аничкова двора.

Государынѣ въ саду графомъ были представлены Яковъ Ѳедорычъ и его сынъ Василій. Мальчикъ игралъ императрицѣ на торбанѣ, пѣлъ «Го̀рлицу», «Грицявъ», — плясалъ «трепака» и декламировалъ хвалебный, въ честь царицы сложенный въ то время кіевскими бурсаками кантъ. Государыня прослезилась. Но, спустя недѣли три, когда ей отъ сената доставили справку о томъ, за что ея покойный родитель отобралъ въ казну имѣнія Миро̀вичей, она не нашла возможнымъ исполнить просьбу Якова Ѳедорыча.

— Чуда̀сія мосьпане, да и полно!—во̀скликнулъ, топорща брови, неуспѣвшій въ своей протекціи Разумовскій: — не все, бра̀тику, по-нашему! — пивень каже кудкуда̀къ, а курочка—не такъ! Но дѣло твое, не унывай, еще выгоритъ... Докажи, чуешь, что въ отобранныхъ у васъ помѣстьяхъ были родовыя, собственныя ма̀етности твоей матери. А безъ того — чтобъ имъ боля̀чка, — не можно... убей Богъ, не можно... Посуди... сенатъ въ твою пользу не доложитъ... Сказано: москали! лыкомъ вязано, въ лыкахъ ходитъ, подъ лыкомъ спитъ... Видишь, сердце, какія у нихъ прицѣпки,

да щупы,—на три аршина, собаки, подъ землей щупаютъ. Нельзя... финанціи, казенный интересъ!..

Слезы прошибли Мировича. Онъ не ожидалъ отказа и неуспѣха, когда добился свиданія не только съ графомъ, но и съ царицей, подбиралъ, что̀ бы еще сказать, и не находилъ словъ.

— А о хлопчикѣ твоемъ, о сынѣ, и не думай!—сказалъ тронутый его горемъ графъ:—государыня, до его великовозрастія, возьметъ его подъ свою опеку и милость. И такой-сякой я буду, слышишь, коли вру! Наплюй тогда въ глаза... Завтра же велитъ его записать въ кадеты, въ шляхетный здѣшній корпусъ,—бо онъ у тебя, бра̀тику, все-таки дворянинъ, нельзя! э! того нельзя!.. Да еще вонъ какой до чорта письмѐнный... стихи важно дуетъ—и дискантъ преизрядный... Безъ каммертона, сразу верхнія ноты, собачій сынъ, беретъ... Го̀рлицу, не ходи Грицю, какъ отчикрыжилъ!.. Херувимскую московскую тоже вонъ знатно спѣлъ, безъ ошибокъ; да, полагаю, и по придворному, концертному, скоро насобачится... А воловъ своего кума, сердце, знаешь, лучше оставь тутъ,—продай ихъ хоть и мнѣ... Славные волы! и жалко ихъ, жиду, опять гнать, бѣсъ его знаетъ, и куда... Я бы, слышишь, послалъ ихъ на дачу тутъ свою, въ Гостилицы... У меня, сердце, тамъ дворецъ, а какіе луга! Неха́й бы ходили, шанова̀лись, да радовались по па̀шѣ... Гей, гей, ро̀дина, хуторы наши, раздолье... Эхъ-ма! А, впрочемъ, какъ знаешь. Братъ Кирило въ Батуринъ новоманѐрную мебель посылаетъ себѣ на-дняхъ въ гетманскій дворецъ... Такъ и ты бы, можетъ, поѣхалъ съ его хло̀пцами...

Яковъ Ѳедо́рычъ поблагодарилъ, но, пристроивъ сына въ корпусъ, поѣхалъ съ лохматымъ сѣркомъ домой на волахъ.

По возвращеніи на родину, старикъ протянулъ недолго: простудился осенью на пасѣкѣ и умеръ. Объ этомъ написали молодому Миро̀вичу сестры, жившія по людямъ въ Москвѣ. Зять Бавыкиной, Юрченко, потерявъ отъ преждевременныхъ родовъ жену, запилъ съ горя на графской кухнѣ и также въ томъ году скончался.

Настасья Филатовна, на своемъ сиротствѣ, незамѣтно и крѣпко привязалась къ Васѣ Миро̀вичу; брала неуклюжаго и на первыхъ порахъ медвѣдеобразнаго, а потомъ рѣзваго

и шустраго, миловиднаго кадетика къ себѣ по праздникамъ, ласкала его, журила и няньчила, какъ родного. Изъ кадетика вышелъ вскорѣ кадетъ, изъ тощаго заморыша-мальчёнки—рослый и полный здоровья юноша, который не зналъ, куда дѣть вытянувшіяся руки и ноги; не по днямъ, а, казалось, по часамъ, такъ и выпирало его изъ казеннаго узкаго кафтанишки.—«И куда ты это, Васёнька, лѣзешь въ гору, такъ растешь?—говорила старуха:—инъ скоро ужъ, пожалуй, и рукой не досягну до твоего вихрà!»

Сперва Вася лазилъ во дворѣ у Настасьи Филатовны по крышамъ, по яблонямъ и березамъ, гонялъ голубей, въ свайку да въ бабки игралъ съ уличными мальчишками. Ссадины не сходили у Васи съ носа, синяки съ висковъ. Филатовна то-и-дѣло чинила его камзольчики и штанишки, штопала ему чулки. Но вотъ Вася окончательно вытянулся и остепенился. Сухощавый, скулистый, плечистый, будто увалень, а въ черныхъ глазёнкахъ такъ и бѣгаютъ огоньки. Ландшафты рисуетъ красками и миніатюрой, хитрыя виньеты къ нотамъ Разумовскому чертитъ и ему носитъ. Ходитъ съ книжкой по саду Бавыкиной, вслухъ читаетъ какіе-то стихи; говоритъ, что твердитъ роль для кадетскаго театра. Зеленый ученическій кафтанъ на немъ чистъ, русая коса въ завиткахъ и припомажена; шляпа на три угла, какъ съ иголочки, бѣлыя манжеты и чулки отнюдь не примараны. Ему исполнилось восемнадцать лѣтъ. Въ корпусѣ онъ былъ уже шестой годъ.

— Кто же васъ тамъ àхтерству этому обучаетъ?—спрашивала его Филатовна.

— Самъ Александръ Петровичъ, самъ господинъ Сумароковъ!—отвѣчалъ Вася Мировичъ:—и мы играли намедни, на домашнемъ нашемъ театрѣ, его комедію «Чудовищи», а въ скорости при дворѣ, въ собственныхъ внутреннихъ аппартаментахъ государыни, будемъ играть его же тражеди «Гамлета»... Ахъ! какіе стихи, какіе!

«... Люблю Офелію, но сердце благородно
«Быть должно праведно, хоть плѣнно, хоть свободно...»

Сердце кадета Мировича, на самомъ дѣлѣ, вскорѣ было плѣнено. Онъ нашелъ свою Офелію и сразу влюбился въ нее страстно, безъ ума, о чемъ признался товарищу, уроженцу харьковскаго намѣстничества.

Случилось это въ 1759 году, незадолго до выпуска стар-

шаго курса изъ корпуса. Въ Петербургѣ и въ окрестныхъ дачахъ вельможъ, по случаю пріѣзда принца Карла Саксонскаго, шли непрерывныя празднества и торжества,—съ качелями, каруселями, катаньемъ съ горъ, рыбными ловлями, стрѣльбой въ цѣль и театрами.

Въ Гостилицахъ, на дачѣ Разумовскаго, давали переведенную съ французскаго пьесу: «Пастухъ и прегордая пастушка». Кадетъ старшаго курса, Мировичъ, кончившій геометрію и фортификацію съ аттакой и изучавшій въ томъ году у корпуснаго ученаго адъюнкта, Флюга, гражданскую юриспруденцію, натуральное право и нѣмецкій штиль, игралъ роль пастуха. Роль пастушки исполняла одна изъ хорошенькихъ и веселыхъ камеръ-медхенъ императрицы Елисаветы, Поликсена Ивановна Пчёлкина,—непомнящій родства подкидышъ. Свою фамилію она получила вслѣдствіе того, что государыня, встрѣтивъ въ коридорахъ дворца кудрявую, съ сѣрыми глазками и съ золотистыми волосами, дѣвочку, остановилась и сказала: «Вотъ распѣваетъ, жужжитъ, точно пчёлка!»—Съ той поры она и осталась Пчёлкиной.

Влюбленный въ неприступную и гордую пастушку на сценѣ пастухъ-Мировичъ поймалъ ее врасплохъ за кулисами, обнялъ за талію и, страстно припадая къ ея розовымъ, съ ямочками, набѣленнымъ и облѣпленнымъ мушками щекамъ, нѣжно прошепталъ изъ своей роли:

«Когда жъ бѣдняжку-пастуха—
«Когда полюбишь ты, пастушка?..»

Пчёлкина вырвалась отъ него, оправила смятыя блонды и ленты и, сдѣлавъ вздыхателю реверансъ, съ насмѣшливой важностью, отвѣтила также стихами разыгранной пасторали:

«Когда ты будешь богачомъ,
«Вельможей, а не пастухомъ,—
«Чтобъ не въ убогой жить намъ хатѣ,
«А въ роззолоченной палатѣ...»

Тѣнь всякаго спокойствія, съ той поры, покинула влюбленнаго кадета. Гражданская юриспруденція, нѣмецкій штиль и натуральное право Флюга были заброшены. Ихъ замѣнили безсонныя ночи, вздохи, писаніе страстныхъ и нѣжныхъ мадригаловъ, а въ промежуткахъ, съ горя — попойки съ городскими кутилами и карты.—«Хохлёнокъ сду-

рѣлъ!» — говорили товарищи. И точно: Мировичъ сталъ раздражителенъ, мраченъ, ушелъ въ глубь себя. Бавыкина собиралась не разъ вызвать на голову завертѣвшагося своего любимца громы и молніи со стороны Разумовскаго. Но всесильный графъ давно забылъ и думать о юношѣ, который когда-то пѣлъ кантъ и плясалъ «журавля» въ его саду, хотя при встрѣчахъ съ нимъ обыкновенно шутилъ: «Виньеты славно чертишь, и херувимовъ, и гербы... А постой, одначе, постой! Хочешь, кукòночка, варенниковъ? и когда на волахъ до дому?»

Днемъ, повидавъ украдкой Пчёлкину, Мировичъ вписывалъ въ свой дневникъ стансы къ милой:

«Лишенъ любовныхъ разговоровъ,
«Я вижу тѣнь твою съ собой...
«И, ахъ! твоихъ не зрю хоть взоровъ,
«Но мысль всегда, вездѣ съ тобой...»

Вечеромъ, въ корпусномъ дортуарѣ или въ душномъ служительскомъ чуланѣ, онъ рѣзался съ богатыми изъ товарищей въ ля-мушъ и въ фараонъ. Жажда выиграть, разбогатѣть тянула его къ себѣ, и онъ, къ собственному удивленію, выигрывалъ. Сперва серебро, а потомъ и золото завелись у кадета. Нерѣдко полные карманы рублевиковъ таскалъ онъ къ Настасьѣ Филатовнѣ.

— Откуда берешь, пострѣлъ?—допрашивала она.

— Спрячьте, голубушка, спрячьте бережнѣе, а то опять спущу!..—отвѣчалъ онъ:—это для Полиньки! все ей... какъ выйду въ офицеры, посватаюсь и женюсь...

Молва о счастливой игрѣ Мировича дошла и до начальника корпуса, богатаго и знатнаго князя Юсупова. Строгій распорядитель и любимецъ ввѣренныхъ ему питомцевъ, онъ тоже былъ страстный игрокъ.

— А играешь ли въ рокамболь? — спросилъ его однажды князь.

Мировичъ въ это время готовился къ окончанію экзаменовъ.

— Во что угодно-съ...

— И въ вистъ-руаяль?

— И въ вистъ...

— Почемъ роберъ?

— Хоть по десять рублевъ.

— Вотъ какъ! А въ пикетъ знаешь?

— Знаю.

— Ну, приходи ко мнѣ: завтра Срѣтеніе, праздникъ, — сыграемъ во что-нибудь...

Мировичъ за два дня передъ тѣмъ видѣлся съ Поликсеной у знакомой Настасьи Филатовны, у поручицы Птицыной, и все время послѣ встрѣчи съ обожаемой, неприступной красавицей былъ какъ въ чаду. Онъ усердно помолился объ успѣшной игрѣ, даже обѣщалъ поставить свѣчку у Исаакія, если выиграетъ, и, вопреки совѣтамъ товарища-харьковца, пошелъ на квартиру къ Юсупову.

— Ну, сядемъ въ бириби,—сказалъ вельможный начальникъ, кладя карты на столъ:—огурчики, огурцы, пошли въ дѣло молодцы!.. такъ ли? ну-ка, сивая, пойдемъ въ походъ!.. деньги есть?

Кадетъ показалъ дукаты. Юсуповъ поставилъ возлѣ себя ларецъ. Они стали играть. «Мать пресвятая, владычица Казанская помоги!—думалъ Мировичъ,—что, если выиграю у него, не то что сотню, полтысячи, тысячу рублевъ?.. Онъ богачъ, въ игрѣ, слышно, зарывается, неотходчивъ... Тогда... о! тогда Поликсена моя...»

И онъ дѣйствительно сталъ выигрывать.

Когда стемнѣло и подали свѣчи, серебро, а потомъ и золото изъ ларца Юсупова наполовину перешли въ шляпу кадета. Руки князя дрожали, брови удивленно шевелились, старческое, апоплексически-красное лицо покрылось бѣлыми пятнами. Онъ не переставалъ сыпать любимыми поговорками.

— И начала она сомнѣватися!.. и начала! — возглашалъ онъ, судорожно хлопая картой по картѣ: — ура, сивая, не отставай!.. окунулся по уши, валяй и по маковку туда жъ...

Ларецъ Юсупова опустѣлъ.

— Эй, вина! венгерскаго! выпьемъ, братъ! — забывшись, крикнулъ начальникъ:—что-то душно...

— Не пью-съ! — пролепеталъ блѣдный, взволнованный успѣхомъ Мировичъ.

— Вздоръ, приложимся! у меня, братъ, старое...

Подали бутылки и рюмки. Князь выпилъ, налилъ и партнёру, выпилъ и еще; труня надъ своей неудачей, распахнулъ окно въ оранжерею, а дверь заперъ на ключъ, досталъ изъ пузатаго, выложеннаго бронзой, бюро горсть

ковралловъ и нѣсколько ювелирныхъ вещицъ, и началъ удваивать ставки.

— Ахъ вы, Сашки-канашки мои, куда дѣли подтяжки мои?—шутилъ онъ, щелкая картами по столу.

Къ полночи Юсуповъ выбился изъ силъ и откинулся на спинку кресла. Все вынутое было вновь проиграно. Глаза князя лихорадочно сверкали, на углахъ губъ проступила пѣна.

— Ты магъ, кудесникъ!—прохрипѣлъ онъ, въ охмеленіи глядя на кадета и срывая съ горла обшитый пуанъ-дешпанами платокъ: — не вывезла, сивая, усомнилася!.. отстала?.. Уходи теперь, братецъ, какъ есть, будто не игралъ... иначе,—прибавилъ вдругъ Юсуповъ:—я тебя за карточную игру подъ судъ...

Мировичъ помертвѣлъ.

— Ваше сіятельство, князь! вы шутите? — проговорилъ онъ, заикаясь.

— Не шучу, не шучу... Иди по добру, по здорову... Не то я тебя, каналья, выпровожу... нечисто, знать, играешь...

— Какъ смѣете! — вскрикнулъ, вскакивая, Мировичъ: — вы забылись... Такія слова природному дворянину... Мои предки не меньше вашихъ вельможами были...

На Мировичѣ не стало лица. Руки и подбородокъ его дрожали. Онъ какъ пьяный шатался, стоя чрезъ столъ въ угрожающемъ положеніи противъ князя. Глаза его застилало пеленой.

— Вонъ, молокососъ, вонъ!—закричалъ Юсуповъ, также поднимаясь съ кресла и толстыми прыгающими пальцами загребая снова въ ларецъ лежавшія на столѣ деньги, кораллы и ювелирныя вещицы: — я тебя, сударь, только пыталъ!.. Аль не догадался? Вижу нонѣ, какова ты птица... Юсупова, братъ, князя не проведешь...

Свѣтъ окончательно померкъ въ глазахъ Мировича.

Онъ опрокинулъ столъ съ картами и съ виномъ, рванулся къ князю, выбилъ у него ларецъ и ухватилъ его за руки. Борьба между сильнымъ, тучнымъ старикомъ и ловкимъ дерзкимъ юношей началась отчаянная. Огромный парикъ князя слетѣлъ подъ софу, часы были обронены въ схваткѣ и растоптаны подъ ногами, рубаха и манжеты изорваны въ клочки. Сильно досталось и кадету. Съ отхваченнымъ лацканомъ кафтана, лопнувшимъ по швамъ кам-

золомъ и съ развитой косой, онъ въ рукопашномъ бою нечаянно далъ выскользнуть сопѣвшему въ его объятіяхъ князю, получилъ отъ него мѣткій ударъ чѣмъ-то тяжелымъ въ голову, но изловчился, опять поймалъ его за каминомъ въ углу и, съ крикомъ: «молись! теперь тебѣ, извергъ, капутъ!»—тонкими пальцами изо всѣхъ силъ ухватилъ его за жирное горло.

Мировичъ задушилъ бы князя Юсупова, но изъ прихожей къ кабинету, на возгласы ихъ и возню, сбѣжались слуги.

Въ двери стали стучать. Мировичъ опомнился, выпустилъ князя. Юсуповъ, задыхаясь, молча указалъ ему окно въ теплицу, откуда былъ особый выходъ въ садъ. Тотъ медлилъ. Князь, злобно хрипя и потирая горло, отвѣсилъ ему низкій поклонъ. Мировичъ схватилъ шляпу и выскочилъ.

Юсуповъ пришелъ въ себя. Не отворяя двери, онъ крикнулъ, что никого не звалъ и чтобъ его оставили въ покоѣ, привелъ въ порядокъ свою одежду, мебель и вещи, и закрылъ окно. Опустивъ гардины, онъ выпилъ цѣлый графинъ воды, крестясь и охая, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и сѣлъ писать къ фавориту государыни, Ивану Иванычу Шувалову, длинное письмо.

Черезъ недѣлю послѣ этого казуса, кадетъ Мировичъ, за лѣность, а также за продерзостное и кутежное поведеніе, не кончивъ курса, былъ отосланъ солдатомъ въ пѣхоту, въ заграничную армію, гдѣ въ два года дослужился до подпоручика.

Юсупова разбилъ параличъ. Послѣ долговременнаго управленія кадетскимъ корпусомъ, онъ былъ уволенъ отъ этой должности и вскорѣ скончался. Онъ словесно передъ смертью пожелалъ выслать за границу исключенному кадету крупную сумму денегъ. Но ближніе его посмотрѣли на это, какъ на излишнюю поблажку, и приказа его не исполнили.

III.

Петербургъ временъ Петра Третьяго.

Крѣпко спалось съ заграничной дороги Мировичу у Настасьи Филатовны, да и было такъ тихо въ теплой, уютной горенкѣ. Городской ѣзды по берегу Мойки въ томъ мѣстѣ почти не было слышно. Бавыкина и въ церкви побывала, и на рынокъ сходила, и кончила въ кухнѣ обѣденную

стряпню. «Вотъ заспался, сердечный», — разсуждала она. Разбудили Мировича неразлучныя канарейки хозяйки. Онѣ такъ весело растрещались на солнцѣ, что онъ проснулся, открылъ глаза, но не сразу пришелъ въ себя, глядѣлъ по комнатѣ, припоминалъ...

Вотъ старый, почернѣлый, дубовый комодъ Филатовны,— березовый, со стеклами, посудный поставецъ. Въ комодѣ лежали когда-то его кадетскія рубашенки, тетрадки, потертые въ бѣготнѣ чулки. А изъ поставца всегда такъ пахло корицей, имбиремъ, и лежали тамъ, ждали его къ праздникамъ пряники, орѣхи, шептала. На стѣнѣ — поясной портретъ, красками, покойнаго Бавыкина. Сударь Анисимъ Поликарпычъ, въ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, и въ лейбъ-кампанской, съ перьями, шапкѣ, гордо и важно глядитъ изъ рамы и будто повторяетъ слова манифеста Елисаветы Петровны: «а особливо и наипаче лейбъ-гвардіи нашей шквадрона по прошенію престолъ нашъ воспріять мы соизволили». Мировичъ не засталъ уже Бавыкина въ живыхъ. Но власть и мочь покойника еще признавались памятью знавшихъ его. Одинъ изъ трехъ-сотъ гренадеровъ, возведшихъ Елисавету на тронъ, во дни загула онъ—«подпіяхомъ съ пріятелями»,—бывало, подниметъ такое веселье, что канцлеръ Бестужевъ, слыша изъ своего дома, черезъ Неву, буйные пѣсни и крики у его воротъ, посылалъ цидулки къ генералъ-полицiймейстеру о командированіи пикетовъ для охраны спокойствія сосѣднихъ улицъ и домовъ.

— Все отдамъ, все тебѣ послѣ смерти откажу, — говорила въ оные дни Настасья Филатовна кадету Мировичу:— учись только уважать начальство, въ люди выходи. Станешь въ чинахъ, будешь знатенъ, анбиціи своей не преклонишь, и меня до конца вѣку доглядишь... Оно точно: на рать сѣна не накосишься, на міръ хлѣба не насѣешься. А бери, сударикъ, примѣръ хоть бы съ меня... Самой царицѣ угождала, ея душеньку брехнёю услащала... И былъ зато бабѣ Настасьѣ почетъ и привѣтъ... Дѣвка гуляй, а дѣло помни... Даромъ, братъ, ничего; даромъ и чирей не сядетъ...

Все измѣнилось, все прошло. Бѣдность видимо проглядывала теперь во всей обстановкѣ Бавыкиной. Не оправдалъ ея надеждъ и былой ея питомецъ. Мировича замѣтили, за отличіе подъ Берлиномъ, гдѣ онъ былъ контуженъ, произ-

вели въ офицеры. Но тяжело дались ему двухлѣтніе походы, лишенія всякаго рода, обиды старшихъ, измѣны и подкопы товарищей, и та же суровая бѣдность, бѣдность безъ конца. Онъ еще болѣе сосредоточился, сталъ скрытенъ, завистливъ, раздражителенъ и гордъ. Чужіе края во многомъ открыли ему глаза. Онъ сходился тамъ съ умными людьми, въ томъ числѣ съ масонами, читалъ книги, немало перенялъ, сунулъ носъ и въ такія рѣчи и дѣла, о которыхъ ему прежде и не снилось. Грубость генерала Беклешова на утреннемъ пріемѣ въ коллегіи не выходила у него изъ головы. «Скрыть хотятъ пропозиціи Панина,—не выходило у него теперь изъ мыслей:—измѣнники! берлинскіе угодники!.. не скроютъ... Завтра опять пойду и добьюсь».

Мировичъ всталъ, быстро одѣлся и вышелъ на улицу. У него что-то сидѣло въ головѣ. Доѣхавъ на извозчикѣ на Литейную, онъ высмотрѣлъ чей-то дворъ, между свѣтлицъ придворныхъ чиновъ, обошелъ его, долго глядѣлъ на окна и двери, и спросилъ кого-то вышедшаго изъ того двора. Ему вызвали слугу. Отвѣты послѣдняго не привели ни къ чему. Еще постоялъ Мировичъ передъ завѣтнымъ домомъ, еще поглядѣлъ на окна. Онъ чернѣй тучи возвратился на Мойку, пробрался въ горенку Филатовны и молча прилегъ опять на постель. Бавыкина вошла къ нему съ завтракомъ.

— Думала спитъ, а ужъ онъ и по дѣламъ, сказала она, присѣвъ противъ него и съ любопытствомъ его разсматривая.

Онъ молчалъ.

— Это же что у тебя?—сказала она, взглянувъ на истрепанную тетрадку, лежавшую на кучѣ хлама, вынутаго изъ чемодана.

Мировичъ и на это ничего не отвѣтилъ. На заголовкѣ тетради, красивыми росчерками, стояла надпись: «Храмъ Апрантифской». Вокругъ заглавія были рисунки тушью,— два столба, треугольникъ, отвѣсъ, молотокъ и другіе знаки. То былъ масонскій катехизисъ, ложи св. Іоанна, ученической степени (apprenti).

— Дипломъ, что ли, на чинъ?—спросила, просіявъ, Филатовна.

— Да... нѣтъ, бишь... артикулъ.—товарищи дали,—нехотя отвѣтилъ Мировичъ.

— Служи, Василій, служи; времена тяжкія, добивайся. Песъ косматъ, — ему тепло; намъ зато вотъ какъ холодно. А золотой молотъ, паря, онъ и желѣзны вороты прокуетъ. А почему? Потому, нонѣшній свѣтъ онъ самый, какъ есть линуцій... Тлѣю надъ нами пахнетъ... Нынче корова, а завтра падаль...

Бавыкина вздохнула, оперлась на руку головой.

— И ужъ такъ-то плохо, такъ... Все махонькое въ большаки, вишь, просится. Да не быть медвѣдю стадоводникомъ, а свиньѣ огородникомъ. А что прогорѣла, то еще не бѣда. Города—и тѣ чинятъ, не токмо рубашки.

Мировичъ не отзывался. Бавыкина пристальнѣе взглянула на него.

— Да ты не на Литейну ли отмахалъ? Что смотришь? Угадала, небось? Признавайся.

— Гдѣ Полинька?—спросилъ Мировичъ.

— Нешто самъ не знаешь, не списывался съ нею?

— Четыре мѣсяца ни слуху про нее, молчитъ, на письма не отвѣчала, — отрывисто и грубо проговорилъ Мировичъ.

— То-то, Василій, скрытничаешь, — сказала, покачавъ головой, Филатовна;—а я, признаться, иной разъ спрашивала. Помнила твои гонянья... Вотъ и сегодня... Только, братъ, ни Птицыны, ни Прохоръ Ипатьичъ, — кучеръ покойной царицы, ни Шепелёвыхъ кума, — дворцовая кастелянша, никто не знаетъ. Какъ померла на Рождество государыня, твоя-то, вѣришь ли, точно въ воду канула. Да и дива нѣтъ. Порядки, самъ вѣдаешь, пошли все иные. Дворъ покойной царицы распустили, ослобонили, — кто куда. Ну, а она, извѣстно,—голячка, сирота; гдѣ ей въ здѣшнемъ-то Бавилонѣ болтаться. Куда-нибудь отъ глазырниковъ въ тихости дѣвка и съютилася... Самому знакомъ ейный нравъ,— недотрога, гордецъ, и обидъ, — этакая, подумаешь, цаца,— не любитъ. За границу развѣ?.. Такъ нѣтъ: знали бы. Безъ паспорта, чай, сразу и не уѣдешь...

— Чудеса! — произнесъ Мировичъ: — ужъ жива ли, или впрямь куда уѣхала?

— А про то, братецъ, говорю тебѣ, не свѣдома!—съ неудовольствомъ отвѣтила Филатовна: — дворъ, соколъ ты мой, новый и порядки новые. Не то, что камеръ-медхены, гофъ-енералы, у новаго царя и у его хозяйки—все почти пере-

мѣнялись. А вѣдь твоя-то, правду сказать, человѣкъ небольшой; нравочиталищ, ну, вѣтеръ ее, мелкотравчату, и сдуетъ съ земли долой.

Мировичъ не слушалъ Филатовны. Та взялась за подносъ, брякнула тарелками.

— А я вотъ что тебѣ скажу, — заговорила опять Филатовна: — что твоя Поликсена? ну, говори! Голь безшабашная и только. Тебѣ, сударь, не того нужно. Нѣтъ грѣх хуже бѣдности. Помни зарокъ бабы Насти, — тутъ вся правда. Ну, посуди! Ты молодъ, изъ себя красивъ, чинъ у тебя тоже вонъ ужъ офицерскій, и всякая за тебя теперь, ну, писаная краля пойдетъ... Да вотъ, на прикладъ, хоть бы и дочка самой Птицыной... чѣмъ не невѣста? Повидишь, какая пава стала, — выровнялась за это время, станъ тебѣ полненькій, ходитъ, вертитъ хвостомъ какъ уточка, — а волосы, а глазищи... Да притомъ, Василій, домъ какой на Литейной, дача на Каменномъ; а по смерти матери, въ сходствіе сйнаго счастья, еще и капиталъ. Прокормишься, ну, и меня въ тѣ поры не забудешь... Вонъ я последнюю холопку Гашку изъ-за бѣдности продала енералу Гудовичу, какъ сюда съѣзжала на фатеру. Вѣришь, пухомъ да перьями нонѣ торгую, — продолжала, всхлипнувъ и утираясь, Филатовна: — скупаю по господамъ, да перепродаю въ Гостиный на подушки и пуховики... Право, подумай, голубчикъ, не спѣши. На рѣзвомъ конѣ свататься не пытайся; а жена, братъ, не гусли, поигравъ, на сукъ не повѣсишь...

Мировичъ въ досадѣ и нетерпѣніи постукивалъ о полъ ногою. Онъ сидѣлъ молча, понурившись. Его божество, стройная, худенькая пастушка, съ лукавымъ взоромъ холодныхъ, сѣрыхъ и загадочныхъ, какъ у сфинкса, глазъ, съ ямочками и мушками на щекахъ и съ гордо-вздернутой, насмѣшливо-дрожащей губкой, не отходила отъ его мысленныхъ взоровъ.

Филатовна озлилась. Гремя въ посудномъ поставцѣ, она чуть не разбила любимой чашки.

— Да чѣмъ бы вы жили? — ну, отвѣчай! и каковы нынче цѣны? Да ты не крути носомъ, прокуратъ, а толкомъ разбери: фунтъ чаю два съ полтиной, сажень дровъ рубь шесть гривенъ... а? Да что! Слыхано ли: пудъ аржаной муки двадцать шесть копеекъ. Свѣтопредставленіе, да и все... Говя-

дины, говядины фунтъ—меньше двухъ копеекъ не отдаютъ... Какъ тутъ жить?

— Ну, какъ жить, про то ужъ не знаю, — полупрезрительно отвѣтилъ, вставая, Мировичъ, — и пойдетъ ли за меня Поликсена... А подруги ея, Птицыной, прежде не примѣчалъ, да и теперь видѣть не хочу... Вы спрашивали, что это вотъ за книжка?—Мудрыя въ ней слова.

— Каки-таки слова?

— Міръ на трехъ основахъ сотворенъ, — продолжалъ гордо и какъ бы въ раздумьѣ Мировичъ:—на разумѣ, силѣ и красотѣ.—Разумъ—для предпріятія, сила—для приведенія въ дѣйство, красота — для украшенія... Жизнь наша — храмъ Соломоновъ, и каждый камень въ немъ да кладется безъ устали и ропоту... Впрочемъ, вы того, простите, не поймете... Но стойте, одно слово. Окажите такую милость. Сходите еще разъ къ кучеру Прохору Ипатьичу, къ Птицынымъ и къ Шепелёвымъ кумѣ, кастелянщѣ... Узнайте, куда отъ двора могли доставить Пчёлкину? Чай не выкинули же на улицу, въ придворномъ экипажѣ везли.

— Такъ вотъ тебѣ, высуня языкъ, и стану бѣгать за дѣвками! — отвѣчала, отмахнувшись, Филатовна: — стара, братъ, стала! пора бы и на покой... Садись развѣ самъ, да и пиши публикацію въ газетахъ, какъ въ старину письма къ любовницамъ писали: сладостныя, молъ, гортани словеса медоточныя, гдѣ вы, отзовитеся! Красоты безмѣрной власы и стопы превожделѣнныя, улыбание полезное и пріятное, нравъ веселый и пресвѣтлый, ластовица моя златообразная, откликнись!.. Нѣтъ, братъ, уволь, — винты развинтилися, не гожусь... въ ломку пора...

Филатовна, однакожъ, только храбрилась. Подъ предлогомъ сношеній съ перинщиками, она сказала, что надо послѣ обѣда сходить въ Гостиный, накинула поношенный шушунчикъ, взяла какой-то узелъ, вышла за калитку и опять поплелась къ лейбъ-кучеру, къ Шепелёвыхъ кумѣ, кастелянщѣ, и къ Птицынымъ.

Возвратилась Бавыкина въ сумерки. Она была сильно не въ духѣ, хмурилась и бранилась.

— Эки концы, прости Господи! Вотъ она торговля... Коли не камеръ-фурьеры Герасимъ Крашенинниковъ, да Василій Кирилычъ Рубановскій, — сказала она, бросивъ въ уголъ ношу и глядя на Мировича: — такъ никто ужъ въ свѣтѣ и

не скажетъ тебѣ, гдѣ нонѣ Поликсена... Они заправляли списками при похоронахъ государыни; имъ только теперь и знать, куда направила лыжи твоя Миликтриса Кирибитьевна.

Она вышла. Мировичъ записалъ въ бумажникъ названныя ею имена и засуетился надъ чемоданомъ. Заперевъ дверь, онъ принялся чистить сильно поношенный кафтанъ, камзолъ и башмаки; досталъ изъ какого-то свертка иглу; заштопалъ штиблеты и долго, вздыхая, возился надъ распоротымъ у подошвы башмакомъ; расчесалъ и тщательно завилъ косу и букли, — обвязалъ ихъ, для сохранности, на сонъ грядущій, платкомъ и попросилъ разбудить себя на зарѣ, чтобъ успѣть напудриться, побриться и, отбывъ утромъ явку къ начальству, пуститься на поиски камеръ-фурьеровъ Крашенинникова и Рубановскаго. — «Доля проклятая, — гдѣ-жъ ты? — ворчалъ онъ, раздѣваясь: — на днѣ моря, въ землѣ, или выше того?»

Утромъ Мировичъ изъ первыхъ явился въ коллегію. Тамъ его, сверхъ ожиданія, задержали долго. Толпились приказные, гвардейскіе и армейскіе офицеры. Изъ заграничнаго отряда въ ночь прискакалъ новый курьеръ. Къ полудню пріемная и лѣстница коллегіи гудѣли отъ говора разномастнаго люда, какъ улей. Брязгая шпорами и дерзко волоча палаши по ногамъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, съ наглыми казарменными ухватками, рѣчами и громкимъ смѣхомъ, прошли всѣдъ за какимъ-то, бѣлобрысымъ и куцымъ, голштинскимъ бригадиромъ, ново-испеченные гвардейскіе любимцы. Между мелкосошною мундирной братіей стали говорить негромко, а потомъ и громче, что общія смутныя предсказанія сбылись: голштинцы торжествовали, и Волконскому въ пограничный корпусъ посылалось предписаніе— войти въ формальные переговоры о прекращеніи военныхъ дѣйствій съ принцемъ Бевернскимъ. О «пропозиціяхъ» Панина не было и помина. На Мировича, сидѣвшаго въ углу на скамьѣ и поджимавшаго заштопанную колѣнку и плохо зашитый башмакъ, теперь ужъ никто не обращалъ и вниманія. Вчерашній, сердитый и надутый, какъ пѣтухъ, генералъ Бехлешовъ, выйдя съ озабоченнымъ и, казалось, невыспавшимся лицомъ въ пріемную, замѣтилъ его и кивкомъ, пренебрежительно, подозвалъ къ себѣ. Пыхтя и разглядывая свои бѣлыя, маленькія ручки, онъ помолчалъ и

вдругъ, поглядѣвъ на него въ упоръ, напустился: «Такъ ты — Мировичъ? а? а? Мировичъ? ордонансъ Панина? А отчего у тебя, сударь, кафтанъ стараго образца? Да и галстукъ—папильономъ, сирѣчь, бабочкой, не по формѣ повязанъ! Ордонансы! баловники!—кричалъ топая ногами, генералъ:—развѣ вамъ не были посланы указы о новыхъ мундирахъ? а? Вольнодумствомъ вы только занимались тамъ, по театрамъ, по обержамъ, вертопрашили, да дусергенды дѣлали на пирушкахъ!.. Шалберники, роскошники, моты!..»

— Не заслужилъ, не заслужилъ! — отвѣтилъ, вспыхнувъ и самъ не помня себя, Мировичъ:—подобный афронтъ офицеру... я... вы... вы...

— Здѣсь столица, самъ государь,—а не ордеръ-де-баталія!..—крикнулъ еще запальчивѣе Бехлешовъ:—ступай, сударь, да берегись... слышь, говорю тебѣ, берегись! Любимчики штабные! ордонансы! А понадобишься, за тобой пришлютъ.

«Ахъ, ты ракалія!—подумалъ съ дрожью Мировичъ:—да что-жъ это? и за что? только что пріѣхалъ, и вдругъ»...

Горло его схватили судороги. Онъ молча повернулся, спустился блѣдный съ лѣстницы и, стиснувъ зубы, глотая слезы негодованія, поѣхалъ домой, повторяя: «ну, родина! угостила съ первыхъ же разовъ»...

Бавыкиной онъ не засталъ дома. За нею пришли изъ какой-то лавки. Прождавъ ее часъ-другой, Мировичъ успокоился, пришелъ въ себя. Онъ вспомнилъ объ академикѣ, освѣдомился о немъ у прислуги и смѣшался.—«Такъ вотъ кто это!»—пробѣжало въ его мысляхъ. Онъ въ раздумьѣ поднялся по наружной лѣстницѣ флигеля. Академикъ былъ въ верхней, угольной комнатѣ, выходившей въ садъ.

Ломоносовъ стоялъ за простымъ круглымъ столомъ. Солнце ярко свѣтило въ окна. Онъ курилъ небольшую пѣнковую трубку и, нагнувшись надъ картой Сѣвернаго океана, чертилъ на ней предположенный имъ путь, въ обходъ Сибири, въ Китай и въ Индію. Теперь онъ былъ принаряженъ,— въ парикѣ, безъ пудры, въ суконномъ, кирпичнаго цвѣта кафтанѣ, въ чистыхъ манжетахъ и въ бѣломъ шейномъ платкѣ. Въ креслѣ у камина, съ книжкой въ рукѣ, сидѣла бѣлокурая Леночка. Въ книжку она смотрѣла разсѣянно,

у[illegible]радной сидя за сѣрымъ котёнкомъ, играющимъ съ бахромой ковра на полу.

— А! господинъ офицеръ! — сказалъ съ улыбкой, подвигая стулъ, Ломоносовъ: — очень радъ... Садитесь, батюшка... Давеча вы меня порядкомъ смутили. Старъ становлюсь, да и болѣлъ эту зиму, ноги остудилъ, на смертной постели лежалъ; ну, и не удерживаюсь иной разъ. Да и какъ удержаться! Я дописывалъ новую оду, а поговоривъ съ вами, бросилъ ее въ печку и, какъ есть, всю-то ночь не спалъ. Выѣхалъ сегодня въ академію, — ваши слова подтверждаются, — только и говору вездѣ, что о перемиріи... Совралъ видно я, писавъ сгоряча на новый этотъ годъ:

Петра Великаго обратно
Встрѣчаетъ русская страна..

— Миръ! да лучше бы кнутомъ меня на площади били, самого нѣмцемъ сдѣлали, чѣмъ это слышать! — произнесъ Ломоносовъ, бросая трубку на столъ и закашливаясь.

Краска залила его изъ-желта блѣдныя, въ суровыхъ морщинахъ щеки. Желтизна проступила и въ затуманенныхъ годами, большихъ, строгихъ и вмѣстѣ ласковыхъ глазахъ.

— Леночка! пивца бы намъ аглицкаго! — сказалъ онъ дочери: — возьми у мамы ключи, да холодненькаго, изъ задней... душу отвести... пару бутылочекъ, не больше...

Леночка нѣсколько разъ бѣгала въ заднюю.

Пиво развязало языки новыхъ знакомцевъ. Ломоносовъ сталъ на картѣ объяснять Мировичу выгоды отъ придуманнаго имъ, мимо Сибири, пути въ Индію.

— И все фарфлюхтеры, все нѣмцы мѣшаютъ, — сказалъ онъ: — сегодня въ конференціи, вѣрите ли, чуть глотки въ спорѣ съ ними не перервалъ... Скопъ злобы! Ничего, какъ есть не подѣлаешь съ толикимъ препятствомъ, съ толикимъ избыткомъ завистливой кривды и лжи...

— А что, Михайло Васильичъ, — спросилъ Мировичъ: — не уступи нашъ новый государь, Петръ Ѳедоровичъ, своему другу, рѣшись, по мысли Панина, продолжать войну, — вѣдь на вѣкъ бы нѣмцевъ мы урезонили.

Лицо Ломоносова омрачилось.

— Плохо, — сказалъ онъ, махнувъ рукой и подвигаясь съ кресломъ къ камину: — и не приведи Богъ, какъ плохо.

— Что же-съ? Развѣ здоровьемъ слабъ государь? — спросилъ Мировичъ.

Ломоносовъ кивнулъ дочери, чтобъ ушла.

— Слушай, молодой человѣкъ, и суди! — началъ онъ, помолчавъ: — о тебѣ много наслышался отъ своего стараго друга; да и пріѣхалъ ты изъ такой дализны... Взвѣсь, оцѣни, на свѣжую голову, неудобства нашихъ темныхъ, бурливыхъ дней, и скажи, по сердцу, свое мнѣніе. Чай, знаешь дѣла-то великаго Петра... Что въ Римѣ въ двѣсти лѣтъ, отъ первой пунической войны до Августа, всѣ эти Сципіоны, да Суллы, да Катоны сдѣлали, то онъ въ свою токмо жизнь, онъ одинъ въ Россіи совершилъ. Первые преемники были куда не по немъ! Хоть бы дворъ при царицѣ Аннѣ Ивановнѣ...—какъ бы тебѣ выразиться,—былъ на фасонъ нѣмецкаго, плохонькаго владѣтельнаго дворика. Но и тогда русскіе лучшіе люди всюду, въ глубинѣ-то страны, еще ж.о русски жили и говорили. Царица въ оперу, въ опальномъ шлафрокѣ, ѣздила, Бироновыхъ дѣтей няньчила, курляндскимъ конюхамъ, да ловчимъ все правленіе въ опеку отдала. Да вѣдь эти-то Бироны, Остерманы и Миники, они все-таки были подданные русскіе, во имя Россіи дѣйствовали. И повальнаго, братъ, онѣмеченія еще у насъ въ тѣ поры не было... Правительница Анна Леопольдовна — слыхалъ ли ты про нее и про ея тяжкую судьбу?

— Мало слышалъ... въ школѣ и на службѣ-съ было не до того... кое-что говорили...

— Ну, такъ скажу въ краткости и о ней... Она драмы Аддисона, «Заиру» Вольтера любила декламировать и по три дня, простонравная безпечница, не чесалась... При ней зато нѣмцы нѣмцевъ ѣли и намъ оттого было не безъ пріятства и пользы... А покойная государыня, божество мое, Лисаветъ-Петровна? Охъ! что грѣха таить! при ней! — не на твоей, разумѣется, памяти, — все у насъ иноземнымъ, французскимъ стало,—обычаи, нравы, моды и языкъ... Но все-жъ, голубчикъ ты мой, хохликъ,—лучшіе русскіе люди, лучшіе умы и сердца ее окружали... Умѣла она ихъ выбирать и цѣнить... И я, россійскій, природный поэтъ и витія, я—Ломоносовъ—не даромъ, слышь ты, по сердцу, отъ души ее воспѣвалъ...

— Помню ваши стихи, — съ чувствомъ перебилъ Мировичъ: —

«Царей и царствъ земныхъ отрада»...

и другіе о ней же:

— Она смертную казнь отмѣнила въ Россіи! — продолжалъ Ломоносовъ: — въ Москвѣ, по моей мысли, открыла университетъ; на родинѣ твоей, на Украйнѣ, въ Батуринѣ, тоже, въ сходствіе моего прожекта, открыла бы, если бъ не померла, — и свято чтила, лебедь моя бѣлая, дѣла своего родителя, великаго и единаго въ мірѣ моего героя, Петра...

— Однако, — замѣтилъ, подумавъ, Мировичъ: — то были женщины, — Екатерина, двѣ Анны, Елисавета, и почти подъ рядъ... Бабье царство, — говорили въ народѣ. Войску надоѣло быть подъ женскою управой... Теперь у насъ на тронѣ монархъ, и снова Петръ...

— Петръ, да не первый! — сказалъ Ломоносовъ: — не было и не будетъ такого другого. По примѣру дѣда-то великаго думаетъ онъ управлять? Далеко, другъ любезный! Дудки! Я самъ надѣялся... Оно, конечно... и Петръ, Второй, мальчёночекъ, въ сенатѣ, торжественно обѣщалъ, подобно Веспасьяну, править, никого не печалить... А что содѣялось потомъ? Я неотесанъ, я грубъ, и меня, дикаго помора, сударь, — за непорядочные поступки и озорничество съ сѣдою обезьяной Винцгеймомъ, Таубертомъ и съ другими академическими нашими колбасниками, — подъ арестомъ при полиціи держали. Но, ѣздивъ еще съ отцомъ, на рыбачьемъ карбасѣ, по сѣверному ледяному морю, я привыкъ бороться съ злыми стихіями... Великая и грозная, сударь, природа студёнаго надполярнаго океана воспитала меня... Я просто-совѣстенъ, братъ, но не податливъ... И ничѣмъ ты не купишь недовольства и угрюмства обиженной и бунтующей моей души... Скажу тебѣ, юноша, правду... У насъ теперь нашествіе не русскихъ нѣмцевъ, а нѣмецкихъ, самыхъ сугубыхъ и лютыхъ... И нынѣ, братецъ, — прибавилъ вполголоса Ломоносовъ, склонясь къ Мировичу: — коли не найдется у насъ генія, чтобъ нами побитаго лукавца Фридриха водрузить въ прежнихъ умѣренныхъ предѣлахъ, то всю инфлюэнцію нашу на европейскія дѣла у насъ исторгнутъ. И будетъ нашъ великій канцлеръ, а мой давній благопріятель, Воронцовъ, министромъ токмо не своего монарха, а того же, черезъ насъ вновь оживающаго, Фридриха. Шутка ли, въ военной коллегіи, въ конференціи, гдѣ Шереметевыхъ, Апраксиныхъ, Бестужевыхъ витаютъ имена, нынѣ компасомъ всѣхъ дѣлъ являются только-что при-

бывшій изъ Берлина, Фридриховъ посланникъ, Гольцъ, и дядюшка государевъ, командиръ его голштинцевъ, принцъ Жоржъ.

— А что слышно о государевой супругѣ, о Екатеринѣ Алексѣевнѣ?—спросилъ Мировичъ.

— Погоди, дойду и до нея... Тяжкій грѣхъ взяла на себя покойная императрица Елисаветъ-Петровна... По особымъ важнымъ политическимъ и статскимъ резонамъ, она, необъявленная въ бракѣ, выписала себѣ въ преемники, изъ Голштиніи, своего родного племянника, нынѣшняго государя, Петра Өедоровича, когда ему исполнилось уже четырнадцать лѣтъ. Помню, какъ привезъ его изъ Киля во дворецъ теперешній здѣшній генералъ-полицмейстеръ, баронъ Николай Андреевичъ Корфъ. Грустно было смотрѣть на этого ласковаго—и скажу—съ добрымъ сердцемъ юношу. Худенькій, щуплый, блѣдный, вѣрой притомъ, отъ случайныхъ обстоятельствъ, лютеранинъ... чуточку по-французски зналъ, но, представь — ни слова не говорилъ по-русски. Такого ли ожидать было въ преемники къ россійскому наслѣдію великаго Петра? Ученье его въ Голштиніи совсѣмъ было заброшено. Учителя-шведы готовили его на стокгольмскій престолъ и воспитывали, разумѣется, не токмо въ холодности, а даже въ презрѣніи къ далекимъ русскимъ варварамъ. И таковъ-то именно онъ явился, двадцать лѣтъ назадъ, въ Петербургъ... Говорю, добрый онъ, и къ наукамъ не безъ склонностей; кое-что и въ искусствѣ свѣдалъ: егерь Бастіанъ выучилъ его въ Голштиніи на скрипкѣ играть... Но не повезло племяннику императрицы въ Россіи: чуть его доставили, бѣднаго посѣтила оспа. Государыня-тетка полюбила его, жалѣла, сама первымъ русскимъ молитвамъ обучила. Потомъ обвѣнчали Петра Өедорыча, и взялъ онъ за себя,—выборъ счастливый,—принцессу, разумную, обстоятельную, нравомъ женерозную, твердую и пылкую, сущій огонь... Ты спросилъ о Екатеринѣ Алексѣевнѣ, какова?.. Да, другъ мой... Вотъ гдѣ сила воли, вотъ ума палата и всякихъ даровъ и качествъ пріятство!.. Да что! Развѣ, среди нахлынувшей, подобной заморской челяди, убережешь сердце свято? А Петра Өедорыча окружили какими наперсниками! Изъ Киля ему цѣлое войско грубѣйшихъ голштинскихъ скотинъ вывезли. И начали его новые друзья, Цвейдели, да Штофели, да Катцау, отклонять отъ

и разумницы, прадѣдовой жены. Въ общество онъ проникалъ не въ компаніи своихъ камрадовъ, на святки да утѣхи съ вертухой Лопухиной, съ дочкой первоначальнаго нашего [illegible] Бирона, съ дѣвицей Карръ и съ княжной Шаликовой... Государыня-тетка увидѣла все ясно, только ужъ было поздно. Она даже хотѣла выслать племянника опять за границу.

— Что вы? — спросилъ съ удивленіемъ Мировичъ. — Кого жъ въ такомъ разѣ объявили бы наслѣдникомъ?

Ломоносовъ посмотрѣлъ на него и вздохнулъ.

— Есть одинъ... былъ, — сказалъ онъ будто про себя: — и судьба ему улыбалась, столько было у его колыбели ожиданій, надеждъ... На пурпурной бархатной подушкѣ дитятею его народу показывали, чеканили съ его портретомъ монету, присягали ему, манифесты именемъ его издавали... Прочили русскихъ ему учителей, и меня, нижайшаго, еще въ той порѣ студента, думали пригласить...

— Что жъ онъ? умеръ?

— Умеръ, или, вѣрнѣе, живой погребенъ!.. Царственный узникъ!.. и живъ, и вмѣстѣ мертвъ...

— Какъ живъ? Какъ узникъ? Отчего жъ онъ не правитъ? и гдѣ онъ?

— Не спрашивай объ этомъ, голубчикъ ты мой, Василій Яковлевичъ; когда-нибудь въ другой разъ! А лучше и вовсе никогда.

Ломоносовъ задумался. Большіе строгіе его глаза еще больше затуманились. Изъ взволнованной далекими воспоминаніями, широкой груди вырывался тревожный хрипъ. Общее молчаніе длилось нѣсколько минутъ. Маятникъ на стѣнѣ кабинета мирно тикалъ.

— А вотъ я вамъ, государь мой, — отвѣтилъ вдругъ рѣзко засмѣявшись, Ломоносовъ: — я вамъ, для увеселенія, могъ бы прочесть сочиненный на меня, на Ломоносова, здѣшними нѣмецкими тупицами злой и преострый пашквиль... На-дняхъ въ академіи на мой столъ подбросили... Да очень ужъ много чести... Гунсвоты! Рвань поросячья!.. Это любимая моя данная имъ кличка... Попрекаютъ, что я мужикъ и что не прочь подъ часъ покомпанствовать... То правда... Ругайте, наглецы, слабости, страсти непреодолимыя!.. Ругайте и за то, что я — противъ нашествія языковъ, а самъ, смѣху подобно, у нѣмцевъ учился и на нѣмкѣ

женатъ... Браните. Все это вѣрно. Учился я у нѣмцевъ; умнѣй насъ они, и долго еще намъ не обойтись безъ нихъ. Но сами-то, сами ругатели хороши-ль? Потатчики ошибокъ и слабостей властелина! Льстецы!.. Подбили монарха дать вольности дворянству. И господа сенатъ до того обрадовались, что депутацію прислали благодарить, золотую статую въ честь новаго Солона хотѣли отлить... Дмитрій Сѣченовъ хвалебную рѣчь на это сказалъ... И я, грѣшный, до того всѣми былъ увлеченъ, что больной оду написалъ. Да теперь думаю: ну, нешто барамъ нужны вольности? Народу, вотъ, другъ мой, кому!.. Не твои сытые родичи,—извини,— мои сермяжники въ нихъ нуждаются, но нимъ всуе молятся Господу Богу... Оно точно, правду ты, Василій Яковлевичъ, сказалъ, не женщина теперь на престолѣ. Да что, я у тебя спрашиваю, въ томъ толку? Вы тамъ кровь проливали, безсердечнаго хитроумца и льстеца Фридриха били, а тутъ передъ его портретомъ на колѣнки въ Рамбовѣ становились, кричали ему съ виннымъ бокаломъ: hoch! и съ насмѣхательствомъ, всякими шпынянями встрѣчали наши надъ нѣмцами побѣды...

— Можетъ ли это быть?—сумрачно спросилъ Мировичъ:— не клевета ли? это черезчуръ.

— Богомъ тебѣ клянусь, не шучу... Говорятъ новымъ совѣтникамъ государя — нѣтъ у насъ настоящаго уложенія; онъ кодексъ-фридериціанусъ для Россіи указалъ переводить. Бѣдная Екатерина Алексѣевна совсѣмъ нынче брошена, забыта; набитый пентюхъ, Лизавета Воронцова въ фаворѣ. Единственнаго сына государева, Павла, о-сю пору не объявляютъ наслѣдникомъ... И стоятъ, сплошной стѣной стоятъ, вокругъ добраго, довѣрливаго, но слабаго волей монарха не мудрые совѣтники, а молодые вертопрахи, жадные чужеземцы... И ужъ такъ-то его берегутъ... Хотѣлъ было я, вглядѣвшись поближе, посатирствовать, войной пойти на эту челядь. Да, ну ихъ... Мудра пословица: не гоже въ крапиву... садиться...

Мировичъ не спускалъ глазъ съ собесѣдника. Онъ слушалъ, и не вѣрилъ своимъ ушамъ. Все, что вскользь говорилось въ иностранныхъ газетахъ и что на ихъ враждебныхъ столбцахъ могло казаться умышленно-злою издѣвкой надъ Россіей, подтверждалось устами великаго ученаго. — «Богъ отвернулся отъ вашей Россіи, — сказалъ Мировичу,

въ засѣданіи масонской ложи въ Кёнигсбергѣ, одинъ каноникъ:—она на распутіи между востокомъ и западомъ, тьмой и свѣтомъ, свободой и рабствомъ... Нужны великія жертвы, нужны смѣлые мужи добра, иначе уйдетъ она въ Азію, будетъ проклята Богомъ и людьми...»

— О чемъ говорено, чуръ, изъ избы сметья не выносить!—сказалъ въ заключеніе Ломоносовъ:—а къ Иберкампфу, на Милліонную, на бильярдѣ поиграть и распить ренскаго, вѣрно ужъ не пойдемъ? Ну, ну... Настасья Филатовна не услышитъ. Да я, сударь, и шучу. Инъ и вправду, мы на огнедышащемъ кратерѣ... Не праздновать, не застольныя пѣсни, видно, нынѣ пѣть. Смиреніе древнихъ и ностэ!.. Будемъ трезвости слугами, будемъ мудры... Такъ, къ соблазнителямъ ни ногой?

— Ни ногой,—отвѣтилъ, задумавшись, Мировичъ.

— Зарокъ?

— Зарокъ...

— Руку!

Новые знакомцы ударили по рукамъ.

На другой день Мировичъ молчкомъ пустился въ поиски указанныхъ Филатовной камеръ-фурьеровъ Крашенинникова и Рубановскаго. Приглядывался онъ къ домамъ, къ улицамъ и площадямъ Петербурга, гдѣ мелькнули годы его ученья, и весь онъ теперь, послѣ чужихъ краевъ, показывался ему такимъ неприглядымъ, суровымъ и бѣднымъ.

Петербургъ въ 1762 году былъ все тотъ же, въ зимніе мѣсяцы—грязный, а въ лѣтніе—пыльный, малоосвѣщенный, до крайности разбросанный и на двѣ трети бревенчатый, чухонско-нѣмецкій городокъ. Жителей въ немъ тогда считалось съ небольшимъ сто тысячъ. Воды его были безъ набережныхъ, съ навозными плотинами и деревянными мостами, ухабы зимой по улицамъ чуть не по поясъ человѣка. Вмѣсто улицъ, вдоль линіи Васильевскаго острова, шли, какъ въ Венеціи, каналы съ разводными мостами на перекресткахъ проспектовъ. Кучи навоза и всякой брошенной дряни загромождали тротуары и углы перекрестковъ, валялись и, испуская вредныя испаренія, тлѣли на площадяхъ. Соръ, грязь и мертвечину съ улицъ и пустырей очищали колодники. Бездомныя одичалыя собаки, наводя страхъ на пѣшихъ и конныхъ, бродили стаями по городу, бѣсились

и кусали людей. Отъ нищихъ, калѣкъ и всякихъ попрошаекъ не было прохода.

Покойная государыня Елисавета Петровна, въ болѣзняхъ которой подъ конецъ чаще и чаще сказывалась тревожная первая ночь ея царствованія, страдала безсонницами. Она то-и-дѣло мѣняла свои опочивальни. Въ девять часовъ вечера никто уже не смѣлъ ѣздить мимо оконъ ея временнаго, деревяннаго зимняго дворца, бывшаго на Мойкѣ у Полицейскаго моста. Въ девять часовъ смолкалъ весь Петербургъ. Раздавался по городу только безконечный лай цѣпныхъ и праздношатающихся собакъ, да оклики, на стѣнахъ адмиралтейства и крѣпости, часовыхъ, которыхъ, для безопасности, иной разъ ставили и на перекресткахъ. Всѣ помнили еще недавнее время, когда петербургскія улицы, изъ-за поджигателей, грабителей, воровъ и всякихъ непотребныхъ людей, на ночь на-глухо запирались рогатками, такъ какъ назначаемыя для обхода по городу «пристойныя партіи фузилировъ и драгунъ» оказывались недостаточными. Еще въ присутствіи государыни дѣло городского благочинія шло кое-какъ. Во время же ея отъѣздовъ въ Москву,—а она тамъ живала по полугоду и болѣе,—улицы Петербурга приходили въ окончательное запустѣніе и поростали травой. Городскія австеріи, гдѣ Петръ I по праздникамъ любилъ чинно выпивать, среди матросовъ и шкиперовъ, чарку тминной водки, обращались въ притоны буйства и дикаго разгула.

Въ грязь по Петербургу не было прохода. Городскихъ извозчиковъ состояло въ то время весьма немного. Петръ III завелъ съ нихъ сборъ по два рубля въ годъ и далъ имъ особые кожаные ярлыки. Люди средняго сословія въ тѣ поры болѣе ходили пѣшкомъ. Богатые и знатные, особенно гвардейскіе офицеры, ѣздили въ своихъ экипажахъ или верхомъ. Модные щеголи и щеголихи то-и-дѣло давили пѣшеходовъ. Разъ они чуть не до смерти смяли фельдмаршала Миниха. Зато доставалось и барамъ: уличные мальчишки, на Гороховой, Луговой (т.-е. Морской) и даже по Невскому, несмотря на объявленія полиціи, пускали бумажныхъ змѣевъ и тѣмъ пугали и бѣсили рѣзвыхъ вельможныхъ рысаковъ. Генералъ-полицеймейстеръ Корфъ, съ скакавшими у его кареты адъютантами, не поспѣвалъ являться туда, гдѣ оказывались безпорядки. Нерѣдко, среди бѣднаго

днемъ на рынкахъ или у новаго, оканчиваемаго постройкой зимняго дворца, между неубранныхъ еще хибарокъ, избушекъ, балагановъ и всякихъ сарайчиковъ, раздавались отчаянные крики подгулявшей черни: «караулъ! грабятъ! рѣжутъ!»

Невская перспектива въ полдень покрывалась гуляющими. Шли статскіе щеголи, въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ, лосинныхъ панталонахъ и ботфортахъ выше колѣнъ, либо въ розовыхъ и желтыхъ, шелковыхъ фракахъ, съ огромными лорнетами, а когда было холодно — съ куньими и собольими муфтами. Щеголихи, съ затянутыми, въ видѣ осъ, таліями, несли на головахъ хитро-устроенныя прически, на манеръ рыцарскихъ замковъ, цвѣточныхъ корзинъ, китайскихъ бесѣдокъ и кораблей. Но и на этой первостатейной улицѣ не обходилось безъ непріятностей. У кофейной Мура или у магазина модъ госпожи Токе, не обращая вниманія на разряженныхъ въ пухъ и прахъ прохожихъ, лежалъ, растянувшись по тротуару, избитый въ кровь и съ разорванными портами, мертвецки пьяный матросъ. Верховой конногвардеецъ, съ громкою бранью и съ обезображеннымъ отъ злобы лицомъ, у чьего-то дома, стегалъ хлыстомъ чужого напудреннаго и важнаго кучера за то, что тотъ не свернулъ раззолоченной, съ кожаными занавѣсами, кареты, и тѣмъ помѣшалъ ему проскакать въ догонку за какою-то умчавшейся красавицей.

Въ срединѣ великаго поста, въ 1762 г., прошелъ слухъ о появленіи на Фонтанкѣ, въ деревнѣ Матисовкѣ, близъ нынѣшней Коломны, цѣлой шайки вооруженныхъ грабителей. Петръ III вышелъ изъ себя. — «О-го-го! Tausend Teufel! — сказалъ онъ Корфу: — пора опять приняться за висѣлицы! Дѣдъ мой Петръ зналъ это лучше всякаго изъ насъ... Напишу: «approbatur, — Peter», и кончено, — увидите... о, ja...» — Висѣлицы, однако, не поставили. Безпорядки длились и къ нимъ привыкали, какъ къ чему-то, безъ чего нельзя было обойтись и ужиться. На всякій уличный переполохъ, какъ на театръ, въ сосѣднихъ домахъ поднимались окончины, и нарядныя дамы выглядывали оттуда, слѣдя съ любопытствомъ, изъ-за модныхъ вѣеровъ, чѣмъ кончится казусъ.

Частныя зданія на Невскомъ, со стороны адмиралтейства, тогда начинались лишь отъ Полицейскаго моста. От-

сюда, вплоть до Аничкова, по правой и лѣвой сторонамъ проспекта, было немногимъ болѣе десятка домовъ, да и то на-половину деревянныхъ. Домовладѣльцы на главныхъ улицахъ были бо̀льшею частью иностранцы или инородцы. У разъѣздной площадки временного зимняго дворца, выходившаго на Мойку, на Невскій и Луговую, нынѣ Морскую, былъ домъ купца Дюбиссона, съ надписью на вывѣскѣ: «Продажа гамбургскихъ канареекъ и попугаевъ». Въ Кирпичномъ переулкѣ, наискось противъ нынѣшняго ресторана Дюссо, былъ домъ банкира Кнутсена. На углу Гороховой и Луговой — домъ красильщика Краузе; у Синяго моста—вывѣска шорника Матьяса За̀ккова. Немного далѣе, по Мойкѣ—цвѣточный магазинъ Вольфа, съ надписью: «Изрядныя ананасныя планты». Еще далѣе, по Вознесенскому проспекту — дома: Пильхау, Рапке, Зушке, Хабасова и Клуга. У Вознесенскаго моста, на берегу Глухой рѣчки, нынѣ Екатерининскій каналъ—заведеніе оконнаго мастера Берга.

Придворные сады—Лѣтній, Итальянскаго дворца на Литейной, въ Екатерингофѣ и на цвѣточныхъ променадахъ Царицына Луга—были открыты для публики. Но въ нихъ не пускали матросовъ, ливрейныхъ лакеевъ, женщинъ съ платками на головахъ, мужчинъ въ сапогахъ, а не въ башмакахъ, и вообще,—какъ тогда говорили въ газетахъ и въ публикаціяхъ полиціи — «подлаго народа». — Требовались модныя и красивыя одежды. По указу императрицы Елисаветы, ставили клейма на фалды господъ, являвшихся ко двору въ старыхъ или вышедшихъ изъ моды «несообразныхъ кафтанахъ». Послѣ самой императрицы осталось пятнадцать тысячъ почти новыхъ платьевъ, нѣсколько тысячъ башмаковъ и два сундука чулокъ и лентъ. Между тѣмъ, мясныя, зеленныя и рыбныя лавки, кабаки и постоялые дворы невозбранно распространяли запахъ грязи и всякаго сора, валявшихся въ нихъ и возлѣ нихъ. Утонченная Европа и дикая, неумытая Азія—уживались рядомъ другъ съ другомъ.

Болотныя лихорадки, повальныя горячки, оспа, скарлатина и корь не покидали Петербурга. Врачей въ то время было мало, и тѣ брали непомѣрно дорого. Модные врачи, Монсій и Фузадьё, брали, не стѣсняясь, по пятнадцати червонцевъ за визитъ. Обученіе дѣтей сплошь было въ рукахъ невообразимыхъ проходимцевъ. Нѣкая иностранная фамилія

«шляхетнаго и честнаго рода» печатала о себѣ въ тогдашнихъ газетахъ, что она «учитъ дѣвицъ, по понятію каждой, языкамъ, шитью, экономіи, танцамъ, а притомъ и чтенію вѣдомостей».—Другая, иноземная же особа, а именно,—нѣкоторая г-жа Ренуардъ (адресъ: Милліонная, въ домѣ портного Энка) публиковала, что обучаетъ дѣвицъ языкамъ, ариѳметикѣ, географіи, исторіи—«а также и писать».—Въ казенные и домашніе учителя нерѣдко попадали забираемые по понедѣльникамъ со съѣзжей уличные «шататели» и «пьянчужки», замѣшанные иногда въ дебошахъ, кончавшихся смертоубійствомъ.

Благородныя дѣвицы перенимали другъ у друга тайны, какъ затягивать получше таліи, какъ дѣлать реверансы и налѣпливать на лицо мушки. Въ косметическихъ лавкахъ продавались особыя, красивыя коробочки съ черными мушками. При наймѣ женской прислуги спрашивали тогда: «на хозяйскихъ ли румянахъ и бѣлилахъ?» Знатные и богатые люди заботились о составленіи библіотекъ изъ французскихъ книгъ, въ которыя, впрочемъ, немногіе изъ нихъ заглядывали. Мужчины учились у мужчинъ, какъ надѣть круглую вощанковую, или трехъ-угольную пуховую шляпу; какъ открыть табакерку, оправлять на манжетахъ алансо̀ны и пуандешпа́ны, нюхать табакъ и вынимать и встряхивать цвѣтной, пропитанный духами a la Reine, фуляровый платокъ. Парикмахеры на Морской и на Невскомъ завивали букли и заплетали и пудрили косы русскимъ петимѐтрамъ, назначавшимъ другъ другу вечернія свиданія въ невышедшемъ еще изъ моды, со временъ Лестока, трактирѣ савояра Берляра и Иберкампфа, въ гербергахъ, погребахъ Гантовера, Ретса и въ вольныхъ домахъ, австеріяхъ Винклерши, Шмидши, Кохши и другихъ.

Государыня Елисавета Петровна ѣздила запросто на вечеринки къ вельможамъ, кутая своею муфтой и платкомъ руки и горло провожавшему ее графу-мужу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, подъ письмами къ которому она въ шутку подписывалась: «вашъ первый дишкантистъ». У постели же ея, по простотѣ, со временъ еще ея дѣвичества, на разостланномъ тюфячкѣ, для охраны ея, спалъ на полу старичекъ, любимый ея камердинеръ, впослѣдствіи генералъ-аншефъ Василій Ивановичъ Чулковъ. Государыня, вставая иной разъ ранѣе его, будила вѣрнаго слугу, а онъ трепалъ

ее по плечу, зѣвая и ворча: «Ну-ну, лебедка моя! ужъ ты и встала».—Другъ Елисаветы, Мавра Егоровна Шувалова, урожденная Шепелёва, писала къ ней: «ваша раба и дочь, и холопка, и кузына», а мужа Шуваловой Алексѣй Разумовскій, подгулявъ на охотѣ, билъ батогами.

Ко двору Елисáветы Петровны, для ловли въ ея аппартаментахъ мышей, особыми указами выписывались изъ Казани умѣлые и «пристойнаго вида» сибирскіе коты, а изъ-за границы мартышки «столь малыя, чтобы входили въ индѣйскій кокосовый орѣхъ». Костромская помѣщица, Анна Ватазина, письменно предлагала государынѣ, коли произведутъ ея мужа въ коллежскіе асессоры, поднести въ даръ четырехъ собакъ: Еполита, Женету, Маркиза и Жулію. Въ молодости Елисавета, цесаревной, писала нѣжные мадригалы:

«Я не въ своей мòчи огонь утушить,
Сердцемъ болѣю, да чѣмъ пособить?»

При Елисаветѣ, по улицамъ было видно болѣе мирныхъ статскихъ. При Петрѣ III, Петербургъ сталъ наполняться разнокалиберными и дравшими носъ военными.

На дворцовомъ плацу, чуть не ежедневно, производились шумные — съ криками виватъ, маршировками и всякими муштрованіями—вахтпарады. По улицамъ озабоченно и торопливо скакали адъютанты, сновали пѣшіе и конные вѣстовые. Петровскіе, широкіе и длинные кафтаны гвардіи и арміи замѣнились куцыми и узкими мундирами, на манеръ прусскихъ. Исконный зеленый цвѣтъ кафтановъ и красный — воротниковъ и камзоловъ разрѣшено замѣнять, по произволу командировъ полковъ, оранжевымъ, голубымъ, лиловымъ, канареечнаго цвѣта и всякимъ. Петръ III ввелъ еще аксельбанты и эспантоны, трости у офицеровъ и урядниковъ. Онъ же отмѣнилъ ношеніе на вахтпарады, за капралами и унтеръ-офицерами, слугами ихъ, ружей и алебардъ.

Въ началѣ великаго поста, Петръ Ѳедоровичъ издалъ повелѣніе: всѣмъ сановникамъ и вельможамъ, носившимъ титулы командировъ взводовъ, баталіоновъ и полковъ, быть неотлучно на ученьяхъ, во главѣ своихъ частей. Это приказаніе привело всѣхъ въ неописанный конфузъ. Публика съ изумленіемъ увидѣла, по улицамъ, марширующихъ по щиколку въ грязи, передъ своими батальонами и взводами, генералъ-фельдмаршаловъ: графовъ Александра Иваныча

Шувалова и изнѣженнаго сибарита и сластуна Алексѣя Разумовскаго, дядю государя—принца Жоржа и больного одышкой, въ бархатныхъ штиблетахъ на опухшихъ, подагрическихъ ногахъ, князя Никиту Юрьича Трубецкого. Гетманъ Разумовскій даже нанялъ особаго голштинскаго офицера для уроковъ новой муштровки. Придворные и статскіе чины были не менѣе озадачены. Парикмахера своего Брессана государь назначилъ въ директоры фабрики гобеленей и произвелъ въ камергеры; ямщика же, какого-то Патрикѣева, въ титулярные совѣтники.

Передъ пасхой Петръ III писалъ къ своему другу королю Фридриху, что, не остерегаясь ничего и никого, онъ предастъ себя на волю Бога и въ охрану своему народу, и безъ провожатыхъ по Петербургу ходитъ пѣшкомъ.

IV.

Дрезденша.

У Вознесенскаго моста стоялъ обветшалый и огромный, съ кучею амбаровъ, конюшенъ и покосившихся флигелей, деревянный, съ поросшей мхомъ кровлей, домъ царевича Леона Грузинскаго. Черезъ переулокъ за нимъ былъ такой же старый домъ камеръ-фурьера Рубановскаго. Сюда, послѣ неудачной справки у Крашенинникова, подъ вечеръ, подошелъ Мировичъ.

Его озадачили крики и пѣсни пьяной черни, вырывавшіеся изъ грязнаго темнаго кабака, на углу этого дома, рядомъ съ вонючею рыбною лавкой. Онъ поднялъ глаза — на сосѣднемъ балконѣ, выходившемъ на проспектъ, были вывѣшены, для провѣтриванія, какія-то шубейки, подушки и дѣтское бѣлье. Убитая кошка валялась среди улицы.

«Нѣтъ, Кенигсбергъ не въ примѣръ лучше и чище Петербурга: тамъ аккуратнѣе и такого неряшества не позволятъ!» — подумалъ Мировичъ, съ трудомъ перейдя черезъ растаявшую обширную лужу, у спуска съ Вознесенскаго моста. Онъ вошелъ къ Рубановскому. Ему сказали, что Василій Кириллычъ хотя и у себя, но послѣ обѣда передъ всенощной почиваетъ, а потому, если ему есть надобность,— не угодно ли подождать

Дѣлать нечего. Сталъ дожидаться Мировичъ въ кабинетѣ. Онъ усталъ за день въ ходьбѣ по городу и сильно прого-

лодался. Комната, куда его ввели, была маленькая, душная. Пахло ладаномъ и къ тому какъ бы пригорѣлымъ, постнымъ масломъ. Со стѣны глядѣлъ портретъ какого-то толстаго, крупноносаго протоіерея. Въ пяльцахъ у окна стояло неконченное женское шитье по бархату. На столѣ у диванчика лежало нѣсколько тощихъ и сѣрыхъ тетрадокъ, въ четвертку, тогдашнихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», двѣ-три книжечки академическихъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій», колода старыхъ игральныхъ картъ и въ кожаномъ, закапанномъ воскомъ переплетѣ, объемистая книга «Камень вѣры».

«Ну-ка, что̀ пишутъ о нашихъ дѣлахъ съ пруссаками?— подумалъ Миро̀вичъ, — какъ цѣнятъ наши побѣды и что̀ случилось новаго послѣ меня?» — Онъ сталъ просматривать «С.-Петербургскія Вѣдомости».

Новости этой газеты сильно опаздывали. Въ нумерѣ отъ 1 марта, вѣсти изъ Парижа были отъ 1 февраля, изъ «Гишпаніи» отъ 18 января. Гдѣ-то была даже просто оговорка отъ редакціи: «Иностранныя газеты не бывали». О дѣлахъ Россіи съ Пруссіей ни слова.

«Ну, нашихъ газетировъ, — злобно усмѣхнулся Миро̀вичъ, — нѣмцы не будутъ сѣчь на Невскомъ, коли когданибудь возьмутъ Петербургъ!»

Онъ началъ перелистывать литературный журналъ «Ежемѣсячныя Сочиненія». Въ одной книжкѣ было длинное разсужденіе о кубовой краскѣ, въ другой — о строеніи погребовъ. Въ нумерѣ за январь была статья изъ англійскаго «Спектатора»: «Разговоръ между любовью и разумомъ». Миро̀вичъ, отъ нечего дѣлать, сталъ ее перелистывать.

Разумъ.—Весьма бы трудно было, любезная сестрица, сойтиться намъ съ вами.—*Любовь.*—Не вижу я благоразумія въ бракахъ, сдѣланныхъ только для одной корысти... Когда я возжигаю любовь, то возвышаю низкое состояніе до знатности, или повергаю высокое по подлости... Кто много разсуждаетъ — тотъ худо любитъ, а кто горячо любитъ — тотъ мало разсуждаетъ...

Миро̀вичъ закрылъ книгу, вздохнулъ и задумался. — «Это вѣрно!—утвердительно сказалъ онъ себѣ:—кто горячо любитъ, тотъ не разсуждаетъ».

На дворѣ, между тѣмъ, стало темнѣть. Ѣзда по улицамъ затихла. Въ сосѣдней комнатѣ чирикали стѣнные часы. Сверчокъ трещалъ вблизи за сундукомъ. Тяжелая, темная

лампада теплилась въ углу, у кіота. Мировичъ взглянулъ на иконы. — «Я былъ во тьмѣ, — подумалъ онъ, — и увидѣлъ свѣтъ... Да, я его увидѣлъ... Съ остріемъ шпаги у груди, меня ввели въ засѣданіе франмасоновъ... И я клялся быть совершеннымъ и справедливымъ. Я обновился, — иной становлюсь теперь человѣкъ. Болѣе не злиться, не проклинать. Всепрощеніе, вѣра въ людей и любовь къ нимъ, высокая любовь... Но кого я люблю болѣе всего? Поликсену... Да гдѣ же она? Ея нѣтъ... и неужели я никогда, никогда болѣе ея не увижу?»

За дверью, въ прихожей, раздался удушливый, старческій кашель. Шлепая туфлями, въ комнату вошелъ, въ халатѣ на мерлушкахъ, сгорбленный, сонный, худой и съ крючковатымъ носомъ старикъ. То былъ Рубановскій.

— Авдіенціи у государя ищете? просьбица есть?—спросилъ камеръ-фурьеръ, скрипя табакеркой и изъ-подъ кустоватыхъ бровей подозрительно щурясь на гостя.

Мировичъ объяснилъ, зачѣмъ пришелъ.

— Бабьи интрижки, сударь, кхе! смѣхи да волокитство!— продолжалъ Рубановскій, сердито тряся головой: — не по нашей части... гм!.. пустобрёшество одно! просимъ извинить... кхе-кхе! Часъ, въ онь-же ко всенощной добрые люди, а вы...

— Василій Кирилычъ, помилуйте!—заговорилъ, хмурясь, Мировичъ: — къ вамъ пришли, на васъ только и надежда. Вамъ однимъ можно знать, куда отъ двора отъѣхала дѣвица Пчёлкина... а вы...

— Не шаматонъ я гвардейскій и не шаркунъ! и любовными дуростями, сударикъ, не занимаюсь, вотъ что-съ!— свирѣпо набивая носъ, отрѣзалъ Рубановскій:—да коли бы и зналъ, то-бъ не сказалъ. У меня, сударь, дѣти, дочки.. А мало ли, не въ проносъ слово, не въ обиду сказать, нонѣ всякихъ шалберниковъ, совратителей дѣвицъ?

— Но я... Василій Кирилычъ, развѣ изъ такихъ! — возвысилъ голосъ Мировичъ: — и притомъ, какъ вы можете? это, наконецъ, обидно... афронтъ...

— Да не о тебѣ, батюшка, не о тебѣ... Что вскинулся! Экъ, испугалъ! Нечего пугать! Сами не изъ робкихъ... А что до твоей сударушки, такъ я и посесть часъ несвѣдомъ, гдѣ она, да—кольми паче—и знать мнѣ, слышишь, по моему рангу, не для чего... Дорожка, сударь, скатертью! дорожка!—

склонивъ голову и сердито топчась на мѣстѣ, отвѣтилъ Рубановскій: — просимъ извинить и не осудить... да-съ, не осудить...

Бѣшенство проняло Мировича. Иголки заходили у него въ рукахъ. Не помня себя отъ ряда неудачъ и гнѣва, онъ вышелъ на улицу. — «Будь не старикъ, да не у себя въ домѣ,—сказалъ онъ себѣ, сжавъ кулаки:—я-бъ тебѣ, постнику, показалъ!» — Голова Мировича кружилась. Горло подергивали судороги. Съ трудомъ дыша, онъ, какъ пьяный, шатаясь, прошелъ нѣсколько шаговъ. На улицѣ кое-гдѣ тускло зажигались фонари.

«Куда же теперь?—злобно спросилъ онъ себя:—или идти къ государеву секретарю Волкову, добиться пріема и просить, за воинскія мои старанія и услуги, о розысканіи во что бы то ни стало дѣвицы Пчёлкиной? Ха-ха!.. Безуміе! За воинскія заслуги! Какія онѣ? Развѣ къ Разумовскому? Но онъ, послѣ моей стычки съ Юсуповымъ, совсѣмъ отъ меня отказался. Писалъ я ему съ походовъ не одну цидулку; онъ и не откликнулся... Неужели-жъ опять за границу, въ Кёнигсбергъ, когда армія и безъ того вотъ-вотъ повернетъ оглобли въ Россію?.. Есть, кажется, выходъ, и простой,—да подлые, малодушные люди! все ихъ тянетъ въ водоворотъ, въ суету, — уѣхать бы на Украйну, къ другу Якову Евстафьичу, или въ Кіевъ, выйти въ отставку, на тихомъ хуторѣ поселиться, въ раю...

За спиной его послышался окликъ. Его назвали по имени. Онъ оглянулся.

У Вознесенскаго моста стоялъ добродушный, невысокаго роста, круглый, съ краснымъ, въ веснушкахъ, лицомъ и съ манерами безпечнаго кутилы и щеголя, нѣсколько навеселѣ, лѣтъ тридцати-двухъ-трехъ, пѣхотный офицеръ. То былъ дѣлившій съ Мировичемъ часть заграничнаго похода, его знакомый, поручикъ великолуцкаго армейскаго полка, Аполлонъ Ильичъ Ушаковъ. Онъ мѣсяцемъ раньше Мировича былъ присланъ, по фуражнымъ дѣламъ, изъ арміи въ Петербургъ, гдѣ и остался. Племянникъ знаменитаго Андрея Ивановича Ушакова, грозы розыскной экспедиціи прежнихъ лѣтъ, онъ давно промоталъ отцовское состояніе и жилъ аферами, дружбой съ повѣсами и мотами всевозможныхъ слоевъ и неизмѣннымъ посѣщеніемъ трактировъ, харчевень

и кофейныхъ домовъ. При деньгахъ онъ былъ веселъ и смѣлъ; безъ денегъ—тряпка-тряпкой.

— Камими судьбами? вотъ не ожидалъ! — воскликнулъ оперившійся въ Петербургѣ и бывшій въ эту минуту, точно на крыльяхъ, Ушаковъ!

— По службѣ; какъ и ты, разумѣется, съ порученіемъ!— отвѣтилъ, отвернувшись отъ него, Мировичъ.

— Ну, и гутъ, хохландія; значитъ, запылимъ! Хочешь, пойдемъ, сокрушимъ по маленькой? Финансы въ авантажѣ... Откуда въ сей моментъ?

Мировичъ указалъ назадъ, за церковь.

— Отъ Дрезденши?—спросилъ, не спуская съ него веселыхъ, на выкатѣ смѣющихся глазъ, Ушаковъ.

— Отъ какой Дрезденши?

— Такъ ты Дрезденши не знаешь? шрѐклихъ!.. вотъ невинность, недоросль изъ Чухломы...

Мировичъ былъ не радъ этой встрѣчѣ и нетерпѣливо поглядывалъ въ ближайшій переулокъ.

— Голоденъ?—спросилъ, будто что-то вспомнивъ, Ушаковъ:—желаешь кстати и черепочекъ раздавить? желаешь, такъ угощу и разскажу...

— Кошелекъ забылъ,—отвѣтилъ Мировичъ.

— Экъ, дура, дура, дѣвка Тимофѣевна! — насмѣшливо сказалъ, обыкновенно уступавшій и благоговѣвшій передъ сдержаннымъ Мировичемъ, Ушаковъ:—а еще офицеръ прозывается!—Срамъ и всему воинству обида... Parole d'honneur... Не масонство-ли воспрещаетъ?.. Такъ и я, смѣю доложить, съ этого мѣсяца масонъ, хоть и не принадлежу къ вашему lata observantia... Дрезденши не знаетъ! Пойдемъ же; на угощенье товарища и у насъ хватитъ казны... Вонъ Дрезденша!..

И онъ, обернувшись, подмигнулъ съ набережной на красный фонарь особаго подъѣзда въ домѣ князя Леона Грузинскаго, неосвѣщенная часть оконъ котораго глядѣла на Вознесенскій проспектъ, а другая, въ веселыхъ огонькахъ, была обращена на берегъ Глухой рѣки (нынѣ Екатерининскій каналъ).

— Дрезденша, рыцарь ты мой, она же и Фѣлькнерша, это вотъ что! и ты сію комедіянтскую фабулу послушай!— лихо выпрямившись, сказалъ Ушаковъ, замедлясь у крас-

наго фонаря:—жила она при покойной государынѣ не здѣсь, а подалѣе, въ домѣ Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Не повезло только ей тогда. Спознала государыня Елисаветъ-Петровна добронравная, что въ вольный домъ, въ австерію, къ Дрезденшѣ, множество статскихъ и чуть не вся гвардія ѣздятъ, не токмо на бильярдѣ, али въ кегли забавляться, но и ради чего иного. Была тутъ другая, Василій Яковличъ, приманка: аки-бы для музыки и въ услуженіе мужеска пола посѣтителей, было у нея не мало иноземныхъ и здѣшнихъ дѣвицъ, да все, душечка, ахтительныя красавицы... На бандорахъ, гитаркахъ играли, пѣли и плясали... Окромя-же того, на вечеринки къ Дрезденшѣ, съ другого хода, стали ѣздить, надо тебѣ тоже сказать, не одни мужчины, а и барыни-модницы, на свиданіе съ милъ-дружками, въ тайности отъ своихъ мужей. Ну, королевичъ ты мой, ревнивые глаза анъ видятъ еще подальше орлиныхъ!.. Донесли о томъ государынѣ. А Елисаветъ-Петровна, самъ ты знаешь, какъ любила такія явныя дурости, да шаматонства...

— Что-жъ она?—спросилъ Мировичъ.

— Отдала престрогій приказъ... И вся сія потайная и противная аки-бы добрымъ нравамъ торговлишка кончилась, братецъ ты мой, плохо, не токмо для Дрезденши, а и для другихъ. Съ нею пострадала и всѣмъ любезная Амбахарша, ея землячка, въ Конюшенной, и шведская поручица Делегринша, на Литейной. Но паче всѣхъ скопъ лютости упалъ на Дрезденшу!.. Ее выслали за границу, а всѣхъ ея соблазнительницъ земфиръ, безъ жалости, отправили на прядильный дворъ, въ Калинкину деревню. Кабинетъ - министръ Демидовъ производилъ тогда слѣдствіе, и многіе важные модники и барыни-щеголихи сильно притомъ поплатились. По именному повелѣнію государыни, астронома Попова, да асессора мануфактуръ - коллегіи Ладыгина отлучили отъ церкви, а потомъ повѣнчали въ соборной казанской церкви, да съ такими красавицами, что тѣ молодчики и не спохватились...

— Не слыхалъ я про то,—сказалъ Мировичъ.

— Гдѣ тебѣ слышать! Ты тогда еще въ бабки игралъ. Да не только посѣтители, — офицеры, поставленные на часахъ у заключенныхъ на прядильномъ дворѣ дѣвицъ,—и тѣ не устояли противъ лукаваго, ударились въ волокитство на караулѣ, захотѣли бандоръ да гитарокъ послушать, пѣсенкой

побаловаться, и за то подверглись также немалому афронту и несчастью... Такъ вотъ тебѣ, сударь, кто Дрезденша...

— Но изъ-за чего-жъ, изъ-за чего?—вдругъ уцѣпился Мировичъ:—не можетъ быть, чтобъ даромъ все это... мало-ли, куда внѣ фронта гвардія ходила и ходитъ... Кому какое дѣло?

— Правду ты сказалъ, Василій! всегда справедливъ и прозорливъ!—пріятно удивясь, отвѣтилъ Ушаковъ:—были и другіе резоны... Искали, не хаживалъ ли къ этимъ восхитительницамъ близкій въ то время къ другой особѣ повыше—Бутурлинъ... Ну, помощница Дрезденши, Лизута Черная, подъ кошками и покаялась...

Мировичъ вздрогнулъ.

— Подъ кошками?

— Да...

— Экое варварство...

Пріятели помолчали.

— Но ты, Аполлонъ,—спросилъ Мировичъ:—ты сказалъ, что Дрезденша была выслана за границу?

— Да, была выслана, при покойной царицѣ. А какъ только на престолъ взошелъ нынѣ нами владѣющій государь-императоръ, такъ эта Дрезденша,—а за нею и другія ея землячки, — вновь, и еще съ бо́льшею бомбардира́дой, проявились здѣсь, сѣли себѣ попрежнему—и вотъ она первая... любуйся!

— Не пойду, — сказалъ Мировичъ: — Боже Господи! кошки...

— Э, полно! то́ было вонъ когда! вздоръ! пойдемъ. Теперь тутъ благороднѣе, вальяжнѣе, чище. И Дрезденша состарѣлась, и нравы смягчились. Внизу закуски и бильярдъ,—скажемъ: здравствуйте стакашки, канашки, каково поживали, насъ поминали? — а наверху, Василій, карты, бываетъ музыка и всякій тебѣ го́ре-отгонительный куплетъ увидишь...

Вздохнулъ голодный, раздосадованный неудачами Мировичъ и противъ желанія вошелъ за Ушаковымъ въ нижнее отдѣленіе ресторана Дрезденши.

Ему было не по себѣ. Онъ чуть не вслухъ бранился. «Тьфу ты, малодушіе, подлость!—ворчалъ онъ и язвительно улыбался:—что́ сказала бы Филатовна и какъ посудило бы начальство, если бъ увидѣли меня здѣсь?»

Первое, впрочемъ, что̀ бросилось ему въ глаза, при входѣ въ освѣщенную восковыми свѣчами, прокуренную кнастеромъ и полную шума и говора, нижнюю залу, было лицо сердитаго и важнаго генерала Бехлешова, такъ распекавшаго его тѣмъ утромъ за галстукъ и вообще за не въ порядкѣ оказавшійся его нарядъ. Надутый, суровый видъ генерала исчезъ. Онъ, съ растегнутымъ камзоломъ и съ веселымъ, безпечно-ухмылявшимся лицомъ, сидя въ углу, допивалъ четвертый, съ гданской водкой, пуншъ и, то-и-дѣло отирая лобъ и бѣлыя, полныя щеки, жадно слѣдилъ за бильярдною игрой. Не успѣлъ Миро̀вичъ съ Ушаковымъ потребовать въ сосѣднюю комнату подо̀ваго, съ сигомъ и севрюжьей головой, пирога, не успѣлъ онъ «раздавить» съ нимъ по маленькой, а потомъ и по большой,—въ залу вошелъ, за полчаса такъ удивившій его строгимъ нравомъ, сосѣдъ Дрезденши, Рубановскій. Охранитель чести дѣвицъ, усердный молитвенникъ и постникъ, вынулъ пѣнковую, съ витымъ чубукомъ, трубочку, потребо̀валъ и себѣ здоровенный стаканъ пуншу и также усѣлся къ сторонѣ глядѣть на бильярдныхъ игроковъ.

«О, люди! — съ тайнымъ негодованіемъ подумалъ Миро̀вичъ,—просителя считаютъ за собаку, изреченія какія отпускаютъ. Сами же... А будь деньги, будь богатъ...»

Онъ, злобно передернувшись, громко разсмѣялся.

— Что ты?—спросилъ, обведя его глазами, Ушаковъ.

— Такъ, мерзости, братъ... Подлецовъ, ухъ, да какъ же много нынче на свѣтѣ развелось. Тѣсно отъ нихъ.

Проговоривъ это, Миро̀вичъ опять рѣзко, отрывисто захохоталъ.

— А ты знаешь настоящее средство отъ всякихъ, то-есть, навожденій?—спросилъ Ушаковъ.

— Какое?

— Выпьемъ, Василій Яковличъ, сотворимъ во благо еще... Или вашъ Obidienz-und-Unterfügungsact мѣшаетъ тому? Вздоръ... Жизнь, милый, вотъ какъ коротка и скучна... Да и родила насъ мама, что не принимаетъ и яма... Что̀ хмуришься? Аль подрядился на собакъ сѣно косить?.. Эй, малый, еще бутылочку рижскаго!

Подали пива, и опять подали. Изъ дальнихъ комнатъ доносились звуки музыки.

— Кутятъ гвардейцы,—произнесъ Ушаковъ.

— Дьяволы, анаѳемы!—опять, точно сорвавшись, сказалъ Мировичъ.

— Да о комъ ты это, разскажи?—спросилъ, уставясь на него, Ушаковъ.

Мировичъ вздохнулъ. Въ его черныхъ, безъ блеска, сердитыхъ глазахъ начиналъ свѣтиться дикій, блуждающій огонекъ.

— Изъ-за чего такія несправедливости? Ну, изъ-за чего?—произнесъ онъ, посмотрѣвъ куда-то въ воздухъ:—вѣришь ли, фу—какая тоска!

— Какія несправедливости?

— Да какъ же, посуди. Ну, какъ могъ человѣкъ, по контракту съ обществомъ и государствомъ, передать другимъ то, на что самъ не имѣетъ права,—располагать своею свободою, совѣстью, жизнью?

— Фю-фю!—засвисталъ, что-то смутно, лѣниво припоминая, Ушаковъ:—ты это по Мартинѐцу? Опоздалъ! Не знаю, братъ, этихъ вашихъ новыхъ откровеній; хоть и слышалъ о вашей ложѣ, ничего особаго въ ней нѣтъ... А вотъ въ «Трехъ глобусахъ», такъ согласись...

— Drei Weltkugeln, или ложа св. Іоанна,—это все едино, глупецъ!—презрительно и грубо перебилъ Мировичъ:—горе въ томъ, что всѣ въ темнотѣ, всѣ смотрятъ врозь. А сколько силой воли одного человѣка можно сдѣлать!..

— Да опять-таки ты не о томъ, ахъ, опять не туда,—отвѣтилъ, не обижаясь и весело замахавъ руками, замѣтно хмелѣвшій Ушаковъ:—я бы тебѣ все изложилъ, все... все... Только, канальство, надо бы вотъ зайти... Ну, да, слушай... ты вотъ куда взгляни, это чѣмъ пахнетъ? — сказалъ онъ, разставивъ передъ собой ладони:—слышалъ ты, какую силу забираютъ нѣмцы? Вездѣ, братъ, ползутъ, вездѣ, да не простые, самые патентованные, изъ Киля... Командиры полковъ назначены сплошь голштинцы: коннаго—Цобельтишъ, инфантеріи—Цеге-фонъ-Мантейфель... Крюгеръ, Одельрогъ, Кеттенбургъ, да Вейссъ, а въ кавалеріи—Лёвенъ, Лотцовъ, Шильдъ и дядюшка государевъ, новый генералъ-фельдмаршалъ, принцъ Жоржъ... Имена полковъ тоже измѣнены... Нарвскій твой уже не нарвскій, а Эссена; смоленскій, что въ Шлиссельбургѣ стоитъ, Фулертоновымъ прозывается... Иного колбасника-собаку даже не выговоришь, цѣпляется языкъ... А все-таки, ну вонъ, что хочешь, а я государя

люблю... Добрякъ онъ, веселый, откровенный и ужъ простота... Видѣлъ ты его? И глаза у него такіе добрые, а хохочетъ, заливается, точно школьникъ... Одно—любитъ не наши поговорки... Я на вахтъ-парадѣ намедни его слышалъ... Душа человѣка! Скажи, въ огонь и въ воду пойду за него... Да ты, Василій, можетъ, катериновецъ?.. Признайся!.. Царёва жена подбираетъ, слыхомъ-слыхать, партію, да какую... И у Дрезденши, скажу по секрету, здѣсь иной разъ собирается главный ихъ притонъ. Давеча, какъ смеркалось, пятеро санокъ, должно, сюда съ медвѣжьей травли катили. Чтò имъ дѣлать! Кружатъ веселыя головушки, негдѣ удали дѣть!

— Катериновецъ! Петровецъ! — съ дрожью въ голосѣ, злобно воскликнулъ, обыкновенно сильно, мертвенно-блѣднѣвшій отъ возліяній, Мирòвичъ:—экъ разнесло ихъ! ха-ха! Тоже о партіонныхъ кличкахъ толкуютъ... Англія, что-ли, здѣсь, или французскіе парламенты? Плевать я хотѣлъ на клички, плевать! дуракъ! Гляди вотъ куда... Читалъ ты господина Руссо? читалъ его «Contrat social?» Ну, чтò тамъ сказано о правахъ человѣчества! Понялъ теперь о правахъ? То-то же. И если что по-правдѣ плохо у насъ, такъ это, что нашего брата, мелку сошку, вездѣ нынче считаютъ за ничто... собаками, какъ есть собаками... Ни нажиться, ни произойти въ чины...

Въ это время изъ бильярдной комнаты раздался взрывъ дружнаго и громкаго хохота. Перекаты его черезъ минуту возобновились.

Въ раскрытую дверь было видно, какъ молодцоватый и лихой, лѣтъ двадцати-семи-восьми, въ подбитомъ соболями кафтанѣ, огромнаго роста, съ римскимъ носомъ и замѣчательно-красивый артиллеристъ-гвардеецъ, обыгравъ старичка-маркера, съ кіемъ въ одной рукѣ и съ голландской трубкой въ другой, слегка перегнувшись и разставивъ обутыя въ дорожные ботфорты ноги, повторялъ: «пуць-пуць-пуць», и до слезъ хохоталъ среди комнаты. А тучный, съ кривыми ногами и желтымъ, отекшимъ лицомъ, маркёръ въ пятый разъ, кряхтя и охая, пролѣзалъ подъ бильярдъ и, съ тупо-удивленной недовольной рожей, принимался, по уговору, пить новый стаканъ холодной воды. Толпа зрителей—въ томъ числѣ Рубановскій и утренній генералъ — глядя съ своихъ мѣстъ на эту картину, въ неудержимомъ смѣхѣ

вскрикивали, хватались за животы и махали руками и ногами.

Мировичъ, оправивъ на себѣ кафтанъ и прическу, съ нервической дрожью, сказалъ Ушакову: «низость какова, а еще гвардейцы! Расплатись, Аполлонъ, да дай взаймы чуточку»...—И не успѣлъ Ушаковъ опомниться, — онъ торопливо протиснулся сквозь толпу и подошелъ къ артиллеристу, черты котораго были ему какъ-бы нѣсколько знакомы.

— Любители на бильярдѣ?—спросилъ онъ вѣжливо, косясь на него.

— Да-съ... а вы?—удивленно и бѣгло окинувъ его глазами, произнесъ гвардеецъ.

— И въ моей манерѣ эта игра не послѣдняя-съ!

— Такъ не угодно ли?—спросилъ, брякнувъ шпорами и улыбаясь, артиллеристъ.—Его улыбка была обворожительно-добрая, женственно-безпечная.

«Эка сволочь!—холодно и злобно про-себя усмѣхнулся Мировичъ:—а разрядился какъ!.. да какъ баба и смазливъ... букольки на вискахъ распомажены, точно прилизаны у болвана языкомъ...»

— Оно ничего-съ и съ охотой,—отвѣтилъ, пуще хмурясь, Мировичъ:—только извините, ха-ха! вотъ никакъ не пойму... Отчего это вы играете съ подлымъ слугой, а не съ кѣмъ-либо изъ благородной публики?

— О! нынче, сударь, я въ превеликомъ амбарà!—простодушно опять улыбнулся красавецъ-гвардеецъ: — никто вотъ — хоть тресни, а ни-ни! — не хочетъ со мной помѣряться.

— Въ такомъ разѣ, съ моимъ съ превеликимъ удовольствіемъ!—сказалъ, раздражительно торопясь, Мировичъ.

— На деньги, или тоже въ шутку, на подобный уговоръ?—спросилъ, насмѣшливо глядя на него и на присутствовавшихъ, гвардеецъ.

— Инъ хоть и на уговоръ!

Игра началась.

Съ первыхъ ходовъ Мировичъ, и безъ того блѣдный, еще болѣе смутился и оробѣлъ. Дрожащей рукой намѣтилъ онъ кій, угловато-ухарски повелъ плечомъ и нацѣлился. Его шаръ такъ ловко щелкнулъ шаръ противника, что гвардеецъ изумленно покосился на него и замялся.

— Можетъ-быть, вы, сударь, на деньги?—спросилъ онъ:— что̀ даромъ время терять?

— А вотъ ужъ мы сперва по-уговору-съ... смажемъ вотъ этого,—сказалъ Миро̀вичъ:—а потомъ хоть и этого... я не чинюсь... готовъ...

Кій опять щелкнулъ. За краснымъ съ громомъ въ лузу влетѣлъ бѣлый, за бѣлымъ опять красный шаръ. Игра была кончена.

— Пуць-пуць, или какъ вы тамъ, сударь! ха-ха! лѣзьте, значитъ, подъ бильярдъ,—неестественно зѣвнувъ и откидывая волосы, презрительно произнесъ Миро̀вичъ:—а для прохлады, не въ проносъ слово, испейте кстати и холодной водицы...

Артиллеристъ прикипѣлъ на мѣстѣ. Румянецъ залилъ его бѣлыя, женственно-нѣжныя щеки. Въ блестящихъ, карихъ, съ поволокой, глазахъ, выразились удивленіе, почти дѣтская досада и невольный стыдъ. Онъ бросилъ растерянный, робкій взглядъ по сторонамъ, подумалъ: «вотъ бестія! а уговоръ исполнять слѣдуетъ, — расплачивайся!» — и ловко скинулъ съ себя дорожный, расшитый золотомъ, на соболяхъ, щегольской гвердейскій кафтанъ.—Дѣлать нечего, онъ присѣлъ, съ улыбкой пролѣзъ на четверенькахъ подъ бильярдомъ и залпомъ выпилъ поданный хихикающимъ маркёромъ стаканъ воды.

— А что-жъ? другую партію! — сказалъ онъ, не одѣваясь: — три дня за медвѣдями охотились, только-что съ Волхова... будто промахнулась рука... Угодно ли?

«Оставь его, оставь!—шепталъ, дергая Миро̀вича за рукавъ, красный, какъ ракъ, Ушаковъ:—Катериновецъ вѣдь это!.. какъ бы онъ тебѣ не отплатилъ»...

Миро̀вичъ его не слушалъ. Игра возобновилась. И во второй разъ молодцоватый гвардеецъ, въ то утро посадившій на рогатину медвѣдя, полѣзъ подъ бильярдъ и опять пилъ поданную ликующимъ маркёромъ воду.

Зрителей надвинулось на эту картину множество. Явились, съ тоненькими кривыми сигарами и трубками, — другіе—военные, статскіе и моряки. Между ними протискался, въ ермолкѣ, въ ваточномъ халатѣ и въ плисовыхъ туфляхъ, самъ царевичъ, старикъ Леонъ Грузинскій, имѣвшій обыкновеніе въ такомъ нарядѣ, какъ хозяинъ помѣщенія, проводить бо̀льшую часть вечеровъ въ вольномъ домѣ Дрез-

деніи. Послѣ новой, неудачной партіи, гвардеецъ остановился.

— Да вы заговорённый, — сказалъ онъ, отходя съ Мировичемъ къ сторонѣ: — попроворили какъ разбить... Но угодно ли въ такомъ разѣ и въ карты?

— Всеодолженнѣйшій слуга!—съ радостной дрожью произнесъ, не поднимая глазъ, и надменно поклонился Мировичъ.

— Такъ пойдемте на-верхъ, — сказалъ, опять облекаясь въ кафтанъ, гвардеецъ.

— Только я вотъ товарища что-то потерялъ изъ виду!— оглянулся Мировичъ:—коли проиграюсь, а счастье не вѣчно везетъ, не у кого будетъ взять здѣсь сикурсу...

— Въ долгъ повѣримъ, — съ усмѣшкой смѣрявъ пѣхотинца глазами, сказалъ гвардеецъ:—мы по простотѣ, сударь, безъ фасоновъ...

— И намъ, государь мой, фасоны не надобны! — съ достоинствомъ отвѣтилъ Мировичъ: — а въ долгъ, къ слову сказать, еще не игрывали...

Внутренней, витой лѣстницей они взошли въ верхнія комнаты Дрезденши.

«И этого-то человѣка и какъ стопталъ, разбилъ! — шептали между тѣмъ гости, при проходѣ среди нихъ щеголя-артиллериста и его побѣдителя:—всѣ пуандешпаны ему перемялъ этимъ лазаньемъ... Слыхано ли? Перваго въ гвардіи директора веселостей и всякихъ игорныхъ затѣй»...

— Съ кѣмъ имѣю честь?—спросилъ гвардеецъ.

Мировичъ назвалъ себя.

— А вы?—спросилъ послѣдній.

— Цальмейстеръ гвардейской артиллеріи, Григорій Григорьичъ Орловъ, — отвѣтилъ красивый офицеръ, концами нѣжныхъ, въ кольцахъ, пальцевъ оправляя букли и на груди кружева.

«Онъ самый и есть! такъ вотъ это кто!»—подумалъ Мировичъ, съ новой, презрительной злобой вглядываясь въ пышущее здоровьемъ, румяное и удалое лицо Григорія Орлова, котораго онъ засталъ когда-то на нѣсколько мѣсяцевъ въ корпусѣ. Орловъ потребовалъ шампанскаго, бутылка котораго тогда стоила рубль тридцать копеекъ. Они чокнулись и выпили по нѣскольку бокаловъ.

— Коли въ карты, — сказалъ Орловъ: — такъ пойдемъ дальше.

Онъ провелъ Мировича въ слѣдующія комнаты. Тамъ увеселенія нѣкогда потайной, а нынѣ явной, модной австеріи — шли въ полномъ разгарѣ. Играли въ бириби, въ ламушъ, въ тогдашній банкъ-фараонъ и въ «кампись», любимую игру новаго государя и его голштинцевъ, въ которой каждый получалъ нѣсколько «жизней», и кто переживалъ, тотъ и выигрывалъ. Дымъ кнастера клубами стлался по комнатамъ, смѣшиваясь съ дымомъ сигаръ фидибусъ. Изъ большой сосѣдней залы явственнѣе доносились звуки венгерской струнной музыки, нанятой возвратившимися съ медвѣжьей травли гвардейцами. Тамъ шли танцы и слышались смѣхъ и веселые голоса итальянскихъ и французскихъ хористокъ придворной оперной труппы, любившихъ здѣсь дѣлить время въ обществѣ столичныхъ богачей.

Сама Дрезденша, она же и Фёлькнерша, пятидесятилѣтняя, набѣленная и плотная женщина, появлялась среди карточныхъ столовъ. Подбоченясь, она останавливалась передъ играющими; сѣрыми ястребиными глазами слѣдила за тѣми, кто побѣждалъ, съ возгласами: «Ach, Herr Je...», громко хохотала надъ тѣми, кто проигрывалъ, — предлагала яства и питія и исчезала во внутреннія комнаты всякій разъ, когда выходилъ какой-нибудь дебошъ. Военные звали Дрезденшу командиршей, моряки — адмиральшей, статскіе — танточкой.

Въ одной изъ игральныхъ комнатъ, куда, вслѣдъ за Орловымъ, вошелъ Мировичъ, за большимъ круглымъ столомъ сидѣлъ атлетическаго вида, девяти пудовъ вѣсомъ, съ мужиковатою повадкой и площадными французскими и русскими присловьями лицомъ, впрочемъ, очень похожій на старшаго брата — красавца Григорія, — расфранченный и раздушенный преображенскій сержантъ, Алексѣй Орловъ. Его окружали пріѣхавшіе съ медвѣжьей травли другіе гвардейцы. Здѣсь играли въ фараонъ. По просьбѣ богатаго товарища-однополчанина, Михаила Егорыча Баскакова, Алексѣй Орловъ металъ банкъ. Другіе, стоя, сидя и съ вынутой картой въ волненіи прохаживаясь, понтировали. Оживленіе было общее.

— Мѣсто, Ласунскій! дай пустить ерша, — подходя и

также беря карту, шепнулъ Григорій Орловъ невысокому, расфранченному въ серебряныхъ галунахъ, измайловцу.— «Не пускай его,—усмѣхнулся длинный, въ очкахъ и вялый съ виду, другой измайловецъ, Николай Рославлевъ: — безпремѣнно проиграется! намедни насилу ихъ розняли въ Волочкѣ съ Несвитскимъ и съ Хитрово»... — Да я не для себя, господа... parole d'honneur! — произнесъ Григорій Орловъ, указывая глазами на подведеннаго имъ новаго понтера. — Мировичъ долго не рѣшался ставить карты. — «Гвардейцы, катериновцы,—ухари, богачи,—мыслилъ онъ, замирая:—не пара... Съ ними свяжешься, не радъ будешь. Проиграешься, на днѣ моря найдутъ; выиграешь, какъ бы еще не кончилось, какъ тогда съ Юсуповымъ... Нѣтъ! два года терпѣлъ, не зарывался... Великій Руссо, учитель мой! Помню твои слова.. Силой воли, воли одного человѣка, все достигнешь... Баста, картъ въ руки не возьму».

У игральнаго стола шелъ оживленный, русско-французскій разговоръ. Слышался изрѣдка смѣхъ.

— Что-жъ, отче многомилостивый? — уставясь въ него и продолжая толстыми, жилистыми пальцами метать фараонъ, пробасилъ исполинъ Алексѣй Орловъ:—уважьте компанію-съ... отвѣдайте въ прусскаго короля счастья. Кому терѣть, кому въ теркѣ быть. Либо дупеля, либо пуделя... voyons, allez vite...

Кто-то изъ постороннихъ, ставя карту, прошепталъ:— «Была не была, отвѣдай еще, Хавронья!»—Мировичъ оперся рукой о столъ. Лица понтеровъ были ему неизвѣстны. Передъ нимъ лежала колода.—«Поликсена, далекая, дорогая, недобрая, выручай»,—подумалъ онъ, прикрывъ занятымъ у Ушакова червонцемъ пятерку, названіе которой начиналось одной буквой съ именемъ Поликсены. — «О-го, свернулъ овцѣ шею! Дана»,—пропустилъ веселымъ басомъ банкометъ. Ознобъ пробѣжалъ съ головы до пятъ Мировича. Онъ удвоилъ ставку на той же картѣ. Алексѣй Орловъ принялся опять метать и, снова вскинувъ на него удалыми, смѣющимися глазами, сказалъ: «Дана, сударушка, и эта-съ!»— Подошли новые игроки. Снизу явился и Рубановскій.— «Молодецъ, молодецъ! — шепталъ теперь старикъ Мировичу:—такому можно постараться... можетъ и найду!..»

Мировичъ не обращалъ вниманія на окружающихъ. Духъ игрока воскресъ въ немъ съ прежней, давно-неиспытанной

силой. Глаза у него помутились, ноздри расширились, духъ захватывало. Забылъ онъ и Руссо, и ложу св. Іоанна, и силу воли, и все. Загибая пароли и ставя уголъ на пе, онъ выигралъ почти сряду еще нѣсколько картъ. — «Экое счастье,—анаѳемское, дьявольское счастье!»—шептали кругомъ,—«Qui est ça?»—«А шутъ его знаетъ»...—«Да откуда взялся?»—«Григорій, что ли, привелъ»...—«Sacré nom! Невзрачный, а какъ загребаетъ».—«Но это случай, parbleu! не все же будетъ брать»...—Мировичъ, между тѣмъ, поднялъ глаза къ потолку. Держа колоду картъ, онъ подумалъ: «Пчёлкина... Поликсена... двѣ одинаковыхъ буквы въ началѣ имени и фамиліи... Попробуемъ еще такъ» — вынулъ пятерку пикъ, загнулъ на ней всѣ четыре угла и пустилъ такимъ образомъ все, что было у него выиграно. Карта снова, къ общему изумленію, взяла.

— Банкъ сорветъ! что вы! — дернулъ за руку Алексѣя Орлова Бредихинъ:—гдѣ Баскаковъ?

— Съ Машутой амурится...—отвѣтилъ, указавъ на дверь, Хитрово.

— Mais allez donc,—шепнулъ брату Алексѣй Орловъ:—пусть броситъ амуры и выручаетъ... какого козыря притащили!..

Гурьевъ и Хитрово привели Баскакова. Понтеры разступились. Кто-то сказалъ: «Поздно, други; скоро станутъ гасить свѣчи. Не сбрызнуть ли поле?»—Подали шампанскаго. Ласунскій съ Рославлевымъ и Гурьевымъ принялись сводить мѣломъ счеты проигрыша, выигрыша, за карты и за вино. Посторонніе зрители стали понемногу расходиться. Гдѣ-то въ сосѣдней комнатѣ нѣсколько человѣкъ несвязно пѣли: «Ленъ, ленъ, молодой»... Раздавалось ухарское треньканье гитары. Хлопали пробки, звенѣли бросаемые о-полъ стаканы.

— Что-жъ, господа, если не хотите, если... я самъ готовъ метать банкъ! — сказалъ Мировичъ, неловко суя по карманамъ дукаты и рубли: — только въ этомъ и радость... Живемъ въ сумнительныя времена... Ахъ какъ, матушка, въ Кіевѣ хорошо... — вдругъ прибавилъ онъ, ни съ того ни съ сего.

Его душилъ смѣхъ, давно-неиспытанная веселость подмывала, раздражала. Онъ начиналъ несвязно болтать, за-

мѣтно покачивался. Глаза слипались. Хмель отъ выигрыша смѣшался съ хмелемъ отъ вина.

Григорій Орловъ переглянулся съ пріятелями:

— Если продолжать, такъ не лучше ли у меня? — сказалъ онъ: — или доиграемъ у князя Чурмантѣева! у него нынче рокамболь съ ужиномъ... просилъ прямо съ охоты...

Товарищи рѣшили, что къ князю Чурмантѣеву на Васильевскій далеко, лучше къ Орлову.

— А вы? — спросилъ Григорій Мировича: — сани мои готовы, и я живу на Мойкѣ, въ домѣ Кнутсена, возлѣ дворца.

— Знаю, знаю, — банкиръ! — а то хоть и къ Чурмантѣеву... готовъ!—отвѣтилъ, хватаясь за спинку стула, Мировичъ: — я пѣхотный, значитъ, не богатъ человѣкъ... инфантерія-съ... пѣхтура!.. одначе, нѣтъ... извините, господа! не уступлю никому,—ни-ни... Ахъ, какъ матушка, то-есть, въ Кіевѣ хорошо...

— А вы были въ Кіевѣ? — кто-то спросилъ, подойдя: — тамъ есть медвѣди?

Мировичъ мутными глазами молча посмотрѣлъ на него.

— Григорашъ, бери его! — сказалъ Баскаковъ Орлову.

— Но какъ бы онъ не учинилъ дебоша?

— Пустяки, бери...

Всѣ были согласны, что жаль такъ бросить среди ночи храбраго, охмелѣвшаго въ-конецъ армейца, котораго и фамилію какъ-то въ суетѣ забыли, да и его адреса теперь врядъ ли можно было добиться. Гвардейцы свели Мировича на улицу, посадили въ сани Григорія Орлова и повезли на квартиру послѣдняго. Но тѣмъ приключенія той ночи не были кончены.

Помнилъ впослѣдствіи Мировичъ, что когда его подсаживали въ сани, у подъѣзда Дрезденши, какой-то сгорбленный, въ камлотовой шинелькѣ, старичокъ протискался къ нему сквозь толпу провожающихъ и, ёжась отъ холода, шепнулъ: «Молодчина... козырь... и все пятеркой, пятеркой!.. умру, а найду»...

Припомнилъ также Мировичъ, что по пути къ квартирѣ Орлова вся эта развеселая и шумная ватага молодыхъ повѣсъ, гремя колокольцами, шумя и громко смѣясь, заѣзжала еще въ двѣ какія-то австеріи. Въ одной Мировичу услуж-

ливые весельчаки давали, для освѣженія, умыться, и опять играли на бильярдѣ и пили. Онъ притомъ былъ безмѣрно веселъ, также пилъ, шутилъ и даже пѣлъ какую-то ухарскую, плясовую украинскую пѣсню.—«Расходились орлята-шельмецы!»—толковали окрестные горожане, слыша сквозь двойныя рамы и ставни топотъ коней, звонъ тремущекъ, хохотъ и возгласы носившихся по морознымъ улицамъ, знакомыхъ забубенныхъ гулякъ.

Въ другой австеріи, а именно, у землячки и друга Дрездении, Амбахарши, случился казусъ. Тамъ компанія разгулявшихся повѣсъ нежданно наткнулась на извѣстнаго и непримиримаго соперника силачей Орловыхъ, на бывшаго кронштадтскаго коменданта Шванвича.

Каждаго изъ Орловыхъ порознь въ борьбѣ Шванвичъ легко осиливалъ, двое же брали надъ нимъ верхъ. А потому между ними, разъ навсегда, было условлено, что если гдѣ-нибудь въ австеріи Шванвичъ встрѣтитъ одного изъ Орловыхъ, то они должны были немедленно уходить, оставляя въ его распоряженіи все вино, бильярдъ и красавицъ. Гдѣ же Шванвичъ заставалъ двухъ изъ семьи Орловыхъ, то самъ, безъ дальнѣйшаго разговора, долженъ былъ имъ уступать поле дѣйствій. Повѣсы ворвались въ австерію Амбахарши на этотъ разъ именно въ то время, когда изъ ея дверей вылетѣлъ во дворъ, вытолкнутый Шванвичемъ, третій изъ Орловыхъ—Θедоръ.—«Какъ? кому? лаптю кланяться? отступать?—гаркнулъ обезкураженному брату Алексѣй Орловъ:—нѣтъ, Θедя, дудки! secré nom! впередъ!»—Всѣ встали съ саней.

Въ комнатахъ Амбахарши поднялся невообразимый шумъ. Шванвичъ не уступалъ. Одни изъ гостей держали сторону Орловыхъ, другіе съ осипшими глотками кричали, что такъ нельзя, что они должны въ точности исполнить уговоръ. Шванвичъ увѣсистою лапой сгребъ опять за шиворотъ рослаго Θедора Орлова. На выручку младшаго птенца двинулся громадина Алексѣй... Два плечистыхъ буяна общими силами смяли противника, опрокинули его навзничь, и Алексѣй Орловъ, съ налитымъ кровью лицомъ, вытащилъ подъ мышки блѣднаго отъ злости, брыкающагося моряка за дверь и, въ свой чередъ, столкнулъ его съ крыльца австеріи въ снѣгъ.

Товарищи потребовали съ Орловыхъ при этомъ случаѣ

новаго угощенія. Опять явилось вино. У Ѳедора Орлова оказался изорваннымъ рукавъ и текла изъ носу кровь. Алексѣй растиралъ снѣгомъ вывихнутые пальцы. Шумъ, гамъ и смѣхъ слышались изъ трактира далеко. Тутъ были и цыгане. Неугомонные гуляки перешли въ большой кегельный залъ и стали тамъ прыгать другъ черезъ друга въ чехарду. Мировичъ возилъ кого-то при этомъ на себѣ верхомъ... Григорій Орловъ, съ красивой, чернобровой цыганкой Аксюшей, подъ хоровую пѣсню и звуки бандуръ, снявъ кафтанъ и камзолъ, въ кумачной рубахѣ, размахивая платкомъ, плясалъ въ присядку трепака. Гремѣла опять пѣсня: «Ленъ, ленъ»...

Но когда толпа, вдоволь угостившись, двинулась къ санямъ, Алексѣй Орловъ, не доходя воротъ, вдругъ охнулъ и, съ окровавленнымъ лицомъ, упалъ среди двора на снѣгъ. Кто-то въ то же время кинулся отъ крыльца бѣжать по улицѣ...

— Tiens, comme il l'a balafré!—вскрикнулъ Бредихинъ, съ подоспѣвшими камрадами, въ силу поднимая Алексѣя Орлова, у котораго Шванвичемъ изъ засады была наискось разсѣчена лѣвая щека.

Нѣкто изъ толпы выхватилъ шпагу и съ крикомъ: «Такъ вотъ какова честь! вотъ подлость! смерть предателю!»—бросился въ догонку за убѣжавшимъ Шванвичемъ. «Удержать его, удержать,—всю улицу разбудитъ и переполошитъ!» — раздались у воротъ голоса. Непрошеннаго защитника привели обратно въ трактиръ. То былъ Мировичъ. Никто его не могъ унять. Пока суетились, перевязывая рану Орлову, онъ, не выпуская изъ рукъ шпаги, продолжалъ шумѣть и, съ пѣной у рта и скрежетомъ зубовъ крича: «убью измѣнника, убью подлаго труса!»—порывался къ двери...

Изъ толпы трактирнаго люда, съ краснымъ отъ возліяній лицомъ, озабоченно выдвинулся плотный, въ мѣховой епанчѣ, господинъ. Замѣтно покачиваясь, онъ нагнулся къ Мировичу, взялъ его ласково за руку и со вздохомъ сказалъ:

— Уймись, Василій Яковлевичъ, уймись... Видишь, и я, и ты... дали зарокъ, а сами...

— Balafré... зарокъ!.. у Чурмантѣева доигрывать... умру, а найду! — безсознательно повторялъ про себя Мировичъ, уносимый по улицѣ въ саняхъ Ломоносова.

Загоралась блѣдная заря. Домà, заборы и перекрестки

начивали вырѣзываться изъ темной морозной мглы. Сани, скрипя, остановились на берегу Мойки. Мировичъ взошелъ, шатаясь, на лѣстницу второго этажа, и какъ былъ одѣтъ, въ шляпѣ, въ шинели и въ башмакахъ, свалился на первый попавшійся диванъ и какъ убитый заснулъ.

V.

Слѣдъ найденъ.

Два года назадъ, а именно, въ началѣ зимы 1760 года, послѣ высылки Мировича въ заграничную армію, Пчёлкина обратила на себя вниманіе разомъ нѣсколькихъ придворныхъ вздыхателей.

Поликсенѣ тогда исполнилось восемнадцать лѣтъ. Она подросла и стала не столько пригожѣе, сколько миловиднѣе, находчивѣе, бойчѣй. Ея сѣрые глаза, продолговатые, какъ у сфинкса, были также загадочны, безстрастны и насмѣшливо-холодны. Золотистые волосы, когда она ихъ не пудрила, густыми янтарными волнами падали съ ея сухой, строгой и гордо посаженной головы. Ухаживали за красивою, худенькою камеръ-медхенъ государыни военные и статскіе. «Пчелка златая, что ты жужжишь?»—сочинилъ, по слухамъ, именно о ней одинъ стихотворецъ, и городскіе модники распѣвали подъ клавикорды эту пѣсню. Первые столичные щеголи, на холостыхъ пирушкахъ, не разъ бились объ закладъ, что не пройдетъ недѣли—если они только захотятъ—Пчёлкина будетъ ими побѣждена. Заклады проигрывались. Вздыхатели ошибались.

Поликсену сердили ихъ преслѣдованія. «Безмозглые, противные!—дрожа и блѣднѣя, шептала она сквозь слезы:—и все потому, что я подкидышъ, ни роду, ни племени... По милости государыни, хорошо одѣта, въ моду вошла и нравлюсь всѣмъ,—вонъ цѣлая корзинка амурныхъ цидулокъ на полкѣ... И ужъ хоть бы ухаживали отъ сердца... Гнусные пустозвоны! Вертопрахъ этотъ, богачъ Нарышкинъ, слѣдомъ бѣгаетъ цѣлый мѣсяцъ; камергеръ Лоскутьевъ вздумалъ ухаживать, голштинецъ Цобельтицъ... Отъ уличной щеголихи къ актрисѣ, отъ актрисы... ну, и за нашею сестрой, за камеристкой, отчего не погоняться?»

Часто вспоминала и обсуждала Поликсена свое прошлое,- странное, не какъ у другихъ, — одинокое дѣтство, бѣган

по лѣстницамъ, коридорамъ и переходамъ стараго зимняго дворца и первыя сознательныя тревоги, рѣдкія радости, зато частыя горькія слезы босоногой швейки, потомъ ковёрницы у статсъ-дамы Апраксиной, и, наконецъ, кружевницы и камеръ-медхенъ самой государыни. По случаю одного изъ придворныхъ спектаклей, когда заболѣла какая-то актриса, ее начали учить по-французски, потомъ по-нѣмецки. Она оказала большія способности. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ задумалъ опредѣлить Пчёлкину въ оперный хоръ и поручилъ ее попеченію тогдашней первой пѣвицы Либеры Сакко, которая давала своей новой ученицѣ читать драмы, комедіи и повѣсти, и успѣла ее развить. Черезъ нее Пчёлкина ознакомилась и съ Руссо, прочла его «Эмиля» и кое-что изъ его философскихъ сочиненій.

Никогда не могла забыть Поликсена одного дня въ своемъ дѣтствѣ. Ее, рѣзвую и дикую дѣвочку, сильно побилъ въ игрѣ какой-то дворцовый злюка-арапченокъ. На ея угрозу: «вотъ, постой, чортъ лупоглазый, маменькѣ пожалуюсь!» — лупоглазый чортъ, скаля зубы и наставя черный кулакъ, ей отвѣтилъ: «никакой матери у тебя, рыжутка-Полька, нѣтъ и не было... да и отца не было!.. а ты, Полька, нищенка, подмётышекъ, сорочье дитё!» — «Какъ подмётышекъ, сорочье дитё?» — стала накидываться и допрашивать встрѣчныхъ и поперечныхъ дѣвочка. Ей объяснили, что дѣйствительно ее нашли въ опоркахъ какой-то шубейки, на кучѣ сѣнныхъ выгребковъ, подъ дворцовымъ конюшеннымъ крыльцомъ. Горько заплакала Поликсена, и съ той поры, забиваясь въ углы чернаго двора, все высматривала на сметьѣ сорокъ: какая ей будетъ матерью?

Прочла однажды Поликсена французскую драму, данную ей Либерой Сакко, и чуть не сошла съ ума. Въ драмѣ изображалась Орлеанская Дѣва, избранная Провидѣніемъ для совершенія великаго подвига. Съ той поры судьба Іоанны д'Аркъ не давала покоя Пчёлкиной. Ей грезились громкія дѣла, міровая слава, общая признательность. Нерѣдко дни напролетъ, въ гардеробной императрицы, она просиживала молча, какъ истуканъ. Ей мерещился вѣковѣчный, дремучій дубовый лѣсъ, мхи и скалы. Войско стоитъ у опушки. Сверкаютъ латы, гремитъ оружіе. Гонимый король, Карлъ VII, лежитъ у палатки. И вотъ, изъ лѣса, въ шлемѣ и съ мечомъ, выходитъ свѣтозарная дѣвица. «Я спасу

тебя, возведу на престолъ», — говорить она королю. Иначе дѣвица — Поликсена. Работа валилась изъ ея рукъ. Роброны и блонды государыни долгіе часы она гладила совершенно остывшимъ утюгомъ, жгла воротнички, вышивала по канвѣ, вмѣсто алыхъ, синія и зеленыя розы. «Влюблена, влюблена», — шептали о ней подруги-камеристки. Явилася въ Петербургъ знаменитая ярославская ворожея, Варварушка. Всѣ у нея гадали. Обратилась къ ней и Пчёлкина. Она пробралась къ ней на Охту, съ женой Ипатьича, кучера государыни, въ платочкѣ и старенькомъ шлафрокѣ. Варварушка долго отказывалась гадать. — «Силы у меня нонѣче нѣту-ти, въ косточки вся ушла», — говорила она. Проводница Поликсены положила передъ нею два рублевика и конецъ холста. Варварушка стала гадать на кофе. Кучеровой женѣ, страдавшей занеемъ, такъ и сказала: «Смерть тебѣ не скоро; блинкомъ подавишься, только оживешь». — Поликсенѣ предсказала двухъ молодыхъ и красивыхъ жениховъ.

— Оба будутъ тебя вотъ какъ любить, и за одного, дѣвка, ты бы и пошла, да не станется: не выйдешь и за другого.

— Почему? — спросила съ испугомъ Пчёлкина.

— Черезъ шумъ и черезъ кровь.

— Что же, милостивая, — вмѣшалась кучерова жена, — родственники они эти-то кровные межъ собой, или просто побьются?

— Не родные, а дальніе, и не побьются; только выходятъ черезъ кровь и черезъ шумъ, — подтвердила Варвара.

Кучерова жена приказала долго жить въ ту же зиму, опившись до смерти запеканки-перцовки, на именинахъ кумы, и никакимъ блиномъ не давилась. «Ну, и обо мнѣ, знать, ворожея наплела», — думала, неравнодушно вспоминая гаданье Варварушки, Пчёлкина. Она читала «Эмиля» и вмѣстѣ отдавала дань вѣку — вѣрила снамъ и гаданьямъ. Когда въ числѣ воздыхателей подвернулся ей кадетъ Мировичъ, она, разглядѣвъ тогдашній скромный, простой и добродушный до глупости видъ влюбленнаго юноши, не разъ съ досадой спрашивала себя: «да неужели жъ этотъ?» — Ей льстили страстныя ухаживанья Мировича, его преданность. Но она гнала прочь всякую мысль о возможности остановиться выборомъ надъ нимъ. «Армейскій пѣхотный офицеришка будетъ — не велика находка!» — говорила она себѣ,

охорашивалась въ пышныхъ янтарныхъ локонахъ, передъ зеркаломъ. И вотъ, его нѣтъ, онъ разжалованъ, высланъ. Пожалѣла его Пчелкина, даже поплакала о его судьбѣ. Но прошелъ годъ,— о Мировичѣ ни слуха. Живъ ли бѣдный, робкій воздыхатель?

Наступила новая, особенно веселая зима. Придворные балы смѣнялись концертами, концерты—маскарадами. Покойная императрица любила, чтобы хорошенькія изъ ея свиты, не только фрейлины, даже камеристки, запросто являлись поплясать въ ея присутствіи на обычныхъ куртагахъ.

— Пора Пчелкину замужъ отдавать,—объявила разъ государыня статсъ-дамѣ Аграфенѣ Леонтьевнѣ Апраксиной, на одномъ изъ маскарадовъ, гдѣ Поликсена, съ другими изъ свѣтскихъ дѣвицъ, въ костюмѣ нимфы, танцовала минуэтъ съ наслѣдникомъ престола:—ишь, Петръ Ѳедорычъ какъ передъ ней ферлакуритъ.

— А и то правда, матушка-государыня,—отвѣтила Апраксина:—нуко-си, лѣтомъ и впрямь найдемъ ей жениха, а осенью, передъ филипповками, сыграемъ и свадьбу.

— Но у Пчелкиной чуть ли ужъ не припасенъ суженый, да онъ на войнѣ,—замѣтилъ кто-то при этомъ.

— Тѣмъ лучше,—сказала Елисавета Петровна:—выпишемъ молодца,—амуры расконччить... а къ той порѣ, чай, и войнѣ ужъ не бывать.

Въ концѣ той зимы подвернулся особый случай.

Служившій въ военной коллегіи, женатый на богатой купеческой дочкѣ Ульянѣ Пусловой, полковникъ Бехлешовъ—долженъ былъ везти въ чужіе края, на воды въ Спа, больную жену, и вызывалъ для нея, черезъ «Вѣдомости», знающую иностранные языки компаньонку. Ухаживанья Петра Ѳедоровича за Пчелкиной не прекращались. «Пусть проѣздится»,—рѣшила императрица, и стороной, черезъ Апраксину, велѣла посовѣтовать своей камеръ-медхенъ принять приглашеніе Бехлешова. Пчелкина была изумлена и вмѣстѣ обрадована.—«Откуда такое счастье?—повторяла она себѣ:—удаляютъ, кажись, отъ важнаго лица. Стало быть, я опасна... Вотъ что сулитъ и куда ведетъ жребій».—Она получила отпускъ до сентября, и въ маѣ, черезъ Дрезденъ и Вѣну, съ Бехлешовыми уѣхала за границу.

Поликсена часто писала оттуда Птицынымъ. Все занимало ее въ чужихъ краяхъ: невиданные нравы и обычаи,

отмѣнные отъ всего того, къ чему она пригладѣлась въ Россіи, роскошные сады и парки, чистота и красота нѣмецкихъ городовъ и деревень. Разнообразное и оживлённое общество съѣхалось къ моднымъ цѣлебнымъ водамъ. Здѣсь былъ цвѣтъ разслабленной и изнѣженной тогдашней европейской аристократіи. Между больными было видно немало и раненыхъ на войнѣ, гремѣвшей невдали, въ разбитой русскими войсками Пруссіи.

Пчёлкина съ Бехлешовой посѣщала курзалъ, съ жадностью читала и переводила больной газетную болтовню и новые романы. На водахъ также произошло нѣсколько романовъ. У какого-то лорда австрійскій кирасиръ увезъ дочь; жена рейнскаго богатаго виноторговца бѣжала съ парижскимъ актеромъ. Поликсена тоже почувствовала себя неладно.

Полковникъ Бехлешовъ, привезя жену, думалъ пробыть въ Спа не болѣе недѣли, и жилъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Сопровождая жену и ея компаньонку въ прогулкахъ, онъ сперва былъ весьма сдержанъ, потомъ сталъ, какъ бы случайно, оказывать ту или другую услугу Пчёлкиной: съ заботливой вѣжливостью подсаживалъ ее въ экипажъ, приносилъ ей съ почты письма, покупалъ любимыя лакомства, фрукты, а разъ при женѣ подарилъ ей моднаго штофа на платье. Поликсена отъ подарка отказалась. Бехлешовъ началъ искать предлоговъ для бесѣдъ съ нею наединѣ.

«Что бы это значило?» — думала она, теряясь въ догадкахъ, и всякій разъ обрывала эти встрѣчи. Больной стало хуже. Она разнемоглась отъ измѣнившейся погоды и нѣсколько времени не выходила изъ своей комнаты.

Былъ теплый, влажный послѣ недавней грозы вечеръ. Бехлешовъ встрѣтилъ Поликсену въ небольшомъ саду при своей квартирѣ, попросилъ ее сѣсть на скамью и, послѣ нѣкотораго колебанія, шепнулъ ей:

— Волшебница! я отъ тебя безъ ума.

— Стыдитесь, полковникъ! — вспыхнувъ, сказала Поликсена: — у васъ сыновья въ ученьѣ, жена такъ хвораетъ, а вы... ведете себя, извините, какъ мальчикъ...

— Но, милая лапушка, — отвѣтилъ Бехлешовъ, загородивъ дорогу Пчёлкиной: — я все для тебя, все...

Поликсена метнула въ него молнію изъ сѣрыхъ глазъ, оттолкнула селадона и молча ушла къ себѣ наверхъ.

— Погоди жъ ты, рыжая гордячка! дамъ тебѣ отплату!— проворчалъ ей вслѣдъ взбѣшенный неудачей Бехлешовъ.

Любезничанья съ Пчёлкиной толстенькаго, сѣдого и короткаго ростомъ куртизана прекратились. За чаемъ, обѣдомъ и за ужиномъ онъ не говорилъ съ ней почти ни слова. Женѣ его стало лучше, и Бехлешовъ началъ укладываться, съ цѣлью возвратиться въ Петербургъ. Пчёлкина, чтобъ смягчить разладъ, собиралась просить его разузнать въ коллегіи о Мировичѣ, съ которымъ она переписывалась и отъ котораго, передъ выѣздомъ изъ Россіи, получила къ-ряду два нѣжныхъ письма.—«Спросить, не женихъ ли?—думала она:— нарочно скажу — женихъ... и побѣсится, и отстанетъ скорѣе... А чѣмъ же Мировичъ и не женихъ?—съ горечью прибавила она и вздохнула:—и влюбленъ, и вѣренъ... чего же больше?»

Сидѣла Поликсена какъ-то у себя наверху. Была ночь. Она дописывала письмо къ Птицыной о приключеніи съ Бехлешовымъ и задумалась. — «Вѣдь это, пожалуй, всегда такъ будетъ,—сказала она себѣ:—гдѣ жъ конецъ? И неужели выхода нѣтъ?.. Мировичъ! Ну, что онъ такое? Да какъ всѣ: добрый, незнатный, безродный, какъ и я; говорятъ, склоненъ къ картамъ, мотовству... Но отъ мотовства и отъ картъ можно еще исправиться, въ люди выйти... Молодъ,— остепенится... Слышно, имъ теперь довольны; даже за отличіе повысили... Но не то, все не то... Бѣденъ, и то пустяки... Жить нечѣмъ будетъ,—государыня поможетъ. Да о томъ ли я мечтала, того ли ждала!»

Поликсена остановилась писать. Воспоминанія вновь зароились въ ея головѣ: злой арапченокъ, сорочье дитё, Іоанна д'Аркъ, съ мечомъ и шлемомъ, у опушки дремучаго дубоваго лѣса, предсказаніе ворожеи... кровь и шумъ...

Она сидѣла, склонясь горячимъ лбомъ на холодную, исхудалую руку. Слезы навертывались на глаза. Снизу по лѣстницѣ послышались шаги. Кто-то будто поднялся на нѣсколько ступенекъ и остановился.—«Мнѣ почудилось,—сказала себѣ Поликсена: — счастье! не дождаться мнѣ видно его... А у другихъ,—вонъ въ газетахъ, — только и говору, что о романахъ, о любви... И почему мнѣ не видать счастья? Почему къ другимъ оно приходитъ, да такое щедрое,—негаданно, нежданно?..« Мужья знатные, въ чести...»

Она опять взялась за перо.

Въ раскрытое окно мезонина виднѣлись очертанія окрестныхъ арденскихъ холмовъ и лѣсовъ, надъ ними—усѣянное звѣздами, тихое іюльское небо. Подъ окномъ былъ скалистый обрывъ надъ ручьемъ. Въ домѣ давно всѣ улеглись, заснули. На утро Бехлешовъ уѣзжалъ въ Россію. Недалеко оставалось до зари.

Пчёлкина медленно протянула руку къ чернильницѣ, обмакнула перо и стала вновь прислушиваться. Пламя свѣчи въ тяжеломъ шандалѣ будто колыхнулось. Видно, съ надворья пахнуло свѣжимъ передразсвѣтнымъ вѣтеркомъ... На коврѣ, за стуломъ, что-то шелохнулось... Поликсена подняла глаза: передъ нею, расфранченный, завитой и напудренный, съ пучкомъ лилій и розъ въ рукѣ, стоялъ кругленькій толстенькій Бехлешовъ.

— Добрый вечеръ, Поликсена Ивановна,—произнесъ онъ, робко улыбаясь.

Она вскочила, взглянула на дверь.

— Здѣсь и снизу заперто: тш!—сказалъ онъ:—мы одни... выслушайте меня...

— Что это значитъ? — спросила Поликсена: — какъ смѣете вы?..

Бехлешовъ протянулъ ей букетъ.

— Райскій цвѣтикъ, волшебница!—шепталъ онъ, не сходя съ мѣста:—сна нѣтъ, страдаю, томлюсь...

— Романъ! — усмѣхнулась Пчёлкина: — но, довольно! идите, сударь; не васъ мнѣ жаль,—вашей жены...

— Королева! зорька моя! — сказалъ, опускаясь передъ ней на колѣно, Бехлешовъ: — клянусь тебѣ, люблю... убей, только выслушай... Все бери, деньги, алмазы... Осчастливь, убѣжимъ...

Поликсенѣ вспомнились слова ворожеи.

— Все бери,—ничего не пожалѣю!—шепталъ Бехлешовъ, прижимая къ груди букетъ: — слово только скажи... Семью брошу, службу, хоть на край свѣта съ тобой... Озолочу, въ кабалу отдамся: сто душъ на Уралѣ на тебя отпишу...

Поликсена сложила руки.

— Какое униженіе, какой позоръ! — сказала она съ дрожью: — вонъ отсюда, слышите? вонъ! — бѣшено топнувъ ногой, продолжала она, указывая на дверь: — уходите; иначе, не гнѣвайтесь, подниму крикъ, разбужу весь домъ...

Бехлешовъ подошелъ къ ней. Она бросилась къ окну.

— Шагъ сдѣлайте,—вскрикнула она, указывая за окно:—брошусь туда... на вашей душѣ будетъ смерть...

— Стойте, стойте,—прошепталъ Бехлешовъ:—ужли на томъ и конецъ?..

Пчёлкина молчала. Негодующіе сѣрые глаза холодно и бѣшено смотрѣли на него отъ окна.

— Будешь меня помнить!—проговорилъ, уходя, Бехлешовъ.

Поликсена утромъ явилась къ больной, попросила свое выслуженное жалованье, отперла сундукъ, взяла свой паспортъ, узелокъ съ вещами и сходила на почту. Къ обѣду она вошла въ кабинетъ къ Бехлешову. Въ рукахъ ея были книги и газеты. Полковникъ, сидя у раскрытаго бюро, сводилъ счеты. При входѣ Пчёлкиной, онъ слегка поблѣднѣлъ, но не оглянулся, будто ея не замѣтилъ.

— Ошиблись вы, Валерьянъ Ильичъ,—почтительно и сдержанно сказала Поликсена:—но болѣ васъ ошиблась я сама. Не знала я доподлинно, каковы нонѣ люди на свѣтѣ. Теперь знаю... Гнуснѣе, ничтожнѣе иного человѣка—охъ, ничего не найдешь...

Бехлешовъ упорно молчалъ. Лицо его слегка залила синева. Онъ тяжело дышалъ, попрежнему, не оглядываясь на говорившую.

— У васъ даже совѣсти нѣтъ,—съ горькой усмѣшкой продолжала Поликсена:—ужли-жъ и впрямь нѣту? И всѣ ли нынче таковы? Опозорить, погубить, раздавить бѣдную, нищую сироту—вамъ нипочемъ. Съ такою-де можно!.. Но не всѣ сироты одинаковы... Ошибаетесь... И не всякой непомнящей родства, подкидышу, по плечу грязь, ничтожество и позолоченное безчестіе, изъ-за куска хлѣба. Иная, сударь, вѣритъ и въ лучшую долю...

Губы Бехлешова шевельнулись. Онъ хотѣлъ что-то сказать и опять не отозвался.

— Вы молчите?—кончила Пчёлкина:—горды вы, чтобъ покаяться передъ такою пустошью?.. Подъ крыльцомъ въ выгребкахъ ее нашли!.. Будьте жъ вы прокляты, съ вашимъ богатствомъ и съ вашею низкой, одного токмо себя любящей душой... А это—данное вами, сударь, для чтенія... Вразумили вы меня окончательно многимъ изъ этого... особенно жъ вотъ этимъ: въ книгѣ я нашла къ вамъ письмо отъ вашей фаворитки изъ Россіи...

Поликсена бросила книги, газеты и найденное письмо на столъ, медленно вышла и въ тотъ же вечеръ, въ почтовомъ омнибусѣ, уѣхала въ Вѣну и далѣе въ Петербургъ.

Осенью минувшаго 1761 г. императрица сильно захворала, а въ декабрѣ скончалась. Пристроить Поликсену, съ Апраксиной и съ Шуваловымъ, она не успѣла — ни въ оперу, ни замужъ. Хотя, во время болѣзни государыни, Пчёлкину всѣ дворскіе волокиты оставили въ покоѣ,—имъ тогда было не до нея,—но Бехлешовъ не упускалъ ея изъ виду. Со смертью государыни все измѣнилось. Шуваловы пали. Вліяніе Апраксиной замѣнилось вліяніемъ Лизаветы Воронцовой. Къ новому году Бехлешовъ, благодаря покровительству своего родича, Гудовича, былъ назначенъ помощникомъ оберкригскомиссара, голштинца Цейца, и произведенъ въ генералы. Служебное значеніе его въ военной коллегіи, а съ нимъ и его связи повысились. Несмотря на возвратъ изъ чужихъ краевъ жены, онъ то посылалъ Пчёлкиной, черезъ ея подругъ, словесные поклоны, то письменно клялся ей въ неизмѣнной любви.

Поликсена колебалась недолго. По совѣту Апраксиной, она сходила къ Лизаветѣ Воронцовой, просить мѣста при супругѣ государя. Воронцова послала ее къ своей сестрѣ, Дашковой. Взглянувъ на худенькую и бѣдно-одѣтую камеристку стараго, ненавистнаго ей двора, надменная Екатерина Романовна презрительно улыбнулась и, отвернувшись, вполголоса сказала по-французски Никитѣ Панину: «какая дерзость! всякая горничная мѣтитъ въ наперстницы къ новой государынѣ».—Поликсена стала бѣлѣе стѣны, смѣряла взглядомъ Дашкову и молча удалилась.—«Сочтемся когда-нибудь!»—подумала она.

Оставшись за штатомъ, она рѣшилась не ждать болѣе ничего, не просить и не ходить ни къ кому, а выѣхать изъ столицы, скрыться въ такую глушь, гдѣ бы и слѣдовъ ея никто не могъ найти. Задумавъ это, она выискала случай, и въ срединѣ зимы 1762 года, послѣ похоронъ императрицы, не простившись даже съ знакомыми, на-скоро собралась, написала прощальное письмо—также уѣзжавшей изъ столицы актрисѣ Сакко, — и, безъ сожалѣнія, такъ быстро оставила Петербургъ, что ни Бавыкина, ни близкіе ея знакомые не знали, куда она дѣлась.

Ночная попойка заставила Мировича более сутокъ не выходить сверху изъ комнатъ Ломоносова. Оба они скрывались тамъ, — одинъ отъ жены, другой отъ Настасьи Филатовны. У Ломоносова, вслѣдствіе невоздержности, возвратился особенный, судорожный, съ страннымъ и смѣшнымъ присвистомъ, кашель, которымъ онъ, какъ и опухолью ногъ, страдалъ въ послѣдніе годы. Ломоносовъ въ шутку называлъ его своимъ «соловьемъ». И этотъ соловей имѣлъ своеобразный обычай: онъ начиналъ въ немъ распѣвать именно всякій разъ, когда Ломоносовъ не выдерживалъ и заходилъ въ ресторанъ Иберкампфа, Гантовера или бывшей невдали отъ Синяго моста Амбахарши.

Бесѣдуя съ Михаиломъ Васильевичемъ, въ кабинетѣ послѣдняго, о масонствѣ, о чужихъ странахъ и новостяхъ дня, Мировичъ вкратцѣ передалъ ему и о своемъ, такъ печально кончившемся, сердечномъ романѣ. Поликсены не было, и гдѣ она — рѣшительно нельзя было узнать. Ломоносовъ, выслушавъ исповѣдь Мировича, нахмурился.— «Вотъ она, судьба, — думалъ онъ, — что любимъ, чего жаждемъ, того и нѣтъ... И она-то что за птица? И чѣмъ онъ ей не пара? Писалъ, перестала отвѣчать... А можетъ, только прячется, испытываетъ молодого человѣка, каковъ онъ и будетъ ли вѣренъ ей?» — Хозяинъ и гость дѣлали разныя предположенія, судили, рядили. Міръ фантастическихъ грезъ охватилъ опять и не покидалъ Мировича. Ночью къ постели его слетались странные, тревожные образы: опять война, онъ раненъ, брошенъ гдѣ-то въ незнакомомъ городѣ. Соборъ залитъ огнями; пышные экипажи, разряженная публика. Кого-то вѣнчаютъ. Новобрачная сходитъ по ступенямъ паперти,—это Поликсена. Мировичъ въ рубищѣ, на костылѣ, пробирается сквозь толпу, хочетъ крикнуть—и просыпается...

Вечеромъ вторыхъ сутокъ дочь Ломоносова, Леночка, принесла наверхъ записку, доставленную съ придворнымъ лакеемъ. То было письмо къ Мировичу отъ камерфурьера Василія Кирилыча Рубановскаго.

«Любленія ради человѣческаго,—писалъ ему старый риторъ-бурсакъ, — отъ ветхаго и годами источеннаго древа, листвію зеленому и многоцѣнному, въ разумѣ же, дѣлѣхъ, а такожде и въ забавахъ искусствомъ умиляющу и всѣми дарами сіяющу, государю моему, подпоручику Мировичу,— поклонъ! А я,—государь мой и многомилостивый патронъ,—

дознался для тебя о мѣстѣ, гдѣ днесь пребываетъ лѣпокудрая и нравомъ достойная, искомая вами, отроковица Пчёлкина. А отъѣхала она, въ генварѣ, въ городъ Шлиссельбургъ и живетъ нынѣ тамо въ крѣпости бонною, сирѣчь—губернёркою, при дѣтяхъ вдоваго капитана гвардіи, князя Чурмантѣева. Числится же тотъ Чурмантѣевъ съ новаго сего года главнымъ приставомъ при тамошней статсъ-тюрьмѣ; а и какъ вамъ попасть туда, я не свѣдомъ. Цидулку же сію доставитъ вамъ камерлакей внутреннихъ аппартаментовъ покойныя государыни, Тихонъ Касаткинъ. Онъ же и отвозилъ дѣвицу Пчёлкину отъ двора въ городъ Шлюшинъ. Засимъ, а ревуàръ, здравствуйте... А о петеркѣ чудодѣйственной не забыть мнѣ отнынѣ и до вѣку».

Прочитавъ разъ и другой это письмо, Мирòвичъ передалъ его Ломоносову, а самъ поспѣшилъ внизъ—объясниться съ Касаткинымъ. Онъ возвратился радостный, взволнованный...

— Боже мой, слышишь? — вскрикнулъ ему навстрѣчу Ломоносовъ: — тайная государственная тюрьма! князь Чурмантѣевъ...

— Да, такъ написано и посланный то же подтвердилъ.

— Но знаешь ли ты, кто въ этой тюрьмѣ сидитъ?—спросилъ, уставясь въ него, Ломоносовъ.

— Не знаю, Михаилъ Васильичъ, почемъ мнѣ знать...

— Онъ... онъ!—продолжалъ, волнуясь и заглушая рвавшійся изъ груди судорожный, свистящій кашель, Ломоносовъ: — отъ колыбели! двадцать второй годъ онъ томится въ душномъ застѣнкѣ...

— Да кто же онъ?

— Царственный узникъ!.. помнишь, я тебѣ говорилъ?.. Богомъ назначенный, а людьми свергнутый, россійскій, природный царямъ и въ Россіи рожденный императоръ, Іоаннъ Третій, какъ его именовали въ актахъ, Антоновичъ!..

Леночка, видя смущеніе и даже какъ бы испугъ отца, присѣла въ темномъ углу, робко выглядывая изъ-за шкапа. Ломоносовъ всталъ, прошелся по кабинету, вздохнулъ, провелъ рукою по глазамъ, хотѣлъ чтò-то сказать и не могъ. Онъ ухватился за сердце, бросился къ рабочему столу и изъ потайного ящика, дрожащими руками, досталъ нѣсколько пожелтѣлыхъ, истрепанныхъ, печатныхъ листковъ.

— Оды мои! вотъ лучшія хвалебныя мои оды въ честь этого императора!—сказалъ Ломоносовъ, блуждающимъ взо-

ромъ глядя какъ бы въ нѣкоторую свѣтозарную даль:—я, государь мой, прибылъ сюда изъ Германіи лѣтомъ, въ правленіе именно этого младенца-царя... Ты поймешь, какъ мнѣ дорого это имя! Я писалъ отъ сердца, я былъ искренно, глубоко восхищенъ... слушай...

«Нагрѣты нѣжнымъ воды югомъ
«Ликуютъ свѣтло другъ предъ другомъ—
«Златой начался снова вѣкъ...
«Природы царской вѣтвь прекрасна,
«Моя надежда, радость, свѣтъ,
«Счастливыхъ дней Аврора ясна,
«Монархъ-младенецъ, райскій цвѣтъ!..»

— И ты знаешь? я пошелъ съ этими стихами въ прежній дворецъ, прочелъ ихъ передъ правительницей Анной Леопольдовной и младенцемъ, и она при всемъ дворѣ, въ благодарность, склонила мнѣ съ подушки августѣйшую головку сына... Понимаешь ли, что я тогда чувствовалъ? Вотъ, смотри, читай...

— Странно!—произнесъ Мировичъ:—стихи напечатаны, а я ихъ нигдѣ не встрѣчалъ...

— Они явились въ отдѣльномъ прибавленіи при «Вѣдомостяхъ»... Но ихъ отобрали, когда на престолъ взошла Елисавета; мало того,—ихъ жгли съ манифестами, указами, присяжными листами и другими актами, гдѣ только упоминалось имя этого несчастнорожденнаго...

— Манифесты были его имени?

— Какъ же! Четыреста четыре дня страна читала: «Божіею милостію, мы, Іоаннъ III, императоръ и самодержецъ всероссійскій...»

— Извините меня, Михайло Васильичъ!—сказалъ въ глубокомъ изумленіи Мировичъ:—мало я, какъ есть, знаю объ этихъ событіяхъ. У насъ въ корпусѣ о томъ молчали, за границей, видно, забыли... Слышалъ я отъ одного товарища и отъ Настасьи Филатовны, да смутно... Скупа она всегда была на этотъ счетъ. Какъ и почему все это произошло?

— Злополучные аргонавты! — отвѣтилъ Ломоносовъ:— роковое же, золотое руно, выпавшее имъ на долю, былъ императоръ-застѣнщикъ... Изволь, я тебѣ, что знаю, когда-нибудь при случаѣ разскажу. Печальный трактаментъ услышишь, печальный...

Онъ спряталъ листки обратно въ столъ, подложилъ въ каминъ полѣньевъ, сѣлъ въ кресла, закрылъ лицо рукой и

задумался. Мировичъ сидѣлъ возлѣ него, не спуская съ него глазъ, и ждалъ, чуть переводя дыханіе. Минутъ черезъ десять Ломоносовъ очнулся, но заговорилъ о другомъ. «Разспрошу Филатовну»,—подумалъ, уходя отъ него, Мировичъ.

VI.

Несчастнорожденный.

Дня черезъ два Ломоносовъ, поздно вечеромъ, позвалъ Мировича наверхъ и подвелъ его къ окну. Все небо было залито сѣвернымъ сіяніемъ.

— Сполохи отворённаго воздушнаго моря!—сказалъ Михайло Васильевичъ, наводя въ форточку новую изобрѣтенную имъ трубу.

Долго оба они слѣдили за пышными, будто двигавшимися, то розовыми, то голубыми огненными столбами. Вдругъ Ломоносовъ всталъ, прошелся по комнатѣ и опять сѣлъ.

— Эпокъ царствованія моей богини, — Елисаветъ Петровны,—началъ онъ, покашливая:—цѣпь ни вѣсть какихъ противорѣчій! И я тебѣ, государь мой, въ разсужденіе прерваннаго намедни нашего трактамента доложу — не инако, какъ съ прискорбіемъ — много, много лежитъ грѣха на ея совѣтникахъ... Сколько она страдала, сколько ждала! Дщерь Петра — и не была допущена на родительскій престолъ... Всѣми была оставлена, и ей не помогали; отринута, пренебрежена, — и за нее не отмщали!.. Но сама героиня сѣвера о себѣ подумала... Слушай... Всѣмъ памятна ночь, на двадцать пятое ноября, семьсотъ сорокъ перваго года... Елисаветъ Петровна, богоравная, надѣла кирасу на платье, помолясь, сѣла въ сани и поѣхала, съ своими партизантами, въ преображенскія казармы. Тамъ объявила она себя императрицей, пошла съ вѣрными гренадерами въ зимній дворецъ и арестовала всю спавшую брауншвейгскую фамилію: правительницу государства, Анну Леопольдовну, ея мужа, добряка-заику, генералиссимуса Антона Ульриха, и ихъ сына, младенца-императора, Ивана Антоновича. Малютка былъ объявленъ самодержцемъ двухъ мѣсяцевъ отъ роду... Въ манифестѣ его назвали Іоанномъ Третьимъ; другіе же именовали впослѣдствіи Пятымъ и Шестымъ, памятуя древнихъ Іоанновъ. Была въ честь младенца-монарха выбита медаль, и на ней поднимавшаяся къ небу

императрица Анна вручила ему корону... Россія, отъ его лица, управлялась годъ и тридцать девять дней, а всего четыреста четыре дня...

Ломоносовъ остановился.

— Четыреста-четыре дня!.. И зато страдать годы, всю жизнь!—продолжалъ онъ:—гдѣ, въ какой странѣ, отыщешь подобный, столь трагическій и роковой исторіи примѣръ? Желѣзная маска? да и тому государственному узнику было легче...

— Спрашивалъ я Настасью Филатьевну, — проговорилъ Мировичъ:—чудныя дѣла.

— Ну, и что жъ разсказала она тебѣ?

— Сильно скорбитъ объ участи несчастнаго.

— Жестокая, жестокая издѣвка судьбы, — продолжалъ Ломоносовъ:—когда императрица Елисаветъ-Петровна привезла въ своей шубѣ, по морозу, низвергнутаго малютку-императора въ собственный свой дворецъ, — залилась она, добросклонная, слезами и воскликнула: «бѣдное дитя! Ты ни въ чемъ неповинно... Виноваты твои родители...» — Вышелъ вскорѣ манифестъ. Въ немъ было объявлено, что всю браунпвейгскую фамилію государыня, предавъ всѣ ихъ поступки забвенію, повелѣла съ надлежащею имъ честью и достойнымъ удовольствіемъ, отпустить навсегда обратно за границу—въ ихъ отечество. И повезли ихъ на родину, въ Германію. Но чего хотѣли добрые, того не попустили злые... Едва злосчастные странники, подъ надзоромъ генералъ-лейтенанта Салтыкова, пробираясь къ Кёнигсбергу, доѣхали до Риги, едва съ бывшей правительницы взяли тамъ присягу новой государынѣ, Елисаветъ-Петровна, по совѣту усерднаго Фридриха, своего лейбъ-медикуса Лестока, повелѣла имъ далѣе не двигаться. Въ то время, надо тебѣ сказать, изъ Голштиніи, съ великой тревогой, ждали въ Петербургѣ другого генерала, дѣйствительнаго камергера, барона Корфа, а съ нимъ родного племянника Елисаветы,— «чортушку, что жилъ въ Голштиніи», какъ звала царица Анна ненавистнаго ей принца Петра Ѳедорыча. Государынѣ шепнули — какъ бы германскіе родичи низложеннаго императора, въ отместку ей, не задержали на границѣ избраннаго ею наслѣдника. Но онъ благополучно прибылъ въ Петербургъ. И затѣяли его учить, а вскорѣ и женить. Пріѣхала инкогнито изъ Цербста, подъ именемъ графини

Рейнбушъ, — его невѣста, Екатерина Алексѣевна. Несчастнаго жъ правнука царя Ивана́ Алексѣича, съ семьей, стали держать въ рижской цитадели. Выгодно было пугать государыню. Ну, Лестокъ съ братіей и пугалъ. Щеголь и говорунъ былъ онъ, а ужъ сквернавецъ перваго ранжиру... На маковкѣ пудра, подъ маковкой тундра... Да что — не могу, не могу... Душа разрывается. Спроси другихъ, всякъ тебѣ нынче о томъ скажетъ.

Ломоносовъ смолкъ опять. Мировичъ, видя его волненіе, болѣе не разспрашивалъ. Ему и безъ него, въ эти дни, удалось узнать немало новаго. Филатовна была въ духѣ и, не то что прежніе годы, не стѣснялась. Питомецъ ея былъ теперь взрослый человѣкъ, и страшнаго тайнаго приказа уже третій мѣсяцъ не существовало. Тряхнула она своими воспоминаніями. А чего только по этому поводу не знала вдова лейбъ-кампанца, какъ отъ мужа, такъ и отъ его товарищей!

— Охъ, терпѣли высланные мученики, — разсказывала Мировичу Филатовна: — прожили въ Ригѣ болѣе года. А императрицѣ, свѣтъ-матушкѣ, доносили всякіе слухи и сплетни о задержанныхъ. Бывшая правительница ее-де не признаетъ, да не почитаетъ; а наперсница ея, фрейлина Менгденша, подбиваетъ-де ее къ бѣгству. Ходилъ, Вася, слухъ, будто правительница и взаправду покушалась бѣжать, въ мужицкомъ простомъ платьѣ, на кораблѣ. Изъ Риги ихъ перевели въ другую крѣпость. У Анны Леопольдовны здѣсь родилась дочь, Елизавета. Въ честь новой царицы назвали ее бѣдную... да не къ добру... Пробрехался въ Питерѣ спьяну одинъ камеръ-лакей, что вскорѣ снова ждать перемѣны, что быть опять царемъ Ивану Третьему. Твой землякъ какой-то, изъ старшины́, писалъ другому, будто всѣ въ Питерѣ за Ивана, и это самое письмо было перехвачено... Да и фонъ-Минихъ съ Остерманомъ, во время суда надъ ними, думая, что сосланная-то фамилія ужъ за границей, немало на нихъ плели.

— Гнусные трусы, себялюбцы! — произнесъ Мировичъ, не спуская съ разсказчицы пылавшихъ, негодующихъ глазъ.

— Такъ, такъ, Вася... А передъ тѣмъ пришелъ доносъ и о самомъ генералѣ Салтыковѣ, — чай, слышалъ о немъ? Онъ состоялъ при арестованныхъ. Ребенокъ-отъ импера-

торъ,—онъ въ ту пору былъ по четвертому годку—игралъ-де въ комнатѣ съ собачкой и ударилъ ее, этакъ шутя, по лбу ложкой. Нянька и спроси Иванушку: «кому-де, батюшка, какъ выростешь, голову отсѣчешь?» — А ребенокъ будто и отвѣтилъ: «Василію, молъ, Ѳедорычу», — сирѣчь Салтыкову. Всприыгались тутъ отъ этакихъ вѣстей. Норовъ дитяти, вишь, сказывался преострый, догадливый. — «Сослать ихъ подалѣ, въ самую глубь Россіи!—сталъ твердить государынѣ лѣкарь ейный, Лештокъ: — безъ того-де тронъ твой новый непроченъ». — А тутъ поспѣлъ, съ волчьимъ совѣтомъ, и нѣмецкій король. «Не худо, — писалъ онъ государынѣ: — сослать Иванушку и его родителевъ въ такой уголъ, гдѣ-бъ о нихъ и память умерла... Въ вашей, молъ, странѣ, ваше царское величество, таковыхъ мѣстъ немало... Иначе ждите бѣдъ». — Таки-то рѣчи и порѣшили дѣло... Подумала свѣтъ-матушка-государыня, погадала и послала указъ: извѣстныхъ персонъ тайно отвезти въ городъ Ранибургъ, Рязанской, это выходитъ, губерніи. Снарядили бѣдныхъ, взяли, и по зимней стужѣ, въ метели и въ бездорожье, черезъ Калугу и Тулу, доставили въ Ранибургъ, въ началѣ весны. Приэтомъ ошиблись, Василій, конвойные и мало не завезли ихъ къ киргизамъ,—вмѣсто Ранибурга въ городъ Оренбургъ...

— Эка, варвары!—прошепталъ Мировичъ.

— Варвары? Слушай, другъ. То ли еще было впереди. На новомъ мѣстѣ несчастнымъ вышло хуже прежняго. Помѣстили ихъ, — о томъ мужу моему въ тайности сказывалъ опосля конвойный капралъ,—помѣстили въ ветхомъ и запущенномъ деревянномъ домѣ, гдѣ въ стары годы содержался въ ссылкѣ царевъ любимецъ, князь Меншиковъ. Не было тамъ ни годной провизіи, ни прислуги; вода гнилая, болотная. Принцесса была опять въ тягости. — Иванушка хворый. А тутъ въ Питерѣ снова пошли толки о возвратѣ къ правленію Ивана Антоныча. Осенью были страшныя казни: охъ! сама ходила — видѣла! А на допросѣ и не то еще подтвердилось... Въ гвардейскихъ полкахъ, другъ ты мой, такъ сдуру притомъ надѣялись, что говорили: наши, уповаемъ, и за ружье, въ такомъ разѣ, не возьмутся... А тутъ, по веснѣ, стала слышна новая молва... Въ городѣ шопотомъ, украдкой начали толковать, будто къ заключеннымъ въ Ранибургъ, — сама я слышала отъ кумы-протопо-

пицы, — дошелъ для сборовъ на церковь нѣкій, сказать тебѣ, раскольничій монахъ, и что онъ уговорился съ принцессою и съ принцемъ, тайно, съ ихъ согласія, похитить Иванушку, а дабы его укрыть, до возраста, среди своихъ единовѣрцевъ, бѣжалъ съ нимъ въ раскольничьи слободы, на Вятку, въ Польшу... Бѣглецовъ яко-бы настигли въ лѣсахъ подъ Смоленскомъ; монаха повезли на розыскъ въ Питеръ, а Иванушку въ Валдайскій монастырь... Да не отложить ли, Васенька, сказъ назавтра? Поздно, стемнѣло...

— Ахъ, матушка, вы моя родная, говорите, говорите! — сказалъ, ухвативъ за руки Филатовну, Мировичъ.

— Ну, послѣ такихъ слуховъ, Василій, въ рязанскую-то губернію къ заключеннымъ, какъ снѣгъ на голову, и прискакалъ нонѣшній нашъ енаралъ-полицмейстеръ, баронъ Корфъ. Ему велѣно было тѣхъ арестантовъ отвезти, подъ сильной стражей, еще далѣе, а именно въ городъ Архангельскъ, и оттолѣ ночью, по тайности, въ Соловецкій монастырь... Аки громъ сразила заключенныхъ эта вѣсть о новомъ переѣздѣ. Думали они, что ихъ везутъ въ Сибирь, въ тотъ городъ, гдѣ жилъ всѣми клятый Биронъ. — «Не видать мнѣ болѣ сына! — вопила, безъ памяти, принцесса: — прощай, Ваничка, мой царь, прощай навѣки!» Разлучили ее съ любимыми слугами и съ наперсницей, фрейлиной Менгденшей. Отобрали всѣ ея вещи, баулы, часы, дорогіе гребни, перстни... Сестру Менгденши я у Шепелёвыхъ послѣ видала, и она имъ про то сказывала... Аспиды, какъ есть, аспиды, послѣднюю атласну юпчёнку съ принцессы сняли, повезли ее въ простомъ платьѣ...

Бавыкина отерла глаза.

— Иванушку, по пятому годку, — продолжала она: — подъ охраной енарала Корфа, повезъ съ собой въ коляскѣ маіоръ, не помню, какого полку, а по прозвищу Миллеръ. Двинулись осенью, опять въ бездорожье, дождь, а потомъ въ снѣгъ и холода. Подводы впередъ и квартеры для ссыльныхъ готовилъ полковникъ — прости Господи! — Чёртовъ... Помню я его. Страшное этакое имя, а добрый былъ человѣкъ. Къ кучеру покойной царицы хаживалъ. Для сбереженія Иванушки велѣно ему было имѣть при коляскѣ нарочитаго солдата, а ребенка звать, — надо думать, въ напоминаніе о проклятомъ Гришкѣ Отрепьевѣ, — не иначе, какъ Григоріемъ, и, кого везетъ, никому не объявлять, а

верхъ въ коляскѣ держать повсегда закрытымъ. Пріѣхали путники къ Бѣлому морю... И хотя въ тайнѣ отъ всѣхъ держали тотъ отъѣздъ, только слухи о немъ все-таки дошли до Питера. Полковникъ Чёртовъ вдругъ, представь, тронулся умомъ,—Господень перстъ. А пока узнали о томъ и увезли его тоже куда-то, онъ, среди всякой пустоши, болталъ и о тѣхъ несчастныхъ. Болѣ, Васинька, ничего про нихъ не знаю. Таковъ-то нонѣ свѣтъ: самый онъ измѣнчивый, линущій; тлѣю вездѣ пахнетъ... смертью..

Передавъ разсказъ Бавыкиной Ломоносову, Мировичъ, недѣлю спустя, улучилъ минуту и, будто мимоходомъ, спросилъ его, что̀ потомъ произошло съ бѣдными заключенными?

— Изволь, разскажу, — отвѣтилъ Ломоносовъ: — какъ сблизился я съ фаворитомъ покойной государыни, съ Иваномъ Иванычемъ Шуваловымъ, сталъ этотъ юный вельможа, а мой патронъ и другъ, ѣзжать ко мнѣ, на бесѣду о пользѣ наукъ и на уроки стихосложенія... Тутъ онъ иной разъ довѣрялъ мнѣ сказывать и о томъ, что̀ слышалъ о младенцѣ-императорѣ... «Гдѣ они теперь?» — спросилъ я разъ Ивана Иваныча. — «На твоей родинѣ, говоритъ, въ архіерейскомъ подворьѣ, въ Холмогорахъ». — Такъ у меня, другъ ты мой, сердце и замерло. — «А развѣ не въ Соловкахъ?» — «Коммуникаціи, — отвѣчаетъ, — по полугода съ берегомъ тамъ не бываетъ, такъ боятся этакъ-то поодаль держать... Да и ледъ съ осени помѣшалъ тронуться въ Бѣлое море». — «Какъ же они, спрашиваю, тамъ живутъ?» — «Иванушку, объясняетъ, порознь содержатъ отъ родителей и сестеръ... Внесли его, бѣднаго, въ монастырскій дворъ, закрытаго съ головой, чтобъ никто и не зналъ, гдѣ и кого тамъ спрячутъ?» — Тяжело стало здѣсь заключеннымъ. Въ Раненбургѣ, самъ понимаешь, всѣ были вмѣстѣ, да и свободнѣй жили, гуляли по рощѣ, по рѣкѣ. А тутъ не только за ограду двора, — изъ комнатъ на крыльцо ихъ не выпускали. Надо, впрочемъ, правду сказать о доставителѣ арестантовъ, о баронѣ Корфѣ: онъ сильно заботился о сосланныхъ. Но его отозвали, а надзоръ за секретными персонами поручили капитану Миллеру. По веснѣ принцесса родила второго сына, Петра, а черезъ годъ родила третьяго, Алексѣя, и отъ тѣхъ родовъ, на двадцать-восьмомъ году жизни, кончилась. Тѣло ея, по именному указу, было тайн

въ спиртѣ привезено въ Петербургъ и съ церемоніей погребено въ Александровской лаврѣ, рядомъ съ ея матерью, царевной Катериной Ивановной. Императрица, при похоронахъ, много плакала... Самъ я видѣлъ... Приставъ Миллеръ неотлучно находился при Иванушкѣ, чтобъ онъ въ двери не ушелъ, либо отъ рѣзвости въ окно не выскочилъ. Высокая деревянная ограда окружала дворъ, церковь, прудъ и дома, гдѣ поселились несчастные. Ворота постоянно были заперты тяжелыми замками. Въ такомъ уединеніи, уныніи и скукѣ приставъ Миллеръ, какъ и капитанъ Чёртовъ, тоже было тронулся умомъ. Ему разрѣшили выписать и помѣстить съ собой жену, но съ тѣмъ, чтобъ и она, блюдя секретъ, въ принцевыхъ комнатахъ неисходна была... На десятомъ году Иванушка чуть не умеръ отъ повальной въ тѣхъ мѣстахъ какой-то злокачественной хворобы. На двѣнадцатомъ его разлучили съ Миллеромъ, коего наградили деревнями и перемѣстили полковникомъ фузилернаго какого-то полка въ Казань. Передъ его выѣздомъ изъ Холмогоръ, съ принцемъ одновременно произошли два весьма важныхъ событія...

— Какія?—спросилъ Мировичъ.

— А вотъ постой, стемнѣло, — растопимъ каминъ... Леночка, — обратился Ломоносовъ къ дочери, сидѣвшей тутъ: — глянь-ка, открыта-ль труба? — По словамъ однихъ, караульный солдатъ, а по увѣренію другихъ, изъ жалости къ мальчику, жена Миллера сообщила Іоанну о его происхожденіи.

— Что вы?—изумился Мировичъ.

— Отецъ принца, Антонъ Ульрихъ, до той поры, надо тебѣ сказать, жилъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ тюрьмы Иванушки и даже не подозрѣвалъ, въ какомъ небреженіи, за зеленѣющими противъ его оконъ вербами огорода, томился и чахнулъ его сынъ... Тутъ онъ умолилъ, сказываютъ, жену Миллера, и та, передъ выѣздомъ въ Казань, тайно съ мужемъ выучила принца молитвамъ и грамотѣ... Послѣ того Іоаннъ прожилъ въ Холмогорахъ еще пять лѣтъ... Чаша бѣдствъ еще не была переполнена... На семнадцатомъ году злополучнаго принца перевезли въ Шлиссельбургскую крѣпость...

— Но по какой же причинѣ перевезли принца въ Шлис-

сельбургъ? — спросилъ Мировичъ: — сколько теперь и въ корпусѣ я ни допытывался о томъ, никто не объяснилъ.

Михайло Васильевичъ затуманеннымъ взоромъ взглянулъ на него.

— Тотъ же лукавый и гордый Берлинъ, тотъ же безсердечный себялюбецъ Фридрихъ, загнавшій несчастныхъ въ ледяную могильную глушь, былъ тому причиной, а если хочешь, то и я самъ! — сдавленнымъ, глухимъ голосомъ добавилъ Ломоносовъ, поднявъ и опять безсильно опустивъ руки: — да, государь мой, я въ томъ виноватъ, — на мнѣ грѣхъ...

— Что вы, Михайло Васильевичъ, можетъ ли это быть?

— Не удивляйся! Именно такъ; слушай теперь ужъ до конца... Дивны дѣла твои, Господи... дивенъ перстъ Божій...

Нѣсколько мгновеній Ломоносовъ, понурясь, молча глядѣлъ въ разгоравшійся каминъ...

— Года за три до того,—или нѣтъ, постой, не такъ!—началъ онъ:—приходитъ разъ ко мнѣ въ лабораторію пребольшущій этакой, пустобородый, русъ волосомъ и ражій изъ себя купчина... Зовется тобольскимъ посадскимъ, Иваномъ Зубаревымъ. Проситъ образцы сибирскихъ рудъ испробовать въ академической лабораторіи. Подалъ я о нихъ аппробацію. Думалъ ли, что стрясется такое горе! Послѣ, представь, — образцы оказались не изъ Сибири. А между тѣмъ, онъ выспрашиваетъ о Холмогорахъ.— Вы, говоритъ, оттоль родиной; такъ и такъ, молъ, собираюсь туда торговать, коли казна не дастъ пособія на разработку рудъ. — Я съ нимъ сталъ водить компанію. Ну, не безъ того, что и въ герберги хаживали, по душѣ толковали... Зашла рѣчь и объ Иванѣ Антонычѣ. Сердце у меня всегда по немъ болѣло. Я, значитъ, то и другое ему о немъ и высказалъ. Слушаетъ купчина, а самъ на усъ мотаетъ.— «Вотъ бы,— вдругъ сказалъ онъ:—выкрасть бывшаго императора. То-то пошелъ бы сполохъ...»

— Что жъ вы ему на то?—спросилъ блѣдный, охваченный волненіемъ, Мировичъ.

— Привожу такіе и такіе статскіе и политическіе резоны,—«Какой,—говорю,—можетъ быть онъ государь?—онъ одичалъ, не учился».—Какъ попался Зубаревъ съ фальшивыми рудами, его въ сыскной приказъ. Но онъ оттуда далъ тягу. А черезъ годъ его поймали на посольской границѣ,

въ раскольничьихъ слободахъ, какъ шпіона прусскаго короля. Послѣ ужъ я вспомнилъ, что онъ крестился двуперстно, былъ раскольщикъ, да чуть ли къ тому и не скопецъ... Привезли его сначала въ Кіевъ съ бѣглыми конокрадами, потомъ опять въ Петербургъ. Тутъ онъ, въ тайной канцеляріи, по довольному увѣщанію, съ пристрастіемъ, во всемъ Александру Ивановичу Шувалову и покаялся... Что́ же оказалось?.. Изъ приказа онъ бѣжалъ, черезъ Стародубъ, на Вѣтку, прямо въ раскольничій Лаврентьевъ монастырь,—куда передъ тѣмъ мѣтилъ и укрывшій Иванушку монахъ-бѣгунъ, — а оттуда пробрался чрезъ Кролевецъ въ Берлинъ. Бывшій въ нашей службѣ, выходецъ Манштейнъ представилъ его королю Фридриху. Фридрихъ далъ ему чинъ полковника своего регимента и послалъ его къ раскольникамъ. Тамъ, за обѣщаніе свободнаго выбора поповъ, онъ долженъ былъ подготовить бунтъ въ пользу Іоанна и затѣмъ ѣхать въ Архангельскъ,—куда къ веснѣ былъ снаряженъ прусскій король,—подкупить солдатъ и портомойку и похитить Ивана Антоныча въ Берлинъ... На дорогу Зубареву Фридрихъ собственноручно далъ тысячу червонцевъ и двѣ медали, съ портретами—своимъ и дѣда бывшаго императора. Во всемъ этомъ Зубаревъ сознался на допросѣ и вторично то же подтвердилъ передъ смертью, на исповѣди, въ тайной экспедиціи, гдѣ и умеръ... Не защити меня фаворитъ государыни, былъ бы и я на розыскѣ... Впрочемъ, спасло и то... о нашихъ рѣчахъ про Холмогоры Зубаревъ не сказалъ на розыскѣ ни слова. Чуть онъ все объяснилъ, въ Холмогоры поскакалъ сержантъ лейбъ-кампаніи Савинъ. Онъ въ наглухо закрытой каретѣ секретно ночью и вывезъ оттуда принца Іоанна... А приставу, стерожившему принца, объявили повелѣніе—никому не подавать ни малѣйшаго вида о вывозѣ арестанта, въ кабинетъ же рапортовать, что онъ, съ семьей, подъ его карауломъ находится, какъ и прежде, а за остальными наикрѣпчайше смотрѣть, чтобъ не учинили утечки. Савинъ доставилъ секретно Ивана Антоныча въ Шлиссельбургъ по веснѣ и всю дорогу отнюдь не смѣлъ ему говорить, куда онъ его везетъ и далеко ли будетъ то мѣсто отъ столицъ. Здѣсь принцу Іоанну дали прозвище колодника Безыменнаго, а ближайшими приставами надъ нимъ назначили какого-то прапорщика да сержанта... Фаворитъ Шуваловъ не мало удивлялся, что одинъ изъ нихъ

судился за убійство на экзекуціи солдата и помилованъ, съ переводомъ въ эту должность, а другого самого солдаты чуть не запороли, за жестокости,—такъ ихъ сквозь строй гоняли, а его въ крѣпость упрятали... Въ инструкціи приставамъ было сказано: кромѣ ихъ, въ казарму принца никому не ходить и его не видѣть; каковъ арестантъ, старъ или молодъ, русскій или иностранецъ, никому не говорить; и въ письмахъ въ домà свои не упоминать, гдѣ сами они находятся и изъ котораго мѣста пишутъ. Съ воцареніемъ новаго государя, въ прошломъ январѣ, главнымъ стражемъ надъ принцемъ назначили капитана гвардіи, князя Чурмантѣева...

— Вотъ случай! вотъ кстати!—радостно перебилъ Мирòвичъ. — Ахъ, Боже мой! всѣ эти дни я думалъ-думалъ... представьте, вечеръ-то у Дрезденши... тамъ именно толковали... и Рубановскій пишетъ...

— Не радуйся, Василій Яковличъ, не радуйся!—какъ бы не разслышавъ его, продолжалъ Ломоносовъ:—помни одно, строгостей въ этомъ, думаю, отнюдь не убавили... Тамошнему коменданту давно данъ такой приказъ, чтобъ въ крѣпость, кто бы ни пріѣхалъ, хотя бы генералъ, или фельдмаршалъ, или подобный имъ, никого не пускать. Но вотъ чтò еще ему добавили: что если и комнатъ его высочества, великаго князя Петра Ѳедорыча, камердинеръ въ крѣпость пріѣдетъ, то и того камердинера не пускать, а объявить ему, что безъ указа тайной канцеляріи—не велѣно. Много сатирствовалъ надъ этой добавкой къ указу фаворитъ покойной государыни... И тѣхъ инструкцій не отмѣнили...

— Умереть—не понимаю!—сказалъ Мирòвичъ:—изъ-за чего тутъ былъ упомянутъ великій князь?

— Упомянутъ онъ былъ здѣсь не даромъ... Въ то время наслѣдникъ особенно враждовалъ съ своей женой. А, разойдясь съ ней, по слѣпотству къ прусскому королю, онъ чуть въ конецъ не разошелся и съ государыней-теткой. Императрица до глубины души была возмущена такимъ шиканствомъ и противностями своего племянника. Примирить его съ женой ей не удалось, даже для вида. А въ поклоненіяхъ Пруссіи онъ былъ до того продерзостенъ, что не вѣрилъ побѣдамъ русскихъ и даже сообщалъ Фридриху тайные планы нашей арміи. Тогда-то одумавшійся канцлеръ Бестужевъ далъ Елизаветѣ совѣтъ: выслать племянника обратно за гра-

ницу, а на его мѣсто, въ наслѣдники русскаго престола, призвать изъ заточенія Ивана Антоныча...

— Быть не можетъ! — произнесъ, чуть не привскочивъ, Мировичъ:—опять на тронъ этого узника? желѣзную маску?..

— Вѣрь мнѣ, знаю это, какъ тебя вижу... Пять лѣтъ назадъ,—такъ кончу я печальную отповѣдь,—государыня Елисаветъ-Петровна объявила желаніе тайно видѣть принца Іоанна.

— И видѣла

— Одни говорятъ, что это свиданіе было въ домѣ Шувалова, на Невскомъ, у стараго дворца; другіе же, что государыня, при пособіи канцлера Воронцова, видѣлась съ принцемъ у Смольнаго, въ домѣ бывшаго секретаря тайной экспедиціи... Принца, подъ предлогомъ совѣта съ докторомъ, привезли на курьерскихъ къ ночи; рано утромъ онъ опять былъ въ Шлиссельбургѣ. Одѣли его въ дорогу прилично. Петербургскій форштадтъ онъ принялъ за слободу и не догадывался, съ кѣмъ, черезъ шестнадцать лѣтъ, ему пришлось снова встрѣтиться... Елисаветъ-Петровна на это свиданіе явилась въ мужскомъ платьѣ. Кроткій и важный видъ несчастнаго юноши глубоко ее тронулъ. Она взяла его за руку, несмѣло, подъ видомъ доктора, сдѣлала ему два-три ласковыхъ вопроса. Но, когда ничего не знавшій принцъ взглянулъ ей въ глаза и, въ отвѣтъ ей, послышался его жалобный, раздиравшій душу голосъ, государыня вздрогнула, залилась слезами и, прошептавъ окружавшимъ: «голубь, подстрѣленный голубь! не могу его видѣть!»—уѣхала и болѣе его не видѣла и о немъ не спрашивала... А на замыслы Фридриха освободить принца объявила: «ничего не подѣлаетъ король; сунется, велю Иванушкѣ голову отрубить»...

Ломоносовъ помѣшалъ въ каминѣ. Посыпалось нѣсколько искръ, но дрова, запылавшія вначалѣ, понемногу угасли. Въ комнатѣ окончательно стемнѣло. Столбы сѣвернаго сіянія сильнѣй разыгрались, пышно мерцая голубыми и розовыми полосами сквозь вѣтви безлистыхъ, глядѣвшихъ въ окно деревъ.

— Высылка за границу Петра Ѳедоровича, — заключилъ Ломоносовъ:—разумѣется, была отмѣнена. Но великій князь дознался о секретной встрѣчѣ тетки съ Иваномъ Антонычемъ. Онъ сильно сталъ опасаться этого тайнаго соперника и—странно сказать!—въ то же время, по природной добротѣ,

всѣмъ сердцемъ ему сострадалъ и сочувствовалъ. — Каковъ онъ, да гдѣ и какъ содержится? — допытывалъ во дворцѣ Петръ Ѳедорычъ встрѣчныхъ-поперечныхъ, распудренныхъ дворянчиковъ: — да что̀ онъ говорилъ съ государыней, въ какомъ мѣстѣ было рандеву и что̀ между нихъ, при той конверсанціи, условлено? — Точныхъ отвѣтовъ на это онъ ни отъ кого, разумѣется, не добился, а только больше и больше сердилъ безъ того недовольную государыню... Такъ прошелъ годъ и два, и цѣлыхъ пять... Со смерти императрицы, всѣ снова забыли о принцѣ... И живетъ онъ, двадцать-второй годъ живетъ въ застѣнкѣ, подъ замкомъ... И не видитъ, не слышитъ никого, кромѣ своей стражи. И врядъ ли знаетъ онъ, живы ли его родители, что̀ дѣлается на божьемъ свѣтѣ и гдѣ, на какомъ концѣ его былого царства находится его тюрьма... Что и говорить! царствовать онъ уже не можетъ: куда о томъ и думать!.. Да хоть бы на волю его, дать увидѣть свѣтъ, умягчить сердце бѣднаго, умъ... Ахъ, если бъ тебѣ удалось... побывать тамъ и узнать!.. только узнать... Да неужели-жъ не явится божьяго, сильнаго чуда, чтобъ избавить ни въ чемъ неповиннаго этого мученика?..

Ломоносовъ смолкъ. Въ темномъ углу, за шкапомъ, послышался подавленный вздохъ. Кто-то незримый тамъ тихо дышалъ и будто плакалъ.— «Неужели? — суевѣрно, съ шевельнувшимися на головѣ волосами, подумалъ Миро̀вичъ,— неужели духъ принца слетѣлъ и слушаетъ насъ?» — Ломоносовъ всталъ. За шкапомъ была его Леночка. Онъ притянулъ ее къ себѣ, осыпалъ поцѣлуями.

— Да за что же, за что? — повторяла, дрожа и ломая руки, потрясенная разсказомъ отца, дѣвочка:— ахъ, скверные люди!.. Какіе они злые!.. Иди, папа̀, къ царю — проси за бѣднаго...

— Слышишь, Василій Яковлевичъ? — произнесъ, прижимая дочь къ груди, Ломоносовъ:—слышишь?.. дѣти вопіютъ!.. А они вѣдь увидятъ царствіе небесное!..

— Я поѣду въ Шлиссельбургъ, къ приставу Чурмантѣеву!—сказалъ, отирая пылавшее лицо, Миро̀вичъ:—что̀ бы ни случилось, а я проникну туда; авось что-нибудь провѣдаю и о бѣдномъ, забытомъ всѣми затворникѣ... Генераловъ,

вокъ, даже фельдмаршаловъ туда не пускаютъ... ну, да посмотримъ—была не была...

— Эхъ-ма, старъ становлюсь, а то бы и я съ тобою покатилъ,—произнесъ Ломоносовъ:—погоди, не отыщу ли какой-нибудь, подходящей тебѣ въономъ любовномъ дѣлѣ, протекціи...

Ломоносовъ не могъ оказать пособія Мировичу. Выручилъ послѣдняго знакомецъ Григорія Орлова, князь Чурмантѣевъ, къ которому тотъ съ товарищами собирался, въ памятную кутежную ночь, доигрывать въ карты. Этотъ Чурмантѣевъ былъ отцомъ пристава шлиссельбургской тюрьмы. Мировичъ добылъ отъ него, черезъ Орлова, письмо къ его сыну Юрію Андреевичу, справилъ себѣ на выигранныя деньги полное обмундированіе, по новому прусскому образцу, нанялъ чухонскую тройку и поѣхалъ въ Шлиссельбургъ. Пріятель Ушаковъ оказалъ ему при этомъ случаѣ другую услугу, досталъ ему рекомендацію къ коменданту Бередникову, съ племянникомъ котораго оба они служили въ послѣднюю прусскую войну.

Шестьдесятъ верстъ, берегомъ Невы, а потомъ лѣсными, глухими проселками, мелькнули незамѣтно. Нѣкоторыя свѣдѣнія, переданныя камеръ-лакеемъ Касаткинымъ, сильно смутили Мировича. Тотъ, между прочимъ, сказалъ: «какъ было не уйти барышнѣ? За нею здѣсь такъ гонялись, что другая, не токма въ Шлюшинъ, на край свѣта бы ушла»...

— Боюсь я за тебя, боюсь, — толковала, провожая съ Ушаковымъ Мировича, все узнавшая отъ него Филатовна.

— Но, чего вы, смѣшно право, боитесь?

— Да вѣдь я жъ видѣла, Василій, сказываю тебѣ, какъ полосовалъ катъ на Сытномъ рынкѣ,—за эвтаго за самаго, за Иванушку, — первую статсъ-даму, Наталью Лопухину, а съ нею писаную красавицу Анну Бестужеву... Ой, смертный страхъ и вспомнить!.. Билъ тройчаткой въ клочья тѣло, разсѣкалъ въ кровь спины, тянулъ клещей изо ртовъ, при всемъ народѣ, языки... Куда ѣдешь? опомнись...

— Богъ съ вами, что вы, не бойтесь; не тѣ нынче времена, — сказалъ Филатовнѣ Ушаковъ: — вернется съ несомнѣннымъ успѣхомъ, свадебку сыграемъ...

— Тебѣ все свадьбы, шилохвостъ, блюдолизъ!—огрызнулась Бавыкина.

Была суббота въ концѣ четвертой недѣли великаго поста.

Мировичъ все это хорошо помнилъ, такъ какъ отлучка изъ Петербурга ему была разрѣшена только до Пасхи, на первый день которой императоръ собирался перейти въ новый, оконченный постройкой зимній дворецъ, и всѣмъ находившимся въ столицѣ офицерамъ былъ объявленъ приказъ: явиться въ тотъ день ко дворцу, на вахтпарадъ.

Отпустивъ чухонца, Мировичъ переночевалъ въ Шлиссельбургѣ, на постояломъ, побродилъ по городу и по берегу Ладожскаго озера, а когда стало смеркаться и въ крѣпостной церкви зазвонили къ вечернѣ, онъ прошелъ по льду къ крѣпости. Здѣсь у воротъ Мировичъ объявилъ, что привезъ письмо коменданту и приставу Чурмантѣеву. Его впустили въ крѣпость. Онъ взглянулъ на церковь. — «Спрошу когонибудь изъ богомольцевъ, какъ лучше пройти къ князю?»— подумалъ онъ, всходя на паперть.—Въ мягкомъ мглистомъ воздухѣ еще морозило, но уже слышалась близость недалекой весны и тепла.

VII.

Въ Шлиссельбургѣ.

Вечерня кончилась. Богомольцы стали выходить изъ церкви,—горожане—къ воротамъ, гарнизонные обыватели— по разнымъ угламъ крѣпости. Мировичъ обратился къ священнику.

— Письмо къ Юрію Андреевичу?—ласково спросилъ его плотный, рябой и бѣлолицый, съ темно-русой бородой, отецъ Исай:—отъ родителя, сударикъ, изволили доставить?

— Точно такъ-съ; комиссія отъ его отца—лично отдать.

Священникъ пожевалъ губами, погладилъ пушистую бороду. Онъ былъ большой добрякъ, но лѣнтяй невообразимый; день-денской лежалъ у себя на диванчикѣ, даже иной разъ, лежа, и пищу принималъ отъ столько же лѣнивой, добросердечной и располнѣвшей дочери. А когда жилъ онъ въ селѣ, до перевода въ крѣпость, то ни плетня, ни канавъ не было у его двора, сарай много лѣтъ стоялъ безъ крыши, и лошаденки съ коровой пребывали на привязи на открытомъ воздухѣ, либо мыкались по сосѣднимъ дворамъ. Его и самого звали тамъ «попъ мытарь».

— Видите ли, какъ бы вамъ, то-есть,—въ раздумьѣ произнесъ отецъ Исай, косясь въ глубь двора: — князь нашъ

боленъ теперь, да и живетъ онъ не здѣсь, не съ нами со всѣми, а въ отдѣльномъ домѣ, за тою—вонъ видите—особок стѣнкой, за мостомъ... Эвось, макушечка-то... темной крыши макушечка... видно вамъ?

Отецъ Исай придержалъ рясу на правой рукѣ, кашлянулъ и указалъ на башню поверхъ высокой стѣны, замыкавшей особо-огражденное мѣсто въ лѣвомъ углу крѣпостного двора.

— Какъ же быть?—произнесъ Мировичъ.

— Да вамъ очень, тово... нужно?—спросилъ, поглядывая мягкими, сонными глазами въ лицо Мировича, священникъ.

— Еще бы... затѣмъ и ѣхалъ!.. издалека-съ!.. дѣло нетерпящее... и съ племянникомъ коменданта въ походѣ былъ... нельзя ли, батюшка, какъ-нибудь?

— Вотъ-вотъ... а вѣдь и не удастся, не удастся, пожалуй!—сказалъ, опять задвигавъ губами, отецъ Исай:—и ворота скоро запрутъ... и все! оно, если хотите, вольготнѣе у насъ нынче стало... вотъ и я въ крѣпости теперь, а не въ городѣ живу... только все еще, ой, какъ строго!.. Изъ Питера прибыли?

— Изъ Питера...

— И будете недовольны! а-а? сколько ѣхали!.. Развѣ вотъ что-съ; заверните-ка сюда... Это вотъ, за комендантскими, мои келейки. Обождите; попробую, снесусь цидулочкой съ княземъ. У насъ съ нимъ частыя передачи. Его гувернёрка и моихъ подросточковъ въ бурсу теперича готовитъ; сойдутся—чистый пинцыонъ... Третій мѣсяцъ ужъ этакъ-то живемъ; прежде не то было. Отслужилъ службу, да и за ворота въ Шлюшинъ... а теперь слободнѣе, при государѣ-то Петрѣ Ѳедоровичѣ... пожалуйте-съ.

Священникъ провелъ Мировича къ себѣ, усадилъ его, а самъ вышелъ отправить обѣщанную цидулку къ Чурмантѣеву.

— За письмомъ отъ князя пришли-съ,—погодя, сказалъ онъ Мировичу.

Онъ отворилъ дверь въ боковую, внутреннюю горницу. Мировичъ вошелъ туда. Тамъ, лицомъ къ окну, залитому блескомъ заходящей зари, стоялъ княжескій посолъ. Мировичъ вздрогнулъ, попятился: передъ нимъ была Поликсена.

Отецъ Исай увидѣлъ, какъ офицеръ и дѣвушка смѣшались, какъ въ лицахъ ихъ изобразилось недоумѣніе и радость, и какъ первый—горячо, вторая—растерянно протя-

нули другъ другу руки и нѣсколько мгновеній молчали, глядя другъ на друга.

«Вотъ оно что! влюбленныя, сирѣчь, пташки! тайная встрѣча! — подумалъ священникъ, отступивъ за порогъ и притворяя за собою дверь, — чего не бываетъ! и въ нашей трущобѣ свѣтъ жизни взойдетъ: Ревveку открывый, Исааку уневѣстивый... Исаійя, ликуй!»

— Какими судьбами? вотъ нежданно!—вся вспыхнувъ и чрезъ мгновеніе поблѣднѣвъ, произнесла Пчёлкина, въ загорѣломъ, сдержанномъ и мужественно-погрубѣвшемъ воинѣ узнавая черты когда-то застѣнчиваго, робкаго и до глупости влюбленнаго въ нее кадета:—откуда Богъ принесъ?

— Изъ арміи, васъ видѣть жаждалъ! — отвѣтилъ Мировичъ:—все бросилъ, службу...

— Узнали?

— Васъ-то?

Мировичъ не сводилъ тихо радостныхъ, сыпавшихъ искры глазъ съ Поликсены. Она, опустивъ руки и, по привычкѣ, слегка склонивъ голову, въ полъ-оборота, съ улыбкой, какъ бы что-то обдумывая, глядѣла на него.

— Нѣтъ больше вашей пастушки,—сказала она, шутливо хмуря брови:—не та, не та... не правда ли? Унесло время... Зачѣмъ пріѣхали?

— Все въ васъ то же, полноте! не измѣнились вы!—отвѣтилъ Мировичъ:—я только не выполнилъ завѣта... Не сталъ ни знатнѣй, ни богаче. Только васъ зато, видите, не забылъ... чуть вырвался, пріѣхалъ. Отчего вы не писали? отчего вдругъ замолкли? Или еще больше помучить хотѣли?

Поликсена усадила гостя рядомъ съ собой, еще разъ взглянула на него, ласково улыбнулась. Онъ сообщилъ ей о письмахъ къ Чурмантѣеву и къ коменданту Бередникову.

— Вотъ какъ устроилъ,—заключилъ онъ.

— Ну, можно ли,—сказалъ она:—какое дѣтство! изъ-за меня ѣхать, бросать дѣло. Стоило ли того! А сколько событій съ нашей разлуки, сколько перемѣнъ!

— Вы такъ исчезли, скрылись,—продолжалъ Мировичъ:— что и слѣдъ вашъ замело. Вѣрите ли, ужъ отчаявался, насилу васъ отыскалъ.

— А что здѣсь дѣлается, что здѣсь!—сказала Поликсена, указывая въ окно на мрачныя, внизу стемнѣвшія, вверху кое-гдѣ еще освѣщенныя зарей стѣны крѣпости:—слышали?..

И какъ васъ пропустили, какъ вы рѣшились явиться сюда?

— Если бъ вы были на днѣ моря, въ могилѣ, я бросился бы къ вамъ... Скажите, я кое-что слышалъ... кто васъ преслѣдовалъ. Назовите его... Отъ кого вы скрылись?

— Здѣсь могила,—отвѣтила Пчёлкина:—и знаете ли, слышали, кто здѣсь заключенъ?

— Знаю.

— Навѣки, вѣдь, съ дѣтства,—продолжала Поликсена:—ребенкомъ запертъ въ четыре стѣны,—безъ воздуха, свѣта, безъ живого людского слова, а онъ теперь ужъ не дитя, человѣкъ!

— Да,—произнесъ Мировичъ:—слышалъ я, не вѣрилось; не приведи Господь никому другому.

Внезапная мысль мелькнула въ головѣ Поликсены. «Отваженъ, смѣлъ,—подумала она,—попытаться?..»

— Вы хотѣли видѣть Юрія Андреича?—спросила она:—зачѣмъ?..

— Никого! васъ однѣхъ хотѣлъ я видѣть, васъ! — прошепталъ Мировичъ:—князь только предлогъ...

— И съ племянникомъ коменданта были въ походѣ?

— При мнѣ онъ былъ раненъ, подъ Берлиномъ, въ отрядѣ Хорвата, при бомбардировкѣ Галльскихъ воротъ. Я съ товарищемъ Ушаковымъ былъ и на его похоронахъ.

— Давайте, давайте скорѣе письма! — сказала, заторопившись, Поликсена:—приходите завтра. Сегодня ужъ поздно. Князь боленъ; но съ оглядкой, помните, къ намъ надо идти... Будьте осторожнѣй... Есть на то особая причина.

— Какая?

— Юрій Анреичъ заболѣлъ,—отвѣтила Пчёлкина, помедливъ:—недѣли двѣ назадъ, онъ сильно потревожился, испугался, какъ загорѣлось ночью въ казармѣ той персоны. Труба, что ли, въ печкѣ лопнула, затлѣлась перегородка, а тамъ и дверь.

— Что-жъ, спасли узника?

— Спасли, но князь свихнулъ себѣ ногу, какъ выбѣжалъ на морозную лѣстницу ночью, съ просонковъ. Всѣ, въ этомъ переполохѣ, потеряли головы. Казематъ починяютъ теперь, передѣлываютъ.

— А куда же дѣли, на время перестройки, принца?

Пчёлкина опять замолчала, прислушалась.

— Пока стали передѣлывать печь и чинить дверь, князь,

видите ли,—открою вамъ по секрету:—перевелъ принца въ свое помѣщеніе.

— Какъ? онъ и теперь у Чурмантѣева?

— Ну, да... у него... Никому князь не довѣряетъ... Только, ради Бога, молчите про это. Никому не скажете? даете слово?

— И вы видѣли принца? видѣли?—спросилъ, задыхаясь, Мировичъ.

«Какъ ему отвѣтить? что сказать?» —подумала Пчёлкина.

— Да... то-есть, нѣтъ,—отвѣтила она: — разумѣется, не видѣла... видѣть нельзя... Но если бы и случилось, вамъ что изъ того?

— Какъ? принца Іоанна? при такихъ строгостяхъ?

— Да, было бы чудо, не правда ли?—произнесла Пчёлкина:—комендантъ, всѣмъ извѣстно, строгій-престрогій, одна форма, машина, и не допустилъ бы принца перейти къ князю. Только самъ онъ, понимаете ли, виненъ въ этой печи; ну, и боится, что чуть не удушили принца... Не заслышь караульный дыма изъ сѣней,—все бы пропало... Теперь же молчитъ главный начальникъ, молчатъ и остальные.

— Чѣмъ же тутъ виноватъ Бередниковъ?

— Князь и его помощники неоднова репортовали коменданту, что нужны починки въ томъ помѣщеніи, пророчили бѣду... По статуту, князь тоже долженъ былъ донести въ Питеръ, что комендантъ его не слушаетъ; и его, стало, есть доля отвѣта въ этомъ.

— Гдѣ-жъ помѣщается у князя принцъ?

— Нашего дома отсюда не видно, — отвѣтила Поликсена:—онъ въ два этажа, въ томъ вонъ дворѣ, за стѣной. Вверху мы помѣщаемся, внизу — караульные. У насъ семь комнатъ... Принцъ... ахъ, нѣтъ... даете ли слово молчать?

— Клянусь...

— Принцъ запертъ въ дальней, подъ замкомъ; тамъ и окно съ рѣшеткой. Одинъ ходъ отъ арестанта къ намъ, другой наружу, къ кухнѣ, гдѣ часовой. Съ той стороны комнату ему чистятъ; отъ насъ носятъ пищу. И ключи отъ дверей у князя.

— Кто-жъ носитъ пищу принцу?

— Самъ князь,—отвѣтила, подумавъ, Поликсена.

— Но онъ боленъ, вы говорите; какъ онъ можетъ прислуживать?

Глаза Пчёлкиной сверкнули досадой.

— Самъ, говорю, черезъ силу подаетъ, кому-же больше?— отвѣтила она недовольно:—хоть трудно, однако, другихъ не пускаетъ.

— А помощники князя? ихъ, слышно, двое...

— Да... но принцъ давно не выноситъ ихъ присутствія. Больно ужъ они его обижали, при прежнихъ старшихъ приставахъ. Знаете, какія строгости предписаны? Буде кто отважился бы освобождать арестанта, живого въ руки не велѣно его отдавать... А за непорядки и противности приставу, дозволено сажать его на цѣпь, пока не усмирится, а то бить палкою и плетью.

— Страшно!—сказалъ Мировичъ.

— Уходите, Василій Яковличъ, до-завтра. Но, ради всего святого, о слышанномъ отъ меня ни слова. Еще наговоримся... И, можетъ-быть, вы... или кто другой... мало ли... впрочемъ, это послѣ... Да вотъ еще, — не забудьте попросить князя и Бередникова о разрѣшеніи вамъ и впредь видѣться... До свиданія.

Мировичъ припалъ къ протянутой ему рукѣ.

«Ну, цѣлуются! — подумалъ подошедшій въ то время къ двери отецъ Исай, — дѣло идетъ на ладъ... На Ѳоминой, пожалуй, и свадьбу сыграемъ... Вотъ они, новыя-то времена!.. Уневѣстивый Исааку, открывый Реввеку»...

На утро Мировичъ явился къ князю Чурмантѣеву. Онъ не показалъ вида, что знаетъ, какая особа теперь гостила у него. Подготовленный Пчёлкиной, больной,—хотя и былъ въ постели,—принялъ Мировича отмѣнно-ласково. Онъ сказалъ, что ушибъ ногу на ледяной горкѣ, устроенной о масляной для его дѣвочекъ. Благодарилъ Мировича за вѣсти объ отцѣ и долго его разспрашивалъ о племянникѣ коменданта.

— Радъ будетъ старикъ услышать отъ васъ... А пока вотъ наша общая опекунша и утѣшительница, — сказалъ Чурмантѣевъ, обратясь къ Пчёлкиной: — и сиротъ, моихъ дѣвочекъ, досматриваетъ, и меня больного. Только недолго теперь, видно, быть ей съ нами! Улетитъ сѣра утушка за сизымъ селезнемъ,—прибавилъ князь, подмигивая гостю.

Поликсена его не слушала. Мысли ея были далеко.

«И здѣсь, чародѣйка, всѣхъ плѣнила и обворожила!»— тревожно подумалъ Мировичъ. Онъ всталъ и обратился къ

приставу съ просьбой о дозволеніи продолжать ему визиты. Чурмантѣевъ потеръ переносицу.

— А комендантъ? — сказалъ онъ въ раздумьѣ: — развѣ вотъ что, сударь,—не играете ли въ шахматы? Нашъ старикъ великій охотникъ.

— Игрывалъ, да ужъ давно, — отвѣтилъ Мировичъ: — развѣ для развлеченія.

— И отлично, снесемся,—рѣшилъ приставъ:—зайдите къ нашему шефу, окажите решпектъ. Не снимутъ, чай, головы за то, что женихъ... извините, что такъ говорю... ну, влюбленный Адонисъ станетъ къ своей Филомелѣ хаживать, хоть бы и въ такой, прости Господи, гробовой трущобѣ, какъ наша... Не тѣ времена... У меня не дозволитъ видѣться, у него самого просите встрѣчаться...

Въ качествѣ искателя руки Поликсены, хотя и непомолвленнаго съ ней, Мировичу были разрѣшены посѣщенія крѣпости. Комендантъ принялъ его холоднѣе и суше, чѣмъ Чурмантѣевъ. Но, когда въ слѣдующій вечеръ Мировичъ проигралъ ему нѣсколько новенькихъ рублей, съ портретомъ Петра Третьяго, дѣло и тутъ устроилось.

— Юрій Андреичъ проситъ за васъ,—сказалъ съ важностью Бередниковъ: — любовные, сударь, резоны извинительны. А проситъ, то пусть за васъ и отвѣчаетъ. Не крадете, впрочемъ, невѣсту, — сама идетъ за васъ... Приходя къ князю, не забывайте и насъ.

— А что, государынька, теперь, небось, и веселѣе стали,— спросилъ Чурмантѣевъ Поликсену: — эхъ-эхъ, опоздалъ я... Дай вамъ Богъ, дай... Я же, паче всего, теперь надѣюсь на вашу скромность... съ молодымъ человѣкомъ о чувствахъ можете, а о прочемъ-съ ни гу-гу. Понимаете?

Пчёлкина всѣми святыми клялась не выдавать тайны. Она, между тѣмъ, была далеко не по себѣ: провела безъ сна нѣсколько ночей, плакала и томилась, не помня себя.

Гарнизонъ къ Мировичу вскорѣ приглядѣлся. Часовые у воротъ крѣпости и у входа въ особый дворъ, гдѣ помѣщался главный приставъ, пропускали его безпрепятственно. Василій Яковличъ заходилъ къ коменданту, бесѣдовалъ съ нимъ, игралъ въ шахматы, потомъ къ Чурмантѣеву, и оставался у послѣдняго нерѣдко до поздняго вечера. Въ разговорахъ съ Поликсеной и съ княземъ, онъ съ невольнымъ трепетомъ приглядывался къ стѣнамъ, прислушивался къ

мирной домашней хлопотнѣ, не мелькнетъ ли хоть нѣкое вѣяніе того, кто, какъ онъ зналъ, былъ гдѣ-то въ одной изъ этихъ самыхъ комнатъ, подъ одною съ нимъ кровлей, дышалъ однимъ съ нимъ воздухомъ.

Ничего не примѣчалось. Стѣны были нѣмы, либо оглашались смѣхомъ и бѣганьемъ дѣвочекъ Чурмантѣева, комнаты которыхъ были, какъ угадывалъ Мировичъ, смежны съ временной тюрьмой узника. Онъ даже разглядѣлъ въ глубинѣ дѣтскихъ покоевъ перегородку съ наглухо запертою дверью. За нею, очевидно, и былъ ходъ къ арестанту.

Поликсена, въ хорошую погоду, брала своихъ питомицъ и, въ сопровожденіи Мировича, выходила съ ними въ церковный садъ, либо за стѣны крѣпости. Дѣвочки рѣзвились, играли. Мировичъ велъ нескончаемыя рѣчи о прошломъ, о корпусѣ, о походѣ, строилъ планы о будущемъ, перебиралъ въ умѣ, какъ и когда ему приступить къ концу, просить о помолвкѣ и о назначеніи срока свадьбы. Поликсена слушала его съ раздраженіемъ, съ тайною болью въ сердцѣ. Ей было и жаль его, и досадно, жутко думать, что не тѣмъ были заняты ея мысли. «А тотъ бѣднякъ, тотъ застѣнщикъ, сидитъ и никто о немъ не помышляетъ!» — говорила она себѣ, разсѣянно внимая рѣчамъ Мировича.

Было рѣшено: едва Чурмантѣевъ переведетъ въ прежнее помѣщеніе ввѣреннаго ему затворника и оправится въ своемъ здоровьѣ, Поликсена уѣдетъ въ Петербургъ, остановится у Птицыныхъ и оттуда на свое мѣсто, къ дѣтямъ Чурмантѣева, вышлетъ другую няню.

— А тогда и свадьба, не правда ли? — спрашивалъ, вглядываясь въ нее, Мировичъ.

— Не уйдетъ отъ насъ,—отвѣчала она:—больше ждали, еще подождемъ... Не въ томъ дѣло. Ахъ, поймите же, не въ томъ...

— Да въ чемъ же?—спрашивалъ Мировичъ.

— Испытать васъ хочу, что вы за человѣкъ...

— Пытайте, налагайте искусъ, да тяжелѣе, поскорѣй.

— Нѣтъ, о, нѣтъ! въ другой разъ... время идетъ, будьте готовы...

— Когда же?

— Увидите; будьте только готовы...

«Что у нея на умѣ?»—терялся въ догадкахъ Мировичъ.

Чурмантѣевъ обратился къ Пчёлкиной съ просьбой.

— Вы отходите отъ насъ,—сказалъ онъ ей наединѣ: — что̀ дѣлать. Судьбы законъ! помоги вамъ Богъ. Но, пока вы здѣсь, мнѣ хотѣлось бы, чтобъ мои дѣвочки при васъ отговѣли, а чтобъ ихъ шалости и бѣготни въ конецъ не досаждали принцу, начните, Поликсена Ивановна, хоть нынче.

Пчёлкина стала водить своихъ воспитанницъ утромъ и вечеромъ въ церковь.

Миро̀вичъ, въ ея отсутствіе, не удалялся отъ ширмы, за которою лежалъ въ постели больной Чурмантѣевъ. Онъ разсказывалъ князю о видѣнномъ и слышанномъ въ чужихъ краяхъ, перевязывалъ ему больную ногу, подавалъ лѣкарства, а когда Чурмантѣевъ въ томившей его лихорадкѣ страдалъ безсонницей, читалъ ему любимую книгу покойной жены князя, купленный ею гамбургскій переводъ на нѣмецкій языкъ «Робинзона Крузе».

Разъ,—то было на второй недѣлѣ пребыванія Миро̀вича въ Шлиссельбургѣ,—пришелъ онъ, по просьбѣ Чурмантѣева, передъ вечеромъ, изъ города въ крѣпость. Пчёлкина напоила больного и гостя сбитнемъ, взяла изъ-подъ подушки князя связку ключей, куда-то отнесла закрытый, съ закуской, подносъ, щелкнула въ дальней комнатѣ ключомъ, помедлила, снова возвратилась и, положивъ ключи обратно подъ подушку князя, ушла съ дѣвочками въ церковь. Тамъ послѣ всенощной, онѣ и ихъ старуха-нянька должны были въ тотъ вечеръ исповѣдываться. Чурмантѣевъ остался съ гостемъ, къ которому за это время онъ невольно привязался.

Миро̀вичъ раскрылъ «Робинзона», прочелъ съ десятокъ-другой страницъ, и когда дошелъ до того мѣста, гдѣ Робинзонъ отъ людоѣдовъ спасаетъ отца Пятницы, — изъ-за ширмы больного раздался тихій, а потомъ болѣе и болѣе явственный храпъ. Мучимый долгою безсоницей, Чурмантѣевъ на этотъ разъ крѣпко и сладко заснулъ. «Ну, пустъ себѣ спитъ!» — рѣшилъ, понижая голосъ, Миро̀вичъ. Онъ закрылъ книгу, свѣчку перенесъ на другой бокъ ширмы, самъ плотнѣе пригнѣздился въ креслѣ, задумался и тоже сталъ дремать. «Кризисъ болѣзни, — мыслилъ онъ, — скоро встанетъ... Но какой искусъ на меня хочетъ наложить Поликсена? Куда ея мысли глядятъ? Себя не пожалѣю, а ужъ все, что̀ скажетъ, сдѣлаю...»

Долго ли, нѣтъ ли, сидѣлъ такъ, разсуждалъ и дремалъ Мировичъ, онъ этого не помнилъ. Но вдругъ онъ очнулся и сталъ прислушиваться.

Ему гдѣ-то, въ дальнихъ комнатахъ, явственно послышался скрипъ перегородки или двери и легкій шорохъ шаговъ. Точно какъ бы кто двинулъ мебелью, пошелъ и остановился. Сперва онъ подумалъ, что ему такъ померещилось, а потомъ, что звуки тѣ шли снаружи, съ крыльца, — изъ нижняго яруса дома... Шорохъ шаговъ затихъ, но опять возобновился. — «Няня, видно, — подумалъ Мировичъ, — прошла мимо меня, постлала дѣтямъ постели и теперь идетъ во-свояси... Такъ нѣтъ, и она отправилась ко всенощной...»

Дверь изъ ближайшей комнаты медленно, беззвучно полуоткрылась. На ея порогѣ обозначилась фигура человѣка. Мировичъ прикрылъ глаза ладонью, взглянулъ отъ ширмы на эту фигуру и остолбенѣлъ. Волосы невольно шевельнулись на его головѣ...

Въ дверяхъ, со свѣчей въ исхудалой блѣдной рукѣ, стоялъ сухощавый, футовъ шести ростомъ, съ длиннымъ прямымъ носомъ и выдающейся большою нижнею челюстью, молодой человѣкъ. У него были большіе свѣтло-голубые глаза, каштановая, чуть пробивавшаяся клиномъ бородка и длинные, какъ у монаха, до плечъ спадавшіе бѣлокурые пушистые волосы. На немъ были—старая, заношенная, на-распашку, матросская куртка, грубая, бѣлая посконная рубаха, синіе, холщевые, полосатые шаравары и на босу ногу башмаки. Поразительно бѣлый и нѣжный цвѣтъ его лица показывалъ, что солнце никогда не роняетъ на него своихъ лучей. Видъ его былъ, какъ у нѣкоторыхъ схимниковъ-постниковъ, важно величавый и вмѣстѣ кроткій. Блуждающій, робкій и пытливый, какъ у дикаря, взглядъ былъ напряженно устремленъ впередъ. Полуоткрытыя, дѣтски-недоумѣвающія, блѣдныя губы что-то шептали. Завидя незнакомаго офицера, онъ нѣсколько мгновеній помедлилъ, отступилъ обратно въ сосѣднюю комнату и продолжалъ оттуда пристально, несмѣло смотрѣть.

«Неужели? — молніей пробѣжало въ головѣ Мировича:— неужели это *онъ*, царственный узникъ,—*онъ*—двадцать лѣтъ томящійся въ тюрьмѣ подъ замкомъ? И какъ онъ вышелъ? непостижимо! отомкнулъ, взломалъ задвижку? Перелѣзъ че-

резъ перегородку? или Поликсена, второпяхъ, забыла запереть дверь?»

— Подойдите! — раздался тихій, странно звенящій, раздиравшій душу, шопотъ:—о, умоляю! господинъ офицеръ, сюда...

Мировичъ подумалъ: «Поликсена!.. ей, бѣдной, придется отвѣтить за все!» — взглянулъ на спящаго Чурмантѣева, быстро всталъ и, не помня себя отъ смущенія и страха, на цыпочкахъ шагнулъ въ раскрытую дверь.

— Я духъ! безплотный! — шепталъ, озираясь, узникъ:— святой Григорій,—не бойтесь...

Сказалъ и замолчалъ, вглядываясь въ Мировича.

— Я душа принца Іоанна,—продолжалъ онъ:—меня въ заперти... о! спасите! гдѣ та ласковая?..

— Кто ваше... величество? — не спуская съ него глазъ, проговорилъ Мировичъ.

— Та... женщина... тоненькая, — не знаю, какъ звать... святая Евфразія...

«Бредитъ... или сошелъ съ ума!—пробѣжало въ мысляхъ Мировича, — и какъ заикается, — едва его разберешь,— родная, знать, черта въ его фамиліи...»

— Какая Евфразія? — спросилъ, не двигаясь съ мѣста, Мировичъ.

— Да дѣвушка та... золотые волосы... пахнутъ ладаномъ, что ли... няня при дѣтяхъ этого!.. позови ее, батюшка-офицеръ...

Мировичъ молча глядѣлъ на колодника.

— Какого вы чина, извините, несвѣдомъ, — продолжалъ, жалко торопясь и заикаясь, узникъ: — сна нѣтъ, всё такіе сны... все ей, все, когда вырвусь отсель...

«Что слышу, влюбился въ Поликсену! — замирая отъ новаго страха, подумалъ Мировичъ, — такъ вотъ что... она проникала къ нему и скрыла отъ меня...»

— Ея нѣтъ... что вамъ угодно?

— Она новую книжку обѣщала, книжечку... листки...

— Какую?

Принцъ медлилъ отвѣтомъ. Недовѣріе, боязнь изобразились въ его лицѣ.

— Не бойтесь, — продолжалъ Мировичъ: — какія книги она вамъ приносила? Можетъ и я достану... ей передамъ...

— Лѣтописецъ краткій... родословіе царей... опять же...

Арестантъ остановился опять, боязливо поглядывая на незнакомца.

«Неужели книги Ломоносова? — подумалъ Мировичъ, — вотъ судьба—ожидалъ ли того Михайло Васильичъ?».

— Про царей тамъ,—продолжалъ узникъ:—про Петра и его брата, моего прадѣда, царя Ивана...

Волненіе болѣе и болѣе охватывало Мировича.

— Я вамъ все, какія угодно,—сказалъ онъ.

— Въ Маргаритѣ Златоустаго сказано, какъ погубили крестителя Іоанна... Я вѣдь, сударь, тоже Іоаннъ и меня Иродіада съ Фридрихомъ со свѣта гонитъ...

— Какая Иродіада?

— Читали вы про злющую? читали?—спросилъ, съ силой ухватя за руку Мировича, узникъ:—о! паки Иродіады бѣсится и пляшетъ, требуетъ главы!

Арестантъ замолчалъ. Глаза его сверкали бѣшенствомъ, ужасомъ и отчаяніемъ. Губы судорожно вздрагивали.

— Скажите,—вдругъ произнесъ онъ, улыбнувшись:—вѣрно рыжей-то нѣтъ ужъ на свѣтѣ?

— Кого?

— Да Петровны, сударь... царицы Лизаветы! — продолжалъ онъ:—не единъ убо звѣрь подобенъ женѣ злѣй... Змѣи и аспиды въ пустынѣ убояшася; Иродіада же на обѣдѣ его усѣчѣ.

Далѣе трудно было разобрать арестанта. Глаза его были широко раскрыты, губы, покрытыя пѣной, шептали безсвязныя слова.

— Государыня скончалась,—отвѣтилъ Мировичъ:—и притомъ, сударь, это была великаго сердца монархиня.

— Такъ померла? Иродіады нѣтъ болѣ на свѣтѣ?—чуть не выронивъ свѣчи, вскрикнулъ арестантъ.

Грудь его тяжело, порывисто дышала. Онъ не спускалъ глазъ съ Мировича.

— Кто-жъ нонѣ въ моемъ дворцѣ?—спросилъ Иванушка.

— Новый государь.

— Кто?

— Петръ Ѳедорычъ.

— Такъ... Вольнѣй быдто стало. Добрый онъ? Будетъ прибавка провизіи? или останется двѣ полтины на обѣдъ и на все?

— Нѣтъ сомнѣнія, о васъ вспомнятъ,—сказалъ Мировичъ.

— Мучители, подло, — продолжалъ затворникъ: — нѣтъ сердца у женъ... Никого же, безстудная, щадитъ, ни левиты стыдится... ни священника чтитъ...

— Откройте, — прибавилъ онъ, помолчавъ и съ трудомъ подыскивая слова:—какой онъ изъ себя, этотъ новый царь?

Мировичъ вынулъ изъ кармана и подалъ принцу новый рублевикъ, съ портретомъ Петра Ѳедорыча. Тотъ жадно схватилъ его, поднесъ къ свѣчѣ и долго пристально на него смотрѣлъ.

— Силы, силы Давида!—шепталъ Иванушка, путаясь въ словахъ и задыхаясь:—слышите убо людіе, виждь Господи... невиненъ погребенъ...

Мировичъ опять не разобралъ нѣкоторыхъ словъ прица.

— Ваше благородіе, вы не здѣшній, помогите! — вдругъ обратился къ нему узникъ.

— Въ чемъ, государь?

— Уйти отсюда можно... по галлереѣ, въ окно, — зашепталъ арестантъ:—пилку мнѣ, пилку; рѣшетка, катеръ на озерѣ... на берегу-бъ лошадей... Лѣсомъ, горами!.. горы за озеромъ видны...

— Сударь! мнѣ васъ жаль, вотъ какъ жаль! — душимый слезами, проговорилъ Мировичъ: — но я присягалъ императору Петру Ѳедорычу... измѣнникомъ быть не желаю...

— Вы читаете, вѣрно умѣете и писать, — продолжалъ Мировичъ: — напишите вашему дядѣ-императору. Голову отсѣкутъ, а ужъ я ему ваше письмо доставлю. И если когда-нибудь,—сорвалось вдругъ отъ сердца у Мировича:— если вы и послѣ того будете также несчастны и угнетаемы, дайте мнѣ знать... я явлюсь въ вамъ... положу за васъ жизнь...

Принцъ Іоаннъ, съ удивленіемъ и дѣтскою радостью, глядя на Мировича, робко протянулъ ему руку, тронулъ его за плечо.

— Спасибо, — прошепталъ онъ: — они подло, а за васъ молиться буду...

— Чернилъ и пера не достанете, — продолжалъ Мировичъ, вынувъ записную книжку: — вотъ вамъ клочокъ бумаги и карандашъ... Выбросьте цидулку въ окно, въ форточку... Все откровенно изложите государю... Онъ добрый; лично не отзовется, вспомнитъ черезъ другихъ... Умѣете писать? два слова!..

Мировичъ не кончилъ. Сзади его послышался заглушен-

ный возгласъ, торопливые шаги. Онъ оглянулся: то была Поликсена.

— Безумцы! что̀ вы надѣлали? скорѣе, скорѣй! — проговорила она, схвативъ за руку принца и увлекая его обратно въ его комнату: — спѣшите; дѣти раздѣваются, войдутъ сюда съ няней, и мы пропали...

Черезъ мгновеніе дверь Іоанна Антоновича была опять замкнута на задвижку. Пчёлкина бережно, мимо спящаго Чурмантѣева, вывела Миро̀вича на крыльцо, возвратилась къ ширмѣ, вновь убѣдилась, что̀ больной еще не просыпался, взяла у него изъ-подъ подушки ключи, заперла дверь къ принцу на замо̀къ, уложила дѣтей спать, погасила свѣчу и, горько, нервически рыдая, упала лицомъ въ подушку.

Въ слѣдующее утро Миро̀вичъ явился къ Чурмантѣеву пасмурный, терзаемый ревностью, сомнѣніями, догадками.— «Такъ вотъ въ чемъ дѣло! — разсуждалъ онъ, — но какая причина заставила ее утаить отъ меня правду? Что̀ у нея на умѣ? Та же саганинская гордость, безуміе? Или судьба несчастнаго такъ ее тронула, потрясла, что она сама невольно стала къ нему неравнодушна? Мудренаго нѣтъ,— сколько было примѣровъ,—жены, дочери тюремщиковъ влюблялись въ заключенныхъ... отдавались имъ, бѣжали, или гибли съ ними...»

— Такъ вы видѣлись съ узникомъ? — угрюмо спросилъ Миро̀вичъ Поликсену.

— Видѣлась... Ну, и что-жъ изъ того? Надо было помочь князю. Никому не обязана отчетомъ...

— Но зачѣмъ же вы скрыли отъ меня? Ужли не довѣряли?

— Ахъ, полноте... какое дѣтство!.. Дѣло ясно... Неужто не догадались? Не моя вѣдь это тайна... А досталась она вамъ, мимо меня, берегите ее свято... Шутить съ огнемъ опасно. Знаете, чѣмъ грозитъ здѣшній статутъ? Вы же при томъ военный; съ васъ взыщется строже.

— Знаю, знаю, — а вы все-таки не довѣрили мнѣ! Это обидно... Чѣмъ я заслужилъ?... Я ли не вызывался выполнить всякій вашъ искусъ, наказъ?

Поликсена пересилила себя. Ласковой кошечкой проникла она къ Миро̀вичу, взяла его за руку, взглянула ему въ глаза съ довѣрчивой дѣтской улыбкой.

— О! много еще испытаній впереди! — сказала она: — другъ мой... вы не знаете меня! Жизнь передъ вами цѣлая,—

мало ли... все еще, всего можно ждать... А онъ-то, онъ! въ томъ же заточеніи, въ той же могилѣ вѣдь останется... и никто, никто не придетъ ему на помощь, не облегчитъ его судьбы.

Искреннія слезы хлынули и не дали кончить Поликсенѣ... Она плакала, не отрывая головы отъ плеча Мировича и какъ бы не чувствуя, какъ тотъ осыпалъ эту полную загадокъ, гордую и чуткую къ бѣдствіямъ ближняго, голову жаркими, давно сдержанными поцѣлуями.

Къ концу пятой недѣли поста, казематъ Іоанна Антоновича былъ оправленъ. Нога Чурмантѣева также настолько поджила, что онъ могъ подняться безъ костылей, и ночью, подъ своимъ надзоромъ, перевелъ арестанта Безыменнаго въ его прежнюю казарму, въ среднемъ этажѣ Свѣтличной башни.

Мировичъ торопилъ Поликсену къ отъѣзду, а самъ съ сердитой тревогой поглядывалъ на окна башни и все поджидалъ, не выкинетъ ли принцъ Іоаннъ въ форточку, или не перешлетъ ли ему какимъ-либо способомъ письмо къ государю? Ему вспоминалось, какъ онъ когда-то спасъ утопавшую, слабую собаченку. «Спасу и его» — повторялъ онъ себѣ.

Прошло еще нѣсколько дней. Форточка въ казематѣ арестанта была на-глухо заперта и никто письма отъ него Мировичу не приносилъ. Попытался-было Василій Яковлевичъ спросить Поликсену, была ли она при переводѣ принца отъ Чурмантѣева и въ какомъ настроеніи оказался при этомъ узникъ, что̀ говорилъ и на кого и на что̀ надѣялся? Поликсена жаловалась, что арестанта перемѣстили въ ночное время и въ такомъ секретѣ, что она о томъ узнала лишь на другой день.

Отъѣздъ Пчёлкиной въ Петербургъ былъ условленъ въ концѣ страстной недѣли. Въ исходѣ пятой, она пригласила Мировича на совѣщаніе къ священнику. Они остались вдвоемъ.

— Виновата я передъ вами, Василій Яковлевичъ,—сказала она, въ смущеніи опустивъ голову:—столько заставляла васъ тревожиться, ждать; объявляла, простите, — въ то время, — невозможныя дѣтскія условія. Теперь я вижу все ясно... Я васъ оцѣнила, я вѣрю вамъ...

Мировича подхватили эти слова, унесли въ седьмое небо. Его бросало то въ холодъ, то въ жаръ. Онъ жадно слушалъ.

— Но я забыла,—продолжала, еще ниже склонясь лицомъ, Поликсена:—скажу вамъ откровенно... я упустила изъ виду главное, именно, свои собственныя къ вамъ обязанности. Если бъ случилось... ну, положимъ, если бъ все было кончено... скажите, что̀ принесу я вамъ сама? Вѣдь я сирота,—чай, знаете, безъ роду, безъ племени... Я бѣдна... притомъ мои привычки, мой несдержанный, строптивый нравъ...

— Не думайте о томъ, скажите слово, будьте моею, и ничего намъ больше не надо...

— Нѣтъ, нѣтъ! не говорите такъ... Я отъ васъ тогда въ шутку требовала; теперь, не шутя, требую того же отъ себя... Жизнь — вѣдь это тернистый путь; я узнала... Слушайте.

Она обернулась, подсѣла ближе къ Мировичу.

— Я выросла при дворѣ,—продолжала она:—сколько лѣтъ служила покойной государынѣ. И мною были довольны. Не оставятъ меня и теперь, авось, непричемъ. Такъ вотъ что̀ я придумала, — вотъ мое рѣшеніе... Довѣряю вамъ эту мою тайну.

Она остановилась, подумала.

— Поѣзжайте въ Петербургъ немедленно, завтра, даже сегодня и отпустите въ ящикъ, что̀ у дворца, вотъ это мое письмо.

Поликсена вынула изъ-подъ лифа запечатанный и обернутый въ бумагу пакетъ.

— На имя государя?—удивился, взглянувъ на надпись, Мировичъ.

— Да... государь самъ отмыкаетъ тотъ ящикъ, и прочтетъ это письмо. Выполнитъ онъ мою просьбу, я ваша... безъ того, простите, не могу... я прошу о пособіи...

Мировичъ сталъ отговаривать, доказывать, что ничего подобнаго не нужно. Поликсена стояла на своемъ.

— А если отвѣта не будетъ?—спросилъ онъ:—сколько-жъ опять ждать?..

— Не отвѣтятъ къ Пасхѣ,—ну, въ такомъ разѣ, даю слово, поѣдемъ отсюда на Ѳоминой...

Мировичъ съѣздилъ въ Петербургъ и опустилъ врученное ему письмо въ ящикъ у дворца.

VII.

Два Императора.

Было семнадцатое марта. Въ воздухѣ замѣтно тянуло тепломъ. Съ крышъ дружно капало. Снѣгъ на солнечныхъ пригрѣвахъ таялъ и исчезалъ. Ледъ вокругъ крѣпости посинѣлъ, взбухнулъ и, хрустя подъ ногами, пророчилъ близкое вскрытіе Невы. Изъ Шлиссельбурга утромъ шли рабочіе по льду въ крѣпость, ожидая, что къ вечеру на берегъ, быть-можетъ, придется вернуться на веслахъ. Туманъ далеко залегъ по озеру. Но подулъ крѣпкій, порывистый вѣтеръ и сталъ его разгонять. Къ ночи поднялась сильная съ метелью буря. Она рвала крыши; кружила вороха падающаго снѣга, ревѣла въ бойницахъ и башняхъ, стучала желѣзными ставнями и дверьми.

Утромъ 18-го, комендантъ Бередниковъ и старшій и младшій тюремные пристава взошли на крѣпостную стѣну, взглянуть на рѣку. Вѣтеръ стихъ. По вскрывшейся, вкругъ острова, Невѣ плылъ сплошными бѣлыми грудами ледъ. Лодки перевозили ужъ съ берега въ крѣпость и обратно рабочій и служебный народъ. На берегу, — какъ ясно увидѣлъ въ подзорную трубу Бередниковъ,—стояли два, шестерикомъ, крытыхъ возка. Кучка лодочниковъ озабоченно толпилась возлѣ нихъ.

— Кто бы это былъ? — спросилъ въ раздумьѣ Бередниковъ.

— Изъ Питера, знать,—машутъ...

«Ужъ не ревизія ли?—пронеслось въ старой головѣ Бередникова,—не провѣдали-ль въ столицѣ о пожарѣ въ тайной тюрьмѣ? Ну, да все теперь благополучно кончено»...

— Веребьёвъ! надо послать катеръ, а пожалуй и лишнюю шлюпку!—сказалъ онъ капралу, оправляя на себѣ портупею и тревожно косясь на поношенные, старой формы кафтаны— какъ свой, такъ и прочихъ господъ офицеровъ.

«Видно, новенькаго какого опять привезли!»—со вздохомъ сказалъ себѣ, тѣмъ временемъ, князь Чурмантѣевъ.

Офицеры сошли со стѣны. Шестнадцати-весельный катеръ, а за нимъ восьмивесельная шлюпка, расталкивая баграми льдины, двинулись отъ крѣпости къ Шлиссельбургу.

На городскомъ берегу, прикрывая медвѣжьими шубами

звѣзды, въ треуголкахъ и собольихъ шапкахъ, стояли у взмыленныхъ шестериковъ нежданные-негаданные гости: рыжій, въ веснушкахъ, лѣтъ подъ тридцать, любимый генералъ-адъютантъ императора, баронъ Карлъ Карловичъ Унгернъ-Штернбергъ, петербургскій генералъ-полицеймейстеръ, сухощавый, круглолицый, добродушный старикъ, Николай Андреевичъ Корфъ, щеголеватый и надменный оберъ-шталмейстеръ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, генералъ Мельгуновъ и, лѣтъ тридцати четырехъ, средняго роста и замѣтно-сутуловатый, тайный государевъ секретарь, статскій дѣйствительный совѣтникъ, Дмитрій Васильевичъ Волковъ. Ямщики и лодочники, глядя на Нарышкина, бывшаго представительнѣе и выше остальныхъ ростомъ, принимали его за государя. Народъ, стекаясь изъ города, толпился въ сторонѣ и, безъ шапокъ, глазѣлъ на прибывшихъ. Унгернъ хлопоталъ о переправѣ.

Въ кругу пышно-разряженныхъ, важныхъ вельможъ,—въ небольшой, на прусскій образецъ треуголкѣ, съ тростью, съ огромнымъ палашомъ, въ высокихъ ботфортахъ и въ простой безъ мѣха епанчѣ,—стоялъ средняго роста, вертлявый, невзрачный, плоскогрудый и сильно тронутый оспой, гвардейскій штабъ-офицеръ. Круглые, сѣроватые глазки его были заспаны, прямой, добрый носикъ покраснѣлъ отъ вѣтра, невыбритый въ то утро, полный, бѣлый подбородокъ, какъ и простоватыя, веселыя губы то-и-дѣло вздрагивали отъ громкаго, почти дѣтскаго смѣха. Онъ шутилъ съ вельможами. А тѣ, несмотря на свою важность и на его скромный видъ и нарядъ, почтительно внимали какъ его шуткамъ, такъ и вообще его рѣзкому, «скорбеому» — далекослышному, съ замѣтнымъ акцентомъ, и отличному отъ прочихъ голосу.

— Да знаешь ли, Дмитрій Васильичъ,—продолжалъ офицеръ, обращаясь къ тайному государеву секретарю, Волкову: — говорятъ, что ты, батюшка, съ этимъ... dass Ihr Beide mit diesen renommirten Chicaneur,—съ этимъ съ надутымъ придирщикомъ Ломоносовымъ прожектецъ составилъ— всѣхъ нѣмцевъ изъ Россіи выгнать? Правда ли то? ха-ха! Отвѣчай-ка мнѣ...

— То, ваше величество, сугубая напраслина,—покраснѣвъ и низко склонясь, отвѣтилъ Волковъ:—и я сему негоціатору вольнодумцевъ не похлѣбникъ!..

— То-то, Васильичъ, берегись,—и смѣясь скороговоркой продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ:—и я тебя, каналью, за то намедни чуть не закололъ... Und noch ein Punkt... и вотъ еще одинъ пунктъ, Васильичъ... Caperment! Voyons... Долженъ бы ты, батюшка, за это подъ арестомъ посидѣть... Милости пожалуйста!.. Попроворилъ въ газетномъ артикулѣ, про кончину покойной государыни, мою жену императрицей назвать!.. Но я помню прежнія твои услуги... Сей грандъ-д'эспань, господа, мнѣ, какъ великому князю, копіи съ секретныхъ протоколовъ тайной конференціи выдавалъ... Покойной государынѣ измѣнялъ, мнѣ зато вѣрно служилъ... Ха-ха!.. Что, братецъ, выдалъ твои плутни? Погибнетъ птичка отъ своего язычка...

— Никогда того не было, ваше величество!—изъ краснаго ставъ блѣднымъ и еще ниже склонясь, отвѣтилъ Волковъ.

— Но, можетъ, ты, Васильичъ, — не унимался трунить Петръ Ѳедоровичъ: — можетъ, ты и моей женѣ теперь все такъ же переносишь, какъ проворилъ и мнѣ?.. Pah! s'ist mir Alles Eins!.. Мнѣ, господа, все одно! Милости пожалуйста!.. Мадамъ «La Ressource»,—и безъ усердныхъ предателей, пожалуй, все знаетъ... Безсердечныя и хитрыя женщины — тѣ же колдовки... А вотъ и катеръ... Карлъ Карлычъ, Левъ Александрычъ, герръ баронъ! садитесь... Nun vorwärts!.. ѣдемъ...

Унгернъ, Корфъ и Мельгуновъ сѣли съ государемъ въ катеръ. Нарышкинъ и Волковъ поѣхали, вслѣдъ за ними, въ шлюпкѣ.

— И такое великое хохотаніе постоянно! какъ видите!—усѣвшись въ шлюпку, вполголоса и нѣсколько по привычкѣ заикаясь и въ носъ, воскликнулъ Волковъ:—срамитъ и шпыняетъ при всѣхъ: не знаешь, куда и глядѣть...

— А сама эта поѣздка?—нагнувшись къ Волкову, сердито произнесъ обыкновенно-веселый и безпечный Нарышкинъ:—собрался, представь, какъ на пожаръ. Даже дядя принцъ Жоржъ о томъ не провѣдалъ. И меня взялъ случайно, ужъ садясь въ возокъ... Что ему! была бы корзина съ кнастеромъ, да съ коллекціей солдатскихъ трубокъ. Надумалъ что, крикнетъ: vorwärts drauf los! и вся недолга...

— Да что же, что онъ надумалъ теперь? — допытывалъ Волковъ:—въ чемъ тутъ новыя конъюнктуры? И какъ о томъ не предупредили Александра Иваныча?

Волкову ясно вспомнился, въ эти мгновенія, сердитый правый глазъ Александра Иваныча Шувалова, разстроенный нерѣдко потрясавшими сценами допросовъ и пытокъ въ недавно-закрытой тайной канцеляріи. — «Какъ замигалъ бы этотъ глазъ,—думалось Волкову,—какъ скривилъ бы и всю правую сторону лица, если бъ ему сказали, что государь, очертя голову, бросился на такое неподобающее свиданіе!»

— Вся сія препозиція, ясно ужъ видно, на какой фасонъ,—косясь на гребцовъ, презрительно отвѣтилъ Нарышкинъ:—государь, очевидно, получилъ отсель изъ Шлюшина нѣкое подметное письмо: ну, и поѣхалъ... Иванушка, вишь, сильно ему понадобился...

— Но для чего, для чего? — продолжалъ допрашивать Волковъ.

— Дѣло ясное... чтобъ насолить женѣ... Твердитъ одно: не зналъ я, каково принцу..: надо, вишь, ему помочь...

— Что-жъ ты на то скажешь?

— Да пустяки,—отвѣтилъ Нарышкинъ:—дурачокъ вѣдь принцъ Иванъ, совсѣмъ умишкомъ высохъ! Александръ Иванычъ еще недавно о немъ вспоминалъ... А ужъ ему ли доподлинно не знать про то? Всѣ репорты шли черезъ его руки. Безпамятенъ, сказываетъ, косноязыченъ сталъ и скорбенъ главой... И съ этакой-то дурафьёй еще возиться затѣяли... Одинъ смутъ и толченіе воды... Вотъ и вечеръ у Воронцовыхъ пропущенъ,—а нынче тамъ бирибй въ двухъ салонахъ и графъ Сенъ-Жерменъ о мертвыхъ обѣщалъ разсказать!—съ досадой прибавилъ Нарышкинъ.

— Будетъ намъ и съ живыми немало возни!—произнесъ Волковъ:—подметное письмо! чья рука тутъ колобродитъ? и какъ отвратить?

«Ужли изъ Берлина, Фридриховы новые ходы опять?—прибавилъ про себя Волковъ, — или здѣсь, поближе, искать новыхъ затѣй?»

Катеръ и шлюпка причалили къ острову. На катерѣ шелъ иной разговоръ.

— Боюсь, боюсь я этого свиданія! не выдержу! — въ искреннемъ волненіи и страхѣ, шепталъ, между тѣмъ, по-русски Петръ Ѳедоровичъ Корфу:—какъ хочешь, братъ, а онъ вѣдь человѣкъ, притомъ какой семьи!

— И я въ немаломъ амбарѣ,—отвѣчалъ Корфъ: — везъ

когда-то его дитятичкой въ Холмогоръ... Но, courage, Majestät, смѣлѣй!.. являйте себѣ достойно вашъ санъ...

— Да вѣдь,—schlicht und recht!—по-правдѣ, не мнѣ бы слѣдовало на тронѣ быть, а ему,—не унимался Петръ Өедоровичъ:—какъ я на него посмотрю и что ему скажу?

— Въ такомъ разѣ, Majestät,—чопорно и важно вмѣшался Унгернъ:—напрасно было уфъ-въ эти мѣста и ѣхать...

— Напрасно, напрасно!.. двадцать лѣтъ бѣдный взаперти сидитъ... Экіе вы! Но вы еще про меня услышите...

Сойдя на плоскій берегъ у крѣпости, императоръ и его свита пошли влѣво къ воротамъ. Здѣсь ихъ встрѣтилъ, ставшій отъ страха хуже малаго дитяти, комендантъ Бередниковъ. Хотя императоръ желалъ выдержать строжайшее инкогнито, Бередниковъ сразу его узналъ. Петръ Өедоровичъ взялъ у Унгерна, за собственнымъ своимъ, отъ 17-го марта, подписаніемъ, именной на имя Бередникова указъ и, приложа руку къ шляпѣ, почтительно вручилъ его коменданту.

Въ указѣ было изображено: «Имѣете тотчасъ допустить нашего генералъ-адъютанта Унгера и прочихъ съ нимъ, когда онъ прикажетъ, высокихъ подателей сего монаршаго повелѣнія, къ осмотру государственной шлиссельбургской тюрьмы, а буде они того пожелаютъ, то и къ свиданію, даже безъ свидѣтелей, съ извѣстною, тамо заключенной персоной. И если Унгернъ прикажетъ Чурмантѣеву, съ арестантомъ и его командою, изъ крѣпости въ другое какое мѣсто по нашему соизволенію выѣхать, то того не воспрещать».

— Это что?—спросилъ, ткнувъ тростью въ тяжелыя, дубовыя ворота, императоръ. На лѣвой половинѣ воротъ государевой башни была шведская надпись: «1649 года—18-го мая».

— Виноватъ, ваше... казните, какъ есть, забылъ соскоблить... стереть!—заговорилъ, отдуваясь, весь красный Бередниковъ.

— Но развѣ такія надписи, господинъ комендантъ, стираютъ?—насмѣшливо его оглядѣвъ, произнесъ императоръ:—эти литеры, господа, со временъ шведовъ... Я вѣдь учился, маракую... По симъ же плитамъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ самъ Петръ Великій изволилъ прохаживаться...

— Плиты не вынуты, такъ точно-съ! — утирая лицо и жалобно взглянувъ на свиту, сказалъ Бередниковъ.

— Еще бы вамъ крылечко изъ нихъ помостить!—улыбнулся императоръ: — гдѣ арестантъ Безыменный? ведите насъ къ нему!

На дворѣ, у церкви, высокимъ посѣтителямъ Бередниковъ представилъ князя Чурмантѣева.

— Хромаете?—въ войнѣ съ Пруссіей ранены?—нахмурясь, спросилъ государь.

— Упалъ здѣсь намедни съ лѣстницы, — отвѣтилъ старшій приставъ.

— Зять Ольдерога,—шепнулъ государю Унгернъ:—изъ Риги in der Garde переведенъ...

— А, очень радъ! веди же насъ, сударь,—обратился императоръ къ Чурмантѣеву:—только и намъ, батюшка, просимъ, ноги или руки при вѣрной оказіи не сломай...

Посѣтители обогнули церковь. Влѣво, по двору, вдоль крѣпостной куртины, шли въ два яруса, съ открытой галлереей, тяжелыя каменныя казармы внутренней стражи. Домъ коменданта особнякомъ стоялъ вправо, у церкви. Въ глубинѣ двора, за внутреннимъ каналомъ, посѣтителямъ предстала другая, мрачная, обросшая мхомъ стѣна. Черезъ каналъ велъ подъёмный мостъ. Противъ моста были ворота и возлѣ нихъ стоялъ часовой. За стѣною, какъ объяснилъ комендантъ, находился другой внутренній дворъ и тамъ, вправо, домъ старшаго пристава Чурмантѣева, влѣво — отдѣльная, въ два рѣшетчатыхъ окна, двухъ-ярусная Свѣтличная башня, съ казематомъ извѣстной персоны.

— Ist aber fest zugestopft alle Wetter!—сказалъ, входя въ этотъ дворъ, Петръ Ѳедоровичъ:—свѣту маловато, окно узко и то, saperment, заграждено снизу дровами...

Государь отозвалъ Чурмантѣева къ сторонѣ.

— Каковъ темпераментомъ принцъ?—спросилъ онъ, разглядывая лицо пристава.

— Какъ вамъ доложить?—смѣшался Чурмантѣевъ:—недавно я, государь, при немъ и потому...

— Правду, правду мнѣ говори, — перебилъ Петръ Ѳедоровичъ:—по душѣ, откровенно, als ein Soldat...

— Временемъ робокъ онъ, уклоненъ,—началъ приставъ:—вѣжливъ и даже стыдливъ; нрава тихаго, бываетъ же, сударь, и вотъ какъ понятливъ... Какъ спокоенъ — говоритъ

обо всемъ добропорядочно, толково; сказываетъ евангеліемъ, Минеею, Прологомъ и книгою Маргаритъ; толкуетъ, гдѣ и что въ нихъ написано...

— Но какъ же, tausend Teufel!.. какъ же твой комендантъ доносилъ, — сердито топнулъ ногою государь: — все Шуваловымъ на угоду... Sclavisches Pack!.. увѣрялъ, что принцъ слабоуменъ и вообще выглядитъ точно звѣрь лѣсной.

— Какъ не быть звѣремъ, коли выведутъ изъ терпѣнія,— покосившись на помощниковъ, сказалъ Чурмантѣевъ:—взбаламутитъ его какая прижимка — зоветъ всѣхъ еретиками, шептунами, самъ плачетъ, говоритъ нѣмо, невнятно, и такъ отъ смуты косноязычитъ, что и привычнымъ въ силу его разумѣть. Да и не всѣмъ открываетъ свои способности...

— Скрытенъ? о! я угадалъ!.. Den Nagel auf dem Kopf getroffen!.. гвоздемъ въ центрумъ попалъ. Ну, а когда тихъ?

— Въ тихости весело и кротко такъ смѣется, — продолжалъ Чурмантѣевъ:—и,—дерзаю доложить,—на прикладъ даже становится забавенъ... веселъ, надѣется на все и прыгаетъ, аки малый ребенокъ... а то строитъ рожи...

— Кто его здѣсь дразнитъ? говори,—поглядѣвъ вокругъ, произнесъ государь.

Онъ досталъ изъ камзола инбирную карамельку и, съ цѣлью отбить изжогу минувшей безсонной ночи, опустилъ ее въ ротъ.

— Не усмотришь за всѣми, больше солдаты съ галлереи,—сказалъ Чурмантѣевъ:—а бываетъ, кто и выше... Ну, и не стерпитъ... Гордъ притомъ и любитъ, чтобъ былъ во всемъ порядокъ... Неучъ иной часовой, у его дверей, ночью начнетъ вертѣться, ногу объ ногу чесать, либо громко кашлянетъ, ружьемъ невѣжливо стукнетъ, — принцъ тотчасъ осерчаетъ, жалуется мнѣ утромъ: — смѣетъ ли, грубіянъ, тотъ солдатъ, такъ его обижать? я-де, говоритъ, вотъ какъ его уйму... И въ ту пору вновь старается доказать, какова онъ для всѣхъ высокая, важная персона...

— И что-жъ ты ему на это? — спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Говорю, полноте, сударь: все то вранье! и лучше вамъ такой пустоши о себѣ не думать и впередъ не врать... Куда! весь почернѣетъ отъ гнѣва, клянется, дрожитъ... Звѣри вы, говоритъ, колдуны и еретики! мучите меня, и Господь васъ,

за невиннаго страдальца, разразитъ и прахъ вашъ по вѣтру развѣетъ...

«Такъ, такъ! наклеветалъ Шуваловъ! — подумалъ государь, — въ письмѣ истина повѣдана...»

Онъ подошелъ къ башнѣ. Изъ-за дома пристава выбѣжала съ саночками дѣвочка, за нею другая. Увидѣвъ нежданныхъ гостей, онѣ въ испугѣ остановились и бросились къ крыльцу, у котораго ни жива, ни мертва стояла Поликсена.

— Ба-ба-ба! это что̀? — воскликнулъ государь: — юныя милыя созданія и съ ними комендантшей фея, прекрасное существо!.. въ такихъ ужасныхъ мѣстахъ!

— Мои дѣти и ихъ бонна, — пояснилъ князь Чурмантѣевъ.

Петръ Ѳедоровичъ взглянулъ пристальнѣе. Онъ узналъ Пчёлкину и ласково, разсѣянно ей поклонился.

«Боже, неужели все это черезъ меня?» — замирала тѣмъ временемъ, боясь поднять глаза, Поликсена.

По стоптаннымъ, бѣлокаменнымъ ступенямъ внутренней лѣстницы гости вошли налѣво, въ тѣсныя сѣни государственной тюрьмы. Чурмантѣевъ вынулъ изъ кармана большой черный ключъ, отомкнулъ имъ низенькую, черную, окованную желѣзомъ дверь, ввелъ гостей въ другія сѣни, отворилъ изъ нихъ новую дверь, прямо, и отступилъ. Свита также посторонилась. Унгернъ первый вошелъ въ казематъ Ивана Антоновича, за нимъ, сбросивъ верхнія одежды, государь, Волковъ, Корфъ и остальные.

Казематъ принца Іоанна былъ аршинъ въ десять длины и въ пять ширины. Мрачныя, подновленныя его стѣны были со сводомъ. Узкое, съ толстыми рѣшетками окно, вправо, невысоко отъ пола, выходило на галлерею. Влѣво отъ входа стояла большая, изъ зеленыхъ кафлей печь, съ топкою изъ сѣней. Поперекъ всей комнаты шла тесовая ширма. За ширмой помѣщалась постель. Возлѣ окна — столъ; у стола скамья. Дрова скрадывали свѣтъ, и безъ того слабо падавшій въ комнату.

— И только?.. Oh, über das Elend!.. какой ужасъ! гробъ, а не жилье! — сказалъ вполголоса Петръ Ѳедоровичъ Унгерну: — душно и темно... А Шуваловъ какъ расписывалъ!.. Nichts als Lug und Trug!.. Ненавидую гнусныя интриги, обманъ... Но гдѣ же онъ въ этомъ каменномъ мѣшкѣ?

— За ширмой, — отвѣтилъ Чурмантѣевъ: — онъ по ста-

туту... думаетъ, что пришли его комнату убирать... запрещено его видѣть даже слугамъ...

— Зовите его, — не громко сказалъ, не сходя съ своего мѣста, государь.

Чурмантѣевъ крикнулъ арестанта. Иванъ Антоновичъ вышелъ изъ-за ширмы. Видъ блестящей государевой свиты его ослѣпилъ. Онъ зашатался, чуть не упалъ, и, озираясь, какъ пойманный жалкій звѣрекъ, смѣшнымъ и неловкимъ движеніемъ попятился назадъ за перегородку.

— Не опасайтесь, сударь! — съ напускною смѣлостью, дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Петръ Ѳедоровичъ: — я къ вамъ посломъ... отъ самого государя. Подойдите ближе; смѣлѣй... вотъ такъ... Ну!.. скажите, что-нибудь вамъ въ этихъ мѣстахъ недостаетъ?.. Скажите! ваши слова приму не инако, какъ съ должнымъ вниманіемъ.

Иванушка бросилъ бѣглый взглядъ на узкоплечаго, плоскогрудаго, невзрачнаго и рябого офицера,—въ бѣломъ, съ бирюзовыми обшлагами, кафтанѣ, съ доброй улыбкой и грубокапральской выправкой,—стоявшаго впереди другихъ. Что-то странное, что-то хватавшее и уносившее куда-то далеко—отозвалось, заговорило въ душѣ узника. «Гдѣ-то видѣлъ, видѣлъ... но гдѣ...»—обливаясь кровью, шептало ему бѣдное, робко бившееся сердце. Онъ ступилъ шагъ впередъ, протянулъ руки.

— О, о,—началъ онъ, не спуская глазъ съ Петра:—я... я...

Онъ упалъ предъ нимъ на колѣни.

— Встаньте, принцъ!—съ рыцарскою вѣжливостью, тронувъ его лосинной перчаткой по плечу, сказалъ Петръ Ѳедоровичъ: — будьте бодры, куражъ, я облегчу... я попрошу государя... облегчить и улучшить вашу участь... Я близокъ къ нему; меня онъ слушаетъ. Просите, что̀ вамъ нужно?

Лицо узника страшно поблѣднѣло; губы исказились отъ усилій проронить слово. Рѣчь отказывалась ему служить. Языкъ коснѣлъ. Кровь молотомъ стучала въ голову. Онъ, озираясь на всѣхъ, не вставалъ.

— Просите, просите милостей! — шептали стоявшіе вокругъ.

— Я не тотъ, за кого... Душно!—проговорилъ узникъ:— тутъ вовсе душно — воздуху нѣту-ти... — продолжалъ онъ скороговоркой, сдерживая рукой дрожавшій, какъ въ лихорадкѣ, подбородокъ:—повидать бы небушко... зелень тоже...

походить бы на землѣ, по цвѣтамъ!.. отъ всего за то, все отдамъ... Я ихъ прошу, а они... подло...

Онъ не могъ говорить далѣе, робѣлъ и дико на всѣхъ смотрѣлъ.

— Кто вы?—спросилъ, поднимая его, государь.

Принцъ медлилъ отвѣтомъ.

— Кто вы и какъ сюда попали? — ласково повторилъ, улыбаясь, Петръ Ѳедоровичъ.

Арестантъ вздрогнулъ, вытянулся, сталъ шептать.

— Я... императоръ,—точно сорвавшись, проговорилъ онъ громко: — Божіею милостью... ну, Іоаннъ Третій, императоръ... царь!

— Кто тебѣ сказалъ, что ты императоръ?—нахмурясь и брякнувъ палашомъ, спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Я не тотъ, за кого!—отвѣтилъ, боязливо попятившись, узникъ: — да, да! Іоаннъ давно померъ, взятъ на небо. Я видѣлъ его—онъ здѣсь, во мнѣ...

— Кто тебя увѣрилъ, что ты государь? — спокойнѣе повторилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Кто сказалъ?—стойте—вспомнилъ!.. учитель сказалъ... потомъ караульный...

— Императоръ не сидѣлъ бы въ такомъ мѣстѣ, притомъ въ бородѣ...—произнесъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Меня заперли. Но... я лучше ихъ... чистый духъ,—а они—злюки, еретики.

— Что̀ вы помните о дѣтствѣ, о прошлыхъ годахъ?—спросилъ государь.

— Гдѣ помнить! голова темна, тошнехонько...

— Однакоже, повѣдайте, что вспомятовано будетъ.

— Все мучили... Былъ я вотъ какой ребенокъ, махотка-дѣтка. Разлучили съ матерью, отцомъ... Живы ли, не знаю...

— Ну, ну...

— Стали звать меня Гришкой, — ты не царь, а колодникъ!—отдали въ руки аспидовъ, колдуновъ. Да, да... колдуны... У нихъ дымъ изо рта... И начали возить изъ крѣпости въ крѣпость... И вотъ теперь Иванушкинъ дворецъ...

Узникъ смолкъ. Окружавшіе молча на него смотрѣли.

— Всѣ ли приставленные къ вамъ были злые люди? не было ли межъ нихъ и добрыхъ?—спросилъ государь.

— Было двое... Одинъ — старикъ съ женой! въ Холмо-

горахъ выучилъ молитвамъ, письму... Другой—помоложе...—да, совсѣмъ молодой...

— Ну, и что жъ этотъ другой? не бойтесь, говорите...

— Онъ меня, ребенка, махотку, провожалъ отъ матери, и всю дорогу, всю, какъ это ѣхали, во-какъ ласкалъ. Жалѣлъ и плакалъ.

— А потомъ?

— Какъ пріѣхали это къ морю, давалъ этотъ-то молодой бѣгать по берегу, въ саду; садъ большущій, пахло такъ—цвѣты... и отъ монаховъ приносилъ игрушки...

— Гдѣ жъ онъ теперь?—спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Видно померъ, снится все... Въ книгахъ написано... оскудѣша... изліяся слава во прахъ...

«Начетчикъ, все по-словѣнски!»—подумалъ государь.

— Помните ли вы имена этихъ людей?—спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

Лицо арестанта опять исказилось, выражая ужасъ и волненіе.—«Онъ, онъ!—звучало у него гдѣ-то на днѣ души,—онъ... не во снѣ ль я его видѣлъ?»

Иванушка хотѣлъ говорить, и не могъ.

— Courage, prince, courage! я васъ слушаю!—обратился къ нему государь.

— Перваго звали... постойте... охъ, забылъ...

— А второго?

— Второго... вспомнилъ... Корфъ, да, Корфъ...

Государь оглянулся. Николай Андреичъ Корфъ, усиливаясь что-то достать изъ задняго кармана, кривился и хмурился, всячески удерживаясь, чтобъ не заплакать. Слезы, между тѣмъ, катились по его вздрагивавшимъ, морщинистымъ щекамъ.

— Merkwürdig, Majestät, o! fabulös,—громко сморкаясь, крякнулъ онъ въ платокъ.

Государь былъ искренно, глубоко тронутъ. Обыкновенно безпечный, Нарышкинъ стоялъ сердитый и опѣшенный. Мельгуновъ и Волковъ угрюмо смотрѣли въ землю.—«Не малоумный, не дурафья, чортъ возьми!»—думали они. Унгернъ не спускалъ растерянныхъ глазъ съ государя.

— Бѣдный, жаль мнѣ тебя,—сорвалось чуть слышно съ языка Петра Ѳедоровича:—видите, баронъ, добрыя-то дѣла?..

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но и его круглые, выпуклые глазки замигали. Онъ странно, по-дѣтски, всхлип-

нулъ, повернулся и, гремя шпорами и палашомъ, неуклюже пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Государь! о, государь!—закричалъ вдругъ, кинувшись за нимъ сквозь толпу окружавшихъ, Иванъ Антоновичъ.

— Какъ знаешь ты, что я государь?—спросилъ, обернувшись къ нему, Петръ Өедоровичъ.—Измѣна! предупредили?—продолжалъ онъ, съ гнѣвомъ взглянувъ на окружавшихъ.

— По портрету!—объяснилъ Иванъ Антоновичъ:—монета!.. вотъ, вотъ!.. это ты... Мы одной крови... ты дядя мнѣ и ты братъ по престолу... Братъ! помоги... Братъ! Освободи... въ глушь, въ Сибирь... только волю...

Петръ Өедоровичъ остолбенѣлъ.

Было мгновеніе—императоръ царствующій былъ готовъ броситься въ объятія императора-узника.

— Я подумаю... готовъ!.. о, я свѣтъ удивлю!—искренно воскликнулъ Петръ Өедоровичъ:—мучители, бандиты человѣчества! Истины не упрячешь, сквозь щели тюрьмы, сквозь крышку гроба: вездѣ она пробьется.

— Николай Андреичъ, Дмитрій Васильичъ,—обернулся онъ:—и вы, господа гарнизонный караулъ, на пару словъ. Ласкаюсь надеждой—взять резонабельныхъ мѣръ...

Онъ съ облегченнымъ сердцемъ быстро вышелъ изъ каземата во дворъ. Слѣдомъ за нимъ вышли Корфъ, Нарышкинъ, Волковъ и тюремное начальство. Съ принцемъ остался одинъ Унгернъ.

— Проклятый Фридрихъ, змѣй, сатана!—завопилъ, стуча себѣ въ грудь, Иванъ Антоновичъ:—это онъ, черезъ него...

— Что ты, батюшка, ш-ш!—зашипѣлъ на него Унгернъ:—да Петръ-то Өедоровичъ молится на него... Герръ Готтъ! А ты ручку лучше его величеству поцѣлуй, въ ножки поклонись, да проси его, проси...

Иванъ Антоновичъ бросился на колѣни передъ темнымъ, стараго письма, образомъ Спаса. Длинные, свѣтлорусые волосы его падали на холодный полъ, при каждомъ его поклонѣ. Онъ крестился большимъ крестомъ и торопливо шепталъ горячія, несвязныя молитвы.

IX.

Оранжевый воротникъ.

Петръ Θедоровичъ, мѣрными шагами, ходилъ взволнованный передъ башней. Рядомъ, прихрамывая и стараясь попадать съ нимъ въ ногу, ходилъ старшій тюремный приставъ, князь Чурмантѣевъ. Нарышкинъ и Волковъ, перешептываясь, стояли здѣсь же во дворѣ, за дровами; Унгернъ и Корфъ—въ глубинѣ площадки, у воротъ.

На коменданта государь осерчалъ, при выходѣ изъ каземата, и прогналъ его за ворота. Тамъ, у входа на мостъ, робко жались младшіе тюремные пристава, Власьевъ и Чекинъ, и прочіе гарнизонные офицеры. Далѣе, у церкви, стояли—подоспѣвшая посадская полиція, священникъ крѣпости и кое-кто изъ семействъ офицеровъ и именитыхъ горожанъ.

Между послѣдними былъ и Мировичъ. Онъ узналъ императора еще на берегу и, проникнувъ вслѣдъ за посадскими, стоялъ сильно озадаченный.—«Чтò бы это значило?—разсуждалъ онъ съ легкою дрожью,—какъ нежданно подъѣхалъ государь! Чтò, какъ принцъ выдастъ ему о свиданіи и разговорѣ со мной?.. Могутъ найти у него мою бумагу. Надо быть готовымъ ко всему. Могутъ потребовать, спрашивать. Не отрекусь ни отъ чего... Пропадай голова, все разскажу. Ужли мучиться ему долѣ?»

Императоръ остановился.

— Ну, а послушай-ка, сударь, теперь, — обратился онъ къ Чурмантѣеву: — скажи-ка ты мнѣ, да опять по чистой правдѣ, была рѣчь принцева и на мой счетъ?

Чурмантѣевъ замялся. — «Какъ ему сказать? — подумалъ онъ, — и чтò изъ того выйдетъ? И дѣйствительно ли онъ желаетъ облегчить участь принца?»

— Увольте, государь, — отвѣтилъ онъ: — не смѣть мнѣ, рабу...

— Сказывай, одинъ вѣдь тебя слушаю! — съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ, хлопая лосиной перчаткой по перчаткѣ, настаивалъ Петръ Θедоровичъ.

Онъ вынулъ изъ камзола другую инбирную карамельку и опустилъ ее въ пересохшій отъ волненія ротъ.

— Съ новаго года, какъ я сюда прибылъ,—началъ Чурмантѣевъ: — принцъ ни разу не упомянулъ про васъ; и

зналъ ли онъ о вашемъ восшествіи, про то не вѣдаю... А недавно...

— Что же было недавно?

— Точно во снѣ ему привидѣлось, или слетѣло на него какое прозрѣніе... въ страхъ даже привелъ... вдругъ заговорилъ...

— На какой же манеръ онъ заговорилъ?

— Нынѣ правящій царь — это вѣдь Петровичъ, внукъ Петра,—сказалъ мнѣ намедни принцъ:—да и я-де, какъ и онъ, здѣшней имперіи принцъ и вашъ государь, только Иванычъ... отъ Ивана — царя... И пора бы, говоритъ, Петровичамъ съ Иванычами миръ навсегда положить... Слава-де въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе... Такъ и сказалъ... Поясненіе на него будто нашло; индо въ страхъ повергъ!.. Было бы, говоритъ, то̀ угодно Господу, и тихость-де святая сошла бы на наше царство, и славѣ о томъ Петра и моей не умереть бы тогда отнынѣ и до вѣку...

— Такъ и сказалъ?

— Такъ доподлинно...

— Да онъ филозо̀фъ, saperment! Wahr, ser wahr!.. Правда! Надо въ моментъ, безъ промедленія и ни на какія дѣла несмотря, конецъ всему положить... Лицедѣи, душегубцы! Sclavisches Pack! банда могильныхъ геенъ...

Петръ Ѳедоровичъ повернулъ спину къ Чурмантѣеву и снова направился ко входу въ казематъ. Здѣсь его встрѣтилъ Волковъ.

— Одно слово, ваше величество, — сказалъ, склоняясь, тайный государевъ секретарь.

— Что̀ тебѣ? скорѣй...

— Умоляю объ одномъ: что̀ бы вы ни рѣшили, не приводите въ исполненіе теперь же...

Петръ Ѳедоровичъ молча нахмурился.

— Письмо, ваше величество... тайное о принцѣ письмо...

— Ну, такъ что же?

— Не козни ль то, простите, злыхъ совѣтниковъ государыни, вашей супруги?

— Вздоръ, Васильичъ! совсѣмъ дурашныя, неидущія слова.

Волковъ оживился, глаза его блеснули твердостью.

— Освободивъ принца,—продолжалъ онъ:—вы создадите

себѣ, государь, клянусь вамъ, опаснаго, гибельнаго соперника! И одни лишь отечества предатели, льстецы, могутъ давать такія антиполитическіе совѣты... Да и еще осмѣлюсь прибавить...

— Говори, — охъ, ужъ разумники! Что тамъ еще умыслилъ и на бобахъ развелъ? не испытывалъ, видно, самъ тюрьмы, оттого и храбришься...

— Обижать изволите, государь... Не въ моемъ нравѣ давать совѣты о тюремныхъ закрѣпахъ, да о цѣпяхъ... Вѣдать изволите, кто возымѣлъ счастье преславный манифестъ о вольностяхъ дворянства поднести къ вашему подписанію?.. Шагъ одинъ отнынѣ, сами также то сознать удостоили — къ освобожденію и прочихъ россійскихъ рабовъ... Но не слѣдуетъ упускать изъ виду гласа безсмертіемъ одаренныхъ геніевъ...

Волковъ помолчавъ и еще болѣе ободрился.

— Его величество король Фридрихъ,—сказалъ онъ, вновь склоняясь: — неоднова дружески совѣтовалъ вамъ остерегаться и покрѣпче держать взаперти принца Ивана, дабы чья-либо горячая голова, отъ мечтательной дерзости и лжемыслія, не вздумала возвести его на престолъ...

— Пустяки! суесловство! — рѣзко перебилъ и отвернулся отъ Волкова Петръ Ѳедоровичъ: — о тронѣ рѣчи нѣтъ!.. Кто тебѣ навралъ?.. Я одинъ, слышь ты, одинъ о томъ могу говорить...

Имя Фридриха, однако, замѣтно смутило государя. — «А вѣдь, пожалуй, и правду сказалъ этотъ безсердечный и ловкій всезнайка-говорунъ?—подумалъ онъ, сердито глянувъ въ продолговатое, сухое, съ большимъ бѣлымъ лбомъ и красивымъ носомъ, лицо Волкова, сѣрые, умные глаза котораго почтительно и съ строгимъ вниманіемъ слѣдили за нимъ,—у такихъ краснобаевъ-совѣтниковъ всегда найдутся резоны кстати... Опасно-неопасно, а дѣло и впрямь надо бы похитрѣе и ловче обдѣлать... Я уже писалъ королю, что держу Ивана въ надежныхъ рукахъ, взаперти»....

Петръ Ѳедоровичъ еще разъ бросилъ взглядъ на Волкова, досадливо одернулъ на себѣ портупею и не такъ ужъ смѣло взялся за скобу тюремныхъ дверей.

— Господа!—обратился онъ къ свитѣ:—комендантъ, сюда, и вы слѣдуйте за мной... Что можно и что политическіе и штатскіе резоны позволятъ, все сдѣлаю, не глядя ни на

что. Я не забочусь о его мнимыхъ правахъ, — выбью глупую дурь изъ его головы — сдѣлаю его человѣкомъ, слугой трона... изъ него выйдетъ бравый солдатъ...

Онъ снова вошелъ въ казематъ Ивана Антоновича. Свита, пристава и комендантъ размѣстились за нимъ у порога.

— Князь! — обратился императоръ къ принцу: — скоро день Благовѣщенія... Въ народѣ принято въ этотъ день на волю выпускать... Вы... вы...

Тутъ рѣзкій, странно дребезжавшій голосъ Петра Ѳеодоровича мягко дрогнулъ и оборвался. Добрыя, искреннія слезы выступили на его глазахъ.

— Я обѣщалъ... я слово далъ міръ удивить! — продолжалъ онъ съ дѣтски-ласковой улыбкой: — не отъ своей персоны говорю! и вы ошибались, если меня приняли... думали... Я простой офицеръ; но меня государь любитъ и мнѣ аудіенціи даетъ... Господинъ комендантъ, слушайте... Положеніе арестанта, по истинѣ надо то сказать, ужасно. Поглядите на эти аркады, эти стѣны! съ рѣшеткой окно... Du lieber Gott!.. Здѣсь и при солнцѣ, безъ свѣчки, трудно оставаться... Воздухъ душенъ... Государь изъ одного откровеннаго письма все узналъ... Мнѣ дали комиссію въ этихъ дѣлахъ убѣдиться, и я убѣдился. Содержится принцъ хуже, чѣмъ послѣдній колодникъ, злодѣй... Стыдитесь, господа, — фуй, стыдитесь...

Государь остановился. Всѣ взоры были устремлены на Ивана Антоновича. Онъ стоялъ, понурившись, и, тяжело дыша, длинными бѣлыми пальцами судорожно разглаживалъ свою шелковистую, каштановую бородку.

— Не въ кушаньѣ дѣло, господинъ комендантъ, — въ обхожденіи! — строго крикнулъ государь Бередникову: — принца въ невѣжествѣ оставляютъ, въ дикости, безъ наукъ. Вы про то молчать изволили; я отъ постороннихъ персонъ все узнавалъ. Это должно быть измѣнено... А потому, господинъ главный начальникъ здѣсь, и вы тоже, старшій приставъ... Im Namen, — отъ имени государя императора, — и въ силу данной мнѣ высочайшей резолюціи, вмѣняю вамъ отнынѣ — надъ лучшимъ положеніемъ принца наблюденіе имѣть... Колесо фортуны — гексенмейстерскій капризъ! — сегодня внизу, завтра вверху. Извольте — слышите ли то? — выводить принца, время отъ времени, гулять внутри крѣпости, а тамъ и за стѣнами. Пусть прогуливается, укрѣ-

пляется добрымъ воздухомъ. Учите его. Читать онъ знаетъ; но того мало... Сего пункта надо усиливать... Свѣтъ науки да засвѣтить его умъ... Sind aber hier?.. есть ли въ этихъ мѣстахъ хорошіе учителя?.. Ласкаюсь надеждой, найдете...

Узникъ бросился къ ногамъ Петра Ѳедоровича. Грудь его вздымалась отъ сдержанныхъ рыданій.

— О!—визгливо вскрикнулъ онъ, хватая императора за полы кафтана:—Петръ, Петръ!.. братъ мой!.. Все бери себѣ, все отдаю...

Государь положилъ ему руку на плечо.

— Выстроить ему, господинъ комендантъ, особый, хорошій, пространный домъ, — продолжалъ Петръ, ласково кивая принцу: — да чтобъ окошки были не узенькія и на солнце. А когда зданіе будетъ готово, самъ я пріѣду сюда, чтобъ персонально его туда переводить. Къ моему... къ государеву тезоименитству... чтобъ все то было готово!.. А потомъ мы васъ, принцъ, въ военную службу—будете бравымъ воиномъ, въ офицеры, въ генералы дослужитесь... Довольны ли вы, принцъ?

— Сжалься, не уходи, не откладывай!—крикнулъ, порываясь къ императору, узникъ: — братъ!.. Петръ! не скрывайся, ты вѣдь государь!.. Зачѣмъ отсрочка?.. смилуйся!

Унгернъ и Корфъ бросились къ принцу. Государь ихъ остановилъ.

— Выпусти меня сейчасъ, выпусти!.. Призвахъ имя твое во гробѣхъ,—косноязыча и дико озираясь, кричалъ узникъ:— дай жить съ нею!.. видѣть ее,. слышать!.. (Волненіе болѣе и болѣе охватывало его, путало слова)... Въ лѣса, въ Сибирь... только не здѣсь... Уйдешь, ни тебя, и ея не увижу... братъ, братъ!.. помилуй...

Присутствовавшіе были изумлены, потрясены.

— О комъ это? съ какою персоной онъ думаетъ жить?— спросилъ государь Унгерна. Тотъ взглянулъ на Бередникова, послѣдній на Чурмантѣева.

— Бредитъ, знать: изъ Маргаритъ что-нибудь вычиталъ и—простите—врётъ!—отвѣтилъ до крайности озадаченный Чурмантѣевъ:—что ни день, новыя, какъ видите, пустоши, новое вранье...

Иванъ Антоновичъ плакалъ, вставалъ и снова бросался на колѣни передъ императоромъ, хватая его за руки, волочась за нимъ и цѣлуя ему ноги, одежду. Безсвязной, ди-

кой, молящей его рѣчи нельзя ужъ было понять. Окружавшіе не могли его оттащить, остановить.

— Herr Gott... Armes Kind! силъ нѣтъ смотрѣть, пустите его!—сказалъ государь, замедлясь на порогѣ и добродушно, глазами, полными слезъ, смотря на принца;—пусть выйдетъ... пусть свѣжимъ воздухомъ вздохнетъ... на крыльцо его, на крыльцо...

— Но у него нѣтъ теплаго, — вмѣшался Волковъ: — еще простудится...

— Э, батюшка! когда я хочу, такъ ты!!.. колпакъ! — сердито крикнулъ и топнулъ государь: — вотъ мой плащъ, пусть надѣваетъ пока! Auf Wiedersehen!.. до свиданія, принцъ: — торопливо и сконфуженно отворачиваясь отъ Іоанна Антоновича, кивнулъ ему головой Петръ Ѳедоровичъ: — Карлъ Карлычъ! sagen Sie dass man... вели ему изъ кареты мой шлафрокъ въ презентъ принести... пусть себѣ, пусть...

Свита, съ своей стороны, поспѣшила вручить узнику подарки — кольца на память, табакерки, часы. Онъ неумѣлыми, похолодѣвшими руками неловко бралъ эти вещи, тыча ихъ въ карманы куртки и шароваръ.

Лица, стоявшія на дворѣ и въ числѣ ихъ Пчёлкина, видѣли, какъ у Свѣтличной башни вновь показалась царская свита и какъ, рядомъ съ государемъ, между Унгерномъ и Чурмантѣевымъ, вышелъ на крыльцо высокій, съ свѣтлорусыми, монашескими волосами и въ голубой гвардейской епанчѣ, блѣдный юноша. Государь, размахивая перчаткой, что-то съ сердцемъ высказывалъ коменданту. Этотъ съ рукой у шляпы, вытянувшись, молча стоялъ передъ нимъ.

«Чѣмъ-то рѣшено, какой конецъ?—мыслила тѣмъ временемъ, жадно пожирая глазами государя, Поликсена:—освободитъ ли онъ бѣднаго, раздавленнаго судьбой родича? Что̀ говорилъ онъ съ нимъ? что̀ рѣшено? Столько я учила принца, наставляла и все, все ему разсказывала... Какъ онъ жаждалъ свободы! какъ выпытывалъ о свѣтѣ, о людяхъ, клялся»...

«Ужли,—разсуждалъ въ то же время у церкви, въ толпѣ другихъ, Мировичъ: — ужли, наконецъ, и мнѣ окажетъ милость мачиха-фортуна? Не вѣрится! Кто обратитъ вниманіе

на столь мелкаго человѣка? Но если произойдетъ чудо, если рѣшатъ возвратить ко двору принца? Кто лучше его сумѣетъ тогда быть защитникомъ, охраной всѣхъ несчастныхъ, сирыхъ всѣхъ, обдѣленныхъ судьбой?.. Тогда и я подамъ прошеніе о возвратѣ дѣдовскихъ имѣній... Эка, чортъ, какія мысли! Такъ вотъ о тебѣ, собакѣ, и подумаютъ! О голштинцѣ какомъ-нибудь, о лакеѣ подумаютъ, а не о тебѣ. Боже, Господи! Ну, отчего бы теперь государю, и безъ принца, не обратить на меня вниманія? Что̀ ни говори, — проклятыя связи! а вѣдь я былъ на войнѣ, трудился... Нѣтъ!—заключилъ Мировичъ, прячась за спины другихъ:— лучше пусть онъ, добрый, безсильный, нерѣшительный, лучше пусть и не замѣтитъ меня, еще, пожалуй, узнаетъ, что черезъ меня доставлены пропозиціи Панина о продленіи войны... Пронеси его мимо, злосчастная судьба»...

— Господинъ офицеръ! эй! оранжевый воротникъ! — долетѣлъ до него изъ-за моста громкій, стремительный голосъ.

Мировичъ оглянулся. Всѣ взоры почему-то были устремлены на него. Кто-то усердно толкалъ его подъ бокъ. Онъ подался впередъ. Толпа передъ нимъ разступилась. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, вывернувъ врозь тупоносыя ступни тяжелыхъ ботфортовъ и держа наотмашъ огромный палашъ, стоялъ императоръ.

— Kreuz schock-bomben-donner-wetter-element! Формъ не соблюдаете:—сильно горячась, кричалъ на кого-то Петръ Ѳедоровичъ:—а вотъ примѣрный офицеръ,—прибавилъ онъ коменданту, указывая на куцый и узкій, новой прусской формы кафтанъ Мировича: — но это, сударь, жалко, — не изъ вашихъ! Срамъ, срамъ, говорю я.. шалбѐрничество, вертопрашіе! У того шляпа, какъ сѣдло на коровѣ, у этого— сукно неуказанной толщины, портупея безъ бляхи. Не потерплю того, — слышите ли?—Saperment! не потерплю... У васъ самихъ, господинъ комендантъ, епанча не по табели... кошкинымъ мѣхомъ подбита... Бабамъ шубки такія носить, а не военнымъ! Служба тутъ ни ползетъ, знать, ни ѣдетъ...

«Великій Боже!—думалъ тѣмъ временемъ, глазъ-на-глазъ передъ государемъ, Мировичъ, — о, люди! видятъ ли меня? чудо чудное! Война, каторга походовъ не вывезла, вывезъ новый кафтанъ... Иные всю забитую, затертую, оплеванную жизнь добиваются, стремятся, а мнѣ легко такъ выпало на

долю... Ужли жъ сейчасъ подойдетъ, станетъ, въ отличіе другимъ, говорить со мной, разспрашивать?..»

— А это, это что?—шагнувъ въ сторону отъ Мировича, напустился вдругъ Петръ Ѳедоровичъ на помощника пристава, выпялившаго глаза, солдафона Власьева:—мало тебѣ, сударь, что въ старой, отмѣненной формѣ, да и ту еще небрежительно изволишь содержать!.. Что глядишь?.. Третья пуговка отъ галстука—ногами вверхъ пришита... Развѣ то порядокъ? дисциплина? Такъ по обѣржамъ только шляться, а не на службѣ!.. Чтобъ то было все записано и мнѣ доложено! — заключилъ Петръ Ѳедоровичъ, направляясь къ выходу изъ крѣпости: — пріѣду въ маѣ, чтобъ все было въ аккуратѣ, да не инако, какъ со старательствомъ... Будьте на-сторожѣ, господинъ комендантъ... узнавайте гарнизонный уставъ... Васъ перваго заставлю прометать весь артикулъ...

Государь подошелъ къ воротамъ. Унгернъ накинулъ на него снятую съ Ивана Антоновича шинель. Петръ Ѳедоровичъ глянулъ къ башнѣ, гдѣ оставилъ принца. На опустѣвшей площадкѣ, попрежнему, расхаживалъ часовой.— «Бѣдный! опять заперли тебя!»—со вздохомъ подумалъ государь. Онъ отвернулся, взглянулъ къ дому Чурмантѣева, гдѣ стояла Поликсена, но и ея тамъ ужъ не было.

«И только, — сказалъ себѣ, оставленный отхлынувшей толпой, Мировичъ: — и для того были ожиданія принца, грезы, мечты? Чѣмъ порѣшилъ онъ судьбу несчастнаго? Ужли ничѣмъ? Ужли уйдетъ, и никогда болѣе хоть бы и мнѣ, мелкой сошкѣ, ничтожеству, праху отъ его ногъ, никогда болѣе не придется стоять такъ близко возлѣ него, глядѣть на него, его слушать? А я готовился всю правду сказать о принцѣ, просить о себѣ... Проклятая судьба, проклятая!.. Былъ одинъ случай, и тотъ пропустилъ...»

— Эй! оранжевый воротникъ! — долетѣлъ до него тотъ же рѣзкій, далеко слышный голосъ: — милости-съ, пожалуйста-съ. Интересоватъ васъ видѣть поближе...

— Васъ зовутъ, васъ! — заговорили вкругъ Мировича блѣдныя, заискивающія лица.

«Иди, говори, проси!.. все теперь исполнитъ!» — жгучей волной пронеслось въ головѣ Мировича. Онъ встрепенулся, журавлемъ, въ темпъ отбивая на прусскій ладъ шаги, по-

шелъ къ воротамъ и, съ рукой у треуголки, вытянувшись, замеръ передъ императоромъ.

— Эссена, бывшаго нарвскаго полка?—спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Точно такъ, ваше величество...

— Фамилія?

Мировичъ назвалъ себя.

— Въ командировкѣ или въ отпуску?

— Въ командировкѣ былъ изъ штаба, теперь по домашнимъ дѣламъ въ отпуску.

Чурмантѣевъ объяснилъ императору, что Мировичъ женихъ, посватался за его бонну.

Глаза государя весело блеснули.

— А! очень радъ!—добродушно усмѣхнулся онъ:—вкусъ недуренъ, шельмовская парочка будетъ, хоть куда... Aber voyons!.. Невѣсту я, кажись, ужъ встрѣчалъ; при покойной теткѣ служила... мы вмѣстѣ танцами забавлялись... А ты при комъ въ штабѣ атташированъ былъ?..

— Генеральсъ-адъютантомъ при Панинѣ,—отвѣтилъ Мировичъ.

Государь поморщился.

— Перемиріе, господа, подписано! — сказалъ онъ, круто обернувшись къ гарнизоннымъ властямъ и щелкнувъ шпорами:—gratulire, поздравляю! скоро и вовсе конецъ войнѣ...

Всѣ молча отвѣсили поклонъ.

— Собираясь сюда,—продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ:—я въ печать отдавалъ полученныя кондиціи перемирія; скоро явятся въ вѣдомостяхъ... Довольно изъ пустяковъ кровь проливать. А тебя, господинъ подпоручикъ Мировичъ,—за добропорядочное выглядѣнье и молодецкую муштровку даже внѣ фронта, — жалую, не въ примѣръ прочимъ, персональнымъ моимъ порученіемъ... отчисляю отъ Панина въ столичный гарнизонъ...

Кровь бросилась въ голову Мировичу.

«Вотъ когда, вотъ! — мелькнуло у него въ умѣ: — Боги! фортуна! внемлю твоимъ велѣніямъ!» — сказалъ онъ себѣ, съ забившимся сердцемъ, опускаясь передъ государемъ на одно колѣно.

— Явись завтра на вахтпарадъ! — продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ: — или нѣтъ, еще день даю тебѣ въ презентъ... побудь съ невѣстой, — послѣзавтра... Рапортуй себя на

плацу оберъ-кригскомиссару... Понялъ?.. Онъ ужъ дальше о тебѣ доложитъ... Отъ коллегіи курьеромъ поѣдешь, съ дальнѣйшими негоціи о мирѣ, къ Бутурлину... А какъ возвратишься назадъ, — глаза императора опять добродушно и весело забѣгали: — зови, батюшка, на пиръ, на свадебку... Très content, très content!.. Въ память тетки, изволь, самъ я и посаженымъ быть готовъ... не просишь?

Мировичъ былъ ошеломленъ, потрясенъ. Вокругъ него раздавались поздравленія. Ему жали руки, что-то ему говорили. Онъ ничего не понималъ. Безсознательно отвѣтивъ на вопросъ тайнаго государева секретаря, на ходу записавшаго объявленное о немъ повелѣніе, онъ увидѣлъ, что всѣ бросились изъ крѣпости на берегъ за императоромъ, и самъ пошелъ туда же, вслѣдъ за другими.

— Herr Du mein Heiland ist das ein Volk!—садясь въ катеръ, сказалъ Унгеру Петръ Ѳедоровичъ: — крокодилово отродье! — бѣдный принцъ!.. Изъ ума нейдетъ... А гдѣ-жъ мы, voyons, господа, важныя дѣла сдѣлавши, нашу солдатскую трубку выкуривать будемъ?

— Alles ist im Posthause bereit, Majestät!—подсаживая государя, отвѣтилъ баронъ Унгернъ.

На городскомъ берегу Петра Ѳедоровича встрѣтила депутація отъ крестьянъ и мѣщанства. Впереди нѣсколькихъ, безъ шапокъ, старыхъ и молодыхъ, въ тулупахъ и охабняхъ, бородачей, къ нему выступилъ, съ хлѣбомъ-солью, высокій, тощій, съ тусклыми оловянными глазами желтолицый и, какъ юноша, безбородый петербургскій мѣщанинъ, недавно записавшійся въ здѣшніе купцы. Посадскій приставъ, завидѣвъ его съ лодки, сталъ бѣлъ, какъ снѣгъ. Купчина былъ тамошній салотопенный заводчикъ, изъ толка бѣгуновъ, извѣстный въ околоткѣ и въ столицѣ скопецъ Кондратій Селивановъ. Онъ содержалъ въ Шлиссельбургѣ подворье, гдѣ стоялъ и Мировичъ.

— Государь-батюшка, второй нашъ искупитель!—сказалъ, опускаясь на колѣни, Селивановъ: — бьютъ насъ, мучатъ іудеи, злы посадски фарисеи! ты одинъ нашъ надежа! Сокатился съ небеси... Удостой, батюшка, своимъ заѣздомъ вѣрныхъ, хоть и малыхъ твоихъ людишекъ... Заводъ мой тута неподалечку, въ лѣсу, и тебѣ, сударь, по дорогѣ...

— Уважь, родимый, уважь, батюшко!—поклонились прочіе изъ толпы.

— Сектантъ!—вполголоса сказалъ Унгернъ: — приставъ аттестуетъ,—раскольщикъ...

— Вѣроправность... der Glaube muss frei sein — отвѣтилъ императоръ.

Петръ Ѳедоровичъ заѣхалъ къ Селиванову. Тамъ государь кушалъ завтракъ, было притомъ куреніе всею компаніей трубокъ и обильное угощеніе всей свиты. Доставались и приносились изъ погребовъ водянки-холодянки, бархатное пиво, вина и сладкій медокъ.—Уѣзжая, государь пригласилъ Селиванова на свои именины въ гости, въ Ораніенбаумъ.— «Къ попу въ крѣпости не зашелъ, не заглянулъ и въ церковь»—шептали по курнымъ, темнымъ хатёнкамъ, на рынкѣ и по кружаламъ въ городѣ: — «а къ толстосуму-скопцу заѣхалъ... Знать, близки послѣдни времена».

На обратномъ пути съ Петромъ Ѳедоровичемъ въ возкѣ ѣхали Корфъ и Волковъ. Волковъ дремалъ. Корфъ усердно бесѣдовалъ съ государемъ. Угощенія на Селивановскомъ заводѣ развязали словоохотливый языкъ стараго барона. Онъ то смѣялся, то сыпалъ забавными, городскими анекдотами. Передразнивая тѣхъ, о комъ говорилъ, онъ сообщилъ, между прочимъ, свѣжія сплетни о недовольствѣ уволеннаго на отдыхъ отъ всѣхъ дѣлъ, графа Алексѣя Разумовскаго и о новыхъ любовныхъ интрижкахъ стараго и беззубаго подагрика, князя Никиты Трубецкого. При этомъ зашла рѣчь и объ Орловыхъ... Корфъ помолчалъ, что-то подумалъ и спросилъ государя, слышалъ ли онъ о томъ, что Шванвичъ, изрубившій младшаго изъ Орловыхъ, вновь показался въ Петербургѣ?

— Фанфаронъ и трусъ, этотъ твой Шванвичъ! и чего онъ ретировался!—сказалъ, нахмурясь, Петръ Ѳедоровичъ:— не худо бы и другого, старшаго изъ Орловыхъ, ему въ дисциплину привести... Нашъ риваль—Григорій ужъ больно фанаберитъ... да не по носу табакъ... А съ жонушкой мы еще посчитаемся...

— Обсервирую, ваше величество, обсервирую! — сказалъ Корфъ: — всѣ акціи, всѣ плутовства ихъ у меня пренумерованы... Моментъ, ассюрирую васъ, моментъ, и всѣхъ накрывать будемъ...

Государь улыбнулся, весело посвисталъ.

— И у меня, баронъ, резонабельный и бравый прожек-

тецъ изготовленъ, — сказалъ онъ: — свѣтъ изумится! Потерпите только немного...

Поздно за полночь оба возка въѣхали въ Петербургъ! Волковъ, уткнувшись въ уголъ кареты, храпѣлъ. Корфъ также начиналъ подремывать.

— Э, браво̀, тайный мой конференцъ-секретарь спитъ, — обратился Петръ Ѳедоровичъ къ Корфу: — даешь слово молчать?.. ein Wort—ein Mann?

— Ich schwöre! клянусь, ваше величество!

— Такъ держи-жъ секретъ--вотъ, что̀ мнѣ совѣтуютъ... И ты, какъ честный солдатъ, пособляй мнѣ во всемъ... Въ маѣ, или—что то же—въ іюнѣ, возьму Иванушку изъ крѣпости въ Петербургъ, обвѣнчаю его съ дочкой моего дяди, принца Голштейнбекскаго, и прокламирую, — какъ своего наслѣдника...

Корфъ помертвѣлъ.

— Herr Gott!.. А государыня, а вашъ сынъ? — спросилъ онъ подъ скрипъ тяжелаго возка, нырнувшаго въ уличный громадный ухабъ.

Дремота мигомъ слетѣла съ головы барона.

— Мейне либе фрау, — улыбнулся императоръ: — я постригу въ монахини, какъ сдѣлалъ мой дѣдъ, великій Петръ, съ первою женою — пусть молится и кается! и посажу съ сыномъ въ Шлиссельбургъ, въ тотъ самый домъ, который для принца Ивана велѣлъ построить... Ну? was willst du sagen? И домъ тотъ будетъ имъ похоронный катафалкъ, каструмъ доло̀рисъ...

— Lieber Gott! ist das möglich, Majestät? Чтобъ съ того не вышла гибель для государства, а то и для васъ самихъ...

— Пустяки! vogue la galère!.. сдумано, сдѣлано! — сказалъ Петръ Ѳедоровичъ: — таковъ мой рыцарскій девизъ... Не отступать, чортъ побери, не отступать! Что? форсировано маленько? Трусишь? Wir wollen, голубчикъ, ein bischen Rebellion machen...

— Что моей роли касается, можете, ваше величество, фундаментально спокойны быть, — отвѣтилъ генералъ-полицеймейстеръ: — meine Ergebenheit... моя преданность къ вамъ, Majestät, изъ мрамора, изъ гранита... и тайну эту изъ моей души до смерти не вырвутъ...

На другой день, поздно вечеромъ, Корфъ подъѣхалъ, съ

Мойки, къ аппартаментамъ императрицы, былъ тайно, по черной лѣстницѣ, къ ней введенъ и сообщилъ ей все слышанное отъ императора. Но его предупредили...

Волковъ еще ранѣе, а именно утромъ того дня, проникъ къ каммеръ-фрау государыни, Катеринѣ Ивановнѣ Шаргородской, и черезъ довѣренную особу,—съ которой онъ давно ужъ велъ на всякій случай переговоры,—сообщилъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ не только то, что̀ говорилъ государь Петръ Ѳедоровичъ, но и то, что̀ было притомъ отвѣчено Корфомъ.

«Петровцы» замѣтно начинали переходить въ лагерь «Екатериновцевъ». Приближались событія, такъ характерно названныя въ одномъ изъ украинскихъ мемуаровъ того времени *«похожденіями извѣстныхъ петербургскихъ дѣйствъ»*.

МИРОВИЧЪ.

(1762—1764 г.)

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОХОЖДЕНІЯ ИЗВѢСТНЫХЪ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ДѢЙСТВЪ.

—«Роковая минута приближалась...»
Арапъ Петра Великаго.

X.

Помощница пристава.

Нежданное посѣщеніе императоромъ Петромъ Ѳедоровичемъ шлиссельбургской тюрьмы и посылка Мировича съ бумагами въ заграничную армію возбудили немало толковъ и подозрѣній въ высшей столичной петербургской средѣ.

Голштинская партія еще болѣе подняла голову. Хотя ея вожаки старались соблюдать тайну, но по ихъ лицамъ, движеніямъ, двусмысленнымъ улыбкамъ и рѣчамъ можно было догадаться, что при дворѣ затѣвалось нѣчто необычайное. Представители русской партіи — друзья императрицы — съ тревогой всматривались въ близкое будущее.

Пчёлкина изъ первыхъ узнала о послѣдствіяхъ свиданія государя съ его несчастнымъ родственникомъ. Въ участи секретнаго арестанта, очевидно, готовились новыя облегченія. Комендантъ и старшій приставъ, князь Чурмантѣевъ, суетились, шептались, готовились приступить къ чему-то, что̀ волновало и смущало ихъ всѣхъ.

Миро̀вичъ выѣхалъ въ Петербургъ, черезъ сутки послѣ

отъѣзда государя изъ Шлиссельбургской крѣпости, и написалъ оттуда Пчёлкиной, что его снарядили за границу, дали ему щедрое пособіе на подъемъ, а вскорѣ изъ Нарвы онъ сообщилъ ей, что ужъ находится по пути къ отряду Бутурлина.

Пчёлкина старалась собраться съ мыслями, обдумать свое положеніе, успокоиться,—и волновалась болѣе. Все, что съ нею произошло въ послѣднее время, было такъ неожиданно, такъ странно.

Она вспомнила свой пріѣздъ въ Шлиссельбургъ, перебирала въ умѣ малѣйшія подробности первыхъ дней своего пребыванія въ семьѣ Чурмантѣева. Здѣсь она думала найти миръ отъ треволненій недавней дворской жизни; но, узнавъ нѣкоторыя подробности о неизвѣстномъ арестантѣ, томившемся въ сосѣдней съ домомъ пристава Свѣтличной башнѣ, она потеряла душевный покой. Таинственный, незнаемый свѣтомъ образъ несчастнаго колодника сразу приковалъ къ себѣ вниманіе Пчёлкиной. Дни и ночи на-пролетъ она думала о немъ, жадно прислушивалась къ малѣйшему о немъ намеку въ крѣпости, старалась по своему представить себѣ его незримыя, скрытыя за стѣнами Свѣтличной башни, черты. Тогда еще не было случая съ пожаромъ въ помѣщеніи принца; таинственный, столь оберегаемый узникъ находился черезъ дворъ, противъ квартиры пристава, въ особомъ секретномъ казематѣ. Поликсена не спускала глазъ съ крыльца этой башни, гдѣ, молча, ходилъ съ ружьемъ часовой и всякій вечеръ вверху тускло освѣщалось, огражденное черной рѣшеткой, узкое окно. Разспрашивать Чурмантѣева Пчёлкина боялась; но добродушный приставъ самъ иной разъ ронялъ то или другое слово о заключенномъ. Онъ отъ души жалѣлъ порученнаго ему страдальца и радовался всякому слуху, изрѣдка долетавшему изъ столицы о возможности улучшенія его судьбы. Перемѣнъ, однако, тогда еще не было. Дни шли за днями въ той же, давно размѣренной, мертвенно-тихой и однообразной средѣ.

Кончивъ занятія съ дѣтьми, Поликсена садилась съ работой въ ихъ классной, и въ то время, когда дѣвочки Чурмантѣева играли въ куклы, бѣгали и рѣзвились, принималась упорно думать о «молчаливомъ призракѣ», томившемся въ таинственной башнѣ. Каковъ онъ, да что съ нимъ? Какъ отразилась на бѣдномъ затворникѣ двадцатилѣтняя,

тѣсная, скудная дневнымъ свѣтомъ и воздухомъ, одиночная тюрьма?

Поликсена представляла его себѣ малосмысленнымъ, изуродованнымъ вѣчною, медленною пыткой, не по лѣтамъ слабымъ ребенкомъ. Все такъ ясно она обсудила прежде, чѣмъ нежданный случай привелъ ее увидѣть заключеннаго.— «Онъ едва долженъ ходить по комнатѣ», — представляла себѣ Пчёлкина узника: — «дневной свѣтъ болѣзненно раздражаетъ его и могъ бы навсегда его ослѣпить, если-бъ вздумали вдругъ его вывести на воздухъ. Человѣческая мысль и рѣчь врядъ ли ему знакомы; а если несчастный арестантъ и можетъ произнести нѣсколько словъ, то они должны походить на крикъ жалкаго звѣря или ночной птицы». —Думая о его лицѣ, Поликсена представляла себѣ его черты чертами одичавшаго, больного отъ рожденія, запуганнаго и всѣми нелюбимаго дитяти, потерявшаго даже сознаніе о томъ, что онъ давно пришелъ въ возрастъ и сталъ человѣкомъ.

«Нѣтъ сомнѣнія, — продолжала разсуждать Поликсена,— онъ лишился возможности отличать и познавать обыкновеннныя вещи. Если его выпустить на свободу, онъ станетъ протягивать тощія, слабыя руки къ отдаленнымъ предметамъ, считая ихъ вблизи себя... Все будетъ его радовать, занимать и сильно удивлять... Ноги и руки его оставались безъ употребленія, а потому кожа на нихъ и на лицѣ должна быть нѣжна и блѣдна, зрѣніе слабо и тупо отъ вѣчной, безрасвѣтной, гнетущей полутьмы. Всѣ способности несчастнаго замерли, спятъ». — «Но»,—заключала свои мысли Поликсена: — «онъ долженъ быть кроткаго, мягкаго, привлекательнаго нрава, послушенъ, нѣженъ и ласковъ, какъ голубь, какъ ягненокъ. И что, если его призвать къ жизни, разбудить? Что, если отпереть ему дверь и сказать: «ты свободенъ, иди»... Кто на это рѣшится? кому суждено? И гдѣ тотъ избавитель, отважный Колумбъ, который пойдетъ къ этому новому, забытому людьми, полному чудесныхъ спящихъ силъ, дѣвственному міру — и скажетъ: проснись, живи!»

Поликсена изобрѣтала множество догадокъ и смѣлыхъ предположеній, какъ она умолитъ, увлечетъ и склонитъ Чурмантѣева допустить ее къ посѣщенію арестанта, какъ начнетъ тайно дѣйствовать на заключеннаго, воспитаетъ

его: просвѣтитъ ему сердце и умъ...—«Съ пробужденіемъ мыслей и воображенія, затворникъ расцвѣтетъ нравственно и физически».—Она станетъ ему носить книги, вмѣстѣ съ нимъ ихъ читать, объяснять ему событія міра, героевъ исторіи, различіе зла и добра.—«Бывали,—разсуждала она:—подобные примѣры... Столько смѣлыхъ людей увлекались судьбой узниковъ, проникали къ нимъ хитростью, мольбами и, воспитавъ ихъ, давали имъ средства бѣжать. Это, очевидно, не простой человѣкъ».—«Въ то время, какъ все будетъ подготовлено,—рѣшала въ мысляхъ Поликсена:—я выберу удобную минуту, явлюсь къ несчастному въ лучшей своей одеждѣ, въ шелковомъ, придворномъ платьѣ и въ убранныхъ по модѣ волосахъ... Онъ бросится къ моимъ ногамъ, сердце его заговоритъ... И мою руку онъ поставитъ цѣной своей свободы... Мы обдумаемъ средства къ побѣгу... Я одѣну его въ мундиръ, плащъ и шляпу Чурмантѣева; мы въ сумерки выйдемъ подъ руку изъ крѣпости, скроемся на лодкѣ, потомъ на тройкѣ въ ближнихъ финскихъ лѣсахъ, а тамъ—въ Швецію... Придетъ срокъ и гдѣ-нибудь далеко, въ чужихъ краяхъ, онъ явится свѣту, его вспомнятъ и, быть-можетъ, возвратятъ ему его права»...

Мучительнымъ, страстнымъ грезамъ Поликсены суждено было исполниться ранѣе, хотя нѣсколько иначе, чѣмъ она ожидала. Ночной пожаръ въ казематѣ принца напугалъ крѣпостныя власти. Комендантъ Бередниковъ растерялся болѣе другихъ. Надо было, въ тайнѣ отъ главной, секретной экспедиціи, произвести починки и передѣлки въ печи, въ трубѣ, перегородкѣ и полу, все заново отштукатурить, окрасить и побѣлить. Бередниковъ и Чурмантѣевъ условились съ подрядчикомъ. Печниковъ и плотниковъ впускали въ крѣпость ночью; тѣ работали при фонаряхъ. Князь Чурмантѣевъ перевелъ арестанта къ себѣ, пустивъ слухъ, что тотъ заболѣлъ и находится въ секретной, крѣпостной больницѣ.—«Самъ буду его кормить и смотрѣть за нимъ,—объявилъ онъ коменданту:—помощникъ мой на побывкѣ въ Ладогѣ; просилъ отсрочки и я, къ сожалѣнію, ему написалъ, что онъ можетъ остаться долѣе. Справлюсь пока и одинъ».—И дѣйствительно, князь отсрочилъ отпускъ своему помощнику, Власьеву. Наскоро осмотрѣли и укрѣпили рѣшетки въ окнахъ цейхгауза, смежнаго съ жильемъ Чурмантѣева. Подъ видомъ сбереженія въ лучшей сухости будто бы перенесен-

ной туда арестантской аммуниціи и провизіи, у наружныхъ дверей поставили особаго часового. Такія перемѣщенія въ крѣпости не были новостью.

Чурмантѣевъ могъ успокоиться. Кромѣ гарнизоннаго фельдфебеля да фельдшера, никто бы и не зналъ, гдѣ именно находится ввѣренный ему Безыменный арестантъ. Но, сперва незамѣченный, вывихъ ноги вскорѣ далъ себя знать Чурмантѣеву.—«Вотъ, сударыня, одного буйнаго колодника перевелъ я подъ свой кровъ и фаворъ»,— сказалъ онъ Пчёлкиной, пробираясь утромъ съ ключами и съ чашкой арестантской стряпни, черезъ двѣ нежилыя горницы, бывшія за дѣтскою спальней и носившія названіе «старой кладовой». Этихъ комнатъ давно никто не видѣлъ, и онѣ въ послѣдніе годы были подъ замкомъ. Сходилъ туда Чурмантѣевъ еще разъ въ обѣдъ, потомъ вечеромъ, въ ужинъ; но къ ночи слегъ и разохался: ни спать, ни сѣсть отъ опухшей, ломившей ноги.

— Охъ, къ Власьеву написать, что ли, въ Ладогу,— говорилъ со стономъ приставъ:—вызвать бы его... и куда, въ самомъ дѣлѣ, одному со всѣмъ справиться?

— Хорошо сдѣлаете,— сказала Поликсена:— диктуйте, я принесу бумаги и перо.

— Нѣтъ, матушка, подожду ужъ... Не полегчитъ ли къ утру?

А за ночь хватила лихорадка, жаръ и бредъ. Чурмантѣевъ метался въ безсонницѣ, поминутно звалъ къ себѣ няню-чухонку, что-то все собирался ей сказать и не могъ: она была совсѣмъ глухая и мало понятливая баба.

«Не догадается, не пойметъ,—думалъ о ней, мучась, Чурмантѣевъ,— но другимъ можетъ придти въ голову, станутъ ее пытать, и она объявитъ секретъ».

На разсвѣтѣ Поликсена пришла провѣдать больного князя. Онъ лежалъ съ открытыми, горѣвшими, испуганными глазами.

— Что съ вами?—спросила она.

— Тотъ-то... колодникъ-то,— прошепталъ Чурмантѣевъ, поднимаясь и шаря рукой подъ подушкой:— свѣжей водицы бъ ему, хлѣба, молока... дура эта чухонка... фельдфебеля звать не хочется.

— Давайте, я ему снесу; дѣти еще спятъ.

— И онъ кстати спитъ... Отнеси, матушка; тамъ пере-

городка, и опять дверь... отомкни, поставь бережно я скорехонько уходи. Охъ, онъ вѣдь... за всѣмъ слѣдятъ...

Голова Чурмантѣева закружилась. Онъ не договорилъ, подалъ ключи и въ изнеможенiи упалъ на постель. Поликсена была въ красивой ночной блузѣ. Накинувъ на голову платокъ, она пробралась въ бывшую кладовую. Няня и дѣти еще спали. Утреннiе лучи уже пробивались съ надворья Пчёлкина отперла первую дверь, вторую; тихо нажавъ послѣднюю дверную ручку, она ступила за порогъ. — «Кто, однако, этотъ заключенный?—спрашивала она себя:—фанатикъ-раскольникъ, бунтовщикъ противъ власти, или важный военный дезертиръ? И каковъ онъ изъ себя? гдѣ спитъ? старый или молодой? Или впрямь это тотъ самый... таинственный, запрятанный сюда, принцъ, о которомъ говорятъ?»

Поликсена помедлила при входѣ. Въ комнатѣ было темно. Она отодвинула складной, внутреннiй, оконный ставень, оглянулась вокругъ себя. Вправо отъ входа, на желѣзной, заржавленной кровати, покрытой старымъ сбитымъ войлокомъ, въ посконной мужичьей рубахѣ и въ заношенныхъ, на босу ногу, башмакахъ, спалъ худощавый, блѣдный молодой человѣкъ. Русые, длинные волосы мягкими прядями укрывали подушку и часть красиваго, съ рыжеватой бородкой, лица. Нѣжная, женственно-бѣлая рука свѣшивалась изъ-подъ наброшеннаго на спящаго грубаго матросскаго плаща.—«Такъ молодъ—и ужъ колодникъ, — подумала Поликсена, бережно ставя воду и завтракъ на столъ, гдѣ лежала полураскрытая, почернѣлая, старой церковной печати, книга,—скорѣе—раскольникъ, ихъ архимандритъ или епископъ — и, видно, опасный», — досказала себѣ Поликсена, отходя къ порогу.

Арестантъ проснулся, вскочилъ, присѣлъ на кровати; его испугало невиданное явленiе. И никогда, въ остальные годы жизни, Поликсена не могла забыть этихъ кроткихъ глазъ и этого изумленнаго лица.— «Принцъ!» — подумала она, чувствуя, какъ молнiя пронеслась у нея въ мысляхъ, обдавъ ее страхомъ и мучительной радостью. Она окаменѣла.

Арестантъ протянулъ передъ собой руки, протеръ себѣ глаза и что-то заговорилъ несмѣлымъ, молящимъ шопотомъ. Что говорилъ онъ въ это время и за кого принималъ, въ полу-снѣ, въ полу-сознанiи, вошедшую къ нему гостью— трудно было рѣшить. Въ его дѣтскихъ впечатлѣнiяхъ оста-

лись смутныя воспоминанія о другомъ подобномъ, ласковомъ и нѣжномъ существѣ; но то была жалкая, высокая и худая особа, съ вѣчно-заплаканнымъ лицомъ, въ черномъ, траурномъ платьѣ, и съ глазами, полными ужаса и скорби. Арестанту впослѣдствіи казалось, или ему это говорили, что то была его несчастная, сосланная съ нимъ мать, принцесса Анна Леопольдовна. И онъ часто, съ болью сердца, раздражительно думалъ о прошломъ, приставалъ къ окружавшимъ съ разспросами о ней, старался мысленно себѣ представить эту далекую, дорогую, заплаканную мать. Нерѣдко, въ смутномъ тяжеломъ снѣ, Иванушкѣ мелькалъ на мигъ ея неуловимый, скорбный и вмѣстѣ плѣнительный, куда-то, въ безжалостный мракъ, убѣжавшій образъ. И вдругъ ему снова теперь показалось, что онъ спитъ и во снѣ нежданно увидѣлъ этотъ образъ. Нѣтъ, это не она. Той нельзя было разглядѣть, какъ онъ ни усиливался, какъ ни мучился. А эта — вонъ она стоитъ, у двери; ея свѣтлые, чарующіе глаза смотрятъ на него съ удивленіемъ и участіемъ, легкій станъ ея колеблется, ярко-цвѣтная блуза шелеститъ... Щелкнулъ дверной замокъ,—гостья скрылась...

Съ того дня Пчёлкина стала безпрепятственно навѣщать арестанта. Чурмантѣевъ хоть и сознавалъ неудобство этихъ свиданій, но было трудно ихъ избѣжать: онъ лежалъ больной, неподвижный. Въ Петербургъ о его болѣзни не рапортовали. Притомъ изъ столицы неслись утѣшительныя вѣсти; вездѣ сказывались облегченія, послабленія. — «Авось вспомнятъ и насъ, забытыхъ, не казнятъ,—думалъ приставъ, прикованный вывихомъ ноги къ постели,— Богъ мнѣ послалъ помощницу разумную, скромную».—И дѣйствительно, Поликсена держала себя такъ обдуманно, строго. Лишняго слова не скажетъ: осмотрительна, горда. Сторожей надо ли впустить, убрать комнату принца,—она выведетъ арестанта, запретъ въ смежную пустую горенку, — впуститъ фельдфебеля къ князю, за ключами, — а сама накинетъ шубку и стоитъ у наружныхъ дверей, пока гарнизонные солдаты метутъ, моютъ полы и провѣтриваютъ помѣщеніе принца.

Днемъ Поликсена приносила пищу, питье и книги арестанту; ночью сама читала съ нимъ, учила его писать, чертила ему виды крѣпости, озера, окрестныхъ мѣстъ, разсказывала о Петербургѣ. Замѣтивъ его заиканіе, а при волне-

ніи даже косноязычіе, она заставляла его медленно, внятно читать и повторять за нею трудныя для него слова. Затворникъ оказался вовсе не такимъ малосмысленнымъ, слабымъ ребенкомъ, какимъ его представляла себѣ Поликсена. Онъ былъ смѣтливъ, находчивъ, и когда ничто его не раздражало, — быстро усвоивалъ новыя понятія и радовался всему безгранично. Эта радость иногда переходила въ веселость, неудержимую смѣшливость. Принцъ вскакивалъ, прыгалъ по комнатѣ, дѣлалъ забавныя выходки. — «Боже, когда бы скорѣе, скорѣй! — торопилась и трепетала Поликсена, со страхомъ приглядываясь къ работѣ, производившейся въ постоянной тюрьмѣ арестанта: — успѣю ли все ему передать, разсказать?» — Она видѣла, какъ по ночамъ, черезъ дворъ, съ фонарями, выносили изъ башни мусоръ, закопченный кирпичъ; новая труба поднялась на крышѣ; вымели кучу щепокъ съ крыльца; устроили у лѣстницы творило для извести, и, подъ конвоемъ инвалидовъ, сталъ ходить въ башню, съ ведеркомъ и съ кистью, посадскій маляръ. Передѣлки подходили къ концу.

Разъ, — это было вечеромъ, — къ больной ногѣ Чурмантѣева, дня за два передъ тѣмъ, привязалось рожистое воспаленіе, и онъ чувствовалъ себя очень неладно. Поликсена прошла, съ корзиной кушанья и новой книгой, къ арестанту. — «Пусть себѣ, — думалъ, глядя на нее, приставъ, — не велика бѣда: не встану, умру, — хоть добромъ помянутъ за неповиннаго, всѣми забытаго страдальца!» — Поликсена вошла къ узнику, замкнула за собою дверь, надвинула оконный ставень, зажгла принесенную восковую свѣчу и раскрыла книгу. Арестантъ сѣлъ рядомъ съ нею у стола. Она смотрѣла на него, стараясь проникнуть въ его мысли. Что думалъ о ней принцъ? чего ждалъ отъ нея, отъ своей судьбы? Онъ былъ не по себѣ; смотрѣлъ сумрачно. Тихо взявъ ее за руку и нѣжно глядя ей въ глаза, онъ робко коснулся къ этой рукѣ губами.

— Что вы? — спросила, вспыхнувъ, Поликсена.

— Всѣ ли вы... таковы? — произнесъ Иванушка.

— Много есть лучше, — отвѣтила Поликсена

— Имя твое?

— На что вамъ имя? зовите — другомъ...

— Останься, не уходи... будь вѣчно со мной!

Арестантъ прижалъ руку гостьи къ своей груди.

— Другъ, прикажи меня выпустить,—сказалъ онъ:—вѣдь всѣ тебя послушаютъ.

— Ошибаетесь, я здѣсь подначальная.

— Ты не человѣкъ... духъ съ неба, планида.

— Человѣкъ, и самый послѣднiй, ничтожный.

— Ножъ возьми и ихъ убей!—сказалъ арестантъ, сверкнувъ глазами.

— Одного убить, останется много другихъ, — отвѣтила Поликсена:—терпите, молите Бога, принцъ! время придетъ, вы будете свободны.

Колодникъ слушалъ и не могъ понять, почему эта стройная красивая дѣвушка, отъ каждаго движенiя, слова, отъ каждой складки платья которой вѣяло такимъ обаянiемъ, была не въ силахъ дать ему волю, его спасти.

— Меня всего лишили?—спросилъ онъ:—всего?

— Чтò вы хотите этимъ сказать?

— Были другiе такiе мученики?

— Были... Несчастныхъ, какъ и васъ, лишали престола, царства.

— А скажи, кому-нибудь возвращали то, чтò отнято?

Пчёлкина разсказала узнику о французскомъ королѣ Карлѣ Седьмомъ, и о его избавительницѣ, крестьянской дѣвушкѣ изъ Орлеана. Иванъ Антоновичъ слушалъ ее съ замиранiемъ сердца, и когда она кончила разсказъ, схватилъ ее за руку и, страстно прижимаясь къ ней, сталъ просить, чтобъ и она вымолила у Бога чудо, спасла его отъ гонителей и тюрьмы. Его дѣтски-молящая, несвязная рѣчь, слезы и сильныя, мужественныя объятiя заставили Поликсену опомниться. Она его отстранила, стараясь его успокоить.

— Вы будьте готовы, если думаете уйти,—можетъ-быть, я приду или дамъ знакъ,—сказала она.

— Приказывай, зови.

— А если откроютъ, догонятъ, убьютъ?

— Пошли, Боже, муки, смерть! лишь бы ты... лишь бы съ тобой...

Поликсена встала. Въ ея спокойныхъ, строгихъ глазахъ блеснулъ рѣшительный лучъ. Она положила руки на плечи узника, растерянно и съ робкой надеждой смотрѣвшаго на нее; судорожно сжала тонкiе пальцы, притянула его къ себѣ

и, страстно прикоснувшись губами къ его блѣдной, исхудалой щекѣ,—пошла къ двери.

Арестантъ обезумѣлъ, замеръ.

— Куда, куда? — крикнулъ онъ, кинувшись за ней: — свѣтъ... радость!

Дверь захлопнулась, все стихло.

Весь слѣдующій день Поликсена ходила, какъ потерянная. Вечеромъ этого дня, послѣ долгой разлуки, она неожиданно свидѣлась, у священника, съ Мировичемъ. Мысль о помощи принцу возродилась въ ней съ новой силой. Она терялась въ предположеніяхъ, планахъ, догадкахъ. И подыскался случай, указавшій, какъ ей дѣйствовать.

Ведя дѣтей на исповѣдь, она впопыхахъ забыла замкнуть дверь временного помѣщенія узника и тѣмъ вызвала нежданную встрѣчу съ нимъ Мировича.—«Судьба!»— сказала она себѣ, и тутъ ей пришло въ голову — откровеннымъ, безыменнымъ письмомъ побудить государя къ посѣщенію Шлиссельбургской тюрьмы. Ея смѣлый планъ удался, но не такихъ она ожидала послѣдствій. Царственный узникъ оставался, попрежнему, въ заточеніи; женихъ Поликсены былъ усланъ за границу, а Чурмантѣеву къ Пасхѣ объявили, что онъ замѣненъ другимъ и переводится, въ уваженіе его заслугъ, на покой, въ одну изъ пограничныхъ крѣпостей, за Волгу.

Князь Чурмантѣевъ, передъ выѣздомъ, былъ вызванъ въ Петербургъ, для нѣкоторыхъ объясненій въ особой коммиссіи — изъ Нарышкина, Мельгунова и Волкова, которымъ отнынѣ было поручено вѣдать дѣла арестанта Безыменнаго. Князь уѣхалъ, а дѣтей съ Пчёлкиной на время оставилъ, вслѣдствіе весенней распутицы, въ домѣ священника.

Преемникъ Чурмантѣева, премьеръ-майоръ Жихаревъ и его помощники, капитаны Батюшковъ и Уваровъ, приступили съ Бередниковымъ къ обсужденію мѣръ для исполненія личныхъ приказаній императора объ арестантѣ. Имъ, по поводу этого, изъ Петербурга писалъ Унгернъ: «арестантъ, послѣ учиненнаго ему посѣщенія, легко можетъ получить какія-либо новыя, неподходящія мысли; а потому всячески удерживайте его отъ новыхъ пагубныхъ вракъ,— о здоровьѣ жъ, о воздухѣ заботьтесь».

Первую прогулку съ арестантомъ сдѣлали послѣ Пасхи,

и она прошла благополучно. По пробитіи вечерней зари, когда все стихло въ крѣпости, принца одѣли въ плащъ и шляпу Батюшкова, а Жихаревъ вывелъ его внутренней лѣстницей, на стѣну куртины. Принцъ опьянѣлъ отъ свѣжаго воздуха, шатался и то и дѣло замедлялъ шаги, хватаясь за сердце, вскрикивая: «ахъ, Господи!.. ахъ, чудно!.. что это? что?» и жадно вглядываясь, черезъ Неву, въ городскіе дома и, въ окутанные весенней мглой, прибрежныя поляны и лѣса.

— Ахъ, господинъ майоръ, ну, какъ здѣсь хорошо! — сказалъ онъ, ухвативъ за полу шедшаго съ нимъ пристава:—не забуду во вѣки... небо какое! а мѣсяцъ!.. запахъ!..

— Пойдемте, пора домой,—пока довольно...

— Точно ладаномъ пахнетъ... Охъ, не могу, сядемъ; чуточку бъ еще туда...

— Нельзя, сударь... въ другой разъ...

Въ слѣдующіе дни гуляли долѣе. Жихаревъ пробовалъ выводить принца на бастіоны, за стѣны крѣпости, а спустя нѣкоторое время рѣшился прокатиться съ нимъ по быстринѣ и по рѣкѣ.—«Богъ его вѣдаетъ,—разсуждалъ Жихаревъ:—комиссія къ нему какъ бы строга, а государь вонъ какъ о немъ рѣшилъ... Кого слушать?»—Когда катеръ, лавируя по озеру, приблизился къ пристани, стало видно движеніе въ улицахъ и послышался говоръ народа, сновавшаго у берега,—принцъ едва не выскочилъ за бортъ.

— Что, какова я теперь персона?—сказалъ онъ:—принцъ Иванъ хоть и взятъ живой на небо, но во мнѣ его особа... вездѣ нонче могу... а Чурмантѣевъ, дуракъ, боялся, не хотѣлъ со мной даже говорить...

— Все, сударъ, отъ начальства. Было строго, нынѣ слабѣе.

— А гдѣ Чурмантѣевъ?

— Уѣхалъ.

— И дѣти съ нимъ?

— Всѣ, какъ есть.

Принцъ задумался.—«Значитъ, уѣхала и та дѣвушка...»—сказалъ онъ себѣ.

Въ концѣ Ѳоминой, въ крѣпостной церкви, по совѣту священника, отслужили для узника особую, безъ стороннихъ свидѣтелей, обѣдню.—«Шутка ли, столько лѣтъ сердечный въ божьемъ храмѣ не былъ!»—мыслилъ отецъ Исай, вглядываясь въ просвѣтлѣнный важный ликъ юноши, робко

стоявшаго передъ алтаремъ. Онъ съ чувствомъ, въ радостныхъ слезахъ, молясь за раба Божія Іоанна, дрожащимъ голосомъ возглашалъ пасхальный кантъ: «Воскресеніе день... просвѣтимся людіе...»

Баронъ Унгеръ прислалъ изъ Петербурга арестанту запасъ бѣлья, провизіи и даже лакомствъ, причемъ спросилъ Бередникова, скоро ли начнутъ постройку указаннаго государемъ дома. Къ этой постройкѣ приступили.

Въ крѣпость стали возить камень, бревна, доски. Передъ домомъ пристава выкопали рвы и начали возводить фундаментъ. Работа шла спѣшно. Комендантъ надѣялся все кончить, согласно волѣ государя, къ 29-му іюня.

Въ Николинъ день, принцъ и его новый главный стражъ, гуляя по крѣпостной стѣнѣ, засидѣлись на верху куртины, выходившей къ городу. Іоаннъ Антоновичъ видимо сталъ оправляться, посвѣжѣлъ и даже загорѣлъ. Вечерѣло. Жихаревъ думалъ о покинутой въ Петербургѣ семьѣ.—«Хоть бы дорога скорѣй установилась, моихъ бы сюда перевезти—разсуждалъ онъ:—экая скука, точно кладбище, могилы...» Арестантъ въ подзорную трубку пристава смотрѣлъ на базарную площадь, гдѣ лавочники, съ посадскими, обрадованные теплому майскому вечеру, играли въ орлянку, въ мячъ и водили хороводъ. По водѣ чутко доносились крики, раскатистый смѣхъ играющихъ и пѣсенные возгласы хороводныхъ запѣвалъ.

— Это что? вотъ, вотъ... движется, реветъ?—спросилъ принцъ.

— Стадо коровъ,—отвѣтилъ Жихаревъ.

— А тѣ вонъ, точно мыши... Экъ посыпались къ берегу! за кѣмъ это гонятся?

— Дѣти, сударь...

— Ахъ, ваше благородіе, кабы и намъ къ нимъ?—сказалъ арестантъ.

— Нельзя, сударь, что вы! Не такого ранга вы особа, чтобъ къ черни ходить...

Задумался узникъ. — «Вотъ она доля, — мыслилъ онъ, — прежде держали, какъ послѣдняго колодника, теперь чтутъ, а воли все нѣтъ».

Стало темнѣть. Въ городѣ зажигались огни. Звѣзды начали вырѣзываться среди мягкихъ, бѣжавшихъ надъ озеромъ, перистыхъ облачковъ.

— Я всѣ планиды знаю, — сказалъ вдругъ арестантъ:— всѣ, всѣ, до одной...

— Что же вы знаете о нихъ?—спросилъ, зѣвнувъ, Жихаревъ.

— Въ окно высмотрѣлъ... какъ и что̀ кому обозначено...

— И что-жъ на нихъ обозначено?

— Вонъ та, бѣлая... вонъ одна-то... видишь?.. это моя.

— Ну, а тѣ, подалѣе?

— Голубенькая — государева... Всѣ ночи глядѣлъ на нихъ, допытывался... спрашивалъ ихъ.

— И что̀-жъ вы спрашивали?

Арестантъ замолчалъ; въ досадливомъ нетерпѣніи, молчалъ и приставъ. Ночная какая-то птица въ это время налетѣла на нихъ и, пугливо шарахнувшись, унеслась въ сторону, къ темному бастіону.

— Не выпуститъ царь,—продолжалъ арестантъ:—не быть ему въ счастьѣ...

— Врете, сударь; охота пустое врать!

— Видишь? голубая планида, раньше бѣлой, за облакъ зашла?.. Ну, раньше моей закатится его доля...

— Чепуху, несуразное, сударь, говорите,—строго сказалъ, оглядываясь, Жихаревъ:—не бросите вранья, по начальству отпишу... Вамъ облегченіе, милости, а вы... пора по угламъ...

Арестантъ и его стражъ спустились съ куртины, сошли въ крѣпость и, церковнымъ садомъ, приблизились къ гауптвахтѣ. Изъ-за распускавшихся деревъ показался домъ священника. Принцъ взглянулъ туда, тихо вскрикнулъ и бросился впередъ.

— Куда вы, куда?—сказалъ Жихаревъ, схвативъ его за руку.

За выступомъ дома, у крыльца священника, стояла Пчёлкина.

— Ой, да пусти же ты, грубіянъ!—крикнулъ, вырываясь, арестантъ:—другъ, другъ!.. Ты здѣсь? вотъ я, спасу...

— Сударыня, уходите, — произнесъ приставъ: — прошу васъ, приказываю.

Арестантъ вырвался, добѣжалъ къ крыльцу.

— Гдѣ была? гдѣ? — задыхаясь, шепталъ онъ Поликсенѣ:—столько дней не слыхалъ голоса...

— Идите, покоритесь,—проговорила Пчёлкина:—и помните, гдѣ бы вы ни были,—я васъ не покину, найду...

Жихаревъ крикнулъ стражу съ гауптвахты. Караулъ окружилъ арестанта, который кидался на солдатъ и бѣшено отъ нихъ отбивался.

— Дикіе вы звѣри!—кричалъ онъ:—кого слушаете? государь волю мнѣ далъ, а вы не пускаете... самъ я государь...

— Успокойтесь, сударь; что̀ вамъ угодно? — спросилъ Жихаревъ.

— Не хочу въ старую нору.

— Новое помѣщеніе не готово.

— Къ попу переведи, вотъ сюда...

— Здѣсь тѣсно, да и негоже для васъ, не пустятъ.

— Иди, собака, и проси... Знаешь самъ, каковъ я родомъ человѣкъ!

— Слушаю, сударь,—отвѣтилъ, найдясь, Жихаревъ:—вы точно не простая персона, а потому надо по приличности очистить здѣсь горницы. Пойду къ священнику, а пока переждите на старомъ мѣстѣ.

Арестантъ сдался. Жихаревъ его заперъ попрежнему въ казематъ и поставилъ къ нему у башни двойной караулъ. Пчёлкину на утро выпроводили изъ крѣпости. Написавъ Чурмантѣеву, она съ его дѣтьми перебралась въ шлиссельбургскій посадъ.

Такъ прошло двѣ недѣли. Узникъ впалъ въ безнадежное отчаяніе. Имъ овладѣли порывы неукротимой злобы и свирѣпаго, звѣрскаго бѣшенства.

Часовые, на утренней смѣнѣ, сообщали приставу и коменданту о безсонныхъ ночахъ, проводимыхъ принцемъ. Сѣни и узкій проходъ передъ казематомъ оглашались раздирающими душу стонами и криками узника. Онъ бѣсновался безъ умолку, съ бранью и проклятіями, стучалъ скобой желѣзныхъ дверей, опрокидывалъ мебель въ комнатѣ, билъ стекла, рвалъ на себѣ платье и бѣлье.

— Что̀ вамъ, сударь, надобно?—спрашивали его часовые въ дверное, рѣшетчатое окно:—эвтимъ манеромъ аммуницію искалѣчите... себѣ и казнѣ ущербъ.

— Ведите Жихарева, его, пса, надо...

— Аспидъ ты, крокодилъ!—съ пѣной у рта кричалъ узникъ Жихареву:—ее приведи... слышишь? ее...

— Нельзя-съ, по статуту, уѣхала.

— Разлюбитъ... вѣдь разлюбитъ... слово одно, хоть взглянуть!..

Арестантъ грызъ себѣ руки, хватался зубами за оконную рѣшетку.

«Еще въ Питерѣ узнаютъ про экое озорство, — думалъ, замирая въ страхѣ, приставъ,—ужъ когда бы скорѣе рѣшали, что съ нимъ и какъ! все Чурмантѣевъ натворилъ! донести о немъ,—да жаль бѣднаго, засудятъ»...

— Скорпіоны, аспиды! запали́ ихъ, Боже, сокруши!— кричалъ день и ночь въ окно и двери узникъ: — змѣй на нихъ! камни! кляни ихъ! Боже, кляни...

— Бѣсъ обуялъ, испортили! сердечнаго — шептали въ сѣняхъ гарнизонные солдаты:—былъ тихъ, а теперь бурябурей...

Забываясь краткимъ, тревожнымъ сномъ, арестантъ просыпался ночью, и еще тяжелѣе и горше было у него на душѣ. Каменный сводъ давилъ, какъ гробъ. Отъ молчаливыхъ, бѣлыхъ стѣнъ вѣяло холодомъ. Когда-то разсвѣтъ? Иванушка звалъ Поликсену, слалъ ей нѣжныя слова. Бросится къ форточкѣ каземата, распахнетъ ее, торопливо привстанетъ на цыпочки и жадно вдыхаетъ свѣжій, ночной воздухъ.. Виденъ край темнаго хмураго неба. Вонъ бѣлая и голубая звѣзды; высоко онѣ мерцаютъ надъ крѣпостью, ныряя въ налетающихъ облакахъ.

«Имъ вольно въ далекомъ небѣ, — мыслилъ онъ, — а я опять въ норѣ, опять взаперти».—Ночь проходитъ. Загорается блѣдное утро. Воробьи чирикаютъ, галки взлетаютъ, чистятъ длинные, жадные носы. Солнце поднимается. Крики жаворонковъ, соловьевъ доносятся съ полянъ, изъ лѣсистыхъ, просыпающихся тайниковъ. Тамъ радость, тамъ жизнь. А здѣсь? И кажется Иванушкѣ, что не соловьи и не жаворонки отзываются на берегу, а трубятъ чудотворныя золотыя трубы, нѣкогда рушившія стѣны Іерихона.—«Осанна въ вышнихъ! — шепчетъ узникъ: — Египетъ даде руку, Ассуръ въ насыщеніе ихъ... Но гдѣ Египетъ и гдѣ освободитель Ассуръ?..»

Арестантъ силился взломать ржавую, оконную рѣшетку и до крови рѣзалъ себѣ руки.

Нѣтъ спасенія, нѣтъ воли... Почернѣлая, закапанная воскомъ книга разогнута на столѣ. Слабый утренній свѣтъ скользитъ по ней, и кропятъ ее горькія, жгучія слезы. Ива-

нушка читаетъ, но нѣтъ смысла и отрады въ прочитанномъ. Стѣны глухи и нѣмы, какъ могила. Кругомъ тишина.

«Бысть яко медвѣдь ловяй, яко левъ отъ сокровенныхъ»— читаетъ Иванушка, добиваясь отвѣта на свои терзанія.

«Не левъ я,—жалкая мошка, комаръ!.. А тамъ, за стѣной... тепло, воздухъ, люди и она... ха, - ха!.. звѣри, убійцы! звѣри»...

Дикій хохотъ, будя утреннюю тишину, несся изъ темнаго окна узника.

XI.

Надпись на воротахъ.

Миро̀вичъ оставилъ Петербургъ съ легкимъ сердцемъ и полный давно неиспытанныхъ, радостныхъ ощущеній. Подъ шумъ и плескъ вешнихъ водъ, онъ несся за границу на перекладной. Вотъ Луга, Псковъ, Двина—какъ море, берега̀ Нѣмана. Весна въ Литвѣ стояла во всемъ разгарѣ. Тянулись вереницы дикихъ гусей, журавлей. Лѣса, водныя за̀росли синѣли въ туманѣ, стонали отъ птичьихъ криковъ и свистовъ. Пахло березовыми, смолистыми листьями, ландышами.

«Женюсь, все брошу, — думалъ Миро̀вичъ, миновавъ границу, — возьму абшидъ, выйду въ чистую, и уѣду на родину — хлопотать о своихъ правахъ. Что̀ намъ столица, блескъ жизни, фанфа̀ры, суета-суетъ? Поликсена сказала: когда не Питеръ, лучше уѣхать на твою Украйну, въ Переяславскій уѣздъ, нагулялись бы мы тамъ, по поясъ въ полевыхъ травахъ, надышались бы цвѣтомъ яблонь да грушъ!.. Повезу ее. Нѣтъ своего угла на родинѣ, добьёмся его,—не черезъ себя, черезъ добрыхъ людей, а пока погостимъ у друзей. Никогда, кажись, такъ не жаждалъ достатка; а ужъ для нея... она хочетъ, и все будетъ!.. И Михайло Васильичъ Ломоносовъ одобрилъ, когда я ему все разсказалъ, по возвращеніи изъ Шлиссельбурга. Тамъ, на Трубежѣ, возлѣ былого дѣдовскаго Липоваго-Кута, — гдѣ пчелы отцовскаго кума и гдѣ я бѣгалъ мальчикомъ... Вотъ гдѣ рай... Хоть бы клочокъ родной земли! Панъ на загородѣ равенъ воеводѣ... Цѣла ли та пасѣка и живъ ли старый отцовъ кумъ, Майстрюкъ?..»

Солнце грѣло. Миро̀вичъ дремалъ и видѣлъ себя въ полѣ.

Золотыя волны высокой, спѣлой пшеницы шуршали и колебались кругомъ. Онъ шелъ гдѣ-то нивой, въ гору. На горѣ церковь; въ ней пѣнье, горятъ свѣчи. Его ждутъ вѣнчать съ Поликсеной. А золотой пшеничной нивѣ нѣтъ конца. Колышатся и шепчутся душистыя волны; онъ тонетъ въ нихъ, выбивается изъ силъ. Мелькаютъ алые маки, васильки; на нихъ качаются сизыя, съ рогами, жуколицы, глазатые, пушистые пауки... «Что же я-то? у меня вѣдь крылья есть!»—думаетъ Мировичъ, распахнулъ крылья и летитъ надъ шуршащимъ моремъ и не видитъ колосьямъ конца. Поспѣетъ ли?.. Церковь далѣе и далѣе... Сердце замираетъ. Онъ очнулся. Передъ глазами сѣрый жидовскій балахонъ, сгорбленная спина и рыжіе пейсы возницы. Станція, смѣна лошадей...

Переговоры съ Пруссіей о заключеніи окончательнаго мира начались еще до пріѣзда Мировича въ отрядъ Бутурлина. Съ одной изъ такихъ экспедицій, въ числѣ другихъ офицеровъ, попалъ снова въ Берлинъ и Мировичъ.

Къ концу мая, онъ прислалъ изъ-за границы презенты невѣстѣ: сѣрое тафтяное платье, бархатный алый камзолъ, черепаховыя подвѣски, браслеты, склаваж и модную, изъ бѣлой шали накидку—барбаръ. Презенты были присланы, съ оказіей, на имя Бавыкиной. Настасья Филатовна похвастала ими Ломоносову.

— Вкусу немало,—сказалъ, разглядывая жениховы подарки, Михайло Васильевичъ.

— Такъ-то такъ,—произнесла, покачавъ головой, Филатовна:—только гдѣ онъ, прокуратъ, денегъ на все это досталъ? Ужли въ карты опять рѣзаться началъ? Какъ думаете, ваше высокородіе?

— Ужъ и въ карты, матушка, экія вы!..

— А и въ самомъ дѣлѣ, можетъ, не въ карты!—сказала, обрадовавшись, Филатовна:—въ гору, пожалуй, пошелъ; вѣдь смышленый, хоть куда; ну, и отличаютъ... гляди-кось, еще съ оргеномъ воротится...

«Мнѣ-то только, бездольной, что дѣлать?—подумала, вздохнувъ, старуха, — куда дѣться? ужли такъ-то все торговлей на старости лѣтъ по улицамъ маяться? видно и впрямь, въ люди на мѣсто идти!»

Къ первому дню Пасхи императоръ Петръ Ѳедоровичъ

переѣхалъ въ новый зимній дворецъ. Строитель его, Растрелли, получилъ голтшинскую Анненскую звѣзду, съ надписью: «Amantibus justitiam, pietatem, fidem». — Императрицу государь помѣстилъ въ отдаленномъ концѣ дворца; ближе къ себѣ восьмилѣтняго сына Павла, съ наставникомъ его флегматическимъ и мѣшковатымъ, но хитрымъ и умнымъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ. На антресоляхъ было отведено помѣщеніе Елисаветѣ Романовнѣ Воронцовой, а въ особомъ флигелѣ дворца государь назначилъ аппартаменты предположенной имъ невѣстѣ заключеннаго принца Іоанна Антоновича, несовершеннолѣтней дочери своего дяди, генералъ-губернатора Петербурга, принцессѣ Екатеринѣ Петровнѣ Голштейнъ-Бекской, съ ея гувернанткой, дѣвицей Мирабель.

Обѣдалъ и ужиналъ Петръ Ѳедоровичъ съ небольшой свитой. Голштинскіе любимцы окружали его тѣсной толпой. Императрица навѣщала мужа изрѣдка и то больше по утрамъ.

Заходя на половину къ сыну, государь трунилъ надъ его прошлымъ женскимъ воспитаніемъ и, теребя худенькаго, слабаго мальчика, со смѣхомъ говорилъ: «изъ Павлухи выйдетъ еще цѣлый молодецъ, лишь бы я успѣлъ съ нимъ заняться и сдѣлать изъ него браваго солдата. А теперь, что̀ онъ? телепень, бабій баловень и только... Въ походъ, сударь, въ походъ!»

Своего учителя на скрипкѣ, итальянца Пьери́, Петръ Ѳедоровичъ назначилъ придворнымъ капельмейстеромъ. Во дворцѣ давались концерты изъ знатныхъ любителей музыки. Братья Нарышкины,—одинъ изъ нихъ андреевскій кавалеръ,—участвовали въ этихъ музыкальныхъ состязаніяхъ, рядомъ съ важнымъ звѣздоносцемъ Адамомъ Олсуфьевымъ, правой рукой гетмана, президента академіи—статскимъ совѣтникомъ Григоріемъ Тепловымъ и академикомъ Штелиномъ. Императоръ являлся здѣсь запросто.

— Музыка у меня будетъ первый сортъ, — весело говорилъ онъ партнерамъ:—выпишу изъ Падуи знаменитаго ветерана скрипки, Тастини... Вѣдь онъ, saperment! между нами-то сказать,—одной со мной школы... Specialissime за нѣжные, ласкательные, а индѣ маэсто̀зные тоны и переходы... Нигдѣ грубыхъ эффектовъ, нигдѣ балаганныхъ увертокъ и штукъ... мелодія, одна мелодія!

Голштинцы протирались всюду, захватывали себѣ и своимъ «партизантамъ» главныя мѣста.

За два дня до Пасхи, въ прибавленіяхъ къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» явилась, обратившая на себя общее вниманіе столицы и, какъ полагали, писанная подъ диктовку посланника короля Фридриха, Гольца, слѣдующая передовая статья: «С.-Петербургъ, апрѣля 4-го 1762 г.— Всемилостивѣйшій нашъ государь, съ самаго восшествія своего на престолъ, не пропускаетъ ни единаго дня безъ изліянія новыхъ милостей, или не подавая существительныхъ опытовъ отеческаго своего о пользахъ подданныхъ попеченія и глубокаго въ государственныхъ дѣлахъ проницанія», и пр., и пр.

Ропотъ противъ голштинцевъ усиливался. Старые слуги Елисаветы не выносили этихъ незваныхъ пришлецовъ. Новыя преобразованія и льготы не искупали грубаго и обиднаго обращенія заморскихъ гостей съ русскими. Ломоносову приписывали слова: «Капуста и рѣпа еще не взошли въ огородахъ, за то всходятъ голштинскія реформы».

Всякъ, просыпаясь въ ту весну въ Петербургѣ, спрашивалъ себя: что̀ объявлено отъ сената сегодня и что̀ готовится на завтра? Всѣ ходили въ чаяніи нежданныхъ, негаданныхъ перемѣнъ. Даже всезнающій генералъ-полицеймейстеръ Корфъ не разъ подсылалъ тайкомъ во дворецъ своихъ адъютантовъ, говоря имъ: — Вызови-ка тамъ, батенька, Карла Иваныча Шпрингера, да узнавай отъ него,— hörst du! — умненько, чѣмъ и съ кѣмъ нынѣ занимается государь?

Вслѣдъ за уничтоженіемъ тайной канцеляріи и дарованіемъ вольности дворянству, новые фавориты Петра Третьяго посовѣтовали ему заняться, оставленнымъ со временъ Петра Великаго, проектомъ объ отобраніи монастырскихъ помѣстій и о назначеніи отъ казны содержанія, какъ черному, такъ и бѣлому духовенству.

Баронъ Унгернъ сказалъ однажды, за обѣдомъ у Алексѣя Разумовскаго, Волкову:

— Не худо бы передать архіепископу Димитрію объ отмѣнѣ постовъ... Ваше постное масло, рѣдька и щи не по желудкамъ нынѣшняго свѣта. Да сказать бы ему, à propos, что пора ужъ пересмотрѣть и во многомъ измѣнить и весь

вашъ старый монахизмъ, а духовенству разрѣшить брить бороды и ходить, какъ въ Европѣ, въ цивильныхъ кафтанахъ.

— Чей въ этомъ совѣтъ?—спросилъ Волковъ.

— Ну, да ты ужъ скажи преосвященному Димитрію,— загадачно улыбнулся Унгернъ:—пусть подумаетъ.

Эти слова быстро разнеслись по городу. Не въ однихъ боярскихъ хоромахъ вспомнили, что государь Петръ Ѳедоровичъ, вслѣдъ за погребеніемъ императрицы-тётки, посѣтилъ торжественную по ней панихиду въ католической церкви, гдѣ исполнялась печальная кантатареквіемъ, сочиненія Манфредини, и что, послѣ панихиды, онъ завтракалъ у патеровъ этого храма.

На Ѳоминой было приказано приступить къ немедленной постройкѣ, для иноземныхъ придворныхъ слугъ, лютеранской церкви при ораніенбаумскомъ лѣтнемъ дворцѣ.—«Лютеранство вводятъ въ Россіи», — стали толковать въ средѣ русскаго духовенства. Повторяли даже слова манифеста о вѣротерпимости, будто бы ужъ составленнаго на все готовымъ, генералъ-прокуроромъ Глѣбовымъ, гдѣ въ числѣ другихъ доводовъ приводились слова Евангелія: «Взгляните на птицы небесныя, иже не сѣютъ, не жнутъ и не собираютъ въ житницы».

— И все-то голштинцы! — прибавляли въ народѣ: — все они, проклятые нехристи. — Составилась даже поговорка: «Голштинецъ дастъ тебѣ гостинецъ».

Ропотъ усилился, когда прошелъ кѣмъ-то пущенный слухъ, будто иноземные фавориты готовятъ указъ о вынесеніи изъ храмовъ всѣхъ старыхъ, якобы лишенныхъ благолѣпія, сирѣчь обезображенныхъ временемъ иконъ, и о закрытіи въ палатахъ вельможъ домовыхъ церквей: «не подобаетъ-де храмъ божій лишать благообразія, или держать оный у себя подъ рукой, на прикладъ своей бильярдной, кухни и того хуже».

Съ пріѣздомъ изъ Киля дяди государева, принца Жоржа, вліяніе нѣмцевъ стало еще сильнѣе. Повторялись имена столповъ этой партіи: Ольдерога, Цобельтиша, Кацау, Цегефонъ-Мантейфеля, Цейца. — «Новая Бироновщина настаетъ!» — громче и громче толковали обиженные русскіе. Юные совѣтники государя, между тѣмъ, не унывали. Они ему льстили и предрекали успѣхъ всѣмъ его ошибочнымъ,

проникнутымъ полнымъ незнаніемъ и непониманіемъ Россіи, намѣреніямъ.

На обойной фабрикѣ гобеленей, — директоромъ которой былъ назначенъ, произведенный въ камергеры, любимецъ государя, придворный парикмахеръ Брессанъ, Петръ Ѳедоровичъ заказалъ, для передней въ новомъ зимнемъ дворцѣ, два большіе стѣнные ковра «hante lisse». Одинъ долженъ былъ изображать восшествіе на престолъ Елисаветы, другой—его собственное.

Въ маѣ были спущены на Неву два вновь построенные корабля. Одному государь далъ имя недавняго врага Россіи, своего друга, «Король Фридрихъ», другому—перваго принца крови, новаго фельдмаршала и эстляндскаго генералъ-губернатора—«Принцъ Жоржъ».

Приказавъ учредить, въ поддержку коммерціи и купечества, государственный банкъ, съ пятью милліонами рублей фонда, Петръ Ѳедоровичъ отдалъ повелѣніе объ устройствѣ, по примѣру заграничныхъ «долгаузовъ»—«нарочитаго» дома для «сущеглупыхъ», то-есть умалишенныхъ. Прогуливаясь какъ-то вечеромъ по городу, государь чуть не былъ искусанъ стаей бродячихъ собакъ. Онъ тотчасъ объявилъ повелѣніе объ образованіи изъ дворцовыхъ егерей «особой команды» для «наискорѣйшаго истребленія бездомныхъ собакъ». Этой же командѣ было разрѣшено стрѣлять на городскихъ площадяхъ и улицахъ «воронъ и прочихъ безхозяйныхъ птицъ». Усердные егеря стали стрѣлять по улицамъ чтимыхъ народомъ голубей.

Уволивъ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго въ отставку, императоръ почасту заѣзжалъ къ нему въ Аничковъ дворецъ, гдѣ любилъ въ бесѣдѣ съ нимъ выкурить трубку кнастера или, вошедшую въ то время въ моду, сигару «фидибусъ». Дальновидный графъ, цѣня по своему это вниманіе, сказалъ по-украински государю:—«а подозвольте мнѣ, недостойному сыну гречкосѣя и внуку пастуха, снисканному толикою благосклонностью покойной государыни, подозвольте почествовать вашу милость» — и поднесъ въ презентъ высокому посѣтителю красивую трость, съ ручкой изъ слоновой кости, и въ придачу къ ней — на воинскія нужды государя—милліонъ рублей.

— Ба-ба-ба!—воскликнулъ дѣтски-обрадованный императоръ: — Potz-Blitz! да ты, Григорьичъ, Hexenmeister, кол-

дунъ; какъ разъ угадалъ, что мои финансы нарочито плохи... Спасибо, голубчикъ; вспамятовано будетъ! при случаѣ отблагодарю.

— Гвардія—это нынѣшніе янычары!—не стѣснился сказать Петръ Өедоровичъ гетману Кириллѣ Разумовскому, командиру любимыхъ Великимъ Петромъ и Елисаветой измайловцевъ: — ихъ въ скорости раскассирую, а пока стану ихъ замѣнять полевыми полками, да по-малу, на манеръ нашихъ бравыхъ голштинцевъ, реформировать...

Сильно взволновали эти слова весь военный, служилый людъ Петербурга.

— Развѣ мы преступники, измѣнники? — толковали обиженные слуги Елисаветы: — окружили государя продажные голштинскіе колбасники... Дай Богъ здравія его сыну и матушкѣ, его женѣ,—тѣ заморскихъ псовъ не жалуютъ.

Миръ съ Пруссіей былъ окончательно заключенъ, и десятаго мая торжественно отпразднованъ. Памятенъ остался этотъ день въ дворскомъ мірѣ.

Въ особой залѣ зимняго дворца былъ данъ пышно изготовленный обѣдъ. Съ крѣпости, съ адмиралтейства и судовъ, стоявшихъ на Невѣ, до поздней ночи раздавалась непрерывная пушечная пальба.

Было выпущено болѣе тысячи выстрѣловъ изъ орудій. Пили въ честь короля Фридриха и за продолженіе «счастливаго мира».

Провозгласивъ тостъ за собственную высокую фамилію, Петръ Өедоровичъ послалъ къ императрицѣ-супругѣ «берлинскую голубицу мира» — Андрея Гудовича, — спросить, отчего она при этомъ не встала? Государыня Екатерина Алексѣевна отвѣтила: «оттого, что вся наша фамилія, кромѣ его величества, государя, состоитъ лишь изъ меня, да изъ ребенка, моего сына».

— Передай ей, что она дура!.. — грубо крикнулъ государь:—передай, что кромѣ нея и сына, есть еще два члена нашей фамиліи, — дядя принцъ Жоржъ и его высочество принцъ Голштейнъ-Бекскій.

Императрица залилась слезами. Остроумный и находчивый графъ Строгоновъ стоялъ въ это время у нея за стуломъ. Чтобы развлечь государыню, онъ вполголоса разсказалъ ей свѣжій городской анекдотъ о нѣкоемъ влюбленномъ генералѣ Бехлешовѣ, который поѣхалъ амурничать въ Шлис-

сельбургъ и чуть, изъ-за перемѣны тамошняго начальства, не угодилъ въ казематъ крѣпости.

— Marlborough s'en va-t-en guerre...—шепталъ, нагнувшись, Строгоновъ.

Императрица сквозь слезы улыбнулась. Это замѣтили. Въ тотъ же вечеръ находчивый графъ былъ высланъ подъ арестъ въ свой загородный домъ, на Каменный островъ. Приэтомъ, черезъ князя Өедора Барятинскаго, былъ объявленъ арестъ и государынѣ; Барятинскій успѣлъ вызвать заступничество принца Жоржа, и распоряженіе объ арестѣ было отмѣнено.

Вскорѣ пронесся новый слухъ объ обѣдѣ въ Аничковомъ дворцѣ.

Сидя противъ датскаго посланника, Гакстгаузена, Петръ Өедоровичъ неожиданно для всѣхъ повелъ рѣчь о томъ, что Данія — исконный врагъ России и что онъ намѣренъ датскому королю объявить войну, за притѣсненіе его родового герцогства, Голштиніи. На другой же день въ городѣ стали толковать, что противъ датчанъ дѣйствительно велѣно снаряжать двѣ сильныя арміи и что командиръ измайловцевъ, президентъ академіи наукъ и гетманъ Малороссіи, графъ Кирилла Разумовскій поведетъ за границу тридцать казачьихъ полковъ. Великій канцлеръ Воронцовъ и Волковъ совѣтовали государю не предпринимать этой войны. Онъ никого не слушалъ.

— Нѣтъ достойнаго полководца, фуражъ для арміи не выготовленъ,—говорилъ канцлеръ.

— Пустяки, съ провіантомъ еще успѣемъ... А что до полководца, я самъ стану во главѣ обѣихъ армій... Герцоги, мои предки, во время войны никогда не сидѣли дома... И прежде всего, по пути, я заѣду отдать аттенцію и кордіяльный решпектъ моему брату и государю, королю Фридриху... Я имѣлъ честь въ его арміи служить, какъ простой солдатъ... И никто изъ его братьевъ и подданныхъ не преданъ ему такъ, какъ я. Онъ опасается за мою жизнь, анонсируетъ мнѣ секретно, что русскіе не приспособлены оцѣнить женерозитетъ посланнаго имъ монарха... О-го! Larifari! посмотрю я, кто посмѣетъ противъ меня и моихъ вѣрныхъ, бравыхъ голштинскихъ быковъ! Съ ними я спокоенъ... А уѣхавъ, оставлю здѣсь въ арріергардѣ проницательныхъ и зоркихъ надсмотрщиковъ...

Дворъ къ одиннадцатому іюня готовился переѣхать за городъ. Было слышно, что государь, по обычаю, думаетъ поселиться въ любимомъ своемъ лѣтнемъ дворцѣ, въ Ораніенбаумѣ, что сына онъ рѣшилъ оставить съ Панинымъ, въ Петербургѣ, а государынѣ приказалъ отвести для житья дворецъ въ Петергофѣ.

Дворъ веселился. Прогулки за городъ и вечера, съ игрой въ «бирибú» и въ «кàмписъ», чередовались съ концертами и распѣваніемъ, подъ звуки лютни, нѣжныхъ и чувствительныхъ, нѣмецкихъ романсовъ и русскихъ пѣсенъ, сочиненія придворнаго музыканта Белиградцкаго.

Въ насмѣшку надъ замолчавшимъ Ломòносовымъ, иноземные фавориты посовѣтовали президенту академіи поощрить гуляку-стихотворца Баркова, которому, за оду въ честь новаго государя, и было дано званіе академическаго переводчика.

Короноваться государь откладывалъ до возвращенія изъ похода противъ Даніи.

— Корону заказать надо въ Гамбургѣ, — объявилъ онъ Унгерну: — въ Россіи нѣтъ и порядочныхъ ювелировъ; дорого, да и некогда, — увѣнчаемся сперва побѣдными, воинскими лаврами....

Объ императрицѣ не было почти слуха. Говорили одно, что государыня Екатерина Алексѣевна живетъ совершенной отшельницей, безъ всякаго значенія, силы и власти. На нее обращали менѣе вниманія, чѣмъ на племянницу канцлера, графиню Елисавету Романовну Воронцову.

— Я люблю дисциплину, я требователенъ, но даю и льготы!—говорилъ Петръ Өедоровичъ:—пусть народъ отдыхаетъ, — время строгостей и ужасовъ въ Россіи прошло... Пусть меня въ потомствѣ назовутъ ласковымъ Титомъ...

И дѣйствительно, — въ первые дни своего правленія, — Петръ Өедоровичъ возвратилъ изъ ссылки множество лицъ, сосланныхъ при его теткѣ, Елисаветѣ Петровнѣ.

На поприщѣ высшаго общества Петербурга, что ни день, съ весны 1762 года, стали появляться странные, незнакомые и чуждые новому поколѣнію, призраки прошлаго, престарѣлые елисаветинскіе сановники и временщики, которые нѣкогда ворочали судьбами Россіи, а теперь казались мертвецами, вставшими изъ давно-забытыхъ и обвалившихся могилъ.

Въ началѣ іюня, Мировичъ былъ на возвратномъ пути изъ Пруссіи. Но ему въ первомъ пограничномъ городѣ предъявили ордеръ военной коллегіи — остаться на мѣстѣ, въ Петербургъ не ѣхать и ждать дальнѣйшихъ распоряженій отъ ближайшаго начальства. Здѣсь онъ получилъ письмо отъ Пчёлкиной.

Поликсена удивлялась, что онъ медлитъ возвратомъ и прибавила, что Чурмантѣевъ получилъ переводъ за Волгу, что онъ ужъ давно оставилъ Шлиссельбургъ и на-дняхъ ѣдетъ съ дѣтьми въ Казань и далѣе. Поликсена сперва предполагала остаться у Бавыкиной, но раздумала: какъ бы изъ того не вышло для нея, сосватанной невѣсты, какихъ вредительныхъ толковъ и послѣдствій.

«А куда дѣться, не знаю,—писала она:—вы же, сударь, Василій Яковлевичъ, такъ скупы на вѣсти. Зовутъ меня Птицыны, и я думаю къ нимъ временно переѣхать. Пишите туда. У нихъ дача на Каменномъ, и очень просятъ. Или посовѣтуете что̀ иное?»

Ордеръ военной коллегіи и это письмо такъ смутили Мировича, что онъ не зналъ, на что̀ рѣшиться.

«Чурмантѣевъ переведенъ за Волгу, Поликсена опять въ Петербургѣ, — терялся онъ въ догадкахъ: — вредительные толки и послѣдствія... Что̀ все это значитъ? и гдѣ принцъ? ужели, наконецъ освобожденъ? Въ иноземныхъ журналахъ о томъ что̀-то писано»...

Императоръ Петръ Ѳедоровичъ, катаясь въ первыхъ числахъ іюня по Петербургу, вздумалъ осмотрѣть въ Петропавловской крѣпости монетный дворъ. При этомъ онъ сказалъ окружавшимъ:

— Сія фабрика мнѣ, господа, нравится больше другихъ; будь она прежде моя, не такъ бы я аранжировалъ ходъ моихъ финансій: зналъ бы, какъ ею пользоваться...

Въ крѣпость государь въѣхалъ въ сѣверныя, кронверкскія ворота, на которыхъ кинулась ему въ глаза нежданная, сильно озадачившая его надпись.

Большими, блѣдными, полинявшими отъ времени и солнца буквами, на верхней перекладинѣ, было написано: *«Іоанновскія ворота—1740 г.»*.

— Баронъ! — съ чувствомъ почти испуга, сказалъ императоръ, сидѣвшему рядомъ съ нимъ, Корфу: — взгляните!

1740 годъ!.. имя Іоанна! Вотъ чудо... Вездѣ это слово скоблили, плавили, жгли, а здѣсь-то, въ крѣпости, и проглядѣли... Когда придетъ моментъ и мой племянникъ, бывшій императоръ Іоаннъ Третій, съ должной помпой, опять со мной въѣдетъ въ Петербургъ, первое, что я ему укажу, будетъ это имя.

Случай съ надписью даромъ не пропалъ.

«Забылъ я о немъ, забылъ, — думалъ, ѣдучи изъ крѣпости, Петръ Ѳедоровичъ, — и никто не напомнилъ! Что откладывать и ждать постройки новаго дома? Вывезти его скорѣй изъ Шлиссельбурга... И ему станетъ легче, познакомится съ принцессой Екатериной, своей невѣстой, и задуманное дѣло по малу начнемъ»...

Черезъ день, въ Шлиссельбургъ отъ Унгерна была послана эстафета, сильно озадачившая коменданта и новаго старшаго пристава.

«А вѣдь бѣлую-то планиду и впрямь вспомнили на нашемъ горизонтѣ,—подумалъ Жихаревъ, идя объявить арестанту радостную вѣсть,—но забудь, о Господи! рядомъ съ нимъ и нашу долю»...

XII.

Московскій студентъ.

Съ началѣ іюня 1762 года, Ломоносовъ съѣздилъ на нѣсколько дней за городъ, въ собственныя, пожалованныя покойной государыней, мызы Коровалдай и Устьрудица, взглянуть на хозяйство и освѣжиться на сельскомъ воздухѣ.

Эти дачи лежали за Ораніенбаумомъ, въ тогдашнемъ Копорскомъ уѣздѣ, въ семидесяти верстахъ отъ Петербурга, и были подарены Ломоносову, для устройства фабрики разноцвѣтныхъ стеколъ, бисеру, пронизокъ и стеклярусу—«какъ первому въ Россіи тѣхъ вещей секрета сыскателю».—Земля этихъ имѣній омывалась глубокой и быстрой рѣкой Рудицей, на которой, лѣтъ десять назадъ, были устроены мельница, лѣсопильня и заводъ цвѣтныхъ стеколъ.

Теперь все это было запущено.

Небольшой изъ словыхъ бревенъ домъ, съ постоянно закрытыми ставнями, одной стороной выходилъ къ сплошнымъ вѣковымъ лѣсамъ пустынной Ингріи, другою — къ холмистому берегу моря. Надъ почернѣлой, тесовой кровлей, со

скрипомъ, вертѣлся заржавленный жестяной Эолъ. То былъ значокъ самопишущей метеорологической обсерваторіи. Служилыя зданія вокругъ дома, фигурчатый досчатый заборъ и мостъ черезъ рѣку ветшали, безъ присмотра, и также были запущены. Одна дорога,—берегомъ моря, вела на Ораніенбаумъ и Петербургъ, другая — въ гору — къ сосѣдямъ, изъ которыхъ ближайшимъ былъ женатый на внучкѣ фельдмаршала Миниха, владѣлецъ мызы Аннентааль, баронъ Иванъ Андреевичъ Фитингофъ.

Тридцать лѣтъ назадъ самъ крестьянинъ-рыбакъ, Ломоносовъ съ своими двумя-стами крѣпостныхъ чухонъ, коихъ по указу «при той фабрикѣ — записали вѣчно», былъ заботливъ, справедливъ, но, какъ вообще съ подчиненными и младшими, требователенъ и строгъ. Онъ любилъ ихъ, заботился объ ихъ нуждахъ и не смотрѣлъ на нихъ какъ на чужаковъ, свысока, забавляясь, когда иной заморышъ-мужичонка, при встрѣчѣ, не снималъ передъ нимъ шапки и по простотѣ приходя къ своему знаменитому барину, садился передъ нимъ и разсказывалъ о своихъ нуждушкахъ. — «Дессьянсъ-академикъ я,—почтеніе отъ всѣхъ мнѣ указано свыше! — смотри, не осрами меня при другихъ!» — шутилъ коровалдайскій баринъ, угощая мужичонка брагой и виномъ.

Хозяйство Ломоносова, особенно въ послѣдніе годы, шло изъ рукъ-вонъ плохо. Желтоволосый и желтоглазый, но хитрый, туземный бурмистръ Адамка Кювеляйненъ, по мельницѣ и по прочимъ статьямъ давалъ въ настоящее время Михайлѣ Васильевичу такіе отчеты, что и шкурка за вычинку не выходила. Зато Адамка являлся передъ бариномъ изъ хатенки, сколоченной изъ пеньевъ, полѣньевъ, мху и коры, не только безъ шапки, но, въ доказательство своей убогости и ничтожества, нерѣдко даже босикомъ и называлъ его не иначе какъ «рафчикъ» и «ваше вишкаротіе», а его сума и самъ онъ—толстѣли не въ мѣру.

И въ тотъ пріѣздъ Михайло Васильевичъ больше занимался провѣркой самопишущаго Эола, чѣмъ учетомъ ветшавшей лѣсопильни и покривившейся на бокъ мельницы. Онъ поговорилъ съ Адамкой о приведеніи въ порядокъ дома, кое съ кѣмъ изъ крестьянъ; задумавшись, посидѣлъ на крыльцѣ, съ котораго виднѣлись бѣлѣвшія вдали готическія, деревянныя башенки Аннентааля; полюбовался видомъ тихаго, безбрежнаго моря и уѣхалъ въ Петербургъ лѣсною

глушью, полною птичьихъ пѣсенъ и криковъ и вечерняго запаха травъ и деревъ. — «Доброобычайный народъ,—думалъ онъ о крестьянахъ, въ помощь болѣвшему и хирѣвшему скоту которыхъ онъ велѣлъ и въ этотъ разъ, по случаю засухи и безкормицы, раздать лучшіе луга, — благороднымъ учтивствомъ и заботой. лучше всего имъ фаворъ свой пріятнымъ и желаннымъ сдѣлаешь... Эхъ! Надо бы подольше погостить у нихъ, ближе приглядѣться къ симъ, мало еще осмысленнымъ... Да дѣла, службы складъ не допускаютъ... Надо урваться, подумать...»

Въ домъ свой, на Мойкѣ, Михайло Васильевичъ возвратился обновленный, съ легкой, открытой для тихихъ радостей, душой.

— Черезъ недѣльку, — ласково сказалъ онъ женѣ и дочери:—все на мызѣ будетъ готово. Вотъ вамъ сюрпризъ,—вы переѣдете туда на все нынѣшнее лѣто.

Дочь запрыгала отъ радости; жена вздохнула, нахмурилась.

— Въ городѣ все становится дорого, — объявилъ Ломоносовъ:—тамъ покупать нечего,—огородъ, живность и хлѣбъ свои. И коровы ваши подкормятся на лугахъ. Одна бѣда, сударыни мои, доходу притомъ ни алтына...

— Мы и такъ, герръ профессоръ,—перебирая фартукъ, отвѣтила жена, Лизавета Андреевна: — мы и такъ—что намъ?—привыкли сидѣть дома...

— И отлично, сударыня, дѣлаете! — съ улыбкой, поклонясь, произнесъ Михайло Васильевичъ:—лучше сидѣть, съ работой или съ умной книгой, дома, въ дализнѣ отъ шума и отъ всякихъ людскихъ дрязгъ, чѣмъ—Богъ мой!—имѣть обхожденіе съ пустыми комедіантами и вредными шатателями, да пересудчиками... Съ ними въ семьи вкрадываются дурныя упражненія, расколы, колобродства и всякія враки... Я—противъ нихъ, противъ нихъ!.. Да и вы, фрау профессоринъ, согласитесь, не наживете гипохондріи на хозяйствѣ, въ заботахъ о своихъ нуждахъ и о своемъ углѣ.

Рано утромъ слѣдующаго дня Ломоносовъ вышелъ въ свой городской садъ, подрѣзалъ нѣсколько сухихъ и лишнихъ вѣтокъ, осмотрѣлъ щепы и колировку плодовыхъ деревъ. Засучивъ рукава, докопалъ начатую грядку, для выписанныхъ на пробу сѣмянъ дикаго хлопчатника,—saclepias sy-

гіаса, — и, обложенный книгами и рукописями, засѣлъ въ отдаленной рабочей бесѣдкѣ.

«Ну, теперь не скоро выйдетъ оттуда! — глядя въ садъ, подумала Лизавета Андреевна, — забудетъ обо всемъ, даже о ѣдѣ... O, du, mein Gott! ist das ein Mensch?.. Энтузіастъ! фантастъ! Не станетъ умываться, бородой обрастетъ... И такъ на недѣлю, на нѣсколько недѣль... охъ! и что онъ пишетъ?.. О Сибири, объ индѣйскихъ и китайскихъ царствахъ твердитъ... А у меня всего одно шелковое платье,—всего одно... У академической секретарши Таубергъ, у профессорши Винцгеймъ по пяти, да еще въ своихъ колясках по городу ѣздятъ... Мы больше ходимъ пѣшкомъ. Были жильцы; а теперь, вонъ, портной Крихъ, будто изъ-за нашихъ перестроекъ, а я думаю изъ экономіи, изъ разсчета, переѣхалъ на Литейную; булочникъ Миллеръ мѣтитъ въ Ораніенбаумъ,— дворъ туда собирается,—да и фрау Бавыкина нашла мѣсто у какой-то греческой богатой дамы,—въ этакую глушь къ Калинкину мосту переѣхала... На мызу! И что тамъ хорошаго, среди грубыхъ здѣшнихъ мужиковъ? Это не Марбургъ—золотая моя родина... О коровахъ, фантастъ, энтузіастъ, думаетъ, а о нашихъ удобствахъ ни слова...»

Лизавета Андреевна ошиблась. Михайло Васильевичъ, на этотъ разъ, въ должное время, а именно въ полдень, покинулъ бесѣдку, плотно, съ удовольствіемъ пообѣдалъ, пошутилъ съ Леночкой—«ты-де ланито-лилейная и золотокудрая, греческая Елена, и какъ бы тебя кто еще у меня тутъ не похитилъ!» — ушелъ въ опочивальню и заснулъ тамъ часа полтора. Потомъ опять занимался въ бесѣдкѣ.

Былъ уже вечеръ, когда Ломоносовъ оставилъ стемнѣвшій садъ и съ портфелью появился на крыльцѣ каменнаго дома на Мойкѣ, куда въ концѣ мая онъ перешелъ съ семьей, по случаю передѣлокъ въ очищенномъ жильцами флигелѣ. Михайло Васильевичъ не стѣснялся горожанъ. Онъ на виду всѣхъ любилъ по вечерамъ сиживать у себя на крыльцѣ подъ тѣнью березъ, — безъ парика и въ томъ самомъ старенькомъ китайчатомъ халатѣ, въ которомъ обыкновенно работалъ. Въ этомъ же халатѣ онъ разъ здѣсь принималъ и знаменитаго своего друга и сосѣда, по Мойкѣ, Ивана Ивановича Шувалова, въ золотой каретѣ и въ лентѣ, въ былые дни заѣзжавшаго къ нему на бесѣду прямо изъ дворца.

Просторное, заслоненное березами, крыльцо выходило на

немощеный, поросшій травой, берегъ Мойки. Солдатки на плоту мыли бѣлье. Барочники, перекликаясь, тянули на лямкахъ грузную расшиву съ кирпичомъ. Чья-то гусыня, съ желтыми гусятами, паслась на травѣ. Гурьба босоногихъ ребятишекъ и дѣвочекъ съ сосѣднихъ дворовъ бѣгала взапуски по зеленому берегу, поднимая столбы густой, желтой пыли, всякій разъ, какъ выскакивала на избитую уличную колею. Краснопѣгая, голландская корова Лизаветы Андреевны, подойдя съ поля, ждала у воротъ, пока дворникъ и водовозъ, отставной бомбардиръ Скворцовъ, отопретъ ей калитку. Собственный, бѣлый чудской кабанъ Скворцова, хрюкая, терся у заборовъ.

Леночка принесла отцу на крыльцо ковшъ холоднаго мятнаго квасу. Онъ выпилъ его залпомъ, поцѣловалъ Леночку, потребовалъ еще кружку и отпустилъ дочку бѣгать на улицу. Усѣвшись на лавкѣ, онъ на кругломъ липовомъ столѣ увидѣлъ свой рабочій портфель и два письма.

Въ одномъ письмѣ было приглашеніе изъ Измайловскаго полка, на девятое іюня, отъ его сосѣда по мызѣ, барона Фитингофа, на вечеръ, на бесѣду и на трубку табаку.— «Знаю я эту трубку,—подумалъ, отодвигая письмо, Ломоносовъ,—вечеринка въ честь возвращеннаго, знаменитаго дѣда, Миниха... Нѣтъ сомнѣнія, вся знать будетъ тамъ, передъ разъѣздомъ дворовъ на дачи... Ораніенбаумцы и петергофцы... Монтекки и Капулетти... Одиннадцатаго іюня размѣстятся до новой стычки оба враждебныхъ лагеря... А до разъѣзда—эта сходка главныхъ нынѣшнихъ рѣшителей нашихъ судебъ, голштинцевъ и прочихъ нѣмцевъ. Противны пакостныхъ креатуръ лица и рѣчи!.. Ну ихъ къ ляду... не поѣду! Старъ сталъ — толкаться межъ дворскими, да и не къ чему. А они все ковы точатъ противъ Екатерины Алексѣевны... Жаль моей разумницы! Душу отдалъ бы за нее, гонимую, хоть и не знаетъ она этого, не вѣдаетъ. Вотъ отъ кого процвѣлъ бы соборъ драгихъ наукъ! Какъ-то ея занятія, бесѣды въ тишинѣ съ геніями вѣковъ! Шутка ли, по-русски говоритъ и пишетъ, какъ прирожденная россіянка,—да куда, лучше многихъ русскихъ... Навѣстилъ бы ее, еще осудятъ. Никуда теперь не ѣзжу, замкнулся и высматриваю, что будетъ... А будетъ, кажется, неладное... Любопытно бы только, скоро ли?»

Второе письмо было съ почты, отъ Мировича.

«Высокочтимый и истинный мой защитникъ и покровитель», — писалъ Василій Яковлевичъ: — «прости за докуку сей моей цидулки. Со мной приключились дивныя, прискорбныя дѣла. Первое — миръ давно заключенъ, а меня, временно посланнаго съ комиссіей отъ нарвскаго полка, задержали при возвратѣ, яко бы для охраны раненыхъ, сперва подъ Ковною, а потомъ въ другой трущобѣ, въ сквернѣйшемъ жидовскомъ городишкѣ, въ Шавляхъ, гдѣ и нонѣ обрѣтаюсь. Ахъ, многомилостивый патронъ и радѣлецъ мой, спасите! Писалъ я неоднова при посылкѣ штафетъ, просилъ я отряднаго и лѣкарей: ну, точно, какъ всѣ глухіе.—Не прогнѣвайся,—отвѣчали мнѣ:—вздоръ городишь и разума, видно, весьма лишился; ну, нешто можемъ мы противъ воли свыше идти? Сиди и жди. — Михайло Васильевичъ! Господа-Бога-ради, побывайте у кого-либо изъ сильныхъ голштинцевъ. Вы ихъ браните; а они, властные, теперь еще болѣе въ ходу. Слышно, Биронъ, да и Минихъ также воротились изъ ссылки и, на прикладъ коршуновъ, опять витаютъ надъ столицей. Попросите ихъ или кого изъ нѣмцевъ въ вашей академіи, чтобъ меня выпустили отсель. Васъ послушаютъ. Не то — бѣда. Истина ужель прогнана изъ міра? Повышеніе—въ низость, отличіе—въ страданіе и въ горе обратились! Живу, какъ отшельникъ-монахъ, поучаюсь терпѣть и всякія муки въ вящшее назиданіе и въ побужденіе къ внутреннему свѣту принимаю. По завѣту учителей великаго ордена, совлекаюсь ветхаго Адама, готовъ ратоборствовать противъ тлѣна, грѣховъ и сатаны, готовъ подвизаться среди всякихъ соблазновъ, не касаясь сердцемъ ихъ суеты. Но станетъ ли силъ? Кругомъ зависть, злоба, оголѣлые пьяницы, моты, вѣчныя ссоры, попойки, картежъ. Бросилъ бы все, бѣжалъ бы, да засудятъ, какъ дезертира. Подожду еще малость. Не пособите вы мнѣ, — бѣда! Что̀ предпріять, что̀ и мыслить, несвѣдомъ. Ахъ, если бы вы видѣли ту мертвую глушь и дичь, тотъ хребетъ тигра, на коемъ я сижу нынѣ, между жизнью и смертью!— В. Миро̀вичъ».

Задумался Ломоносовъ надъ этимъ письмомъ. «Къ голштинцамъ, къ доннерветтерамъ идти! Эка напасть Божья, натуры издѣвъ! — сказалъ онъ себѣ, разведя руками: — а жаль малаго! со смысломъ и съ душой! Совлекается ветхаго Адама... Насочинили вракъ тупыя нѣмецкія головы про масонство, сей и безъ того противуприродный, свѣтскій аске-

тизмъ... Жить бы, жить да утѣшаться... И предметъ его, та дѣвица, чай, по правдѣ, тоже не безъ тоски, въ толикомъ угрюмствѣ судьбы... И вездѣ-то, во всемъ такая безтолочь, такіе сполохи отвореннаго во всѣ концы политическаго и общественнаго нашего горизонта... Что̀ же дѣлать? Что̀ предпринять?»

Ломоносовъ открылъ портфель, бросилъ туда письмо, досталъ рабочую тетрадь, перевернулъ нѣсколько страницъ и задумался надъ стихотвореніемъ «Кузнечикъ». Онъ набросалъ его въ послѣдній изъ проѣздовъ черезъ петергофскіе лѣса:

«Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ!
«Коль больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ!
«Препровождаешь жизнь межъ мягкою травою,
«И наслаждаешься медвяною росою...
«Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь,
«Но въ самой истинѣ ты передъ ними царь...
«Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ...
«Что̀ видишь—все твое, вездѣ въ своемъ дому—
«Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому...»

«Не просишь, не долженъ! — вздохнулъ Ломоносовъ: — а главное—свободенъ! Волюшка, родная воля! далекое Бѣлое море, отцовскій порогъ... А здѣсь? Интриги, перевертни-проходимцы и вѣчная подземная, кротовья война! Великій мой герой, Первый Петръ! Для того-ль, въ торжество ли и избытъ иноземной, алчной лжи, затѣялъ ты любимое свое чадо — Петербургъ?.. Уѣду, брошу этотъ Вавилонъ, брошу невѣрные, бурливые дни. Въ сермягу одѣнусь, бороду отпущу и навсегда скроюсь въ деревенскую, тихую глушь... Вышелъ изъ народа, въ народъ возвращусь... Пора!»

Крики и бѣготня дѣтей на берегу нежданно смолкли. Ломоносовъ взглянулъ на улицу.

Шагахъ въ двухъ-стахъ отъ его двора, къ сторонѣ Синяго моста, остановилась наемная извозчичья коляска. Сидѣвшій въ ней, склоняясь, о чемъ-то говорилъ съ уличными ребятишками. Къ крыльцу подбѣжала Леночка.

— Кто, кто?—спросилъ Ломоносовъ.

— Виссенъ... фонъ... или какъ... ну, Виссенъ...—въ силу переводя духъ, отвѣтила вся красная отъ бѣганья Леночка: — студентъ изъ Москвы... онъ вамъ писалъ,..

— А! вспомнилъ, зови! — сказалъ, суетливо запахивая халатъ, Михайло Васильевичъ.

«Въ иностранную коллегію просится... стихи намедни прислалъ на прочтеніе!» — разсуждалъ онъ, прикрывая голову старымъ, порыжѣлымъ треуголомъ.

Коляска подъѣхала къ воротамъ. На крыльцо взошелъ круглолицый, съ румяными пушистыми щеками, пухлыми губками и большими выразительными глазами, восемнадцатилѣтній, миловидный, хотя нѣсколько мѣшковатый и не по годамъ полный юноша. На немъ былъ сѣрый, съ иголочки, студенческій, демикатоновый кафтанъ. Изъ-подъ приплюснутой треуголки выбивалась русая, въ природныхъ шелковистыхъ букелькахъ, коса. Онъ улыбался, напоминая движеніями безпечность рѣзваго, хорошо откормленнаго, жеребенка-сосунка. Съ появленіемъ его на крыльцѣ, послышался запахъ вошедшихъ тогда въ моду духовъ киннамона, или пѣтушьихъ ягодъ, rosa cinnamonea.

— Лейбъ-гвардіи семеновскаго полка сержантъ и московскій студентъ... — началъ гость, добродушно и угловато раскланиваясь: — четыре года назадъ, въ домѣ нашего куратора, его превосходительства Ивана Ивановича Шувалова, имѣлъ счастье быть вамъ здѣсь представленнымъ...

— Да, да... Какъ же-съ, помню. Добро пожаловать.

— И вы меня еще тогда спросили, чему я учился. А я имѣлъ честь отвѣтить, — по-латыни, за что и былъ вами апробованъ! — продолжалъ, обмахиваясь клѣтчатымъ платкомъ, студентъ.

— Такъ, такъ, господинъ Фонвизинъ! — и это все припоминаю, — произнесъ съ улыбкой, усаживая гостя, Ломоносовъ: — и письмо ваше получилъ, и экстрактецъ о задуманной комедіи одобряю. Что же? пишите — какъ, бишь, вы думаете назвать? — «Бригадира?»

— Началъ-съ, да не спорится все, — вспыхнувъ по-уши, отвѣтилъ юноша, восхищенный вниманіемъ великаго писателя.

— Что же мѣшало? — розы удовольствія? ученья шипы?

— Правду изволили сказать, развлеченій премного-съ!.. Знаете въ Москвѣ такъ весело, столько родныхъ... и подъ Москвой тоже... у бабушки. Маланья Ивановна, моя бабушка, — старенькая, а пребѣдовая, — на арфѣ играетъ, любитъ веселости и васъ всего наизусть знаетъ. Вотъ поступлю на службу, развѣ тогда...

— Пишите, государь мой, обличайте злые и глупые

правы, — сказалъ Ломоносовъ: — знатный вымыселъ взяли вы, и сюжетъ сильно сходствуетъ времени. Сколько таковыхъ бездѣльническихъ невѣждъ бременитъ землю! Да супругу-то задуманнаго пустозвона, бригадиршу-то, постарательнѣе оболваньте. Всѣмъ нашимъ дурафьямъ-щеголихамъ сродни таковая архибестія. Да умненько, батюшка,—острой ловкости слово выискавъ, — уязвите притомъ и наше гоняные за модами, съ ихъ безтолочью, развратомъ и всякою пустошью!.. Вы это сумѣете. Имя и отчество ваше?

Гость назвалъ себя.

— Да-съ, Денисъ Иванычъ, пишите. Иначе — грѣхъ. Талантъ Господь Богъ далъ вамъ несомнѣнный.

— Стихи же... изволили-ль вы пробѣжать стишки? — пожирая восторженными глазами знаменитаго поэта, спросилъ Фонвизинъ: — я вамъ, Михайло Васильичъ, послалъ изъ Москвы нѣсколько листковъ...

— Не просто прелесть, а отмѣнная!—съ улыбкой ласковыхъ, строгихъ глазъ, откинувшись на лавку, сказалъ Ломоносовъ:—вотъ ваши писанія—здѣсь, въ эту дневную мою тетрадь вложены. Хотѣлъ отвѣчать, да былъ въ деревнѣ. Не разстаюся съ ними, любуюсь... Лиса-Казнодѣй восхитительна. Похвалы ея умершему льву безподобны: «онъ скотолюбіе въ душѣ своей питалъ!» Ай да утѣшили... Премѣтко сказано, но не меньше гуморичны и злы и сіи протесты крота:

«Тронъ кроткаго царя, достойна алтарей,
«Былъ сплоченъ изъ костей растерзанныхъ звѣрей.
«Въ его правленіе любимцы и вельможи
«Сдирали безъ чиновъ съ звѣрей невинныхъ кожи...
«И словомъ, такъ была юстиція строга,
«Что кто кого смогъ, такъ тотъ того въ рога...»

— Поздравляю, государь мой, поздравляю! талантъ!— продолжалъ съ искреннимъ увлеченіемъ, похлопывая рукой по рукописи, Ломоносовъ:—стрѣлы Свифта и соль Буало!.. Мѣтите, сударь, прямо въ Горацiи... Выдержка только, выдержка,—неоскудѣвающее терпѣніе и трудъ. Въ посланіи жъ къ уму своему и благодушіе, и острая издѣвка сатирствуютъ вмѣстѣ...

«Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,
«И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,
«Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они?..

«Когда бы съ дураковъ здѣсь пошлина сходила,*
«Одна бы Францiя казну обогатила...»

— Именно такъ, именно!—произнесъ, расхохотавшись и закашливаясь, Ломоносовъ: — ну, мило, да и все тутъ... Ѣдутъ, стремятся въ чужiе края—мудрости искать. А глядишь, юный россiйскiй поросенокъ, объѣздивъ театры да кофейни чужихъ краёвъ, возвращается отнюдь не умнѣе,—сущею русскою свиньей!.. Но позвольте, чѣмъ же васъ, сударь, потчивать?

— Помилуйте, — отвѣтилъ, вскочивъ и раскланиваясь, Фонвизинъ.

Онъ не зналъ, куда глядѣть. Вспотѣвшее, миловидное, обросшее пушкомъ его личико выражало дѣтскую растерянность и страстный восторгъ.

— Э, безъ того нельзя-съ... Леночка, а Леночка!—крикнулъ Михайло Васильевичъ: — моченой морошки намъ принеси, съ сахаркомъ... Холмогорскiе земляки, Денисъ Иванычъ, постомъ въ презентецъ привезли. Не обезсудьте, отвѣдайте...

Подали морошку.

Бесѣда не прерывалась. Солнце сѣло. Берегъ Мойки сталъ пустѣть. Ушли дѣти, бабы-матроски, гусыня съ гусятами, корова Лизаветы Андреевны и дворниковъ кабанъ. Хозяинъ и гость съ крыльца отправились въ садъ. Надъ сосѣдними кровлями вырѣзался мѣсяцъ. И пока онъ поднялся, освѣтивъ чистое, далеко видное небо, академикъ и студентъ, разговаривая, прогуливались по извилистымъ, полнымъ прохлады и смолистой мглы, дорожкамъ.

— И помните завѣтъ друга, — замедливъ шаги, сказалъ съ увлеченiемъ Ломоносовъ:—высоко чтите союзъ добродѣтелей, аккорды общаго блага и добра... Будьте благовѣстникомъ вѣчной правды, подальше бѣгите отъ несытыхъ въ роскоши и всякой подлости креатуръ низкопоклонной толпы. Чай, знаете, видывали таковыхъ; въ головѣ сквозитъ, пусто; на тѣлѣ иного свинопаса сорочки нѣтъ, а ходитъ въ брилiантахъ, въ шелку... на-те, молъ, каковы-де мы!

— Такъ вамъ, сударь, угодно, чтобъ я замолвилъ о васъ словцо канцлеру?—спросилъ, на разставаньѣ, Ломоносовъ.

— Вѣкъ Бога заставили бы молить.

— Но чѣмъ же моя рѣчь будетъ сильнѣй рѣчи хоть бы Ивана Иваныча, коему вы были когда-то представлены?

— Фаворитъ болѣ не фаворитъ... а Ломоносовъ былъ и вѣкъ останется Ломоносовымъ! — съ неподдѣльнымъ чувствомъ и снова вспыхнувъ до корней шелковистыхъ русыхъ буклей, отвѣтилъ Фонвизинъ.

— Такъ, такъ, — сказалъ, замявшись, Ломоносовъ:— много чести! только ошибаетесь вы, сударь... не тѣ нонче времена...

— Не ошибаюсь, Михайло Васильичъ. Канцлеръ чтитъ васъ и не откажетъ. А ужъ мнѣ-то какъ поможете! Служба дастъ положеніе въ свѣтѣ, средства къ жизни, — родители мои въ нихъ, къ сожалѣнію, недостаточны, — а съ средствами, съ поддержкой сочувственныхъ друзей, только и можно у насъ писать.

— Вѣрно сказано, по себѣ знаю,—произнесъ, оживляясь, Ломоносовъ:—поддержка, друзья,—съ ними прочнѣй работа... Шумя, пчелы медъ несутъ... Другую правду сказали. У насъ на писателя смотрятъ еще, аки на общаго обидчика или шута. Думаютъ, что ученый, подобно Діогену, долженъ съ собаками жить въ конурѣ. Срамословы, злые невѣжды и высокомѣрные фарисеи! У меня на прикладъ,—опять раздражившись, съ горечью воскликнулъ Ломоносовъ:—какъ хвороба зайдетъ, семьѣ подъ-часъ медикаментовъ не за что купить. Фабрика мозаическихъ стеколъ, да прочіе эксперименты всѣ доходы при трудностяхъ домашнихъ надолго поѣли... Шельма жъ, нашей конференціи совѣтникъ, Шумахеръ,— главный клеветатель и персональный мой врагъ,—зятю своему, Тауберту, въ приданое, почитай, всю академію отдалъ, а мнѣ— изобрѣтенной мною астрономической трубы на казенныя деньги, треанаѳемская нѣмецкая дубина, никакъ все не справитъ... Змѣи подъ травой! И ужъ какъ, право, жаль, что досѣлѣ ихъ не догадались перевѣшать...

Гость и хозяинъ подошли къ садовой калиткѣ.

— Такъ какъ же, Михайло Васильичъ,—утираясь платкомъ и опять распространяя запахъ киннамона, спросилъ Фонвизинъ:—удостоите поговорить обо мнѣ съ канцлеромъ?

Ломоносовъ не сразу отвѣтилъ. Онъ не спускалъ глазъ съ миловиднаго, даровитаго юноши, въ русыхъ букролькахъ и въ сѣромъ съ иголочки, лѣтнемъ, полусуконномъ кафтанчикѣ, стоявшаго передъ нимъ.—«Дай Богъ ему, дай Богъ!— думалъ онъ, — новая сила родного ума!.. Но какъ ему помочь?»—Онъ вспомнилъ о приглашеніи на вечеръ къ Фи-

тингофу.—«Давно я не выѣзжалъ изъ своей мурьи!—сказалъ себѣ Михайло Васильевичъ:—развѣ напялить парикъ, да форменный академическій кафтанъ, и ужъ за одно на томъ голштинскомъ сходбищѣ порадѣть и о Мировичѣ».

— Долго ли прогостите въ Питерѣ?—спросилъ онъ гостя.

— Съ недѣлю, а коли нужно, и долѣе. Отпущенъ родителями на мѣсяцъ.

— Гдѣ живете?

— У дяди, въ Измайловскомъ полку. Вотъ мой адресъ... Позвольте, у меня книжечка, я запишу... Какъ пріѣдете, спросите болото, за болотомъ огородъ, а на огородѣ, въ такой уединенной каменкѣ, — баня или кузница тамъ прежде была,—мнѣ, какъ наѣзжаю, и отводятъ жильё.

— И отлично, — сегодня четвергъ, — рѣшилъ Ломоносовъ: — въ воскресенье вечеринка въ Измайловскомъ тоже полку, у сосѣда моего по имѣнію, коли слышали, у барона Фитингофа. Канцлера давно я не посѣщалъ; никуда не ѣзжу. А онъ ихъ сторона... Я справлюсь, и если графъ Михайло Ларивонычъ будетъ тамъ, я также туда поѣду, и о васъ, государь мой, какъ бы къ случаю, понимаете, поговорю.

— Не нахожу словъ благодарить! — отвѣтилъ съ поклономъ Фонвизинъ.

— Недреманное бдѣніе грамотныхъ русскихъ людей, а особливо хоть молодыхъ, но столь талантливыхъ, — сказалъ Ломоносовъ: — государству нужно... Вонъ государева жена, Екатерина Алексѣевна, — слышали ль, какіе подвиги въ россійскомъ слогѣ въ тайности совершила? Давно ли, на моей памяти, писывала въ партикулярныхъ цидулкахъ: «ѣе мыслы...» «газайнъ»,—вмѣсто «ея мысли и хозяинъ...» А теперь и насъ съ вами зá-поясъ заткнетъ. Достойно подражанія... А знаете ли, сударь, кстати, какую опечатку, напримѣръ, сдѣлали въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», при оповѣщеніи, въ ноябрѣ шестидесятаго года, о взятіи Берлина?

— Не знаю.

— То была нарочитая и злѣйшая шикана обиженныхъ здѣшнихъ нѣмецкихъ скотовъ... И я за нее чуть шандаломъ не съѣздилъ въ рожу академицкаго секретаря Тауберта... Бывшаго нашего посла въ Пруссіи графа-то Петра Чернышева, представьте, будто по ошибкѣ, — вмѣсто дѣйстви-

тельный камергеръ,—публично припечатали—дѣйствительный каммердинеръ.

XIII.

Балъ у Фитингофа.

Баронъ Иванъ Андреевичъ Фитингофъ, женатый на внучкѣ фельдмаршала, графинѣ Аннѣ Сергѣевнѣ Минихъ, квартировалъ въ большомъ деревянномъ домѣ, выходившемъ окнами къ Фонтанкѣ, у Измайловскаго моста. Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ былъ домъ повѣреннаго Потемкина, извѣстнаго Гарновскаго, теперь занятый казармами. Здѣсь поселился на первыхъ порахъ, по возвращеніи въ ту весну изъ ссылки, Минихъ, позднѣе переѣхавшій въ домъ Нарышкина, у Семеновскаго моста.

Вечеръ воскресенья, девятаго іюня, привлекъ къ помѣщенію Фитингофа большую толпу зѣвакъ.

Набережная Фонтанки и обѣ стороны огромнаго, обнесеннаго высокою деревянною рѣшоткой двора были загромождены экипажами. Раззолоченныя и расписанныя амурами и цвѣтами кареты, коляски и крытыя вѣнскія долгуши то-и-дѣло, восьмерикомъ и четверней, проѣзжали съ набережной въ глубь обширнаго двора, гдѣ двумя рядами огней горѣли ярко освѣщенныя, кое-гдѣ настежъ раскрытыя окна.

Подъѣхала зеркальная, всѣмъ извѣстная карета шталмейстера Нарышкина; за нимъ ландо прусскаго посланника Гольца. Влетѣлъ шестерней, цугомъ, съ арапами и скороходами, свѣтло-голубой, открытый берлинъ молодого красавца-гусара Собаньскаго, родича «пане-коханку» Радзивилла. Управляемый Пьери, гремѣлъ оркестръ придворной музыки. Его прерывалъ, расположенный за домомъ, въ саду, хоръ пѣвчихъ Белиградскаго. Цвѣтники и дорожки сада были иллюминованы. На прудѣ, противъ главной аллеи, готовился фейерверкъ.

«Балъ! чортъ съ печки упалъ! го-го!» — хохотали въ уличной толпѣ. — «Кашкады, робята, огненны фанталы будутъ, люминація! — подхватывали голоса: — оставайся хучь до утра!» — «Орѣхи, чай, рублевики будутъ въ окна сыпать...» — «Дадутъ тебѣ, Митька, орѣховъ... Ишь, аспиды алтынницы! трауръ по государынѣ не кончился, а они, супостаты, пиръ затѣяли...»

Съ улицы было видно, какъ разряженныя, въ цвѣтахъ и въ легкихъ бальныхъ платьяхъ, красавицы, порхая изъ экипажей, взбѣгали по красному сукну крыльца.—«Эвоси, Петряйка, глянь...—графиня Брюсова... Гагарина княгиня... гетманша съ дочками...» — «А отсуль въѣхалъ кто?»— «Откуль?»—«Да съ прешпекту».—«Баронъ какой-то...»

У освѣщенныхъ люстрами оконъ появлялись, въ звѣздахъ и лентахъ, извѣстные городу голштинскіе и русскіе сановники, мелькали напудренныя, въ косахъ, головы военныхъ и штатскихъ щеголей, толпились бѣлые, желтые и красные, новаго покроя, гвардейскіе и армейскіе мундиры.

Былъ въ началѣ девятый часъ вечера. Въ комнатахъ становилось душно. Танцы изъ переполненной гостями залы перевели въ просторную, цвѣточную галлерею, окнами въ садъ, выходившій въ первую роту Измайловскаго полка.

Минуэтъ смѣнялся котильономъ, гавотъ — гросфатеромъ, гросфатеръ — режуиссансомъ. Скрипка Пьери стонала горлинкой, блеяла барашкомъ, рокотала и заливалась соловьемъ. Кларнеты, гобои и флейты подхватывали ревъ мѣдныхъ трубъ; контрабасы гудѣли стадомъ налетающихъ майскихъ жуковъ.

«Генералъ-полицмейстеръ Корфъ ѣдетъ! Корфъ! Разступись, братцы! — отозвались съ набережной: — гетманъ, гетманъ!»—«Гдѣ?»—«Да вонъ онъ, передовые вершники скачутъ по мосту... фалеторъ кричитъ...» — «Уноси, Василь Митричъ, рыло,—скрозь промахнутъ!..»—«Ххо-хо-о!»—гоготала наваливавшая съ немощеной набережной толпа.

Въ портретной и кабинетѣ хозяина старики играли въ карты.

Лакеи разносили вина, ликеры, оршадъ и лимонадъ. Толстый и важный, какъ меделянскій песъ, краснорожій швейцаръ, въ большомъ напудренномъ парикѣ, съ длинными и тоненькими гусарскими косичками на вискахъ, въ аломъ кафтанѣ, съ позументомъ и витишкетами, въ чулкахъ и башмакахъ, стоялъ съ булавой у порога главной гостиной и басомъ, въ жабо, возглашалъ по новой модѣ имена входившихъ важныхъ особъ: Опперманъ, Цейцъ, Медемъ, Ольдерогъ, Буксгевденъ, Катцау, Унгернъ, Фредериксъ, Швейдель, Штоффельнъ, Розенъ—герба бѣлыхъ розъ, Розенъ—герба алыхъ розъ, Шлиппенбахъ и другіе.

Въ числѣ русскихъ, за генералъ-прокуроромъ Глѣбовымъ,

вошелъ еще красивый, съ тѣми же густыми, черными бровями и съ бархатными, но уже не смѣющимися глазами, казавшійся усталымъ и сильно похудѣвшій, фельдмаршалъ Алексѣй Разумовскій. За нимъ — сморщенный, съ дергающимся правымъ глазомъ, директоръ недавно закрытой тайной экспедиціи Александръ Шуваловъ и Волковъ. При имени Ломоносова, взоры многихъ, съ брезгливымъ любопытствомъ, обратились на мѣшковатый, кирпичнаго цвѣта, ученый мундиръ и на суровое, и смѣлое, съ желтизной, лицо атлетическаго плебея-академика, муза котораго упорно молчала всю первую половину этого года. Вмѣшавшись въ пеструю, гудѣвшую говоромъ толпу, Ломоносовъ сѣлъ на канапѐ у стѣны между двумя гостиными, и сталъ разсматривать.

Явилась въ красномъ, шелковомъ роброНѣ, съ длиннымъ шлейфомъ, блестящая красотой и граціей, графиня Елена Степановна Куракина, фаворитка недавно умершаго графа Петра Шувалова. Ее тотчасъ окружилъ рой молодыхъ и старыхъ куртизановъ. — «Виновница вольностей дворянства, — шушукали о ней злые языки: — брилліантовъ-то, брилліантовъ!» — Куракина громко смѣялась на любезности вздыхателей и съ торжествующей улыбкой, прикрываясь вѣеромъ, зорко оглядывала наряды прочихъ записныхъ щеголихъ. Въ сопровожденіи двухъ племянниковъ-пажей, показалась въ синей бархатной робѣ, на фижменахъ, съ лентой черезъ плечо и въ огненно-дымчатомъ токѣ, кавалерственная дама Бутурлина. Глаза всѣхъ слѣдили за Куракиной. Кто-то вполголоса, подмигивая на послѣднюю, произнесъ возлѣ Ломоносова: — «Отбилъ красотку у покойнаго начальника Григорій Орловъ, — да въ гору пошелъ черезъ свою продерзость повыше»... — Толстая старуха Бутурлина отыскала глазами хозяйку дома. Пыхтя и переваливаясь съ ноги на ногу, она подошла къ Аннѣ Сергѣевнѣ Фитингофъ, неуклюже присѣла по новому придворному фасону и представила видъ, что чуть отъ того не упала. Баронесса и стоявшіе возлѣ нея разсмѣялись. — «Фигляритъ, шпыняетъ государевъ указъ!» — презрительно указалъ на нее Волкову Александръ Шуваловъ, проходя мимо Ломоносова. Михайлѣ Васильевичу было не до того. Онъ не спускалъ глазъ съ лукавой лисы, Разумовскаго, который любезничалъ и, со слезами на глазахъ, цѣловался съ любимцемъ государя Унгерномъ. —

«Лобза, его же предадѐ», — склонясь къ уху Ломоносова, шепнулъ сладенькій, шепелявившій Бецкій.

Но что̀ это?.. Выходцы съ того свѣта...

Блестящая, разряженная въ шелкъ, въ кружева и бархатъ, молодежь засуетилась. Всѣ толпятся, указываютъ на сѣдыхъ и дряхлыхъ, но еще бодрившихся старцевъ, которые почти одновременно появляются въ глубинѣ гостиной. То были возвращенные ссыльные—Минихъ изъ Костромы, Лестокъ изъ Углича и Биронъ изъ Ярославля. Толпа разступилась. Ломоносова оттерли въ простѣнокъ къ окну.

Восьмидесятилѣтній, высокій, съ остатками былой величавости и красоты, Іоганнъ Бурхгардтъ, или, какъ его именовали русскіе, Иванъ Богданычъ Минихъ, возвратился изъ Сибири въ февралѣ. Сѣдовласый, но еще румяный, раздушенный и крѣпкій здоровьемъ, селадонъ будто и не былъ въ двадцатилѣтней ссылкѣ. Объ руку съ легкомысленной и красивой Еленой Степановной Куракиной и молодою графиней Брюсъ, онъ не перестаетъ куртизанить, какъ куртизанилъ въ царствованіе Анны Ивановны, цѣлуетъ ручки восхищенныхъ его вниманіемъ очаровательницъ, острить и морщится при видѣ казарменно-вахмистерскихъ лицъ и ухватокъ, составлявшихъ принадлежность новыхъ дворскихъ сферъ.

Поодаль отъ него, — семидесятилѣтній, сосланный этимъ Минихомъ, недавній «бичъ Россіи», — изъѣденный геморойдами, на тоненькихъ, подагрическихъ ножкахъ, съ потускнѣлыми черными «страшливыми» глазами, герцогъ Эрнстъ Биронъ. Возвращенный изъ ссылки въ мартѣ, онъ идетъ съ хозяйкой, баронессой Фитингофъ, брезгливо оттопыривъ твердую, мясистую нижнюю губу, искоса, несмѣло, изъ-подъ отяжелѣвшихъ вѣкъ, поглядывая по сторонамъ и судорожно подергивая большой, точно изъ гранита изваянной, сухой, холодной и жесткой головой...

Сзади нихъ, прощенный еще въ декабрѣ, въ оливковомъ бархатномъ кафтанѣ и въ неряшливомъ, всклоченномъ, напудренномъ парикѣ, скрюченный годами, бѣдностью и всякими разочарованіями, беззубый, осыпанный нюхательнымъ табакомъ, хвастливый враль и мѣдный лобъ, смѣлый и наглый авантюристъ Лестокъ.—«Встрѣчаю шестое благополушне царствованіе — гм! — въ благополушня Рюси»...— острилъ онъ, хихикая и шаркая бархатными штиблетами

передъ разряженными старухами, нѣкогда первыми красавицами елисаветинскаго двора.

Ломоносовъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. На него какъ бы пахнуло могилой. Сердце его сжалось. Онъ смутно вглядывался въ живыхъ, но точно молью и тлѣніемъ тронутыхъ, грозныхъ старцевъ, нѣкогда двигавшихъ судьбами Россіи.— «Былые боги нѣмцевъ на Руси! такъ вотъ они, прощены!.. стадо лютыхъ волковъ... А нашего-то горетовскаго ссыльнаго, Бестужева, и забыли!—мыслилъ онъ, притиснутый къ окну, — Биронъ! вижу, наконецъ, вблизи этого брюхатаго, жаднаго и злого, курляндскаго паука, въ оны скорбные дни упивавшагося кровью тысячъ русскихъ... А этотъ, раздавившій и пожравшій земляка-друга, старый интриганъ Минихъ?.. Памятно-ль имъ ненавистное выраженіе «слово и дѣло» и нежданная встрѣча ихъ на станціи, когда одного мчали въ Сибирь, а другого, сосланнаго имъ, изъ Сибири? Вонъ раскланиваются, комплименты говорятъ, потчуютъ другъ друга табакомъ и оба воротятъ носы отъ скверновца-француза Лестока, точно отъ него и взаправду пахнетъ кровью замученной фамиліи Ивана Антоновича»...

Стали приливать новые гости.

Биронъ, шаркая исхудалыми, невѣрными ножками и дергивая каменною головой, вмѣшался въ толпу. Минихъ также хотѣлъ пройти въ слѣдующую гостиную, но его окружила новая волна дамъ. И опять его зоркіе, сторожкіе, улыбающіеся глаза блеснули остротой. Онъ поднялъ руку съ лорнетомъ, что-то вполголоса нашептываетъ Куракиной.— «Да полноте, Иванъ Богданычъ! ахъ, ахъ, ваше сіятельство! ну, что это вы!» — ударяя его вѣеромъ по рукѣ, смѣется счастливая его вниманіемъ Елена Степановна.

«Двадцать лѣтъ назадъ,—подумалъ Ломоносовъ,—я стоялъ въ толпѣ народа, межъ академіей и коллегіями, а онъ, этотъ безпечный, твердый Минихъ высился во весь ростъ у плахи, рядомъ съ палачомъ. На немъ былъ красный фельдмаршальскій плащъ, лысая голова была обнажена, а на дворѣ стоялъ трескучій морозъ. Выслушавъ смертный приговоръ къ четвертованію, онъ шутилъ съ солдатами.— «Что, батенька, холодно?— сказалъ онъ съ улыбкой, сходя съ эшафота, полузамерзшему полицейскому офицеру:—шнапсику бы теперь,—адмиральскій часъ!»—Да, это будетъ надежнѣйшій оплотъ Петра Ѳедоровича».

Громъ музыки въ цвѣточной галлереѣ и новое движеніе пестрой веселой толпы прервали мысли Ломоносова. Онъ направился къ танцующимъ.

— Господа, кто желаетъ курить, въ кабинетъ, или къ китайской бесѣдкѣ!—говорилъ мужчинамъ по-нѣмецки и по-французски баронъ Иванъ Андреевичъ Фитингофъ.

Въ кабинетѣ толковали о недовольствѣ Франціи и Австріи, о предстоящей войнѣ съ Даніей. Слышалась одна нѣмецкая рѣчь, въ перебивку съ голштинскими поговорками. — «А знаете, какъ Нарышкинъ получилъ андреевскую ленту?—произнесъ кто-то въ углу: — надѣлъ ее, шутя, вышелъ въ пріемную, а потомъ докладываетъ государю:—совѣстно, позвольте не снимать,—всѣ засмѣютъ».—«Ха-ха-ха», — отзывались важные слушатели.

Часть гостей двинулась въ садъ, къ освѣщенной фонариками китайской бесѣдкѣ.

— Гдѣ канцлеръ?—спросилъ Ломоносовъ, встрѣтясь въ цвѣточной съ бывшимъ государевымъ учителемъ, академикомъ Штелиномъ.

— На что тебѣ? путь въ Индію все думаешь затѣвать? не тебѣ чета былъ Великій Петръ, и тотъ провалился.

— Не при пустоши. Перемолвить надо объ одномъ молодомъ человѣкѣ.

— Ищи въ саду, въ буфетѣ. Никогда Михайло Ларіоновичъ не курилъ; а теперь, представь, и онъ моднымъ человѣкомъ быть хочетъ.

— Не укажешь ли, кстати, оберъ-кригсъ-комиссара Цейца?—прибавилъ Ломоносовъ.

— Этотъ вашей милости для чего?—спросилъ, съ улыбкой, распомаженный и чистенькій, какъ сахарная куколка, Штелинъ:—вонъ онъ, видишь, высокій, у двери, съ плюмажемъ... Не поэму ли или оду въ честь голштинцевъ изволилъ, Михайло Васильевичъ, скомпоновать?

— Вздоръ городишь! — сердито отвѣтилъ, отвернувшись отъ коллеги, Ломоносовъ.

Онъ подошелъ къ Цейцу, съ достоинствомъ отрекомендовался и, для вящшаго успѣха, заговорилъ съ нимъ о Мировичѣ по-нѣмецки. Грубый, чопорный и совершенно глупый Цейцъ внимательно выслушалъ знаменитаго просителя, тревожно задвигалъ густыми, русыми бровями, и, думая по-нѣмецки, отвѣтилъ на ломаномъ русскомъ языкѣ: — «Вы

долгъ слушебна не знаете, вы диссиплинъ. извините, не понимаете, а потому... потому отказомъ не обишайтесь... Bitte um Verzeihung!» — Сказавъ это, тощій и длинный, какъ шестъ, государевъ ордонансъ угловато и сухо склонилъ на бокъ костлявый станъ, щелкнулъ огромными шпорами и молча, покачиваясь, отошелъ къ кружку другихъ генераловъ.

«Тьфу, ты, нѣмецкая, гнусная тварь! — чуть не вслухъ произнесъ Ломоносовъ, — еще наставленія, пакостная тараканья мощà, дѣлаетъ! зналъ бы и не просилъ!» — Но оставалось еще ходатайство о Фонвизинѣ. Михайло Васильевичъ пошелъ отыскивать канцлера Воронцова.

Вмѣсто дороги къ бесѣдкѣ вправо, Ломоносовъ съ балкона взялъ влѣво и попалъ въ малоосвѣщенную глубь сада. Здѣсь была полная тишина. Дорожки межъ высокихъ деревьевъ сходились въ извилистый, хитро-переплетенный лабиринтъ.

Въ концѣ сада, за прудомъ, на перекресткѣ двухъ аллей, стояла старая развѣсистая липа.

Подъ липой, на скамьяхъ, вокругъ простого некрашенаго стола, сидѣли трое изъ гостей. Ихъ трубки вспыхивали въ темнотѣ, какъ волчьи глаза. Четвертый, разговаривая, медленно прохаживался передъ ними. Имъ было видно всякаго, кто шелъ отъ дома. Ихъ можно было разглядѣть только вблизи. Они удалились сюда, для бесѣды и наединѣ и для освѣженія на чистомъ воздухѣ, увлажаемомъ близостью темнаго, покрытаго легкимъ бѣлымъ паромъ пруда. Двое изъ нихъ, на мировой во дворцѣ, для виду, на-дняхъ взялись за бокалы. Но едва государь отвернулся, они разошлись и не захотѣли пить другъ за друга. Здѣсь они были, повидимому, друзьями.

— Государь очень недоволенъ супругой, очень! — сказалъ, по-французски, остановившись у стола, Воронцовъ: — все тормазится отъ этой размолвки; фуражный подрядъ для похода не розданъ до сихъ поръ... поставщики потеряли головы...

Старчески-ворчливый хрипъ и покряхтыванье отозвались въ отвѣтъ на эти слова. Все подъ липою опять замолкло.

— Куда идемъ? чего ждать? — продолжалъ то по-французски, то по-русски великій канцлеръ: — прихода ожидается пятнадцать милліоновъ, расхода шестнадцать съ половиной. Чѣмъ покрыть дефицитъ въ полтора милліона? А тутъ эта

война съ Даніей! Всюду ропотъ! — въ собственной фамиліи государь отнюдь не ассюрированъ. Ни о чемъ нельзя просить, ни на что̀ надѣяться...

— Племеннисъ ваша, Элиза Романовна, утѣшійтъ его!— отвѣтилъ по-русски, попыхивая изъ витой трубочки, Лестокъ:—женушка будетъ, обвѣншался можно тихимъ маньеръ...

— Опасно!—сказалъ Воронцовъ:— въ марьяжъ игратъ— не въ дурачки... Не простятъ намъ того наши персональные враги... И безъ того супцонируютъ... Положимъ, племянница моя такъ близка государю... Но за Екатерину Алексѣевну,—шутка ли, — гвардія, народъ... вездѣ неспокойно, подглядываютъ, слѣдятъ...

— Постричь немножко!.. въ монастырь на хлѣбъ и вода!—пропамкалъ сквозь зубы былой пособникъ императрицы Елисаветы, также когда-то выѣхавшій на монастырѣ:—пусть узнаетъ пословисъ,—какъ это? какъ?.. вотъ тебѣ, бабушка, Юричь день...

— Жаль, жаль бѣдную! — сказалъ, съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, Минихъ:—она граціозна, деликатенъ такъ, тиха... Плутархъ шитаетъ, хронику отъ Таситъ, энсиклопедію Бель и Вольтеръ... Разумна головушка...

— Каприжесна и лукавъ! — презрительно и грубо проворчалъ третій собесѣдникъ, молча сидѣвшій на скамьѣ: — ребѐллы и конспиратòры! Машкарàтъ!.. бабѣ спустилъ, самъ бабамъ будешь...

— Но что же, ваше высочество, дѣлать? — обернувшись на голосъ этого третьяго, мягко спросилъ Воронцовъ: — dites-le, au nom de Dieu! votre expérience et puis... ваша опытность и предусмотрительность...

— Аррестъ и вѣшна казематъ! — прозвучалъ желѣзный голосъ изъ темноты.

— Mais... excellence, écoutez!.. кто насъ завѣритъ? Изъ тюрьмы вѣдь люди тоже выходятъ,—возразилъ Воронцовъ:— а заключеннаго—сколько примѣровъ? — могутъ отбить изъ-подъ всякихъ закрѣпъ и замковъ...

— Методъ есть кароша другой! — отозвался тотъ же голосъ изъ-подъ деревъ.

— Какой?—спросилъ съ невольною дрожью канцлеръ.

— Плаха и топоръ! — кругло и ужъ совершенно по-русски выговорилъ Биронъ.

По аллеѣ, за ближними кустами, послышались шаги. Воронцовъ оглянулся, состроилъ лицо на ласковый, добродушный видъ и, безпечной развальцой, пошелъ навстрѣчу давнему пріятелю Ломоносову.

Они остановились поодаль отъ липы. Канцлеръ нетерпѣливо и разсѣянно вертѣлъ въ рукахъ табакерку. Ломоносовъ, видя его смущенное и какъ бы провинившееся лицо, подумалъ: «Ужъ не пройти ли мимо? какой-то секретный тутъ консиліумъ... Нѣтъ, нечего терять времени».—Онъ пересилилъ себя и въ краткихъ словахъ передалъ канцлеру просьбу о студентѣ Фонвизинѣ.

— Все тотъ же мечтатель, добрякъ и хлопотунъ за другихъ!—утирая лицо и сморщившись, сказалъ Воронцовъ:— радъ тебя, дружище, видѣть, радъ! давно пора явиться... Но время ли, батенька, согласись, объ этомъ теперича, да еще на балу? Ты знаешь, я тебя люблю, всегда готовъ, но... смилуйся, Михайло Васильичъ, посуди самъ...

— Я, ваше сіятельство, домосѣдъ, берложный медвѣдь, не шаркунъ,—съ зудомъ въ горлѣ, сжимая широкія руки, сердито пробурчалъ Ломоносовъ:—но васъ, дерзаю такъ выразиться, на этотъ разъ трудить моей докукой не перестану...

— Но, cher ami и тезка! ваканціи въ коллегіи нонче нѣтути. Образумься, пощади! И высшіе рангами, смѣю увѣрить, какъ слѣдъ, не обнадежены... Куда я заткну твоего протеже? Чай, лоботрясъ, мальченка-шатунъ, матушкинъ московскій сынокъ?..

— Не лоботрясъ, государь мой,—обидчиво отвѣтилъ Ломоносовъ:—а за шатуновъ я, отродясь, просителемъ еще не бывалъ. Мѣсто переводчика прошу я, графъ, этому студенту. Онъ басни Гольберга перевелъ, Кригеровы сны, Альзиру Вольтера... И первая книга издана въ Москвѣ коштомъ благотворителей... Усердные къ наукамъ у насъ не знаютъ, какъ имъ и ухватиться. И я прямо скажу,—таковыми людьми, а особливо русскими, въ отвращеніе вредительныхъ толковъ и факцій, брезгать бы не слѣдовало...

— Вредительныя факціи и толки! Богъ мой!—досадливо перебилъ Воронцовъ, оглядываясь къ липѣ, гдѣ впотьмахъ, какъ глаза шакаловъ, попрежнему вспыхивали трубки оставленныхъ имъ собесѣдниковъ:—écoutez, mon brave et honorable ami! правду-матку отрѣжу... О комъ ты говоришь! о какомъ-то студентишкѣ, о мизерномъ писцѣ какихъ-то тамъ

книжонокъ, не больше... Ну, стоитъ ли! И вдругъ вспылилъ! И все эвто ваша запальчивость! До того ли намъ теперича? То ли у всѣхъ на умѣ? Впрочемъ, изволь, — прибавилъ онъ, подумавъ: — развѣ сверхъ штата и безъ жалованья, да и то пусть прежде выдержитъ при коллегіи экзаментъ...

— Но, милостивый государь мой, — потерявъ терпѣніе, возвысилъ голосъ Ломоносовъ: — гдѣ видано?.. Онъ московскій, словесной и философской факультеты студентъ... а нѣмцевъ у васъ принимаютъ!.. Да когда же, наконецъ, столь роковой и пагубной слѣпотѣ увидимъ мы конецъ?

Онъ не кончилъ. Съ пруда, съ громкимъ свистомъ, взвилась ракета. По берегу вспыхнуло нѣсколько разноцвѣтныхъ огней. Дверь на балконъ изъ цвѣточной распахнулась настежь. Грянулъ голштинскій, съ барабанами и трубами, маршъ. И сквозь искры шутихъ и бураковъ было видно, какъ впереди блестящей военной свиты, на крыльцѣ, рядомъ съ Гудовичемъ, въ бѣломъ, съ бирюзовыми обшивками, голштинскомъ мундирѣ, съ аксельбантомъ и эполетомъ на одномъ плечѣ, показался императоръ.

— Такъ какъ же, графъ? Будетъ ли, наконецъ, уважено? — надвинувшись плечомъ на растерявшагося Воронцова, спросилъ Ломоносовъ.

— Ахъ, батенька! точно Цицеронъ: quosque tandem?.. недостаетъ еще Катилины! — торопливо, трусцой, исчезая въ боковой аллеѣ, проговорилъ великій канцлеръ: — коли согласны, экзаментъ и сверхъ штата...

— Гунсвоты! Каплы! — проворчалъ взбѣшенный Ломоносовъ, шагнувъ за нимъ и чуть впотьмахъ не задѣвъ парикъ Лестока: — этакаго юноши и не оцѣнить... Рвань поросячья! куда ни глянешь, одна рвань...

— Quel môt de chien! — послышалось подъ липой.

— Ребѣлы и конспираторы! nichts weiter! — презрительно заключилъ, вставая на жиденькихъ, трясущихся ножкахъ, герцогъ Биронъ: — бѣдне Россіи конецъ... пунктумъ!..

Ломоносовъ завидѣлъ въ гущинѣ березокъ китайскую бесѣдку. Здѣсь теперь было пусто. Курильщики и любители пива отправились смотрѣть фейерверкъ. Михайло Васильевичъ присѣлъ къ столику. Нервная дрожь его не покидала. Онъ сидѣлъ безъ мысли, безъ движенія, прислушиваясь къ

музыкѣ и къ одобрительнымъ возгласамъ толпы, смотрѣвшей на иллюминацію. «Боже, Господи! да что же это?—сказалъ онъ себѣ:—куда я попалъ? И нужно было мнѣ лѣзть сюда!»— Онъ вышелъ изъ бесѣдки.

Первая часть фейерверка была кончена. Танцы въ домѣ возобновились. Освѣженные на воздухѣ, дамы и мужчины возвращались веселыми группами въ комнаты. Готовились начать безконечный, такъ-называемый «саксонскій» или нарышкинскій гросфатеръ.

Цвѣточная галлерея была переполнена. Съ пріѣздомъ государя, для танцевъ отворили новую, запасную, надушенную куреньями залу. Ломоносовъ, мимо напудренныхъ, въ цвѣтахъ и жемчугѣ женскихъ головъ, мимо гвардейскихъ мундировъ, эполетъ и палашей, тоненькихъ, въ длинныхъ перчаткахъ, дѣвичьихъ рукъ и низко обнаженныхъ, пышныхъ дамскихъ плечъ и спинъ, бокомъ протиснулся въ эту залу. Онъ еще разъ хотѣлъ найти Цейца и, при помощи гетмана, президента академіи, уговорить его оказать хоть какое-либо вниманіе Мировичу.

Суета и давка, предшествовавшія любимому, всѣхъ увлекавшему танцу, отодвинули Михайла Васильевича къ трельяжу изъ цвѣтовъ. За перегородкой въ оркестрѣ, онъ увидѣлъ, передъ пюпитромъ, со скрипкой въ рукѣ, императора.

Петръ Ѳедоровичъ, ладя струны и чему-то громко, безъзастѣнчиво смѣясь, разговаривалъ съ баронессой Фитингофъ. Подъ руку съ нею, обмахиваясь вѣеромъ, стояла средняго роста, полная, прозванная городскими остряками «трактирщицей» — Лизавета Воронцова. Левъ Александровичъ Нарышкинъ, въ бархатномъ, вишневаго цвѣта кафтанѣ, съ андреевской лентой и крупными брильянтами на пуговицахъ, суетился, бѣгалъ, останавливался, махалъ платкомъ и опять бѣгалъ, устраивая танецъ, въ музыкѣ котораго вызвался принять участіе государь.

«Они веселятся,—сказалъ себѣ Ломоносовъ:—фаворитка у всѣхъ на виду, всѣ ей поклоняются, льстятъ... А она, Екатерина Алексѣевна, умница моя, прячется, книги читаетъ, навѣщаетъ свѣжую могилу покойной императрицы... Сегодня я встрѣтилъ ее... Въ траурѣ, въ плерёзахъ и въ печальной, точно монашеской, шапочкѣ, ѣхала въ дрожкахъ молиться въ крѣпость»...

На другомъ концѣ залы, вниманіе Ломоносова привлекло

блѣдное, строгое, встревоженное лицо сухощавой, стройной дѣвушки.

Опершись на руку другой, румяной и веселой, и какъ бы окаменѣвъ, она, съ вытянутой шеей и сжатыми губами, не спускала робкихъ, молящихъ глазъ съ государя. Передъ ней въ бѣломъ доломанѣ, съ барсовымъ мѣхомъ на плечѣ, стоялъ лихой польскій гусаръ, родичъ Радзивила, Собаньскій. Улыбаясь, онъ давно ей что-то говорилъ, очевидно приглашая ее на гросфатеръ. Но вотъ она опомнилась, подала руку, обернулась къ подругѣ. Что-то знакомое встрѣтилось Ломоносову.—«Гдѣ я ее видѣлъ, или кто мнѣ о ней говорилъ? — подумалъ Михайло Васильевичъ, — лицо вижу какъ бы впервые, а между тѣмъ... точно гдѣ-то ее встрѣчалъ!.. Мушки и ямочки на щекахъ, сѣрые, какъ у сфинкса, миндалиной, будто безстрастные глаза,—и сколько въ нихъ вдумчивости, тайны и глубины... Тафтяной палевый робронъ, низанъ перлами, алый бархатный камзольчикъ и коралловые браслеты — склаважъ... Жениховы заграничные презенты... Бавыкина ихъ показывала... Неужели-жъ это невѣста Мировича — Пчёлкина!.. Онъ ее такъ описывалъ... Но она была въ Шлиссельбургѣ... Какъ же и съ кѣмъ попала сюда? Вотъ случай... можетъ сообщить о немъ».

Громъ музыки прервалъ мысли Ломоносова.

Вертящійся гросфатеръ оттѣснилъ его къ оркестру. На толстыхъ, упругихъ, обтянутыхъ въ бѣлый шелкъ икрахъ, во главѣ пестрой вереницы, плылъ, отбивая хитрые батманы и пируэты, Нарышкинъ.—«Веселимся»,—сказалъ онъ кому-то близъ Ломоносова, качнувъ головой:—«веселимся!» — подтвердили глаза его и прочихъ танцующихъ, легкимъ роемъ пролетавшихъ мимо оркестра.

Не успѣлъ Михайло Васильевичъ посторониться, опомниться, не успѣлъ взглянуть въ ту сторону, куда упорхнула съ гусаромъ худощавая стройная дѣвушка, какъ его обдали волны зеленой, съ золотыми блестками, кисеи, и онъ почувствовалъ запахъ горошка и резеды. Передъ нимъ, съ головными уборами, въ видѣ корзинъ цвѣтовъ, улыбаясь, стояли красивая хозяйка дома и толстая, краснолицая, Лизавета Романовна Воронцова. Баронесса представила его послѣдней.

— Давно, давно наслышались, — нѣсколько грубымъ го-

лосомъ и нараспѣвъ обратилась къ нему по-русски фаворитка:—что̀ пишете, Михайло Васильичъ?

Кровь бросилась въ голову Ломоносова. Ему вспомнилась государыня Екатерина Алексѣевна, на дрожкахъ, въ траурѣ.

— Ничего не пишу... боленъ былъ, — отвѣтилъ онъ, съ судорогой въ горлѣ.

— Быть того не можетъ! что-жъ замолкла, никуда не является ваша муза?

— Юбка у ней кургуза,—думая, что говоритъ про себя, вслухъ сказалъ Ломоносовъ.

Обѣ дамы съ удивленіемъ взглянули ему въ лицо.

— Мы читали вашего «Кузнечика»,—сказала, желая его задобрить, баронесса:—voilà un vrai génie... délicieux!

— Если бъ я былъ, сударыня, стрекозой, — произнесъ, насупясь, Ломоносовъ:—я бы давно ускакалъ отсель, скрылся бы въ глушь, въ бурьянъ...

— Ни одной оды, помилуйте!—жеманясь, вертясь и оглядываясь по сторонамъ, продолжала, тономъ капризной властительницы, избалованная фаворитка: — были вѣдь какія торжества! миръ съ Пруссіей, фейерверки, спуски кораблей... вы же стихотворецъ, академикъ...

— На то есть другіе,—еще грубѣе, съ дрожаньемъ губъ и рукъ, пробурчалъ Ломоносовъ:—напишетъ сахарный Штелинъ, переведетъ Барковъ... его-жъ кстати посадили и въ дессіянсъ-академію, другимъ на зло...

Кто-то выручилъ дамъ. Онѣ отошли, пожимая плечами.— «Неучъ, грубіянъ, и все тутъ!» — съ тревогой глядя къ оркестру, прошептала Воронцова.

XIV.

Аудіенція.

За перегородкой, между музыкантами, уже не было государя. Петръ Өедоровичъ сыгралъ первое колѣно гросфатера и передалъ скрипку Олсуфьеву. Въ глубинѣ залы онъ обратилъ вниманіе на дѣвушку, танцовавшую съ польскимъ гусаромъ. Едва они кончили фигуру и стали у двери, туда подошелъ государь.

— Ваше величество! — сказала, склонясь передъ нимъ, Пчёлкина:—удѣлите минуту несчастной.

Видно было, какъ Петръ Өедоровичъ ласково улыбнулся, подалъ ей руку, и выпрямившись по-военному, вѣжливо отошелъ съ ней мѣрнымъ шагомъ къ сторонѣ.

— Кто говоритъ съ государемъ? — спросила, въ сѣромъ шелковомъ молдаванѣ, румяная дамочка.

— Птицына... Маіора Птицына дочь...—отвѣтила ей другая дама, въ зеленомъ корнетѣ.

— Нѣтъ, ма шеръ, не Птицына; quelle idée! та повыше и полнѣе.

— Такъ кто же?

— У Оппермана спросить бы... Гдѣ баронъ?

— Ахъ, посмотри, какая кривляка... ну, безпримѣрная ужесть! глазами-то глазами! а плечами какъ выдѣлываетъ...

— Притомъ и блѣдна...—прибавила зеленая дамочка: — ахъ, какъ блѣдна!

— Да не блѣдна же, что ты! — перебила дама въ сѣромъ:—желта, ну, какъ мужичка, желта и черна...

— Ахъ—ахъ! посмотри... И вѣдь туда-жъ съ декларасьо̀нами!

— Э, полно, радость! божусь, даже смѣшно слушать,—съ декларасьо́нами! Этакую-то... Не думала я, ма шеръ, что ты такой педантъ...

— Господа, господа! вамъ начинать!—крикнулъ съ средины залы красный и въ поту, выбившійся изъ силъ Нарышкинъ:—tournez à gauche, balancez... chaine...

И опять свивался и длиннымъ, пестрымъ змѣемъ скользилъ безконечный, балансирующій, приспадающій и, въ хитрыхъ батма̀нахъ и пліѐ, порхающій гросфатеръ.

Государь и Пчёлкина отошли къ плющевому трельяжу. Свободные отъ танцевъ гости, по правиламъ этикета, полукругомъ, стали поодаль отъ нихъ.

— Въ чемъ же ваша просьба?—спросилъ императоръ.

— Я невѣста, — робко, молящимъ шопотомъ, сказала Пчёлкина: — моего жениха, по вашему повелѣнію, услали въ армію...

— Жениха? — а куртаги, ха-ха, минуэтъ въ костюмѣ нимфы, помните?—спросилъ Петръ Өедоровичъ, смѣясь.

— До того-ль теперь, простите, умоляю, ваше величество...

— Не терпится? хотите поскорѣй его видѣть? Но вѣдь теперь постъ,—свадьбы нельзя... Э!.. Подождите конецъ мѣ-

сяца, ну, моихъ именинъ... Я обѣщалъ тогда, и вашъ марьяжъ, вѣрьте, сыграемъ. Согласны?

— Слышно о новомъ походѣ, ваше величество, — поборовъ волненіе, продолжала Пчёлкина:—вы уѣдете... Я искала случая еще объ одномъ лицѣ васъ просить; вновь его всѣ забыли. Я хотѣла пасть къ ногамъ вашего величества... въ церкви, въ манежѣ, на площади у дворца... Ахъ, государь, помогите, окажите вашу милость... вы такъ добры...

— Не вамъ быть у чьихъ-либо ногъ, — лукаво улыбнувшись, сказалъ Петръ Ѳедоровичъ:—я виноватъ... Но,—mille pardons,—о комъ вы еще просите?

— Вы, государь, обѣщали къ маю пріѣхать, освободить... принца Іоанна; а теперь іюнь... Простите, ваше величество, безумной, дерзкой... Я жила у тамошняго пристава; его смѣнили за нѣкое письмо; но не онъ вамъ его писалъ... Казните,—я рѣшилась тогда напомнить... и теперь дерзаю...

Поликсена не кончила.

Государь оглянулся. Передъ нимъ, съ блѣднымъ отъ негодованія и ревности лицомъ, стояла Воронцова. Багровыя пятна проступили на ея лбу и на трясущихся отъ волненія щекахъ.

— Пару словъ, ваше величество, — съ хрипомъ злости, сказала она по-французски:—дѣло весьма серьезное...

— Ну, ну, что̀ тамъ за спѣхъ? Черезъ минуту, и къ вашимъ услугамъ, — обернулся государь, благосклонно кивнувъ Пчёлкиной.

Онъ подалъ руку Воронцовой. Толпа передъ ними разступилась. Они вышли въ сосѣднюю залу.

— Съ кѣмъ вы сейчасъ говорили? — спросила, подавляя бѣшенство, Воронцова: — удостойте отвѣтить, я все вижу, все...

— Съ одной дѣвушкой; она.. просила о женихѣ.

— О женихѣ? А вы не видите, не слышите, что̀ вкругъ васъ дѣлается? Спросите моего дядю. Онъ вѣрный вамъ слуга; но вы его не слушаете. Смѣлость враговъ зрѣетъ не по днямъ, по часамъ... Вы уѣдете, меня заточатъ, казнятъ,— заключила, сквозь слезы, Воронцова.

— Ай, Романовна, какъ все это скучно! — перебилъ съ нетерпѣніемъ Петръ Ѳедоровичъ, обернувшись къ двери, за которой оставилъ Поликсену:—ты по колѣни въ библіи ходишь, всякъ то̀ знаетъ. Но вы, съ дядюшкой, да съ Гудо-

вичемъ, какія-то мрачныя пиѳіи. Ахъ! ihr alte Russen!.. alle auf einen Schicht! Все-то у васъ ковы, да конспираціи. Вспомнишь невольно о Швеціи... вотъ тихій, цивилизованный народъ... Зачѣмъ меня сюда привезли?

— Ваша супруга, — продолжала Воронцова: — что-то готовитъ; говорятъ, всѣ роли розданы... Если не съ дядюшкой, поговорите съ Бирономъ, спросите Миниха, всѣ скажутъ... Къ народу она является въ монашеской шапочкѣ, угождаетъ духовенству, черни...

— А вотъ погоди, Романовна, какъ черезъ пару деньковъ переѣдемъ въ Ораніенбаумъ...

— Но вся молодежь, слышите ли, вся молодежь за нее! — топнувъ ногой, произнесла Романовна: — спросите, — поэты, на ея сторонѣ, безъ ума.

— Nichts, als Eifersucht, mein Kind! Ничего, какъ ревность! — беззаботно усмѣхнувшись, отвѣтилъ Петръ Ѳедоровичъ: — даже литературщиковъ, стихоплётовъ, вонъ, вспомнила... Стыдно, фуй! А погоди, передъ походомъ вѣнецъ устроимъ, тебя регентшей оставлю... Тогда что̀ скажешь? Ну, будемъ же философы, какъ великій Фридрихъ...

— Это что̀? — помолчавъ, сказалъ государь: — канонада ракетъ, финалъ фейерверка... Пойдемъ въ садъ. Но à propos, ты вспомнила о писателяхъ... Я тутъ примѣтилъ одного придирщика. Погоди-ка; надо съ нимъ пару словъ сказать.

Музыка смолкла. Гросфатеръ кончился. Всѣ двинулись на балконъ.

За прудомъ, отражаясь въ водѣ, пылала хитро-устроенная брильянтовая колоннада. На столбахъ горѣли урны; изъ каждой вылетали звѣзды и били разноцвѣтные, огненные фонтаны. И надъ всей этой картиной, въ дыму, какъ на облакахъ, обозначился щитъ, съ буквами П и Е.

— Петръ и Екатерина, — пояснилъ кто-то по-нѣмецки своей дамѣ, проходя аллеей мимо Ломоносова.

— Петръ... и Елизавета, Лизка Воронцова... — сердито проворчалъ имъ вслѣдъ по-русски другой голосъ изъ темноты: — на какой только вербѣ оную метрѐску повѣситъ свѣтъ-матушка наша, Екатерина Алексѣевна?

«Э-ге-ге! да Богъ не безъ милости! — сказалъ себѣ Михайло Васильевичъ: — друзья-то нашей разумницы есть и здѣсь, въ самомъ лагерѣ ея супостатовъ»...

Ломоносовъ вздохнулъ. Ему вспомнилось, въ это мгновеніе, время за двадцать лѣтъ назадъ, празднества и фейерверки въ честь императора Іоанна Антоновича. Тотъ же блескъ, шумъ и суета. Но гдѣ все это? И гдѣ теперь самъ виновникъ тѣхъ торжествъ?

Послѣдній снопъ ракетъ съ трескомъ взлетѣлъ и разсыпался въ воздухѣ. Призывъ къ танцамъ опять раздался въ домѣ.

Распоряжался теперь голубой лихачъ гусаръ, Собаньскій.

— A votre place, messieurs et mesdames—щелкалъ онъ шпорами и хлопалъ въ ладоши, поглядывая, куда дѣлась приглашенная имъ Пчёлкина, и думая о ней: «Сто дьябловъ! какъ хороша, а когти—тигрицы»...

Молодежь собиралась въ пары заключительнаго режуиссанса. А между тѣмъ уже слышался звонъ столовой посуды. Въ портретной, цвѣточной и угольной накрывали столы къ ужину.

Всѣ столпились въ залѣ, спѣша попасть въ танецъ, въ которомъ старые и молодые, на перебой, стремились къ одному,— быть какъ можно вѣтреннѣе, забавнѣе и шаловливѣй.

Ломоносовъ протискался сюда также, ища глазами Пчёлкину, съ которой не успѣлъ поговорить. Но Поликсена, въ тщетномъ ожиданіи государя, примѣтила круглую фигуру и и напряженно-установленный на нее взоръ, какъ изъ-подъ земли выросшаго, генерала Бехлешова, сослалась на усталость, поручила кому-то изъ знакомыхъ извиниться передъ гусаромъ, и уѣхала съ Птицыной.

«Не судьба!—подумалъ, опять выбираясь изъ залы, Ломоносовъ,—и пакостной цапли Цейца не видно... Дѣлать нечего; примѣчательная неудача! Такъ обоимъ просившимъ и сообщу»...

— Его величество васъ требуетъ на аудіенцію, господинъ профессоръ!—сказалъ, подходя къ Михайлѣ Васильевичу, генералъ-адъютантъ императора Гудовичъ: — пожалуйте... Государь въ саду, съ балкона на лѣво. Если дозволите, васъ провожу.

Ломоносовъ преобразился.

«Веди, голубица берлинскаго спасеннаго ковчега, веди!»— подумалъ онъ идя за Андреемъ Васильевичемъ Гудовичемъ

и смѣло, гордо глядя на почтительно-разступавшихся передъ нимъ нѣмцевъ и русскихъ.

Та же глубь сада и та же липа, на перекресткѣ двухъ аллей. Подъ липой, гдѣ два часа назадъ съ канцлеромъ бесѣдовали Минихъ, Лестокъ и Биронъ, безъ шляпы и со стаканомъ лимонада въ рукѣ, сидѣлъ, обмахиваясь платкомъ, императоръ. Передъ нимъ стояли Унгернъ и Корфъ. Завидя Ломоносова, государь всѣхъ отослалъ къ сторонѣ.

— Давно тебя не видѣлъ, Михайло Васильичъ, садись!— сказалъ Петръ Ѳедоровичъ: — ты меня совсѣмъ забылъ. Тётку поддерживалъ, въ одахъ воспѣвалъ. Меня, какъ вижу, меньше любишь. А на тебя всѣ смотрятъ, ждутъ, что ты скажешь.

Ломоносовъ, почтительно стоя, молчалъ.

«Вспомнилъ!—пронеслось въ его умѣ:—Господь, видящій сердце грѣшныхъ, вразуми меня и просвѣти»...

— Voyons... вотъ прошелъ слухъ,—съ улыбкой продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ:—будто ты составилъ прожектецъ всѣхъ нѣмцевъ изъ Россіи выгонять... Правда ли это?

— Сущая клевета и несообразность,—вспыхнувъ по уши, отвѣтилъ Ломоносовъ:—и я такими ребяческими колобродствами не занимаюсь. Бываю я, простите, особливо въ часъ гипохондріи, рѣзокъ на слова... Но не въ томъ наши пользы и нужды, государь... Хорошіе иностранцы—наши учители; а я, нижайшій, самъ у нихъ же, на ихъ родинѣ, свѣтъ истины спозналъ. Не о варѳоломеевской ночи противъ чужеземныхъ наставниковъ думать намъ, а о возвышеніи и произрастаніи родныхъ наукъ. Поумнѣемъ, наѣзжіе менторы намъ не будутъ нужны..

«Расположу его къ себѣ, — насмѣшливо подумалъ Петръ Ѳедоровичъ, — россійскій Малербъ и Пиндаръ. Вотъ онъ стоитъ передо мной. А по-моему, просто ворчунъ и выдохшійся, съ годами, бумагомаратель и пересудчикъ...»

— Слушай, Михайло Васильичъ,—сказалъ государь:—я, какъ всѣ, какъ и дѣдъ мой, Великій Петръ, имѣю много непріятелей... Мнѣ предсказываютъ разныя бѣды, затрудненія. Тѣ совѣтуютъ одно, эти другое. Не знаешь, кому и вѣрить. Слушай... Проси у меня чего хочешь, все сдѣлаю... только подумай получше и дай мнѣ совѣтъ. У насъ нѣтъ публичныхъ ораторовъ, какъ въ Англіи, нѣтъ сильныхъ энциклопедистовъ, какъ во Франціи. Мнѣ хочется, ну, при-

шелъ капризъ, выслушать тебя. А вѣдь ты, слушай, и надо то признать, первый геній, слава моего трона. Итакъ, слушаю, Михайло Васильичъ... Primo — проси; secundo — совѣтуй.

Что-то ѣдкое, жгучее подступило къ горлу Ломоносова. Онъ хотѣлъ говорить и не могъ.—«Денегъ сейчасъ попросить»—пробѣжало въ весело-настроенныхъ мысляхъ Петра Ѳедоровича.

—Ни энциклопедистовъ, ни верхнихъ и нижнихъ парламентовъ у насъ нѣтъ, то правда! — сумрачно отвѣтилъ Ломоносовъ:—есть зато у тебя, государь, пѣснопѣвецъ, газе́тъ гремящій!.. Газе́тъ гремящій противъ злыхъ, припадочныхъ людей, противъ враговъ и завистниковъ родины... Лично за себя просьбъ не имѣю... Въ роды родовъ перейдетъ какъ твое имя, государь, такъ и твоего пѣснопѣвца. И никто не скажетъ, чтобъ былой рыбакъ, а нынѣ извѣстный всему свѣту, природный русскій ученый и поэтъ, Михайло Ломоносовъ, чтобъ онъ продавалъ свои оды за подачки отъ рукъ его государей.

— Да я и не говорю! что ты? помилуй!..

— Пѣлъ твою тётку, пѣлося,—продолжалъ Ломоносовъ:— и тебя, обозрѣвъ твоихъ начинаній черты, встрѣтилъ радостно... теперь молчу...

— Совѣтъ, совѣтъ! — нетерпѣливо застучавъ рукой по столу, сказалъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Совѣтъ? изволь, государь, только не прогнѣвайся. Ты мягкій душой, прямой и добрый человѣкъ. Всѣ это знаютъ. Но страна, данная тебѣ, не аллема́нское курфиршество... Она—Россія!.. тебѣ нужны мудрые, геніемъ одаренные совѣтники.

— Кто они? гдѣ? — спросилъ, двинувшись на скамьѣ, императоръ.—«Ужъ не себя ли хочетъ предложить въ совѣтники?»—подумалъ онъ брезгливо.

— Помирись съ твоей супругой, — сказалъ, почтительно склонившись, Ломоносовъ: — лучшаго совѣтника и друга тебѣ не надо.

«То же и Фридрихъ совѣтуетъ — подумалъ Петръ Ѳедоровичъ,—но въ этомъ, и только въ этомъ, онъ ошибается,— не знаетъ мадамъ La Ressource...»

— Нѣтъ, нѣтъ!—отвѣтилъ съ раздраженіемъ государь:— жена непослушна, упорна, дерзка; скажу откровенно — не

уважаетъ лучшихъ и вѣрныхъ моихъ хранителей, голштинцевъ. Клерикалы на ея сторонѣ; вся гвардейская молодежь, слышно, въ нее влюблена...

— И я, государь, прости, изъ ея жаркихъ поклонниковъ,— произнесъ, опять склонясь, Ломоносовъ.

«Точно сговорились», — съ досадой подумалъ Петръ Өедоровичъ.

— Ты ее обижаешь, тѣснишь,—продолжалъ Ломоносовъ:— а оторванные отъ нѣдръ близкихъ по-неволѣ ищутъ чужой поддержки и защиты... Таковъ естества и натуры чинъ!

— Дальше, дальше!—нетерпѣливо перебилъ императоръ.

— Загладь тяжкую ошибку государыни—твоей тетки,—сказалъ Ломоносовъ: — освободи несчастнаго узника, бывшаго императора, Іоанна Антоновича... Двадцать лѣтъ вопіютъ изъ тюрьмы о его долѣ... Не приблизишь его къ своему трону, отпусти въ чужіе края...

Петръ Өедоровичъ сдѣлалъ опять движеніе.

— Унгернъ и дядя принцъ Жоржъ то же говорятъ,— произнесъ онъ:—да можно ли то, послушай?.. Ну какъ его освободить? вѣдь онъ претендентъ!

—Можно. Въ томъ прерогативъ, и величіе твоей власти. Дай ему кончить жизнь человѣкомъ... Воспитай его, укрѣпи здоровье бѣднаго, просвѣти благами вѣры и разума... Искупи прошлое... Иначе судъ Божій и людской, исторіи приговоръ— тебѣ не простятъ. Отошли его за границу, къ роднымъ...

Петръ Өедоровичъ всталъ. Сильное волненіе его охватило. Онъ порывисто оправилъ на себѣ шляпу, взялся за портупею, выпрямился, хотѣлъ говорить и нѣсколько секундъ не находилъ словъ. Шпага дрожала въ его рукѣ.

«И та дѣвушка—подумалъ онъ, — и она сейчасъ о томъ же просила... Я помню обѣщанія, надо слово сдержать...»

— Спасибо, — сказалъ императоръ: — часть того, что̀ ты изложилъ, сущій резонъ... Послѣ узнаешь, я давно, и прежде тебя, думалъ о томъ же. Въ остальномъ, извини, ошибаешься. Впрочемъ, будь покоенъ, отнынѣ я за тебя. Вѣрю тебѣ и на тебя надѣюсь!.. Но ты ничего не просилъ?.. Voyons... Не хочешь о себѣ, проси за другихъ... Слушаю...

Ломоносовъ собрался съ мыслями и передалъ ходатайство о Мировичѣ и Фонвизинѣ. Государь подозвалъ Унгерна, которому тутъ же сообщилъ ордеръ о своемъ согласіи на обѣ просьбы.

— Студіозусъ твой, какъ видишь, будетъ принятъ... А за офицера, — произнесъ, улыбаясь, Петръ Өедоровичъ:— mille pardons не одинъ просишь... И его невѣста, ха-ха, моментъ назадъ, меня здѣсь о томъ же весьма бомбандировала. Ein Teufels mädel! чертовски-миленькая, умная дѣвушка...

Не слыша ногъ подъ собой и не покидая гордой осанки, Ломоносовъ прошелъ анфиладой комнатъ, мимо опять подобострастно-склонявшихся передъ нимъ головъ, отъ ужина отказался, простился съ хозяевами и, найдя шляпу и трость, пѣшкомъ отправился во-свояси, на Мойку. Глаза его были увлажены, сердце билось горячо. Длинная тѣнь отъ луны падала съ той стороны улицы, гдѣ, шепча какія-то слова, умиленный и растроганный, шагалъ «газѐтъ гремящій».

По уходѣ Ломоносова, Воронцовъ отыскалъ Миниха и долго, объ руку съ нимъ, прохаживался по отдаленнымъ дорожкамъ сада. Разговоръ шелъ о томъ же, объ упадкѣ финансовъ, о колебаніи всѣхъ дѣлъ и о фуражномъ подрядѣ для арміи.

— Je conjure votre Excellence:—говорилъ Воронцовъ:— напрягите ваше вліяніе, чтобъ государь оказалъ мнѣ этотъ фаворъ...

— Но что я могу?—спросилъ Минихъ: — was kann ich, mein liebster Михайло Ларіонычъ?

— Ecoutez...—шепталъ канцлеръ:—je vous offre encore une fois d'être en moitié avec moi dans ce négoce... мы подѣлимся, — вамъ половина, мнѣ другая,—прибавилъ онъ по-русски: — только осмотрительнѣй, по одной эхѣ могутъ пронюхать и перебьютъ...

Минихъ подумалъ, молча-покровительственно сжалъ подъ локтемъ руку канцлера и съ важностью вышелъ съ нимъ изъ сада.

— Самый опасный — Григорій Орловъ,—вполголоса сказалъ за ужиномъ императоръ Корфу: — надо приставить кого-нибудь въ тайности за нимъ наблюдать.

— Слушаю,—отвѣтилъ глазами генералъ-полицеймейстеръ.

— Надъ Дашковой,—продолжалъ государь:—будетъ лучшій аргусъ—Романовна, ея сестра... Кто ожидалъ? сколько притворства! Не даромъ я не жаловалъ ученыхъ; во дворцѣ ни одной латинской книжки въ моей библіотекѣ не велѣлъ ставить...

Утромъ императоръ призвалъ Гудовича, долго съ нимъ совѣщался, а въ тотъ же день былъ посланъ новый секретный гонецъ въ Шлиссельбургъ.—«Въ военную службу принца, — разсуждалъ Петръ Ѳедоровичъ: — я его перевоспитаю, выбью у него дурь изъ головы, и онъ броситъ бредить...»

Въ половинѣ іюня, поздно вечеромъ, къ дачѣ Гудовича, въ лѣсной глуши, на Каменномъ острову, подъѣхала, съ отпущенными шторами, запыленная извозчичья карета. Изъ нея вышли озабоченный, пожилой, въ синемъ гарнизонномъ кафтанѣ, офицеръ и длинноволосый, блѣдный, въ голштинскомъ плащѣ, съ подплетенными въ косу волосами, молодой человѣкъ.

Кромѣ государя, хозяина дачи и еще двухъ-трехъ сановниковъ, никто не зналъ о прибытіи этихъ путниковъ. Они заняли пустой флигель въ глубинѣ Гудовичева двора и первые дни никуда оттуда не выходили.

XV.

Пельмени.

Прождавъ день и другой Фонвизина, Ломоносовъ отправился его отыскивать.

«Кстати навѣщу и былую мою жилицу, Бавыкину»,— рѣшилъ онъ:—пока пошлютъ приказъ въ армію, узнаю отъ Настасьи Филатовны его вѣрный адресъ, и самъ его обрадую пріятною вѣстью».

Бавыкина квартировала теперь у Калинкина моста. Домъ дяди Фонвизина былъ невдали у озера, или скорѣе, у болота, между свѣтлицъ пятой роты измайловскаго полка.

Ломоносовъ заѣхалъ прежде къ Фонвизину. Среди двора его встрѣтила, съ чашей и съ грудой тарелокъ въ рукахъ, какая-то здоровенная, но еще молодая съ виду стряпуха. На вопросъ о Денисѣ Иванычѣ, она переспросила: «Чявб?»— и, съ досадой ткнувъ тарелками въ сторону небольшой каменки, стоявшей между вербъ и акацій, прибавила: «эвоси! тутъ аны и живутъ...»

Былъ еще десятый часъ дня. Изъ оконъ каменки, между тѣмъ, ужъ слышался стукъ ножей и вилокъ, и вкусно пахло жаренымъ, съ лукомъ, мясомъ. У крыльца валялись палки и большой шерстяной избитый мячъ, для игры въ лапту.

Смѣхъ и говоръ нѣсколькихъ молодыхъ голосовъ слышался изъ-за низенькихъ, покосившихся и вошедшихъ въ землю дверей.—«Рано, однако, обѣдаютъ на болотѣ!»—подумалъ, взявшись за дверную ручку, Ломоносовъ.

Его глазамъ, за порогомъ, представилась просторная, свѣтлая комната, загроможденная аммуничнымъ, книжнымъ и всякимъ хламомъ. Соръ въ ней, очевидно, не выметали по недѣлямъ. Пахло табачнымъ дымомъ. У раскрытаго въ обширный зеленый огородъ окна стоялъ тесовый столъ. За столомъ, передъ батареей пустыхъ и недопитыхъ пивныхъ бутылокъ, за блюдомъ дымившихся, плававшихъ въ маслѣ пельме́ней, съ добродушными, вспотѣвшими отъ ѣды лицами, въ рубахахъ и безъ шейныхъ платковъ, сидѣли трое смѣявшихся военныхъ молодыхъ людей. Одного Ломоносовъ тотчасъ узналъ. Прочіе двое—круглолицый, долговязый, румяный, съ крупнымъ носомъ и карими, весело глядѣвшими глазами, и другой — постарше, невысокій, широкоплечій и въ очкахъ,—были ему незнакомы.

— Куда жъ это вы, Денисъ Иванычъ, запропастились?—спросилъ Ломоносовъ, вваливаясь своимъ плотнымъ, здоровеннымъ станомъ черезъ порогъ горенки: — заѣхали, околдовали собой домосѣда и какъ въ воду канули... Я съ хорошими вѣстями...

— Михайло Васильевичъ!!! батюшка! великій нашъ...— вскрикнулъ и заметался, оторопѣлый и донельзя растерявшійся, Фонвизинъ: — господа, господа!—обратился онъ къ вскочившимъ и также, въ смущеніи, незнавшимъ что̀ дѣлать пріятелямъ: — позвольте вамъ отрекомендовать... тьфу! что я!.. смѣю ли?..

— Да полно ты, Денисъ Иванычъ,—обратился къ нему Ломоносовъ, садясь на безногую, на какихъ-то смѣшныхъ подставкахъ, прикрытую коврикомъ, кровать:—назови, кто твои друзья, и все тутъ.

— Не сюда, не сюда, упадете... ахъ, въ кресло! тьфу ты пропасть! и оно вѣдь сломано... не могу! о! да знаете ли, други сердечные, кто это? знаете ли?—произнесъ Фонвизинъ, указывая на гостя:—нашъ первый, великій и единственный поэтъ, Михайло Васильичъ Ломоносовъ.

Молодые люди бросились къ своимъ галстукамъ и кафтанамъ, продолжая, съ раскраснѣвшимися лицами, смущенно и безмолвно смотрѣть на гостя.

— Вотъ я и нарушилъ дружескую конверсацію, — сказалъ, поднявшись съ кровати, Ломоносовъ:—зналъ бы и не зашелъ... Оставайтесь, господа, какъ есть, или я сейчасъ ретируюсь вспять.

— Помилуйте, какъ можно! ничуть-съ...—восклицали, натягивая камзолы и прочее, оторопѣлые пріятели Фонвизина.

— Мы играли въ мячъ, умаялись и закусываемъ,—объявилъ, глядя на пріятелей, Денисъ Иванычъ: — они зашли съ ученья!.. А теперь позвольте: вотъ этотъ-съ (онъ указалъ на круглолицаго и долговязаго, съ крупнымъ носомъ)—старый знакомецъ дядюшки по Казани, преображенскій рядовой и мой другъ по любви къ словесности, скромный писецъ любовныхъ и всякихъ веселыхъ стишковъ,—Гаврило Державинъ... Не краснѣй, братъ, не краснѣй!.. А этотъ (указывая на плечистаго и полнаго, въ очкахъ) его и мой пріятель, капитанъ того же полка, Петръ Богданычъ Пассекъ. Онъ-то и придумалъ сегодня пельмѐни... И оба они, Михайло Васильичъ, какъ и я, ваши поклонники...

Глаза Ломоносова радостно блеснули. Онъ отмѣнно-вѣжливо поклонился и, ласково глядя на упаренныя, цвѣтущія здоровьемъ лица молодыхъ людей, разсказалъ Фонвизину о своемъ предстательствѣ за него у канцлера и у самого государя. Денисъ Иванычъ хотѣлъ броситься къ покровителю на шею и остановился.

— Михайло Васильичъ! — воскликнулъ онъ: — какъ васъ благодарить! вотъ осчастливили, помогли...

— Резолюція канцлера,—заключилъ Ломоносовъ: — была, впрочемъ, сверхъ штата; государь, однако, велѣлъ вамъ дать жалованье... Только экзаментъ, другъ мой, экзаментъ, безъ этого нельзя...

— Пустяки, — сказалъ, махнувъ рукой, Фонвизинъ: — съѣзжу въ подмосковную, попрошу денегъ у бабушки или у тетушки,—богатая бабушка тамъ у меня, да какая! всего васъ знаетъ наизустъ! и не далѣе конца мѣсяца выдержу всякое испытаніе... Не хотите ли трубочку, Михайло Васильичъ? вотъ пѣнковая, а вотъ и табакъ...

— Ну, и дѣло... Съ испытаніемъ мѣшкать нечего... А вы, сударь, тоже любите слагать стихи?—обратился Ломоносовъ къ преображенскому солдату.

— По ночамъ-съ, какъ улягутся въ казармѣ, — несмѣло и запинаясь отвѣтилъ Державинъ: — по ночамъ-съ... мараю

такъ себѣ, безъ правилъ, на риѳмы кладу. У насъ тѣсно опять же, солдатство не тѣмъ занято, аммуницiя, смотры— больше въ карты, или въ свободные часы за виномъ...

— Что же пишете?—спросилъ гость.

— Трiолеты о красавицахъ,—произнесъ, ободрясь, Державинъ: — побаски насчетъ, то-есть, разныхъ полковыхъ дѣлъ... а, впрочемъ, пробовалъ перекладывать Талемака и Геллерта...

— На какой же ладъ вы пробовали ихъ?

— На образецъ, извините, вашему штилю подражалъ.

Ломоносовъ сталъ набивать трубку. Румянецъ выступилъ на его суровомъ, исхудаломъ лицѣ. Фонвизинъ дѣлалъ знаки прiятелямъ.

— А ну-ка, да ну же, изъ побасокъ что-нибудь, — сказалъ онъ, подмигивая, Державину. Хоть это:

«Я на то-ль тебя спознадъ,
Для тово твой плѣнникъ сталъ?»—

Или это:

«Ходитъ Бергеръ,—злы минуты,
Ко двору моей Анюты...
Къ вахтпараду припоздалъ,
Въ кордегардiю попалъ...»

— Ну, полно... охота!—перебилъ его, не зная, куда глядѣть, растерявшiйся Державинъ: — такой ли пустошью занимать дорогого гостя?

— Трудитесь, государи мои, трудитесь,—сказалъ, раскуривъ и отставя трубку, Ломоносовъ: — вы наше наслѣдiе, преемники! Не давайте заглохнуть бѣдному, еще соломенному нашему царству... Пробуждайте, воскрешайте мертвую землю... Да чтобы въ вашу душу не вкрались дурныя какiя упражненiя и колобродства... Главное — трудъ! А безъ него ничего не подѣлаете. Хлѣбъ, господа, за брюхомъ не хаживалъ. И много тёрки вынесетъ пшеница, пока станетъ бѣлымъ калачомъ...

Разговорились о наукахъ, о литературѣ; отъ нихъ перешли къ городскимъ и дворскимъ новостямъ. Пельмени были забыты. Мундиры и галстуки, по просьбѣ Ломоносова, снова сняты.

Вошелъ еще гость, лѣтъ восемнадцати, средняго роста, съ большимъ, покатымъ лбомъ, блѣдный, съ черными, за-

думчивыми глазами и робкою улыбкой на добрыхъ, мягко-очерченныхъ губахъ.

— Также вашъ поклонникъ, — произнесъ, указавъ на него, Фонвизинъ:—измайловскій солдатъ и постоялецъ здѣсь во дворѣ дядюшки, Николай Иванычъ Новиковъ. А этотъ?— обратился онъ къ Новикову: — вѣрно знаешь? нашъ безсмертный Михайло Васильичъ Ломоносовъ... Ну, какія новости, другъ? Въ сборной былъ? что̀ говорятъ?

— Да, времячко!—сказалъ негромко, поглядывая на Ломоносова, Новиковъ: — нечего сказать... Попались въ перекрестную... Клади весла и молись Богу: внизъ — вода, вверхъ—бѣда...

— А что? да ты не стѣсняйся,—обратился къ нему Фонвизинъ:—на чистоту; ему можно... Онъ стойкій нашъ...

Новиковъ снялъ перевязь, утерся и присѣлъ на стулъ. Нѣсколько мгновеній всѣ молчали.

— Такъ все натянуто, такъ, — сказалъ Новиковъ: — что и незаряженное ружье, гляди, выпалитъ... А иначе мыслить, лучше лишиться жизни...

— Да вы о чемъ это, господа? — вмѣшался, потягивая изъ трубки, Ломоносовъ.

Пріятели переглянулись. Фонвизинъ кивнулъ головой.

— Мы измайловцы, — тихо и глядя куда-то вдаль, проговорилъ Новиковъ: — всѣ, то-есть, какъ одинъ человѣкъ, ну, всѣ пойдемъ за нее въ огонь и воду.

— За нее, матушку нашу, богиню!—подхватилъ, вставая, Державинъ:—и мы, преображенцы, жизнь отдадимъ...

— За надежду, радость и спасеніе отечества! — произнесъ, схвативъ стаканъ съ пивомъ и чокаясь съ прочими, Пассекъ: — восемнадцать лѣтъ вѣдь она живетъ въ Россіи! узнала ее, полюбила и стала, почитай, лучше всякой русской. Покойная царица Елисавета Петровна съ Бестужевымъ ее, одаренную свыше, помимо ея мужа, прочила себѣ въ преемницы, да не успѣла совершить и объявить... помѣшали Шуваловы, Бестужева сослали...

«Эге-ге, вонъ оно куда!.. вонъ молодежь-то! — подумалъ, глядя на собесѣдниковъ, Ломоносовъ,—правду сказалъ Петръ Ѳедоровичъ... Ничѣмъ еще себя не заявили; скромные, какъ грибки-сыроѣжки подъ дупломъ, въ лѣсной глуши... Никто ихъ не знаетъ и не подозрѣваетъ, а всѣ они ея друзья.

Всѣ въ нее влюблены, и отъ нея, добросклонной, да внимательной, безъ ума!»

— А все-таки, въ чемъ же дѣла суть, государи мои, не понимаю?—спросилъ Ломоносовъ.

Фонвизинъ взглянулъ на Пассека, тотъ на Державина, оба на Новикова.

— Да что, сударь, порицайте насъ, судите! — сверкнувъ черными большими глазами, съ засвѣтившимся, блѣднымъ лицомъ, сказалъ Новиковъ, поднявшись со стула: — наше солдатство, измайловцы, рѣшили сегодня — говорю это по секрету — не слушаться выдумки голштинцевъ, нейти въ походъ въ Данію... Притомъ же лютеранство думаютъ ввести, кирку во дворцѣ въ Ораніенбаумѣ строятъ...

— И наши преображенцы за вами!—отозвался отъ окна, раскупоривавшій новую бутылку пива, Державинъ: — выбрали меня товарищи артельщикомъ на этотъ самый безтолковый походъ... Ну, только врядъ ли быть затѣянной войнѣ...

— Почему?—спросилъ Ломоносовъ.

— Порѣшило капральство, — сказалъ Новиковъ: — какъ только выйдемъ въ Ямскую, за Калинкинъ мостъ, станемъ и спросимъ, куда и зачѣмъ насъ ведутъ? зачѣмъ покидаемъ нашу матушку, государыню-надежду, Катерину Алексѣевну?

— Коей всѣ мы рады служить по гробъ, — прибавилъ Пассекъ.

— Еще каноникъ Менгденъ, слышно, — отозвался опять отъ окна Державинъ: — предсказалъ въ дѣтствѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ, что на ея головѣ будутъ три короны...

— Московская, Казанская и Астраханская! — чокнувшись съ Фонвизинымъ, сказалъ Новиковъ: — ура, наша радость, виватъ!

— Ну, словомъ, нейдемъ въ Данію! — заключилъ, наливая всѣмъ стаканы, Державинъ:—нейдемъ за голштинцевъ, да и баста...

— Но позвольте, господа, — обратился къ нимъ Ломоносовъ: — васъ за то, чай, вѣдь, не пожалуютъ... узнаютъ, откроютъ.

— Не попадемся, — отвѣтилъ, глядя на него поверхъ очковъ, Пассекъ:—я первый,—ни въ жизнь...

— Ну, поручиться трудно, — произнесъ Ломоносовъ: —

напрасныя, безвременныя жертвы, — да еще съ примѣсью лучшихъ, какъ вижу, силъ и умовъ...

— Нѣтъ, извините, лучшихъ, и нѣтъ худшихъ! — отвѣтилъ, поднявъ руку, Новиковъ: — человѣкъ отъ природы получилъ право на равенство со всѣми и на свободу. Равенство убито собственностью, свобода слѣпыми узаконеніями невѣжественныхъ обществъ... Богъ, матерія и міръ— одно и то же...

— Те-те-те... знакомыя хитросплетенія, не новость! Да вы, молодой человѣкъ, какъ вижу, розенкрейцеръ, иллюминатъ?—сказалъ, глядя на оратора, Ломоносовъ:—измайловскому рядовому это, простите, хоть бы и не подобало...

— Да здравствуетъ великій Адамъ Вейсгауптъ, Велльнеръ и Сенъ-Жерменъ!—не унимаясь и потрясая стаканомъ, воскликнулъ Новиковъ.

— Вы, сударь, столько насчитали великихъ, да еще чужеземцевъ, — сказалъ, поморщившись и вставая, Ломоносовъ: — что намъ, нижайшимъ, въ сей юдоли и тѣсно... Прощайте... Однако, не можете ли, прошу васъ, сказать, гдѣ нынче обрѣтается, восхваляемый вами, алхимикъ и фокусникъ, сей якобы жившій десятки вѣковъ, caro padre, Сенъ-Жерменъ?

— Графъ нынче въ Питерѣ, — нехотя отвѣтилъ Новиковъ:—желающіе его видѣть могутъ справиться у артиллерійскаго казначея, Григорія Орлова... бываетъ и въ австеріяхъ Дрѣзденши и Амбахарши.

— Графъ! о-го!—замѣтилъ, презрительно усмѣхнувшись, Ломоносовъ: — португальскую жидовскую скотину зовутъ графомъ!.. А вся его магнизація и сверхнатуральное состояніе не больше, какъ примѣшанный къ пуншу, либо къ кофію, на засѣданіяхъ масоновъ, опіумъ... Доподлинно то знаю! Что жъ до химіи, государи мои, такъ въ ней, вѣрьте мнѣ, онъ сущій невѣжда и дуракъ... Шарлатанитъ съ философскимъ камнемъ, воскрешаетъ аки бы мертвыхъ и раститъ на лысинѣ волоса! Впрочемъ, разстроеннымъ фанатизмой въ нервныхъ узлахъ барынямъ зѣло нравится и зато порядкомъ и по-дѣломъ ихъ обираетъ...

Ломоносовъ простился съ молодыми людьми и вышелъ. Фонвизинъ проводилъ его до воротъ.

— Какая жалость! мой дядя на охотѣ въ Ропшѣ,—сказалъ онъ, разставаясь съ знаменитымъ гостемъ: — двадцать

восьмого іюня день его рожденія; я хоть и уѣду въ Москву, но къ этому дню безпремѣнно возвращусь... Не откажите, Михайло Васильичъ, на пирогъ... И дядя, и тетка очень будутъ рады васъ видѣть. Они такъ вамъ благодарны за меня; двадцать восьмого,—не забудете?..

Ломоносовъ сперва отказался; двадцать девятаго іюня, въ день Петра и Павла, въ академіи было назначено торжественное засѣданіе, и ему поручили изготовить и сказать въ этотъ день хвалебную въ честь государя латинскую рѣчь. Но, подумавъ, онъ взглянулъ на юношу, ласково пожалъ ему руку и далъ слово быть у него на пирогъ дяди, послѣ академическаго засѣданія.

Разговоръ въ каменкѣ долго не выходилъ у Михайла Васильича изъ головы.

«Недобрыя затѣи, недобрыя,—размышлялъ онъ,—сущіе воробьи! переловятъ ихъ, коли хуже не будетъ, пропадутъ ни за что, ни про что... А тотъ-то, въ очкахъ, Пассекъ? ни въ жизнь, говоритъ, не попадусь... Экіе шустрые, чиликаютъ, топорщатся, прямо воробьи...»

Дня черезъ три Ломоносовъ справился въ коллегіи и узналъ, что приказъ, съ разрѣшеніемъ Мировичу возвратиться, подписанъ наканунѣ и уже посланъ въ армію. Онъ хотѣлъ ѣхать къ Калинкину мосту, отыскивать Бавыкину, какъ увидѣлъ на лѣстницѣ коллегіи Ушакова, съ которымъ познакомился весной, провожая Мировича въ Шлиссельбургъ. Ломоносовъ ему сообщилъ справку о его пріятелѣ и прибавилъ: «кстати, замѣните меня, съѣздите къ общей нашей знакомкѣ, Бавыкиной; что-то недомогаю, а надо бы узнать адресъ вашего друга и скорѣе его обрадовать».

Ушаковъ отправился къ Калинкину мосту.

Комната у грекѐни Бунди, гдѣ жила теперь Филатовна, была пропитана запахомъ домашней птицы. По сосѣдству, за дверью, помѣщался, очевидно, хозяйкинъ курятникъ. Сильно исхудалая, съ недовольнымъ и опечаленнымъ лицомъ, Бавыкина, прикрытая старенькой кацавейкой, лежала на сундукѣ, подъ образами.

— Что съ вами, матушка? — спросилъ Ушаковъ: — здоровы ли? какъ жаль, не дали о себѣ слуха: охотно бы навѣстилъ...

— Ну, ужъ ты-то навѣстишь! одна ягода съ другомъ

своимъ. Въ гробъ давно мнѣ пора; откройся, мать сыра-земля, — чуть взглянувъ на гостя, сумрачно и съ замѣшательствомъ проговорила Филатовна:—вотъ она, доля-то бабы Настасьи... въ птичницы, да въ огородницы въ экіе годы пошла!.. Что жъ, парень, не осуди; хлѣбушка всякому хочется жевать. И воду сама ношу... Да чуть съ лихоманки не померла, какъ его-то, твоего прокурата, проводимши, сюда переѣхала.

— А я къ вамъ, Настасья Филатовна, съ доброю вѣстью,—сказалъ, садясь, Ушаковъ:—не у всѣхъ дѣла хороши, и я вотъ въ тѣснотѣ, поистратился опять. Отъ Василія-жъ намедни была получена цидулка,—просилъ похлопотать о его возвратѣ; иначе, — писалъ, — безъ спросу, на гибель свою, готовъ стать дезертиромъ. Ну, ему сильные люди и выхлопотали апробацію! вчера, поздравьте, написано Бутурлину и въ его нарвскій полкъ...

Бавыкина подняла съ подушки голову. Ея глаза тревожно забѣгали по комнатѣ, съ испугомъ остановясь на ситцевой занавѣскѣ, протянутой отъ печи къ посудному поставцу. Губы что̀-то шептали.

— Что вы, матушка? не слышу,—сказалъ, нагибаясь къ ней, Ушаковъ.

Филатовна, качая головой, не спускала испуганныхъ глазъ съ поставца. — «Что̀ бы это значило?» — подумалъ Ушаковъ. Онъ всталъ, тихо приподнялъ пологъ.

У печи, схватившись за волосы, въ забрызганныхъ грязью шинели и высокихъ дорожныхъ сапогахъ, сидѣлъ, понурясь, Миро̀вичъ.

— Боги праведные... что̀ вижу? ты ли? — вскрикнулъ Ушаковъ:—какъ и когда? отпускъ только-что посланъ.

— Безъ отпуска, уходомъ...

— Но вѣдь это дезертирство! какъ ты могъ рѣшиться?

— Что̀ спрашивать, полно! невидаль какая! не стерпѣлъ—ну, и все тутъ!—грубо отвѣтилъ Миро̀вичъ:—значитъ была причина.

— Когда пріѣхалъ?

— Сегодня ночью, съ жидами, великолуцкими фурлейтами.

— И не боишься? не подождалъ! ну, какъ выдадутъ жиды?

— Не выдадутъ. Не всѣ жъ Каины, предатели. А донесутъ, — э, чортъ! туда и дорога! — рѣзко сказалъ Миро̀-

вичъ:—офицеръ, нашей ложи масонъ, провожалъ аммуницію изъ Митавы; ну, и провезъ черезъ рогатки, въ тюкахъ.

Ушаковъ не могъ придти въ себя. Превосходившій его нравственнымъ складомъ и умомъ, Мировичъ ему казался въ эту минуту жалкимъ, ничтожнымъ.

— Что же теперь! — сказалъ Ушаковъ: — вѣдь военный судъ, вѣдь гибель надъ головой... А онъ сидитъ... Ахъ, Василій, припомни встрѣчу у Дрезденши, твои слова о силѣ воли, о совѣтахъ разума! Съ Іисусомъ Навиномъ солнце собирался остановить, съ пророкомъ Иліей хотѣлъ отворять и затворять небо, — а не могъ выждать, изъ-за границы, увольненія въ отпускъ, по командѣ! шрѐклихъ!..

— Э, убирайся, чортъ! совѣты еще! пропадать, такъ пропадать. Все ложь и обманъ,—мрачно и злобно проговорилъ Мировичъ:—всѣ подлецы, самомерзѣйшія твари, и ты первая изъ нихъ... Одна въ свѣтѣ истина, одна, — любовь... Вотъ развѣ, впрочемъ, и она... да наплевать!.. Хоть бы скорѣй этому рѣшеніе, конецъ...

— Успокойся, другъ Василій, успокойся,—сказалъ, мигнувъ Филатовнѣ, Ушаковъ:—объясни лучше, какъ это случилось. И съ предметомъ своимъ теперь скоро, — ну, хоть и сегодня, — встрѣтишься, я видѣлъ ее... Дѣвица отмѣнно достойная, и, вѣроятно, ждетъ, не дождется... А ужъ отъ суда, Вася, какъ-нибудь, въ силь необычайной факціи, постараются тебя спасти сильные друзья...

Мировичъ, презрительно зѣвнувъ, ничего не отвѣтилъ.

Ушаковъ далъ знать о пріѣздѣ пріятеля Ломоносову, прося замолвить о немъ слово гетману, и напомнилъ Мировичу о весеннемъ его знакомцѣ по дому Дрезденши, о Григоріи Григорьевичѣ Орловѣ, куда тотъ на другой день и отправился.

— А!.. Дивно-губительная пятерка! — вскрикнулъ, при видѣ Мировича, цальмейстеръ гвардейской артиллеріи, Григорій Орловъ:—какъ дѣла съ фараономъ и съ бильярдомъ?

— Плохо, Григорій Григорьевичъ! весь, какъ есть, прогорѣлъ.

— Что же, денегъ надо?

— Нѣтъ, не ихъ. Разъ помогли вы, за что по гробъ благодаренъ,—еще въ одномъ пособите... отслужу...

— Въ чемъ же дѣло?

Мировичъ разсказалъ о своемъ уходѣ. Орловъ опустилъ руки.

— Плохо, братъ, примѣчательно плохо! — сказалъ онъ, покачавъ головой:—ты масонъ? да говори, не бойся,—и я масонъ...

Мировичъ сдѣлалъ особый, странный знакъ рукой.

«Отлично,—я такъ и думалъ, пригодится,—сказалъ себѣ Григорій Орловъ: — вольный каменщикъ и охотникъ до картъ! Степана Васильевича Перфильева за нами приставили наблюдать, а мы въ соглядатаи за ними поставимъ этого гуся. Перфильевъ въ пикетъ собаку съѣлъ,—зато въ ламушъ ему не везетъ... Вотъ ему разомъ и дистракція, и отместка... Этотъ его ужъ, безъ сомнѣнія, забьетъ съ первыхъ ходовъ!»

— Приходи завтра,—произнесъ Орловъ:—обсудимъ твое дѣло.

Мировича одѣли, ссудили деньгами. Чтобъ избавить его отъ отвѣта въ самовольной его отлучкѣ изъ арміи, Орловъ устроилъ такъ, что рапортъ о немъ спрятали, въ нарвскій полкъ дали знать, что онъ временно назначенъ по артиллеріи, въ комиссію «о пересмотрѣ шуваловскихъ голубицъ», а ему велѣли сидѣть съ Перфильевымъ и носу никуда не показывать. Въ этомъ помогли и масоны, одной ложи съ Орловымъ.

Василій Яковлевичъ украдкой увидѣлся съ Пчёлкиной. Съ отъѣзда изъ Шлиссельбурга, она жила на Каменномъ, у Птицыныхъ. Встрѣча ихъ была странная. Поликсена будто обрадовалась, даже какъ-то порывисто, нервно расплакалась. Мировичъ, однако, увидѣлъ нѣчто другое, не то, чего онъ ожидалъ. Самъ не давая себѣ отчета, въ чемъ дѣло, онъ молча, угрюмо сѣлъ и все время исподлобья смотрѣлъ, слушая Поликсену.—«Сущій волчёнокъ—подумала о немъ Птицына, бывшая при этой встрѣчѣ,—и какъ она его не бережется! глаза—острые ножи!»

Устроитель гвардейскихъ веселостей, Орловъ свелъ Мировича, въ масонской ложѣ, съ Перфильевымъ. Новые знакомцы, какъ засѣли за столъ, такъ ужъ и не вставали. Дни шли, ночи на пролетъ,—они безъ отдыха играли, изрѣдка лишь перемѣняя мѣсто игры, да когда подходили другіе охотники, садились въ круговую за бириби, или въ фараонъ. Опіумъ масонства, слившись въ Мировичѣ съ хмелемъ карточной игры, въ конецъ поработилъ его мысли, сердце, волю.

Двадцать-третьяго іюня, Мировичъ, исхудалый, съ впалыми щеками и съ блуждающимъ, потухшимъ, сердитымъ взглядомъ, пріѣхалъ къ Ломоносову, прошелъ къ нему въ садъ и, присѣвъ у него въ бесѣдкѣ, прерывающимся, сильно-взволнованнымъ голосомъ спросилъ его:

— Знаете, что̀ случилось?

— Не знаю...

Мировичъ не поднималъ глазъ. Сгорбившись и нахохлившись, онъ просидѣлъ нѣсколько секундъ молча, съ отвисшею, нижнею губой и упавшими съ колѣнъ руками, злобно выжидая, что̀ еще скажетъ ему Ломоносовъ.

— Я только-что съ Каменнаго, — началъ опять Мировичъ, нарочно цѣдя слова: — вчера Поликсена гуляла съ дѣтьми Птицыныхъ... ну, гуляла и забрела въ рощу къ Невкѣ...

— Что̀ же тамъ увидѣла?—спросилъ Ломоносовъ.

— Дѣти собирали грибы; Поликсена читала книжку... ха-ха!.. въ это время — книжку!.. Вдругъ слышитъ шаги; поглядѣла—идутъ двое...

Сказавъ это, Мировичъ судорожно повелъ плечами, точно его знобило, и нервно зѣвнулъ.

— И кто же, думаете, были эти двое? угадайте, — спросилъ, какъ-то неестественно улыбнувшись, Мировичъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ Ломоносовъ:—почемъ знать?

— Принцъ Іоаннъ Антоновичъ и съ нимъ, должно, новый шлиссельбургскій приставъ, — съ презрительно-гордой усмѣшкой проговорилъ Мировичъ.

— Что ты, Василій Яковличъ! быть не можетъ... ужели принцъ?..

— Онъ! Поликсена не ошиблась, узнала... онъ! вторую недѣлю въ тайности живетъ на дачѣ Гудовича въ лѣсу.

Ломоносовъ, черезъ голову Мировича и верхушки деревъ, взглянулъ на вечерѣющее, залитое дымчатымъ заревомъ небо и съ чувствомъ, медленно перекрестился.

— Но есть и другое дѣло,—продолжалъ, торопясь и переминаясь, Мировичъ:—и то, о чемъ я свѣдалъ случайно,— ну, играя съ одной тутъ компаніей,—такъ о томъ страшно и вымолвить...

— Что̀ же ты узналъ?

— Не нынче, завтра, ожидаютъ смуты, волненія,—отвѣтилъ, уставясь въ Ломоносова черными, безъ блеска, гла-

зами Мировичъ:—все, увѣряютъ, готово и вѣрнѣйшіе, близкіе къ монарху люди передаются, если ужъ не передались его врагамъ.

Произнося это, Мировичъ покраснѣлъ и замолчалъ.

— Полно, мало ли что болтаютъ!—сказалъ Ломоносовъ, вспоминая бесѣду у Фонвизина:—упаси Господи отъ злыхъ, крамольныхъ дней! все пойдетъ вверхъ дномъ.

— Не вѣрите?—спросилъ, вставая, Мировичъ.

Онъ выпрямился, судорожно оправилъ волосы. Черные, затуманенные волненіемъ и безсонницей, его глаза глядѣли сердито. Въ нихъ начиналъ свѣтиться злой и дикій огонь. Скопленіе всякой горечи, ненависти и мести вызывало чрезмѣрное возбужденіе.

— Покажу имъ,—сказалъ онъ съ холодной злобой,—спознаю ближе, и все, какъ есть, открою. Я терпѣлъ ужасную, неисходную бѣдность, нужду, нищету, а пріятели мои были богаты и знатны. Пора выбиться... И ужъ коли и за то не получу сатисфакціи во всѣхъ моихъ бѣдствіяхъ, — нѣтъ правды на землѣ!...

Мировичъ вышелъ. Шаги его затихли въ концѣ сада.

Ломоносовъ ему ничего не отвѣтилъ и его не проводилъ.

Онъ продолжалъ изъ бесѣдки смотрѣть на темнѣющее, надъ деревьями, въ послѣднихъ отблескахъ заката, небо и думалъ о другомъ. Изможденный тюрьмой, кроткій и важный видомъ, юноша не отходилъ отъ его мысленныхъ глазъ...

XVI.

На дачѣ Гудовича.

День двадцать-четвертаго іюня былъ жаркій, душный. Его смѣнила тихая, вся залитая голубоватымъ луннымъ блескомъ, ночь.

Душистая, болотно-луговая мгла, не расходясь, наполняла каждую поляну, каждый укромный, древесный тайникъ. Воздухъ былъ недвижимъ. Длинные столбы обрадованныхъ теплу мошекъ, то свиваясь, то развиваясь, шевелились, плыли надъ вершинами погруженныхъ въ дремоту невскихъ лѣсовъ.

Бѣлый туманъ, какъ саванъ, подползалъ съ запада, съ поморья, гдѣ на краткій отдыхъ спряталось, багровымъ шаромъ горѣвшее, солнце. Запахомъ елей и травъ, точно

ладаномъ, тянулъ по пустырямъ чуть замѣтный утренній вѣтеръ. Онъ проснулся за синимъ гребнемъ лѣса, тамъ, гдѣ вскорѣ должна была заняться полоска ранней зари, и чуть шевелилъ стеблями лопуховъ и папоротниковъ, гоня мошекъ и будя залетныхъ, недолго поющихъ здѣсь, соловьевъ.

Въ темныхъ озерахъ и заводяхъ отражался полный мѣсяцъ, просѣки, сады и дома тамъ и здѣсь одиноко разбросанныхъ дачъ. Летучія мыши, шныряя за мошками и всякою комашнёй, беззвучно мелькали въ лунныхъ лучахъ.

Дача Гудовича стояла на берегу безыменной рѣчонки, отдѣлявшей Каменный островъ отъ Крестовскаго.

Высокій, досчатый заборъ окружалъ дворовое и садовое мѣста. Главный, со стекольчатой теплицей домъ, гдѣ лѣтомъ проживала семья любимаго государева слуги, выходилъ на большую дорогу. Запасной, новый флигель былъ расположенъ въ глубинѣ двора, къ саду, примыкавшему къ рѣкѣ. Молодѣчня, конюшня, коровникъ и прочія службы шли вправо и влѣво отъ главнаго дома. Самъ хозяинъ изрѣдка наѣзжалъ сюда на отдыхъ и чтобъ взглянуть лошадей, до которыхъ былъ большой охотникъ.

Вторую недѣлю Гудовичъ неотлучно находился при государѣ въ Ораніенбаумѣ, но извѣстилъ, что вскорѣ пріѣдетъ. Старуха-мать и сестры-дѣвицы поджидали его съ-часу-на-часъ и до-поздна не ложились спать. Долго свѣтились огни въ большомъ домѣ и рядомъ съ нимъ въ молодѣчнѣ, гдѣ почему-то, съ недавней поры, чередовался секретный ночной караулъ изъ полицейскихъ и крѣпостныхъ инвалидовъ. Два хожалыхъ съ мушкетами ночевали—одинъ на крыльцѣ флигеля во дворъ, другой — въ саду, на балконѣ. Дворня поглядывала на окна и двери флигеля и качала головой, видя, какъ шепчется старуха-барыня съ барышнями.

Во флигель носили кушанье, чай, кофе и десертъ; ходили въ него цирюльникъ, сапожникъ и портной. Принесли туда, дня три тому назадъ, кому-то новый голштинскій кафтанъ, зеленый, съ серебрянымъ шитьемъ и красными воротникомъ и нарукавниками, желтый камзолъ, такія же панталоны, лаковые съ пряжками башмаки, треуголъ съ галуномъ и лосинныя перчатки. Изъ флигеля вела особая балконная дверь въ садъ, на калиткахъ котораго висѣли замки.

Было далеко за полночь.

Въ большой, обшитой новымъ тесомъ, комнатѣ стояли двѣ кровати. На одной спалъ прикрытый военной шинелью, усталый, плотный, пожилой человѣкъ; на другой — длинноволосый, съ небольшой каштановой бородкой юноша. Бѣлье и платье, разбросанныя по стульямъ и софѣ, раскрытые чемоданы и погребецъ, ружье въ запыленномъ чехлѣ на стѣнѣ, — показывали, что жильцы этого флигеля не успѣли еще устроиться.

Они съ вечера долго гуляли по саду, выходили особою калиткой въ гущину лѣса, ко взморью и на луга, ловили удочкою рыбу и собирали грибы и цвѣты. Это были приставъ Жихаревъ и принцъ Іоаннъ.

Жихаревъ бережно заперъ калитку и балконную дверь, ключи отъ той и другой взялъ къ себѣ, послѣ ужина въ постели вспоминалъ Робинзона Крузе, о которомъ слышалъ отъ Чурмантѣева, поговорилъ нѣсколько съ принцемъ, и, видя, что тотъ сталъ дремать, задулъ свѣчку и заснулъ.

Жихаревъ видѣлъ во снѣ, какъ Робинзонъ, уѣзжая съ пустыннаго острова, гдѣ жилъ двадцать-восемь лѣтъ, взялъ съ собой, на память козій зонтикъ, такую же шапку, слугу Пятницу и одного изъ попугаевъ, который отчетливо твердилъ: «Бѣдный Робинъ, бѣдный! куда занесла тебя судьба?»

Приставу грезилось: «И я бѣдный! и я!.. Столько лѣтъ въ Кронштадтѣ отдежурилъ. добрался до Питера, устроился съ семьей, думалъ вѣкъ кончить въ столицѣ, и вдругъ перевели, заперли въ Шлюшинъ. Почетное довѣріе, да какова отвѣтственность! Теперь сюда выписали. Ужли освободятъ принца? Ужли и меня въ такомъ разѣ отпустятъ въ чистую, на покой?.. Безъ сумнѣнія, при столь вѣрной оказіи, дадутъ пенціонъ, а можетъ, на кормъ дѣтишкамъ и деревнишку, гдѣ-нибудь на Волгѣ, или въ степи за Москвой... Уѣду, стану жить, поживать, ни горя, ни муштры, ни начальничьихъ распеканій не знать»...

Принцъ Іоаннъ спалъ тревожнымъ, лихорадочнымъ сномъ. Ему грезился мрачный, могильный казематъ, безсердечные, грубые стражи и вѣчная, каждый день и каждый часъ, однообразная, непреоборимая, неумолимая и нѣмая, какъ гробъ, неволя Свѣтличной башни.

Онъ во снѣ метался и дышалъ тяжело. Крупный потъ проступалъ на миловидномъ, дѣтски-добромъ лицѣ. Что-то страшное, давящее, каменное налегло на его грудь. —

«Смерть!»—пронеслось въ мысляхъ принца:—«вотъ она наконецъ... Боже! дай ее скорѣй! унеси меня, прими, успокой»... Онъ глухо застоналъ, вздрогнулъ и проснулся.

Глядитъ — незнакомая, просторная, чистая комната. Не слышно запаха гнили; не видно плѣсени на каменномъ сводѣ и въ углахъ. Пахнетъ цвѣтами, душистой сосновой смолой. Лампадка у образа, мерцая, чуть теплится. Окно закрыто. Дверь на замкѣ. Но вотъ и лампадка, мигнувъ разъ и другой, погасла. Лунные лучи врываются, скользятъ съ надворья, мерцаютъ по комнатѣ. Душно. Одѣяло сброшено. Сердце тревожно бьется, щемитъ. Непонятныя рѣчи, клики, звонъ и шумъ въ ушахъ...

Слышатся соловьи, жаворонки, звенятъ колокольчики, трубы отдаются вдалекѣ. Тинь-тинь... и смолкнетъ... И опять пѣсни, клики, праздничный звонъ и гулъ... Гдѣ-то радуются, ликуютъ, кого-то зовутъ и манятъ.—«Трубы Іерихона! гремите, звучите! Осанна въ вышнихъ... падутъ грѣшныя стѣны, падутъ! Азъ есмь альфа и омега, первый и послѣдній, начало и конецъ»...

Вновь тишина.

Голубые лучи сыплются въ окно. Кто-то будто ходитъ, шелеститъ по комнатѣ. Что-то бѣлое усѣлось на стулѣ, глядитъ изъ мрака и растетъ,—высокое, безголовое, въ складкахъ и съ протянутыми руками. За шкапомъ — косматый, завернутый въ черное, съ хвостомъ и острыми, длинными шпорами. Отъ шпоръ по полу тянутся свѣтящіяся полосы. Онѣ шевелятся, какъ змѣи, скользятъ и меркнутъ въ углу. Что-то нахлобучилось у двери и, покачиваясь, приближается къ кровати. «Иродіада, звѣрь седьмиглавый, бѣсы»...

Іоаннъ Антоновичъ приподнялся, всматривается въ ужасѣ... Гдѣ онъ? куда его занесла судьба?

Тѣ же призраки, тѣ же страхи и звуки, что столько лѣтъ, каждую долгую, безсонную ночь ему мерещились и слышались взаперти. Но мѣсто, гдѣ онъ теперь, не похоже на тюрьму. Призраки меркнутъ, уходятъ. А тамъ, за окномъ— настоящіе, вольные соловьи.

Жихаревъ наморился за недѣлю въ прогулкахъ по дикимъ тропинкамъ, у взморья и по лѣсамъ, и крѣпко спитъ.

«Уйти! — думаетъ принцъ, — нагуляться до-сыта, на пахучемъ свѣжемъ раздольѣ! Нынче, сказываютъ, Ивановъ день,—такъ и есть! мое тезоименитство... Нѣтъ. Еще пой-

мают, прикуют на цѣпь, какъ звѣря... И не увижу я бо-лѣе, въ замурованное окно, ни синяго неба, ни моря, ни цвѣтовъ, ни ее... Гдѣ она? Во снѣ ли? Да! я ее видѣлъ! видѣлъ здѣсь, невдали; помню мѣсто, куда она, испуганная, скрылась... Что, если бы»...

Иванушка слушаетъ. Опять мерещатся колокольчики, трубы.—«Гласъ гудѣцъ, и мусикій, и пискателей»...—Зве-нитъ и щемитъ, и обдаетъ жаромъ и холодомъ... — «Дщи Идумейска, живуща на земли! и на тебе прійдетъ чаша Господня, и, не упивашася, не веселися... Евфразія!»—мы-слитъ принцъ: — «златокудрая! пахнетъ ладаномъ, смирной и розой... Гдѣ она? и какъ низошла?.. Спалъ я, грезились смертные страхи... И явилась она, облеченная въ виссонъ, пур-пуръ и солнце! Луна подъ ногами, на главѣ вѣнецъ изъ звѣздъ и на немъ написано—тайна... Что, кабы воля, кабы уйти?»...

На балконѣ послышался шорохъ. Кто-то съ надворья склонился къ окну, будто глядитъ въ сумракъ комнаты, поскребъ ногтемъ разъ и другой по стеклу.—«Боже, зовутъ меня, зовутъ»...

Арестантъ вскочилъ, подошелъ къ окну, взглянулъ въ садъ. Виденъ балконъ, усыпанная пескомъ площадка и ближніе деревья и кусты. Полицейскій хожалый спитъ, рас-стянувшись поперекъ крыльца. А подъ окошкомъ, вертя хвостомъ, сидитъ и вѣжливо ласковыми глазами щурится мохнатый, бѣлый хозяйскій пудель. Иванушка пошарилъ по рамѣ, нашелъ задвижку, раскрылъ окно. Собака беззвучно вскочила въ комнату.—«Накормить ее, накормить бѣдняжку! не ѣла»...—рѣшилъ, нѣжно ее гладя, арестантъ. Онъ отыскалъ въ шкапу, отдалъ собакѣ остатки ужина. Свѣжій, напоенный смолой и рѣчными испареніями воздухъ щедрой волной ворвался въ комнату. Онъ дышитъ лѣснымъ зати-шьемъ, волей и манитъ во мракъ.

Пудель, прижавъ уши и хвостъ, принялся лакать изъ блюда. Иванушка постоялъ надъ спящимъ приставомъ, на-скоро обулся и дрожащими руками сталъ надѣвать на себя новое, справленное ему платье. «Сюда, за мной! — шепнулъ онъ собакѣ, цѣлуя ее въ морду и въ весело игравшіе глаза:— за мной! о! совсѣмъ вспомнилъ—знаю дорогу, подглядѣлъ;— мостикъ, и прямо... домъ подъ березками—башня и крыльцо»...

Пудель прыгнулъ въ окно. Иванушка за нимъ. Они ми-новали полицейскаго инвалида, прошли въ глубь сада и

остановились передъ калиткой въ лѣсъ. Калитка заперта. Черными великанами высятся за оградой росистыя ели и сосны. Пудель, съ поднятой лапой, глядитъ на Иванушку. Все тихо. только слышится плескъ рыбы въ сосѣднемъ прибрежьѣ, да высоко, въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ, свистя крыльями, тянутся съ болотъ ко взморью стаи рѣзвыхъ нырковъ.

Арестантъ взялся за стволъ старый березы, поднялся на дупло. Но не влѣзть на заборъ; онъ высокъ и доски гладко вытесаны. Иванушка обошелъ нѣсколько дорожекъ; оглянулся,—нѣтъ собаки. Онъ бросился ее искать. Слышитъ,— пудель шибко гоняется, вспугивая спящихъ птицъ по тотъ бокъ ограды. Гдѣ же выходъ? Трава притоптана; старая водоточина извивается въ глуши лопуховъ. Въ концѣ ея— лазъ подъ нижней доской забора. Иванушка нагнулся.— «Не раскопать ли земли?»—Онъ разрылъ перегной, просунулъ голову, туловище, прислушался и вылѣзъ изъ сада...

«Боже! какое приволье! что воздуха, что простора, свободы»... — Темныя стѣны лѣсовъ идутъ вправо и влѣво. Острова ихъ точно плаваютъ въ надвигавшемся туманѣ.— «Азъ, цвѣтъ польный и кринъ удольный!—думаетъ узникъ,— яко же кринъ въ терніи, тако искренняя моя посреди дщерей... Яко же яблонь—посреди древесъ лѣсныхъ!»—«А если обманетъ? Что сказано о жёнахъ?!.. Аще убога, злобою богатѣетъ, укоряема—бѣсится, ласкаема—возносится... Нѣтъ! она не Далида, не Иродіада... не измѣнитъ, не продастъ!»

Иванушка поднялъ голову, выпрямился и сперва робкими, неловкими, потомъ твердыми и смѣлыми шагами пошелъ безъ оглядки отъ дачи Гудовича...

Мгла еще не расходилась. Сумерки окутывали окрестность. Высокій и тощій, съ неубранными, распущенными волосами, путникъ напрямикъ шагалъ по лѣсной чащѣ. Ни кочки, ни верескъ, ни мхи не останавливали его. Вѣтви цѣплялись за мундиръ, сбивали обшитый галунами треуголъ. Онъ бережно, какъ звѣрь, приглядывался, прислушивался, замедлялъ шаги, бросаясь въ сторону, и, вытыкая изъ кустовъ голову, ждалъ и опять безъ устали шелъ и шелъ.

Поликсена спала въ верхней комнатѣ Птициныхъ, выходившей окнами въ лѣсъ. Съ вечера были городскіе гости. Легли спать поздно. Едва она забылась первымъ крѣпкимъ сномъ, услышала, что ее будятъ. Передъ нею, босикомъ, въ

рубашенкѣ, стояла испуганная, полусонная дѣвочка, дочь ключницы.

— Что тебѣ, Лизутка?

— Тамъ, на галдареѣ, барышня... ой! что-то страшное, противъ самой гостиной, ходитъ... ну, идите, взгляните.

— Да гдѣ? что ты?

— Ой, боюсь... Да отъ лѣсу-то,—страшелдное ходитъ по галдареѣ; отойдетъ на дорогу и глядитъ на ворота, на заборъ.

Поликсена взглянула въ окно и обмерла. У опушки стоялъ блѣдный призракъ. То былъ принцъ Іоаннъ.

— Иди, Лизута, иди, полубушка. Богъ съ тобой, ложися. Тебѣ пригрезилось. Никого нѣту-ти...

Уговоривъ полусонную дѣвочку идти, она уложила ее, перекрестила, сама одѣлась, прошла въ гостиную и отомкнула дверь на крыльцо.

— Вы ли это, сударь?—спросила Пчёлкина, подойдя къ принцу:—какими судьбами?

— Я... я... вотъ, дорогая, видишь, нашелъ тебя! Пойдемъ, да пойдемъ же... сказалъ онъ, схвативъ Поликсену за руку.

— Но куда? что вы? Услышатъ, набѣгутъ.

— Жизнь моя! бросимъ все, уйдемъ,—продолжалъ, задыхаясь, Ивашушка:—увидѣлъ тебя... все прошло, воля, жизнь...

— Такая ли воля? Ахъ, вы не простой, не зауряднй человѣкъ. Васъ не пустятъ охотой, вы опасны,—будутъ слѣдить, найдутъ на днѣ моря, подъ землей.

— Другъ, другъ!.. за что же, за что!..

«Вотъ онъ, нареченный столь великой имперіи,—думала Поликсена, глядя на узника,—въ его избавленіе затѣвались бунты, тронъ считался непрочнымъ, пока онъ живъ. Посылались лазутчики, поднимался его именемъ расколъ. Его замышляли похитить въ Берлинъ; цѣлой войнѣ черезъ него диверсію думали сдѣлать... И память о немъ угасла, всѣ его считали въ могилѣ... Но вотъ онъ здѣсь, передо мной, гонимый злой долей, молящій... И мнѣ, ничтожной, невѣдомой, мнѣ, новой избранницѣ, ужели суждено совершить святой подвигъ, возвратить престолъ несчастно-рожденному?.. Спрятать его, а утромъ отвезти ко дворцу... Государя ждутъ изъ Ораніенбаума,—будетъ разводъ...»

— Не бойтесь, сударь,—сказала Пчёлкина:—теперь васъ не отнимутъ отъ меня!.. я васъ спасу... да, возвращу вамъ счастье, свободу, и все... А когда вы будете въ силѣ и славѣ...

Она не договорила. Арестантъ вдругъ ее обхватилъ, страстно-дико прижался къ ней и сталъ ее осыпать жгучими, порывистыми поцѣлуями. Руки его дрожали, дыханіе прерывалось, онъ шепталъ несвязныя, безсмысленныя слова. Поликсена попыталась отъ него вырваться. Онъ увлекалъ ее отъ дороги къ чащѣ деревъ.

— Что вы, куда?—прошептала Поликсена, когда они очутились у лѣсной опушки.

Арестантъ безсознательно, испуганно оглядывался. Рѣчь отказывалась ему служить. Начинало свѣтать. Вправо виднѣлось плёсо рѣки.—«Что съ нимъ?—въ страхѣ подумала Поликсена,— понимаетъ ли, слышитъ ли онъ, что я ему говорю? медлить нечего...»

— Тамъ опять давятъ, бьютъ, тѣснятъ,—сказалъ вдругъ узникъ,— а вотъ и воля... Да боюсь я кого-то потерять, кого-то не видѣть...

— О комъ говорите?—спросила Пчёлкина.

— Виноватъ я передъ нею! какъ бы не разлюбила!— шепталъ узникъ, мучительно-радостно вглядываясь въ лицо Поликсены и трогая ее за руку.

— Скоро утро,—сказала Пчёлкина:—васъ спохватятся; поднимутъ погоню. Здѣсь не укроетесь. Надо въ городъ, къ государю. Его ждали съ вечера. Въ немъ одно спасеніе. Но со мной васъ тотчасъ узнаютъ... Вамъ надо одному... Сумѣете ли вы?

Иванушка молчалъ.

— Вотъ тропинка,—продолжала Поликсена:—она ведетъ къ рѣкѣ. Тамъ мостъ, но нѣтъ, лучше въ лодкѣ. Согласны? Я васъ провожу. Доѣдете въ городъ, и прямо къ крѣпости; тамъ опять въ лодку и ко дворцу. Да идите же... Вашу руку... Все успѣю разсказать. Идите,— а вотъ монеты на перевозъ.

Поликсена провела принца къ окраинѣ Каменнаго острова. Съ берега, черезъ Невку, въ утренней мглѣ, уже виднѣлось предмѣстье Колтовской. Отъ пристани отваливалъ челнъ.

Бѣглецъ и его провожатая остановились.

— Слушайте же... первою улицей, и все прямо; и ни слова ни съ кѣмъ, помните—ни слова.

— Буду помнить... буду...

Они простились.

— Не подвезти-ль, сударь? — окликнулъ принца съ бе-

рега сѣдой, какъ лунь, въ войлочномъ капелюхѣ, подслѣповатый лодочникъ.

— Подвези... только я вотъ...—сказалъ и заикнулся узникъ, оглядываясь къ деревьямъ, за которыми оставилъ Поликсену.

— Да куда-те, христова душа?

— Ко дворцу... царя мнѣ нужно... царя...

— По службѣ, что-ль, надобеть? къ разводу спѣшишь? садись, — эхъ, утречко! или не здѣшній? но заблудился бы, христовъ человѣкъ...

— Экъ, пыты пытаетъ,—сердито, рѣзко кашляя, отозвался изъ подъ тулупа другой, помоложе лодочникъ, лежавшій у шалаша:—ты ужъ вези, дѣдко, что растабарывать? вонъ махаютъ съ берега, ждутъ. Митричъ-те шею-то накостыляетъ.

— Не накостыляетъ, намъ что! дѣло свое знаемъ!—отвѣтилъ, подсадивъ Иванушку въ лодку, старикъ:—похожено, поношено, повожено... Подъ тремя царицами, подъ третьимъ царемъ хлѣбушка-то ѣдимъ. У яго, ваша честь, лихоманка,—прибавилъ дѣдъ:—онъ и грызется, дурашный, лается... Видывали васъ, пшѣнниковъ... пра, пшѣнники, блохари...

Иванушкѣ не сидѣлось. Ему хотѣлось говорить, спрашивать безъ умолку; но онъ помнилъ заказъ Поликсены. Боясь оглянуться назадъ, онъ съ шибко-бившимся сердцемъ всматривался въ низменный, плывшій ему навстрѣчу, съ домиками, садами и пристанями берегъ Колтовской. Сойдя на берегъ, онъ неловко сунулъ старику данную ему монету, еще постоялъ, робко оправился и безъ оглядки пустился по улицамъ и закоулкамъ пробуждавшейся Петербургской стороны. Прохожіе указывали ему дорогу. Отъ церкви Спаса онъ вышелъ къ Сытному рынку у крѣпости...

Странный, съ угловатыми движеніями и длинноногій, какъ заяцъ, пѣшеходъ, въ новомъ на распашку голштинскомъ, примаранномъ землей и листьями кафтанѣ, обратилъ на себя вниманіе раннихъ торговокъ. На вопросъ о дворцѣ, онѣ переглянулись межъ собой, пошептались и указали ему на крѣпость. «Ишь, долговязый нѣмецъ, несуразно какъ говоритъ!—сказала одна торговка ему вслѣдъ:—изъ дворцовыхъ, видно, либо заморскій чей-нибудь слуга. У красотокъ, должно, бѣлобрысый нѣмчура припоздалъ. Ковыляй теперь пятками»...

Солнце поднялось надъ ветхими, сѣрыми лавченками и шалашами рынка, когда Іоаннъ Антоновичъ вошелъ на широкій зеленый пустырь, окружавшій бастіоны кронверка.

Черезъ каналъ былъ мостъ, за мостомъ входъ въ крѣпость. Надпись «Іоанновскія ворота, 1740 г.» бросилась принцу въ глаза.

Онъ остановился, снялъ шляпу и долго, смѣшавшись, стоялъ, глядя на знаменательныя слова и что-то соображая.—«Вотъ! я царствовалъ... такъ, мое имя, слѣдъ»... — сказалъ себѣ Иванушка, отирая лицо и несмѣло входя въ крѣпость.

Въ то же время на берегъ Каменнаго острова, гдѣ лежалъ у шалаша молодой лодочникъ, выбѣжала изъ лѣсу, громко лая, бѣлая собака. За нею, въ сопровожденіи конюха, прискакалъ пожилой, въ синей гарнизонной формѣ, всадникъ. На вопросъ, — не приходилъ ли здѣсь и куда направился такой-то, въ зеленомъ кафтанѣ, господинъ?—лодочникъ, покашливая изъ-подъ шубы, указалъ на Колтовскую и прибавилъ: «Къ царю, сказывалъ, пошелъ... во дворецъ».

Всадники помчались къ понтонному мосту, бывшему выше, между Каменнымъ и Аптекарскимъ островами.

Іоаннъ Антоновичъ вошелъ въ крѣпость.

Слѣпая нищая старуха, низко кланяясь ему, отворила дверь въ соборъ. — «Войди, батюшка, войди, свѣтъ, помолись: никого нѣту-ти, одинъ дьячокъ! — сказала она: — всѣ царіе земные и царицы-владычицы тутъ схоронены... спаси тебя Господь... И великій осударь Петра Ликсѣичъ вправо-то, батюшка, первый, и царица табѣ Анна Ивановна и Лизавета, свѣтъ матушка, ангельская»...

Жутко забилось сердце бѣглеца при этихъ именахъ. Чуть слышно войдя подъ темные, подавляющіе своды храма, накуреннаго ладаномъ, онъ постоялъ надъ свѣжимъ, еще неотдѣланнымъ склепомъ Елисаветы Петровны, думая: «Иродіада! вотъ теперь, у моихъ ногъ... сама ничтожество, прахъ!»—Бѣгло взглянувъ на пышную съ вензелемъ, гробницу Петра Великаго, принцъ опустился на колѣни передъ могилой тетки, Анны Іоанновны.

«Видишь ли,—замирая, шепталъ онъ:—видишь ли, ласковая, добрая къ намъ, назначеннаго тобой въ преемники? Вотъ я... Мучили меня, обижали... назвали Григоріемъ... вотъ твой племянникъ, Иванушка... Двадцать лѣтъ, день и ночь, двадцать лѣтъ, съ колыбели въ тюрьмѣ... Но, если Богу угодно, если... не убьютъ, какъ царевича Димитрія... клянусь»...

Мысли узника смѣшались. Онъ упалъ крестомъ на хо-

лодныя, каменныя плиты, и долго, безъ словъ, горячо молился.—«Никто, какъ я, никто,—повторилъ онъ косвющимъ языкомъ:— свѣдалъ я страшную неволю! кровью выплакалъ... Гдѣ спасительница, гдѣ солнце, счастье?.. Привелъ еси день, воскреситъ еси время... Не отрини молитвы моей отъ лица своего»...

Дьячокъ загремѣлъ ключами — «Пора, сударь, благоволите»—сказалъ онъ. Иванушка подумалъ: «Хоть бы въ этой церкви сторожемъ быть! — тихо такъ, иконы, свѣтло»...— Онъ вышелъ на паперть, спросилъ опять старуху и въ невскія ворота спустился къ рѣкѣ, думая: «Умру, не схоронятъ меня съ царями-предками»...

Широкая, синяя, вся празднично залитая солнцемъ, Нева, съ плывущими по ней многовесельными галерами и бѣлопарусными гальотами и бригами, открылась передъ нимъ. На томъ берегу—рядъ высокихъ, въ зелени садовъ, съ балконами и фигурными карнизами, домовъ. А выше всѣхъ зданій,— съ ярко горѣвшими въ утреннихъ лучахъ рядами оконъ и со множествомъ статуй на крышѣ,—новый каменный, зимній дворецъ.

«Тамъ... туда!.. къ самому царю!»—думалъ бѣглецъ, спускаясь съ пристани въ яликъ.

— «Да тебѣ къ тальянцу, альхитектору, что ли, въ новый дворецъ?» — спросилъ его бородатый, въ красной рубахѣ, яличникъ.

— «Къ нему, туда!»—повторилъ мысленно принцъ, указывая съ лодки за Неву.

У дворцовой пристани собралась куча зѣвакъ. Ихъ заняли двое верховыхъ, на взмыленныхъ коняхъ, прискакавшихъ изъ-за батарей адмиралтейства. Пока конюхъ проваживалъ лошадей, его баринъ договорилъ извозчичью коляску и не спускалъ глазъ съ ялика, плывшаго отъ крѣпости ко дворцу.

Съ берега ясно былъ виденъ этотъ яликъ и, среди него, въ свѣтло-зеленомъ, съ серебрянымъ шитьемъ, мундирѣ и въ желтомъ камзолѣ, высокій молодой человѣкъ. Треуголь онъ снялъ и ладонью прикрывалъ отъ солнца глаза. Длинные, незавитые въ косу волосы развѣвались по плечамъ.

— Ваше высочество,—произнесъ, встрѣтивъ Іоанна Антоновича, приставъ Жихаревъ:—куда жъ вы это ушли? ахъахъ, можно ли? Государь васъ ждетъ къ себѣ; вотъ и коляска

Бѣглецъ испуганно взглянулъ на пристава. Лицо последняго было такъ привѣтливо, ласково.

— Какъ? не обманъ?

— Съ чего же, помилуй!

— А гдѣ государь? охъ, кружится голова...

— Его величество на дачѣ, въ Ранбовѣ; пожалуйте, сударь.

— Какъ, еще не пріѣхалъ? Да ты вѣрно ли знаешь? гдѣ Ранбовъ?

— Недалеко; духомъ доѣдемъ.

Бѣглецъ недовѣрчиво сѣлъ въ коляску. Было мгновеніе, онъ готовъ былъ крикнуть, сопротивляться. Но возлѣ собралось столько прохожихъ. Всѣ съ любопытствомъ глядѣли на него, перешептывались. Онъ смѣшался, неловко подкинулъ ногу на ступеньку коляски и сѣлъ, прошептавъ: «Да, ну, ужъ скорѣй; не опоздать бы»...

Коляска понеслась.

— Кого это повезли? — спросилъ Гудовичова конюха высокій, плечистый господинъ, въ парусинномъ балахонѣ и со свиткомъ бумагъ, шедшій мимо дворца съ прогулки изъ Лѣтняго сада.

— А хто е зна! на утекъ было, сущеглупый, съ-подъ кравулу... да его изловили...

— Кто изловилъ?

— Майоръ гвардіи, Жихаревъ.

Ломоносовъ бросился на набережную. Но коляски уже не было видно. Она скрылась за бастіонами адмиралтейства. Вотъ выскочила на мостъ, съѣхала на Васильевскій островъ, огибаетъ шляхетный кадетскій корпусъ и несется обратно Колтовской, на острова.

XVII.

Муха на рогахъ вола.

Утромъ 26-го іюня, по пути изъ Ораніенбаума въ Петергофъ, ѣхала взморьемъ небольшая съ придворнымъ, въ желтой ливреѣ, лакеемъ и съ гербами, красная карета. Въ ней сидѣла невысокаго роста, съ подвижнымъ, оживленнымъ лицомъ, нѣсколько взволнованная, лѣтъ девятнадцати, нервная особа. Съ нѣжной, тонкой шеей и выпуклою красивою грудью, на которую падалъ локонъ высоко-взбитыхъ, напудренныхъ волосъ, она привлекала блескомъ большихъ и умныхъ глазъ, привѣтливо и гордо смотрѣвшихъ изъ-подъ широкаго, бѣлаго лба.

То была сестра графини Воронцовой, княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Она въ то утро встрѣтилась у сестры съ государемъ, и ея мыслей не покидали слова, слышанныя отъ него.

Петръ Ѳедоровичъ былъ ея крестнымъ и, посадивъ ее рядомъ съ собой, вдругъ сказалъ ей съ обычною своею откровенностью:

— Ахъ, вы измѣнница! Знаю, знаю о васъ... милости-съ пожалуйста!

— Что же вы знаете, государь? — вспыхнувъ, спросила Дашкова.

— Все знаю, все! О! не вскакивайте. Всѣ ваши альянцы съ моими противниками мнѣ извѣстны. Вы живете больше въ городѣ, избѣгаете двора, нашихъ мирныхъ удовольствій, забавъ. А propos, скажите-ка: чѣмъ васъ банда нѣкоторыхъ людей приколдовала? чѣмъ? Что на медвѣдя съ рогатиной ходятъ, да ночи на пролетъ играютъ въ карты и кутятъ? Только и слышно бакханаліи, буянство, скачки съ пѣснями на рысакахъ... Шалберники, взбѣшенные сорви-головы и атлеты! Ваши прочіе партизанты — разоренные дворянчики, мелкіе офицеры, плохіе на службѣ и обитающіе по закоулкамъ. Что? видите?... Все знаю и на все пока смотрю сквозь пальцы... Это ли идеалы, которые вы съ моей женой у Даламбера, Дидро и у Руссо вычитали?

— Клевета, ваше величество! простите, не могу слышать такихъ рѣчей, уйду! — закрывъ лицо руками, сказала Дашкова.

— Порохъ, о! порошокъ! ужъ и бѣжать? — произнесъ, опять ее усаживая, Петръ Ѳедоровичъ: — ваша преданность моей женѣ понятна и почтенна... Saperlot! Кого она не заколдуетъ! Но вы, Катерина Романовна, имѣете сестру, простое и доброе созданіе. Дорожите ею больше... Ее, по достоинствамъ, ожидаетъ другой, завидный менажементъ... Узнаете о томъ послѣ...

Государь помолчалъ.

— Mein holdes Kind! — продолжалъ онъ: — уважьте одинъ благонамѣренный мой совѣтъ... Je vous dirai tout franchement... Не повредило бы вамъ помнить, что дружба честныхъ простаковъ и даже колпаковъ, какъ ваша сестра... да и вашъ всеодолженнѣйшій слуга... гораздо безопаснѣе, чѣмъ великихъ умниковъ, которые изъ апельсина выжмутъ сокъ, а корку бросятъ подъ столъ.

— Да въ чемъ же дѣло?—спросила Дашкова.

— О, все знаю, все, — повторилъ Петръ Ѳедоровичъ: — эхъ-эхъ! совѣтую, чтобъ послѣ не пришлось каяться...

«Что же онъ узналъ? и успѣю ли ее предупредить,—думала Дашкова, ѣдучи паркомъ въ Петергофъ и нетерпѣливо высовывая блѣдное, покрывшееся пятнами лицо то изъ одного окна кареты, то изъ другого,—очевидно, ему снова донесли; но о чемъ и на кого? Скоро десять часовъ. Императрица навѣрное уже одѣлась, или кончаетъ туалетъ. Всѣ ли мои извѣщенія, записки доходятъ до нея? Наши враги не дремлютъ, частыя свиданія опасны. Но теперь, по пути, авось успѣю»...

Красная съ гербами карета стала подниматься отъ взморья на лѣсистый косогоръ. Повѣяло смолистой прохладой.

Дашкова вышла изъ экипажа, распустила желтый съ бахромою зонтикъ и пошла въ тѣни развѣсистыхъ, густыхъ сосенъ и липъ. Съ холма обозначались ближайшія дачи, службы и крыши стараго петергофскаго дворца.

«И все я, одна я!—думала Дашкова, прищуренными, близорукими глазами отыскивая въ зелени нижняго сада знакомую черепичную кровлю и окна стараго, петровскаго Монплезира, въ которомъ теперь жила Екатерина: — пугаютъ, что друзья черезъ мѣру взволнованы, не выдержатъ и вызовутъ взрывъ. Пустяки, все спокойно... Панинъ стоитъ за легальный переходъ, за регентство и шведскую форму правленія. Я въ этомъ мало смыслю! Но время идетъ... Что съ Екатериной? Она какъ бы устраняется. Роется въ своихъ книгахъ, робка, какъ дитя, идеальна, какъ пансіонерка, и практикъ жизни ни на волосъ не знаетъ... Пьемонтецъ Одаръ, ея секретарь, все суетится, второпяхъ... Великія готовятся событія. И неужели мнѣ, слабой и скромной, суждено занять такую роль въ исторіи? Неужели мое имя? Не вѣрится, точно во снѣ»...

Дашкова остановилась, свернула зонтикъ, сѣла въ карету и поѣхала къ петергофскому дворцу.

«Нерѣшительная!—думала она объ Екатеринѣ, спускаясь паркомъ въ нижній садъ: — приглашена сегодня на обѣдъ въ Ораніенбаумъ, завтра на праздникъ въ Гостилицы. А тамъ грозятъ, что-то замышляютъ рѣшительное... Но гдѣ жъ ея экипажъ? Не видно. Или я съ нею ужъ разминулась?..»

Особый невысокій павильонъ Монплезира передними ком-

натами выходилъ ко взморью, внутренними примыкалъ къ березамъ и липамъ нижняго сада.

Въ передней павильона, на вылощенномъ годами, рѣзномъ, дубовомъ ларѣ, сложа руки, сидѣлъ и, подъ плескъ окрестныхъ фонтановъ, дремалъ гардеробмейстеръ государыни, Василій Григорьичъ Шкуринъ; черезъ комнату отъ него, въ цвѣточной, смежной съ кабинетомъ императрицы, у раскрытаго на взморье окна, въ чепцѣ и съ огромными, серебряными очками на носу, въ старинномъ кожаномъ креслѣ, вязала желтый шелковый чулокъ, любимая камерфрау государыни, Екатерина Ивановна Шаргородская. Тишина въ комнатахъ, во дворѣ и въ саду и на нее сильно дѣйствовала.

Шаргородская то и дѣло клевала носомъ, спускала петли, зѣвала, крестила ротъ и, опять зѣвая и вздыхая, принималась вязать. Она изрѣдка, сквозь дремоту, поглядывала въ окно, изъ котораго сквозь пахучую зелень деревъ виднѣлись мраморныя статуи на крыльцѣ, паруса дальнихъ судовъ и залитое солнцемъ, тихо плещущее море. Колыхнувшись чепцомъ еще разъ—другой, Шаргородская подумала:

«Да, не скоро еще... охъ, давно пробило девять... когда-то позовстъ?»—особенно сладко и широко зѣвнула и угнѣздилась въ креслѣ. Руки съ чулкомъ упали на фартукъ. Голова въ чепцѣ склонилась на плечо. Она заснула.

Небольшая веселая горенка, за цвѣточной, служила кабинетомъ и вмѣстѣ спальней императрицы. Высокія березы и липы за окномъ не мѣшали сюда врываться щедрымъ утреннимъ лучамъ.

Все здѣсь было уютно, домовито и чисто. На окнахъ цвѣтущія розы, лакфіоли и геліотропы. За ширмой—подъ бѣлымъ одѣяломъ—постель. У изголовья столикъ; на немъ, подъ зеленымъ экраномъ, двѣ восковыя, сильно обгорѣлыя свѣчи. У печки на стеганомъ шелковомъ тюфячкѣ двѣ кротечныхъ собачки, подарокъ какой-то англійской леди. По этотъ бокъ ширмы нѣсколько креселъ, шкапчикъ, софа, трюмо и письменный столъ. На креслахъ, на диванѣ и на софѣ накрахмаленные бѣлые, точно лишь сейчасъ вымытые и выглаженные чехлы. На выгибномъ, съ ящиками, столѣ чернильница; возлѣ куча книгъ и бумагъ. Между ними томы Буало, Монтескьё, Беля и Вольтера. Между софой и ширмой дверь въ уборную, бывшую подъ наблюденіемъ другой прислужницы государыни, помоложе, камеръ-юнгферы, Мавры

Савишны Перекусихиной. Все на мѣстѣ, нигдѣ ни сору, ни пылинки.

У двери въ уборную—табуретка; на ней лохань, на полу кувшинъ. Въ лохани что-то моетъ, съ засученными по локоть руками, лѣтъ тридцати-двухъ-трехъ, средняго роста, полная, бѣлокурая, красивая женщина.

Сѣрый котъ Багадуръ, лѣниво раскинувшись на софѣ, пошевеливаетъ пушистымъ хвостомъ и сладко щурится на солнечный лучъ, играющій по полу, по мебели и цвѣтамъ.

Во дворѣ прогремѣли колеса.

«Неужто ужъ подали?—подумалъ гардеробмейстеръ Шкуринъ, въ недоумѣніи взглянувъ на стѣнные, съ кукушкой, часы.—Нѣтъ, видно, чужой»,—сказалъ онъ себѣ, вставая.

Быстро вошла Дашкова.

— Что государыня?—спросила она:—ѣдетъ? одѣлась?

— Должно одѣлись... пожалуйте!—отвѣтилъ, отворяя дверь въ слѣдующую комнату, Шкуринъ.

Дашкова вошла въ столовую. Удивленно поднявъ брови на спящую Шаргородскую, она миновала ее, постучалась въ дверь кабинета.

— Herein!—послышалось оттуда.

Дашкова ступила за порогъ.

— Что это?—вскрикнула она, всплеснувъ руками.

— Какъ что, Богъ мой? Мою свои манжеты и воротнички,—отвѣтила, обернувшись къ ней, императрица.

Екатерина была въ утреннемъ бѣломъ, пикейномъ «корсетѣ» и въ кружевномъ простенькомъ чепцѣ поверхъ русыхъ, невысоко-убранныхъ волосъ. Двѣ стоячихъ букольки были взбиты у маленькихъ, безъ серегъ, красивыхъ ушей. Голубые, усмѣхавшіеся глаза смотрѣли привѣтливо и весело. Румяное, полное, съ прямымъ носомъ и круглымъ, крѣпкимъ подбородкомъ, лицо дышало свѣжестью и здоровьемъ. Бархатныя, синія ботинки, на высокихъ каблукахъ, обтягивали короткую и плотную, съ крутымъ подъемомъ, ступню. Голосъ Екатерины былъ грубоватый. Желая его смягчить, она говорила протяжно, съ замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ и нѣсколько нараспѣвъ.

— Такое занятіе, когда дорогъ каждый часъ, каждый мигъ?—произнесла Дашкова.

— Такъ у меня заведено; такъ, сударыня, извините, и дѣлаю!—отвѣтила флегматически Екатерина, внимательно

выжавъ и покраснѣвшими проворными пальцами встряхивая вымытое, причемъ отъ возни крупныя капли испарины собрались у нея надъ верхней губой.

«Вотъ она, подите!—подумала Дашкова,—собирается царствовать, а занята мытьемъ воротничковъ»...

— Но для того, простите, есть другія руки,—сказала гостья.

— Те-те-те, пойте мнѣ!—отвѣтила Екатерина:—съ этою частью я люблю вѣдаться сама. Времени сколько у насъ свободнаго... Кстати вчера я дочитала Annales ecclésiastiques Бароніуса, стихами перевела оду Вольтера въ вольности... А знаете ли, другъ мой, его Pensées sur l'Administration? Какая прелесть!.. La liberté consiste à ne dépendre que des lois... Вотъ умъ, вотъ мысли и штиль...

— Да развѣ книгами теперь заниматься?—воскликнула, пожавъ плечами, Дашкова:—мы на вулканѣ, слышите ли, на пороховой бочкѣ. Мигъ—и послѣдуетъ взрывъ!

Екатерина взглянула на нее.

— Мѣшокъ нерѣшительный, Панинъ, мямлитъ,—продолжала Дашкова:—этотъ мужикъ-гетманъ твердитъ хохлацкія поговорки, — моя хата съ краю, да скажи — какъ тамъ?— гопъ, когда перескочишь... А государь что-то узналъ, намекаетъ, не на шутку грозитъ... Простите, вы медлите, медлите!..

На глазахъ Дашковой навернулись слезы.

Екатерина подумала: «слава Богу, ничего вѣрнаго не знаетъ!»—ласково взяла ее за руку и посадила рядомъ съ собой. Ей вспоминались слова мужа Панину, при гробѣ покойной Елисаветы: «ототкну тебѣ уши, какъ взойду на престолъ, заставлю себя получше слушать»... Панинъ не могъ тянуть, долго ждать.

— Вы отчасти правы,—сказала она:—мужъ дѣйствительно могъ провѣдать немало промаховъ съ нашей стороны. Сколько толковъ, пустыхъ разговоровъ! точно орденъ ждутъ за суету и болтовню...

— Вы не дарите насъ своими указаніями,—отвѣтила Дашкова:—ахъ, сколько упущено! въ декабрѣ, въ ту ночь, когда я вамъ открылась, я просила у васъ наставленій, полномочій. Вы отвѣтили, надо надѣяться на Провидѣніе.

— То же скажу вамъ и теперь.

— Но вѣдь дѣло не ждетъ! — съ чувствомъ искренняго отчаянія, сказала Дашкова:—не о себѣ говорю,—о васъ.

— Да, милая,—отвѣтила Екатерина: — незавидна судьба

вашего бѣднаго друга. Я, русская въ душѣ, искренно полюбила мою вторую родину, и—что бы ни случилось—безъ борьбы не уступлю этой любви... Какъ царь Иванъ, я не стану думать объ убѣжищѣ межъ англичанъ, останусь здѣсь...

— Но надо дѣйствовать, не говорить! — перебила Дашкова:—иначе, клянусь, будетъ поздно...

— Дѣйствовать, но осторожно,—произнесла Екатерина:—и особенно отъ васъ, мой другъ, я жду резонабельныхъ мыслей и мѣръ...

Дашкова взглянула на императрицу.

— Не понимаете?—спросила, улыбнувшись, Екатерина:—вотъ что, не сердитесь только, къ добру вѣдь говорю... Пятнадцать записокъ, съ конными и съ пѣшими гонцами, отъ кого я получила въ эту недѣлю? И на всякую вашу цидулку изволь отвѣчать,—и я отвѣчала... Ну, это какъ, сударушка-голубушка, по-вашему, не суета?

Екатерина обняла Дашкову и крѣпко ее поцѣловала.

— Нѣтъ, воля ваша, нѣтъ! что хотите — не могу! — съ хлынувшими слезами, проговорила Дашкова: — ваша нерѣшительность, вашъ взглядъ на дѣло сгубятъ всѣхъ насъ и прежде всего васъ самихъ.

Екатерина не возражала. Въ ея глазахъ также выступили слезы. Одна рука ея была на рукѣ гостьи, — другою она обнимала Дашкову. Нѣсколько минутъ обѣ любящія, связанныя недавней дружбой женщины молчали. Лица ихъ были увлажены искренними слезами.

— Простите, ma bonne et chère amie,— сказала, цѣлуя Дашкову, Екатерина: — несчастье мой удѣлъ; вы меня жалѣете, но мы несогласны во взглядахъ. Вы ждете помощи отъ друзей,—я считаю, что она можетъ придти только свыше.

— И вы готовы покориться судьбѣ, вынести насильное постриженіе въ монастырь, или — что того хуже — отдать себя голштинцамъ заточить, вмѣсто принца Іоанна, въ Шлиссельбургъ?

— Ну, до того, авось, врядъ ли еще дойдетъ!—отвѣтила, сверкнувъ голубыми глазами, Екатерина.

Дашкова встала. Послѣднія слова императрицы ее окончательно взорвали. Глаза ея помутились. Лицо покрылось пятнами. Побѣлѣвшія, сердныя губы некрасиво усиливались что-то сказать. Екатерина взглянула на гостью—и ей стало ее вдвое жаль, и въ то же время почему-то было весело.

Круглый подбородокъ ея дрогнулъ. «Трусиха! — подумала она, — вотъ трусиха; любитъ, а какъ жалка... Какое сравненіе съ тѣми—римляне, орлы!..»

— Ну, повѣдайте, что вы еще слышали?—спросила Екатерина:—мнѣ пора ужъ и на обѣдъ.

Дашкова передала о своемъ заѣздѣ въ Ораніенбаумъ и о разговорѣ съ императоромъ. Пробило десять часовъ. Екатерина позвонила. Вошла Перекусихина, за нею Шаргородская. Онѣ внесли парадный траурный костюмъ императрицы. Къ подъѣзду, погромыхивая, подъѣхала тяжелая, шестерней карета.

— Что жъ, наконецъ, дѣлать?—спросила по-французски Дашкова, когда Екатерина съ нею вышла, въ черной флеровой шапочкѣ, на крыльцо.

— Терпѣніе, милая тёзка, терпѣніе и осторожность,— отвѣтила вполголоса, крѣпко пожимая ея руку, Екатерина:— вы—Катя, и я—Катя: будемъ обѣ Кати умницами...

«Ну, сударыня, ужъ извините — подумала Дашкова, глубокимъ, по всѣмъ правиламъ, реверансомъ раскланиваясь отъ крыльца съ уѣзжавшей императрицей,—придетъ срокъ,— не поцеремонимся съ вами...»

«Муха на рогахъ вола! — отвѣчая на поклонъ княгини Дашковой, подумала Екатерина:—бѣгаетъ, суетится... и все, Богъ мой, чтобъ только сказать, и мы-де орали, мы-де пахали пашеньку... Думаетъ, что ее приняли въ согласіе, что ей открытъ заговоръ... она не въ заговорѣ, а только въ разговорѣ... Нѣтъ, — прибавила себѣ Екатерина, — я неправа, я — esprit gauche! несносная страсть къ сатирничанью!.. Княгиня преданная, пылкая и женерозная особа, и много у нея, съ ея мужемъ, друзей... Преданность, пылкость! Не въ нихъ однѣхъ сила,—нужно притомъ и нѣчто другое...»

Мысли Екатерины унеслись далеко, — къ тѣмъ днямъ, когда она, приглашенная императрицей Елисаветой, впервые въѣхала, черезъ Ригу и Псковъ, въ Россію и приглядывалась къ ея пустыннымъ равнинамъ, одинокимъ селеньямъ и нескончаемымъ дремучимъ лѣсамъ, и когда ей грезилось, что она нѣкогда будетъ царствовать въ этой бѣдной, обширной странѣ.

Карета императрицы на полныхъ рысяхъ миновала последнюю просѣку петергофскаго парка. Стали видны у взморья высокое крыльцо и окна ораніенбаумскаго дворца. Желтые, синіе и бѣлые голштинскіе мундиры мелькали

уже здѣсь и тамъ, за сквозною чугунною оградой. Скакали вѣстовые. Отъѣзжали экипажи спѣшившихъ изъ столицы гостей.

XVIII.

Арестъ Пассека.

Обѣдъ въ Ораніенбаумѣ отличался особенною пышностью. Столъ, на пятьдесятъ кувертовъ, былъ сервированъ въ японской залѣ. Служили въ желтыхъ курткахъ и красныхъ тюрбанахъ арабы и съ страусовыми перьями на шапочкахъ скороходы. Императрица сидѣла рядомъ съ Минихомъ. Государь во время обѣда былъ сильно не въ духѣ. Изрѣдка перешептываясь съ Александромъ Шуваловымъ и съ Гудовичемъ, онъ изрѣдка вопросительно поглядывалъ на императрицу. Къ вечеру на маскарадѣ, въ оперномъ театрѣ, онъ, видимо, повеселѣлъ. На слова Воронцовой: «взгляните, государь, ваша супруга безъ екатерининской звѣзды: не оттого ли, что я по вашей милости, въ этомъ орденѣ?» — онъ отвѣтилъ: «ба! пустяки, Романовна! я спрашивалъ... она нечаянно сломала звѣзду и отдала въ починку Позье...».

На другой день, 27-го іюня, въ четвергъ, Петръ и Екатерина встрѣтились вновь на великолѣпномъ праздникѣ, данномъ въ честь высокой четы графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ и его братомъ-гетманомъ, въ Гостилицахъ.

Здѣсь были первыя красавицы изъ обычной дворской свиты императора. Всѣ были веселы, катались съ музыкой по озеру. Тосты сопровождались пушечной пальбой. Оба Разумовскіе, особенно любимецъ государя — гетманъ, наперерывъ старались угодить императору.—«Лобзаніе Іуды» — думали нѣкоторые изъ знающихъ тайны, глядя на нихъ.

— Завтра, надѣюсь, у васъ обѣдать и обо всемъ, безъ вредительныхъ иллюзій, поговорить,—сказалъ государь императрицѣ, уѣзжая вечеромъ въ Ораніенбаумъ: — а мои именины, послѣзавтра, проведемъ, не правда ли, у меня?

Императрица, молча, вдернула за собой по ступенькамъ экипажа траурный шлейфъ. Дверцы захлопнулись. Карета помчалась въ Петергофъ. Болѣе въ жизни Петръ съ Екатериной не видѣлись...

«Боже мой, Боже! — думала Екатерина, подавляя слезы и прислушиваясь къ топоту лошадей, — что меня ждетъ? Развязка близка. Никто и не подозрѣваетъ, что Панинъ и

гетманъ готовы... Терпѣть или предупредить ударъ? Свобода—и заточеніе, корона—и монастырь?.. Не сдамся, какъ правительница Анна... Лучшіе умы призову къ трону, буду править кротостью, голосъ всякой правды слушать. Обновлю, воскрешу эту забытую, бѣдную и вмѣстѣ богатую, мнѣ одной понятную страну. Стану матерью отечества... Умру или буду царствовать...»

Возвратясь въ Петергофъ, Екатерина отпустила прислугу, заперла двери и открыла окно. Море тихо плескалось у Монплезира.

«Дашкова! другъ мой! —думала императрица,—нѣтъ тебя возлѣ меня въ эти минуты, а ты мнѣ теперь такъ нужна... Что если ты права, если мы опоздали и нѣтъ уже возврата?»

Екатерина порылась въ ящикахъ, отложила и сожгла нѣсколько бумагъ, засучила до локтей рукава блузы и стала въ волненіи ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Малѣйшій звукъ у взморья и въ саду бросалъ ее въ холодъ и жаръ.

Петръ Өедоровичъ позже выѣхалъ изъ Гостилицъ. Онъ также былъ неспокоенъ и возбужденъ.

«Постой, матушка-голубушка! — думалъ онъ, приглядываясь къ стемнѣвшимъ полямъ, — не долго ждать... Послѣзавтра, въ субботу, мой праздникъ. День Петра и Павла надолго останется памятенъ. Все готово,—и Лизавета Романовна согласна, и принцъ Іоаннъ подъ рукой... Гетманъ обѣщаетъ полнѣйшій успѣхъ. Покажу принца народу, провозглашу наслѣдникомъ и обвѣнчаюсь... Жену и сына запру въ Шлиссельбургѣ, устрою временное регентство—изъ князя Никиты Трубецкого, Гудовича и дяди—принца Жоржа... и съ арміей въ походъ! Все готово... Они и не ожидаютъ».

«Какая тишина, какая! — сказалъ себѣ Петръ Өедоровичъ, подъѣзжая къораніенбаумскому дворцу: — миръ и не подозрѣваетъ, что ему готовится... Воздухъ и не шелохнетъ, кругомъ ни звука... О! сколько величія и сколько силы въ душѣ зоркаго, осторожнаго и рѣшительнаго человѣка. Панина пошлю въ Швецію — раздавить тамошнія своеволія, гетманомъ сдѣлаю Гудовича... Но главное, главное... Свѣтъ загремитъ отъ нежданной вѣсти, и новая великая страница прибавится къ исторіи Третьяго Петра».

За полчаса до возврата государя съ предательскаго пира, любимый его арапъ, Нарцисъ, пришелъ къ нему въ рабочій кабинетъ и положилъ на письменномъ столѣ письмо, при-

сланное съ тайнымъ гонцомъ отъ бывшаго государева парикмахера Брессана. На письмѣ была по-французски надпись: «весьма секретное и нужное». То былъ доносъ о заговорѣ.

Петръ Ѳедоровичъ, отыскивая сигары, увидѣлъ возлѣ нихъ пакетъ, — хотѣлъ его вскрыть, но чувствуя усталость, разсѣянно повертѣлъ его въ рукахъ, бросилъ на этажерку въ кучу другихъ, заготовленныхъ на утро бумагъ, прошелъ въ спальню, сталъ раздѣваться и задумался.—«Концертъ природы — концертъ душевныхъ страстей» — сказалъ онъ себѣ слова Стерна изъ книги, читанной наканунѣ. Его манило изъ комнаты на воздухъ.

Императоръ снялъ со стѣны любимую скрипку, подарокъ виртуоза Тастúни, вышелъ съ нею на балконъ—и долго, въ тишинѣ, покрывшей взморье, дворецъ и садъ, раздавались звуки нѣжныхъ каватинъ и пасторалей. Петръ Ѳедоровичъ игралъ, размышляя: «Все идетъ отлично... И какая полная, поэтическая тишина!.. Да! свѣтъ изумится новой страницѣ въ исторіи Третьяго Петра».

Было за полночь, когда онъ возвратился въ спальню. — «Волковъ изучаетъ французскую хартію, совѣтуетъ ввести въ Россіи сословія... Всякъ станетъ воленъ... Всякъ будетъ счастливъ, всякъ станетъ жить подъ своей смоковницей!» — Съ этими мыслями онъ обернулся къ стѣнѣ, услышавъ жужжаніе комара, сталъ слѣдить за его пѣсней и полетомъ и заснулъ.

Ожиданія императора не сбылись. Не черезъ день и не въ субботу, а того же двадцать-седьмого іюня, въ четвергъ, въ Петербургѣ произошелъ важный, хотя, повидимому, ничтожный случай.

Преображенскій гренадеръ, заслышавъ толки, что государыня въ опасности отъ голштинцевъ, зашелъ къ своему капитану, Петру Богдановичу Пассеку, узнать, правду ли говорятъ въ народѣ. Пассекъ отвѣтилъ, чтобъ не врали, и что государыня въ безопасности. Гренадеръ рѣшилъ глядѣть въ оба; ночью не сомкнулъ глазъ, ломалъ голову, а потомъ зашелъ къ преображенскому маіору Петру Петровичу Воейкову.

— Ваше высокоблагородіе,—сказалъ онъ:—явите божескую милость. Какъ бы послѣ за нихъ не отвѣчать.

— За кого?

— За голштинцевъ.

— А что?

— Да все ли, то-есть, въ благополучіи насчетъ матушки-царицы?

Воейковъ насторожилъ уши.

— Пустяки,—отвѣтилъ онъ.

— Спрашивалъ я по-тайности ихъ благородіе, Петра Богданыча,—сказалъ гренадеръ.

— Ну, и что же онъ?—спросилъ Воейковъ.

— Передай, говоритъ, солдатству, чтобъ до времени попусту не чесали языковъ. Нужно будетъ—объявятъ черезъ капральство.

Воейкова, какъ варомъ, обдали эти слова. Онъ понялъ, что дѣло неладно, задержалъ гренадера и арестовалъ Пассека.

«Вотъ и ручался въ осторожности» — подумалъ Ломоносовъ, узнавъ о томъ и вспоминая встрѣчу съ Пассекомъ у Фонвизина.

Пособники Екатерины потерялись. Въ грозной тишинѣ передъ ними какъ бы взлетѣла первая, вѣстовая ракета...

Панинъ узналъ объ этомъ отъ Орлова, играя вечеромъ у Дашковой въ карты. Дашкова посовѣтовала Орлову немедленно скакать въ Петергофъ и обо всемъ увѣдомить Екатерину, еще до разсвѣта. Панинъ послалъ наставленія гетману Разумовскому, командиру измайловскаго полка. Дашкова надѣла мужской плащъ и, не довѣряя Орлову, пошла узнать подробности къ Рославлеву. Всѣ были въ ожиданіи чего-то необычайнаго, рокового.

Мировичъ вторую недѣлю игралъ въ карты у Перфильева. Игра шла въ домѣ генерала Возжинскаго, бывшаго лейбъ-кучера Елисаветы Петровны, на Невскомъ, у Гостинаго двора. Мировичу везло, но онъ выбился изъ силъ, сталъ раздражителенъ, придирчивъ и грубъ.

Вечеромъ двадцать-седьмого іюня, когда партнеры Перфильева сидѣли за карточнымъ столомъ, къ нимъ, послѣ нѣкотораго отсутствія, вновь явился Григорій Орловъ. Онъ высыпалъ на столъ груду золота. Игра пошла съ новой силой. Разносили вина, прохладительныя.

Былъ второй часъ ночи. Мировича вызвали на крыльцо. Какой-то мужикъ подалъ ему записку. То было письмо Пчёлкиной. На дворѣ разсвѣтало. Мировичъ вскрылъ и прочелъ слѣдующія строки.

«Что вы дѣлаете?—писала Пчёлкина:—вы забыли всѣхъ

и все. Узнавъ, гдѣ вы скрываетесь столько дней, спѣшу сообщить то, что̀ сейчасъ узнала отъ заѣхавшаго къ намъ въ поискахъ за вами Ушакова. Городъ въ опасности. Каждое мгновеніе ждутъ взрыва. Вы просили услуги мнѣ. Вотъ она. Арестованъ Пассекъ; враги государя боятся его показаній и готовы дѣйствовать. Поѣзжайте къ Ушакову. Онъ все вамъ объяснитъ».

«Подлый я, гнусный!» — съ бѣшенствомъ сказалъ себѣ Мировичъ. Онъ бросился въ переднюю, схватилъ шляпу и шпагу, кликнулъ извозчика и поѣхалъ къ Смольному, гдѣ въ переулкѣ жилъ Ушаковъ. — «Вотъ она, рѣшимость, долгъ совѣсти! — разсуждалъ онъ, — все забылъ, все. У меня были средства предупредить государя, его спасти, и я тѣмъ пренебрегъ. Христосъ великій и единый, слава нашего ордена, и я тебѣ измѣнилъ! Многое думалось и все низвергнуто. Опять я погибшая натура, подлая и дикая тварь. А сравняться думалось, по слову братьевъ масоновъ, съ Моисеемъ, съ Гирамомъ-Апифомъ... Измѣнникъ, картежникъ, мотъ!..»

Скрипя зубами, Мировичъ сжималъ кулаки, тихо и злобно смѣялся надъ собой. — «Кто есть свободный каменщикъ? — спрашивалъ онъ себя съ дрожью негодованія, — человѣкъ, умѣющій сдерживать свои порывы, покорять волю свою разуму. Въ храмъ истины входятъ только премудрые; гордость и безчиніе изгоняются оттуда. А я не исполнилъ долга въ такое время, сидѣлъ за карточнымъ столомъ, слушалъ ревѣніе пирныхъ пѣсенъ, служилъ съ такими вертопрахами Бакху... Къ кому заповѣдано милосердіе? — къ бѣдствующему... Состраданіе? — къ виновному... Прости-жъ меня, Господи, прости слабому ученику, символъ котораго — неотесанный, грубый камень. Дай мнѣ искупить мою провинность... заслужить... Попущеніе паденія—въ планѣ горней твоей любви»...

На квартирѣ Ушакова Мировичу сказали, что Аполлонъ Ильичъ съ вечера нанялъ ямскихъ и уѣхалъ за городъ.

«Новое горе,—подумалъ Мировичъ,—отъ кого жъ теперь узнать?»

Онъ поѣхалъ обратно, и на Литейной вспомнилъ о Брессанѣ. Домъ камергера-парикмахера былъ ему по-пути, на Фонтанкѣ, у Симеоновскаго моста.—«Развѣ попытаться къ нему? — подумалъ Мировичъ, — онъ другъ государя, зналъ меня по корпусу».

Окно въ верхнемъ этажѣ дома Брессана было освѣщено, дверь на улицу—отворена. Отпустивъ извозчика, Мировичъ взошелъ по узкой деревянной лѣстницѣ.

Взволнованный и до крайности растерянный французъ сперва не призналъ гостя, потомъ принялъ его со слезами и съ распростертыми объятіями.

— Mon Dieu, quelle misère! какое горе!—вопилъ разбитымъ голосомъ, колотя себя въ грудь, нечесанный, въ халатѣ и туфляхъ на босу ногу, старикъ: — бѣдный, жалкій государь! Oh il est perdu! Я писалъ, я послалъ, но видно онъ мой раппо̀ръ не читалъ... полдня—и оттуда ни слуха...

Брессанъ въ подробности разсказалъ Миро̀вичу о случаѣ съ Пассекомъ, о сходкахъ и приготовленіяхъ сторонниковъ Екатерины, Панина, гетмана, измайловскихъ и преображенскихъ офицеро̀въ.

— Повозку и лошадей!—вскрикнулъ, выпрямляясь, Миро̀вичъ.

Лицо его вдругъ засіяло, точно онъ открылъ нѣчто необычайно-великое, міровую тайну.

— Ссудите вашихъ лошадей, — повторилъ онъ: — не все еще потеряно. Я мигомъ долечу и, хоть голова съ плечъ, все передамъ, предупрежу государя.

— Нѣтъ лошадей, всѣхъ разослалъ,—жалобно отвѣтилъ Брессанъ: — къ compte Шовало̀въ, къ пренсъ Трубецкой, остался одна расхожій водовозъ.

— Давай водовоза,—да ну же—чортъ возьми! vite, vite!..

Но и расхожая лошадь оказалась въ отсутствіи, на рынкѣ. Въ исходѣ четвертаго часа Миро̀вичу подали, наконецъ, коня. Онъ набросалъ какую-то бумагу, спряталъ ее на грудь, пожалъ руку Брессану, вскочилъ въ сѣдло и понесся вдоль Фонтанки.

«Не знаю, ка̀къ и что̀ — мыслилъ онъ, — но вѣрю, что сдѣлаю всѣмъ наперекоръ, всѣмъ...» — У Калинкина моста, гдѣ жила Филатовна, Миро̀вичъ придержалъ поводья, миновалъ заставу шагомъ. Полная тишина царила окрестъ. Предмѣстье, пробуждаясь, еще молчало. Ни конныхъ, ни пѣшихъ. Слѣва въ Измайловскомъ полку, прогремѣла чья-то запоздавшая карета; но и та вскорѣ затихла. Отъ ближнихъ садовъ и огородовъ тянуло запахомъ росистой листвы. Гдѣ-то надъ крышей поднялся ранній дымокъ. Миро̀вичъ миновалъ предмѣстье и во всю прыть помчался по пути въ

Ораніенбаумъ, думая про себя: — «Гетманъ измѣнникъ, не диво еще,—сластолюбецъ; но Панинъ... видно, чѣмъ больше идеализма, тѣмъ загребистѣе лапа...»

Но въ то же утро и ранѣе отъѣзда Мировича, благодаря Дашковой, случилось непредвидѣнное событіе, которому добродушный лѣтописецъ того времени далъ скромное и мѣткое названіе: «Предпріятіе господина Орлова».

Въ Петергофъ, далеко до разсвѣта, скакалъ на лихой, собственной тройкѣ, Алексѣй Орловъ.

XIX.
„Предпріятіе господина Орлова".

Былъ въ началѣ пятый часъ утра двадцать-восьмого іюня. Полная тишина покрывала петергофскій садъ, дворецъ и паркъ. Солнце поднялось, хотя туманъ отъ взморья еще стлался по садовымъ низамъ, кое-гдѣ точно облакомъ дыма захватывая террасы и дороги верхняго сада.

Къ опушкѣ парка подъѣхала взмыленная тройка. Съ телѣги всталъ присланный Дашковой большого роста, въ преображенскомъ кафтанѣ, офицеръ. Отпустивъ ямщика, онъ прошелъ къ лѣсной караулкѣ и послалъ сторожа на ближнюю мызу. Отъ послѣдней вскорѣ подъѣхала двухмѣстная коляска, четверней.

Оставивъ коляску у ограды парка, офицеръ спустился къ Монплезиру, поглядѣлъ на окрестныя аллеи, на окна и крыльца еще погруженнаго въ дремоту стараго павильона, подошелъ къ его галлереѣ и склонился къ окну. Изъ-подъ опущенной занавѣски нельзя было разглядѣть внутренности комнатъ. То было помѣщеніе камеръ-фрау государыни, Шаргородской. Офицеръ постучалъ въ окно, но, видя, что его не слышатъ, вошелъ съ черной лѣстницы въ сѣни и въ небольшой полуосвѣщенный коридоръ. Дверь направо вела въ помѣщеніе гардеробмейстера Шкурина; налѣво—въ комнаты Шаргородской, смежныя съ собственными покоями императрицы. Въ павильонѣ, очевидно, всѣ еще спали.

Офицеръ вошелъ въ комнату на-лѣво.

Собачка Шаргородской залаяла и разбудила свою хозяйку.—«Что вы, Алексѣй Григорьичъ?»—спросила, испуганно выглянувъ изъ спальни, Катерина Ивановна. Офицеръ объяснилъ причину нежданнаго своего посѣщенія. Шаргородская стремглавъ бросилась къ опочивальнѣ императрицы.

— Въ чемъ дѣло?—спросила гостя изъ-за двери Екатерина.

— Не медлите, ваше величество, ни минуты!—отвѣтилъ Орловъ:—надо рѣшиться, ѣхать.

— Но ради Бога, что̀ произошло?

— Пассекъ арестованъ, — сказалъ по-французски Орловъ:—вамъ грозитъ Шлиссельбургская крѣпость или, какъ первой женѣ Великаго Петра,—монастырь...

Екатерина болѣе не разспрашивала.—«Одѣваться!»—сказала она Шаргородской, и черезъ нѣсколько минутъ вышла въ простомъ темномъ платьѣ, въ лентѣ и звѣздѣ—подъ мантильей. Легкая дрожь пробѣгала по ея членамъ; лицо было блѣдно, но совершенно спокойно. Глаза смотрѣли бодро и свѣтло.

— Готова! — произнесла она Орлову: — но подъ какимъ видомъ мы пройдемъ мимо сторожей и часовыхъ?

Силачъ и гуляка, незнавшій колебаній и ходившій въ одиночку съ рогатиной на медвѣдей, Орловъ затруднился отвѣтомъ. Смѣлость начинала его покидать.

— Подъ видомъ вашей жены, — рѣшила императрица, взявъ зонтикъ и вуаль и подавая руку Орлову.

Они вышли изъ павильона.

— Если бъ я была солдатомъ, — произнесла Екатерина, минуя первую аллею: — я никогда не дослужилась бы до генерала.

— Почему?—спросилъ Орловъ.

— Меня бы убили еще капраломъ...

Нижній садъ, благополучно прошли. По берегу стлался туманъ. Море тихо плескалось о пристань: оттуда неслась пѣсня: «Охъ, ты, волюшка, свѣтъ печаль!» Начался верхній садъ, смежный съ паркомъ. За рѣшеткой, на улицѣ, слышалось уже движеніе. Шли бабы на рынокъ, садовники съ тачками. Отставной елисаветинскій солдатъ-сторожъ, у воротъ парка, вытянулся и отдалъ честь офицеру.

Екатерина спокойно сѣла въ коляску, припасенную наканунѣ, по распоряженію гардеробмейстера Шкурина. Орловъ сѣлъ къ кучеру на козлы. Другой, будто случайно наспѣвшій офицеръ, капитанъ корпуса инженеровъ, Василій Ильичъ Бибиковъ, бесѣдуя съ ними, поѣхалъ сбоку коляски, покуривая трубочку. Все имѣло видъ утренней прогулки. Лошади бѣжали легкою рысью. Обогнувъ опушку парка, путники остановились. Орловъ предложилъ Бибикову занять

мѣсто съ Екатериной, кучеру велѣлъ взять его коня, самъ взялъ вожжи и погналъ четверню вскачь.

— Знаменательный день,—сказала Екатерина Бибикову, глядя на выходившее имъ навстрѣчу солнце: — ровно восемнадцать лѣтъ назадъ, также двадцать восьмого іюня, я торжественно приняла въ Москвѣ православіе... Еще помню, покойная государыня-тётка и всѣ были удивлены, что я, недавняя гостья этой страны, такъ отчетливо прочла вслухъ символъ вѣры...

Рощи и долины, тамъ и здѣсь разбросанные домики и мосты мелькали по сторонамъ. Густая пыль столбомъ взвивалась отъ колесъ.

Встрѣчные путники,—солдаты, чухны на двухколесныхъ таратайкахъ, косцы,—сторонились, оглядываясь и недоумѣвая, что за особу мчалъ въ коляскѣ лихой и ражій преображенскій сержантъ.

Вотъ Стрѣльна. Близятся сады Сергіевой пустыни. За ними лѣсъ, яровое поле и избушки села Лигова. Новые луга и лѣсъ, деревушки, Горѣлый и Красный кабачки.

У спуска на мостъ, не доѣзжая Краснаго кабачка, изъ рощи навстрѣчу коляскѣ, выскочилъ на рыжемъ, толстоногомъ конѣ всадникъ. То былъ Мировичъ. Онъ еще издали примѣтилъ и мчавшійся стремглавъ съ лѣсистаго пригорка четверикъ, и фигуру рослаго гвардейца, гнавшаго вскачь лошадей.

«Кто-бъ это былъ?» — разсуждалъ Мировичъ, слѣдя за облакомъ густой пыли, летѣвшей ему навстрѣчу.

Коляска съ опущеннымъ верхомъ, мелькающія копыта и морды лошадей, грохотъ колесъ по бревнамъ моста и раскраснѣвшееся, запыленное лицо мундирнаго возницы, со шрамомъ на щекѣ, все это быстро мелькнуло и пронеслось мимо Мировича.

«Орловъ! ужели онъ?—спросилъ себя, оглядываясь, Мировичъ: — нѣтъ, я того оставилъ съ прочей компаніей у Перфильева! — Въ это мгновеніе ему бросилось въ глаза еще одно обстоятельство: съ задней оси коляски, очевидно, была обронена гайка. Колесо чуть держалось въ бѣгу.

— Эй, эй!—крикнулъ Мировичъ возницѣ.

Коляска мчалась по тотъ бокъ моста.

— Эй, колесо! колесо! — громче крикнулъ и замахалъ шляпой Мировичъ.

Дама подъ вуалью выглянула изъ экипажа: возничій началъ сдерживать. Коляска скрылась у Лигова, въ овражистомъ, лѣсномъ круглячкѣ.

Мировичъ подождалъ. Четверня не выѣзжала изъ лѣса.— «Такъ и есть, услышали, замѣтили колесо! — сказалъ себѣ Мировичъ,—любовишка, видно, похищеніе дамы сердца... и кому это я услужилъ?»—Онъ пришпорилъ коня и, взобравшись на пригорокъ, опять оглянулся.

Коляску бросили въ лѣсу. Кромѣ колеса, помѣшалъ дышловый загнанный конь — онъ упалъ бездыханный. Путники шли по дорогѣ пѣшкомъ. А отъ недальняго и ужъ виднаго въ утренней мглѣ предмѣстья, навстрѣчу имъ, шестерней мчалась городская карета. Вотъ она ихъ достигла; они сѣли, и еще быстрѣе понеслись въ Петербургъ.

«Что бы я далъ, что бы я далъ за то, чтобъ путники примѣтили, кто именно оказалъ имъ эту услугу! — думалъ впослѣдствіи Мировичъ не разъ, подъ тяжкими ударами жизни, до мелочей вспоминая всѣ роковыя, всѣ горестныя событія того дня: — и нужно же мнѣ было подать голосъ, остановить! Не обрати я ихъ вниманія, бѣшеныхъ коней не удержали бы, и отъ кого нынѣ зависѣла бы моя судьба, участь милліоновъ—неизвѣстно»...

Встрѣченная карета принадлежала князю Өедору Сергѣевичу Барятинскому, тому самому, который въ маѣ отъ Петра Өедоровича получилъ-было приказъ арестовать императрицу. Съ нимъ, навстрѣчу Екатеринѣ, примчался и Григорій Орловъ.

— Наше море не волнуется, входитъ только въ свои берега,—сказалъ послѣдній.

— Пить хочется, страхъ душно!—отвѣтила Екатерина:— больше версты спѣшили вамъ навстрѣчу пѣшкомъ.

Братья Орловы стали на запятки. Барятинскій и Бибиковъ были приглашены государыней въ карету. Лошади понеслись, и вскорѣ карета уже гремѣла въ улицахъ предмѣстья.

У Калинкина моста дорогу переходила высокая, въ мужскомъ камзолѣ, сѣдая старуха, съ полными ведрами.

— Минуту, ради Бога, пить!—сказала Екатерина.

Экипажъ остановился. Старуху подозвали къ дверцамъ. Екатерина, стоя на подножкѣ, ухватила обѣими руками влажное, полное ведро и медленно, жадно напилась. — «Мигъ—и калейдоскопъ обернется!—думала, видя себя въ

водѣ, какъ въ зеркалѣ, Екатерина, — мигъ, и исчезнутъ грезы, ожиданія тяжелыхъ восемнадцати лѣтъ»...

— Въ долгій вѣкъ тебѣ, въ добрый часъ! — приговаривала старуха, кланяясь и разглядывая необычную путницу:— Никола въ помощь, Христосъ по дорожкѣ!

— Спасибо, милая, — сказала Екатерина, оторвавшись отъ ведра и отрадно вздохнувъ: — какъ тебя звать?

— Лейбкампанша, Настасья Бавыкина; здравствуй и много лѣтъ живи, матушка-государыня, во святой часъ, въ архангельскій.

— Гдѣ живешь?

— У грекѐни Бунди.

«Лейбкампанша, слуги тетки,—подумала Екатерина,—не забуду... это вѣдь первая»...

Бичъ щелкнулъ. Карета миновала ближнія роты Измайловскаго полка и остановилась на зеленомъ пустырѣ, у полковой съѣзжей. Здѣсь еще было тихо.

Подъ сигнальнымъ колоколомъ, у моста черезъ ровъ, ограждавшій полковой дворъ, съ ружьемъ на плечѣ, стоялъ часовой. Екатерина вышла изъ кареты. Часовой сразу ее узналъ. Не спуская съ нея загорѣвшихся изумленіемъ, страхомъ и радостью глазъ, онъ вытянулся у входа на мостъ и молча взялъ на караулъ.

«Пропустить ли?—подумала Екатерина,—что̀, какъ заступитъ дорогу, подастъ неурочный сигналъ къ тревогѣ?» — Лицо ея покрыла краска.

Не спѣша и не глядя на караульнаго, она мѣрнымъ, спокойнымъ шагомъ твердо направилась отъ кареты къ мосту.

Часовой не шелохнулся. Только грудь его высоко поднималась, да молодое, замиравшее сердце билось шибко и горячо.

«Вотъ спустить на перилы мушкетъ, ударитъ въ колоколъ!»—мыслила Екатерина, въ холодѣ и трепетѣ неизвѣстности, смѣло и бодро ступая по сѣрымъ, стоптаннымъ горбылинамъ мостовинъ.

«Проходи, умница, радость! — думалъ тѣмъ временемъ, смотря на государыню, часовой: — угадываю... Вонъ они, орлёнки, сподвижники твои, смѣльчаки... Иди... Не на утѣсненія, не на гибель и безцѣльную трату нашихъ силъ... на славу, честь и свободу патріотовъ шествуешь царствовать»...

Екатерина безпрепятственно прошла за канаву, спутники слѣдовали за ней.

— Имя твое?—на мигъ замедлясь и взглянувъ на блѣдное, умное лицо рядового, спросила Екатерина.

— Обожатель и вѣрный рабъ вашего величества, Николай Новиковъ! — отвѣтилъ, брякнувъ ружьемъ, въ честь давно-жданной гостьи, часовой.

Старшій Орловъ вошелъ въ сборную. Оттуда выскочилъ полураздѣтый солдатъ, за нимъ еще нѣсколько рядовыхъ. Глухо и несмѣло загремѣлъ барабанъ. Бодрѣе вторя ему и будя утреннюю тишину, въ смежныхъ ротныхъ дворахъ зарокотали другіе барабаны. Екатерина стала у окраины съѣзжей площадки. Справа и слѣва сбѣгались старые и молодые солдаты. Привели подъ руки блѣднаго растерявшагося священника, съ крестомъ. Вынесли изъ полковой церкви и поставили среди двора аналой.

— «Присягать! присягать!» — «Ура, услышала насъ матушка-царица!»—кричали гренадеры. Взводъ за взводомъ и рота за ротой, сбрасывая по пути узкіе, новаго образца, и надѣвая старые, отнятые въ цейхгаузъ, лизаветинскіе кафтаны, сбѣгались въ гудѣвшій и переполненный радостною толпою дворъ. Началось цѣлованіе креста.

Когда наспѣла послѣдняя рота, офицеры Вырубовъ, Рославлевъ, Всеволожскій, Ласунскій и Похвисневъ замахали шляпами. Крики смолкли. Екатерину окружили.

— Я къ вамъ явилась за помощью! — раздался въ тишинѣ ласковый и звучный, какъ бы мужской, далеко слышный голосъ: — опасность вынудила меня искать среди васъ спасенія...

Новиковъ, оттѣсненный навалившейся толпой, поднялся на цыпочки. Невысокая, полная, съ румянцемъ тревоги, Екатерина стояла въ десяти шагахъ отъ него. Руки ея были протянуты; на лбу и надъ верхней губой выступили крупныя капли пота; затуманенные глаза робко искали вокругъ опоры.

— Совѣтники государя, моего мужа,—продолжала она:— рѣшили безъ промедленія заточить меня и моего единственнаго сына въ Шлиссельбургскую крѣпость...

— Смерть голштинцамъ! смерть!—загудѣла толпа.

— Отъ враговъ было одно спасеніе—бѣгство,—сказала, утирая слезы, Екатерина:—бѣжать могла я не инако, какъ къ вамъ... На васъ надѣюсь, вамъ вѣрю. Окажете ли помощь сыну и мнѣ?

— Всѣхъ веди! жизнь положимъ, — не выдадимъ! смерть супостатамъ!..

— Никого не трогайте, — произнесла Екатерина: — слушайте начальниковъ, Богъ за насъ.

Солдаты и офицеры бросались передъ Екатериной на колѣни, цѣловали ей руки, платье. Вынесли полковое знамя.

— «Къ семеновцамъ! въ Казанскій!» — кричали одни.— «Къ преображенцамъ! они матушку Лизавету ставили на царство!»—кричали другіе.—«Въ конную гвардію... по всѣмъ церквамъ!.. Карету! гдѣ же гетманъ?»—«Къ Панину, въ Лѣтній, поскакалъ».—«А Алексѣй Орловъ?»—«За архіереемъ Дмитріемъ...» — «Въ Казанскій! въ Казанскій!» — Роты строились.—«Что мѣшкаете, ротозѣи?» — кричалъ Рославлевъ.— «Живо знамена впередъ, барабаны!»—командовали Обуховъ и Ласунскій.—«Спасительница наша! мать родная! виватъ!»— не умолкали солдаты.—«Пушки вывози! Стройтесь! — кричало капральство:—священника впередъ! въ Казанскій!»

Вправо и влѣво, во всѣ концы скакали вѣстовые.

Подъ напоромъ ломившейся впередъ, кричавшей и махавшей шляпами и мушкетами толпы, императрица снова сѣла въ карету. Приземистый, съ крестомъ въ рукѣ и съ дрожавшей, бѣлокурой бородкой священникъ, покашливая и испуганно путаясь въ голубой, полинялой рясѣ, двинулся впередъ. Выстроившійся полкъ, окруживъ карету государыни, послѣдовалъ за нею.

Предводимые Вадковскимъ, Ѳедоромъ Орловымъ и другими офицерами, семеновцы также принесли присягу. Съ Загороднаго проспекта шествіе двинулось по Гороховой, своротило въ Мѣщанскую и стало приближаться къ площади Казанскаго собора.

Окна и двери раскрывались настежъ. Горожане присоединялись къ шествію и также кричали виватъ и ура.

XX.
Явленіе Фелицы.

Утромъ того же двадцать восьмого іюня, Ломоносовъ проснулся ранѣе обыкновеннаго. Ему предстоялъ окончательный просмотръ хвалебной латинской рѣчи, которую онъ, по наряду, долженъ былъ завтра, въ день государевыхъ именинъ, прочесть въ торжественномъ засѣданіи академіи наукъ. Сверхъ того, онъ помнилъ слово, данное студенту

Фонвизину, быть въ Измайловскомъ полку.—«Охъ, ужъ эти разъѣзды, да именинные пироги! одна времени трата!»— ворчалъ онъ, поднявшись на утренней прохладѣ въ оконченный поправками, рабочій кабинетъ флигеля. Въ девятомъ часу кухарка просунулась въ дверь, съ чашкой кофе и съ только-что занесенной академическимъ разсыльнымъ тетрадкой «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». На заголовкѣ газеты стояло: «№ 52, пятница, 28-го іюня.—Далѣе была статья: «Изъ Рима, отъ 27-го мая пишутъ... Езуиты купили для братіи своей домъ маркиза Д'Оссоли, Слухъ носится, что намѣрены уничтожить сіе братство...»

«Вела рѣчь свинья! чорта съ два! — подумалъ Ломоносовъ, — какъ разъ уничтожатъ этихъ аспидовъ...» — Онъ бросилъ газету на столъ, раскрылъ окно въ садъ, вынулъ изъ ящика набросокъ рѣчи и задумался надъ фразой: «Hic festus Petri, patrae dilectissimae patris et filii, dies usque in aeternum redivivus recurrat...» и проч. По-русски фраза означала: «Сей день Петра, отца отечества и сына, — съ удвоеннымъ торжествомъ, да возвращается навсегда болѣе радостнымъ, болѣе счастливымъ, и да принесетъ въ позднѣйшее потомство общее нерушимое веселіе...»

Ломоносовъ опять сѣлъ къ столу. Но едва онъ взялся за перо, — съ улицы послышались громкіе, нестройные голоса. Въ окно было видно, какъ берегомъ Мойки, влѣво къ Синему мосту, въ безпорядкѣ бѣжала густая толпа: мужики съ барокъ, фабричные, бабы и мастеровые. Часть бѣжавшихъ замедлилась и, въ облакѣ поднятой пыли, съ бранью и криками, толкала какого-то долговязаго, въ голштинскомъ мундирѣ, офицера.

«Попался нѣмецъ,—подумалъ Ломоносовъ,—чѣмъ-нибудь, грубіянъ, насолилъ». — Толпа продвинулась. Берегъ очистился. Но опять гдѣ-то раздались голоса. Съ ближнихъ и дальнихъ церквей начинался странный, не по времени перезвонъ. — «Не пожаръ ли?» — пришло на мысль Ломоносову. Онъ взглянулъ на часы. Было съ небольшимъ восемь.

«Батюшки, свѣтопреставленіе! — послышался снизу, подъ лѣстницей, ревъ кухарки: — злодѣи! масло!.. масла цѣлую крынку... банку съ ваксой стащили... Изверги! погубители!»

Ломоносовъ спустился во дворъ. У воротъ шла суета. Шныряли какія-то фризовыя шинели: растегнутые, съ красными лицами, матросы заглядывали въ калитку у воротъ.

Незнакомый священникъ, испуганно шмыгнувъ съ улицы, о чемъ-то разспрашивалъ дворника. А дворникъ, торопливо выпрягая изъ тачки лошадь, похлопывалъ ее по спинѣ, подрыгивая разутыми, въ подвернутыхъ шароварахъ, ногами, точно собирался вспрыгнуть на коня и куда-то ускакать.—«А-а-а! ура!»—донеслись отъ Синяго моста раскатистые громкіе крики.

«Нѣтъ! не пожаръ!—сказалъ себѣ Ломоносовъ:—ужли-жъ перемѣна, нежданный, всякими бѣдствами грозящій, мятежъ?»—Онъ взялъ трость и шляпу, вышелъ на улицу и, обгоняемый пѣшими и конными, направился влѣво по Мойкѣ.

— Сполóхъ, ребятушки, сполóхъ! даржи, Сысойка, даржи... У-ахъ! — галдѣли обрызганные известкой и глиной штукатуры и каменщики, гуськомъ выбѣгая изъ сосѣдняго двора.—«Гдѣ сполóхъ? эка, врутъ, идолы!»—сердито огрызнулся пузатый, рыжій кабатчикъ, въ кумачной рубахѣ и фартукѣ, на босу-ногу, стоя съ стаканомъ сбитня на крыльцѣ погребка.—«Чтобъ-те перекосило съ угла на уголъ!»—сказалъ кто-то. — «Вотъ постой, толстошей! ужó всѣмъ вамъ будетъ расплата! всѣхъ порѣшатъ!» — крикнулъ костлявый, въ веснушкахъ, верзило-маляръ, съ ведеркомъ и кистью, спѣша вслѣдъ за другими.

У Краснаго моста Ломоносовъ въ силу уже могъ подвигаться впередъ. Изъ глубины Гороховой доносилось громкое ура. Тамъ двигались солдаты и развѣвались знамена. При въѣздѣ на мостъ скучилось нѣсколько экипажей. Въ одной изъ каретъ былъ виденъ бывшій фаворитъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, торопливо и растерянно говорившій съ кѣмъ-то изъ подъѣхавшихъ знакомцевъ. Изъ другой, заторможенной кричавшей и напиравшей со всѣхъ сторонъ толпой, выглядывало искаженное страхомъ, съ помутившимися, дико уставленными глазами и съ дрожавшею, отвислою губой, мертвенно-блѣдное лицо герцога Бирона...

Съ трудомъ протискавшись черезъ мостъ, Ломоносовъ попалъ въ такую давку, что не могъ уже идти по желанію. Отъ Краснаго моста его унесло на Невскій къ Зеленому, или Полицейскому. Домъ полиціи былъ окруженъ народомъ. Ворота его были взломаны, стекла въ окнахъ выбиты. Передъ тѣмъ только-что арестовали и куда-то отправили генералъ-полицмейстера Корфа. Толпа запыленныхъ, освирѣпѣлыхъ фабричныхъ и солдатъ, съ криками: «въ воду

его! всѣхъ ихъ чертей, нѣмцевыхъ слугъ, туда!»—кулаками и прикладами толкала въ Мойку перепуганнаго, въ изорванномъ бархатномъ кафтанѣ и въ большомъ всклоченномъ парикѣ, старичка-иностранца. Какой-то офицеръ, въ силу отбивъ у рядовыхъ полумертвую измятую фигурку, втолкнулъ ее въ лодку и велѣлъ везти въ крѣпость. — «Лештокъ!»— послышалось въ толпѣ. — «Какой Лештокъ?» — А мало ли ихъ дьяволовъ, нѣмцевъ... Вонъ, и дядюшку Жоржа исколотило солдатство, порвало на немъ одёжу...»

«Sic transit gloria mundi! — подумалъ Ломоносовъ, — но откуда все и въ чемъ дѣла суть?»

У Казанскаго собора онъ узналъ, наконецъ, причину общаго волненія.

Не успѣло шествіе показаться въ Мѣщанской, отъ гостинаго двора послышались крики и прерывистая, барабанная дробь. У чугунной соборной ограды показались бѣжавшіе по Невскому въ свѣтлозеленыхъ елизаветинскихъ кафтанахъ, съ мушкетами на-перевѣсъ, преображенцы. Офицеры, вожаки движенія, Бредихинъ, Баскаковъ, Протасовъ, Ступишинъ и Чертковъ въ силу сдерживали и равняли ихъ мѣшавшіеся ряды.

— Виноваты, матушка, поздно пришли! — кричали государынѣ гренадеры.

Не успѣли преображенцы выстроиться въ оградѣ, на Невскомъ опять раздались звуки трубъ, стукъ подковъ и ближе, и ближе переливавшіеся крики ура. Стали видны скачущіе, тяжелые ряды зеленыхъ, въ золотыхъ галунахъ, рейтаровъ. На полномъ карьерѣ, съ палашами на-голо и съ распущеннымъ штандартомъ, гремя подковами по мостовой, неслась отъ Аничкова конная гвардія. — Матушка! солнце ты свѣтлое! спасительница! не выдадимъ!»—восторженно кричали конногвардейцы, предводимые Хитрово, Несвицкимъ, Ржевскимъ, Черкасскимъ и Мансуровымъ, строясь между соборомъ и садомъ гетмана Разумовскаго (нынѣ воспитательный домъ).

На паперти показался окруженный «всѣмъ освященнымъ соборомъ и синклитомъ» въ полномъ облаченіи новгородскій архіепископъ Дмитрій Сѣченовъ. Онъ осѣнилъ крестомъ Екатерину. Солнце свѣтило на бѣлый глазетъ, малиновую парчу, сѣдыя головы и бороды духовенства. Траурное платье

Екатерины сиротливо отличалось въ этой смѣси бархата, золота и яркихъ солнечныхъ лучей.

«Присягать! присягать!—раздавались восклицанія:—правительницей! съ сыномъ Павломъ! регентшей...» — «Одна, одна! да здравствуетъ самодержица, матушка наша, Екатерина Алексѣевна!»—крикнулъ Алексѣй Орловъ и за нимъ передніе ряды.—«Ура! — подхватили остальные: — самодержицей! крестъ цѣловать! ура!..»

Быстро примчалась шестерней золотая придворная карета. Изъ нея вышелъ блѣдный, старавшійся скрыть радостное волненіе, Никита Панинъ, объ руку съ своимъ питомцемъ, встревоженнымъ, робко шагавшимъ, худенькимъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ.

Архіепископъ спустился съ паперти и сталъ обходить ряды войска. Офицеры кидались на колѣни передъ Екатериной, восторженно махая шпагами и шляпами. Окна, балконы и двери окрестныхъ домовъ переполнились зрителями. Кто не попалъ на площадь, взбирался на смежныя крыши, на деревья Невскаго и гетманскаго сада.

— Гдѣ императрица? гдѣ? позвольте! — спросилъ, силясь взглянуть изъ-за спинъ другихъ, невысокаго роста, круглощекій юноша, съ вспотѣвшимъ, миловиднымъ лицомъ, подъѣхавшій на извозчикѣ съ Мѣщанской.

— Вонъ она, батюшка, вонъ, а возлѣ нея великій князенька, Павелъ Петровичъ,—отвѣтилъ въ мѣщанскомъ зипунишкѣ старикъ.

— Да гдѣ же? позвольте, не видно.

— На паперти, сударь, эвоси, прямо глядите; въ печальномъ-то платьѣ... въ черной шапочкѣ, со звѣздой.

— Экъ, глаза, дѣдушка, куда дѣлъ? — отозвался голосъ изъ толпы: — проворонилъ... съ преосвященнымъ ушла въ соборъ.

— Молебствуетъ! на царство вѣнчается! — слышалось здѣсь и тамъ.

— А Панинъ-то не оставлялъ великаго князя, съ нимъ эти ночи, сказываютъ, спалъ, оберегалъ царское дѣтище...

Давка на площади стала стихать.

Щеголеватый юноша, оправляя букольки и примятый треуголъ и распространяя запахъ пѣтушьихъ ягодъ, протискался въ церковную ограду.

Здѣсь Фонвизинъ увидѣлъ своего знакомца, рядового Дер-

жавина. Послѣдній, размахивая руками, что-то разсказывалъ преображенцамъ и какъ бы на кого-то жаловался.

— Чтò съ тобой?—спросилъ его Фонвизинъ:— и каково происшествіе?

— Представь, случай!—обратился къ нему Державинъ:— и въ такое время... Вчерась, изъ-подголовка, она бестія выкрала всѣ деньги—больше ста рублей...

— Кто выкралъ?

— Да слуга одного солдата-помѣщика... И смѣхъ, и жаль, — такова судьба! родительница сколотила и прислала послѣднее. Вѣришь ли, всю ночь не спалъ...

— Ну, теперь зато утѣшенъ.

— Еще бы.

— А гдѣ вашъ баталіонный Воейковъ, что Пассека арестовалъ?

— Представь, вздумалъ гренадеръ, чтобъ не шли сюда, бранить и по ружьямъ рубить. Тѣ рыкнули на Литейной и кинулись на него со штыками...

— И что жъ?

— Ускакалъ—по брюхо коня—въ Фонтанку, не достали.

— А эти кто?

— Дашкова... Панинъ... гетманъ Разумовскій...

Къ собору наспѣвали извѣстные городу вельможи и жены сановниковъ. Фонвизинъ также протискался на паперть. Голова его кружилась. Онъ слушалъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ. Въ раскрытую дверь церкви были видны ярко горѣвшія лампады и свѣчи. Съ клубами дыма доносились громкіе возгласы протодіакона: «Еще молимся о благочестивѣйшей, самодержавнѣйшей, великой государынѣ... императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ... и о наслѣдникѣ ея Павлѣ Петровичѣ...» Хоръ пѣвчихъ подхватывалъ. И никогда клирное пѣніе не казалось Фонвизину такъ сладко, какъ теперь.

«Боже! какія событія!—думалъ онъ, за слезами восторга не видя вкругъ себя никого, — чаялъ ли, ожидалъ ли кто такъ скоро?»

Онъ вынулъ платокъ, отеръ глаза и раскраснѣвшееся лицо—и оглянулся.

У зеленой, развѣсистой липы на Невскомъ, стиснутый задыхавшеюся отъ жары и давки толпой, стоялъ близъ церковной ограды знакомый, атлетическаго вида, господинъ.

Плотныя плечи высились надъ устремленными къ церкви головами; поярковый, порыжѣлый отъ вѣтра треуголъ былъ сдвинутъ на затылокъ; суровое, въ морщинахъ, лицо изображало недоумѣніе и радостный испугъ.

«Михайло Васильичъ! онъ ли это?» — подумалъ Фонвизинъ, вспоминая послѣднее свиданіе съ Ломоносовымъ, тосты въ честь императрицы и приглашеніе на именины дяди. — «Боже! какое совпаденіе! — сказалъ себѣ юноша, протискиваясь изъ ограды на Невскій: — какъ разъ, въ этотъ день...»

Подъ липой дѣйствительно стоялъ Ломоносовъ.

— «Карету государыни, карету!» — крикнули въ это время отъ собора. Ряды войскъ, тѣсня и сдерживая народъ, раздвинулись. — «Мѣсто, мѣсто!» — «Куда поѣхала?» — «Въ новый дворецъ! въ коронѣ!..» — «Врешь!.. что̀ ротъ раскрылъ? пушка вкатитъ! да не толкайся, желтоглазый, ребро сломаешь!..» — «Эхъ, люди, право! лѣзутъ!..» — «Ой, руку отдавили! ноженьку...»

Толпа, хлынувъ отъ площади, разорвалась на два теченія. Одно, волнуясь и кружась, захватило и повлекло влѣво по Невскому тѣхъ, кто стоялъ у сада гетмана. Другое потащило вдоль Конюшенныхъ тѣхъ, кто находился правѣе противъ собора.

Фонвизинъ, приплюснутый межъ бородатымъ, пахнувшимъ ворванью и москателью, лавочникомъ и толстою, красной, какъ ракъ, попадьей, — увидѣлъ издали, въ облакѣ пыли, разъ и другой мелькнувшія плечи и шляпу Ломоносова. Онъ попробовалъ освободиться, но тщетно. Бурный народный потокъ, сжавъ его, какъ въ тискахъ, уносилъ его дальше и дальше впередъ. Ломоносову бросилось въ глаза взволнованное лицо Пчёлкиной. Она стояла на чьемъ-то крыльцѣ, сумрачно, недовольно глядя на бѣжавшую мимо нея толпу...

Екатерина проѣхала въ новый, еще неосвобожденный отъ лѣсовъ, зимній дворецъ. Здѣсь, окруженная свитой, она показалась народу съ сыномъ, въ верхнемъ и теперь существующемъ фонарикѣ, надъ правымъ крыльцомъ. — «Манифестъ пишутъ, совѣщаются, — стало слышно въ

толпѣ: — въ старый дворецъ созванъ сенатъ и синодъ». Подъѣзжали новые экипажи, скакали верховые.

Глухо гремя тяжелыми колесами и лафетами, на площадь въѣхала артиллерія. Пушки размѣстились по угламъ площади и у въѣздовъ въ ближнія улицы.

Ломоносовъ стоялъ у адмиралтейства. Онъ видѣлъ, какъ, съ портфелью подъ мышкой, трусцой, на длинныхъ, юркихъ ножкахъ, прошелъ въ дворцовыя ворота любимецъ гетмана— президента академіи, Григорій Тепловъ.—«Вотъ чье перо понадобилось въ столь важный моментъ!»—съ горечью подумалъ Ломоносовъ о своемъ давнемъ недругѣ:—«напредки свѣдомъ буду... Немного хорошаго предвѣщаютъ негоціи съ такимъ конфидентомъ... Пора, знать, и во-свояси». — Онъ сходилъ домой, на скоро пообѣдалъ и опять вышелъ на улицу. Но не успѣлъ онъ добраться до Гороховой, какъ народъ снова откуда-то хлынулъ и его увлекъ ко дворцу. Вечеромъ площадь огласилась новыми громкими криками,— Екатерина сѣла въ карету. Провожаемая войскомъ, она ѣхала къ старому Елисавстинскому дворцу.

Унесенный волнами народа, Ломоносовъ очутился у фонарнаго столба въ Морской, на углу разъѣздной дворцовой площадки. Передъ нимъ по Невскому равнялись шеренги преображенцевъ, семеновцевъ и конной гвардіи; на-право, по Морской,—измайловцы, артиллерія и армейскіе полки.

Кто-то тронулъ Ломоносова за плечо. Онъ оглянулся; передъ нимъ стоялъ Фонвизинъ.

— Каковы событія, каковы! — сказалъ Денисъ Иванычъ.

— Да, смуты и всякой сутолочи немало! — досадливо отвѣтилъ Ломоносовъ, вспоминая о Тепловѣ:—махъ-махъ, и увезли, начали новое царенie. Все это больно ужъ скоро...

— Не понимаю васъ,—удивленно произнесъ Фонвизинъ.

— Не понимаете? А какъ тѣ-то, сударь, одумаются и пойдутъ сюда изъ Ранбова?

— Да кому идти?

— Какъ кому? У Петра Өедорыча, другъ мой, съ голштинцами, помните, болѣе пяти тысячъ войска.

— Отстоимъ, Михайло Васильичъ, что̀ вы, отстоимъ!— сказалъ Фонвизинъ: — городъ оцѣпленъ, и къ государынѣ то-и-дѣло подводятъ языковъ... слышали, сколько ужъ явилось съ покорностью?.. оба Шуваловы, Трубецкой, Ворон-

цовъ; въ Кронштадтъ посланъ адмиралъ Иванъ Лукьянычъ Талызинъ,—привести флотъ къ присягѣ.

— А Минихъ? — сердито поднявъ брови, произнесъ Ломоносовъ:—онъ одинъ, сударь, чего стóитъ?

— Чтò Минихъ! старый нѣмчикъ!.. мы и его...

— Ну, не суди такъ зазорно! Минихами, братъ, не очень-то шутятъ... Они...

Ломоносовъ не договорилъ.

Дворцовая площадь, какъ по манію волшебнаго жезла, вдругъ смолкла. Взоры всѣхъ обратились къ крытому парадному подъѣзду, выходившему на Морскую. Былъ девятый часъ вечера, но на улицѣ было свѣтло. Ломоносовъ опять гдѣ-то въ толпѣ увидѣлъ Пчёлкину.

На подъѣздѣ въ кругу сенаторовъ, генералитета и первыхъ чиновъ двора, показались два, невысокаго роста, въ лентахъ и свѣтло-зеленыхъ гвардейскихъ кафтанахъ, офицера: одинъ живой и худенькій, другой плотнѣе и съ виду представительный и важный.

— Батюшки, да это государыня и Дашкова!—произнесъ, прикипѣвъ на мѣстѣ, Фонвизинъ. Онъ ухватилъ мягкою, теплой рукой похолодѣлую, жилистую руку Ломоносова, и болѣе не могъ промолвить ни слова.

Екатерина была одѣта въ преображенскій, старой формы кафтанъ капитана Петра Ѳедорыча Талызина; Дашкова— въ такой же кафтанъ лейтенанта Андрея Ѳедорыча Пушкина. Придворные рейткнехты подвели къ крыльцу бѣлаго, въ темныхъ яблокахъ, и свѣтло-гнѣдого коней.

— «Садится, садится верхомъ! — пронеслось въ толпѣ:— откушала, пресвѣтлая, у оконъ-то: съ улицы было видно...»— «Да куда-жъ это?» — Въ походъ, видно...—«Въ какой?»— «Отстаньте, чтó вы, право!..»

Екатерина сѣла на бѣлаго, — Дашкова на гнѣдого коня. Обѣ отъѣхали нѣсколько шаговъ къ Невскому и остановились. Волосы Дашковой были подобраны подъ шляпу. Развитыя, свѣтлорусыя косы Екатерины густыми, волнистыми прядями падали, изъ-подъ треугола, на зеленый съ краснымъ воротомъ кафтамъ. Черезъ плечо императрицы была надѣта андреевская голубая лента.

«Слу-шай! на-кра-улъ!» — раздались слова команды. — Ружья звякнули. Войско отдало честь государынѣ.

Екатерина, съ улыбкой взглянувъ на Дашкову, ловко

вынула изъ ножен шпагу, хотѣла ее поднять и смѣшалась. Краска залила ей лицо. Шпага оказалась безъ темляка.— «Темлякъ, темлякъ!»—пронеслось въ ближнихъ рядахъ.

Изъ передней шеренги конногвардейцевъ, на большомъ, раскормленномъ, ворономъ конѣ, вылетѣлъ и подскакалъ къ императрицѣ моложавый и, какъ дѣвушка, застѣнчивый, близорукій, круглолицый вахмистръ. Онъ снялъ съ собственнаго палаша темлякъ. И приподнявъ шляпу, дрожавшей рукой почтительно подалъ его государынѣ.

— Благодарю! — сказала Екатерина, сдержавъ лошадь и ласково кивнувъ ему черезъ плечо.

— Кто это? кто?—заговорили въ рядахъ.

— Батюшки-свѣты!—произнесъ, всплеснувъ руками, Фонвизинъ:—да вѣдь это нашъ кандидатъ въ архіереи...

— А ты нешто его знаешь?—спросилъ Ломоносовъ.

— Какъ не знать! за лѣность и повседневное нехожденіе въ классы, вмѣстѣ съ Новиковымъ, выключенъ изъ нашихъ московскихъ студентовъ: а теперь масонъ и другъ Орловыхъ.

Кандидатъ въ архіереи въ эту минуту былъ въ большомъ затрудненіи. Его молодой вороной, ставъ рядомъ съ бѣлымъ конемъ императрицы, рѣшительно не хотѣлъ отъѣзжать прочь. Онъ тронулъ его шпорами, — конь подался впередъ, фыркнулъ, но, помня манежную ѣзду, замоталъ головой и осѣлъ назадъ. Онъ далъ ему шенкеля, конь взвился на дыбы, и опять ни съ мѣста.

— Не судьба, сударь,—желая одобрить растерявшагося вахмистра, съ улыбкой сказала Екатерина:—ваша фамилія?

— Потемкинъ! — вспыхнувъ по уши и заморгавъ большими близорукими глазами, отвѣтилъ съ рукой у треугола бѣлолицый и чернобровый вахмистръ.

Екатерина прикрѣпила темлякъ, подняла шпагу и смѣло, ободрительно - привѣтливо взглянула на окружавшихъ, на публику и генералитетъ.

Это была уже не жалкая, въ траурномъ платьѣ, гонимая женщина, а величавая, гордая орлица, готовая взмахнуть крыльями и подняться въ недосягаемую высь. Она, глядя все также смѣло и привѣтливо, какъ бы салютуя, повела шпагой, тронула поводомъ и шагомъ двинулась вправо по Невскому. Свита, волнуясь разнообразными мундирами, лентами и звѣздами, верхами послѣдовала за ней. Кто-то,

проѣзжая мимо Ломоносова, сказалъ сосѣду, указывая на императрицу: «Перстъ Божій, Промыселъ»...

«Увидимъ еще, увидимъ! — думала невдали отъ него, глядя на общее ликованіе, Пчёлкина. — Дашковой тоже припомню, выйдетъ иной фантомъ... о немъ забыли... но онъ воскреснетъ, живъ!..»

— «Смирно! фронтъ готовьсь! мушкетъ на пле-чо!» — раздалась по полкамъ разноголосая, на тогдашній ладъ, команда начальниковъ пѣшихъ и конныхъ частей. — «Черезъ плутонгъ, на-право, ряды вздвой... лѣвое плечо впередъ, кругомъ... скорымъ шагомъ, прямо, маршъ!»

Колонны двинулись, стали равняться. Загремѣли барабаны, засвистѣли флейточки. Хоръ трубачей, впереди полковъ, предводимыхъ гетманомъ и княземъ Волконскимъ, заигралъ походный маршъ Великаго Петра.

Сперва гвардія, пѣшая и конная, потомъ армейскіе полки пошли вслѣдъ за императрицей. Они обогнули, отъ Морской по Невскому, и миновали зимній Елисаветинскій дворецъ. Екатерина въѣхала на Полицейскій мостъ. Невскій, въ послѣднемъ отблескѣ заката, глядѣлъ празднично. Трубы и барабаны гремѣли. Знамена развѣвались. Екатерина издали вся была ясно видна, на бѣломъ въ яблокахъ, статномъ конѣ, — въ лентѣ, со шпагой въ рукѣ и съ пышными, русыми косами, падавшими на зеленый съ золотомъ кафтанъ.

«И это она! — мыслила, ѣдучи рядомъ съ Екатериной и поглядывая на нее, Дашкова: — она, та самая, что третьяго дня мыла рукавчики... а сегодня, а теперь?.. Какъ нежданно, какъ чудно она, она, мой идеалъ, мой другъ, переродилась! Кто ожидалъ? Сколько смѣлости, отваги. Исторія отмѣтитъ. И мнѣ одной она обязана своей свободой и этимъ, даже мнѣ самой, непонятнымъ и необъясненнымъ перерожденіемъ!..

— Куда это, куда? — окликнулъ кто-то изъ опоздавшей знати Ивана Ивановича Шувалова, который у дворцовой площади торопливо и неуклюже взлѣзалъ, при помощи слуги, на подведеннаго коня.

— Въ походъ, князенька! — неохотно отвѣтилъ, махнувъ рукой, Шуваловъ.

— Какъ въ походъ? куда?

— Въ Ранбовъ, батюшка! и что пристаешь? mille diables,

некогда,—еще досадливѣе сказалъ Шуваловъ, неумѣло болтая толстыми въ чулкахъ ногами и догоняя шествіе.

Мимо Ломоносова двигались роты за ротами, эскадроны за эскадронами. Онъ не отходилъ отъ угла разъѣздной площадки.

— Вотъ бы, Михайло Васильичъ, вамъ воспѣть нашу радость, нашу богиню! — кто-то восторженно крикнулъ ему изъ двигавшихся пѣхотныхъ рядовъ.

Ломоносовъ оглянулся. Мимо него, въ темпъ, поспѣвая за товарищами, съ ружьемъ на плечѣ, по разъѣзженному булыжнику быстро шагалъ въ пыли раскраснѣвшійся, длинноногій Державинъ.

— Видѣли? — спросилъ онъ, ровняясь, и мѣняя ногу:— этотъ конь, эта шпага и эти распущенные косы... Не правда ли Героиня древности, Минерва! Фелица!

Войска шли, клики не умолкали, барабаны гремѣли по Невскому.

Преображенскій рядовой, будущій пѣвецъ этой самой Фелицы, забылъ въ эти мгновенія безсонницу ночи, пропавшія деньги и то, что онъ съ утра не пилъ и не ѣлъ, и все... Онъ не спускалъ глазъ съ длинныхъ русыхъ косъ, развѣвавшихся вдали изъ-подъ треугла, и лихо, бодро шелъ, не чувствуя подъ собою ногъ, и, въ трепетѣ зарождавшагося вдохновенія, желая, чтобы это сказочное шествіе было нескончаемо, вѣчно...

«Чтобъ шлемъ блисталъ на ней пернатый,
«Зефиры вѣяли власы...
«Чтобъ конь подъ ней главой крутился
«И бурно бразды опѣнялъ...

— Воспѣть! да, другъ мой, стоитъ ироической, въ потомство идущей, громкой оды! — сказалъ Фонвизину, смигивая слезы, Ломоносовъ:—сказка Шехеразады, сонъ...

Оба они пошли съ народомъ за войскомъ, но не видѣли ни войска, ни народа. Въ ихъ глазахъ какъ бы намѣчались и дивно строились очертанія чего-то великаго, новаго и непостижимаго. Придя домой, Ломоносовъ порвалъ и сжегъ латинскую рѣчь въ честь Третьяго Петра и началъ новую оду:

«Внемлите, всѣ предѣлы свѣта,
«И вѣдайте, что можетъ Богъ:
«Воскресла намъ Елисавета!..

«Да — мыслилъ онъ, бродя по саду: — новую, свѣтлую эру начнетъ она, лишь бы призвала разумныхъ и честныхъ, прирожденныхъ странѣ совѣтниковъ... А тотъ заключенный? Господи силъ! преклони, въ этотъ мигъ, сердце ея къ несчастному. Въ торжествѣ и въ счастьѣ, да вспомянетъ она его своею милостью...»

XXI.

Высадка въ Кронштадтѣ.

Мировичъ оставилъ притомленнаго коня подъ Петергофомъ и съ какимъ-то садовникомъ доѣхалъ въ Ораніенбаумъ, въ седьмомъ часу утра. Дворецъ еще былъ погруженъ въ тишину. Худощавый, плечистый, въ веснушкахъ, голштинскій офицеръ, въ бѣломъ колетѣ и лосинныхъ въ обтяжку штиблетахъ, ходилъ въ ожиданіи смѣны у гауптвахты, близъ главныхъ воротъ.

— Zurück, zurück—крикнулъ ему голштинецъ, видя, что тотъ направляется въ дворцовому крыльцу.

— Мнѣ, сударь, важное дѣло,—не останавливаясь, сказалъ Мировичъ.

— Aber du, tausend Teufel!—кинувшись къ ослушнику и хватая его за плечо, прохрипѣлъ освирѣпѣлый драбантъ.

— Да, слышишь ты, собака, дѣло говорю! — отвѣтилъ, оттолкнувъ его, Мировичъ: — за грубость послѣ разсчетъ: видывали такихъ... а теперь, говорятъ тебѣ, пусти...

— O, Herr Je... du Taugenichts, Schweintreiber! Hein wer ist da?—крикнулъ, хлопнувъ въ ладоши, голштинецъ.

Изъ караульни выбѣжало нѣсколько человѣкъ солдатъ.

Напрасно Мировичъ доказывалъ, клялся и грозилъ. Ему указали смежный, внутренній дворъ, гдѣ помѣщалась канцелярія дежурнаго генералъ-адъютанта. Тамъ было также тихо. Дверь въ канцелярію была заперта. Мировичъ присѣлъ на крыльцѣ, обдумывая, какъ онъ упроситъ Гудовича или Унгерна и предупредитъ государя. Дворцовый міръ началъ пробуждаться. У кухоннаго флигеля показался въ бѣломъ колпакѣ заспанный поваренокъ. Гдѣ-то скрипнула дверь, простучали подковы лошади. Изъ служительской казармы вышелъ, въ халатѣ и въ башмакахъ на босу-ногу, лысый тафельдекеръ. Онъ умылся у бочки, утерся и, позѣвывая, началъ молиться. — «Царство спящей царевны—

подумалъ Мировичъ, — и не подозрѣваютъ, что ихъ ждетъ...»—На внутреннемъ дворцовомъ крыльцѣ показался, съ платьемъ въ рукахъ, недовольный и хмурый, любимый государевъ арапъ, Нарцисъ.—«Терпѣніе, терпѣніе,—сказалъ себѣ Мировичъ: — «государь скоро проснется...» Онъ прошелъ къ пруду, къ катальной горкѣ, также умылся и привелъ въ порядокъ свой запыленный и примаранный костюмъ. Его давила роковая, величественная, какъ онъ думалъ, идея. Она была ему не подъ силу. Онъ подъ нею изнемогалъ. Возвратился Мировичъ черезъ конюшенный дворъ. Здѣсь уже шла суета. Рысью вели съ водопоя лошадей. У каретника сновали конюхи, скороходы. Выкатывали экипажи, несли сбрую.

— Что это? — спросилъ Мировичъ рейткнехта: — развѣ такъ рано ѣдетъ куда государь?

— Въ Петергофъ,—кушаетъ нынче тамъ.

Мировичъ возвратился къ главнымъ дворцовымъ воротамъ. У гауптвахты стояла уже другая команда.—«Подожду здѣсь, — сказалъ онъ себѣ, съ внутреннею дрожью, сердито присѣвъ на выступъ рѣшетки: — тупицы, скоты,—тиранятъ медленностью и не подозрѣваютъ!»—Не долго онъ ждалъ на этотъ разъ. За древесною клумбой, скрывавшей парадный подъѣздъ, послышался конскій топотъ. Къ воротамъ, повернувшись въ сѣдлѣ и отдавая назадъ кому-то приказанія, приближался курцъ-галопомъ пасмурный, не въ духѣ, Гудовичъ. Открытое государево голубое ландо, шестерней цугомъ, ѣхало ему навстрѣчу — къ крыльцу, гдѣ, въ ожиданіи выхода императора, толпилось нѣсколько придворныхъ, офицеровъ и молодыхъ разряженныхъ дамъ. Оттуда доносились веселые возгласы, смѣхъ.—«Mais finissez donc, cher baron»—хлопая Унгерна по рукѣ, говорила пѣвучимъ голоскомъ полная, краснощекая, съ усиками брюнетка, графиня Брюссъ.—«Et puis quand je dors...»—продолжалъ кто-то.—«Ти-ти, та-та»—щебетала на крыльцѣ веселая компанія...—«Озадачу ихъ, поблѣднѣютъ модники! разгромлю!—съ злобною, радостною дрожью. подумалъ, пропустивъ ландо, Мировичъ:—откладывать нечего... была не была!.. начну съ этого...»

Онъ сталъ на пути Гудовича—и, когда послѣдній выѣхалъ за ворота, подошелъ къ нему и съ поклономъ протянулъ заготовленный у Брессана рапотъ. Гудовичъ мелькомъ взглянулъ на бумагу, счелъ ее за обычное прошеніе, опустилъ

въ карманъ и, подобравъ поводья, съ легкимъ кивкомъ, тѣмъ же курцъ-галопомъ поскакалъ по дорогѣ въ Петергофъ.

«Что я сдѣлалъ! скотина, мямля, баба! — вспыхнувъ, подумалъ Мировичъ,—надо было самому государю»...

Въ ворота стали подъѣзжать другіе экипажи. На крыльцѣ явились фаворитка Воронцова, Измайловъ, Бецкій и прусскій посланникъ Гольцъ. Въ дверяхъ показался бѣлый, съ бирюзовымъ воротомъ и такими же обшлагами, мундиръ, небольшой треуголъ съ плюмажемъ и голштинская красная лента. Государь вышелъ въ сопровожденіи Миниха. Онъ добродушно улыбался.

— И съ такой разиней самъ вороной станешь,—сказалъ Петръ, отвѣчая на слова собесѣдника:— готово?— спросилъ онъ, обернувшись къ свитѣ.

— Готово,—склонившись, отвѣтилъ Унгернъ.

На дворѣ было весело, тепло. Солнце свѣтило такъ привѣтливо. Государь приподнялъ всѣмъ шляпу, живо, покачиваясь, спустился по ступенькамъ и сѣлъ въ экипажъ. Воронцова и графиня Брюссъ, веселыя, улыбающіяся, en robe de cour, распустивъ цвѣтные зонтики, сѣли съ нимъ на переднюю скамью; молоденькая принцесса Гольштейнъ-Бекская—рядомъ съ государемъ.

Голубое, съ красными выносными жокеями, ландо, объѣхавъ фонтанную клумбу, пронеслось мимо Мировича на дорогу. Слѣдомъ выкатилъ рядъ другихъ экипажей. Защелкали бичи. Заклубилась пыль. Вновь поставленный голштинскій караулъ, въ лосинѣ и въ узкихъ бѣлыхъ колетахъ, вытянулся, съ барабанною дробью, у воротъ.

«Не пустили, собаки, а я все-таки въ подробности и, кажется, первый передалъ обо всемъ!» — подумалъ Мировичъ, слѣдя отъ ограды помутившимся, злобнымъ взоромъ за убѣгавшими вдаль экипажами веселой компаніи.

Вскорѣ Мировичъ узналъ, что все его рвеніе и всѣ хлопоты опоздали и остались непричемъ...

Государева коляска миновала колонію. Въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ, надъ вершинами парка, развернувшагося у взморья, стали видны кровли петергофскаго дворца. И вдругъ красный жокей замедлилъ на передней парѣ и обернулся. Навстрѣчу государя, изъ парка, мчался во весь опоръ Гудовичъ.

Андрей Васильичъ подскакалъ, склонился къ экипажу и началъ что-то шептать государю. Петръ Ѳедоровичъ поблѣднѣлъ. На Гудовичѣ тоже не было лица. Оба нѣсколько мгновеній молчали.

Императоръ вышелъ на дорогу. Глаза его смотрѣли испуганно, по лицу бродила странная, растерянная улыбка.

— Такъ это, Андрей Васильичъ, не сонъ? ея нѣтъ?

— Повидимости, ваше величество, государыня ретировалась...

— Просто скажи: сбѣжала! зачѣмъ смягчать? Но куда?

— Никто не знаетъ.

— Всѣхъ спрашивалъ?

— Всѣхъ.

Наспѣли другіе экипажи. Петръ Ѳедоровичъ сѣлъ въ коляску съ Гудовичемъ, Унгерномъ и Минихомъ и велѣлъ ѣхать къ Монплезиру. Дамамъ предложили отправиться ко дворцу паркомъ.

Государь бросился въ павильонъ, обошелъ всѣ комнаты,— Екатерины не было. На столѣ, въ ея уборной, лежало готовое на завтра бальное цвѣтное платье.

— Вздоръ, вздоръ! — сказалъ Петръ Ѳедоровичъ: — она здѣсь гдѣ-нибудь спряталась. Не иголка,—найдемъ!..

Онъ заглядывалъ въ шкапы, — подъ кушетки, велѣлъ осмотрѣть ближнія зданія, берегъ, кусты.

— Ну, Романовна, — обратился государь къ Воронцовой, подъѣхавшей съ дядей канцлеромъ:—ты права!.. жена моя насъ предупредила, ушла...

— Хуже того, ваше величество, — произнесъ, склоняясь, канцлеръ:—не знаю, какъ и доложить...

— Говори, говори,—что̀ еще тамъ?

— Сейчасъ проѣхавшіе крестьяне сообщили, что вся столица въ возстаніи; народъ и войско стали за государыню и съ нею направились ко дворцу.

Петръ Ѳедоровичъ взглянулъ на окружавшихъ. Взоры всѣхъ были потуплены.

— Отпустите меня въ Петербургъ,—сказалъ Воронцовъ:— я постараюсь уговорить вашу супругу и привезу ее къ вамъ обратно.

— И мнѣ дозвольте,—произнесъ Александръ Шуваловъ.

— И мнѣ!—прибавилъ князь Никита Трубецкой.

Всѣ трое уѣхали въ Петербургъ — и не возвратились.

Стали приходить вѣсти одна другой тревожнѣе. Подъѣхавшій фейерверкеръ сообщилъ, что Панинъ, Дашкова, князь Волконскій и гетманъ руководятъ движеніемъ, Петербургъ оцѣпленъ, Екатерина провозглашена самодержицей, и ей принесли присягу сенатъ и синодъ.

Окружавшіе Петра Ѳедоровича не выказали мужества. Но прежде всѣхъ и въ бо́льшей мѣрѣ потерялся онъ самъ. Окруженный молодыми, плаксивыми женщинами и себялюбивыми, изнѣженными царедворцами, онъ ходилъ большими шагами по аллеямъ нижняго сада, дѣлалъ множество разныхъ предположеній и не выполнялъ ни одного. Были посланы лазутчики на нарвскую дорогу — узнать, не проѣзжалъ ли гонецъ въ заграничную армію. Поѣхалъ предупредить коменданта въ Кронштадтъ на шлюпкѣ адъютантъ государя, графъ Дефьеръ.

Осыпая Екатерину горькими, жесткими укоризнами, Петръ Ѳедоровичъ то грозилъ, что всю дорогу до Петербурга уставитъ висѣлицами и перевѣшаетъ на нихъ всѣхъ ея пособниковъ,—то диктовалъ Волкову проекты безполезныхъ распоряженій и воззваній къ народу. Были посланы въ Петербургъ четыре солдата, съ манифестами къ народу, причемъ каждому было дано по сто червонцевъ. Но въ то время, какъ Волковъ писалъ манифесты въ Петергофѣ, Тепловъ писалъ подобные же въ Петербургѣ.

Пришелъ часъ обѣда. День былъ тихій, жаркій. Все общество столпилось на взморьи, у Монплезира. Здѣсь накрыли столъ и сѣли обѣдать. Въ концѣ обѣда послышались звуки трубъ и барабановъ. То подходили изъ Ораніенбаума приведенные Измайловымъ голштинскіе полки. Былъ седьмой часъ вечера.

— Вѣрные слуги вашего величества явились, — сказалъ фельдмаршалъ Минихъ:— мужайтесь! станьте въ ихъ главѣ и идите на Петербургъ. У васъ тамъ еще немало друзей. Столица одумается и возвратится къ своему долгу. Я первый положу сѣдую голову за моего государя...

Слова стараго побѣдителя при Ставучанахъ произвели удручающее, смутное впечатлѣніе. Дамы стали шептаться, мужчины — переглядываться. Всѣ чувствовали, что нѣчто привычное, покойное и пріятное уходило отъ нихъ и замѣнялось непріятнымъ, тревожнымъ, грознымъ.

Голштинскимъ отрядамъ велѣли идти къ звѣринцу и тамъ

по взморью строить батареи. Минихъ чертилъ мѣста для окоповъ; Измайловъ занялся списками батарейныхъ командъ. Стало вечерѣть.

Но подоспѣла новая грозная вѣсть. Въ Гостилицы проскакалъ мажордомъ Разумовскаго и объявилъ, что государыня и съ ней больше пятнадцати тысячъ войска выступили изъ столицы и на полномъ маршѣ идутъ на Петергофъ. Дамы расплакались, подняли крикъ. Кто-то вполголоса сказалъ, что ужъ если ждать атаки, такъ лучше возвратиться въ Ораніенбаумъ, — тамъ крѣпость. Эти слова произвели общее замѣшательство. Всѣ предлагали совѣты, одинъ другого несбыточнѣе, спорили и никто никого не слушалъ.

— Ваше, фельдмаршалъ, мнѣніе?—обратился государь къ Миниху:—чтò скажете о предложенной ретирадѣ?

Минихъ задумался. Суровое, смѣлое его лицо осунулось; въ глазахъ было выраженіе жалости, гнѣва и стыда.

— Ретирада? — произнесъ онъ, покачавъ головой: — что торопитесь? еще успѣете... А впрочемъ, эти увеселительныя мѣста... тутъ насъ всѣхъ, пожалуй, переловятъ, какъ мышей...

— Такъ куда же, милости-съ пожалуста, куда?

— Въ Кронштадтъ!—сказалъ Минихъ:—онъ еще въ вашей власти. Комендантъ Ливерсъ — надежный слуга... И если мы вò-время туда поспѣемъ, — его корабли и пушки иначе заставятъ говорить и вашу ослушную супругу, и ставшій на ея сторону Петербургъ.

— Хорошо, что мы догадались!—отвѣтилъ государь:—къ коменданту посланъ Девьеръ, готовить десантъ...

Предложеніе Миниха было принято. Послали въ Ораніенбаумъ за яхтой и галерой. Пока ихъ привели, стало смеркаться.

Былъ десятый часъ вечера. Все общество въ шлюпкахъ переѣхало на суда.

На государеву яхту, въ помощь матросамъ, попросились нѣкоторые изъ гвардейскихъ и армейскихъ офицеровъ. Между ними былъ и пришедшій съ голштинскими полками Мировичъ.

Потянулъ-было легкій береговой вѣтеръ, но когда окончательно стемнѣло, онъ затихъ. Паруса не вздымались. Яхта и галера шли на веслахъ. Волны чуть колыхались. Море затянуло мглой.

Былъ въ исходѣ первый часъ ночи, когда путники приблизились къ Кронштадту.

«Ну, что-то мнѣ подаритъ наступающій день моихъ именинъ?—думалъ, сидя у борта на палубѣ, Петръ Өедоровичъ,—какъ-то распорядились въ Кронштадтѣ Ливерсъ и Девьеръ?»

Въ то время, какъ яхта и галера плыли по морю, въ Петербургѣ ужъ ходилъ въ спискахъ первый именной указъ Екатерины сенату: «Господа сенаторы! Я теперь выхожу съ войскомъ, чтобы утвердить и обнадежить престолъ, оставя вамъ, яко первому моему правительству, съ полною довѣренностью, подъ стражу, отечество, народъ и сына моего».

Снабженный инструкціей сената, вице-адмиралъ Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ приплылъ въ Кронштадтъ на шести-весельномъ рябикѣ передъ вечеромъ. Велѣвъ гребцамъ молчать, онъ пошелъ къ коменданту Ливерсу, сказалъ ему, что въ Петербургѣ неладно и что, вслѣдствіе того, онъ счелъ долгомъ поспѣшить къ флоту. Отъ Ливерса Талызинъ отправился въ казармы. Тамъ онъ собралъ болѣе надежныхъ офицеровъ и матросовъ, разсказалъ имъ о паденіи голштинской партіи и о присягѣ Петербурга, и предложилъ флоту стать на сторону новой императрицы. Всѣ крикнули виватъ, и отправились за Талызинымъ, къ коменданту.

— Что за шумъ?—спросилъ, встрѣтивъ ихъ, Ливерсъ.

Съ комендантомъ стоялъ и присланный за десантомъ адъютантъ императора, графъ Девьеръ.

— А вотъ что, государи мои,—отвѣтилъ щепетильный и вѣжливый въ обхожденіи Иванъ Лукьяновичъ:—вы не имѣли столько духа, чтобъ догадаться и меня арестовать, такъ извините, я васъ при сей оказіи арестую...

Съ Ливерсомъ и Девьеромъ былъ заключенъ подъ стражу и капитанъ надъ портомъ, крикнувшій-было матросамъ: «Что вы смотрите на него? вяжите бунтовщика!»—Талызинъ привелъ всю команду къ присягѣ, ко входамъ въ гавань отрядилъ надежные караулы, пушки батарей велѣлъ зарядить ядрами и вышелъ на пристань.

Море тихо плескалось о низменный берегъ, о сваи и камни дозорной каланчи.

«Людей въ Кронштадтѣ всемѣрно мало, чтобъ обнять столь обширную гавань,—разсуждалъ Талызинъ, ходя взадъ

и впередъ по взморью,—пришлютъ ли, какъ я просилъ, сикурсу солдатами изъ Питера? А то, какъ бы не наѣхалъ сюда недобрый гость изъ Аренбога», — какъ тогда звали Ораніенбаумъ или нынѣшній, по народному Рамбовъ.

Наведя зрительную трубку въ море, Иванъ Лукьяновичъ тревожно вглядывался, не плыветъ ли изъ «Аренбога» недобрый гость.

Мгла надъ моремъ не расходилась. Мѣсяцъ не показывался. Иванъ Лукьяновичъ обошелъ всѣхъ часовыхъ.

— Кто на стрѣлкѣ?—окликнулъ онъ караульнаго, стоявшаго у входа въ гавань на узкой песчаной косѣ.

— Трифонъ Аверьяновъ,—отвѣтилъ изъ-за пригорка голосъ молодого часового, шагавшаго въ сумеркахъ по влажному песку.

— Гляди жъ, Аверьяновъ, да поглядывай гостей,—крикнулъ ему Талызинъ:—а наѣдутъ, давай голосъ, чтобъ ѣхали прочь... стрѣлять-де будемъ... Есть рупоръ?

— Нѣту-ти.

— Ну, малый, гляди же; а я пришлю...

А гость изъ «Аренбога» какъ разъ и наѣхалъ.

Въ мглистомъ сумракѣ обрисовывались черныя мачты и реи двухъ медленно, на веслахъ, подплывавшихъ судовъ. Что-то зашуршало и шлепнулось въ воду.

«Якоря опускаютъ»,—подумалъ, затаивъ дыханіе, Талызинъ. Онъ далъ условный сигналъ на сосѣднія батареи. Съ вышки было явственно слышно, какъ на приплывшихъ судахъ кто-то тихо отдавалъ команду, какъ съ яхты, а потомъ и съ галеры, спустили шлюпки и какъ, шелестя платьями и пища отъ страха, при видѣ колебавшихся, темныхъ волнъ,—начали съ борта въ лодки спускаться дамы.

Восьмивесельная, а за нею четырехвесельная шлюпки выдѣлились изъ мглы и медленно, беззвучно стали подплывать съ залива къ песчаной косѣ. Съ ближней лодки на берегъ бросили доску. Императоръ, за нимъ Минихъ и Гудовичъ готовились выйти на пологій, бѣлѣвшій въ сумеркахъ мысокъ.

— Кто идетъ?—раздался въ тишинѣ бойкій окликъ матросика Аверьянова.

— Императоръ!—отвѣтилъ Гудовичъ.

— Нѣтъ у насъ болѣ императора, — отозвался тотъ же голосъ.

— Вотъ я самъ, вашъ государь!—произнесъ Петръ Ѳедоровичъ, сбросивъ плащъ и въ бѣломъ мундирѣ выступая къ носу колыхавшейся лодки:—приказываю пропустить меня и мою свиту.

— У насъ государыня, матушка Катерина Алексѣевна, а не государь!—отвѣтилъ Трифонъ Аверьяновъ:—и коли вы, господа ахфицеры, не уйдете отсулева, начальство будетъ бонбы пущать...

— Впередъ, ваше величество! руку!—сказалъ Минихъ:— не слушайте этого олуха. Никто не посмѣетъ противиться своему государю... Гарнизонъ увидитъ васъ, и Кронштадтъ чрезъ часъ будетъ у вашихъ ногъ.

Гудовичъ и Унгернъ поддержали слова Миниха. Петръ Ѳедоровичъ готовъ былъ вспрыгнуть на берегъ и медлилъ.— «Ужели я, любящій войско, я, въ душѣ стоикъ и солдатъ, окажусь малодушнымъ трусомъ, не рѣшусь?»—думалъ онъ, чувствуя, какъ сильно билось его сердце. Темныя волны глухо плескались о берегъ. Очертанія города и фортовъ неясно обозначались во мглѣ.

У каланчи послышалась артиллерійская команда. На скрытой въ сумеркахъ ближней батареѣ сверкнулъ зажженный фитиль. Съ лодокъ, съ залива доносились испуганные, дамскіе голоса.

— Нѣтъ,—сказалъ Петръ Ѳедоровичъ:—за себя не боюсь. Но я не одинъ... Ядра не разберутъ, кому нести гибель, кому пощаду...

Онъ и его провожатые возвратились. Галера и яхта такъ скоро снова ретировались въ море, что не успѣли даже поднять якорей; ихъ канаты, въ суетѣ и толкотнѣ, обрубили топорами.

Было два часа пополуночи. Потянулъ заревой вѣтерокъ. Ожила темная морская зыбь. Бѣлое утро шло навстрѣчу бѣлой іюньской ночи.

Государь сидѣлъ на палубѣ. Свита отдѣльными кучками перешептывалась въ сторонѣ. Лица всѣхъ были сумрачны, печальны.

«Не успѣлъ я тебѣ дать полной свободы, не успѣлъ!— думалъ Петръ Ѳедоровичъ, глядя съ борта въ туманную даль,—прости, братъ! прости... Не жильцы мы здѣсь... Непонятно и странно поставила насъ обоихъ судьба. Я былъ оторванъ отъ шведскаго, ты отъ русскаго престола. Мы

свидѣлись... Ты былъ императоромъ четыреста дней; сколько мнѣ суждено царствовать?»

Яхта плыла. Петръ Ѳедоровичъ не спускалъ глазъ съ моря.

Ему грезилось, что у борта, чуть освѣщенная дремотнымъ разсвѣтомъ, его провожала чья-то тѣнь. Стройный и блѣдный, съ длинными волосами, юноша несся надъ волнами, о-бокъ съ нимъ... Петру Ѳедоровичу вспомнилось, какъ принцъ Іоаннъ плакалъ и какъ молилъ не откладывать его освобожденія.

«Въ глушь, въ лѣса,—думалъ Петръ Ѳедоровичъ,—и зачѣмъ я тогда не послушалъ его, зачѣмъ самъ, какъ рѣшилъ, не вывелъ на волю изъ душной тюрьмы?.. Гудовичъ сегодня долженъ былъ за нимъ ѣхать, — а я полагалъ его тотчасъ помолвить и провозгласить... Вонъ сидитъ и его нарѣченная невѣста. Что-то съ нимъ? ужъ хоть бы вырвался онъ теперь, куда-нибудь ушелъ съ дачи Гудовича»...

Берегъ близился. Разсвѣтало.

— Куда прикажете?—спросилъ Гудовичъ государя: — въ Петергофъ или въ Ораніенбаумъ?

Императоръ обратился къ Миниху.

— Ну, фельдмаршалъ,—сказалъ онъ:—вижу теперь ясно и каюсь, что не вполнѣ слушалъ вашихъ совѣтовъ,.. Научите, непобѣдимый и храбрый, какъ выйти изъ нашего теперешняго положенія?

— Въ вѣрный Ревель, къ эскадрѣ!—отвѣтилъ Минихъ:— оттуда къ заграничной арміи. Войско встрѣтитъ васъ, гонимаго, съ восторгомъ. Возвращайтесь съ нимъ, и, я вамъ ручаюсь, Петербургъ и все государство опять будутъ ваши...

— Но вѣтру нѣтъ!—вмѣшались дамы: — неужто на веслахъ все? гребцы устанутъ... до Ревеля! ужасъ... что̀ дѣлать тогда?

— Э, пустяки! — сказалъ фельдмаршалъ:— а наши руки на что̀? сами возьмемся за весла и станемъ гресть...

Императоръ видѣлъ передъ собой лицо рѣшительнаго, стойкаго, желѣзнаго старика и растерянныя, испуганныя, молящія лица молодыхъ женщинъ, и не зналъ, съ кѣмъ согласиться и кого слушать.

Свѣжій воздухъ моря и напряженность тревожной, безъ сна проведенной ночи, раздражали государя, сердили его. Онъ взглянулъ на недальній, плывшій навстрѣчу яхтѣ берегъ, оттуда уже тянуло знакомымъ смолистымъ дыханіемъ

зеленыхъ холмовъ и лѣсовъ. Запахло утреннимъ дымкомъ. Петръ Ѳедоровичъ почувствовалъ пріятный позывъ къ завтраку, къ трубкѣ. Его любимый табакъ вышелъ еще въ Петергофѣ. Онъ вспомнилъ о шипящей въ маслѣ бараньей котлеткѣ, о крылышкѣ цыпленка, съ горошкомъ и свѣжими грибками, о партіи стараго бургонскаго, присланной ему кѣмъ-то въ презентъ изъ Голштиніи, и о пачкѣ длинныхъ сигаръ фидибусъ, забытыхъ имъ утромъ во дворцѣ, на кучѣ непросмотрѣнныхъ съ вечера бумагъ, и отдалъ Гудовичу приказъ править въ Ораніенбаумъ.

Яхта и галера вновь приплыли къ берегу. Мировичъ придерживалъ трапъ, по которому государь сошелъ на пристань. Видя, какъ дрожали щеки и все тѣло Петра Ѳедоровича, Мировичъ вспомнилъ завѣтъ масоновъ: «Величіе земное—прахъ, нетлѣнна—одна вѣчная непреложная истина» и подумалъ: — «О, если бъ я могъ быть ему полезенъ въ это время!..»

Талызинъ разглядѣлъ возвращеніе путниковъ въ трубу съ кронштадтской каланчи, снялъ шляпу, отеръ лицо и перекрестился.

Онъ пошелъ въ городъ, но своротилъ съ дороги и зашелъ на песчаный мысокъ, гдѣ все еще забытый ночною смѣной, шагалъ по влажной, бѣлесоватой косѣ, Трифонъ Аверьяновъ.

— Молодецъ! — крикнулъ ему охрипшимъ, усталымъ голосомъ Талызинъ.

Аверьяновъ вздрогнулъ и взялъ мушкетъ на караулъ.

Жутко было на душѣ бойкаго, шустраго матросика. Родомъ суздалецъ, онъ недавно попалъ во флотъ. Сѣрые простые его глаза смотрѣли робко. Вѣки вспухли отъ безсонницы. Сухой съ горбинкой носъ тревожно вглядывался въ сѣрую утреннюю мглу, въ которой скрылись ночные гости.

И никогда потомъ, въ долгую, сурово-проведенную жизнь, матросъ Трифонъ Аверьяновъ, въ монашествѣ старецъ Трифилій, умершій восьмидесяти лѣтъ келейникомъ московскаго митрополита Филарета, никогда потомъ онъ не могъ забыть ни этой ночи, ни своего отвѣта невысокому, плоскогрудому, въ бѣломъ мундирѣ, человѣку: «У насъ не императоръ, а государыня; не уйдете прочь, начальство будетъ бонбы пущать»...

Оглавленіе.

IX ТОМА.

Мировичъ. (1762—1764 г.) Романъ.

Часть первая. **Царственный узникъ.**

Часть вторая. **Похожденія извѣстныхъ петербургскихъ дѣйствъ.**

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

ИЗДАНІЕ **ВОСЬМОЕ**, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

МИРОВИЧЪ.

(1762—1764 г.)

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ КАТАСТРОФА.

«Гряди, воздвигнися предъ людьми сими, творяй судъ пришельцу».
Второзаконіе. X. 11—18.

XXI.

Послѣдній день царствованія Петра Третьяго.

Мировичъ видѣлъ суету, которая поднялась у пристани ораніенбаумскаго дворца, когда къ ней приблизилась государева яхта. Онъ видѣлъ, какъ огорченный и пораженный событіями, робкій Петръ Ѳедоровичъ съ Минихомъ и съ Гудовичемъ, проѣхавъ на шлюпкѣ по каналу ко дворцу, взошелъ на берегъ, какъ онъ былъ блѣденъ, какъ дрожали его щеки, руки и все тѣло, и какъ его добрые, усталые глаза безпокойно слѣдили за группами голштинцевъ и дворцовыхъ слугъ, разсѣянно спѣшившихъ къ нему навстрѣчу, пока Петръ Ѳедоровичъ проходилъ берегъ, отдѣлявшій дворцовую пристань отъ моря.

Набережная и площадь передъ дворцомъ гудѣли отъ переполнившей ихъ разнообразной, смущенной толпы. Стало слышно, что государь заперся въ своемъ кабинетѣ, позвалъ

вице-канцлера Голицына и послалъ съ нимъ къ императрицѣ письмо, которое застало ее у Стрѣльны. Не дождавшись черезъ него отвѣта, Петръ Ѳедоровичъ написалъ карандашомъ второе письмо и послалъ его съ гофмаршаломъ, генераломъ Измайловымъ. Впослѣдствіи говорили, что чопорный и толстый, съ большими ушами и губами, Измайловъ встрѣтилъ Екатерину на походѣ у Сергіева монастыря, откуда тогда же Панинъ, боясь, что Петръ поплыветъ въ Петербургъ, поскакалъ въ столицу берегомъ съ двадцатью-четырьмя кавалергардами. Измайловъ, встрѣтивъ войско императрицы, быстро подъѣхалъ къ ней, бросилъ поводья ординарцу и съ картинною изысканностью, подавъ государынѣ пакетъ, сталъ передъ новой Беллоной въ дорожную пыль на колѣни. Пока Екатерина читала письмо,— гдѣ Петръ Ѳедоровичъ выражалъ намѣреніе кончить дни въ мирномъ, философскомъ отъ всякихъ дѣлъ уединеніи, для чего и просилъ отпустить его въ Голштинію,—Измайловъ, съ непокрытой головой, пыхтя и шевеля бровями, собирался съ мыслями.

— Считаете ли вы меня, о, монархиня! за честнаго человѣка?—спросилъ онъ, когда Екатерина прочла письмо.

— Считаю.

— Коль великое счастье служить умникамъ!—произнесъ, ударивъ себя въ грудь, Измайловъ: — дозволяете ли, повелительница?.. дозволяете ли?.. Я упрошу государя формально отречься отъ престола, болѣе того: даю слово — безпродлительно привезти его къ вамъ. Этимъ отвратятся коловратства, всякій алярмъ и бѣдствія грозящей междоусобной войны. Уполномочиваете ли меня на это!

— Охотно,—отвѣтила Екатерина.

Измайловъ отвѣсилъ глубокій поклонъ, сѣлъ на коня, поднялъ его въ галопъ, но, отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, опять возвратился.

— Ваше величество! — сказалъ онъ, пригнувшись съ сѣдла передъ Екатериной:—могу ли разсчитывать на одно, изъ особой аттенціи не въ примѣръ прочимъ, милостивое вниманіе?..

— Въ чемъ дѣло, генералъ?

— Могу ли всерабственно уповать на уступку мнѣ, токм изъ крайности и лишь для поддержки сносной жизни, сел Дѣднова, на Окѣ?

— Усердные и любезно-вѣрные намъ слуги могутъ всегда быть обнадежены нашими милостями.

Обрадованный всадникъ, салютуя, подобралъ коня, поднялъ его лансадами и, межъ рядовъ безостановочно, въ зелени деревъ, шедшихъ колоннъ, маршъ-маршемъ поскакалъ обратно въ Ораніенбаумъ. — «Не Минихъ, — прошептала, презрительно отвернувшись, Екатерина,—того не купишь»...

Петръ Ѳедоровичъ подписалъ формальное отреченіе и, въ сопровожденіи Гудовича и Воронцовой, секретно, въ каретѣ Измайлова, выѣхалъ въ Петергофъ. Тамъ, въ отдѣльномъ павильонѣ дворца, окруженномъ тремя стами гренадеръ, онъ отобѣдалъ, во время стола былъ въ духѣ, даже шутилъ, а послѣ десерта послалъ Екатеринѣ третье письмо. Въ немъ онъ просилъ уступить ему для жилища дворецъ на мызѣ въ Рошѣ и отправить съ нимъ туда арапа Нарцыску, собаку Мопсиньку, доктора Лидерса, скрипку, бургонскаго вина и табаку, нѣмецкую библію и недочитанный имъ французскій переводъ романа Стерна «Тристрамъ Шенди».

Вѣсть объ отъѣздѣ и отреченіи императора быстро разнеслась по Ораніенбауму. Высшіе дворскіе сановники спѣшили тихомолкомъ, подъ шумокъ, также пробраться въ Петергофъ, или окольными дорогами въ Петербургъ и въ окрестные мызы и дворцы. Мировичъ видѣлъ переполохъ охватывавшій всѣхъ болѣе и болѣе, бѣготню прислуги, сновавшей безъ толку, и искаженныя страхомъ, блѣдныя лица военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Голштинскій рыжій офицеръ, день назадъ такъ кричавшій на него и дерзко схватившій его за воротникъ, теперь сидѣлъ у воротъ на чьемъ-то вынесенномъ голубомъ сундучкѣ и, ухватясь за растрепанную голову, горько, по-бабьему, хныкалъ. Кто-то сообщилъ слухъ о предстоящей атакѣ казаковъ и гусаръ на гнѣздо ненавидимыхъ народомъ голштинцевъ.—«Но гдѣ же Унгернъ? ужли и онъ скрылся туда-жъ, куда всѣ бѣгутъ?»—подумалъ Мировичъ, проходя черезъ внутренній, опустѣлый дворъ. Здѣсь онъ увидѣлъ карету, увозившую чьи-то пожитки, недолго думая, вскочилъ на запятки и слѣзъ у Петергофскаго парка. Онъ вспомнилъ о брессановскомъ конѣ, котораго, два дня назадъ, онъ оставилъ въ чухонскомъ выселкѣ за Петергофомъ. — «Конь отдохнулъ, — рѣшилъ

онъ, — возьму его и до ночи еще поспѣю въ Петербургъ... Не удалось предупредить государя, спасу его иной диверсіей... Войско покинуло столицу: принцъ Іоаннъ на Крестовскомъ; отобью его у слабой стражи, выставлю въ тылу бунтовщиковъ, и тогда... тогда посмотримъ»...

Мировичъ углубился въ лѣсъ, въ обходъ Петергофа, переполненнаго и шумѣвшаго войскомъ.

Близился вечеръ; но было еще жарко. Потъ градомъ катился съ лица Мировича. Ноги путались, вязли въ высокой цѣпкой травѣ. До него долетали звуки уличной ѣзды, ржаніе лошадей, крики и пѣсни толпившихся на площадяхъ и у дворца военныхъ командъ. Но вотъ все стало замолкать. Онъ отдалился отъ города. Лѣсная чаща охватила его тѣнью и прохладой. Только подорожники да жаворонки заливались на усѣянныхъ цвѣтами полянкахъ; дрозды съ рѣзкимъ, звонкимъ щолканьемъ перелетали подъ нависшими кустами; пахло сосновой смолой, да солнце наискось, изъ-подъ вѣтвей, освѣщало толстые мшистые стволы.

Влѣво проглянула полоска взморья. До посёлка оставалось версты двѣ-три. Мировичъ завидѣлъ его съ пригорка, распозналъ и крайній дворъ, гдѣ бросилъ пѣгаго. — «Скорѣй, скорѣй!» — торопилъ онъ себя. Но едва онъ пересѣкъ дорогу, шедшую изъ Петергофа въ Гостилицы, сзади отъ парка послышались звуки колесъ, рессоръ и переливистое, тонкоголосое, далеко-слышное выкрикиванье форейтора: «па-а-ди».—«Видно, рыдванъ,—подумалъ Мировичъ,—знатный баринъ какой-нибудь спѣшитъ убраться отъ этой передряги въ свое помѣстье».—Онъ сошелъ съ дороги и углубился въ ближнія деревья.

Снизу, съ долины, пыхтя вспотѣвшимъ, упареннымъ восьмерикомъ и врѣзываясь въ ступицы въ разрыхленный сѣроглинистый грунтъ, подъ хлопанье кнута и понуканіе возницъ, забирая рыси, на дорогу грузно въѣхала большая, цвѣтомъ оливковая, четырехъ-мѣстная, съ придворными гербами, карета.

Видъ кареты былъ необычный. Зеленыя шторки въ ея раскрытыхъ окнахъ были опущены. На козлахъ, на запяткахъ и даже на откинутыхъ подножкахъ, стояли съ мушкетами гренадеры. По бокамъ и нѣсколько поодаль, впереди и назади, вперемежку съ гусарскимъ конвоемъ, ѣхали верхомъ нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ. Между по-

слѣдними Мировичъ съ удивленіемъ разглядѣлъ видѣнныхъ имъ не разъ, въ минувшіе дни, въ ресторанахъ Дрезденши и Амбахарши, князя Ѳеодора Барятинскаго, Баскакова и Пассека. Изъ-подъ качнувшейся гардины, онъ распозналъ въ каретѣ и лицо, со шрамомъ на щекѣ, Алексѣя Орлова— «le balafré».

«Что бы это значило?—подумалъ Мировичъ, сквозь вѣтки деревъ слѣдя за страннымъ, по рытвинамъ и обнаженнымъ на взбитой дорогѣ корнямъ, удалявшимся кортежомъ:— Орловъ, Барятинскій... и Пассекъ! этотъ какимъ образомъ? онъ былъ арестованъ!—да и всѣ они?.. ихъ ли везутъ или они кого сопровождаютъ? Притомъ, куда и какого рода особу?»

Мировичъ вышелъ изъ чащи. Карета и ея конвой скрылись. И въ то же время изъ-за деревъ, куда они уѣхали, снова послышался стукъ колесъ. На дорогѣ показалась рогожанная кибитка. Сидѣвшій въ ней поспѣшно вылѣзъ у поворота къ Петергофу, взошелъ на бугоръ и, наставя руку надъ глазами, о чемъ-то говорилъ съ кучеромъ. Въ желтолицомъ, обрюзгломъ и безбородомъ хозяинѣ кибитки Мировичъ узналъ салотопеннаго купца Селиванова, къ которому въ мартѣ государь заѣзжалъ близъ Шлиссельбурга и котораго приглашалъ въ Ораніенбаумъ.

— Видѣли, видѣли?—обратился къ подошедшему Мировичу Селивановъ:—его, батюшку-то, радѣльца нашего повезли...

— Кого повезли?

— Да государя-то, нашего спаса и милостивца.

Мировичъ вздрогнулъ.

— Быть не можетъ!—сказалъ онъ.

— Іонъ, ваша милость, іонъ!—продолжалъ Селивановъ:— занавѣсочка-то колыхнулась въ ейную сторону... а іонъ, родной, какъ есть табѣ, въ уголочку сидитъ и глядитъ... Этакое окаянство, обида всему бѣлому свѣту, смертный смутъ... Говори же, ваше благородіе, каки-таки супостаты?

Мировичъ сообщилъ Селиванову о перемѣнѣ, происшедшей въ тотъ день.

Въ оловянныхъ, дико устремленныхъ глазахъ сектанта изобразилось крайнее смущеніе и испугъ. Онъ снялъ шапку, двуперстно перекрестился и задумался, шевеля отвисшими, блѣдными губами.

— Спаси его Исусъ Господь и помилуй!—сказалъ онъ, подтягивая на себѣ поясъ и, съ мрачной злобой, глядя

внизъ на долину:—лишились вѣрнаго спаса, другого видно ждать. Разрази, охъ, развѣй прахъ; а ужъ всѣ, то-ись, всѣ, кажись, какъ одинъ... Объяви онъ, радѣлецъ, надёжа вѣрныхъ рабовъ, слово только вымолви...

— Могу ли васъ просить объ одолженіи? — произнесъ, заторопясь, Мировичъ.

— Меня-то? проси, баринъ. Каки тебѣ дѣла?

Мировичъ объяснилъ, какъ и зачѣмъ попалъ сюда, и попросилъ подвезти за конемъ, въ выселокъ.

— Ну, ваше благородіе, про коня сливо лучше позабудь, — сказалъ Селивановъ: — самъ говоришь, эки войски тутъ прошли и сколько было всякаго наянства, озорниковъ. Лучше садись, прямо въ Питеръ подвеземъ. Надо бы въ Кронштадтъ, да и тамъ, чай, сполохъ... въ галерной у землячка, пока что, остановимся... Такъ ли? Только не почтовою, сударь, а возьмемъ-ка еще поправѣй, проселками... Охъ, охъ! отцы святые, бѣлы-голуби, угоднички! Исусе сладчайшій! пришли, знать, остатни послѣдни времена...

Мировичъ сѣлъ въ кибитку Селиванова. Къ ночи они, съ остановками, по взморью и въ объѣздъ почтоваго тракта, достигли Петербурга и направились къ галерной гавани, гдѣ былъ домъ кожевника, пріятеля Селиванова. Въ то же время въ нарвскія ворота началось торжественное, обратное вступленіе войска изъ петергофскаго похода. Солдаты обвили шляпы и мушкеты дубовыми вѣтвями. Музыка не умолкала въ теченіе всего пути. Екатерина на томъ же бѣломъ, въ яблокахъ, запыленномъ конѣ, во главѣ пѣшихъ батальоновъ, вступила въ столицу. Колокольный звонъ сливался съ звуками побѣднаго марша и съ криками бѣжавшей за войскомъ толпы. Двери церквей всюду были настежь растворены. Въ ихъ глубинѣ, передъ ярко-освѣщенными алтарями, въ полномъ облаченіи стояло духовенство, правя молебны за побѣдителей, «утвердившихъ и упрочившихъ престолъ».—«Ликуйте,—съ лихорадочной, злобно-радостной дрожью думалъ Мировичъ, ѣдучи Петербургомъ и прислушиваясь къ крикамъ и шуму радостнаго народа, — часъ пробьетъ... недолго ждать — выдвину вамъ такое, что всѣ опомнятся, отвѣтятъ, какъ на страшномъ судѣ... Вы цѣпляетесь за живое: я поставлю вамъ фантомъ, грознаго и мстящаго мертвеца...»

Передъ отъѣздомъ изъ Петергофа, Екатерина, еще 29 іюня, послала Никитѣ Панину указъ: безъ замедленія принять въ его распоряженіе всѣ тѣ секретныя и высшихъ политическихъ интересовъ дѣла, которыми послѣ Унгерна завѣдывали Нарышкинъ и Волковъ; а генералъ-маіору Силину быть взамѣнъ Жихарева старшимъ приставомъ при шлиссельбургскомъ арестантѣ.

Бумага уже была запечатана и сдана къ отсылкѣ. Екатерина велѣла задержать фельдъегеря и вручила ему еще другой, особой важности указъ на имя Силина, съ собственноручной надписью на пакетѣ «самонужнѣйшее и безотлагательное».

XXII.

Забытый.

Столичныя происшествія, казалось, не коснулись обитателей мызы Гудовича. О нихъ, повидимому, забыли. — «Ужели не знаютъ, гдѣ принцъ? — разсуждалъ приставъ Жихаревъ, — что мудренаго въ такомъ переполохѣ и суетѣ!» — Онъ разставилъ караульныхъ у всѣхъ входовъ и выходовъ флигеля и, строго подтвердивъ стражѣ — быть наготовѣ и глядѣть въ оба, вторыя сутки не выходилъ изъ комнатъ. Малѣйшій звукъ извнѣ заставлялъ его вздрагивать.

Судьба арестанта не выходила изъ его головы. Мать Гудовича, съ дочерьми, утромъ, наканунѣ возвращенія Екатерины, навѣдалась въ Петербургъ и навезла такихъ вѣстей, что на особое усердіе инвалидовъ Жихарева ужъ трудно было и разсчитывать. Хозяйки не успокоились, послѣ обѣда велѣли опять запрячь берлинъ и поѣхали въ городъ, но къ вечеру не возвратились. Дворня по-своему стала судачить, что видно постылую хрычевку, съ ея длиннохвостницами, взяли на съѣзжую и ужъ все имъ теперь припомнятъ. На барской кухнѣ и въ молодечнѣ слышались грубые, дерзкіе возгласы, брань и угрозы бросить мызу и идти туда, куда, молъ, всѣ идутъ.—«Какъ бы еще, братцы, не отвѣтить?.. матушка-то вѣдь наша зорка... гляди, вò какъ взыщетъ!» — ворчалъ сѣдой, помнившій Перваго Петра и его казни, поваръ. Убравъ посуду, онъ скинулъ фартукъ и колпакъ, одѣлъ старый зипунишко и, понурившись, вышелъ за ворота. — «Она, гляди, всѣхъ перепишетъ... — надумалъ и въ свой чередъ всѣмъ объявилъ съ

полатей, охотникъ до сказокъ и картъ, пѣвецъ и весельчакъ, выѣздной конюхъ,—то-ись, кто, значитъ, опоздалъ и по какому резонту?.. А каки раньше придутъ, тѣмъ, братцы, и воля навѣки нерушимо сказана будетъ!» — Кухонный мальчикъ подмигнулъ форейтору, тотъ водовозу, а этотъ лакею. Молодежь гуртомъ вывела со двора лошадей, будто какъ всегда на водопой, и была такова. Кто постарше, подождали нѣсколько и въ одиночку, другъ за другомъ, также шмыгнули за ворота.

Смеркалось. Жихаревъ прошелся по саду и, возвратясь во флигель, присѣлъ къ столу. Ему пришло въ голову написать рапортъ къ генералъ-полицеймейстеру, прося его объ инструкціяхъ касательно принца.—«Этимъ хоть напомню о себѣ» — подумалъ онъ, и вдругъ остановился. До его слуха долетѣлъ стукъ большого подъѣхавшаго экипажа. Кто-то разговаривалъ у воротъ, шелъ къ крыльцу.—«Кто бы это былъ?—смущенно подумалъ Жихаревъ, взглядывая на дверь, — ужели вспомнили забытаго? и къ лучшему или къ худшему?»

На крыльцѣ послышался звонъ шпоръ, торопливые шаги. Впопыхахъ вбѣжала блѣдная, растерянная горничная Гудовичей, Гаша.

— Какой-то господинъ пріѣхалъ, — сказала она: — караулъ снимаютъ... васъ спрашиваютъ... гусары верхами...

— Кто пріѣхалъ?

— Незнаемые все люди,—отвѣтила Гаша.

Жихаревъ схватилъ шпагу, бросился въ пріемную. Тамъ, ровняя приведенную эскорту, стоялъ рябой и, какъ киргизъ, плосконосый, въ генеральской формѣ, кавалеристъ.

— Вы майоръ Жихаревъ?

— Такъ точно-съ... А вы, позвольте?

— Генералъ-маіоръ Силинъ... Гдѣ арестантъ Безыменный?

— Вамъ онъ зачѣмъ понадобился? и по чьему повелѣнію изволите, ваше превосходительство, его у меня требовать?

— Ахъ, Богъ мой! какія тутъ еще конверсаціи, да экспликаціи? — сказалъ, нетерпѣливо пожавъ плечами, Силинъ: — именемъ нынѣ царствующей государыни нашей императрицы, спрашиваю я васъ, гдѣ здѣсь содержится ввѣренный вамъ, извѣстный секретный колодникъ?

— Указъ, государь мой, письменный указъ, — отвѣтилъ, блѣднѣя, съ дрожью обнажая шпагу и отступая къ порогу, Жихаревъ:—мало ли въ свѣтѣ колебаній! и кто нынче на-

чальники, — не всякъ свѣдомъ!.. А какъ я разума еще не весьма лишился, то уповательно и по довольной тому причинѣ, какъ главный и персональный здѣсь приставъ, прошу вашу милость удалиться...

— Эка врать, батенька, горазды! читайте!—презрительно, въ полъ-оборота, сказалъ Силинъ, подавая указъ: — видѣть изволите... не вы, милостивецъ, а я отнынѣ главный приставъ при оной, тайно здѣсь содержимой, персонѣ...

Жихаревъ пошатнулся. Гаша бросилась въ коридоръ, оттуда въ садъ.

— Еще уграживать, братишка, вздумалъ! — продолжалъ, чванливо фыркая, Силинъ: — а у васъ тутъ, какъ вижу, все по семейски, по простотѣ... Окна безъ положенныхъ закрѣпъ и женскій полъ, видно, для поговорки — отъ скуки, тутъ же, по близости арестантскихъ свѣтлицъ... Обо всѣхъ сихъ злостныхъ и вопреки регламенту послабленіяхъ и аппрошахъ будетъ доведено до свѣдѣнія свыше...

— Ничего безъ указу и супротивъ статута! — въ силу одолѣвая бѣшенство, прохрипѣлъ Жихаревъ:—а неучтивыхъ выскочекъ, какого бы ранга они ни были, да шумныхъ протежè сильныхъ міра сего мы видывали и унимали... что пугаете!.. отвѣтить сумѣемъ.

Онъ вынулъ изъ кармана ключъ и положилъ его на столъ. Силинъ прошелъ въ смежную комнату, отперъ дверь къ узнику. Появленіе вооруженныхъ, враждебно смотрѣвшихъ людей испугало, ошеломило принца.

— Ахъ, да что же вамъ? ну!—произнесъ онъ, отступая и бросаясь къ окну.

— За вами, сударь,—пожалуйте!—возвысилъ голосъ Силинъ:—приказъ новой монархини, извольте ѣхать со мной...

— Врешь ты, врешь!—крикнулъ арестантъ:—шагъ ступи, голову разнесу...

Онъ подхватилъ тяжелый, обитый кожей стулъ.

Силинъ попятился къ двери, далъ знакъ. Солдаты, придерживая палаши, бросились съ двухъ сторонъ къ арестанту.

— Все то вранье, не смѣете! — размахивая стуломъ, съ пѣной у рта, кричалъ узникъ:—шептуны вы, еретики, меня зашептали... Я здѣшней имперіи принцъ и вашъ государь...

Гаша видѣла изъ сада, какъ уговаривалъ узника Силинъ, слышала его угрозы, новые возгласы принца. И вдругъ все стихло. Окна принцевой комнаты заслонились зелеными,

порывисто-двигавшимися кафтанами солдатъ. — «Въ васъ жалости, сударь, нѣтъ! — раздался срывавшійся, всхлипывавшій возгласъ Жихарева: — вспомните, генералъ, кто онъ...» — «А, жалостники! черти! вотъ я васъ! бери его! въ мою голову вяжи...» — командовалъ солдатамъ Силинъ.

Послышался стукъ падавшей мебели, звонъ разбитыхъ стеколъ. Чья-то худая, блѣдная рука мелькнула поверхъ солдатскихъ головъ. Костлявое въ бархатномъ штиблетѣ колѣно судорожно поднялось и скрылось между скученныхъ плечъ. Раздался глухой, нестройный топотъ тяжело удалявшихся солдатскихъ шаговъ. Съ кѣмъ-то въ комнатахъ и на крыльцѣ боролись, кого-то унимая, съ угрозами и бранью торопливо несли.

Шумъ затихъ. Гаша опомнилась, бросилась во дворъ, за ворота. По лѣсной, стемнѣвшей просѣкѣ, поднимая пыль, мчалась большая, шестерней, ямская карета. За нею скакалъ кавалерійскій отрядъ. Ни въ домѣ, ни во дворѣ, ни около — не было видно ни души. Полицейскихъ стражниковъ Силинъ, прибывъ сюда, отправилъ въ городъ, а Жихарева, не давъ ему времени опомниться, какъ и его арестанта, увезъ съ собой. Гаша вспомнила о ближней мызѣ Птицыныхъ, накрылась платкомъ и бросилась туда. Хмурая облачная ночь надвигалась кругомъ. У огорода, близъ сада Птицыныхъ, Гаша оглянулась и всплеснула руками. Надъ деревьями, въ той сторонѣ, откуда она пришла, поднялось что-то яркое, дымно-багровое. Отблескъ пожара всходилъ выше и выше, далеко освѣщая Каменный и сосѣдніе острова.

Въ тотъ же вечеръ, отъ пристани, у Колтовской отчалилъ паромъ. На немъ толпились рабочіе съ сосѣднихъ, стекляннаго и порохового, заводовъ, огородники и нѣсколько мѣщанъ. Здѣсь же стояла извозчичья коляска. Сѣдоки изъ нея не вставали. Всѣхъ занимало зарево, виднѣвшееся впереди.

— Таперича, значитъ, и безъ фонаря всякъ проѣдетъ, — отозвался кто-то отъ каната: — иголку мамзель и то найдетъ.

Въ толпѣ засмѣялись.

— Фу, милые! вотъ жаритъ! полыхать стало, — проговорилъ сутуловатый, въ веснушкахъ, солдатикъ: — гляди, Миколаевъ, искры-то... а дымъ! вотъ закурило... лихо!..

— А что горитъ? — рѣшился спросить одинъ изъ сидѣвшихъ въ коляскѣ.

— А Богъ е зна...

— Нѣмцевъ иродовъ чествують, луминація христопродавцамъ и ихнимъ угодникамъ, — пояснилъ первый голосъ изъ толпы:—хлебать, жеребцы, во-какъ дюжи, налопаются...

— А что, братцы, вѣдь это Гудовичева мыза, — сказалъ опять солдатикъ:—ишь ты, у заводей! она и есть.

Всѣ надвинулись къ канату:—«Эхъ, эхъ, вотъ полыхаетъ!»

— Аполлонъ? ужли-жъ мы и тутъ опоздали?—вполголоса въ коляскѣ спросилъ Мировичъ своего пріятеля Ушакова.— Тотъ, молча, смотрѣлъ въ направленіи пожара.

— И всѣмъ то же будетъ, всѣхъ, постой, порѣшатъ!— пробурчалъ плечистый, оборванный мужичонка, корявыми, въ мозоляхъ руками натягивая бечеву.

— Да чѣмъ же онъ, хоть бы Гудовичъ-анаралъ, провинился?—отозвался слабымъ, почти дѣтскимъ голоскомъ сѣдой огородникъ:—баринъ милостивый, тишайшій, видывали его сколько разовъ...

— Потому нѣмцамъ, все одно, чорту братъ.

— Да ты вотъ, слышь, дѣдушка, не то ишшо будетъ!— откликнулся съ другого конца парома чей-то пѣвучій, бархатный голосъ: — завтра висѣлицъ передъ сенатомъ наставятъ и всѣ-ѣ-хъ супостатовъ, погубителей нашихъ, вѣшать будутъ.

— Ахирники, пёсьи души! значитъ, рѣшилась, пошла таперича Рассея: держись вверхъ тормашками!

— А-а! у!—вздрогнула и раскатисто надъ водой загоготала толпа.

Паромъ причалилъ къ берегу. Коляска своротила въ просѣку, уже полную запаха гари. Подъѣхавъ къ прибрежной полянѣ, путники встали, велѣли возницѣ ждать, и съ-надъ вѣтра лѣсной чащей направились къ пожарищу.

На мѣстѣ обширной, богатой усадьбы торчали одни обугленные, шипѣвшіе древесные стволы. Рабочіе съ тоней и кое-кто изъ наспѣвшихъ окрестныхъ жителей, стоя поодаль, съ тупымъ любопытствомъ слѣдили за громадными, догоравшими кострами.

— Чья мыза сгорѣла?—спросилъ, подойдя къ нимъ, Мировичъ.

— Гудовича.

— Всѣ ли спаслись?

— А хто е зна...

— Но куда жъ дѣлись жившіе здѣсь?—спросилъ Ушаковъ.

— Попеклись, видно, на картошки, а може къ своимъ въ нѣметчину, — смолёные нехристи, — побѣгли.

Ушаковъ оглянулся. Мировичъ кого-то примѣтилъ въ толпѣ, съ кѣмъ-то говорилъ. На травѣ, горько плача о погибшемъ добрѣ, сидѣла съ птицынскими людьми прибѣжавшая на пожаръ Гаша.

— Увезли его, спасли, — повторяла она: — а добро-то, добро все погорѣло.

Начинало свѣтать. Вдали слышались звуки бубенчиковъ и колокольчиковъ. Скакала не ко времени пожарная команда. Впереди нея несся казачій разъѣздъ.

XXIII.

Докладъ Панина.

Новыя яркія свѣтила всходили на горизонтѣ новаго двора. Всѣ стремились согрѣться въ ихъ пышныхъ, много обѣщающихъ лучахъ. Всѣ ловили вниманіе этихъ счастливцевъ, ихъ улыбку, взоры, слова; низко имъ кланялись, совались съ предложеніемъ дружбы, услугъ. Имя невѣдомыхъ дотолѣ и небогатыхъ братьевъ Орловыхъ, рядомъ съ именами Никиты Панина, Дашковой и новаго секретаря императрицы, Григорія Теплова, не сходили съ языковъ петербургскаго общества.

Пятаго іюля, на шестой день своего царствованія, Екатерина назначила, внѣ очереди, особый докладъ воспитателю своего сына, Никитѣ Иванычу Панину, вѣдавшему теперь, въ числѣ прочихъ важныхъ дѣлъ, такъ-называемыя, секретныя.

Близился полдень. Императрица, отпустивъ генералъ-полицеймейстера, гофмаршала и двухъ-трехъ изъ военныхъ лицъ, привела кое-какъ въ порядокъ кучи бумагъ, которыми въ эти дни успѣли загромоздить ея письменный и два вспомогательныхъ ломберныхъ стола въ кабинетѣ Лѣтняго дворца на Фонтанкѣ. Наканунѣ, въ одинъ изъ корпусовъ этого дворца, для ускоренія всѣхъ дѣлъ вообще, по именному указу новой монархини, совершенно неожиданно было переведено присутствіе правительствующаго сената. Въ ожиданіи Панина, Екатерина умыла примаранныя чернилами руки, покормила бисквитами собачекъ, подаренныхъ ей кѣмъ-

то въ эти дни и лежавшихъ на атласныхъ стеганыхъ тюфячкахъ у кровати, въ ея спальнѣ, и сѣла къ столу.

Сорокалѣтній, флегматическій, добродушный и лѣнивый отъ природы блондинъ, Никита Иванычъ Панинъ, нѣсколько лѣтъ провелъ на дипломатическомъ поприщѣ въ Даніи и свободной Швеціи, а теперь второй годъ состоялъ блюстителемъ воспитанія «порфироноснаго отрока», сына императрицы,—стремясь готовить сердце его «ко времени зрѣлаго возраста» — какъ было ему указано въ инструкціи — «въ простотѣ, добронравіи и отдаленіи отъ всякихъ излишествъ и роскошей, а также отъ ласкателей, для коихъ довольно еще впереди остается».

Чиномъ генералъ-поручикъ и александровскій кавалеръ, Никита Иванычъ рѣдко пудрилъ свои густые, русые волосы, нося ихъ въ небрежно-сбитыхъ и путавшихся на вискахъ и у косы, крупныхъ природныхъ букляхъ. Ходилъ онъ на мягкихъ, полныхъ и вѣжливо ступавшихъ ногахъ тихо, слегка покачиваясь, точно ныряя; носилъ голубой, съ блестками, мѣшковатый, бархатный кафтанъ; говорилъ неохотно, скрашивая, впрочемъ, медленную и подчасъ разсѣянную рѣчь умною улыбкой ласково и спокойно наблюдательныхъ глазъ. Подышавъ воздухомъ счастливыхъ въ то время норманскихъ народовъ, завоевавшихъ себѣ упорнымъ трудолюбіемъ и умѣренностью широкія муниципальныя вольности, онъ грезилъ о перенесеніи этихъ вольностей и въ Россію, и въ душѣ былъ искренній либералъ.

При покойной царицѣ-теткѣ, Екатерина, цѣня умъ и сердце пѣстуна своего сына, уважала его, искала его сочувствія, но не особенно его любила, а скорѣе боялась. Теперь, видя его въ числѣ своихъ первыхъ, усерднѣйшихъ, умнѣйшихъ и опытнѣйшихъ помощниковъ, она ему высказала отмѣнное свое вниманіе, хотя внутренно стѣснялась сознаніемъ громадной услуги, оказанной Панинымъ ей и ея счастливо-конченному дѣлу.

Въ городѣ упорно носилась молва, что Екатерина приняла престолъ лишь до совершеннолѣтія сына, и что Панинъ оказалъ ей поддержку, подъ условіемъ—введенія въ Россіи шведской формы правленія...

«Шведскій прожектъ» Никиты Иваныча былъ теперь моднымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ внѣ-дворской среды. Во дворцѣ о немъ почтительно умалчивали.

Было безъ четверти двѣнадцать. Въ пріемной залѣ, предъ кабинетомъ императрицы, толпилось нѣсколько вельможъ. Между ними въ глубинѣ у камина, стояли: — съ кучей бумагъ подъ мышкой,—Олсуфьевъ; жевавшій губами и пыхтѣвшій отъ мысли — добиться на бумагѣ подареннаго ему Дѣднова, Измайловъ; въ новенькихъ башмакахъ, съ красными каблуками, Бецкій и простудившійся въ минувшіе, хлопотливые дни, въ сильномъ насморкѣ, гетманъ Разумовскій. У окна, смотря изъ него на кипѣвшій праздничной толпой Лѣтній садъ, переговаривались нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ Бредихинъ, Хитрово и герой пережитыхъ дней—Алексѣй Орловъ.

— Живемъ, однако, въ сумнительныя времена,—сказалъ, усмѣхнувшись и не спуская глазъ съ окна, Орловъ.

— Что̀ такъ?—спросилъ небрежно Бредихинъ.

— Красавицы нонѣ вовсе обмелѣли. Вотъ сколько времени гляжу на щеголихъ, ни одной; точно вѣтромъ ихъ разнесло. За невѣстами, видно, въ Москву.

— А эта, эта?—указалъ въ окно Хитрово:—глаза, что-ли, Алексѣй Григорьичъ, запорошены? гляди, какова краля.

— Гдѣ?

— Да вонъ, въ розовомъ, арабчёнокъ несетъ зонтикъ; ужъ эта будетъ моя...

Офицеры стѣснились къ окну.

— А примѣчено многое, многое,—шепталъ у камина Олсуфьеву Измайловъ:—примѣченъ ужъ и новый тріумвиратъ.

Олсуфьевъ поднялъ вопросительно брови.

— Мы малы, тѣ знатны; мы останемся въ низости, тѣ зато рангами и всѣмъ будутъ обнадежены.

— Да о комъ ты это?—спросилъ Олсуфьевъ.

— Эхъ, батюшка, ужли не видишь? Стою я вчера на выходѣ. Начался «безъ-мѐнъ». Подходитъ чортова голова, шведскій прихвостень, Панинъ... Переглянулся съ Орловымъ и съ гетманомъ, и говоритъ государынѣ:—дерзаю утруждать всерабственно—объ увольненіи изъ крѣпости Волкова...

— И что-жъ?

— А всенепремѣнно освободятъ. Отблагодарить будетъ вѣдь чѣмъ. И зачинщикъ всему—тотъ же первый гипокритъ, какихъ не бывало, Панинъ.

— Ну, не все ври, что̀ знаешь, — проговорилъ, косясь въ сторону, Олсуфьевъ.

— Да клянусь, лопни глаза, да я все ему, пёсьей душѣ, прямо и самолично...

Измайловъ не кончилъ. Онъ увидѣлъ, какъ взоры всѣхъ вдругъ обернулись и головы почтительно и дружески склонились навстрѣчу медленно, въ-перевалку, съ портфелью входившаго толстаго, высокаго, слегка-блѣднаго Панина. Онъ поздоровался съ гетманомъ, съ прочими, обмѣнялся парой словъ съ Бецкимъ и тяжело, морщась отъ усталости, сѣлъ въ кресло. Его глаза досадливо и вяло смотрѣли на часы надъ каминомъ и на кабинетную дверь, близъ которой у шелковой ширмочки стоялъ дежурный камеръ-лакей.— «Какъ устрою, на манеръ Швеціи, высшій имперскій выборный отъ народа совѣтъ,—думалъ онъ, презрительно поглядывая на придворныхъ:—ограничатся случайности и капризы, выслушается голосъ страны».

— Если взять за извѣстное,—сказалъ, низко склонясь и заискивающе лебезя передъ Панинымъ, Измайловъ:—вашъ шведскій прожектъ, можно чести приписать, обезсмертить имя создавшаго. А вашихъ враговъ, — я упователенъ, и довольная тому есть причина,—не щадите за оскорбительные вашему превосходительству разговоры и умыслы. Всѣ однимъ гребнемъ чесаны. Я-жъ, какъ вѣрный патріотъ, и по вся дни съ рабскимъ ея величеству благодареніемъ...

Панинъ молчалъ.

Часы, зашипѣвъ, громко прозвонили двѣнадцать. Въ кабинетѣ послышался тоненькій, серебристый звукъ колокольчика. Туда вошелъ и, опять выйдя оттуда, обратился къ Панину камердинеръ. Тотъ, просіявъ, весело всталъ.

— Итакъ, cher ami, ты все за свое? фолькстингъ и совѣтъ высшихъ чиновъ по выбору?—произнесъ, подмигнувъ и дружески тронувъ Панина за руку, гетманъ.

— Все, что въ силахъ... и чѣмъ могу служить къ славѣ... все откровенно будетъ доложено ея величеству!—произнесъ Панинъ, взявъ портфель, торжествующимъ взоромъ окинувъ присутствовавшихъ и, съ гордо-поднятой головой, увѣренно и спокойно проходя въ кабинетъ государыни.

Екатерина сидѣла спиной къ двери, въ небольшомъ, обитомъ бѣлымъ штофомъ, креслѣ, у выгибного, стоявшаго передъ окномъ, письменнаго стола.

— Ну, Никита Иванычъ, — послышался ея твердый и

мужественно ласковый голосъ, когда Панинъ, притворивъ за собой дверь, съ поклономъ подошелъ къ другому боку стола:—садись, голубчикъ. Какъ дѣла? Господа-сенатъ, чай, не очень довольны, что я ихъ перевела къ себѣ въ запасной павильонъ?

Панинъ, слегка нахмурясь, что-то промычалъ, неловко торопливыми пріемами толстыхъ пухлыхъ пальцевъ усиливаясь отпереть навязанный ему, полный докладовъ, съ хитроустроеннымъ замкомъ, портфель Теплова.

— Да ты не трудись, Никита Иванычъ, — сказала съ улыбкой, слѣдя за его пальцами, императрица:—а вотъ что лучше... прислушай-ка... бумагами займемся послѣ...

Панинъ тяжело, плотной грудью, перевелъ духъ и, скривясь и потянувъ шею, точно отъ плотно-завязаннаго платка, обратилъ къ Екатеринѣ моргающіе, затуманенные отъ натуги и внутренней досады глаза.

— Знаешь ли, каковы дѣла мнѣ достались въ наслѣдство?—вдругъ спросила императрица, вынувъ изъ-подъ бронзовой накладки клочокъ бумаги, мелко исписанный карандашомъ.

— Не знаю, государыня,—отвѣтилъ, недовольно склонясь къ столу, Панинъ: — высокій сенатъ, по должности и приличію, изготовляетъ своему монарху докладъ обо всѣхъ важныхъ государства нуждахъ и дѣлахъ...

Екатерина раскрыла крошечную, съ финифтью, табакерку, взяла щепотку любимаго бобковаго табаку, и, медленно понюхавъ, протянула табакерку Панину.

— Обратимся хоть къ иноземнымъ дѣламъ,—начала Екатерина, глядя и будто не глядя на Панина, неуклюже сидѣвшаго противъ нея, съ поджатыми, длинными ногами, по другой бокъ стола: — сухопутная армія наша въ Пруссіи, побѣдители-то, слыхано ли?—не получали жалованья больше, чѣмъ за полгода... Хорошо ли это? а? да еще на виду недруговъ, въ чужихъ-то краяхъ!.. А въ статсъ-конторѣ, сударь, именные указы не выполнены о производствѣ уплатъ почти на семнадцать милліоновъ... это каково?

Панинъ нетерпѣливо шевельнулъ бровями и, съ усиліемъ согнувшись, опять отставилъ къ креслу на полъ Тепловскій, толстый портфель.

— Ну-съ, а вотъ это какъ вамъ сдается? — продолжала Екатерина:—шестьдесятъ милліоновъ монеты, считающейся

въ обращенін, — всѣ двѣнадцати разныхъ чекановъ, пробъ и цѣны... Легко ли народу справляться съ дѣлами въ такомъ финансовомъ дезабильѐ? А внутри имперіи, внутри?.. Заводскіе и монастырскіе крестьяне всѣ почти въ явномъ бунтѣ... Ты скажешь, пожалуй, помѣщичьи-де тихи? Э, постой,—и объ этихъ мы имѣемъ вѣрныя, печальныя вѣсти... И они мѣстами ужъ явно сближаются съ первыми, готовы знамя возстанія поднять...

— Императорскій совѣтъ, монархиня, — возразилъ Панинъ:—какъ первое мѣсто, могъ бы, на-прикладъ Швеціи, или... потому, что пренебреженный въ послѣднее время сенатъ...

— Опять сенатъ! Эхъ, Богъ мой!—произнесла, сухо поведя глазами, Екатерина: — ты извини меня, другъ! самъ ты хоть и сенаторъ, но я отнюдь шиканствомъ и издѣвкой какой не хочу тебя умышленно обижать... Надо правду сказать: — ты больше съ моимъ сыномъ возился, его только вѣдалъ и—великое тебѣ спасибо за Павла (Екатерина слегка поклонилась) — мальчика маво ты сохранилъ, соблюлъ. Но что̀ грѣха таить? ка̀къ и чѣмъ донынѣ занимались у насъ господа-сенатъ? Маремьяна старица за весь міръ печалится... а на дѣлѣ? Изъ репортовъ генералъ-прокурора вижу, шесть недѣль къ-ряду высокій сенатъ всѣмъ департаментомъ слушалъ... что же?.. чтеніе дѣла, да не въ экстрактѣ, а цѣликомъ, о выгонѣ города Мосальска. Богъ мой! Да и то бы еще ничего... Къ чему только ни привыкла бѣдная русская страна! А то плохо, сенаторы лишь междоусобствуютъ, вражду и ненависть питаютъ другъ къ другу, не терпятъ чужихъ мнѣній, оттого и партіи, а дѣла въ рукахъ канцеляріи. Не диво же, что вашихъ рѣшеній и указовъ нигдѣ не выполняютъ, а по нажитой въ такомъ неряшествѣ пословицѣ отъ правящаго-то сената ждутъ—третьяго указа... Ну, посуди, Никита Иванычъ, каково?

Панинъ отеръ лобъ, крякнулъ, принялъ менѣе хмурое, болѣе внимательное выраженіе лица и, угомонивъ длинныя, непослушныя ноги, ближе придвинулся съ кресломъ къ столу.

— Тяжело править провинціями изъ петербургской, столь отдаленной, столицы,—сказалъ онъ внушительно:—ошибка, впрочемъ, въ этомъ не наша... исправить допущеніемъ добрыхъ и опытныхъ совѣтовъ можно бы...

— Петра-то Великаго съ тобой, Никита Иванычъ, будемъ винить и уличать?—возразила съ улыбкой Екатерина:—шутишь; не тутъ корень злу—въ нашей, извини, общей недоросли и лѣни. Право-правящій сенатъ — слыхано ли? — опредѣляетъ воеводъ, а числа городовъ въ Россійской державѣ... не знаетъ... Намедни — тебя не было — спрашиваю въ засѣданіи у Глѣбова реестръ городовъ: признался, не имѣется при сенатѣ. Карты имперіи — ну, посуди — ландкарты въ сенатскомъ зданіи не оказалось... Вотъ она, наша-то, не къ мѣсту гордыня и нерадѣніе. Люблю русскія простыя поговорки: «Напала на кошку спѣсь—не хочетъ и съ печки слѣзть»... «Мірская шея толста»... Подумала я, погадала и послала Теплова черезъ рѣчку, въ академію наукъ; онъ мнѣ купилъ въ тамошней лавкѣ, а я тутъ же и поднесла сенаторамъ въ презентъ Кирилловскій печатный Россіи атласъ...

Панинъ несмѣло взглянулъ въ твердый, слегка насмѣшливый взоръ Екатерины и, какъ бы противъ воли рѣшивъ тяжелый, давно его томившій вопросъ, разставивъ руки и, съ торжественнымъ, по-придворному, поклономъ, воскликнулъ:

— Мать-государыня! тебѣ и книги въ руки! учи насъ, будемъ слушать.

— Забыли мы про дубинушку Великаго Петра!—продолжала, опять понюхавъ табаку, Екатерина: — всѣмъ намъ надо еще учиться. Красна, голубчикъ, пава перьемъ, а человѣкъ ученьемъ. Поговори съ моей кумой садовницей,—баба разумная. Вчера говоритъ: «зеленъ виноградъ—не сладокъ, младъ человѣкъ — не крѣпокъ». А ты вонъ, прости, все о шведской системѣ правленія твердишь. Вѣрю твоей искренности. Только всуе законы писать, когда ихъ не исполнять... Совѣты монархамъ! А сами-то совѣтчики, гляди, еще каковы? Какъ наши баре о своихъ подданныхъ пекутся? Разоренія, поборы, правежи черезъ полицію и даже оружіемъ, бѣгства тысячъ семей, а рядомъ—криводушіе и лихоимство судовъ... Земледѣльческій классъ безмѣрно угнетенъ, разоренъ. А самъ знаешь: не будетъ пахотника, — не будетъ и бархатника... Всѣ, всѣ безобразія, по мѣрѣ силъ, думаю устранить... Издамъ сельскій, городской и торговый уставы... А тамъ, помоги Богъ, Никита Иванычъ,—сказала Екатерина, поднявшись съ кресла и какъ бы вдругъ выросши передъ, также вставшимъ, Панинымъ: — управясь

на черномъ, и на бѣлый дворъ!.. созову тогда и сословія для начертанія общей государственной хартіи...

— Цѣпь великихъ, громкихъ дѣлъ, нѣтъ сумнѣнія, ожидаетъ увѣковѣчить ваше царствованіе, монархиня!—произнесъ, отирая лицо и опять склонясь передъ императрицей, Панинъ.

— Елисавета и открекшійся императоръ, ея племянникъ, копили деньги,—продолжала съ улыбкой Екатерина, въ то время, какъ ея крѣпкая, съ крутымъ подъемомъ нога, высунувшись въ синей туфлѣ изъ-подъ сѣраго атласнаго молдавана, нетерпѣливо и судорожно шевелилась на коврѣ:— они, ты знаешь, держали казну при себѣ, считая сбереженныя деньги своими. А я вамъ, господа, скажу иначе: на правду немного словъ,—все мое и я сама—принадлежимъ государству... Между выгодами моими и моей страны не должно быть разницы...

— Великія слова, государыня, изволили повѣдать!—произнесъ, еще ниже склонясь и невольно слѣдя за ногой въ синей туфлѣ, Панинъ:—золотомъ на скрижаляхъ записать ихъ въ поученіе вѣковъ...

Екатерина снова сѣла и понюхала табаку.

— Ну, какія дѣла теперь у тебя, господинъ докладчикъ, на очереди?—спросила она, приготовясь слушать.

— Дѣла секретной комиссіи, — опять доставая изъ-подъ кресла тяжелый портфель, сказалъ Панинъ: — о принцѣ Іоаннѣ...

— А! ну, что же?—какъ довезли и помѣстили Иванушку?

— Въ Шлиссельбургъ—благополучно, а по пути въ новоназначенное ему мѣсто, въ Кексгольмъ,—не совсѣмъ.

— Что̀ же случилось?

— На Ладогѣ, у Кошкина мыса, буря ихъ захватила и разбила трешкотъ. Насилу спаслись.

— Ахъ, бѣдный! вотъ ужъ судьба! Гдѣ же они теперь?

— Вчерашній день Силинъ, изъ деревни Морья, съ полдороги доносилъ, что они сидятъ у озера и ждутъ новыхъ судовъ изъ Шлиссельбурга. А сегодня ужъ изъ Кексгольмскаго шлосса эстафету прислалъ.

— Въ какомъ же положеніи арестантъ?

— Неспокоенъ былъ всю дорогу: грозилъ, бранился, буйствовалъ и даже въ драку лѣзъ. Дважды Силинъ его вя-

залъ, сажалъ въ трюмъ, а во время бури, какъ сломало мачту и стало заливать трешкотъ, — вырвался принцъ на палубу, сталъ возмущать матросовъ: я-де не простой человѣкъ,—царской крови. Звалъ себя императоромъ, безплотнымъ духомъ, а въ виду Морьенскаго мыса бросился въ воду,—насилу матросы успѣли его поймать и вытащить изъ воды. И теперь приставъ доноситъ, что онъ неспокоенъ послѣ дороги: плачетъ, всѣхъ клянетъ, призываетъ святыхъ въ помощь, тоскуетъ и проситъ дозволить ему носить подаренное бывшимъ государемъ парадное платье.

— Дозволь,—сказала, подумавъ, Екатерина.

— Книгъ тоже проситъ арестантъ, о прогулкахъ молитъ,

— Книгъ? развѣ онъ грамотенъ?

— Разумѣетъ.

— Дозволь и книги,—что-жъ!—произнесла, отвернувшись, Екатерина:—ужъ очень его тѣснили.

Панинъ взглянулъ на нее. Его поразило, что она, такъ недавно еще спокойная и увѣренная, будто смѣшалась и не знала, что̀ говорить.

— А насчетъ прогулокъ на воздухѣ, внѣ шлосса?—продолжалъ Панинъ:—инструкціи крѣпости того не разрѣшаютъ.

— Пусть выходитъ, пусть, разрѣши... Ахъ, Никита Иванычъ, сердце разрывается. Посуди... и жаль его, да и самъ вѣдь знаешь,—главное наше больное мѣсто столько лѣтъ... Ты видѣлъ его при отправленіи, — скажи, каковъ онъ съ виду?

— У Смольнаго, при высадкѣ его въ барку изъ кареты, инкогнито я его разсмотрѣлъ. Симпатиченъ онъ и жалокъ; отъ природы же, какъ видно, любознателенъ ко всему, что упущено небреженіемъ его тюрьмы; съ каждымъ заговариваетъ, вглядывается, хоть и выведенъ былъ изъ себя неожиданностью и страхомъ новаго тогдашняго ареста.

— Никита Иванычъ, не повѣришь, можетъ-быть,—дрогнувшимъ голосомъ, съ чувствомъ сказала Екатерина:—тяжело не только говорить, — думать... Что дѣлать? научи... Чѣмъ могу быть полезна для бѣднаго? Вотъ что... Отцу его думаю предложить вольный возвратъ за границу. Слѣпнетъ онъ, говорятъ, въ Холмогорахъ... Да ужъ посовѣтуй, другъ, — помолчавъ, вполголоса прибавила императрица: — не отпустить ли вмѣстѣ съ отцомъ и сына?

Панинъ опять взглянулъ на Екатерину, стараясь уловить

въ ея глазахъ, лицѣ, чего именно ей желалось въ это мгновеніе и что ближе было ея помысламъ,—облегченіе-ль судьбы узника, или иные, высшіе государственные разсчеты?

— Соблазну будетъ много и могутъ выдти скорбныя, тяжелыя потрясенія, — отвѣтилъ онъ, чувствуя, что говоритъ не то, говоритъ противъ себя, и самъ удивляясь безсердечію и жесткости своего отвѣта.

— Такъ не пускать?

— Боже васъ упаси о томъ и думать. Тронъ вашъ еще не прочен, требуетъ укрѣпленій.

— Имперіумъ мой... всегда будетъ крѣпокъ съ такими слугами, — опять оживясь и подходя къ китайскому шкапчику, сказала Екатерина.

Она отперла потайной ящикъ и достала оттуда небольшой распечатанный пакетъ.

— Отъ батюшки Алексѣя Петровича изъ Горетова,— продолжала Екатерина, возвратясь снова къ столу и указывая на пакетъ:—лучшимъ моимъ другомъ, извѣстно тебѣ, былъ великій канцлеръ тетки, и враги наши зато безъ сожалѣнія свергли графа Бестужева... Вспомнить — душа стынетъ!.. Ты тогда былъ далеко. Его разжаловали, публично объявили бездѣльникомъ, клятвонарушителемъ, состарѣвшимся въ злодѣяніяхъ, измѣнникомъ отечества, приговорили даже къ смерти. Три тяжкихъ года жилъ онъ въ курной, дымной избѣ, отпустилъ бороду, ходилъ въ нагольномъ мужицкомъ тулупѣ. Но геній графа не померкъ... Онъ явится, — одушевленно, съ засвѣтившимся взоромъ, продолжала Екатерина:—онъ долженъ, въ подобающихъ ему силѣ и блескѣ, явиться у моего трона... Вотъ письмо... Знаешь ли, что онъ отвѣтилъ мнѣ съ курьеромъ на первыя строки, посланныя ему въ день моего воцаренія?

— Гдѣ знать, государыня! Умница вѣдь графъ Алексѣйто Петровичъ, — что и говорить,—орелъ умомъ... Не обронитъ на вѣтеръ слова... А въ горетовскомъ плачевномъ одиночествѣ и заперти, чай, надумалъ не мало достойныхъ высокой своей геніальности мѣръ и помысловъ.

Екатерина посмотрѣла на Панина, какъ бы въ свой чередъ стараясь понять: говоритъ ли въ немъ ловкій и чуткій ко всякимъ случайностямъ и положеніямъ царедворецъ, или искренно раздѣлявшій ея взглядъ, твердый въ собственныхъ убѣжденіяхъ, государственный дѣлецъ?

— Батюшка Алексѣй Петровичъ совѣтуетъ,—сказала, не спуская глазъ съ Панина, императрица:—первѣе всего совѣтуетъ... подумать о давнемъ нашемъ узникѣ, о принцѣ Іоаннѣ.

— Совѣтъ мудрый, объясняющій доброе сердце.

— Отмѣнныя заботы рекомендуетъ онъ положить къ его воспитанію, къ смягченію одичалости нрава, упрямства и грубости судьбы; а затѣмъ, приведя его въ человѣческій, разумный и ласковый образъ, показать его двору и народу.

— Это зачѣмъ?—спросилъ неспокойно Панинъ: — какіе тутъ могутъ быть высшей политики виды?

— Графъ предвидитъ возможность... примирить и какъ бы слить въ принцѣ двѣ священныя народу отрасли одной великой, нынѣ расторженной, семьи, — потомковъ Перваго Петра съ потомками брата его царя Ивана...

— Но какое же тутъ можетъ быть примиреніе и слитіе?—сказалъ, не будучи въ силахъ скрыть волненія при такомъ извѣстіи, Панинъ:—гдѣ исходъ и узелъ всей такой негоціи?

— Отрекшійся государь,—отвѣтила Екатерина:—извѣстно тебѣ, просится въ Голштинію. Не въ Шлиссельбургѣ жъ его содержать. Надо будетъ разрѣшить. Состоится при этой оказіи, безъ сомнѣнія, и разводъ. А у меня, самъ ты знаешь, всего одинъ сынъ. Разумѣется, все то лишь прожекты. Но для блага страны, для вящшаго упроченія и обнадеженія престола...

— Гибельное ослѣпленіе! прости, матушка-государыня!—не выдержавъ, перебилъ императрицу Панинъ:—что-жъ, развѣ Иванушку призвать въ принцы крови? То ли совѣтуетъ графъ? Юноша заброшенный, одичалый, почитай, звѣрь! Богъ мой! Монархиня! — сказалъ онъ, вставъ, съ несвойственнымъ ему одушевленіемъ:—ужли вы рѣшитесь низойти, пожертвовать благами собственной семьи? Безпримѣрное, пагубное приношеніе себя и своихъ интересовъ въ жертву ошибокъ другихъ.

Голосъ Панина дрожалъ и обрывался; въ немъ слышалось искреннее увлеченіе. Екатерина протянула ему полную, съ короткими пальцами, твердую руку.

— Спасибо тебѣ за чувства ко мнѣ и къ сыну,—сказала она: — о томъ же, что̀ здѣсь говорено, — чуръ, никому ни слова. Политическіе специменты сегодня одни, завтра — другіе, и мы, государи, не всегда властны ими править.

Наша страна, согласись, домъ великій и хорошій, да пзстари наполненъ... ну, тараканами. Вотъ ихъ-то и будемъ стеречься... Какіе тамъ еще у тебя доклады?

Панинъ сообщилъ нѣсколько рапортовъ комиссіи объ арестованныхъ. Екатерина положила на нихъ резолюціи. Послышался звукъ барабана. То малолѣтній Павелъ Петровичъ въ своихъ аппартаментахъ билъ отбой ученью оловянныхъ солдатовъ.

— Надѣюсь, откушаешь со мной?—сказала, ласково отпуская докладчика, Екатерина.

Панинъ вышелъ въ пріемную. Лицо его было красно, взволновано; движенія угловаты и разсѣяны. — «Вотъ,—думалъ онъ, отираясь и окидывая привычнымъ, разсѣяннымъ взоромъ переполненную придворными пріемную: — задала баню, упарила!..»

— Ну, ну? что прожектъ? какъ принятъ?—спросили его, подходя, гетманъ и Дашкова.

— Не успѣлъ доложить...

— О чемъ же было трактовано?

— О чемъ не трактовано?—произнесъ, поднявъ и благоговѣйно закрывъ глаза, Панинъ:—не я ли предрекалъ?.. Ума и всѣхъ даровъ палата. И тутъ, и здѣсь, и тамъ, настоящее, прошлое и будущее... на сажень насквозь подъ землей все видитъ. О сенатѣ, представьте,—списокъ-то городовъ...

Дверь въ кабинетъ опять быстро растворилась. Вышла и тремя равными, на три стороны, милостивыми поклонами всѣмъ поклонилась Екатерина.

— Напоминаніями прошлаго мы отнюдь не хотимъ отдалять спопокойствія настоящаго!—нѣсколько напыщенно сказала она, обаятельно-ласковымъ взоромъ обводя присутствовавшихъ:—да будетъ все горестное и раздражающее забыто. Мы сейчасъ шлемъ приглашеніе къ графу Алексѣю Петровичу Бестужеву — возвратиться и украсить нашъ престолъ своимъ опытомъ и геніемъ.

Сказавъ это, Екатерина въ сопровожденіи Григорія Орлова, Дашковой, гетмана и Панина, среди склонявшихся лентъ, звѣздъ и напудренныхъ головъ прошла въ столовую.

«Шведскій прожектъ» Панина, какъ хорошо поняли въ это мгновеніе всѣ присутствовавшіе, былъ теперь отсроченъ, если не отмѣненъ окончательно навсегда.

XXIV.

Донской ординарецъ.

Дворскій міръ волновался и не утихалъ. Толки объ одномъ, нынче всѣхъ увлекавшемъ, событіи — завтра смѣнялись толками о другомъ, столь же нежданномъ и выходящемъ изъ общей колеи. Новую государыню, подъ шумокъ, осаждали просьбами о чинахъ, деревняхъ, орденахъ и другихъ наградахъ новые, а еще болѣе старые друзья.

Послѣдніе сторонники и защитники бывшаго императора, какъ овцы, прыгающія по дорогѣ черезъ соломинку, одинъ вслѣдъ за другимъ, передались Екатеринѣ. Самъ Петръ Ѳедоровичъ, какъ о немъ выразился его другъ Фридрихъ, допустилъ себя свергнуть съ престола, «подобно ребенку, котораго отсылаютъ спать».

— Вы, графъ, настаивали противъ меня сражаться?— спросила императрица Миниха, когда старый другъ ея мужа ей представился, послѣ своего неожиданнаго плѣна въ Ораніенбаумѣ.

— Такъ, всемилостивѣйшая, — отвѣтилъ съ спокойнымъ достоинствомъ, склоняясь, старый фельдмаршалъ Анны и Елисаветы: — я хотѣлъ жизнью пожертвовать за монарха, возвратившаго мнѣ свободу и жизнь... Теперь мой долгъ сражаться, божественная... за васъ!

— Ну, Богданъ Крестьянычъ, мнѣ до божества далеко,— произнесла, улыбнувшись, Екатерина:—а цѣня вашъ геній и службу бывшимъ государямъ, объявляю, — отнынѣ дверь моего кабинета всегда съ часа, когда я отдыхаю отъ работъ, отворена для васъ...

Даже завѣдомые, личные, недавніе враги новой императрицы стремились завербовать себѣ фаворъ и случай при новомъ дворѣ. Екатерина писала новому своему секретарю, Елагину: «Перфильичъ, сказывалъ ли ты Лизаветинымъ (фаворитки Петра Третьяго) родственникамъ, чтобъ она во дворецъ не *размахнулась*; а то боюсь, къ общему соблазну, завтра прилетитъ». Ему же Екатерина писала вскорѣ на домогательства о пособіяхъ бывшихъ сподвижниковъ: «Имѣешь сказать камергерамъ Ласунскому и Рославлевымъ, что, понеже они мнѣ помогли взойтить на престолъ, для поправленія порядковъ въ отечествѣ своемъ,—я надѣюсь, — они безъ прискорбія примутъ мой отвѣтъ, а что дѣйствительная

невозможность раздавать нынѣ деньги, тому ты самъ свидѣтель очевидный».

Хвалебная ода Ломоносова, въ честь новой императрицы, была принята холодно. Ее нашли слишкомъ откровенною и смѣлою, и почти о ней не говорили. Увидѣли неумѣстный намекъ въ стихѣ: «Дражайшій Павелъ нашъ, мужайся»— и не понравилась строфа:

«Услышьте, судіи земные
«И всѣ державныя главы:
«Законы нарушать святые
«Отъ буйности блюдитесь вы».

Предметомъ общихъ разговоровъ Петербурга сталъ, объявленный на сентябрь того же 1762 года, отъѣздъ императрицы и двора на коронацію въ Москву.

Мировичъ всѣмъ, что такъ нежданно-негаданно произошло съ нимъ и вокругъ него, былъ ошеломленъ, раздавленъ. Всѣ планы, надежды, всѣ его смѣлыя предположенія были опрокинуты, разбиты вдребезги. Ему не удалось, — какъ онъ ни смѣло и ловко это задумалъ,—предупредить печальной участи бывшаго императора, отъ милостей котораго онъ столько ждалъ. Принцъ Іоаннъ, свобода котораго, повидимому, была такъ осуществима, близка, и образъ котораго «мстящій фантомъ» — какъ казалось Мировичу—было такъ легко вызвать изъ мрака въ общей сумятицѣ и грозно, воочію народа, передъ всѣми поставить въ тылу побѣдителей,— этотъ несчастный узникъ былъ снова и уже теперь, вѣроятно, безвозвратно и навсегда увезенъ, скрытъ и заточёнъ. И во всемъ томъ,—Мировичъ чувствовалъ это и упорно, противъ воли, сознавалъ; — онъ одинъ былъ виною: невольно спасъ Екатерину отъ гибели, при ея въѣздѣ въ Петербургъ, не умѣлъ лично и въ должный моментъ сообщить Петру Ѳедоровичу о затѣваемыхъ противъ него ковахъ, не успѣлъ, наконецъ, и съ послѣдней услугой принцу, котораго увезли съ острова отъ Гудовича обратно въ Шлиссельбургъ.— «Доля ты, каторжная, злая! — въ безсильномъ негодованіи и бѣшенствѣ повторялъ и клялъ себя Мировичъ: — да когда-жъ ты будешь ласковой матерью, а не бьющею злою мачихой?..»

У Василія Яковлевича оставалась одна надежда, слабая тѣнь надежды,—на свиданіе съ Пчёлкиной.

Чего онъ ждалъ отъ этой встрѣчи, и самъ онъ не могъ себѣ объяснить. Жажда теплаго участія, жалости къ себѣ, обмѣна съ любимымъ существомъ мыслью объ утерянномъ угасшемъ навсегда, — мучила его, манила и, дразня, жгла несбыточной, дикой, мечтой на поправленіе и спасеніе чего-то.

Аполлонъ Ильичъ Ушаковъ, провожая его, съ пожара дачи Гудовича, въ Галерную гавань, къ Селиванову, сообщилъ ему, что зашевелились столичные масоны и что въ Петербургѣ на-дняхъ затѣвалось тайное общее собраніе многихъ, разрозненныхъ до той поры, членовъ этого братства. Онъ узналъ, у кого и гдѣ именно это будетъ, и далъ себѣ слово явиться туда.—«Свободные мыслители, борцы и мученики за правду! я имъ все открою, все разскажу... Возбужу въ нихъ негодованіе. Сольемся, сплотимся для общаго блага, и еще помѣряемся со слугами преисподней, съ темными и злокозненными торгашами, наполняющими созидаемый нами, священный Соломоновъ храмъ. Вонъ злыхъ язычниковъ, вонъ кощунныхъ и наглыхъ оскорбителей!»

Въ теченіе двухъ дней, послѣ заѣзда на Каменный островъ, Мировичъ не рѣшался явиться къ Пчѣлкиной. Голштинцы стушевались. Ихъ брали подъ арестъ кучами и высылали, на корабляхъ, въ Кронштадтъ и далѣе, за границу. Мировичъ зналъ, что общая неувѣренность, а главное—пожаръ на дачѣ Гудовича заставили Пчѣлкину съ Птицыными поспѣшно перебраться въ городъ. Сознавалъ онъ и то, что ему необходимо и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, побывать у Бавыкиной, которой онъ не видѣлъ съ кануна переворота. Все это онъ понималъ хорошо и, между тѣмъ, какъ дезертиръ, не рѣшаясь навернуться въ городъ, безвыходно сидѣлъ въ грязномъ, деревянномъ домишкѣ Галерной гавани, гдѣ Кондратій Андреевичъ Селивановъ тайно пріютился съ нимъ у нѣкоего тоже безбородаго, какъ и онъ самъ, своего пріятеля, кожевника. Мировичъ имъ разсказалъ о своемъ прошломъ, о претерпѣнныхъ обидахъ и горестяхъ своихъ предковъ и родителей, о бѣдныхъ сестрахъ, жившихъ по людямъ въ Москвѣ и которыхъ онъ восемь лѣтъ не видѣлъ, — и безъ движенія, сгорбившись и задумавшись, сидѣлъ, либо лежалъ въ душной, полутемной «боковушкѣ», гдѣ пахло рыбой и дублеными кожами. Забывъ обо всемъ, о ѣдѣ и питьѣ, онъ думалъ мрачныя, щемившія душу, мысли, и съ холодной,

неотвязчивой злобой прислушивался къ шороху, топоту и затаенному говору за прокоптѣлой, черной стѣной. А въ сосѣдней комнатѣ, какъ порой смутно онъ разбиралъ, являлись, о чемъ-то толковали, спорили, а не то, возясь и какъ-то въ ладъ топчась ногами, негромкимъ, дрожащимъ голосомъ жалобно запѣвали какіе-то неизвѣстные люди унылую, на церковный ладъ стихиру.—«Старцы, нищуны! пріятели моихъ-то»... — съ презрительной усмѣшкой, въ лихорадочной, прерывистой дремотѣ, думалъ Мировичъ.

Въ третью ночь, передъ разсвѣтомъ, за стѣной стало какъ-то еще люднѣе, а пѣніе раздалось громче, точно находившіеся тамъ забыли о присутствіи въ смежной комнатѣ посторонняго. Мировичу явственно слышались слова: «въ Москву—мать градовъ... тамъ поищемъ спасенія... На Волгу-свѣтъ, на Донъ... Гибнетъ отчая земля, гибнутъ души... батюшка нашъ, владыко-защита, покинулъ насъ... отрекся»...

Съ разсвѣтомъ, чей-то гортанный, какъ бы сдавленный плачемъ, унылый голосъ затянулъ молящій, съ переливами, точно погребальный кантъ. Его подхватили другіе. Цѣлый многогласный хоръ незримыхъ старцевъ, то затихая, то дико возбуждаясь, пѣлъ за стѣной: «Ужъ ты, бѣлый голубокъ, нашъ сизенькій воркунокъ, — аще съ Господомъ спасусь, лишенія не убоюсь; не убоюсь такой страсти, избавитъ Богъ отъ напасти,—при батюшкѣ Искупителѣ, при второмъ Спасителѣ».

— «Помилуй насъ, матушка, царица небесная, богородица Акулина Ивановна! и ты, названный нашъ искупитель, Кондратій Андреевичъ, помилуй!»—съ плачемъ, стуча ногами и какъ бы двигаясь вкругъ чего-то, восклицали старцы.

Мировичу съ ужасомъ вспомнились разсказы сослуживцевъ и начальства о новой страшной сектѣ, замѣченной въ недавнее время въ арміи, при слѣдованіи ея отъ границы. Онъ съ омерзѣніемъ вскочилъ, еще прислушался, одѣлся, вышелъ изъ избы и заглянулъ въ окно. Среди небольшой, освѣщенной восковыми свѣчами, горницы, сидѣли на скамьяхъ съ всклоченными бородами мужики, торговцы-мѣщане, въ отставныхъ мундирахъ солдаты, матросы. Въ ихъ кругу, босой и безъ рубашонки, передъ какою-то миской, стоялъ блѣдный, испуганный, съ русыми волосами, ребенокъ... Оловянные, дикіе глаза Селиванова были устремлены на дитя. Онъ держалъ въ рукѣ ножъ... Освирѣпѣвъ, въ чаду радѣнія,

сектанты пѣли, качали головами и руками и, полузажмурясь, мѣрно покачивались... Мировичъ, не помня себя отъ страха, перелѣзъ черезъ заборъ и безъ оглядки бросился изъ гавани въ Петербургъ. — «Ужъ ты, бѣлый голубокъ, нашъ сизенькій воркунокъ...» — слышалось за нимъ пѣніе изувѣровъ, готовившихся пролить кровь новаго, нужнаго имъ агнца.

Свѣтало, когда онъ дотащился до квартиры Ушакова. Денщикъ ему сказалъ, что Аполлонъ Ильичъ дома не ночевалъ, и что «васъ самихъ» ищутъ и требуютъ по начальству. Мировичъ подумалъ: — «Вотъ люди! и что имъ надо отъ меня, когда я главнаго не сдѣлалъ?» вмѣсто всякаго отвѣта, упалъ на кровать пріятеля, въ болѣзненномъ, тяжеломъ изнеможеніи, завернулъ голову въ одѣяло, сказалъ денщику: «Ахъ, дай ты мнѣ, ради Бога, вздремнуть; измучился, тошно!» и какъ убитый заснулъ. — «Голубокъ... воркунокъ...—звучало у него въ ушахъ.

Спалъ Мировичъ тяжелымъ, гнетущимъ сномъ. Снилась ему, съ безсильно-опущенными, точно мертвыми парусами, яхта, колыханіе темныхъ, свинцово-холодныхъ волнъ, шлепанье длинныхъ веселъ и блѣдныя, омраченныя тревогой и страхомъ лица; мчанье въ кибиткѣ, гулъ и крики празднично-переполненныхъ улицъ и площадей, свѣтъ въ домахъ и храмахъ, музыка и колокола; а за рѣкой дымъ и страшное, далеко раскинувшееся надъ островами, зарево пожара. Онъ пробуждался, открывалъ и опять закрывалъ глаза; въ его ушахъ безъ умолку раздавались звуки колоколовъ, грохотъ барабановъ, трубы марша и клики «виватъ» безъ конца шедшихъ и шедшихъ къ Петербургу, увѣнчанныхъ дубовыми вѣтками, колоннъ.

Мировичъ проснулся уже передъ вечеромъ. Его разбудили мухи. Онъ наскоро, по просьбѣ денщика, чѣмъ-то закусилъ и, шатаясь, какъ больной, какъ раненый, безсознательно поплелся къ Бавыкиной.

Съ крыльца, въ комнатѣ Филатовны онъ услышалъ быстрый оживленный разговоръ. Кто-то спорилъ, смолкалъ и опять уносился, вскрикивая, плача и въ сердцахъ даже топая ногой. Онъ переждалъ, прислушался и обомлѣлъ: ему вдругъ стало ясно, что то была Поликсена, никто болѣе,—она, съ горячею, заносчивою, безъ удержу,—въ минуты огорченій,—рѣчью. Мировичъ взялся за скобку дверей. Голоса въ комнатѣ мигомъ смолкли.

Филатовна, безъ чепца, вся багрово-красная и вспотѣвшая, съ растеряннымъ видомъ, съ середины комнаты смотрѣла въ сосѣднюю дверь. При входѣ Мировича, она двинулась-было туда, но только развела, замахала руками. Что-то сверкающее, гнѣвное, какъ буря, ворвалось въ тотъ же мигъ въ комнату. Бавыкина заговорила и смолкла. Сжавъ странно губы и придерживая распустившуюся косу, Поликсена молча схватила со стола шляпу и какой-то узелокъ, скомкала его подъ мышкой и злобно кинулась, мимо Мировича, къ выходу. Онъ заступилъ ей дорогу.

— Какъ?—вскрикнула она, отшатнувшись:—вы рѣшаетесь? вы? Настасья Филатовна! онъ еще съ объясненіями... Уйдите, уйдите, позоръ!..

— Ну, ну, помиритесь, уладьте промежъ собой свои-то дѣла! — сказала, ступивъ за порогъ, Филатовна: — я говорила, придетъ, не все въ усъ, да въ рыло; полаетъ собака и приласкается...

— Поликсена Ивановна, я-ль не старался? — произнесъ, подходя къ Пчёлкиной, Мировичъ: — клянусь вамъ... да слушайте же!

Поликсена швырнула узелъ, сложила руки, выпрямилась и нѣсколько мгновеній, съ расширенными ноздрями, презрительно и холодно смотрѣла въ лицо Мировича.

— Пять дней, о! теперь я все узнала,—тихо, чуть роняя кипѣвшія въ горлѣ слова, проговорила Поликсена: — пять сряду дней, безъ устали, вы, ничтожный картёжникъ, вертопрахъ, играли въ карты, и все вы погубили, все!.. Какъ назвать это? какъ васъ считать?

Она перевела дыханіе.

— Единой услуги, — помните ли? — я ждала отъ васъ и вамъ ее указала. Какъ вы ее исполнили? Были у дворца, видѣли государя,—Ушаковъ все разсказалъ,—и не отдали ему своей бумаги! Ее нашли у Гудовича, и васъ, безтолковаго, неумѣлаго, зовутъ теперь на расправу...

— Нашли бумагу? — безсознательно проговорилъ Мировичъ.

— Слабый, ничтожный и ни къ чему непригодный человѣкъ!—крикнула и топнула Пчёлкина:—а я на васъ понадѣялась, отъ васъ ждала... Мнѣ бы самой летѣть тогда безъ памяти... что молчите, смотрите? Женщина, дѣвушка васъ укоряетъ... Долгъ службы, подданнаго, любимую вами,

все забыли вы въ картежномъ вертепѣ... да вы я не любите, не любили! такъ ли любятъ! о, не знала я, не знала!..

Поборая слезы, горечь обиды, Поликсена съ бѣшенствомъ отвернулась къ окну.

— Казните, клеймите, разрывайте сердце! — сказалъ, склонясь, Мировичъ:—но вамъ ли быть столь безжалостной? Я терзаюсь самъ. Ну, дайте совѣтъ; вмѣстѣ обдумаемъ, найдемъ выходъ... Эка невидаль — брань... а вы — совѣтъ; сомкнемся, дружно поправимъ дѣло... Вѣдь вы знаете мою преданность къ вамъ; я врагъ нѣжностей, чортъ съ ними! но клянусь...

— Что мнѣ ваши чувства? глупо и смѣшно! слышите, глупо! — дерзко въ лицо Мировичу крикнула Поликсена:— жалкій вы, тряпка!

Мировичъ вздрогнулъ, выпрямился.

— Это лишнее!—произнесъ онъ болѣзненно-гордо:—слышите ли? лишнее, замолчи! — продолжалъ онъ, возвысивъ голосъ и покраснѣвъ: — мои чувства... не карты... ими не играютъ, замолчи!

— Ахъ онъ, бѣдный, безталанникъ, неумѣлецъ! — проговорила, хватаясь опять за узелокъ, Пчёлкина:—и изъ чего я на него напала? Ни въ чемъ-то онъ неповиненъ... прощай!.. Да пойми только, пойми,—крикнула она:—не пара ты, Василій Яковлевичъ, мнѣ, — жадной, незабывающей обидъ! не пара злому найденышу, нищенкѣ сорочью-дитю...

Поликсена толкнула дверь ногой, ступила за порогъ и на мгновеніе замедлилась.

Мировичъ, не шевелясь, слѣдилъ за нею.

— Еще слово, — вы искали мира, отрады въ семейной жизни? — сказала Поликсена, поднявъ на Мировича сѣрые, вызывающіе, гнѣвные глаза: — я же хочу, ищу бури! слышите ли, бури? Вамъ любъ покой, — его нѣтъ на свѣтѣ... Мести, расплаты за зло! вотъ чего молите обидчикамъ, погубителямъ доли вашей и людской. Мы бѣдны, безсильны... Любовь все можетъ... Могла жъ хоть бы Дашкова... Что смотрите? Прощайте. Не ходите за мной, добрый, слабый человѣкъ, не ищите меня. Иначе... я васъ возненавижу, прокляну...

Пчёлкина ушла. Мировичъ стоялъ съ пылающимъ, засвѣтившимся лицомъ. — «Добрый, сказала... вѣдь любитъ!— думалъ онъ, замирая въ оскорбленной гордости. — упомя-

нула о Дашковой... Понимаю! Ты ею быть могла бы! да я-то былъ ли бы Орловъ или гетманъ?»—прибавилъ онъ себѣ, глядя передъ собой черными, безъ блеска, строгими глазами:—«ты, однако, мнѣ эти всѣ свои слова, всѣ до единаго выкупишь...»

— Тебѣ повѣстка,—сказала, тронувъ его за плечо, Филатовна:—опять изъ фартала; пришли вонъ, зовутъ.

— Повѣстка?—спросилъ Мировичъ, обводя комнату сердитымъ взоромъ.

Въ тотъ же вечеръ Мировичъ былъ отведенъ въ ордонансъ-гаузъ, а наутро подъ карауломъ отосланъ въ талызинскую комиссію въ Кронштадтъ. Его освободили по личному за него предстательству, извѣщеннаго Ушаковымъ, Григорія Орлова. О дезертирствѣ не было и помину. Отпущенный изъ комиссіи, онъ добрался на рябикѣ въ Ораніенбаумъ, дошелъ до парка, вспомнилъ, что̀ такъ недавно произошло въ этихъ опустѣлыхъ мѣстахъ, и громко, болѣзненно расхохотался. Онъ хотѣлъ нанять подводу въ Петербургъ, но раздумалъ:—денегъ у него не было. Онъ пустился въ столицу пѣшкомъ. Къ ночи Мировичъ добрелъ до лѣсной сторожки, у Горѣлаго Кабачка. Его мучили голодъ и жажда. Ноги отказывались ему служить. Встрѣчные передавали печальныя вѣсти о бывшемъ императорѣ.

Шестого іюля Екатерина принимала докладъ генералъ-фельдцейхмейстера Вильбуа. Дѣло шло о новой, вызванной обстоятельствами, дислокаціи войскъ. Оба корпуса заграничной арміи, Чернышева и бывшій румянцевскій, въ день воцаренія императрицы переданные въ команду Петра Иваныча Панина, ускореннымъ маршемъ приближались къ столицѣ отъ границъ Пруссіи. Вильбуа сообщилъ, что легкіе передовые, донскіе и яицкіе казацкіе полки давно миновали Курляндію и, по всей вѣроятности, въ это время были уже по этотъ бокъ Луги.

— Размѣстить ихъ на временныя кантониръ-квартиры въ ближайшихъ, къ Петербургу, уѣздахъ,—рѣшила Екатерина:—урожай травъ въ здѣшнихъ окольностяхъ изрядный. Пусть отдохнутъ, оправятся, чтобъ въ лучшемъ видѣ поспѣть съ гвардіей къ коронаціи, въ Москву...

Седьмого іюля былъ обнародованъ манифестъ о кончинѣ

бывшаго императора. Черезъ три дня происходили его похороны въ большой церкви Невскаго монастыря. Тѣло Петра Ѳедоровича, — впослѣдствіи тридцать четыре года спустя, вынутое изъ склепа его сыномъ, императоромъ Павломъ, и торжественно опущенное въ могилу, рядомъ съ прочими государями, въ Петропавловскомъ соборѣ, — было одѣто въ голубой голштинскій мундиръ, въ бѣлыя лосинныя панталоны и большіе, съ раструбами, ботфорты.

Народъ «безъ злопамятствія всего прошедшаго», — какъ говорилось въ манифестѣ, — стремился въ церковь, гдѣ, по бокамъ чернаго съ серебромъ, открытаго гроба, горѣли четыре свѣтильника и безсмѣнно стояли на часахъ гвардейскіе офицеры. Всѣ спѣшили въ лавру проститься съ тѣломъ усопшаго.

Наканунѣ похоронъ, по нарвской дорогѣ, къ окрестностямъ Петербурга приблизился казацкій полкъ Ильи Денисова, бывшій въ передовомъ отрядѣ графа Захара Григорьича Чернышева.

Въ лаврскую церковь, вслѣдъ за другими, вошли въ тотъ же вечеръ два донскихъ казака. Одинъ лѣтъ двадцати пяти, чернобородый, плечистый, скулистый и смуглый, состоялъ ординарцемъ при Денисовѣ. Въ Познани за Одеромъ, въ мѣстечкѣ Кривомъ, при стычкѣ съ прусскимъ кавалерійскимъ разъѣздомъ, у этого ординарца ночью была угнана полковницкая лошадь. Денисовъ вспылилъ и сильно, ѣзжалой плетью, наказалъ за оплошность своего приспѣшника. Дикій и дюжій донецъ воспылалъ къ начальнику местью. Да его и на волю, изъ постылой нѣметчины, манило, — на Донъ, въ древле-благочестивыя, раздольныя степи, луга. По пути отъ границы, донцамъ объявили вѣсть о восшествіи на престолъ новой государыни. Шли ускореннымъ маршемъ, дневки сократились. Миновавъ Лугу и подойдя къ Гатчинѣ, Денисовъ расположилъ полкъ постоемъ въ окрестныхъ деревняхъ и отрядилъ двухъ посланцевъ въ Петербургъ, къ начальству, съ запросомъ, въ формѣ рапорта, гдѣ ему расположиться окончательно.

Ординарцы доставили бумаги, куда слѣдуетъ, получили дислокацію и, передъ возвращеніемъ къ полку, видя, что всѣ идутъ въ лавру, сами заѣхали туда жъ. Привязавъ коней къ оградѣ, они оправились, сняли сѣрыя шапки и, двуперстно крестясь, протолпились въ церковныя двери.

Долго чернобородый, пробравшись въ храмъ, не отходилъ отъ ступеней траурнаго катафалка, на которомъ, подъ чернымъ балдахиномъ, съ скрещенными, въ замшевыхъ перчаткахъ, руками, лежало тѣло почившаго монарха.

— Ну, Иванычъ, пора,—шепнулъ, дернувъ его за кафтанъ, невзрачный, съ воспаленными, слезившимися глазами, бѣлокурый товарищъ.

— Не трошь, — обернувшись, сумрачно отвѣтилъ чернобородый.

Изъ-за высокихъ, блестѣвшихъ фольгой свѣчей, сдерживая плечомъ напоръ вздыхавшей и набожно шептавшей молитвы толпы, онъ продолжалъ взглядывать въ лицо покойника.

«Да,—сказалъ, вздохнувъ, про себя, чернобородый:—не доля!.. врядъ ли схожъ! — набрехалъ на границѣ бѣглый солдатъ-гвардіонецъ... Ну, да ужъ коли Господь восхощетъ, — прибавилъ онъ, переводя быстрые, каріе глаза къ иконамъ:—коли милостью взыщетъ,—ослѣпитъ очи гордыни, сокрушитъ выю злыхъ... чудо и безъ сходствія въ явѣ окажется...»

Посланцы вышли изъ церкви, отвязали коней, и трусцой пустились по нарвскому тракту.

— О чемъ, Иванычъ, шепчешь? про чтò твои думы?— спросилъ бѣлокурый черняваго, когда, миновавъ заставу, очутились въ полѣ.

Смерклось. Было душно. Темная, змѣившаяся молніями, туча надвигалась отъ взморья.

— Не твое дѣло! не спрошенъ, не суйся,—грубо отгрызнулся чернявый: — вонъ каки знаменія, — прибавилъ онъ, протянувъ руку: — сполòховъ ожидать, лихихъ Господнихъ испытаній, чудесъ...

— А что?—не утерпѣлъ спросить бѣлокурый.

— Сказываютъ... не государя хоронятъ, — какъ бы про себя проговорилъ чернобородый: — а простого офицера,— государь же быдто живъ...

Казаки въѣхали въ лѣсъ, за которымъ дорога направо шла въ Петергофъ, налѣво въ Гатчину.

«На Украйну бы уйти, въ село Кабанье, въ изюмскій полкъ,—мыслилъ подъ вспышки молній чернявый:—сговоръ былъ съ парнемъ знакомца, казака́ тамошняго Коровки,— какъ переходили границу; а не то бы—въ Польшу, въ напи

древней вѣры слободы,—назваться выходцемъ изъ нѣметчины... Не кнутьемъ, да батожьёмъ токмо сыту быть. Пройдетъ время, забудутъ всё про бѣглаго... Въ тѣ поры сызнова на Донъ, за Волгу... либо на Яикъ... Охъ, терпитъ мать-сыра земля, старо благочестіе, подневольный народъ... Стонетъ родима сторонушка, вся какъ-есть Рассея... Больше вытерпу нѣтъ! Охъ! Съ Иргиза, съ Берды, съ Лабырѣки, съ Узеней, со всѣхъ скитовъ, да умётовъ,—стекутся, сбѣгутся не вольнички, поправной вѣры стадо... Я-де, православные, вашъ владыко и царь!.. Господь спасъ,—вѣрный офицеръ выпустилъ изъ Питера... Показался гвардіонцу, покажусь и всему честному Христову народу, всей голытьбѣ, готовой за волю, за дѣдовскій, изначальный законъ, на всяку погибель...»

— Ваше благородіе, а ваше благородіе,—сталъ будить чей-то голосъ Мировича, заснувшаго подъ деревомъ, близъ Горѣлаго Кабачка, у перекрестка петергофской и гатчинской дорогъ.

Онъ открылъ глаза. Передъ нимъ, въ сумеркахъ, перегнувшись съ коня, стоялъ безъ шапки чернобородый казакъ; другой виднѣлся вдали.

— Это ли дорога на Гатчину?—спросилъ казакъ.

— Она самая.

— Спасибо, ваше благородіе...

— А ты, стой, откуда? изъ Питера?

— Такъ точно.

Мировичъ вскочилъ.

— Схоронили государя?—спросилъ онъ:—схоронили?

Казакъ покосился на офицера, надѣлъ шапку, отвѣтилъ:—«живъ!—хоронятъ другого!»—и, хлеснувъ нагайкой по коню, поскакалъ вдогонку товарища.

«Новые смутные толки, шевелится сѣрый народъ!—подумалъ Мировичъ,—сектанты, темная чернь волнуется, ковы готовятъ во тьмѣ... Да что, лапотники, глупые волы. За рога ихъ мигомъ и въ новое ярмо... Истина—въ сердцѣ масоновъ... Они—свѣтильники, вожди... имъ однимъ ее обрѣсти!»

Предположенное засѣданіе масоновъ окончательно раздавило и увлекло Мировича. Его туда ввелъ Ушаковъ. Тамъ онъ слышалъ горячія рѣчи, клятвы не отступать отъ добра. Онъ сталъ готовить какую-то записку. Но въ это время

нарвскій пѣхотный полкъ, въ которомъ онъ числился, получилъ назначеніе съ марша отъ Митавы — двинуться безостановочно на Тверь, къ коронаціи въ Москву.

Мировичу объявили приказъ:—догнать полкъ подъ Новгородомъ, куда онъ долженъ былъ отвезти изъ коллегіи бумаги. Въ день выѣзда онъ получилъ изъ Москвы письмо отъ старшей сестры, Прасковьи Яковлевны. Слухъ о коронаціи и о скоромъ ожиданіи въ Москву полка, гдѣ онъ служилъ, радовалъ его близкихъ. — «Ужъ такъ-то, ненаглядный братецъ, Вася, — писала Прасковья Яковлевна,— соскучились мы по васъ. Самъ повидишь нонѣ, своими глазами, несносности и бѣдства трехъ неимущихъ горемыкъ, вашихъ сестрицъ. А мы все еще, братецъ, въ горькомъ сиротствѣ, маемся на чужбинѣ, не имѣя за тяжкій, ахъ, тяжкій грѣхъ, слышно — за измѣну отечеству злосчастнаго и вреднаго намъ предка нашего, бывшаго генеральнаго бунчужнаго, Ѳедора Ивановича,—ни одёжи, приличной званію, ни вѣрнаго куска хлѣба, ни сноснаго въ наши годы угла. Помоги, Василій Яковлевичъ».

«Боже! да гдѣ жъ твоя правда? и тамъ наклеветали! Никакой измѣны не было, никакой!» — сказалъ себѣ, скомкавъ письмо, Мировичъ. Онъ кликнулъ извозчика. — «Все безбожники!—думалъ онъ,—а если для нихъ нѣтъ Бога и нѣтъ природнаго государя, Третьяго Петра, — то гдѣ же Богъ и гдѣ счастье на землѣ?»

Онъ поѣхалъ на Литейную, къ Гудовичамъ. Вызвавъ Гашу, Василій Яковлевичъ узналъ, что семья графа въ горѣ: — за непринесеніе присяги, а потомъ за отказъ отъ службы новой государынѣ, графъ былъ высланъ безвыѣздно въ свои черниговскія деревни. Поликсена, по словамъ Гаши, оставила Птицыныхъ и, за недѣлю назадъ неизвѣстно куда, уѣхала.

Догнавъ полкъ, Мировичъ въ августѣ приблизился съ нимъ къ окрестностямъ Москвы.

XXV.

Ночь въ Пеллѣ.

Съ начала іюля дворъ заняла новая вѣсть. Съ часу-на-часъ ожидали возврата нѣкогда главнаго пособника Екатерины, бывшаго канцлера Бестужева-Рюмина.

Графъ Алексѣй Петровичъ прибылъ въ Петербургъ «во

всякомъ здравіи и благополучіи», вечеромъ, 12-го іюля. Государыня навстрѣчу ему выслала, за тридцать верстъ впередъ, новаго дѣйствительнаго камергера, Григорія Орлова, а также собственный придворный парадный экипажъ. «Батюшку» Алексѣя Петровича, съ обнадеженіемъ всякаго монаршаго къ нему благоволенія», отвезли въ лѣтній ея величества, на Фонтанкѣ, дворецъ, а оттуда, «по августѣйшемъ пріемѣ, въ нарочито для него приготовленный изрядный домъ, гдѣ опредѣлили ему отъ двора столъ, погребъ и прочее всякое довольство».

Сподвижникъ въ дипломатіи Великаго Петра, пятнадцать лѣтъ первый министръ Елисаветы, Бестужевъ былъ разжалованъ и сосланъ за смѣлую мысль удалить племянника послѣдней за границу, а престолъ упрочить за Екатериной.

Семидесятилѣтній, сильно-исхудалый, съ длинной сѣдой бородой и глубоко-поставленными, острыми глазами, старикъ, войдя съ Орловымъ въ кабинетъ новой, напророченной имъ государыни, безмолвно у порога опустился передъ нею на одно колѣно.

— Immobilis in mobili! неколебимому среди смятенныхъ!— дрогнувшимъ голосомъ, по-латыни, сказала Екатерина, вновь прикалывая графу снятую съ него Елисаветой Александровскую звѣзду.

— Пресвѣтлая, пресвѣтлая!—произнесъ Бестужевъ, старчески всхлипнувъ и костлявой рукой ловя и цѣлуя украшавшую его руку.

— Semper idem! всегда одинаковому!—продолжала Екатерина, взявъ со стола цѣпь Андрея Первозваннаго и склонясь съ нею къ Бестужеву.

— Чѣмъ возблагодарю? чѣмъ отслужу?—восклицалъ, безнадежно махая руками и склонивъ голову, худенькій, съ жидкою косичкой, старикъ.

— Возвращаю вамъ чины, — произнесла, приподнявъ графа, императрица: — съ переименованіемъ васъ въ генералъ-фельдмаршалы, но тѣмъ не ограничусь... Манифестъ о вашей невинности,—она мнѣ доподлинно извѣстна,—будетъ обнародованъ безпродлительно... Не государыня, покойная моя тётка,—безстыдный нравъ вашихъ завистниковъ и клеветниковъ во всемъ прошломъ виновны...

— Великая! великая! спасительницы, матери отечества титло присуще тебѣ... я предложу, внесу, объявлю...

— Э, батюшка, Алексѣй Петровичъ, много еще до-прежде того поработать надо намъ съ тобой во благо народа... Садись-ка, потолкуемъ о вашемъ здоровьѣ. Сына тебѣ маво покажу; выросъ... Позови, Григорій Григорьичъ, его высочество.

Орловъ ввелъ бѣлокураго, курносаго, съ миловиднымъ лицомъ, робкаго мальчика.

— Худенекъ, охъ, худенекъ онъ у тебя, матушка-государыня!—произнесъ Алексѣй Петровичъ, разведя руками и пристально оглядывая робкаго блѣднаго ребенка.

— Чѣмъ же, батюшка-графъ, онъ худъ? — дитя, какъ дитя...

— Худъ, охъ, худъ и тонкогрудъ!—ощупывая холодными, костистыми пальцами шею и руки Павла Петровича, продолжалъ Бестужевъ:—кто, позволь, у тебя глядитъ за нимъ изъ лѣкарей-то, изъ лѣкарей?

— Фузадьё и Крузе...

— Des tumeur dans les parties glanduleuses!.. et puit cette pâleur... о, поработать слѣдуетъ,—воздуху, приличный моціонъ... Да я ничего, матушка! что ты! Иди и ты, сударь, играй... Выросъ молодецъ, былинкой встрепыхнулся. А ухо, пресвѣтлая, востро надо держать, востро... Que Dieu bénit ce délice de l'auguste mère, de l'Empire et de nous tous...

— Вы, батюшка Алексѣй Петровичъ, ужъ извѣстны дарами въ медицинѣ,—перебила его, не ожидавшая съ этой стороны натиска, Екатерина:—бестужевскія, сударь, капли ваши въ моду вездѣ вошли, и я сама ими съ успѣхомъ пользовалась. Но въ чемъ видите опасность сыну?

— Худенекъ, матушка, худенекъ и въ оспѣ, сказываютъ, еще не лежалъ, — продолжалъ, не спуская вострыхъ, внимательныхъ глазъ съ императрицы, старый хитроумецъ Бестужевъ.

15-го іюля, на Пѣлловскихъ порогахъ Невы, въ тридцати-пяти верстахъ выше Петербурга, разбилась барка съ казеннымъ хлѣбомъ. Эти пороги образовались выступами крѣпкихъ известковыхъ подводныхъ камней, между деревнями Ивановскимъ и Большимъ Петрушкинымъ. Противъ нихъ, на лѣвомъ берегу Невы, въ то время находился, принадлежавшій генералу Ивану Ивановичу Неплюеву, чухонскій поселокъ Пѣлла.

— Имя столицы древней Македоніи, мѣсторожденіе Александра Великаго, — сказала Екатерина, при докладѣ Олсуфьева о происшествіи въ Пéллѣ.

— Притомъ восхитительная мѣстность,—замѣтилъ Адамъ Васильичъ: — скалы, смѣю доложить, озера и вѣковѣчный кругомъ лѣсъ: мы у Ивана Иваныча не разъ тамъ охотились, съ Григоріемъ Григорьичемъ, на глухарей.

— А что, Григорій Григорьичъ? — отнеслась Екатерина, обернувшись къ Орлову, бывшему при докладѣ:—не худо бы и намъ туда, при случаѣ, вояжъ сдѣлать для развлеченія отъ городского шума и духоты? Возьмемъ фельдмаршала Миниха, Елагина, графа Строганова...

Екатеринѣ вспомнилось еще одно лицо. Она дослушала бумаги Олсуфьева; рѣшеніе жъ о баркѣ, затонувшей въ порогахъ, отложила до другого раза.

— Забавы забавами,—сказала она:—а дѣло этого мѣста таково, что о немъ надо нарочито и крѣпко подумать.

На утро къ императрицѣ были позваны на особое совѣщаніе Панинъ и владѣлецъ Пéллы, Неплюевъ. Въ деревняхъ, по кексгольмскому тракту выставили усиленныя смѣны лошадей.

Послѣ обѣда, 25-го іюля, государыня отъѣхала взглянуть на пéлловскіе пороги. Господамъ свиты было предоставлено кстати поохотиться. Путники прибыли къ мѣсту до заката солнца. Ихъ ожидалъ чай въ палаткѣ, на берегу Невы. Тепловъ и Строгановъ стрѣляли ласточекъ на лету и оба промахнулись. Звукъ выстрѣловъ громко раздался въ окрестности, всѣхъ оживилъ, развеселилъ. Сѣли въ катера и лодки и ѣздили осматривать фарфатеръ съ порогами. Обратно прибыли къ берегу при фонаряхъ. Въ виду флотиліи, пригоркомъ, мимо Пéллы къ лѣсу проѣхалъ крытый, четверней, фургонъ. Его провожали всадники.

— Вотъ и охота,—сказалъ Панинъ:—утромъ кто хочетъ на тетеревей, а то и Мишку какого въ берлогѣ застукать не худо бы...

Сумерки сгустились.

Путники шли къ экипажамъ. Неплюевъ разсказывалъ прошлое этой мѣстности. Минихъ дѣлалъ предложенія объ обходѣ пороговъ, причемъ вспоминалъ молодые свои годы, постройку Ладожскаго канала, наѣзды на его работы Великаго Петра.

— Что, готово?—спросила Панина Екатерина.

— Готово, у лѣсника...

Императрица оглянулась, отыскивая взглядомъ отставшаго Бестужева.

— Господа,—обратилась она къ свитѣ, когда всѣ, мимо посёлка и барскаго, невзрачнаго и запустѣлаго двора, поднялись вслѣдъ за ней на пригорокъ, у окраины темнаго, дремучаго лѣса:—Иванъ Иванычъ насъ не ждалъ и, безъ сомнѣнія, извинитъ, коли не онъ, а мы будемъ у него хозяйничать. На берегу не безъ сырости. Мошки и комары. Просимъ всѣхъ откушать въ рощѣ.

Рогъ затрубилъ. Всѣ размѣстились по экипажамъ. Слуги и рейткнехты зажгли факелы, сѣли на коней. Первая коляска двинулась. За нею другія. Длинный, сыпавшій искры поѣздъ помчался лѣсной, темною чащей на полныхъ рысяхъ.

— Да это не просто прелесть,—сказочная! кортежъ сильфовъ и саламандръ! — крикнулъ кому-то графъ Строгановъ:—какъ отражается свѣтъ на травѣ и на косматыхъ деревьяхъ!..

— Всѣ гномы, въ золотыхъ хламидахъ и въ алмазныхъ коронахъ, выползли изъ щелей и будто встрѣчаютъ насъ!—отвѣтилъ ему голосъ изъ догонявшей его коляски:—помните балетъ Esprits follets!

— А туманъ, туманъ? точно друиды въ саванахъ...

Кортежъ выѣхалъ къ озеру, за нимъ,—между стѣнъ вѣковыхъ, громадныхъ елей, на просторную, зеленую лужайку. Въ ея глубинѣ, подъ деревьями, путники увидѣли освѣщенную разноцвѣтными фонариками палатку. Изъ-подъ откинутыхъ дверей свѣтился, уставленный посудой и явствами, столъ. Сѣли ужинать.

Послѣ ужина, оживленнаго анекдотами Миниха и споромъ о духовидцахъ Елагина, Теплова и Строганова, Екатерина велѣла подавать свой экипажъ. Бестужевъ сѣлъ съ нею. Панинъ поѣхалъ впередъ. Прочіе остались на утро охотиться.

Возвращалась императрица другимъ, болѣе краткимъ путемъ. Огибая Неву, карета поѣхала по песку шагомъ. Ночь была теплая звѣздная. Въ раскрытыя окна кареты были видны мелькавшіе впереди по дорогѣ огни факельщиковъ.

— Какъ вы полагаете, графъ,—спросила Бестужева Екатерина:—не лучше ли, я все думаю вотъ, отпустить принца Іоанна, со всей его фамиліей, обратно за границу?

— Нельзя, многомилостивая! на пропятіе себя отдадимъ чужестраннымъ, противнымъ языкамъ... да и пригодится.

— Кто пригодится?

— Да заточённикъ-то.

— Не понимаю Алексѣй Петровичъ.

Бестужевъ крякнулъ въ темнотѣ. Нева то исчезала за стѣной деревъ, то опять съ боку развертывалась бѣлою, туманною пеленой.

— Вотъ, матушка, гляди,—сказалъ Бестужевъ, склонясь къ окну:—вонъ одинокая сосенка, край долины; стройна и раскидиста она да сиротлива, одна... А эвоси, приглядись, дружная, густая купочка сосенъ разрослась. Ну, тѣмъ подъ силу и вѣтры, и всякая непогодь; а этой, ой какъ тяжело!

— О чемъ вы графъ?

— Да все о томъ же; ненадеженъ, въ оспѣ еще не вылежалъ!—продолжалъ, смотря въ окно, Бестужевъ: — и ты, пресвѣтлая, на стараго за правду не сѣтуй. Мѣры надо принять...

— Какія мѣры?

Бестужевъ пожевалъ губами.

— Павелъ Петровичъ-отъ, милостивая, дастъ Богъ окрѣпнетъ, выраститъ... Да все это токмо гаданія... Ну, а какъ, упаси Господи случая, корень-то, древо твое, съ такимъ слабымъ отросткомъ, да пресѣчется?

— Все въ руцѣ Божьей.

— А вотъ выходъ-то и есть, и есть!—сказалъ, быстро, изъ-подъ кустоватыхъ бровей, устремивъ къ ней глаза, Бестужевъ: — другая-то августѣйшая отрасль, другая... О прочей фамиліи его не говорю,—онъ страстотерпецъ одинъ.

— Вамъ доподлинно, Алексѣй Петровичъ, извѣстно, — сказала Екатерина:—я всей душою болѣю о принцѣ Іоаннѣ... Заботы совѣтуютъ, снисхожденіе. Но то одни лишь слова. Не слѣпа я, сама вижу. Да что дѣлать-то, вотъ задача. Будь Павелъ дѣвочкой, можно бъ было подумать хоть бы и о соединеніи этихъ двухъ отраслей, о бракѣ...

— Бракъ возможенъ, — произнесъ Бестужевъ, тихо поскребывая ногтемъ о сухой свой подбородокъ:—осуществимъ! ты только отечеству, его покою жертвующая, того захоти...

— Какъ возможенъ?

— И не такіе изъ могилы-то на свѣтъ Божій, къ помраченію гонителей, обращались! Меньше мѣсяца назадъ,—

какъ бы кому-то грозя и глядя въ окно мчавшейся кареты, сказалъ Бестужевъ:—и я проживалъ сермяжнымъ, посконнымъ колодникомъ, въ горетовской курной хатёнкѣ... Ну, а теперь, всемилосердая, возблагодаривъ тебѣ, еще помѣряемся съ врагами-то... Что глядишь, молъ, рехнулся старый?.. Ну-ка, бери мужества; да благословясь, всенародно и обвѣнчайся съ бывшимъ россійскимъ императоромъ, съ Іоанномъ Третьимъ Антоновичемъ...

— Кто? я?!—воскликнула Екатерина, отшатнувшись въ глубь кареты.

— Да, богоподобная, ты, мудрая, непохожая на другихъ,—спокойно, съ сложенными руками, глядя на нее отвѣтилъ Бестужевъ.

— Возможно ли? Шутите, графъ. Лѣта мои, отношенія...

— Благослови только Господь,—набожно приподнявъ шляпу и перекрестясь, продолжалъ графъ:—годовъ самодержцы не знаютъ. Лизавету за Петра Второго, сліянія ради, вѣдь сватали жъ?.. А ему было всего тринадцать годовъ... Да и что же? Вамъ, государыня, тридцать-третій; принцу Іоанну двадцать-два исполнилось... На десять лѣтъ; разница, согласитесь, не велика. Рѣшитесь... Сольются двѣ близкихъ, кровныхъ линіи. Павелъ останется наслѣдникомъ... А на случай,—Господь воленъ,—во всемъ — наготовѣ будетъ и другой, любезный народу отпрыскъ...

Лошади неслись. Спутники молчали.

«Такъ вотъ что̀ созрѣло въ тайникѣ твоей смѣлой, непроницаемой, какъ морская бездна, души! — думала Екатерина: — я угадала... Въ тишинѣ ссылки ты обдумывалъ все это, готовилъ. Ужли-жъ изъ корысти, чтобъ воскресить только, усилить этимъ новымъ, смѣлымъ до дерзости проэктомъ, прежнее свое вліяніе, прежній фаворъ? Посмотримъ... хорошо ли, что̀ я затѣяла?»

Чаща лѣса порѣдѣла. Передовой факельщикъ замедлилъ, остановился. Карета поровнялась съ купой деревъ. Между нихъ виднѣлась изба лѣсника. Возлѣ стояли экипажъ Панина, ямщики, лошади и видѣнный у Пѐллы фургонъ.

— Перемѣна почтовыхъ,—сказалъ, подойдя къ дверцамъ, Панинъ.

— Кажись, посторонніе, — произнесла, оглянувшись на фургонъ, Екатерина:—узнали?

— По дѣлу въ Питеръ какіе-то; кормятъ лошадей.

Императрица, съ Бестужевымъ, черезъ сѣни вошла въ небольшую опрятную комнату. Съ ними встрѣтился, вышедшій оттуда, пожилой военный. За столомъ, передъ свѣчой и тарелкой жаренаго, сидѣлъ длинноволосый, въ тёмномъ кафтанѣ, худой и блѣднолицый юноша. Онъ жадно, съ торопливымъ удовольствіемъ, ѣлъ, почти не замѣтивъ вошедшихъ.

Екатерина, присѣвъ съ Бестужевымъ у двери, нѣсколько минутъ робко и пристально вглядывалась въ незнакомца, неряшливо и молча, крѣпкими выдающимися челюстями жевавшаго вкусный кусокъ.

— Куда, сударь, изволите?—ласково спросила императрица.

Разсѣянные, усталые и будто глядѣвшіе внутрь себя глаза проѣзжаго тупо и дико уставились въ вошедшихъ особъ.

— Издалека-ль ѣдете,—повторила Екатерина.

— Вотъ... и...—заикнулся и пересталъ жевать незнакомецъ:—опять взяли... опять повезли... Чуть не утонули на озерѣ, у Морья... барку разбило! въ Кексгольмѣ держали, опять сюда тащутъ...

— Куда же вашъ путь?

— А нешто я свѣдомъ?—отвѣтилъ, сердито нахмурясь, юноша:—возьмутъ и повезутъ. Новая, видно, царица потребовала на эко диво поглядѣть. Чтó имъ, владыкамъ-то,—рѣзко и громко засмѣялся онъ:—чтò полгода, гляди, и новые... И меня велѣно звать Гервасіемъ, а не Гришкой, да не хочу—а хочу зваться Θеодосіемъ... притомъ... безплотный...

— Уйдемъ, пьяный неучъ,—шепнулъ Екатеринѣ Бестужевъ:—либо сущеглупый,—я ихъ смерть боюсь.

— Вы же сами кто будете?—спросилъ незнакомецъ.

— Мы здѣшніе помѣщики...

— Мужъ и жена?

— Вѣрно сказали.

Юноша еще громче во все горло захохоталъ и вдругъ смолкъ.

— Старенекъ мужъ-отъ вашъ—сказалъ онъ, злобно упершись глазами въ Бестужева:—горохъ бы тебѣ стеречи, или съ огорода вороньё гонять... скрючился, скомсился, злюка, шептунъ...

Проговоривъ это второпяхъ, путаясь, точно его прорвало, юноша опять осѣкся и бѣшено, дико захохоталъ.

— Да, уйдемъ же, матушка! охмелѣлъ онъ! — шепнулъ, привставъ, Бестужевъ:—вишь какъ дерзостенъ, сквернословецъ, шатунъ...

— Такъ вы ѣхать отъ меня?—вскрикнулъ, съ искаженнымъ лицомъ вскакивая, незнакомецъ:—скоты, звѣри, гарпіи, колдуны! кровь высосали... Жизни вамъ, вертограда моего? Злыдни, еретики, — кричалъ онъ, поддерживая себя за подбородокъ: — я креститель, слышите, духъ Іоанна... Трубы, тимпаны, гудцы... Ха-ха! проклинаю... шептуны, скоты! Азъ въ мірѣ альфа и омега, послѣдній и первый... виватъ! виватъ!..

— Не могу, не могу!—сказалъ, бросаясь къ двери, Бестужевъ: — силъ нѣтъ; сущеглупый вѣдь онъ... видите, видите!..

Екатерина вышла за нимъ. Подали экипажи. Факелы освѣщали блѣдныя, встревоженныя лица.

— Что?—спросилъ вполголоса Панинъ.

— Сверхъ всякаго ожиданія... невыносимо! — отвѣтила императрица.

Кареты помчались въ томъ же порядкѣ. Екатерина молчала. Не отзывался и ея спутникъ. Онъ сопѣлъ носомъ и изрѣдка фыркалъ, сердясь на Панина, что тотъ не отвратилъ отъ монархини столь неподходящей и лишенной всякой аттенціи встрѣчи.

— Такъ худъ? худенекъ?—вдругъ обернувшись къ графу, спросила Екатерина.

— О чемъ, матушка, изволите? — не понявъ вопроса и склоняясь къ ней, произнесъ Бестужевъ.

— Такъ ненадеженъ мой сынъ? ненадеженъ?.. А знаешь ли, батюшка-графъ, кого мы съ вами только-что видѣли?

Бестужевъ вздрогнулъ. Въ томящей тоскѣ предчувствія, забывъ всякій этикетъ, онъ ухватилъ жёсткою, холодною рукой руку императрицы.

— Мы видѣли бывшаго императора Іоанна Антоновича,— проговорила Екатерина:—изъ Кексгольма нарочно его привозили... Гдѣ-жъ правда? Пятнадцать лѣтъ вы, батюшка Алексѣй Петровичъ, при покойной императрицѣ, держали кормило власти, и въ вашей полной волѣ была судьба принца... а теперь этого бѣдняка, нравственно-больного, мертвеца, вы, вы, — пощадите! — прочите мнѣ въ женихи... въ мужья...

Послѣ пелловскаго свиданія, принца Іоанна вновь отвезли въ Шлиссельбургъ. Панинъ въ такомъ видѣ подтвердилъ

его приставамъ старую инструкцію Елисаветы: «Буде явится столь сильная для освобожденія Иванушки рука, что спастись будетъ не мочно, то арестанта Безыменнаго — умертвить, а живого—никому въ руки не давать».

— Какъ же съ нимъ долѣе быть, ваше величество? — спросилъ Панинъ Екатерину, отославъ это подтвержденіе.

— Мое мнѣніе, изъ рукъ не выпускать,—отвѣтила императрица:—надо его постричь и отвезти въ не весьма отдаленный монастырь, гдѣ сторонняго богомолья мало или вовсе нѣтъ,—въ муромскіе лѣса, въ Вологду или въ Колу... Впрочемъ, о сей матеріи мы еще поговоримъ...

XXVI.

У новаго фаворита, въ Шаболовкѣ.

Осень и часть зимы 1762 года Мировичъ провелъ съ полкомъ въ окрестностяхъ Москвы. Къ началу 1763 года полкъ выступилъ на стоянку къ границамъ Польши, въ раскольничьи слободы черниговской губерніи. Свиданіе съ сестрами не принесло Мировичу утѣшенія. Помочь имъ онъ не могъ, такъ какъ и самъ едва перебивался въ тяжелой бѣдности. Въ полку тоже ему не везло. Молва о прошломъ Мировича, о самовольной отлучкѣ изъ Шавель и о передрягахъ съ его арестомъ и допросомъ въ Кронштадтѣ, отъ которыхъ онъ спасся лишь протекціей важныхъ патроновъ, все-таки сильно вредила его службѣ. Начальство на него косилось. Товарищи-фрунтовики, отъ праздно-кутежной компаніи которыхъ онъ теперь держался въ сторонѣ, относились къ нему холодно или презрительно-враждебно. Онъ вспоминалъ недавнее свое положеніе, въ числѣ штабныхъ кёнигсбергскаго губернатора Петра Панина и, замкнувшись въ себя, въ неисходной тоскѣ, тянулъ лямку карауловъ, пѣшихъ переходовъ по глухимъ, занесеннымъ снѣгомъ деревушкамъ, ученій, опять карауловъ и новыхъ переходовъ.

Средина февраля застала Мировича въ черниговскомъ намѣстничествѣ, въ раскольничьей слободѣ Добрянкѣ. Полкъ былъ расположенъ въ ней и возлѣ на винтеръ-квартирахъ, а его, съ командой, послали къ Днѣпру, въ слободу Радули. Здѣсь, принимая фуражъ, онъ провалился на подтаявшемъ льду, схватилъ горячку и пролежалъ у сосѣдняго мельника-слобожанина до начала апрѣля. Всталъ отъ болѣзни непохожій на себя—страшно-исхудалый, слабый, раз-

дражительный и злой на всѣхъ и на все. Его выздоровленіе совпало съ возвратомъ на Украйну тепла и весны.

Яркій лучъ южнаго солнца вызвалъ Мировича на завалинку. Онъ давно слышалъ въ низенькой тѣсной избѣ крики прилетныхъ гусей, журавлей, возгласы чаекъ, шумъ и журчаніе всюду бѣжавшихъ ручьевъ. Его неудержимо манило дохнуть свѣжею, гулкою, въ этомъ шумѣ и гамѣ, струей вешняго воздуха. Онъ вышелъ, взглянулъ...

Съ береговой кручи, со двора мельника, вдругъ передъ нимъ открылся безбрежный, съ лѣсами въ видѣ темныхъ острововъ, голубой, затопившій окрестности Днѣпръ. Правѣе—бѣлѣла гдѣ-то церковь, лѣвѣе—черезъ сѣро-глинистый яръ, на высокомъ бугрѣ, съ красной крышей, виднѣлся большой помѣщичій домъ. Весь онъ потонулъ въ саду. Садъ сбѣгалъ и по взгорью къ рѣчному затону.—«Родина, милая родина,—заплакалъ отъ радости Мировичъ:—вотъ гдѣ истинное счастье, рай! Вотъ гдѣ врачеваніе сердцу, разбитому въ душныхъ, городскихъ вертепахъ! Боже! не даромъ я стремился къ достоянію предковъ, не даромъ во снѣ и на яву моей душѣ виднѣлись родные, привольные долы, холмы, тихіе сады. Тамъ — скоплённые въ большихъ городахъ не люди, а звѣри; здѣсь — простой, землю пашущій, селянинъ исполняетъ завѣтъ Бога, природы»...

Оправясь, но еще все слабый, Мировичъ началъ спускаться къ рѣкѣ, сидѣлъ у Днѣпра и однажды отъ берега зашелъ въ помѣщичій садъ. Имя владѣльца ему называли, но онъ, въ болѣзненномъ равнодушіи и разсѣянности, не обратилъ на то вниманія. Помнилъ онъ только, что рѣчь шла объ опальномъ вельможѣ, никуда не выѣзжавшемъ и цѣлые дни, съ книгой или газетой, лежавшемъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ. Садъ окидывался зеленью. Вишни и яблони пышно цвѣли. Пчелы гудѣли на ивахъ и черемухахъ. Кукушка отзывалась въ ракитникѣ. Дятелъ звонко щелкалъ въ дупло оголеннаго, корявого дуба.

Приглядываясь къ каждому, окинутому первой зеленью кусту, къ каждой вырытой у корней и на лужайкахъ свѣжей норкѣ, къ букашкѣ, цвѣтку,—Мировичъ прошелъ одну аллею, другую. Тепло было, какъ въ маѣ. Напоенный запахомъ чебреца воздухъ не шолохнулся. Кое-гдѣ виднѣлись бесѣдки, гроты, мосты. Подъ огромнымъ, еще безлистымъ осокоромъ, на скамьѣ у обелиска изъ блѣдно-зеленаго, мѣст-

наго гранита, въ старомъ треуголѣ, съ звѣздой на епанчѣ, сидѣлъ, сгорбившись, съ книгой, изжелта смуглый, задумчивый военный. Мировичъ приподнялъ шляпу, хотѣлъ пройти мимо и чуть не упалъ: передъ нимъ былъ генералъ-адъютантъ покойнаго императора, бывшая «голубица мира» бергинскаго ковчега, Андрей Васильичъ Гудовичъ. Онъ молча стоялъ нѣсколько минутъ.

— Такъ вы тотъ самый, тотъ самый, что тогда? — разглядѣвъ его и заторопясь, сквозь слезы, спросилъ Андрей Васильичъ.

Они разговорились. И сколько было говорено! Больше недѣли пробылъ послѣ того Мировичъ въ Радуляхъ и каждый день ходилъ на прогулку отъ мельника къ Днѣпру и въ цвѣтущій, покрывавшійся пышными уборами садъ. Здѣсь онъ еще разъ или два встрѣтился съ Гудовичемъ. И, хотя ссыльный, недавно могучій вельможа держалъ себя съ нимъ, какъ и со всѣми, холодно и строго, но, бесѣдуя съ случайнымъ гостемъ о пережитыхъ, памятныхъ дняхъ и сообразивъ его поведеніе въ роковое время, не утерпѣлъ и повѣдалъ ему кое-что, долетѣвшее къ нему въ Радули.

Отъ него Мировичъ узналъ подробности о дѣлѣ Хрущова и двухъ Гурьевыхъ, приговоренныхъ къ казни, публично ошельмованныхъ и сосланныхъ въ Камчатку, за намѣреніе освободить принца Іоанна.—«Пора-де вспомнить,—говорили эти смѣльчаки: — что есть фамилія царя Ивана Алексѣича; пора узнать, гдѣ содержится Иванушка; не пойдемъ въ караулъ, пока его не вызволимъ».—Здѣсь же услышалъ Мировичъ и о недавней опалѣ, о сложеніи сана и о предположенной ссылкѣ въ Корельскій монастырь ростовскаго митрополита, Арсенія Мацѣевича. Государыня, узнавъ о провинности Арсенія, отвѣтила на предстательство о немъ Бестужева: «прежде, сударь, безъ всякой церемоніи и не по столь важнымъ дѣламъ, преосвященнымъ головы сѣкали».— А провинился владыко не столько протестомъ противъ отобранія монастырскихъ крестьянъ, сколько тѣмъ, что говорилъ своимъ ближнимъ: «надлежало быть на престолѣ не государынѣ, а принцу Іоанну... государыня не природная и не тверда въ вѣрѣ». — Еще же пророчилъ Арсеній, что будутъ въ Россіи царить два юноши, Павелъ да Іоаннъ, и что они выгонятъ изъ Европы турка и возьмутъ Грецію и Царьградъ.—«И ужъ лучше бы,—сказывалъ Арсеній:—го-

сударынѣ вступить въ бракъ съ Іоанномъ Антоновичемъ: она съ нимъ не въ близкомъ родствѣ, въ шестомъ колѣнѣ; не смѣнять же царскаго отпрыска на поддержку картежниковъ и мотовъ, въ родѣ Григорія Орлова». — «Какъ, на Орлова?» — обомлѣвъ, спросилъ Мировичъ. — «Поѣдешь, все узнаешь», — спохватившись и оглядываясь на прощаньѣ съ нимъ, сказалъ владѣлецъ Радулей.

Въ концѣ мая Мировичъ отправился провѣдать сестеръ. Отъ полка же, кстати, встрѣтилась жалоба по фуражному дѣлу къ гетману, бывшему со дворомъ въ Москвѣ. Мировичу дали инструкцію, рапортъ и прогоны, и онъ уѣхалъ.

Одна мысль засѣла въ его головѣ, неотвязно нашептывала ему, манила его. Онъ все думалъ, соображалъ и терялся въ догадкахъ. Уже по пути къ Москвѣ заслышалъ онъ сперва робкіе, потомъ болѣе ясные намеки на затѣю бывшаго канцлера—въ угоду Орловымъ—устроить замужество государыни съ Григоріемъ Орловымъ. Въ Москвѣ же, куда онъ ни заходилъ, къ сестрамъ, къ знакомымъ, въ трактиры, только и было рѣчи, что о новомъ прожектѣ «сѣдой, нераскаянной лисицы» — Бестужева. Говорили, что государыня съ Орловымъ съѣхала въ ростовскій, воскресенскій монастырь, къ переносу мощей святого Димитрія, и что безъ нихъ графъ Бестужевъ составилъ всеподданнѣйшій адресъ, за подписью высшаго духовенства и генералитета, о томъ, чтобы ея величеству выдти за принца Іоанна, а буде не угодно то, по примѣру предковъ, бывшихъ россійскихъ царей, избрала бы она въ супруги кого-либо изъ своихъ вѣрноподданныхъ. Но встрѣтилась преграда.

Первый помощникъ и недавній другъ Орлова, Ѳедоръ Хитрово, какъ вѣрный патріотъ, подобралъ партію недовольныхъ. Въ союзники съ нимъ стали оба Рославлевы, Пассекъ, Ласунскій, за ними Баскаковъ и Барятинскій,—словомъ, чуть не всѣ главные вожаки и «партизаны» бывшаго переворота.—«Григорій Орловъ глупъ,—толковали въ Москвѣ:—и больше все строитъ братъ его, дубина Алексѣй, да старый чортъ Бестужевъ; но все можетъ случиться,—одна надежда на Панина».

«Вотъ случай,—подумалъ Мировичъ:—другого не будетъ. Орловъ... посѣтитель Дрезденши, и я съ нимъ былъ во дни оны близокъ, даже обыгрывалъ его на бильярдѣ... Ничтожный, безвѣстный офицеришка готовится взойти на такую

ступень... Попробовать развѣ, попытать? Или и его — къ дьяволу, лучше не трогать?..»

Бродя безъ цѣли, безъ мысли, по Москвѣ, онъ опять невольно вспомнилъ объ Орловѣ, разспросилъ кое-кого, собралъ нужныя свѣдѣнія и отправился къ нему въ Шаболовку.

Пышный, хлѣбосольный и всюду уже гремѣвшій домъ графа Григорія Григорьевича былъ на фронтонѣ украшенъ лѣпнымъ гербомъ, съ надписью: «Fortitudine et constantia». Москва, знавшая хоромы старой знати — Шереметевыхъ и Нарышкиныхъ на Воздвиженкѣ, Трубецкихъ—на Покровкѣ, Куракиныхъ—на Басманной и Салтыкова—на Дмитровкѣ,—ѣздила теперь, съ рабскимъ решпектомъ, на поклонъ, на недавно глухую, мѣщански-пустынную Шаболовку, гдѣ новопожалованный «графъ Римской имперіи» на бѣговыхъ дрожкахъ объѣзжалъ рысаковъ или платкомъ въ слуховое окно гонялъ голубей. Надъ улицей и садомъ кружились стаи дорогихъ турмановъ: двуплѣкіе, сѣроплѣкіе, полвопѣгіе, съ подпалиной и безъ подпалины, ногатые, мохнатые и всякіе. Голубиная потѣха графа смѣнялась медвѣжьей, либо волчьей травлей, травля — кулачнымъ боемъ, а бой — чтеніемъ изданій Жоконды,—древнихъ писателей о сельскомъ хозяйствѣ, или исполненіемъ во дворцѣ нѣжныхъ менуэтовъ и гавотовъ.

Мировичъ засталъ Орлова за бритьемъ въ халатѣ. Доложивъ о себѣ, онъ вошелъ сурово, поклонился съ достоинствомъ.

— А! дивно-побѣдная пятёрка!—вскрикнулъ по старинѣ Григорій Орловъ:—вотъ не ожидалъ. Извини, братецъ, что такъ принимаю. Самъ люблю бриться... Садись. Тороплюсь къ пріему. Но, говори: просьбишка, чай, какая? денегъ?.. Да что похудѣлъ? Боленъ былъ? а?.. вотъ какъ! Жаль, жаль...

Мировичъ прямо приступилъ къ дѣлу: въ краткихъ словахъ разсказалъ о своемъ прошломъ, о случаѣ съ предкомъ, и съ низкимъ поклономъ сталъ просить Орлова о содѣйствіи къ возврату ему и сестрамъ хотя части неправильно-конфискованнаго имѣнія бабки.

— Ты меня извини,—кончивъ брить щеку и занявшись подбородкомъ, сказалъ графъ Григорій:—это другимъ, братецъ, пой, а не мнѣ. Я — стрѣляный волкъ. Ну, что плетешь тутъ хоть бы о предкахъ? И какой, такъ-таки скажи

по совѣсти, резонъ, чтобъ отдать тебѣ вонъ когда, еще при Первомъ Петрѣ, отписанныя мѣстности твоихъ дѣдовъ? Изъ какихъ, напримѣръ, благъ? Не сердись, слушай, и съ толкомъ, смирнехо̀нько разсуди. Сядь, не вскакивай... Вѣдь помѣстья тѣ, чай, тогда еще пожалованы въ другія руки, а тамъ, смотри, перешли и въ третьи?

— Вѣрно говорите, ваше сіятельство...—съ досадой, поборая въ себѣ желчь, отвѣтилъ Миро̀вичъ: — но все же во власти монархини изслѣдовать, узнать корень истины и возвратить внукамъ неправильно отнятое, а нынѣшнихъ владѣльцевъ тѣхъ имѣній ублаготворить чѣмъ инымъ...

— Да изъ-за чего, разбери ты?—сказалъ, отведя бритву и взглянувъ на гостя черезъ зеркало, Орловъ:—для каждой милости нужны причины, отличье, права...

Злость взяла Миро̀вича. — «Такъ вотъ онъ, любимецъ фортуны,—думалось ему,—въ золотѣ по горло сидитъ, вымытый, выхоленный, сытый, опрысканный духами. Одно, вонъ, бѣлье какое... съ кружевами, сквозитъ... А намъ-то каково? Удался бы мой тогдашній умыселъ, былъ бы я на твоемъ мѣстѣ. Ишь, какъ теперь поглядываетъ безстыжими, смѣлыми глазами».

— Услуги и мои права, ваше графское сіятельство, — сказалъ онъ, пересиливая обиду и гнѣвъ:—въ дѣйствительности, видно, не примѣчены...

— Какія услуги? это любопытно, voyons...

Графъ нагнулся къ зеркалу, пробривая мѣсто вокругъ темной, пушистой родинки, на лѣвой румяной щекѣ.

— Извѣстно вамъ, графъ, съ Перфильевымъ въ тѣ последніе дни, передъ предпріятіемъ, я, по вашему указанію, игралъ въ карты... Изволите вспомнить, какой вышелъ авантажъ...

— Ахъ ты, потѣшный! Да ты же, припомни, былъ тогда въ выигрышѣ и все его ремизилъ,—пять роберовъ, помнишь, десятка опять же, всѣ бубны у тебя... ну! однимъ махомъ заграбасталъ, чуть не сорвалъ у Амбаха̀рши весь банкъ...

Миро̀вичъ съ холодною злобой улыбнулся.

— Была тогда и другая, болѣе важная причина,—мрачно сказалъ онъ:—да вы не повѣрите... скажете: вымышленно, съ разсчэтомъ...

— Говори, братецъ, слушаю,—искоса взглянувъ на него и опять начиная бриться, произнесъ Орловъ.

Мировичъ просвѣтлѣлъ и, точно переродившись, сталъ въ необычайную, напыщенную позу.

— Я былъ спасителемъ государыни, въ числѣ прочихъ... я главную ей оказалъ услугу... облегчилъ ей престолъ!— проговорилъ онъ, окидывая гордымъ, подавляющимъ взоромъ Орлова.

— Какъ, что?—спросилъ и заикнулся Орловъ.

Мировичъ подробно разсказалъ о случаѣ съ колесомъ въ коляскѣ государыни, при ея уходѣ изъ Петергофа.

Орловъ такъ и покатился со смѣху.

— Ай, да козырь-хохолъ! молодецъ! — вскрикнулъ онъ, бросивъ бритву, махая руками и заливаясь на всѣ лады:— вотъ такъ одолжилъ, придумалъ! Всѣхъ, молодчина, всѣхъ льстецовъ, искателей фавора разбилъ въ пухъ, заткнулъ за-поясъ... никто такъ не нашелся, — всѣхъ!.. Такъ *тебѣ* трономъ обязаны? тебѣ? ну, клянусь, это стоитъ, по чести стоитъ... ха-ха...

— Но позвольте, графъ,—съ краской стыда и оскорбленія перебилъ его Мировичъ:—вы въ правѣ отвергнуть, пренебречь, но я истину сказалъ... Издѣвки обидны... чортъ! Можете освѣдомиться у своего братца, или у господина Бибикова:—они, если не видѣли, то слышали... какъ я тогда...

— Ой, пощади, пощади!—восклицалъ, катаясь по софѣ, Григорій Орловъ (его звонкій, раскатистый смѣхъ далеко разносился по комнатамъ):—изволь, наведу справки... безпремѣнно наведу... ха-ха! и семи мудрецамъ того не придумать... ой, убилъ, разодолжилъ...

— Разумѣется, что вамъ стоитъ учинить дознаніе, разслѣдовать! — сказалъ степенно Мировичъ: — на бумагѣ все объяснится, какъ и что-съ, хоть бы и насчетъ отнятыхъ имѣній моихъ предковъ...

— Ахъ вы, хохлы, архивное сѣмя!—произнесъ, вставая, Григорій Орловъ,—и Мировичъ замѣтилъ непріятное, общее братьямъ, наглорѣшительное выраженіе его красивыхъ, какъ онъ выразился въ умѣ, «безстыжихъ» глазъ: — все-то вы, извини, съ челобитьями, да съ попрошайствами! Нѣтъ того, чтобъ терпѣливо трудиться, смирнёхонько ждать, служить. Все-то твои соотчичи измышляютъ, да подводятъ... Ну, станемъ мы, изъ-за тебя, рыться въ древнихъ вашихъ, хохлацкихъ шпаргалахъ, бумагахъ? — сказалъ, посмотрѣвъ въ сторону и думая ужъ о другомъ, Орловъ:—и можетъ ли

быть, чтобъ въ Бозѣ почивающій Великій Петръ такъ неправильно рѣшилъ дѣло твоего дѣда?

— Честью увѣряю, честью!—возвысилъ голосъ Мировичъ, чувствуя, какъ слезы подступали къ его горлу: — и не о себѣ токмо прошу... у меня, графъ, сестры-дѣвицы проживаютъ въ убожествѣ... а мои предки были изъ первыхъ на Украйнѣ, служили вѣрой и страданіе приняли за родину и за ея права...

— Хорошо, — небрежно отвѣтилъ графъ Григорій, даже не совсѣмъ разслышавъ послѣднія слова гостя:—увижу гетмана; навѣдайся,—поговорю съ нимъ, попрошу...

«Ужели опять къ нему идти?» — разсуждалъ Мировичъ, кончивъ порученіе, данное ему отъ полка: — «дьяволы! что толку?.. Станетъ снова издѣваться зазнавшійся бильярдщикъ, да трактирный мотъ... Гдѣ ему, съ этакой хоть бы вышины, разглядѣть горе да бѣдность другихъ? Правду о немъ сказалъ мученикъ, архіепископъ Арсеній: «не его чести и рыла затѣянное дѣло».

Срокъ командировки истекалъ. Надо было возвратиться къ полку. Весна и лѣто въ то время стояли холодныя. Дулъ сѣверный вѣтеръ и каждый день шелъ дождь. Но Москва веселилась.

Народныя гульбища въ апрѣлѣ и въ маѣ были оживлены. Подъ Новинскимъ какой-то силачъ-шведъ вызывался помѣряться въ единоборствѣ съ русскимъ. Всѣ стремились туда.

Съ возвратомъ государыни отъ богомолья, на московскихъ улицахъ и площадяхъ, при барабанномъ боѣ, былъ опубликованъ «манифестъ о молчаніи». Тетрадка «Московскихъ Вѣдомостей» отъ четвертаго іюня, съ этимъ манифестомъ, зачитывалась нарасхватъ. Въ немъ воспрещались всякіе толки «развращенныхъ нравами, праздныхъ людей»,—«кои дерзкими ухищреніями,—всюду порицаютъ правительство и всѣ нерушимыя, гражданскія права», — развращаютъ и другихъ «слабоумныхъ и падкихъ на вредную болтовню людей».

Прочтя эту публикацію, Мировичъ окончательно раздумалъ идти къ Орлову. — «Ну его къ бѣсу!» — размышлялъ онъ: — «еще сочтутъ опаснымъ, притязательнымъ критиканомъ, недовольнымъ судьбою, хулителемъ государственныхъ мѣръ... Новый фаворитъ, Орловъ, отвернулся, пренебрегъ...

Не вспомнитъ ли *стараго?*... Разумовскій—землякъ и когда-то, при покойной царицѣ, благоволилъ ко всѣмъ нашимъ и ко мнѣ...

XXVII.

У Разумовскаго, на Покровкѣ.

Въ воскресенье, восьмого іюня, Мировичъ пошелъ къ графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому. Погода была, какъ и всѣ тѣ дни, пасмурная, невеселая. То смолкалъ, то опять моросилъ дождь.

Разумовскій, съ пріѣзда со дворомъ въ Москву, жилъ въ своемъ домѣ на Покровкѣ, рядомъ съ церковью Воскресенія въ Барашахъ, куполъ которой съ тѣхъ поръ, въ память вѣнчанія въ ней царицы Елисаветы съ графомъ, украшенъ золотою короной. Иконостасъ этой церкви перевезенъ впослѣдствіи въ Почепъ.

Мировичъ пріодѣлся, даже завился въ цирульнѣ и пошелъ къ обѣднѣ на Покровку. Онъ располагалъ подойти къ графу въ церкви, гдѣ Алексѣй Григорьевичъ любилъ плѣнять москвичей хоромъ собственныхъ пѣвчихъ и гдѣ онъ самъ, бархатно-пѣвучимъ, звонкимъ, нѣсколько въ носъ голосомъ, читалъ апостола. У обѣдни графъ не былъ. Мировичу сказали, что онъ простудился на придворной охотѣ, былъ не совсѣмъ здоровъ и около недѣли не выходилъ изъ дому.

Мировичъ, на всякій случай, рѣшился зайти въ графскія хоромы и велѣлъ о себѣ доложить. Сверхъ ожиданія, его не заставили долго ждать съ отвѣтомъ.—«Пожалуйте»—тихо, съ улыбкой и южнымъ акцентомъ, сказалъ степенный, залитой въ золото галуновъ, неслышно двигавшійся по ковру, украинецъ-камердинеръ, по знаку швейцара показавшій гостю дорогу вверхъ, по разубранной цвѣтами лѣстницѣ.

«Увижу прежняго, всесильнаго, бывшаго въ такомъ высокомъ случаѣ человѣка! — думалъ Мировичъ, подходя къ кабинету Разумовскаго, — онъ старался быть патрономъ не только моимъ, но и моей семьи. Не забывалъ когда-то Алексѣй Григорьевичъ земляковъ-малороссовъ, хоть и вышелъ изъ черни, изъ лемешовскихъ пастуховъ».—Прошлое, далеко улетѣвшее время мгновенно встало, ожило въ мысляхъ Мировича. Онъ вспомнилъ свой пріѣздъ съ покойнымъ отцомъ, на волахъ, въ Петербургъ, пріемъ въ Аничковомъ саду у графа, плясаніе «трепака» и пѣніе хвалебнаго канта

передъ императрицей Елисаветой, опредѣленіе въ кадеты, игру на театрѣ въ Гостилицахъ, встрѣчу съ Пчёлкиной, и многое, теперь минувшее навсегда.

Сильно похудѣвшій и осунувшійся, но все еще замѣчательно красивый, Разумовскій не сразу узналъ Мировича, когда тотъ, введенный камердинеромъ, сталъ у порога и почтительно,—«съ решпектомъ», отвѣсилъ ему низкій поклонъ. Графъ сидѣлъ съ книгой у камина. Онъ былъ въ бѣломъ, вязаномъ колпакѣ поверхъ серебрившихся, ненапудренныхъ волосъ, и въ свѣтло-голубомъ, на сѣрыхъ мерлушкахъ, бархатномъ халатѣ, со звѣздой на груди.

— А, земляче! постой!.. Мировичъ, кажется?.. онъ? такъ и есть, вотъ не ожидалъ! — вглядѣвшись въ гостя и улыбаясь карими, съ краснинкой, ласковыми глазами, сказалъ Алексѣй Григорьевичъ:—откуда Богъ принесъ?

Мировичъ объяснилъ.

— Такъ не съ Трубежа, не съ Переяслава? гей-гей! шкода-жъ, братику; поѣдятъ тамъ безъ насъ всѣ вареники, галушки и шулики... садись, сердце, вотъ такъ... Что хмурый сталъ? Только постой, прежде побожись: не ѣдешь домой на волахъ?

— Не ѣду...

— А собака мохнатая, Сѣрко—жива?

Мировичу было не до шутокъ.

— Удостойте, ваше графское сіятельство, выслушать партикулярно,—сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Разумовскій поднялъ брови, опустилъ на колѣни книгу и все еще не покидалъ улыбки. Ему также вспомнились иные, болѣе счастливые годы, время Елисаветы,—время его сказочнаго, безпримѣрнаго «случая» — улетѣвшаго значенія, силы, общей зависти и общаго раболѣпнаго почета.

— Ужели-жъ, голубчикъ, дѣло? и такъ-таки именно до меня?—спросилъ Разумовскій.

— Коли дозволите, персонально къ вашей чести.

— Не вѣрю, убей Богъ, не вѣрю,—произнесъ, покачавъ головою, графъ: — забытъ я, вовсе обойденъ; отписали въ инвалиды. Да кому я чѣмъ могу быть нынѣ полезенъ? Все новенькіе пошли, да какіе! Спереди блаженъ мужъ, а сзади— всякую шаташася языци... Такъ-то, земляче! Оно и дѣло: не всѣмъ большимъ подъ образами сидѣть. Чужи пивни

весело поютъ, а на нашихъ типунъ напалъ,—спятъ, сучисыны: ажъ потѣютъ...

Мировичъ собрался съ мыслями.

«Все ему разскажу,—подумалъ онъ,—попрошу его совѣта. Хитеръ онъ и тонокъ, наставитъ, какъ слѣдуетъ, укажетъ теперь откровенно, гдѣ и кого просить».

— Не откажите, вѣкъ Бога заставите молить,—сказалъ Мировичъ:—вы же первый когда-то намъ помогли — опредѣлили меня въ корпусъ! открыли жизни путь...

— Да изволь, изволь, охотно, —въ чемъ дѣло? — вздохнувъ и подвигаясь съ кресломъ, произнесъ Разумовскій:— сегодня я никого къ себѣ не жду... При дворѣ, братецъ, куртагъ, толкотня, суета; я репортуюсь хворымъ; каторжная лихоманка,—иродова дочь,—такъ уцѣпилась, что не открестишься. Сюда, поближе, къ камину, вотъ такъ; я все зябну, да видишь, вотъ чѣмъ душу отвожу на одиночествѣ,—прибавилъ, указавъ на кожаный фоліантъ, Разумовскій: — выходилъ всѣхъ букинистовъ, всѣ книжные лари, на Никольской, былъ у Козырева, Романчинцова и у Анохова, у Семена Николаевича Кольчугина, нигдѣ не нашелъ. Да ужъ Ѳерапонтовъ, отъ Спасскаго моста, прислалъ намедни двѣ рѣдкихъ, старой кіевской печати, книги. Давно ихъ искалъ, и цѣны имъ нѣтъ. Видишь—читай: Прологъ и Маргаритъ... каковы литеры?..

— Маргаритъ?—произнесъ, невольно вздрогнувъ и измѣняясь въ лицѣ, Мировичъ.

— А что? и ты до нихъ охотникъ?

— Да такъ-съ, извините... я слышалъ, я знаю эту книгу.

— Откуда-жъ ты ее знаешь? гдѣ видѣлъ? книга рѣдчайшая...

— Въ Шлиссельбургской крѣпости,—сказалъ Мировичъ:— заключенный принцъ, Іоаннъ Антоновичъ, ее читалъ и сказывалъ о ней...

— Принцъ Іоаннъ? въ Шлиссельбургской крѣпости? гдѣ же ты и какъ видѣлъ его?

— Необычнымъ и нежданнымъ случаемъ, мимолетно, на мигъ...

— Своими глазами видѣлъ?

— Своими...

— Разскажи, голубчикъ, разскажи: это любопытно.

Мировичъ сообщилъ о встрѣчѣ съ узникомъ. Разумовскій

внимательно его выслушалъ, задумался и, снявъ колпакъ, набожно перекрестился.

— Не привелось мнѣ видѣть несчастнаго,—сказалъ онъ:— а ты знаешь, въ какомъ я былъ почетѣ: могъ бы!—Боже! неисповѣдимы пути Промысла Твоего... Что ни первые въ свѣтѣ люди — низвергаются съ высоты, а послѣдніе, гляди, возносятся, восходятъ... И все то не даромъ, братецъ, не по-пусту...

— Извините, ваше сіятельство, — какъ бы что-то вспомнивъ, произнесъ Мировичъ:—послѣ той экстраординарной и почти чудомъ ниспосланной встрѣчи, мнѣ болѣе не удалось видѣть принца. Знаю только, его передъ переворотомъ привозили въ Петербургъ, на дачу Гудовича. Гдѣ онъ теперь находится?

— Все тамъ же, въ Шлиссельбургѣ, — отвѣтилъ, отвернувшись и махнувъ рукой, Алексѣй Григорьевичъ: — впрочемъ, вру, вывозили его тогда лѣтомъ, послѣ Петербурга, еще въ Кексгольмъ.

— Для чего?

Разумовскій помолчалъ.

— Да ты не проговоришься?—спросилъ онъ.

— Помилуйте, и то, что я передалъ сейчасъ,—вамъ только открылъ.

— Сказываютъ, нынѣшняя государыня пожелала его видѣть,—отвѣтилъ, оглядываясь, графъ:—и то рандеву было устроено какъ бы ненарокомъ.

— И это вѣрно? ея величество точно видѣла принца?— спросилъ Мировичъ.

— Какъ тебя вижу,—съ недовольствомъ, сумрачно отвѣтилъ Разумовскій: — все неподобныя затѣи и колобродства искателей невозможнаго! не сидится имъ. Чешутся пальцы... Стряпаютъ дерзостныя конъ-юнктуры, перемѣны, аки бы въ пользу невозвратно-умершаго, а поистинѣ—въ свою только пользу... Ненасытные, наглые себялюбцы и слѣпцы! Докапываются прошлыхъ примѣровъ, пытаютъ, ищутъ... да руки коротки... Теперь, впрочемъ, слышно, склоняютъ принца принять монашество, духовный чинъ—и онъ согласенъ... и хотя страшится Святаго Духа — хочетъ быть митрополитомъ... Такъ ты видѣлъ принца и онъ, читая Маргаритъ, примѣнилъ къ себѣ сказанія о Крестителѣ Іоаннѣ?

— Примѣнилъ.

— Загадочное и непостижимое знаменіе... Да! чуднымъ, поучительнымъ и, какъ бы оцтъ и желчь, горькимъ смысломъ пропитана вся эта книга Маргаритъ,—о ненасытныхъ въ помыслахъ и алчбѣ женахъ... Слушай, братецъ, окажи мнѣ одну маленькую услугу...

— Приказывайте графъ.

— Ты въ оны дни въ корпусѣ хорошо списывалъ ноты,—сказалъ графъ: — и нашивалъ мнѣ въ презентъ копіи, съ хитро-узорочными виньетами... Такъ вотъ что... Ну-ка, искусникъ, присядь, да и спиши у меня тутъ, на особую бумажку, вотъ эти самыя слова объ Иродіадѣ, что, какъ ты говоришь, повторялъ принцъ, и вообще о злыхъ женахъ. Я и самъ былъ гораздъ списывать; но ослабло зрѣніе и руки что-то—видно, отъ хворобы—не слушаются, дрожатъ. Вонъ въ этой горницѣ столикъ, а возлѣ него—видишь?—на стѣнной этажерочкѣ бумага и чернильница. Пока свѣтло, приладься тамъ, сердце, у окна и спиши... Завтра съ почтой я пошлю одному благопріятелю въ Питеръ... Только стой, одначе... куда же ты? погоди!.. И я-то хорошъ! даю тебѣ комиссію, а о твоемъ персональномъ дѣлѣ, прости, тебя и не спросилъ... Ну, что̀? Чай, все о томъ же предковскомъ дѣлѣ? Ужли не забылъ?

— Какъ забыть? Помогите, ваше сіятельство, явите божескую милость.

Миро̀вичъ поклонился.

— Совсѣмъ безъ средствъ,—сказалъ онъ:—тяжела, охъ, тяжела нищета, когда знаешь, какъ живутъ и благополучны другіе, ничтожные люди...

— Да что̀ же я, бра̀тику, подѣлаю? самъ видишь: — мы прежніе—развѣ у дѣлъ?.. Хлопочи, ищи у новыхъ. Они въ силѣ: все въ ихъ рукахъ.

— Помилуйте, графъ, одно ваше слово, намёкъ...

— Миновало, сѐрденьку, говорю тебѣ, миновало... Были у Мокея лакеи,—нынѣ жъ Мокей... самъ сталъ себѣ лакей...

— Шутите, графъ, и притомъ—кого же просить?

— Иди къ главному,—къ Григорію Григорьевичу Орлову: лично не знаетъ тебя — постарайся, черезъ его братцевъ, найти къ нему доступъ...

— Былъ ужъ у него.

— И что̀ жъ онъ?

— Не токмо отвергъ, пренебрегъ за особыя, невымышленныя, перваго ранга, услуги. Сказать ли всю истину?

Мировичъ подробно разсказалъ Разумовскому о знакомствѣ съ Орловымъ и съ его сообщниками у Дрезденши («что теперь мнѣ молчать!» — думалъ онъ); сообщилъ объ игрѣ съ наблюдавшимъ за ними Перфильевымъ и о случаѣ съ колесомъ государыниной коляски.—«Да вы думаете, что я вру? вру? — задыхаясь, блѣдными губами повторялъ Мировичъ,—ну, скажите, можно ли это выдумать? есть живые свидѣтели, ихъ можно спросить... Ужли отрекутся?..»

— Человѣческая гордыня — Араратъ гора вышиною! — презрительно сказалъ, покачавъ головой, Разумовскій: — только ни одинъ ковчегъ истиннаго людского счастья еще не приставалъ къ этой горѣ, не спасался.

— Такъ какъ же послѣ такого афронта? — продолжалъ Мировичъ: — идти ли къ графу Григорію Григорьевичу? а особливо, когда всѣ въ городѣ толкуютъ о новыхъ, сверхъобычныхъ почестяхъ, кои его ожидаютъ...

— Какія, сударь, такія еще почести?—поморщась, спросилъ графъ.

— Да о бракѣ?.. ужели не слышали?.. по примѣру, извините, вашего сіятельства...

— О бракѣ? — произнесъ, вдругъ выпрямившись, Разумовскій: — о бракѣ? такъ и ты слышалъ? Изъ решпекта и должной аттенціи къ графу Григорію Григорьевичу, я бы умолчалъ, но уповательно... нонѣшніе...

Алексѣй Григорьичъ не договорилъ. Въ кабинетъ торопливо вошелъ тотъ же степенный, залитый въ золото галуновъ и неслышно двигавшійся по коврамъ, украинецъ-камердинеръ.

— Кто? кто?—спросилъ, не разслышавъ его, Разумовскій.

— Его сіятельство, господинъ канцлеръ, графъ Михайло Ларіонычъ Воронцовъ.

Разумовскій удивленно посмотрѣлъ на дверь, потомъ на Мировича.

— Странно... сколько времени не вспоминалъ, не жаловалъ... Проси: да извинись, что, по хворобѣ, въ халатѣ — въ дезабильѣ.

Слуга хотѣлъ идти.

— Нѣтъ, стой... А ты, голубчикъ, — обратился графъ Алексѣй къ Мировичу:—все-таки вотъ тебѣ эта самая книга,

возьми ее и присядь вонъ тамъ... или, нѣтъ, лучше у моего мажордома, на антресоляхъ,—тамъ будетъ спокойнѣе. Пока приму канцлера, не откажи, будь ласковъ, сними копійку съ отмѣченнаго. Согласенъ?

— Охотно-съ.

Слуга провелъ Мировича ко входу на антресоли и поспѣшилъ въ пріемную.

Разумовскій помѣшалъ въ каминѣ, взялъ со стола книгу «Прологъ» и, усѣвшись опять въ креслѣ, развернулъ ее на колѣняхъ.—«Что значитъ этотъ нечаянный и, очевидно, не безъ цѣли визитъ?—раздумывалъ онъ,—въ пароксизмѣ лежалъ, не навѣдывался, а теперь... странно...»—Прошло нѣсколько минутъ тревожнаго, тяжелаго ожиданія.

Въ портретной, потомъ въ бильярдной, наконецъ—въ смежной, цвѣточной гостиной послышались звуки знакомыхъ, тяжелыхъ, съ перевалкой, шаговъ. Вошелъ съ портфёлью подъ мышкой, въ полной формѣ и при орденахъ, Воронцовъ.

— Чему обязанъ я, Михайло Ларіонычъ?—спросилъ Разумовскій, чуть приподнимаясь въ креслѣ навстрѣчу канцлеру:—извините, ваше сіятельство,—какъ видѣть изволите, вовсе недомогаю,—старость, недуги подходятъ.

— Э, батюшка-графъ, Алексѣй Григорьичъ,—сказалъ, склонивъ съ порога курчавую, съ большимъ покатымъ лбомъ голову и разставя руки, Воронцовъ:—всѣмъ бы намъ быть столь немощными стариками-инвалидами, какъ вы.

— Милости просимъ,—произнесъ, указавъ ему возлѣ себя кресло, Разумовскій.

— Никого нѣтъ по близости?—спросилъ, оглядываясь и садясь, канцлеръ:—могу говорить по тайности?

— Можете. Въ чемъ дѣла суть?

— Негоція первой важности, и вы, графъ, изготовьтесь услышать и, черезъ мое посредство, дать ея величеству должный и откровенный отвѣтъ.

— Я-то?—уныло, упавшимъ голосомъ, проговорилъ Разумовскій:—ну, куда, для какихъ негоцій я гожусь, отпѣтый, силъ лишенный отшельникъ?.. Вотъ книгами лишь священными питаюсь, грѣшную душу упражняю поученіями, житіями угодниковъ.

— Государыня, всемилостивѣйшая наша монархиня приказать мнѣ соизволила,—продолжалъ Воронцовъ:—изгото-

вить и вамъ по тайности показать вотъ этотъ прожектъ указа... (Онъ заглянулъ въ портфель, потянулъ-было оттуда и опять тамъ оставилъ заготовленную бумагу). Въ указѣ, государь мой, изображено, что, въ память и въ дань высокаго благоговѣнія къ почивающей въ Бозѣ, благодѣтельницѣ-тёткѣ своей, императрицѣ Елисаветъ-Петровнѣ, государыня признала за благо вамъ, сіятельный графъ, гласно и всенародно, какъ законно, хотя бы и въ тайнѣ вѣнчанному супругу покойной монархини, дать титулъ высочества...

— Что вы, что, — какъ бы въ ужасѣ, замахавъ руками, сказалъ Разумовскій: — какъ можете вы это говорить? Ну, дерзну ли? Мой Богъ! Да ужели не нашлось, кто бъ рѣшился въ томъ поперечить ея величеству?

— Я первый, коли простите, возражалъ,—сказалъ, склоняясь, канцлеръ.

— А еще кто, еще?

— И Никита Иванычъ за мной излагалъ резоны.

— Благодареніе Богу и вамъ съ Никитой Иванычемъ!— приподнявъ колпакъ и смиренно перекрестясь, сказалъ Разумовскій: — спасибо... доподлинно вы угадали мои чувства и мысли...

— Но всемилостивѣйшая государыня наша,—продолжалъ канцлеръ: — черезъ меня неуклонно и, во всякомъ случаѣ, къ тому жъ рѣшила вамъ передать еще одну, нарочитой важности, просьбу

— Какую?

— Въ иностранныхъ курантахъ и въ секретныхъ отпискахъ резидентовъ давно пущены вѣдомости, будто бы у васъ, графъ Алексѣй Григорьичъ, хранятся доподлинные, за должной скрѣпой, документы о бракѣ вашемъ съ покойной императрицей. А посему ея величество, какъ въ васъ интересуясь, поручила вамъ сообщить, чтобы вы не отказали вручить мнѣ тѣ отмѣнной важности свидѣтельства, для начертанія, на сообщенный вамъ обжектъ, законнаго и для всѣхъ очевиднаго о томъ высокомъ титулѣ указа.

— Документы, государь мой?—заторопившись, несмѣлымъ голосомъ спросилъ Разумовскій: — свидѣтельства о бракѣ моемъ ея величеству нужны?

— Такъ точно.

— Дозвольте же,—помолчавъ, продолжалъ графъ Алексѣй

Григорьичъ: — не откажите прежде и мнѣ самому просмотрѣть оный, составленный вами, набросокъ указа.

Воронцовъ почтительно подалъ ему бумагу. Разумовскій просмотрѣлъ ее, возвратилъ и, положивъ книгу на каминъ, всталъ съ кресла. Онъ медленно подошелъ къ шкапу, досталъ изъ него окованный серебромъ, чернаго дерева ларецъ, снялъ съ шеи ключъ и вынулъ изъ потайного ящика свертокъ обвитыхъ розовымъ атласомъ бумагъ. Развернувъ свертокъ, онъ оболочку его бережно спряталъ на мѣсто, а бумаги, подойдя къ окну, началъ читать съ глубокимъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ. Воронцовъ не спускалъ съ него глазъ. — «Понялъ ли, ужели все сразу понялъ?» — думалось Михайлѣ Ларіонычу.

Просмотрѣвъ бумаги, Разумовскій ихъ поцѣловалъ, взглянулъ на образъ и, возвратясь къ Воронцову, оперся о выступъ камина. Въ лицѣ Алексѣя Григорьевича изображалось неподдѣльное, сильное душевное волненіе; глаза были влажны отъ слезъ. Онъ съ минуту постоялъ, глядя въ каминъ, вздохнулъ и, перекрестившись, молча бросилъ свертокъ въ огонь.

— Я, ваше сіятельство, — сказалъ онъ, садясь: — завсегда былъ ни чѣмъ болѣе, только вѣрнымъ рабомъ покойной нашей государыни, Елисаветъ-Петровны, осыпавшей и меня своими благодѣяніями превыше заслугъ.

Канцлеръ поклонился.

— И никогда я, графъ, — слышите ли? — продолжалъ Разумовскій: — никогда не забывалъ, изъ какой доли и на какую стезю возвела меня наша монархиня. Обожалъ ее — какъ сердобольную мать, поклонялся ей — какъ благодѣтельницѣ милліоновъ, и отнюдь въ помыслахъ не дерзалъ лично сближаться съ августѣйшимъ ея царственнымъ величіемъ...

Воронцовъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Все видѣнное и слышанное превзошло его ожиданія, казалось ему сказочнымъ, несбыточнымъ сномъ.

— И вѣрьте, батюшка Михайло Ларіонычъ, — смигивая слезы и схвативъ его за руку, сказалъ былой «лемешовскій пастухъ»: — вѣрьте мнѣ, простому, нехитрому хохлу, и не сочтите за ложь и притворство... Горе великое, государь мой, горе мелкимъ случайнымъ людямъ, въ слѣпомъ, переходящемъ фаворѣ, посягать на столь смѣлыя, гибельныя

мечты... А если бъ то именно, о чемъ вы говорите, нѣкогда и было, то я отнюдь не питалъ бы дерзкой и безумной суетности признать случай,—говорю о томъ прямо,—могущій только омрачить, а отнюдь не пріумножить славу покойной государыни,—общей нашей благодѣтельницы.

— Понимаю васъ, графъ, и, дивясь вамъ, душевно поздравляю! — сказалъ, вставъ и радуясь успѣху порученія, Воронцовъ.

— Теперь вы убѣдились, сударь, — отвѣтилъ, вставъ въ свой чередъ, Разумовскій: — убѣдились, что отнынѣ нѣтъ у меня никакихъ документовъ... Доложите же о томъ ея величеству, — да продлитъ она, дарами обильная, свое благоволеніе и относительно меня, вѣрнаго своего раба... А о томъ, что сожжено, будетъ знать токмо мое сердце... Пусть люди врутъ, что имъ взбредитъ на мысли; пусть дерзновенные, — понимаете ли меня, графъ?—пусть, въ ненасытной алчности, простираютъ свои надежды къ опаснымъ, мнимымъ величіямъ... Мы съ вами, какъ истинные патріоты, какъ вѣрные отечества слуги, не должны быть причиною ихъ толковъ и пересудъ...

Воронцовъ откланялся. Его карета быстро загремѣла по Покровкѣ и далѣе ко дворцу.

Докладъ его о поѣздкѣ къ Разумовскому былъ принятъ отмѣнно-ласково. При докладѣ былъ и Григорій Орловъ.

— Мы понимаемъ другъ друга съ Алексѣемъ Григорьевичемъ, — сказала при этомъ Екатерина: — тайнаго брака покойной тетки съ графомъ никогда не было... Признаюсь, праздный шопотъ объ этомъ былъ мнѣ всегда противенъ. И не даромъ почтенный графъ отъ Разумника происходитъ, — самъ догадался меня въ столь щекотливой факціи предупредить. Иного отъ прирожденной всѣмъ малороссіанамъ самоотверженности я ожидать и не могла.

Орловъ, какъ говорили потомъ Разумовскому, вышелъ изъ кабинета государыни блѣдный, сильно-смущенный и съ заплаканными глазами.

Нескоро, по отъѣздѣ канцлера, пришелъ въ себя Разумовскій.

Онъ, свѣсивъ голову, неподвижно глядѣлъ съ кресла въ тихо мерцавшій каминъ. Мысли его были далеко: — передъ нимъ рисовалась подмосковная слобода Александровская;

онъ самъ, молодой, статный пѣвчій Алеша, ходитъ въ хороводѣ сѣнныхъ дѣвушекъ, а объ руку съ нимъ голубоглазая, съ русой пышной косой, красавица, царевна Елизавета Петровна; далѣе — Гостилицы и Аничковъ домъ, свидѣтели столькихъ лѣтъ счастья, общихъ поклоненій и почета...

Алексѣй Григорьевичъ всталъ, отеръ глаза, спряталъ ларецъ и тутъ только вспомнилъ объ офицерѣ, посланномъ на антресоли, для списыванія копіи изъ книги Маргаритъ. Онъ позвонилъ слугу. Мировичъ снова вышелъ въ кабинетъ.

— Ну, что земляче, списалъ? — спросилъ, ласково улыбнувшись, Разумовскій.

— Готово.

— Спасибо, садись, говори. Такъ какъ же, друже?.. ждешь помощи, совѣта?

— Не откажите, ваше сіятельство, замолвить слово своему братцу, гетману.

— Брату! не туда мѣтишь. Не той теперь мы оба силы. Миновало, повторяю, отжило... А вотъ что̀ тебѣ скажу. И ты, сердце, меня послушай... Поѣзжай на родину, да чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Бери отпускъ, а то и вовсе абшидъ отъ службы. Коли есть у тебя пріятели, родичъ ли, чужой, лишь бы добрый человѣкъ,—все брось—и гайда до дому... Эй, хлопче, послушай меня... ѣзжай... Есть на родинѣ, Донцѣ, пріятели?

— Есть.

— Кто?

— Въ харьковскомъ намѣстничествѣ—товарищъ по корпусу, помѣщикъ Яковъ Евстафьевичъ Данилевскій и другіе...

— Ну, и ѣзжай пока хоть къ нему.

— Но для какого жъ резону ѣхать, не кончивъ дѣла?

— Твоему отцу я когда-то говорилъ, и тебѣ тотъ же совѣтъ: похлопочи тамъ, на мѣстѣ, а не здѣсь; авось найдешь, ну, хоть какіе-нибудь письменные документы о помѣстьяхъ твоей бабки. Отыщешь, тогда можно будетъ и похлопотать, и я въ такомъ разѣ первый твой слуга. А безъ того, сердце, прямо говорю, и не надѣйся. Что̀ было, то прошло, что̀ будетъ, повидимъ. Мертваго изъ гроба не вернешь. А коли на то пошло,—то еще лучше вотъ что̀...

Разумовскій остановился, глядя въ дверь, куда ушелъ Воронцовъ.

— Ты молодъ, не глупъ, не простъ,—продолжалъ онъ:—старайся самъ себѣ проложить дорогу. Приглядывайся, ищи примѣровъ на другихъ, подражай... Брось бабьи бредни и—скажу тебѣ словами брата-гетмана—бери фортуну за чубъ... и такъ-таки... безъ церемоній и просто, за самый, то-есть, чубъ... И вѣрь, будешь при томъ такимъ же счастливымъ, какъ и всѣ... понялъ?

— Дастъ ли только фортуна взять себя? — сказалъ Мировичъ:—шутить изволите, сколько неудачъ...

— Сомнѣнія?—произнесъ, усмѣхнувшись, Разумовскій:—не хватитъ храбрости? Ну, тогда и вовсе оставайся на родинѣ... живи съ овечками, съ волами, Сѣркомъ... Эхъ-эхъ! родина, великая, вольная степь, зеленые байраки, сады, хутора!.. Ну, вѣришь ли, сердце, вѣришь? Вотъ я и графъ, и богатъ, и все, — а побей меня Богъ и наплюй ты мнѣ, какъ собачьему сыну, прямо въ глаза, коли вру... Все я, слышишь ли, готовъ бросить, все,—и почести, и богатство, и знатность, лишь бы возвратиться тѣмъ, какъ былъ, въ Козѐлецъ, въ нашу слободу Лемеши, кончить вѣкъ рядомъ съ дѣдовскими могилами, что̀ на погостѣ въ Чѐмерахъ... И знаешь ли, — можетъ опять не повѣришь, — да и какъ повѣрить?—вонъ у меня своя музыка, хоры пѣвчихъ, театръ, а я о сю пору, братъ, слышу соловьевъ да жаворонковъ, что̀ пѣли когда-то по зарямъ, въ отцовскихъ и дѣдовскихъ нашихъ тихихъ садахъ.

Разумовскій закрылъ лицо. Серебрившаяся сѣдиной, ненапудренная его голова упала на бѣлыя, похудѣлыя руки. Слезы изъ-подъ пальцевъ закапали на голубой, бархатный халатъ.

Мировичъ принялъ совѣтъ графа Алексѣя Григорьевича. Снабженный щедрымъ его пособіемъ, онъ взялъ отъ коллегіи полугодовой отпускъ и, въ половинѣ іюня 1763 г., по домашнимъ дѣламъ, уѣхалъ сперва къ пріятелю Якову Евстафьевичу, въ изюмскій, потомъ въ переяславскій уѣздъ. Передъ выѣздомъ на родину, онъ получилъ письмо изъ Петербурга отъ Ушакова, гдѣ тотъ, между прочими новостями, извѣщалъ его, что Поликсена, какъ передали Птицыны, оказалась на Оренбургской линіи, гдѣ проживала при дѣтяхъ, высланнаго въ коменданты Татищевой крѣпости, князя Чурмантѣева.

XXVIII.

Кумова пасѣка.

И снова родина, синій вольный Днѣпръ, лѣсистый берегъ впадающаго въ него Трубежа.

Тянутся вверхъ и внизъ по Трубежу кленовыя и липовыя дебри, красно и сѣроглинистые яры, поемные луга, полные дичи и рыбъ, заливы и озера. Вотъ Барышевка, а вотъ, за Сулимовкой, не доѣзжая Остролучья, въ зеленой дремучей яворщинѣ, и кумова пасѣка!

Узналъ ее Мировичъ. Какъ поставилъ кумъ внизу,—край долины, у Трубежа,—свой пчельникъ, такъ онъ здѣсь многіе годы и стоитъ. А на горѣ село Липовый-Кутъ, бывшее когда-то за предками Мировича. Отъ рѣки видна трехглавая церковь, вправо и влѣво сады и бѣлыя хаты поселка. Тамъ, гдѣ старая дуплистая верба и съ почернѣлымъ журавлемъ колодецъ, видны ворота и трубы кумовой хаты. Зиму кумъ Майстрюкъ, занимаясь бондарствомъ, живетъ вверху на селѣ, съ весны откочевываетъ внизъ на лугъ у Трубежа. Пчелъ на пасѣкѣ и сѣдины въ усахъ и на головѣ кума прибавилось; но все тотъ же онъ и та же, на лугу, въ тѣнистой, зеленой яворщинѣ его пасѣка.

Сильно обрадовался Данило Тарасовичъ сыну покойнаго кума, Якова Мировича. Не зналъ, куда посадить гостя. Хотя и дошли къ нему слухи, что Василій Мировичъ уже офицеръ, но, при видѣ его, онъ смѣшался и не сразу призналъ въ немъ того заморыша-мальчонку, который босикомъ когда-то бѣгалъ со двора его въ лѣсъ, строгалъ веретена и дудки и пѣлъ въ церкви съ дьячкомъ. Мировичъ зашелъ въ хату Данилы, увидѣлъ тамъ его «старую», сѣдую Улиту, увидѣлъ у воротъ дуплистую вербу и колодецъ съ журавлемъ. Прошелъ онъ на выгонъ и къ церкви, въ оградѣ которой когда-то онъ игралъ съ ребятишками; отыскалъ на кладбищѣ крестъ надъ могилой отца, и долго тутъ стоялъ, повѣся голову и думая. Когда же онъ, знакомой тропинкой, спустился въ лѣсъ, увидѣлъ спрятанный въ гущинѣ дубовъ и яворовъ, плетеный, мазаный глиной шалашъ и ряды покрытыхъ лубками ульевъ, когда услышалъ гудѣнье пчелъ, крикъ удодовъ, горлинокъ и коростелей, — сердце его сжалось, и радостныя, теплыя, давно неиспытанныя слезы побѣжали изъ его глазъ.

Дѣдъ Данило угостилъ Мировича, далъ ему отдохнуть съ дороги и сталъ разспрашивать объ ученіи, о службѣ и обо всемъ его прошломъ.— «А ходи, братику, сюда», — робко и ласково сказалъ дѣдъ, введя его въ чистую горенку, прилѣпленную сзади шалаша, гдѣ, подъ образомъ, на выбѣленной стѣнѣ, были развѣшаны пучки травъ, чистое полотенце, глиняная кадильничка и съ кропиломъ кубышка святой воды. Тутъ же въ мѣшкѣ висѣло что-то запыленное, круглое.

— Узнаёшь? — снимая мѣшокъ, спросилъ Майстрюкъ:— это твой торбанъ:— ты на немъ игралъ и съ нимъ царицѣ пѣлъ пѣсни... А собака Сѣрко—помнишь, хоть и пропала— вонъ его сынъ, — прибавилъ Данило, указывая на стараго, косматаго и тоже сѣраго пса: — уже и этотъ состарился... Ну, говори, зачѣмъ же ты пріѣхалъ въ наши мѣста?

Мировичъ разсказалъ Данилѣ цѣль своего пріѣзда, сходилъ съ нимъ на совѣтъ къ священнику, а вскорѣ съѣздилъ въ Переяславъ и въ Полтаву, условился съ судейскими крючками и подалъ, куда слѣдуетъ, составленныя прошенія о розысканіи нужныхъ документовъ. Въ Пирятинѣ, по указанію Майстрюка, проживалъ нѣкій его дальній родичъ, отставной повытчикъ, Григорій Мировичъ. Онъ его и навѣстилъ. Старый, съ сизымъ носомъ, повытчикъ объявился ему дядей, доложилъ, что знаетъ всѣхъ повѣтовыхъ и губернскихъ «судовыхъ», и вызвался за него хлопотать. Мировичъ выдалъ ему довѣренность и все, что оставалось у него денегъ, а самъ поспѣшилъ въ Липовый-Кутъ. Ему были противны духота, пыль и толкотня грязныхъ, наполненныхъ дегтемъ, рогожками и жидами городовъ, и наглыя, жадныя рѣчи и рожи пьяныхъ судейскихъ строчилъ. Его манило снова и непреодолимо въ лѣсъ, въ пчельникъ, къ иволгамъ, горлинкамъ и коростелямъ.—«Будь, что будетъ,— думалъ онъ, — и долго ли протянется, — а такого рая мнѣ больше не найти».

Прошелъ августъ, кончался сентябрь. Лѣса изъ зеленыхъ становились красными и золотыми. Пчелы еще взлетали межъ ульями, но ихъ уже не было почти слышно. Собиралась отлетными большими стаями рѣчная и лѣсная дичь. По зарямъ, въ голубой выси, тянулись къ морю крылатыя полчища. Лѣсъ и долина смолкли. Слышалось только шуршаніе желтѣвшихъ, махровыхъ кистей камыша, да падающей въ тишинѣ древесной листвы.

Майстрюкъ къ Покрову повезъ на продажу въ городъ собранный медъ. Съ гостемъ на пасѣкѣ остался его старый подслѣповатый наймитъ. Мировичъ ходилъ прежде по лѣсу и за рѣку на село. Теперь онъ больше сидѣлъ подъ шалашомъ, или лежалъ на душистомъ сѣнѣ въ горенкѣ, гдѣ висѣлъ торбанъ. Лежалъ онъ и думалъ о прошломъ, о томъ, что̀ онъ испыталъ, и что̀ было далеко, за порогомъ этого шалаша. Онъ зналъ, что жизнь ему не удалась; что ученье, служба не привели его къ желаемому счастью. Случай, фаворъ? Да за одну крупицу изъ того, что̀ такъ нежданно выпадало ему на долю,—не обернись колесо фортуны и не будь люди такъ злы, — другіе вотъ какъ бы вознеслись... Командировка отъ Панина, личное вниманіе къ нему, замѣтившаго его, покойнаго государя... а знакомство съ Орловымъ, порученіе къ Перфильеву? а случай съ колесомъ... вѣдь это все было. Да отчего жъ онъ попрежнему безвѣстенъ, жалокъ и бѣденъ? отчего не въ высшемъ рангѣ, не знатенъ, лежитъ здѣсь на сѣнѣ, въ плетеномъ, соломенномъ шалашѣ? И она—властительница сердца—недоступная, гордая, злая!—и она, при ласкѣ фортуны, иначе бы къ нему отнеслась...

Миро̀вичъ закрывалъ глаза, старался забыться, не мыслить ни о чемъ. Рядъ дорогихъ, дразнившихъ воспоминаній вставалъ передъ нимъ. Театръ въ Гостилицахъ, первое объясненіе, писанье мадригаловъ, встрѣчи у знакомыхъ, разлука, переписка изъ заграничнаго похода и новая встрѣча въ Шлиссельбургѣ. Онъ пытался думать о своемъ дѣлѣ, какъ найдетъ онъ главныя нужныя бумаги, какъ получитъ слѣдующее ему по праву, станетъ богатъ и дастъ знать Поликсенѣ, что теперь онъ безъ стѣсненія можетъ предложить ей руку и сердце. Онъ устремлялъ свои мысли къ суду, къ дядѣ Григорію, къ Якову Евстафьевичу и его мирному хутору на Донцѣ, гдѣ тотъ жилъ съ молодою женой и новорожденнымъ сыномъ, а изъ-за нихъ, противъ его воли, выплывалъ и дразнилъ его злой и гордый образъ далекой волшебницы.

Въ половинѣ сентября Миро̀вичъ сходилъ къ священнику, попросилъ бумаги и послалъ на почту два письма. Одно было къ корпусному товарищу, Якову Евстафьевичу, съ извѣщеніемъ, что онъ думаетъ опять заѣхать къ нему въ харьковское намѣстничество. На другомъ письмѣ была

надпись: «Оренбургской линіи, въ крѣпость Татищеву». То было письмо къ Пчёлкиной. Мировичъ ей сообщилъ, гдѣ и почему онъ теперь находится, умолялъ ее отозваться хоть словомъ и прибавилъ, что если она оставитъ это послѣднее обращеніе къ ней безъ вниманія, онъ сочтетъ, что между ними все и навсегда кончено. Отвѣта не приходило. Мировичъ ждалъ и, теряя терпѣніе, окончательно убѣждался въ своемъ предчувствіи. Забывъ о пищѣ, лишенный сна, онъ лежалъ въ пчельникѣ и не спускалъ съ тропинки упорныхъ, сердито-напряженныхъ глазъ; ждалъ, что вотъ-вотъ явится желанный отвѣтъ. Работникъ Данилы, охая и ворча подъ носъ, слѣдилъ за тѣмъ, что̀ сталось съ гостемъ.— «Обидѣли малаго, — разсуждалъ онъ: — замолчали судовые аспиды, не выходитъ ему рѣшенія». — Не подавалъ о себѣ вѣсти и повытчикъ, дядя Григорій.

Однажды, то было въ началѣ октября, стояли превосходные, чисто малорусскіе осенніе дни, ясные, сухіе и теплые, какъ въ маѣ. Безоблачная синева высилась надъ тихими, па̀хнувшими чебрецо̀мъ и калу̀феромъ дебрями, надъ просохшими, усѣянными лиловыми головками дикаго лука, лугами. По лѣсу тянулись нити налетавшей съ полей бродячей паутины. Все было чутко, все сверкало и млѣло подъ послѣдними лучами щедраго, не высоко стоявшаго солнца.

Большая муха, звонко жужжа, билась въ сѣткѣ паука, межъ пучками цвѣтовъ, висѣвшихъ на стѣнѣ пчельника. Мышь, шелестя, пробиралась гдѣ-то въ соломенной крышѣ. Мировичъ, закинувъ руки на голову, лежалъ на притоптанномъ сѣнѣ, въ углу горенки подъ торбаномъ. Мысли съ невѣроятной быстротой мѣнялись, проходили въ его душѣ.

«Болото, тина, глубь рѣки, — разсуждалъ онъ о видѣнныхъ имъ го̀родахъ и мѣстечкахъ родины:—ничего-то, какъ есть ничего тутъ не знаютъ и знать, какъ видно, не хотятъ изъ того, что̀ дѣлается тамъ, наверху, гдѣ воля, жизнь и свѣтъ!—Заговорилъ я о столицахъ, — зѣваютъ только, да вздыхаютъ, поглядывая на закуски и графинчики, какъ бы кто скорѣй опять догадался предложить по маленькой. О событіяхъ дворскихъ ни гу-гу... Про столь важную перемѣну, всколыхавшую обѣ резиденціи, слышали одни кончики, ничтожные пустые обрывки, либо чистый, глупый вздоръ,— тотъ-де вонъ оттого повысился, этому дали красную, а тому

«блакитную»—голубую ленту. Я о масонахъ, а они о ярмонкѣ, о волахъ, да о всходахъ озимей. Упомянулъ я о принцѣ Іоаннѣ... и существованія его не подозрѣваютъ, имени его не слыхивали. Боже! ужели мнѣ сюда навѣкъ, въ эту глубину, на илистое дно? Отчего жъ нѣтъ? Обстригу косу и букли, запущу бороду, поселюсь тутъ на пасѣкѣ,—кстати же Данило Тарасовичъ полюбилъ меня и зоветъ къ себѣ въ пріймы; къ Якову Евстафьичу навѣдаюся—какъ-то онъ копается, трудится, съ своимъ хозяйствомъ, съ долгами?—и никогда отсюда, отъ пчелъ, отъ овецъ, воловъ и отъ этой яворщины—ни ногой. Здѣсь настоящій, предопредѣленный людямъ Соломоновъ храмъ жизни; здѣсь вѣковѣчное, истинное счастье»...

Въ горенку, гдѣ лежалъ Мировичъ, вошелъ работникъ священника.—«Батюшка ѣздилъ въ Переяславъ,—сказалъ онъ:—и привезъ вашей милости съ почты письмо».

Мировичъ бросился съ пакетомъ къ узенькому оконцу. То былъ отвѣтъ отъ Поликсены. Она сообщала изъ Сакмарскаго городка, что ихъ туда перевели изъ Татищевой, что она, попрежнему, его помнитъ и ему сочувствуетъ, но мысли ея не измѣнились: она проситъ ее оставить въ покоѣ:

«Жизнь ваша во всякомъ разѣ сноснѣе моей,—писала Пчёлкина:—вы на родинѣ, среди ближнихъ, если не кровныхъ; у васъ хоть это есть, у меня и того нѣтъ. Я на границѣ свѣта, среди дикарей, хищниковъ, изверговъ. Грубые, злые киргизы и казацкіе раскольщики,—люди ли это, или худшіе изъ звѣрей?—бунтуютъ, грабятъ и даже рѣжутъ посланныхъ имъ начальниковъ. Того и гляди вспыхнетъ поголовное возстаніе... Князь Чурмантѣевъ просится отсюда, его не пускаютъ. Уже давно здѣсь ждутъ, что всѣхъ истребятъ. Ни человѣческой рѣчи, ни книгъ, ни малѣйшей надежды на выходъ отселева, хоть бы въ Яицкъ, въ Оренбургъ. Но я не падаю духомъ. И хоть бы еще тяжеле и хуже было, меня не вынутъ ни изъ петли, ни изъ омута. Зоветъ меня тотъ самый польскій знатный гусаръ, о коемъ вы намекаете, ревнуя,—предлагаетъ отъ дяди мѣсто воспитательницы къ одной малолѣтней, важнаго ранга, особѣ, проживающей въ Италіи... Понимаете? въ Италію изъ Сакмарскаго городка, гдѣ кирпичный чай съ саломъ—роскошь и гдѣ по мѣсяцамъ не знаешь, что дѣлается на свѣтѣ. И все-таки я не поѣду,—что за дѣло до того, что персону, къ

коей меня зовутъ, ожидаетъ, какъ слышно, высокая судьба? Одна дочь князя умерла отъ оспы, я живу при другой, хворой и слабой. Ахъ, что за милое, кроткое дитя. У меня есть цѣль. А вы? Вѣрю въ доброту вашу, преданность, но простите—не вѣрю, чтобъ у васъ хватило духа даже на то, о чемъ пишете, — изъ недовольства судьбой,— остаться навѣкъ въ скромной, безвѣстной долѣ селянина. У такихъ не хватитъ духа. Вы будете сомнѣваться, упражнять, мучить себя горькими, тяжелыми мыслями, философствовать, — но сдѣлать... это извините, не вашъ удѣлъ... Надо много воли. Читала я когда-то о древнихъ вѣкахъ, какъ сильные духомъ простые люди, жители деревень, рыбаки, пастухи, увидѣвъ сонъ, что имъ быть наверху славы, устремлялись къ ней и покоряли судьбу—становились полководцами, избавителями странъ, царями. Ахъ, то было давно и забыто всѣми... Отчего люди стали такъ мелки, слабы душой?»

«Такъ вотъ, змѣёнышъ, скорпіонъ! — вотъ куда ударила она!—скомкавъ письмо, вскрикнулъ Мировичъ:— безсердечная, себялюбивая злюка!.. только прикидывается, что заботится, мыслитъ о другихъ. Вотъ, гдѣ высказался завистливый, скрытный подкидышъ, сорочье дитё! Я тебѣ этого не забуду!.. и все ты мнѣ, все выкупишь!»

Бѣшенство овладѣло Мировичемъ. Съ блѣднымъ отъ злости, искривленнымъ лицомъ, съ похолодѣлыми руками и ногами, онъ схватилъ шляпу, дрожа, вышелъ изъ пчельника и бросился въ чащу лѣса.

Старая, лохматая собака за нимъ. Солнце клонилось къ закату, тѣни сгущались. Онъ, дико озираясь, шагалъ по валежнику, по лугамъ. — «Такъ я только говорить, а не дѣлать? — захлебываясь, въ смертельной мукѣ, шепталъ онъ спекшимися, сложенными въ безобразную усмѣшку, губами: — такъ философствовать только, а отъ дѣла бѣгать? Что же, я мошка, что ли, ничтожная, послѣдній, подлый муравей?—дико вскрикнулъ онъ, пробираясь сквозь гущину вѣтвей и, съ скрежетомъ зубовъ, радостно топча встрѣченную муравьиную кочку: — я не въ счету, рядовой, коихъ тысячами шлютъ подъ пушки и въ регистры, въ исторію не вносятъ? А она — и впрямь, что ли, Дашкова? Дудки, сударыня... Не добился я почестей, богатства, не на что вамъ фалбары, да парчи, да левантины и всякіе дородоры выписывать, такъ вы меня и въ спину, въ спину!.. Про-

клятая модница, искусительница, дьяволъ въ образѣ женщины-волшебницы... Ну тебя къ дьяволу, съ твоей красой и со всѣми чертями! не хочу я знать тебя... плюю, тьфу!»

Съ дрожью отъ бѣшенства и жажды отпора и мести, вышелъ Мировичъ на открытый лужокъ. Здѣсь стемнѣло. Только верхи прибрежныхъ къ Трубежу холмовъ были еще пышно освѣщены. А на самой кручѣ высокаго, изрытаго водомоинами, взгорья стоялъ, весь залитой яркими лучами зари, Липовый-Кутъ; трехглавая на выгонѣ церковь, ряды бѣлыхъ, межъ садами, хатъ, за церковью барская, теперь чужая, когда-то родная Мировичу, усадьба.

Долго смотрѣлъ Мировичъ на церковь, на гору и на село. Крестъ на колокольнѣ погасъ. Сумерки покрыли поселокъ и зеленые по Трубежу холмы и яры. Онъ не замѣчалъ комаровъ и мошекъ, кусавшихъ ему руки и лицо, обернулся, хотѣлъ идти и вдругъ судорожно, громко захохоталъ.— «Подлецъ я, жадный и низкій подлецъ!—болѣзненно до слезъ задыхался онъ:—ропщу и сѣтую,—на что же?—что не отдаютъ мнѣ того, чего у меня и не было! деревушки, клочка земли! А онъ, далекій, видѣнный мною затворникъ? Онъ— царственный узникъ? Его доля какова? И мнѣ ли, мнѣ ли сравниться съ нимъ? У него былъ вѣнецъ, царство—да какое!—и его свергли, заточили, держатъ подъ замкомъ, взаперти... Ужасъ, люди, ужасъ!»

Двое сутокъ Мировичъ пропадалъ безъ вѣсти. Наймитъ Данилы хотѣлъ уже о немъ подавать явку комиссару. На третьи сутки вечеромъ гость возвратился немытый, всклоченный, съ разорванной обувью, въ грязи. Усталая, еле двигавшая ногами собака плелась за нимъ. Онъ жадно закусилъ хлѣбомъ съ крынкой молока, бросилъ корку собакѣ, освѣдомился, возвратился ли Данило, мрачно посидѣлъ подъ навѣсомъ у порога и бросился на сѣно въ шалашъ.—«Загулялъ съ горя, пить сталъ по шинкамъ»,—подумалъ о немъ работникъ Данилы.

Мировичъ опять лежалъ въ горенкѣ и, глядя въ уголъ потолка, прислушивался, не жужжитъ ли муха, не шмыгнетъ ли въ соломѣ мышь? И снова, чуть закрывалъ онъ глаза, передъ нимъ было темное взморье, барка съ мертвенно-опущенными парусами, испуганныя лица путниковъ и часовой на бѣло-песчаномъ мыску. Грохотъ барабановъ, музыка раздавались въ ушахъ, колокольный звонъ и крики

ура.—«Не дѣлать, философствовать вашъ удѣлъ... Пастухи, рыбаки властелинами дѣлались, міръ освобождали... въ Италію зовутъ, а я отъ бѣдной, хворой дѣвочки не отхожу,—кирпичный чай,—изъ петли не вынутъ, изъ омута...»

Ночью Мировичу приснился сонъ: народное ликованіе, стрѣльба изъ пушекъ и во всѣхъ концахъ колокольный набатъ. Многолюдная, радостная толпа — мѣщане, солдаты, чернь и сановники—несутъ на рукахъ отбитаго изъ тюрьмы узника. Принцъ Іоаннъ, блѣдный, съ кроткою сіяющею улыбкой, сидитъ на носилкахъ. Голова его въ коронѣ; въ рукахъ разбитыя цѣпи и листъ бумаги. Знамена вѣютъ. За криками не слышно, что̀ онъ говоритъ. А онъ машетъ цѣпями и бумагой, кланяется и счастливыми, сіяющими глазами ищетъ кого-то въ толпѣ.—«Вотъ онъ, вотъ твой освободитель!—кричатъ, указывая ему Мировича:—впередъ его, впередъ... хартію ему, хартію...»

Въ страхѣ очнулся и вскинулся на сѣнѣ Мировичъ. Лихорадка била его. Зубъ не попадалъ на зубъ. Въ ушахъ отдавались громкіе крики: «впередъ его, впередъ!» — Отъ глазъ не отходилъ взволнованный блѣдный образъ отбитаго изъ тюрьмы узника.

«Ты мечтаешь о славѣ Дашковой,—въ ознобѣ непреодолимаго сладкаго ужаса, проговорилъ Мировичъ: — *тебѣ* не удалось... А что̀, коли *мнѣ* удастся стать Орловымъ?.. Ты меня тогда обидѣла, обижала, не разъ и я клялся, что ты мнѣ выкупишь тѣ слова... Время настало...»

То, что̀ подумалъ и впервые выговорилъ себѣ Мировичъ, было до того нежданно, сказочно, страшно, что онъ, поднявшись и нащупавъ въ потемкахъ дверь, босикомъ, въ одномъ бѣльѣ, вышелъ изъ шалаша. Ночь стояла темная, безъ мѣсяца. Небо слабо мерцало звѣздами. Вокругъ, въ лѣсу и за рѣкой, была полная тишина. Мировичъ въ забытьѣ, въ полуснѣ, глядѣлъ съ порога, прислушивался. Холодъ и сырость охватили его, заставили опомниться. Онъ взялся за косякъ двери, думалъ уже возвратиться, и вдругъ окаменѣлъ... Гдѣ-то, въ лѣсной чащѣ, у Трубежа, далеко-далеко послышался возгласъ или стонъ: ой! — раздался въ тишинѣ какъ бы крикъ ночной птицы или человѣка — ой! ой!—повторилъ вблизи и вдали, точно охнула, уныло простонала пробужденная окрестность...

«Собака стонетъ? Нѣтъ, то *его* голосъ... то *онъ* меня зо-

ветъ!.. — въ суевѣрномъ страхѣ сказалъ себѣ Мировичъ: — онъ, онъ, принцъ Іоаннъ! И какъ я забылъ, какъ могъ забыть, когда далъ слово, тайно отъ всѣхъ ему поклялся? Я далъ тогда обѣтъ, — если онъ попрежнему будетъ несчастенъ и нуждается во мнѣ, — явиться къ нему, положить за него голову. Голову... ну, я легко еще ея не отдамъ; а что до обѣта, онъ исполнится свято...»

...«Горе, горе вамъ, мытари, фарисеи! воздвигну мертвую тѣнь, призракъ... сотворю судъ пришельцу!» — задыхаясь, повторялъ Мировичъ мстительныя, торжествующія слова.

Наутро возвратился Майстрюкъ. Онъ привезъ изъ Переяслава цидулку отъ дяди Мировича. Дядя опять требовалъ денегъ, безъ того—писалъ—въ судъ хоть и не кажись. Пожилъ Мировичъ еще съ недѣлю у Данилы, раздобылъ у него и у сосѣдей, въ счетъ будущаго наслѣдства, нужную сумму и поѣхалъ съ нимъ въ городъ. Дядю Григорья нашли пьянаго въ жидовской корчмѣ. Онъ растратилъ всѣ деньги и пилъ теперь на послѣднюю, заложенную одежёнку.—«Ты не смотри, сударь, — говорилъ отставной повытчикъ: — не смотри, что я пьянъ... Я, сударь, все крапивное зелье знаю, бо и самъ я съ того зелья выросъ и имъ орудую...»

Бросился Мировичъ лично опять въ уѣздный, а потомъ и въ губернскій архивы, платилъ, кланялся «судовымъ». Все было тщетно. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ.

— Простите же, Данило Тарасовичъ, — сказалъ онъ на разставаньѣ Майстрюку: — попроси и людей простить, что завезу до времени ваши деньги. Коли не смилуется сама царица, къ ней теперь дойду, — то не погнѣвайтесь, обождите, — изъ жалованья, хоть по малу, а выплачу этотъ долгъ.—«Боже тебѣ помоги,—отвѣтилъ, кланяясь, Данило:— съ отцомъ твоимъ и я, и тѣ люди были въ дружбѣ, — хорошій былъ человѣкъ,—и ты насъ не поминай лихомъ».— По пути Мировичъ заѣхалъ къ школьному товарищу, Якову Евстафьевичу, въ село Пришибъ, изюмскаго уѣзда, но былъ тамъ недолго. Пріятель-украинецъ и его молодая жена были изумлены разсѣянностью и мрачною молчаливостью гостя, который болѣе бродилъ въ полѣ и по сугробамъ въ лѣсу, на Донцѣ, чѣмъ сидѣлъ въ тепломъ, новомъ домѣ знакомцевъ, слушая ихъ мирныя рѣчи о мирныхъ домашнихъ дѣлахъ. Яковъ Евстафьевичъ собирался въ будущую

осень, по какой-то тяжбѣ, въ сѣверную столицу. Они условились повидаться.

Въ исходѣ декабря, Мировичъ, съ письменною челобитной за себя, за сестеръ и за дядю Григорія, пріѣхалъ въ Петербургъ.

Въ челобитной просители говорили, что «двадцат лѣтъ назадъ, ихъ бабка, полковница Пелагея Захаровна Мировичка, урожденная Голубина, съ дѣтьми и внуками, въ послѣдній разъ просила покойную государыню Елисавету Петровну о возвратѣ ей отписанныхъ у нея, за проступокъ ея деверя, жалованныхъ ея отцу и ею лично купленныхъ въ переяславскомъ полку деревень, и что сенатъ, разсмотрѣвъ то ходатайство, опредѣлилъ, — купленныя угодья отдать ей обратно, а о пожалованныхъ особо доложить государынѣ,— но токмо это дѣло ихъ и понынѣ еще не рѣшено».

Челобитную Мировичъ подалъ Екатеринѣ, черезъ Теплова, десятаго января 1764 года. Пятаго февраля на нее послѣдовала резолюція: «отослать на разсмотрѣніе сенату». Сенатъ вновь рѣшилъ: «отдачи не чинить»; а тринадцатаго апрѣля Екатерина, на докладѣ о томъ, подписала конфирмацію: «По прописанному здѣсь просители никакого права не имѣютъ, и для того надлежитъ сенату имъ отказать».

Узнавъ объ исходѣ дѣла, Мировичъ въ Царскомъ Селѣ лично подалъ новую челобитную императрицѣ, гдѣ опять подробно прописалъ всѣ обстоятельства и, сославшись на то, что самъ онъ кое-какъ еще можетъ питаться, такъ какъ получаетъ за службу жалованье—«исключа же себя»—просилъ токмо за трехъ своихъ неимущихъ сестеръ, для необходимостей коихъ утруждалъ о дачѣ имъ на прокормленіе «хотя бы *пенцыона* изъ доказаннаго всюду великодушія ея величества».

Подъ первою, январьскою, челобитной Мировичъ подписался подпоручикомъ прежняго, нарвскаго пѣхотнаго полка; подъ апрѣльскою — тѣмъ же чиномъ, но ужъ смоленскаго полка, стоявшаго въ то время въ Шлиссельбургѣ.

Онъ перешелъ въ этотъ полкъ въ первыхъ числахъ марта.

XXIX.

Въ Казанскомъ соборѣ.

Съ возвратомъ изъ Малороссіи, Мировичъ почти ужъ не приходилъ въ себя, — былъ постоянно въ возбужденномъ,

лихорадочномъ состояніи. Неуспѣхъ хлопотъ по дѣлу сильно его раздражалъ.

Его движенія стали угловаты, рѣзки, голосъ отрывистъ и грубъ; въ глазахъ не угасалъ странный, блуждающій огонь. Онъ то сидѣлъ по часамъ, нахмурившись, вяло отвѣчалъ на обращаемые къ нему вопросы, то вдругъ неестественно оживлялся, говорилъ порывисто, хотя грубо, и вдругъ прерывая, точно отрѣзывая начатый разговоръ, схватывалъ шляпу и уходилъ, какъ бы торопясь куда-то, трепеща къ кому-то опоздать. Перешелъ онъ въ смоленскій полкъ, благодаря поддержкѣ бывшаго своего начальника, Петра Иваныча Панина. Панинъ былъ теперь сенаторомъ и, опять допустивъ къ себѣ и выслушавъ Мировича, весьма сочувственно отнесся къ его дѣлу. Подавъ прошеніе, Мировичъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Гатчину, гдѣ Панинъ, въ ожиданіи отдѣлки пожалованнаго ему петербургскаго дома, жилъ все лѣто съ племянницей своей, Дашковой. Однажды, при входѣ къ нему, Мировичъ изъ пріемной услышалъ конецъ ихъ разговора.

— Безграмотные нынѣ жалуются въ умники, — говорила Дашкова: — вашъ аглицкій клобъ имъ потакаетъ безъ censure...

— Ну что жъ, матушка, дѣлать,—отвѣтилъ Петръ Иванычъ:—зло преужасно, ухъ, велико! скареды и срамцы сидятъ по норамъ, да знай пишутъ страшные репорты, ну, и держатся.

— Вотъ бы на нихъ Иванушку выпустить... — сказала Дашкова.

— Куда! опять инструкція дана коменданту,—возразилъ Панинъ:—буде дерзнетъ сильная рука,—арестанта велѣно живымъ не выпускать. Монашескій чинъ ему предложили принять, не хочетъ, страшится Святаго Духа, все та же исторія—онъ-де безплотный.

Голоса смолкли. Дашкова ушла.

На новую жалобу Мировича, что по его челобитной въ сенатѣ не хотятъ толкомъ собирать справокъ, а такъ, по прошлымъ примѣрамъ, ведутъ дѣло наобумъ, Панинъ не утерпѣлъ и разразился осужденіями.

— Свинство, позоръ! — сказалъ онъ: — однимъ гребнемъ всѣ чесаны... Сенаторыжъ наши,—нешто ты не знаешь,— лишь отголосокъ капризовъ генералъ-прокурора. Одна надежда на государыню; ее проси...

Получивъ отказъ и на второе прошеніе, Мировичъ нѣсколько дней былъ какъ потерянный, — велъ съ первыхъ чиселъ апрѣля жизнь бродячую, разсѣянную, сталъ опять посѣщать трактиры, герберги, навернулся къ Амбахаршѣ и къ отставному майору Павлинову, снявшему вольный домъ, умершей въ минувшее лѣто, Дрезденши.

Завитой и распомаженный, съ сверкавшими, точно хмельными глазами, онъ показался нѣсколько разъ и въ модной толпѣ по Невскому. Но гдѣ онъ имѣлъ пріютъ, гдѣ спалъ, гдѣ харчился, — никто не зналъ. Деньги, привезенныя съ родины, приходили къ концу. Надо было снова приниматься за службу, къ новому начальству явиться. Въ другое время это бы его тяготило. Теперь на душѣ его стало вдругъ почему-то беззаботно, легко; пустота, тишина низошли туда, точно веселый, легкій вѣтеръ перепархивалъ тамъ по гладкому, цвѣтущему полю. Въ такомъ видѣ его встрѣтилъ, въ началѣ мая, у подъѣзда опернаго театра, Ушаковъ. Онъ не могъ надивиться настроенію Василія Яковлевича.

— Проигралъ дѣло, а веселишься, не унываешь, — сказалъ ему Ушаковъ, самъ прогорѣвшій опять, въ это время, въ кутежѣ съ какими-то матушкиными сынками.

— Жить—умереть, не жить—умереть!—отвѣтилъ, громко засмѣявшись, Мировичъ любимой поговоркой самого Ушакова.

Вечеромъ, девятаго мая, въ Николинъ день, Мировичъ подъѣхалъ къ квартирѣ Ушакова. Подъ гнетомъ теперешнихъ своихъ, особенно тяжкихъ, обстоятельствъ, Аполлонъ Ильичъ рѣшилъ, наконецъ, выйти въ отставку и уѣхать куда-то за Москву, гдѣ ему купчиха-кума обѣщала сосватать богатую невѣсту. Полкъ, въ которомъ онъ служилъ, стоялъ въ Петербургѣ, и самъ онъ, кое-какъ перебиваясь, проживалъ въ той же квартирѣ, подъ Смольнымъ, гдѣ два года назадъ его искалъ Мировичъ, въ памятный вечеръ передъ переворотомъ.

— Ты въ отставку? — спросилъ его Мировичъ, непріятнымъ, пытливымъ взоромъ окидывая комнату и мрачно садясь противъ него, у стола.

— Въ отставку; что подѣлаешь, нечѣмъ жить,—отвѣтилъ Ушаковъ:—хочешь пивца? выпьемъ...

— Вздоръ, не выходи изъ службы,—сказалъ рѣшительно, упершись въ него смѣлымъ, вызывающимъ взоромъ, Миро-

вичъ:—наши дѣла вотъ какъ въ скорости поднимутся, расцвѣтутъ!

— Отчего жъ имъ подняться?—спросилъ, глядя на гостя, Ушаковъ:—какіе такіе кудесники тебѣ нагадали?

— Баста! баста!—съ приливомъ злобы, бѣшено крикнулъ Мировичъ, ударивъ кулакомъ по столу: — слышишь ли?— конецъ! не шути! Мы не пѣшки, вотъ что, не прахъ, не муравьи... Отчего гвардейскимъ молодчикамъ, шаркунамъ-полотерамъ, — продолжалъ онъ, страшно торопясь и сбиваясь: — отчего доступъ всюду, во дворецъ и въ эрмитажный, въ присутствіи государыни, оперный театръ? а насъ, армейцевъ, туда не пускаютъ? Отчего по службѣ, въ полкахъ, офицеровъ — изъ природныхъ дворянъ заурядъ равняютъ съ разночинцами? а? а? Отчего мнѣ на челобитную опять отвѣчено: довольствоваться, молъ, прежнею резолюціей?

— Да что ты, непутный, хочешь тѣмъ сказать?—несмѣло произнесъ, вглядываясь въ него, Ушаковъ.

— Непутный?.. баста, говорю! — вскричалъ, снова возвышая голосъ, Мировичъ:—надо теперь приняться съ иного конца...

— Съ какого?

— Молчи, скотина... и чего ты тянешь, тарантишь, проклятая таранта? слушай и поучайся...

Ушаковъ молча глядѣлъ, думая: «съ ума ли онъ спятилъ, или пьянъ?»—Мировичъ также безмолвствовалъ. Было только слышно, какъ онъ дышалъ раздражительно и тяжело. И вдругъ, нагнувшись плечомъ къ Ушакову, онъ придвинулся къ нему вплоть и началъ ему что-то шептать, съ блѣдной, искривленной улыбкой.

— Не слышу,—сказалъ со страхомъ Аполлонъ Ильичъ.

— Освобожу... возведу! — съ неудержимой дрожью, стискивая постукивавшіе зубы, говорилъ Мировичъ въ лицо изумленному Ушакову: — я рѣшился еще перваго апрѣля— перваго апрѣля, ты знаешь — обманъ, но я рѣшился... покончимъ сразу, однимъ махомъ,—все... все...

— Что кончимъ?—опять спросилъ Ушаковъ.

— Я перешелъ въ смоленскій полкъ...

— Ну, знаю; Панинъ помогъ, ты у него прежде служилъ; что же изъ того, что туда перешелъ?

— Чтобъ былъ тутъ, понимаешь, по самой близости,—

продолжалъ въ лихорадкѣ, опять постукивая зубами, Мировичъ:—захотѣлъ, ну, вздумалъ,—и рукой подать.

— По близости? къ чему? да, понялъ!.. съ сенатомъ дѣйствительно не шутки... надо быть, коли началъ тяжбу, наготовѣ.

— Дуракъ!.. Именно наготовѣ! пришелъ часъ, минута, а коръ-д'армé-то, выходитъ, и къ услугамъ, вонъ оно!—подмигнувъ, съ отталкивающею, безобразной развязностью, произнесъ Мировичъ:—мушкетъ заряженъ,—искра, и самъ выпалитъ!..

— Какой мушкетъ?

— Вотъ что, — опять низко склонясь къ смущенному и напряженно слушавшему Ушакову, проговорилъ Мировичъ:—рѣшайся, братъ, и соображай. Послѣдніе выходятъ дни. Солнце явится въ темнотѣ... А, впрочемъ... — недовѣрчиво замолчавъ, вдругъ всталъ со стула и, сердито глядя передъ собой, началъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ Мировичъ.

Холодъ охватилъ Ушакова:

«Что онъ, окаянный, и впрямь не рехнулся ли? — подумалъ онъ, слѣдя за гостемъ: — откуда явился? въ бѣлой горячкѣ, или съ попойки, отъ картъ?»

— Ахъ, ты трусъ, подлый трусъ!—вдругъ крикнулъ, задыхаясь отъ негодованія и презрительно останавливаясь передъ нимъ, Мировичъ: — ну, разгадалъ я? да, да?.. душа въ пятки ушла? А я-то считалъ его стѣною, кремнемъ! тьфу ты, баба-сквернавка! скотина, право, скотъ!—бѣшено закричалъ онъ, отплюнувшись запекшимися, липкими губами:—и все-то онъ тянулъ, гнусная размазня, тянулъ! извини, сударь, обчелся! были храбрецы, да вижу,—всѣ вышли...

Мировичъ рванулъ со стула шляпу, шагнулъ къ двери.

— Да что же это? говори самъ-то! — запальчиво крикнулъ, въ свой чередъ, Ушаковъ, не въ силахъ будучи долѣе терпѣть упрековъ и брани: — какія тутъ бабы? я и самъ, чортъ! ты видишь... Ну, нешто не видишь? можно ли стерпѣть? говори!..

— Такъ согласенъ?—спросилъ, съ радостной, ликующей усмѣшкой, Мировичъ:—согласенъ?—повторилъ онъ, косясь на Ушакова:—отвѣчай сразу, мигомъ... не то убью...

— Не ты, а я жду, а онъ мучитъ, непутная голова, — сказалъ Ушаковъ: — меня зоветъ мямлей, а самъ все экивоками, жилы тянетъ, лается... Если рѣшилъ, такъ не ломайся, говори... Кому не желается лучшаго?

«А, наконецъ, готовъ!»—подумалъ Мировичъ, обводя комнату гордымъ, торжествующимъ взоромъ, точно видѣлъ передъ собой толпу преклоненныхъ, покорныхъ рабовъ, ожидающихъ отъ него великаго, рѣшающаго слова.

Онъ бросилъ шляпу на столъ, заглянувъ въ коридоръ, прошелся по комнатѣ, опять постоялъ у двери въ сѣни, прислушался, заперъ эту дверь на крючокъ и, вдругъ улегшись, съ ногами, на постель пріятеля, закинулъ руки на голову и закрылъ глаза.

«Что онъ, оглашенный, ужели заснулъ? вотъ еще одолжитъ!»—разсуждалъ Ушаковъ.

Такъ Мировичъ пролежалъ съ пять минутъ, не шелохнувшись, блѣдный, какъ покойникъ. Только его губы слегка вздрагивали и по лицу пробѣгала судорога улыбки.

«И что онъ, пропащій, затѣялъ? — не спуская съ него глазъ, мысленно допытывалъ себя Ушаковъ, — что, какъ убилъ кого-нибудь, или рѣшился ограбить?»

— Я рѣшился,—вдругъ началъ, не двигаясь и не открывая глазъ, Мировичъ: — я рѣшился... голова съ плечъ! а вотъ что... И коли ты, слушай, выдашь или донесешь,—все узнаю, выслѣжу, и порѣшу тебя, какъ собаку...

Съ этими словами Мировичъ всталъ, подошелъ вплоть къ Ушакову и схватилъ его за грудь.

— Что ты, сумасшедшій, что ты?—спросилъ тотъ, отталкивая его.

— Не мѣшай, молчи и помни слово,—сказалъ, выпуская его, Мировичъ:—на этотъ разъ согласенъ... изволь, живи...

Руки и губы Мировича тряслись.

— Измѣнникомъ, доносчикомъ я съ роду не бывалъ!—обидчиво произнесъ, оправляясь, Ушаковъ:—и ты мнѣ, слышишь, говорить этого не смѣй...

— Ну, да ладно ужъ!—грубо отвѣтилъ Мировичъ: — гдѣ ужъ тутъ спорить, считаться?.. такъ не выдашь?

— Можешь быть увѣренъ... честью клянусь...

Лучъ восторженной, безпредѣльной радости опять освѣтилъ лицо Мировича при этомъ отвѣтѣ Ушакова.

«Вѣдь милъ, не правда ли, милъ? — разсуждалъ онъ, съ внутренней издѣвкой, вглядываясь въ озадаченнаго пріятеля:—порохъ! чуть попрекнулъ, такъ и вспыхнулъ! А какъ я говорилъ? что за штиль! кратко и ясно!.. Впередъ насъ,

въ застрѣльщики, въ парламентеры!.. Ему, скоробрехѣ, болтуну, это не къ масти»...

— Ѣду въ Шлиссельбургъ, — началъ опять тихо, какъ сквозь сонъ, и почти не владѣя собою, Мировичъ:—добьюсь, не въ очередь, въ крѣпость на караулъ. А ты, Аполлонъ, приказываю тебѣ,— я старый воробей, вотъ какъ все придумалъ! — достань штабъ-офицерскій мундиръ, припаси катеръ, или шлюпку, одѣнься и, съ флагомъ, подъ именемъ ордонанса ея величества,—ну, Сухметьева, что ли, или подполковника Арсеньева,—явишься ко мнѣ въ крѣпость, будто къ незнакомому, на гауптвахту, и предъявишь заранѣе нами составленныя бумаги...

Проговоривъ это, Мировичъ опять присѣлъ на постели, и ему показалось, что то, что онъ сказалъ и на что очевидно окончательно рѣшился, было уже давно и случалось гдѣ-то съ другимъ, — и онъ теперь соображалъ, когда же это и гдѣ случилось? — «Какой пріятный, крѣпкій ротъ у этого дуралея Ушакова!—вдругъ почему-то подумалъ онъ,— и глаза у него такіе добрые, ожидающіе отъ меня чего-то, съ такою свѣтлою, дѣтскою вѣрой; и бородавочка слѣва у него, надъ верхней губой... И какъ я ее прежде не замѣтилъ? И... что еще странно, онъ бѣднякъ такъ продулся съ купцами, голодаетъ и сталъ до-нельзя смѣшонъ, будто выкунѣлъ, ну, точно весною заяцъ русакъ»...

— Какія же бумаги? — спросилъ Ушаковъ, стараясь все добросовѣстно запомнить.

— Бумаги? ну, ихъ, одна помѣха! — опять раздражительно сказалъ Мировичъ:—а впрочемъ, это по части канцелярской, и ты мастеръ... Составимъ манифестъ сената къ принцу Іоанну и другой, именной, якобы отъ государыни, указъ—взять коменданта подъ арестъ, заковать его въ кандалы и, вмѣстѣ съ принцемъ, доставить безъ замедленія въ сенатъ.

— Такъ, такъ! это ловко придумано!—сказалъ Ушаковъ, начиная понимать, въ чемъ дѣло:—ну, а дальше?

— Дальше?—какъ бы очнулся и пересѣлъ съ кровати на стулъ Мировичъ: — не хочу, чтобъ это только слова... Довольно словъ!.. насъ зовутъ вонъ болтунами, философами, не хватитъ, молъ, духа... Надо поэтому браться за дѣло... Сомкнемся, вмѣстѣ станемъ сильнѣй!

Онъ снова прошелся по комнатѣ, взглянулъ въ раскры-

тое окно. За окномъ стояла тощая, запыленная отъ уличной ѣзды, чуть распустившаяся рябина. Въ ея вѣткахъ, будто видя внизу нѣчто страшное, роковое, трепыхался и безпокойно взлетывалъ жалкій, съ тревожно распростертыми крыльями, воробей. Солнце било въ окно косыми, ярко-назойливыми лучами. Въ воздухѣ стояла нестерпимая жара и духота.—«Кошка къ его гнѣзду,—подумалъ Мировичъ о воробьѣ,—да пусть гибнутъ глупыя, никому ненужныя птицы! Не ахти кому нужны!—а тутъ вонъ другой глупый воробей»...—прибавилъ онъ. Съ этими мыслями Мировичъ понурился и, какъ больной, какъ чахоточный, оперпшись въ колѣни, въ силу переводилъ дыханіе.

— Приказываю дальше,—проговорилъ онъ негромко:—чтобъ была крѣпостная шлюпка и барабанщикъ, для битья тревоги; не забудь, это первое, что нужно, первое... Больше, пожалуй, ничего... Все отъ собственнаго мужества и смѣлости! Возьмемъ и доставимъ принца прямо въ артиллерійскій лагерь, на Выборгскую сторону, а не то къ артиллерійскому пикету, у моста, на Литейной... Офицеры того корпуса вѣдь лучшіе... Правда, лучшіе? Другихъ сообщниковъ не надо. Совершимъ все вдвоемъ...

— Разумѣется, не боги же лѣпятъ горшки,—самодовольно сказалъ Ушаковъ и смолкъ, видя, какъ сдвинулись брови Мировича и какъ тотъ снова повелъ глазами, при этой неумѣстной его развязности.

— Барабанщикъ ударитъ тревогу,—строго продолжалъ, точно отдавая приказъ цѣлой арміи, Мировичъ:—солдатство и народъ соберется... Вотъ вашъ природный россійскій государь Іоаннъ Третій Антоновичъ!—скажу я:—тотъ, коему всѣ, въ его дѣтствѣ, присягали. Не такъ ли? Я прочту составленный нами къ народу манифестъ и останусь охранять особу принца. Ты же, съ офицерствомъ, отправишься отбирать присягу отъ сената, синода, коллегій и отъ всей резиденціи.

— А государыня?—спросилъ Ушаковъ.

Мировичъ презрительно отвернулся. Звѣриная, хитрая радость блеснула въ его глазахъ.—«Не понялъ, тупица»,—подумалъ онъ съ злобнымъ торжествомъ.

— Въ Лифляндію ѣдетъ черезъ мѣсяцъ,—проговорилъ онъ, опять садясь и не удостоивъ взглядомъ Ушакова:—сказываютъ гвардіонцы—за нее сватается бывшій тутъ при

посольствѣ Понятовскій,—такъ къ Варшавѣ шлютъ войско, чтобъ поляки сперва выбрали его королемъ, и ему будетъ аудіенція въ Ригѣ. Съ Орловымъ вѣдь не удалось.., слышалъ?

— Какъ не слыхать! — заторопился Ушаковъ: — и есть подтвержденіе — князь Волконскій уже выступилъ въ Смоленскъ для поддержки и выборовъ, нашему полку велѣно готовиться туда жъ.

— Успѣютъ еще,—небрежно зѣвнувъ, отвѣтилъ Мировичъ.

— Ну. да, если будетъ нужно, дай знать, — прибавилъ Ушаковъ: — объявлюсь больнымъ и останусь, не пойду съ полкомъ, чтобъ быть наготовѣ.

— Арестантовъ пошлемъ въ Соловки, либо спрячемъ туда жъ, на принцево мѣсто, куда думали и Петра Третьяго, въ Шлиссельбургъ, — рѣшительно заключилъ и развязно всталъ со стула Мировичъ: — никого не нужно, сами все! нѣтъ лучше, какъ самому... Ни у кого не канючу помощи,— много чести, самъ все, самъ...

«Вотъ онъ, каковъ! я хохла и не подозрѣвалъ», — подумалъ, почтительно на него глядя, Ушаковъ.

— Такъ помни же,—накрывшись шляпой, заключилъ Мировичъ: — обдумай все и готовься; недолго ждать; скоро зайду за отвѣтомъ.

Утро слѣдующаго дня Мировичъ провелъ у Бавыкиной. Та его встрѣтила укоризнами, выговорами: «баклуши бьешь, въ полкъ не ѣдешь, гдѣ шляешься? вотъ начальство на тебя напущу, скрутятъ молодчика, во фронтъ, на абвахту. Меня забылъ, безстыжихъ глазъ по недѣлямъ не кажешь».— Молча выслушалъ Мировичъ всѣ нападки, сказалъ только: «экъ расходилась; погодите, все наверстаю». — Отъ Бавыкиной онъ отправился къ Ломоносову, узнавъ, что Михайло Васильичъ, по обычаю, занимается въ саду, и пошелъ къ знакомой бесѣдкѣ. — «Не открыться ли, — разсуждалъ онъ, становясь за ея стѣной: — вотъ удивился бы. Да что: станетъ еще отговаривать, — ненужныя-де попытки, погибнешь. Какъ же, такъ вотъ я и отдамся даромъ! И онъ, должно, въ сердцахъ: не оцѣнили по достоинству его хвалебной оды, сумароковской дали аттенцію... Ужъ вотъ, чай, не въ куражѣ, ругмя-ругается... Нѣтъ, лучше пусть увидитъ насъ въ славѣ, въ блескѣ, въ тріумфахъ»... — Мировичу было слышно, какъ покрякивалъ и шелестилъ бумагами Ломоно-

совъ. Онъ перекрестился, вздохнулъ и бережно, на цыпочкахъ, не заходя въ бесѣдку, вышелъ опять изъ калитки.

Еще черезъ день Мировичъ съѣздилъ на Каменный островъ, на дачу Птицыныхъ. Онъ зашелъ со стороны чернаго двора и долго поджидалъ, высматривая кого-нибудь изъ прислуги. Вышелъ съ ведрами кухонный мужикъ. Мировичъ, заторопившись, изъ старенькаго, потертаго кошелька досталъ полтинникъ, подозвалъ мужика и попросилъ его выслать горничную. Отъ нея Мировичъ узналъ, что Поликсена попрежнему находится у князя Чурмантѣева на калмыцкой линіи, изрѣдка шлетъ письма и собирается куда-то за границу. «А дѣвочка князя... хворая... жива?»—спросилъ Василій Яковлевичъ. — «Померли-съ и онѣ, на Ѳоминой». — Мировичъ, повѣся голову, побрелъ къ извозчику. Вечеромъ того же дня Ломоносову подали занесенный какимъ-то мальчикомъ пакетъ. То была цидулка отъ Мировича.—«Давно прибылъ съ родины, — гласило письмо: — да некогда было, простите, безпокоить заѣздомъ, — и къ чему? Все кончено, во всемъ отказъ. И невѣста насмѣялась; не лучше жъ того и господа сенатъ. Совѣтъ данъ: фортуну взять за чубъ... Оно бы и можно; да ну какъ сорвешься? Ѣду въ новый полкъ. А услышите о неудачѣ, молитесь о рабѣ божьемъ Василіи».

— Рехнулся малый, жаль, — сказалъ себѣ, задумавшись надъ этими строками, Ломоносовъ: — ясное дѣло, въ искѣ вновь ему отказано. Въ новый полкъ уѣхалъ, а куда, и словомъ не упомянулъ.

Часу во второмъ дня, тринадцатаго мая, Мировичъ спокойно и, повидимому, даже съ особымъ удовольствіемъ зашелъ опять подъ Смольный къ Ушакову.

— Ну, братъ, собирайся,—сказалъ онъ ему.

— Куда?

— А вотъ увидишь.

Они вышли на улицу, извозчика не взяли. Странная, давно не бывалая, тихая улыбка блуждала по лицу Мировича. Онъ не очень торопливо, молча и безъ оглядки шелъ въ направленіи къ Невской першпективѣ. На Аничковомъ мосту онъ чуть-было не столкнулъ, за ветхую деревянную перекладину, какого-то зазѣвавшагося пѣшехода. Повернули, прохладною, тѣневою стороной, къ гостиному ряду. На Невской першпективѣ, отъ зноя, пыли и духоты, было мало

прохожихъ. Кое-гдѣ только погромыхивали, съ опущенными занавѣсками, кареты. Пріятели вошли въ ограду Казанской церкви, посидѣли здѣсь подъ развѣсистою липой, потолковали и вошли на паперть. Изъ церковной сторожки выглянулъ привратникъ. Мировичъ подозвалъ его и шепнулъ ему нѣсколько словъ. Тотъ сходилъ въ смежный дворъ. Явились нарядный дьячокъ и полный, добродушный священникъ. Дверь собора открыли. «Пожалуйте»,— сказалъ, пропуская офицеровъ впередъ себя степенный, съ отрадно выспавшимся лицомъ, священникъ. Окруженный зеленью, сумрачный и тихій храмъ пахнулъ на вошедшихъ пріятной прохладой и ладаномъ. Зажгли кое-гдѣ свѣчи. Дьячокъ вынесъ и поставилъ, у лѣваго бокового придѣла, аналой. Священникъ надѣлъ ризу, выпросталъ на плечи прядь русыхъ, густо вившихся волосъ и, склонясь въ сторону и тихо крякнувъ, спросилъ: «по комъ панихида?»

— По умершимъ, *убіеннымъ* рабамъ, Василію и Аполлону,—твердо и съ тою же тихой, чуть блуждавшей улыбкой, отвѣтилъ Мировичъ.

Ушаковъ удивленно раскрылъ на него глаза.

— Кто же, родичи или товарищи они будутъ вамъ? въ сраженіи?—спросилъ, крестя и принимая кадило, священникъ.

— Въ сраженіи... однополчане-съ,—отвѣтилъ Мировичъ.

Панихида началась.—«Что ты, безумный, что?»—не утерпѣвъ, прошепталъ Ушаковъ. Мировичъ не глядѣлъ на него и ничего не отвѣчалъ. Ставъ на колѣни, крестясь и кланяясь въ каменныя плиты, онъ весь погрузился въ безмолвную, напряженную молитву. Ушаковъ хотѣлъ слѣдовать его примѣру; но, какъ ни крѣпился, мысли бѣжали отъ него. На немъ не было лица. Тутъ только, угадавъ и предчувствуя что-то безобразное, страшное, онъ опомнился, но увидѣлъ, что поздно. Озираясь испуганнымъ, потеряннымъ взоромъ, онъ тупо смотрѣлъ передъ собой, вздыхалъ и, отирая лицо, не могъ надивиться, откуда все это налетѣло и какъ онъ могъ рѣшиться.

«Панихида! да вѣдь это ужасъ... смерть!—мыслилъ Ушаковъ,—и кто накликалъ, кто пророчитъ эту страшную развязку?»

Мировичъ исполнялъ печальный обрядъ спокойно и съ такимъ торжествомъ, будто его вѣнчали. При пѣніи — «со

святыми упокой» — Ушаковъ невольно всхлипнулъ, хотѣлъ удержаться и, упавъ головой на плиты, глухо разрыдался. Нѣсколько секундъ, вздрагивая плечами, онъ не поднимался отъ пола.—«Да что съ нимъ? вотъ чудакъ! и изъ-за чего?»—подумалъ Мировичъ, сухими, безъ блеска, глазами съ недоумѣніемъ глядя то на Ушакова, то на священника и дьячка, на лицахъ которыхъ, отъ такой горести молящихся, невольно также выражалось смущеніе.

Панихида кончилась. Мировичъ расплатился и вышелъ на паперть.

— Смотри же, Аполлонъ,—сказалъ онъ, пройдя съ Ушаковымъ въ тѣнистый уголъ церковной ограды:—теперь насъ уже нѣтъ въ живыхъ... понимаешь, мы обречены, отпѣты, съ канономъ, за упокой...

— Да что жъ все это значитъ? и кто тебя уполномочилъ?—спросилъ Ушаковъ.

— На случай, коли придется умереть безъ покаянія. Ты клялся передъ алтаремъ... Клянешься ли еще разъ Божьей Матерью Казанской?

— Клянусь.

— И Николаемъ угодникомъ?

Ушаковъ повторилъ клятву.

— Нѣтъ, постой,—не удовольствовался Мировичъ.

Онъ снялъ съ шеи добытые гдѣ-то кресты, съ мощами, и одинъ надѣлъ на Ушакова, другой опять на себя; отдалъ ему съ руки перстень съ адамовой головой, а себѣ у него взялъ кольцо съ аметистомъ.

— Теперь мы братья, побратались! — сказалъ онъ торжественно, замедлясь у выхода изъ ограды: — если нѣтъ у нихъ Бога и нѣтъ истиннаго царя, Третьяго Петра, то гдѣ же Богъ и гдѣ людская совѣсть. Мертвеца имъ... замогильную тѣнь... Смотри же, ожидай зова; придетъ часъ, извѣщу... разгромимъ...

25-го мая, Ушаковъ прибѣжалъ впопыхахъ къ Мировичу, уже уложившему чемоданъ, для отъѣзда на службу въ Шлиссельбургъ, и объявилъ, что его неожиданно, въ то утро, призвали въ коллегію и, за недостаткомъ фельдъегерей, объявили приказъ: ѣхать завтра въ Смоленскъ, съ казной и бумагами, къ генералъ-аншефу, князю Михаилу Никитичу Волконскому. Эта вѣсть, какъ громомъ, поразила

Мировича. Онъ подозрительно, строго взглянулъ на пріятел.. и вдругъ вспыхнулъ.

— А! ужъ придумалъ, напроворилъ планъ? подстроилъ съ начальствомъ? — вскрикнулъ онъ, не помня себя отъ гнѣва:—вонъ, измѣнникъ! вонъ, ты все подло... чтобъ духу твоего не пахло!

Ушаковъ показалъ ему письменный, по формѣ, ордеръ. Мировичъ опомнился, пересилилъ себя, сталъ соображать.

— Ну, чортъ, ничего! — сказалъ онъ, отвернувшись съ отвращеніемъ:—не все свѣтъ, что въ окнѣ... Можно и безъ тебя... Смотри, однако, не опоздай... Вѣдь ты въ заговорѣ со мной, не отвертишься... помогай, не то пулю въ лобъ, здѣсь не шутки...

— Да убей Богъ, клянусь — я духомъ съѣзжу и... что мнѣ тамъ дѣлать?.. ну, развѣ...

— Ѣду послѣ завтра,—не слушая его, внушительно перебилъ Мировичъ:—а наше рандеву,—помни,—день-въ-день и часъ-въ-часъ, — двадцать-четвертаго іюня, вечеромъ, на закатѣ солнца... да не спутай, тарантà!.. двадцать-четвертаго, какъ разъ, въ Ивановъ день... понялъ?.. тезоименитство нами спасаемаго его высочества, или, вѣрнѣе,—будущаго его величества...

Ушаковъ слушалъ внимательно, точно приказъ высшаго начальства.

— А государыня въ Ригу ѣдетъ двадцатаго, — продолжалъ небрежно Мировичъ:—и это тоже не забудь... узналъ отъ камеръ-лакея Касаткина... Помнишь? онъ письмо о Поликсенѣ доставилъ отъ Рубановскаго... знаетъ всѣ тайны двора, кàкъ и что, — я по пальцамъ разсчелъ и сообразилъ... Да куда же ты, постой! Экъ, разнесло, не посидится. Слушай, Аполлонъ, — прибавилъ Мировичъ, отведя Ушакова въ сторону: — если ты мнѣ да осмѣлишься, или нѣтъ, не то... стой!.. Если въ этой командировкѣ, ну, дьяволъ! пойми, — если кто вздумаетъ тебѣ стать поперекъ, такъ или иначе помѣшать, — то помни: прожду день, прожду два, ну, разъанаѳемы, даже недѣлю... не долѣе, впрочемъ, перваго іюля,—а тамъ,—заключилъ Мировичъ, склонясь къ самому носу Ушакова:—помни, я самъ, безъ тебя, я одинъ... и тогда ужъ, не прогнѣвайся... весь успѣхъ, вся слава и почетъ за мной...

29-го мая Ушаковъ, по пути къ Смоленску, подъѣхалъ къ рѣкѣ Шелони, въ селѣ Опокахъ, порховского помѣщика Косецкаго. Его провожалъ великолуцкаго полка фурлейтъ Новичковъ. Паромъ на противоположномъ берегу замедлился. Время стояло жаркое и былъ полдень.

— А что, ваше благородіе, не выкупаться ли?—сказалъ съ повозки, весь мокрый отъ испарины, фурлейтъ.

— И то правда,—согласился Ушаковъ:—ну, посиди же ты съ сумкой, я прежде выполощусь, а тамъ ты.

Онъ раздѣлся подъ тѣнистой вербой, посидѣлъ въ холодкѣ и пошелъ, по мягкой зеленой травкѣ, къ песчаному берегу.

«Вотъ благодать, — разсуждалъ онъ въ пріятномъ настроеніи, ставя одну, потомъ другую ногу въ свѣтлую, студеную струю и любуясь своимъ здоровымъ, бѣлымъ тѣломъ, — я молодъ, статенъ, силы такъ и пышутъ во мнѣ. И вдругъ этотъ чудакъ Мировичъ панихиду по убіеннымъ... Не вездѣ успѣхъ; но это еще не значитъ, что пора умирать... О, далеко не пора. Въ карты проигралъ, долженъ по шею, особенно у Павлинова; да выплыву, вынырну, — сказалъ онъ себѣ, окунувшись и широкимъ, пріятнымъ взмахомъ проворныхъ рукъ направляясь къ быстринѣ, — и какъ это было дико, мрачно, — ладаномъ курили, пѣли «со святыми упокой...» А что, какъ утону?.. вѣдь судорога точно какъ бы дернула за ногу, какъ входилъ; говорятъ, ой, какъ это скверно... Ну, да вздоръ! какая тамъ судорога!»

— Баринъ, а баринъ, — крикнулъ вдругъ кто-то съ берега отъ мельницъ:—держи подалѣ... тамъ омутъ.

«Ну, да ладно, — думалъ, весело разсѣкая воду, Ушаковъ, — не на такихъ рѣченкахъ плавали. А небо какъ сверкаетъ! ишь, мошки, ласточки рѣютъ. На спину лечь, отдохнуть. Фурлейту завидно... Какъ въ Смоленскъ, сейчасъ уху, пирогъ съ подливкой. У Самцова на постояломъ, говорятъ, разъ-ахти красотка хозяйка... То-есть, кабы да богатую засватать, — вотъ бы показалъ, какъ жить! а не панихиды...»

И въ то время, какъ раскинувъ руки, Ушаковъ легъ навзничъ и гладь рѣки его несла къ пѣнившейся и плескавшейся подъ зелеными ракитами быстринѣ, въ его мысляхъ встала почему-то далекая, пошехонская деревушка,— онъ мальчикомъ, въ синей рубашонкѣ бѣгаетъ по саду; бѣлокурая румяная женщина, въ высоко-взбитыхъ локо-

нахъ, ходитъ по дорожкѣ съ чулкомъ въ рукѣ; она вяжетъ и ласково ему улыбается, а на ея щекѣ милая родинка,—это его мать; а малины, малины, спѣлыхъ вишень!.. и все полныя; бабочки, пчелы надъ ними вьются... И вдругъ опять судорога.

«Баринъ, а баринъ!»—доносился крикъ.

«Вздоръ, не бывать тому!» — упорно думаетъ Ушаковъ. Онъ окунулся и, фыркая, весело вынырнулъ. Пѣнится и клокочетъ вокругъ темная бездня. А въ ногу впилось что-то мертвой хваткой, дергаетъ и тянетъ, какъ гиря. Ушаковъ хлебнулъ воды разъ и два. Холодно, жутко. Ему опять вспомнился Мировичъ, — данное слово, панихида. Шумъ и звонъ въ ушахъ. Вездѣ зелено. Руки машутъ безъ силъ. Искры, пѣна, пузыри. Что-то съ страшной быстротой мчится мимо, кругомъ... Все мимо: садъ, бѣлокурая въ локонахъ женщина, спѣлыя вишни, испуганный воробей, мотыльки. Онъ еще разъ встрепенулся, повелъ руками и съ мыслью: «ужели смерть? О! никогда...» — ухватился за что-то зелено-золотистое, мягкое, махровое. Грудь искала воздуха; а навстрѣчу тянулись, голубыя, сизыя тѣни...

Ушаковъ утонулъ.

Тѣло его къ вечеру нашли межъ сваями мельницы. Извѣстіе о томъ въ Смоленскъ и позднѣе въ коллегію доставилъ фурлейтъ Новичковъ.

XXX.

Въ Шлиссельбургѣ на караулѣ.

Назначенный срокъ прошелъ. Ушаковъ не являлся. Прошла, съ концомъ іюня, и вся недѣля перваго, очередного дежурства Мировича въ крѣпости.

«Что жъ это значитъ? — разсуждалъ онъ: — страха ради іудейска, не кажетъ глазъ и вѣсти о себѣ не подаетъ!» — Мировичъ то шагалъ взадъ и впередъ по гауптвахтѣ, то поднимался на крѣпостную стѣну, глядѣлъ съ куртины за рѣку и, теряя терпѣніе, не зналъ, что дѣлать, съ кѣмъ раздѣлить горечь сомнѣній. — «Тьфу ты чортъ! не догадался!—вдругъ вспомнилъ онъ,—дѣло ясно; Аполлонъ чѣмъ-нибудь пустячнымъ, ну, чуточку стѣснился, оробѣлъ; вѣдь онъ мелочной, слабый человѣкъ, — инкогнито прибылъ въ Шлиссельбургъ, для предварительныхъ объясненій, и си-

дитъ на постояломъ, ждетъ меня съ дежурства... Скорѣе!..»

Мировичъ смѣнился съ караула, отвелъ команду въ полкъ и бросился искать Ушакова по постоялымъ. Поиски его были тщетны. — «Ну, погоди жъ ты, распроклятый трусишка, обойдемся и безъ тебя. Какъ только доведу дѣло до конца, перваго тебя арестую, публично осрамлю».

Перваго іюля, бродя безъ цѣли по улицамъ, встрѣтилъ онъ знакомаго по Кёнигсбергу, подпоручика изъ грузинъ Чефаридзева.—«Какими судьбами?»—удивился Мировичъ.—«Овсы закупаемъ, да и вашъ Шлиссельбургъ захотѣлось поглядѣть». — «А главное видѣли?» — «Что?» — «Въ крѣпости... вонъ со стѣны видно — первый нумеръ, первый». — «Что жъ тамъ за дважды нумеръ первый?» — «Слышали про бывшаго когда-то россійскаго императора Іоанна Антоновича?» — вдругъ склонился къ Чефаридзеву Мировичъ.— «Нѣтъ, не слыхалъ».—«Ну, такъ онъ самый здѣсь и есть... двадцатый годъ закупоренъ подъ замкомъ». Чефаридзевъ сталъ разглядывать Мировича. — «Экъ несуразное городитъ,—подумалъ онъ,—и глаза точно не свои, какъ похудѣлъ!»—«Хотите, что ли, участвовать?»—вдругъ побѣлѣвшими губами, въ упоръ, прошепталъ и улыбнулся Мировичъ. — «Какъ участвовать? полноте батюшка; экое, Богъ съ вами, коловратство придумали!»—сказалъ и пошелъ отъ него въ переулокъ Чефаридзевъ. — «Храбрецъ улепетнулъ! тріолеты, буримѐ списывать, Жоконду съ барышнями читать! — неестественно захохоталъ ему вслѣдъ Мировичъ, — смотрите, еще донесёте!—крикнулъ онъ ему,—отличку, награду за усердіе получите!»

«Но какъ же быть, какъ быть? — ломалъ голову сбитый съ толку Мировичъ, — ѣхать въ Петербургъ, узнавать объ Ушаковѣ? А какъ вдругъ разминемся? Я къ нему, а онъ сюда... Флотилію шлюпокъ условлено, людей въ маскахъ...» — «Благородный, намъ любезно-вѣрный Мировичъ, чѣмъ полагаешь отблагодарить своего помощника?» — «На три дня на гауптвахту, ваше величество, всерабственно прошу за промедленіе, а потомъ его хоть и въ генералъ-поручики... Нѣтъ, однако, изъ силъ выбьешься; вѣдь это невозможно. Какъ опять попасть въ крѣпость? отказаться отъ предпріятія».

А тутъ вдругъ и помогла судьба. Офицеръ смоленскаго полка, смѣнившій Мировича, заболѣлъ на гауптвахтѣ. Дали знать командиру полка, Корсакову. Мировичъ услышалъ

про это въ канцеляріи, явился, будто невзначай, къ полковнику, и предложилъ свои услуги за товарища. Второго іюля онъ снова, не въ очередь, сталъ на недѣльное дежурство въ крѣпость, срисовалъ въ свой календарь ея планъ и надъ помѣщеніемъ принца, на планѣ, поставилъ особый знакъ.

День третьяго числа былъ особенно жаркій. Воздухъ не освѣжался вѣтромъ. Духота въ низкой, полной мухъ и пропахнувшей солдатами, казармѣ была невыносимая. Мировичъ почти не сходилъ съ крѣпостной стѣны. Усѣвшись у выступа куртины, онъ неподвижно глядѣлъ на городъ и на уходящія вдаль прибрежья Невы. Мысли смѣнялись мыслями.

Онъ вспомнилъ странные сны, рядъ сновъ, которые видѣлъ въ послѣднее время и которые не выходили у него изъ головы. Онъ даже помнилъ числа, въ которыя видѣлись ему странныя, какъ бы пророческія, грезы, и всѣ ихъ тщательно записалъ на листкахъ своего календаря.

Три съ половиною мѣсяца назадъ, а именно семнадцатаго марта, ему снилось, будто онъ почему-то въ Митавѣ, въ гостиномъ ряду, суетится для кого-то покупать кожи и хомуты. Купцы ему кланяются, онъ же не въ мундирѣ, а въ ситцевомъ, старенькомъ, куцомъ своемъ халатѣ, и не на чемъ ему возвратиться домой. На улицѣ лежитъ какой-то обрубокъ. Дѣлать нечего, онъ садится на обрубокъ, прикрывъ купленною кожей ноги, торчащія изъ-подъ куцаго халата. И вдругъ обрубокъ понесся съ нимъ по улицѣ, какъ коляска; встрѣчные кланяются ему. Онъ доѣхалъ къ крѣпости; ему навстрѣчу въ ворота выходитъ старикъ и съ нимъ нѣкій блѣдный юноша. И не забыть ему заплаканныхъ, молящихъ глазъ юноши. — «Вотъ твоя судьба, вотъ твоя удача!» — говоритъ старикъ. Съ этими словами Мировичъ проснулся.

Въ концѣ мая онъ видѣлъ во снѣ гибель какой-то женщины,—она, въ его глазахъ, утонула въ рѣкѣ, за какою-то церковью. Когда онъ потомъ соображалъ этотъ сонъ, ему казалось, что погибшая была Поликсена. И онъ такъ плакалъ, что изъ его глазъ лились не слезы, а кровь, и этой крови ничѣмъ нельзя было остановить.

Сонъ тринадцатаго іюня особенно его поразилъ и возмутилъ его до глубины души. Ему приснился бывшій у него недавно денщикъ, солдатикъ Лавронъ. Денщикъ на него донесъ: «ихъ благородіе затѣяли вредное государынѣ

дѣло, освобожденіе такого-то важнаго преступника». Мировичъ видѣлъ во снѣ, какъ его судили, какъ обрекли на казнь и какъ совершали самую казнь. Въ ужасѣ онъ очнулся, взглянулъ,—началось утро; онъ лежалъ за перегородкой, въ караульной крѣпостной гауптвахтѣ, а Лавронъ копался надъ чѣмъ-то въ углу.

И еще одинъ сонъ онъ видѣлъ на-дняхъ. Ему снилось, будто онъ шелъ черезъ какой-то плавучій, на баркахъ, мостъ. Синяя, глубокая, многоводная рѣка съ шумомъ катилась между барокъ. Онъ шелъ по мосту, держась за туго-натянутый канатъ. И вдругъ канатъ съ трескомъ лопнулъ. Онъ повисъ на его обрывкѣ, надъ холодною, зіяющею бездной. Пальцы, вцѣпясь въ склизкій канатъ, окоченѣли, фуражка, слетѣвъ съ головы, кружилась въ пѣнистыхъ, уносившихъ ее волнахъ. Но онъ не утонулъ,—передъ нимъ какія-то пышныя, ярко-освѣщенныя палаты, полныя праздничнаго люда. Онъ за столомъ, и рядомъ съ нимъ въ богатомъ, парчевомъ нарядѣ, въ жемчугахъ и соболяхъ нѣкая красавица. И всѣ говорятъ: «вотъ онъ счастливъ, достигъ своего, а Ушаковъ не при чемъ, опоздалъ»...

«Невиноватъ Ушаковъ,—думалъ Мировичъ,—вездѣ сила сила случая, нѣтъ правыхъ и нѣтъ виноватыхъ, нѣтъ и ничего достойнаго на свѣтѣ. Чтò слава?—капризъ натуры. Чтò добрыя дѣла?—расчетъ, либо жалкая попытка уладить несовершенство вещей».—Мировичу казалось, что дѣло, съ такою ясностью намѣченное у него впереди, никогда имъ не было обсуждаемо и что самая мысль объ этомъ страшномъ и вмѣстѣ сладкомъ, увлекавшемъ его дѣлѣ явилась у него за секунду назадъ. Онъ до мельчайшихъ подробностей зналъ, кàкъ и когда онъ это сдѣлаетъ, видѣлъ мѣсто и себя во всей при томъ обстановкѣ, и съ презрѣніемъ отворачивался отъ себя, считая, что все это онъ выдумалъ теперь только, отъ жары и отъ скуки. Картины, цѣлые ряды картинъ вставали и исчезали передъ глазами Мировича. Разсказы о Биронѣ, о воцареніи младенца-императора, ликованіе столицы и семьи правительницы, чтеніе оды молодого Ломоносова во дворцѣ... Четыреста-четыре дня власти и двадцать-три года одиночнаго заключенія злополучнаго принца...

«Ужасъ, ужасъ!» — повторялъ про себя Мировичъ, про-

хаживаясь вдоль стѣнъ и опять садясь у выступа. Сумерки сгустились. Окрестность стихла. Слышались только по разнымъ затишьямъ, вокругъ крѣпости, шаги да оклики часовыхъ. И опять мысли, какъ галочье передъ грозой, слетаются, кружатъ, машутъ холодными, черными крыльями... Петербургъ залитъ солнцемъ. На лугу, у вновь заложеннаго дворца, пасется пара усталыхъ, сѣрыхъ воловъ. Онъ, робкій, дикій мальчикъ, глазѣетъ на улицы, на дома. За рѣкой шумная, рѣзвая школа. Онъ — кадетъ, въ пудрѣ и въ косѣ. У Разумовскаго театръ. Смѣется и присѣдаетъ быстроглазая, съ ямочками и съ мушками на щекахъ, пастушка... «Когда ты будешь богачомъ, вельможей, а не пастухомъ».—Кутежи, карты, ссылка, походъ и новая встрѣча,—здѣсь, въ этой самой крѣпости... Ночь, чтеніе Робинзона, шорохъ въ дальней комнатѣ... «Господинъ офицеръ! о, умоляю, сюда!—слышится ему кроткій, душу надрывающій, голосъ, — уйти отсюда, слушайте, можно; только пилу въ хлѣбѣ, лодку и на берегу лошадей»...—«Эй, оранжевый воротникъ!—слышится другой голосъ,—въ іюнѣ свадьба, и я буду у васъ посажёнымъ отцомъ»...

Всю ночь просидѣлъ Мировичъ на стѣнѣ куртины. Передъ разсвѣтомъ онъ сошелъ въ казарму, уткнулся въ приплюснутую, общую офицерскую подушку, и забылся тяжелымъ свинцовымъ сномъ. Ему снилась мглистая и такая же тихая ночь, — очертанія города, морскихъ батарей, блескъ фитиля и, въ бѣломъ мундирѣ, на песчаномъ мыскѣ, робко замедлившійся невысокій человѣкъ. — «Мертваго изъ гроба не вернешь, — шепчетъ съ усмѣшкой былой фаворитъ,—а ты, молодой человѣкъ, подбодрись-ка, да и поступай, какъ всѣ...»

Утромъ, четвертаго іюля, Мировича едва добудились. Онъ всталъ, долго собирался съ мыслями, помолился, вынулъ изъ узелка зеленую тетрадку, — то былъ его рукописный календарь и вмѣстѣ, на свободныхъ страницахъ, въ стихахъ и въ прозѣ — его дневникъ — вписалъ въ него нѣсколько строкъ, въ томъ числѣ клятву-обѣтъ Николаю чудотворцу—отнынѣ не играть въ карты, не пить вина и не курить табаку,—и одѣлся. Выйдя во дворъ, онъ провѣрилъ караулъ, съ должной аттенціей отдалъ честь коменданту, обходившему обычнымъ утреннимъ дозоромъ всѣ мѣста, гдѣ

стояли часовые, — и весело, даже насвистывая что-то, съ трубкой сѣлъ за стаканъ со сбитнемъ. До обѣда, пока было жарко, онъ гулялъ между гауптвахтой и церковнымъ садикомъ, развернулъ и въ тѣни на скамьѣ прочелъ нѣсколько статей изъ забытой кѣмъ-то въ казармѣ книжки «Трудолюбивой Пчелы» на 1759 годъ. Онъ даже нѣжно, чувствительно задумался надъ подвернувшеюся идилліей:

«Безъ Филисы очи сиры,
«Сиры всѣ сіи мѣста;
«Отлетайте вы, зефиры,
«Безъ нея страна пуста...»

«Фелиса-то, Фелиса, да черти въ душѣ завелися» — прибралъ онъ при этомъ въ мысляхъ даже риѳму, вспоминая, что самъ недавно написалъ стихотвореніе:

«О, время, время проходящее,
«Въ коемъ дни дней множатъ!»

Въ этомъ страшномъ, мистическомъ стихотвореніи Мировичъ говоритъ о козырномъ, долгоперистомъ голубѣ, который съ товарищемъ залетѣлъ, среди моря, на островъ, гдѣ сидѣлъ въ темной каменной клѣткѣ бѣлый голубь. Не имѣя силъ его освободить, они заплакали, рѣшили ждать иной поры и разлетѣлись—одинъ въ Парижъ, другой въ Прагу*).

*) См. это стихотвореніе Мировича въ «Примѣчаніяхъ» къ роману.
Авторъ.

Пообѣдалъ Мировичъ, послѣ чтенія, съ давно-неиспытаннымъ вкусомъ, посидѣлъ у порога казармы, увидѣлъ, что у Бередникова заперли для отдыха послѣ трапезы ставни, и самъ занавѣсилъ шинелью отъ мухъ окошко въ караульной, притворилъ дверь, сказалъ капралу и вѣстовому, чтобъ сторожили, скинулъ кафтанъ, прилегъ на скамью и крѣпко-сладко заснулъ. Выйдя вновь на площадку, онъ удивился. Былъ уже пятый часъ вечера въ исходѣ. Зной уменьшился. Небо покрылось бѣлыми перистыми облачками. Тѣни вытянулись по низу; ярко блистали только верхи башенъ, да главы церкви.—«Вотъ такъ заснулъ!»—подумалъ Мировичъ, съ легкою, пріятною дрожью, поднимаясь на стѣну куртины, обычное мѣсто своихъ прогулокъ и размышленій.

Тамъ, заложа руки за спину, съ вывернутыми короткими ногами и большою, втиснутой въ костлявыя плечи, головой, прохаживался главный теперешній приставъ при затвор-

никѣ, рябой и грубый солдафонъ, капитанъ Власьевъ. Мировичу вспомнилось, какъ распекалъ Власьева за не-въ порядкѣ нашитую пуговку покойный государь. — «Не чета князю Чурмантѣеву — подумалъ онъ, — а этакой чести дубина дождался, за главнаго при его высочествѣ... И Силина осилилъ...»

— Гуляете, Данило Власьичъ?—обратился Мировичъ къ приставу.

— Да-съ, а вамъ, подпоручикъ, на абафтѣ не мѣшало бы по артикулу-съ... а не гулять.

— Ну, и надоѣстъ,—произнесъ, посмотрѣвъ въ сторону, Мировичъ:—душно что-то; мгла будто сбирается къ ночи.

Власьевъ, молча, прошелъ нѣсколько шаговъ. Мировичъ догналъ его на стѣнѣ куртины, у поворота къ внутреннему двору. Казарма принца стала видна влѣво подъ ихъ ногами: черная дверь, окно съ рѣшеткой, лѣстница и галерея, на которой онъ видѣлъ здѣсь въ послѣдній разъ принца.

— А у меня славный табачокъ,—весело сказалъ вдругъ, присѣвъ на корточки и набивая трубку, Мировичъ: — первѣйшій сортъ, настоящій сюперфинъ-кнастеръ.

Охотникъ до куренія, скряга Власьевъ пробурчалъ что-то и отвернулся, раздумывая, впрочемъ, дастъ ли ему подпоручикъ, послѣ выговора, затянуться первому.

— Молчите капитанъ? но согласитесь,—продолжалъ Мировичъ, снизу вверхъ взглядывая въ недовольное, надутое, съ вытаращенными глазами, лицо Власьева: — согласитесь, что вѣдь лучше быть въ довольствѣ, даже съ капитальцемъ и, знаете, жить въ волю, покуривать, чѣмъ здѣсь-то, въ этой каторгѣ...

Онъ подалъ ему трубку.

— Эка брехать ты дока,—сопя носомъ и потянувъ изъ чубука, произнесъ Власьевъ.

— Да именно такъ-съ, вотъ разберите.

— Но, одначе, о чемъ ты?

— Первый нумеръ, первый-съ,—сказалъ Мировичъ, бойко, подмигнувъ и самъ удивляясь, съ какою безобразною, грубою шутливостью онъ это сдѣлалъ.

— Пустяки врете,—промычалъ капитанъ, косясь на него и въ то же время разсуждая:—«ужъ не до нашей ли комиссіи то клонится?»—Сами знаете, что противно регулу... мы присяжные люди...

— Э, не пустяки! — возразилъ Мировичъ: — ну, еслибъ, примѣромъ, хоть бы вотъ это дѣло?..

Въ груди у него что-то дрогнуло и какъ бы собиралось выскочить. Духъ захватывало. Въ глазахъ прыгали искры. На языкѣ, противъ воли, шевелились слова рокового, ужасающаго признанія. — «Вотъ возьму — думалъ онъ, — да прямо ему въ лицо и швырну весь секретъ».

— Хорошо бы,—сказалъ, уродливо улыбаясь, Мировичъ:— хорошо бы, знаете... стакнуться, да и того?..

— Что тово? — спросилъ, еще болѣе настороживъ уши, Власьевъ, стараясь отойти подальше отъ рокового мѣста.

— Не предадите, не погубите прежде предпріятія?—вдругъ упавшимъ, молящимъ голосомъ спросилъ Мировичъ.

— Коли предпріятіе таково, что къ вашей погибели слѣдуетъ, то не токма поощрять, а даже и слушать вашего вранья не хочу, — отвѣтилъ, повернувъ къ нему спину, Власьевъ.

— Осво...

Мировичъ началъ и вдругъ опомнился. Онъ обомлѣлъ и въ смертельномъ страхѣ затрепеталъ, сообразивъ къ своему ужасу, какой онъ сдѣлалъ-было промахъ. Со стѣны они спустились въ садъ.—«Расположу его къ себѣ, заглажу глупыя слова»—подумалъ Мировичъ, безпомощнымъ, робкимъ взглядомъ всматриваясь въ лицо Власьева. Тотъ глядѣлъ волкомъ.—«А знаете новости? — началъ онъ: — играетъ нанняхъ ея величество въ карты; Панинъ, гетманъ и Бецкій съ нею... и вдругъ кто-то о соловомъ жеребчикѣ гетмана, рысистомъ, — онъ на немъ въ одиночку на бѣгунцахъ... Тутъ надо вистовать, у ея величества козыри,—а они все о жеребчикѣ...

И точно прорвало Мировича: онъ засыпалъ словами, будто давно неговорившій. И сознавая, какъ лебезилъ и какъ подыскивалъ рѣчи, онъ съ презрѣніемъ слушалъ свой дребезжащій голосъ и внутренно на себя плевалъ.—«Подлый, гнусный подлипало! — говорилъ онъ самъ себѣ: — вонъ разсказалъ о контузіи своей подъ Берлиномъ, даже оказался неприличнымъ хвастунишкой... О посланной и вновь возвращенной отставкѣ Ломоносова выложилъ такой дубинѣ... точно можетъ подобная ракалія оцѣнить, понять... Наконецъ, сообщилъ о мнимомъ волокитствѣ своемъ за какой-то актёркой Машей,—этого ужъ совсѣмъ и не было, — и все

это я придумалъ, чтобъ только умаслить его, расположить... эка мерзость, позоръ!»

У моста во внутренній дворъ, Власьеву младшій приставъ Чекинъ и вахтеръ поднесли въ котелкѣ и въ мискѣ что-то дымившееся, прикрытое полотенцемъ.

«Проба ужина — рѣшилъ въ умѣ Мировичъ: — на сонъ грядущій трапеза принцу».

— Неси,—подумавъ и неспокойно, какъ бодливый быкъ, оглядываясь, сказалъ Власьевъ.

Онъ изъ кармана досталъ Чекину длинный почернѣлый ключъ. Котелокъ и миску понесли за канаву въ ворота.— «Угадалъ — усмѣхнулся Мировичъ: — но почему самъ капитанъ туда не пошелъ? странно...»

У гауптвахты Власьевъ съ нимъ разстался. Стемнѣло. Было девять часовъ. Мировичъ велѣлъ пробить зорю, поставилъ солдатъ на молитву и отпустилъ ихъ на ночлегъ. Дождавшись смѣны часовыхъ, онъ пошелъ въ казарму. У ея крыльца, толкуя о полковыхъ дѣлахъ, сидѣли два капрала и кое-кто изъ смоленцевъ-солдатъ. Мировичъ отозвалъ капраловъ къ сторонѣ.

— А что, ребята,—сказалъ онъ вдругъ сослуживцамъ:— я вынужденъ нахожусь объявить,—ожидается вѣдь отъ сената и отъ ея величества указъ, — арестовать здѣшняго коменданта и всѣхъ офицеровъ, заключеннаго-жъ нумеръ первый освободить...

— Не могимъ знать, — нерѣшительно отвѣтили спрошенные.

— Здѣсь заключенный арестантъ—особа первой важности,—продолжалъ Мировичъ:—готовы-ль вы безпродлительно выполнить, буде пришлется такой указъ?

— Какъ солдатство, такъ и мы, — отвѣтили капралы:— на то воля начальства.

«Трусы — канальи! — подумалъ съ презрѣніемъ Мировичъ,—а, впрочемъ, посмотримъ».

Онъ, сіяя, точно по небу плылъ, прошелъ въ караульную, посидѣлъ тамъ и опять поднялся на стѣну. Прохладный, напитанный сыростью, воздухъ пріятно его освѣжилъ. Онъ усѣлся. Туманъ застилалъ городъ и очертанія береговъ.

«Ну, если Ушаковъ ждалъ такой погоды, лучше не надо»—сказалъ себѣ Мировичъ:—«въ этакой мглѣ и не спохватятся». — Онъ вглядывался въ сумракъ, слушалъ, не

плывутъ ли отъ города условленныя шлюпки?—Все было тихо.—Такъ прошелъ часъ и два.

И опять жгучія, тревожныя мысли зароились, запестрѣли въ головѣ Мировича. Ему вспомнился домишко въ галерной гавани, возня и пѣніе старцевъ за стѣной, разсказъ Гаши о послѣднемъ увозѣ принца, прощанье съ Поликсеной и бесѣда въ саду Гудовича надъ Днѣпромъ. Вспомнилъ онъ кумову пасѣку, темную осеннюю ночь и свой сонъ объ освобожденіи принца. Съ щемящимъ сердцемъ, ясно вдругъ представилось Мировичу и то, что онъ, два дня назадъ, совершенно ненужно и непрошенно намекнулъ про свой замыселъ полузнакомому Чефаридзеву, а сегодня чуть не все было открылъ Власьеву, и о чемъ-то толковалъ съ своей командой.—«Ну, какъ они выдадутъ? а Чефаридзевъ-дуракъ, можетъ, ужъ и выдалъ?» — замирая, терялся онъ въ догадкахъ: — «въ Питерѣ, чай, вотъ какая суета; пишутся распоряженія,—арестовать меня, обыскать, пытать... Можетъ, ужъ и ѣдутъ... Вздоръ, тишина! — и ничего не найдутъ, все припрятано... Подложный указъ въ трещинѣ за печкой, манифестъ зашитъ въ шинели, и я сейчасъ пойду и ихъ сожгу... будто трубку закурилъ... А если кто и выдастъ, то развѣ одинъ Власьевъ, коли только, иродова голова, догадался... Да не догадался онъ! я все экивоками, а особенно этою актеркой Машей, кажется, его умаслилъ... Онъ даже ухмылялся и спросилъ, скотина, чернявая она, или русая? la brune ou la blonde, — какъ воспѣвали парижскіе стихотворцы дочекъ Великаго Петра»...

«Однако, время идетъ» — опять затревожился Мировичъ: — «ужли Ушаковъ такъ и не будетъ? ужли начинать одному?..»

Огни въ окнахъ Власьева, коменданта и въ караульной погасли. Былъ первый часъ ночи. Слышалось только обычное перестанавливаніе ногъ, вздыханье и зѣвки часовыхъ. Склонясь на край стѣны, Мировичъ продолжалъ смотрѣть въ туманъ, болѣе и болѣе сгущавшійся надъ Невой.

И вдругъ, какъ ему показалось, гдѣ-то далеко, тамъ, въ туманѣ, что-то охнуло. Ой-ой, охъ! — померещился Мировичу глухой протяжный крикъ. Онъ вздрогнулъ. Суевѣрный, непреодолимый страхъ охватилъ его мертвящимъ холодомъ. Волосы шевельнулись на его головѣ.—«Вздоръ! эка, чортъ. какъ настроился, испугался! морочу себя! — проговорилъ

онъ, не двигаясь съ мѣста: — «ясно, почудилось только въ ушахъ». — И опять простонало въ отдаленіи — ой-ой! о!..

«Зоветъ меня, зоветъ, бѣднякъ! здѣсь я, вотъ здѣсь!» — заторопился и вскочилъ Мировичъ. Вокругъ было тихо. Какая-то птица нырнула и скрылась въ темнотѣ. Кровли каземата не было видно.

«Если часъ насталъ — пронеслось въ мысляхъ Мировича: — «приказывай, слово свое помню! бѣлый голубь, въ бѣлокаменной стѣнѣ!»

Онъ на цыпочкахъ, съ звѣриной осторожностью, подошелъ къ краю куртины, заглянулъ во дворъ, ухватясь за грудь, точно болѣло тамъ, спустился съ лѣстницы, достигъ гауптвахты, стремглавъ вбѣжалъ въ караульню и зажегъ свѣчу...

XXXI.

Покушеніе.

У двери на стулѣ лежала его шинель. Мировичъ подпоролъ подкладку, досталъ изготовленный манифестъ, сунулъ и его въ расщелину за печь и принялся за написаніе указа, отъ имени Іоанна Антоновича, командиру смоленскаго полка. Въ указѣ Корсаковъ жаловался генераломъ и ему предписывалось немедленно привести полкъ къ присягѣ и слѣдовать съ нимъ въ Петербургъ, къ лѣтнему дворцу — «куда и я неупустительно вслѣдъ за симъ шествую» — прибавилъ отъ имени принца Мировичъ. — «А измѣнника Ушакова розыскать и судить» — хотѣлъ онъ размахнуться, но остановился. — «Охъ, что же это я однако?» — удивился онъ и задумался, рѣшая, что Екатерину и Павла, при удачѣ, онъ отошлетъ въ отдаленный монастырь. Ему вспомнились слова подложнаго, составленнаго имъ отъ имени Екатерины манифеста: «Оставляю эту дикую, варварскую, неоцѣнившую меня, страну и столь же безвѣстная, какъ явилась, удаляюсь, передавая государство тому, кому оно слѣдуетъ, по рожденію, — правнуку Перваго Петра, принцу Іоанну...»

Кто-то вошелъ въ дверь.

— Что тебѣ? что? — испуганно вскрикнулъ Мировичъ.

Онъ вскочилъ и поднялъ высоко свѣчу. У порога стоялъ бѣлокурый, въ веснушкахъ, подслѣповатый и очевидно съ просонковъ, гарнизонный капралъ Лебедевъ.

— Отъ коменданта, — сказалъ тихо Лебедевъ: — велите, ваше благородіе, пропустить въ крѣпость гребцовъ.

— Не спитъ? не спитъ? какихъ гребцовъ?—похолодѣвъ и кинувшись къ нему, спросилъ Мировичъ.

— А хто е зна; може кто заблудимшись, туманъ.

На душѣ Мировича отлегло. Онъ кликнулъ вѣстового и велѣлъ пропустить гребцовъ. Опять заскрипѣло перо. Онъ написалъ воззваніе къ народу и къ высшимъ въ правленіи чинамъ. Дверь отворилась. Снова на порогѣ явился Лебедевъ.

— Ихъ высокоблагородіе просятъ ваше благородіе пропустить канцеляриста.

«Доносъ, ракалія, доносъ шлетъ о моихъ рѣчахъ! — подумалъ Мировичъ, — ну, да пусть, увидимъ еще»... — Канцеляриста впустили въ крѣпость. Шаги во дворѣ стихли.— «Ну, теперь приказъ по арміи»—рѣшилъ Мировичъ:—«одно горе, анаѳемская свѣчка скоро догоритъ».—И опять Лебедевъ.

— Да что тебѣ? что, образина?

— Гребцовъ прикажите выпустить изъ воротъ.

«Такъ и есть, доносъ,—злобно усмѣхнулся Мировичъ:— написали... теперь Власьевъ отсылаетъ курьера въ Питеръ... но успѣетъ ли»...

Онъ бросилъ перо, погасилъ свѣчку, раздѣлся, нащупалъ подушку, легъ на скамью и укрылся шинелью. Его бросало то въ холодъ, то въ жаръ.—«Вотъ сейчасъ войдутъ, арестуютъ, въ цѣпи закуютъ — думалъ онъ, прислушиваясь къ малѣйшему звуку на дворѣ, — а завтра скомандуютъ и этапомъ всенародно, по жарѣ, погонятъ въ Петербургъ».

Былъ второй часъ ночи въ исходѣ. Въ комнатѣ не было видно ни зги. Что-то ползало по стѣнамъ, шелестѣло у печи и у окна. Потъ струился по лицу Мировича. Жажда мучила его: «воды бы студеной, со льдомъ, цѣлый бы кувшинъ выпилъ».—«Фортуну-то, фортуну, молодой человѣкъ!»— слышалось ему:—«Колесо безъ гайки, колесо!»—«Да вы и умереть-то, какъ слѣдъ, неспособны»... — «А что? вѣдь пора!»—вдругъ подумалось ему:—«лучшаго момента не будетъ»...—Онъ съ отчаяніемъ обернулся къ стѣнѣ, натянулъ на голову шинель. Но и сквозь шинель опять и ужъ болѣе ясно, ему слышался голосъ: «ой, да иди же скорѣе, иди»...

Скамья колыхнулась подъ Мировичемъ. Онъ вздрогнулъ и вскочилъ. Мысли неслись неудержимо. Въ секунду онъ переживалъ безчисленныя впечатлѣнія. Комната, казалось, ходила вокругъ него ходенемъ. — «Такъ я неспособенъ? — задыхаясь, думалъ онъ, глядя въ темноту,—ты не вѣрила?

сиди же въ своей трущобѣ... а вотъ Орловымъ-то, видно, мнѣ быть».—«Я имъ скажу,—разсуждалъ онъ, придумывая, какъ выйдетъ и станетъ говорить передъ генералитетомъ:—открою, какъ все затѣялъ и выполнилъ одинъ, безъ пролитія крови и безъ пособниковъ. Въ тихости, ловко покончилъ. Перстъ Божій! ахнетъ вся Русь!»—Мировичъ не зналъ, какъ все это будетъ, но вѣрилъ и зналъ, что этому быть суждено.—«И вѣдь каковъ?—подумалъ онъ о себѣ,—ничтожная, безвѣстная соринка, и совершилъ такой подвигъ»... Онъ оглянулся: въ окнѣ будто побѣлѣло.

«Боже! разсвѣтъ!»—съ ужасомъ подумалъ Мировичъ.

Онъ сорвался со скамьи, схватилъ кафтанъ, шпагу и шляпу, выбѣжалъ на гауптвахту и громко крикнулъ: «къ ружью!»

Голосъ его странно, рѣзко раздался въ тишинѣ. Поднялась тревога.

— Бѣги,—сказалъ онъ старшему капралу:—собирай вездѣ всю команду.

Стали сбѣгаться разбуженные солдаты.

— Зачѣмъ зовутъ?—Что? манифестъ привезли? — толковали они, тѣснясь у казармы. Мировичъ построилъ команду въ три шеренги, выступилъ передъ фронтъ и велѣлъ заряжать ружья боевыми патронами. Самъ онъ взялъ заряженный мушкетъ и крикнулъ стражѣ у главныхъ воротъ:

— Никого въ крѣпость не пропускать, окромѣ маленькихъ шлюпокъ.

«Авось-таки подъѣдетъ Ушаковъ, — вертѣлось у него на умѣ,—сиккурсъ не мѣшаетъ».

Караульной команды смоленцевъ было сорокъ-пять человѣкъ; гарнизона, охранявшаго казематы и замкнутый за каналомъ дворъ, было не больше третьей части. Въ комендантскомъ окнѣ блеснулъ огонь. На крыльцѣ, заслышавъ шумъ и голоса, показался въ халатѣ Бередниковъ.

— Что за тревога?—спросилъ онъ Мировича:— что случилось и съ какой стати собрали людей?

— Ты здѣсь держишь невиннаго государя, — крикнулъ, кинувшись къ нему, Мировичъ:—о тебѣ есть особый указъ...

Онъ ударилъ его прикладомъ, схватилъ за воротъ и отдалъ подъ караулъ. Дерзость его всѣхъ покорила.

— Смирно! стройся!—скомандовалъ онъ отряду:—правое плечо впередъ, скорымъ шагомъ... маршъ! — и повелъ команду къ мосту, черезъ каналъ.

— Кто идетъ?—окликнулъ часовой.

— Къ государю идемъ!—окликнулъ на ходу Мировичъ.

За канавой послышалась возня. У воротъ блеснули огни, негромко и странно щелкнули въ туманѣ три выстрѣла, и пули, свистя, пролетѣли надъ наступавшей командой. Солдаты Мировича остановились.

— Стрѣляютъ,—сказалъ онъ:—и мы отплатимъ.

Онъ выровнялъ отрядъ и всѣмъ фронтомъ выпалилъ въ караульныхъ. Ворота за мостомъ отворились и опять затворились. По говору было замѣтно, что къ часовымъ наспѣло подкрѣпленіе.

— Что же, сдаетесь, измѣнники? покоряетесь настоящему государю, Іоанну Антоновичу?—крикнулъ съ площадки Мировичъ.

Гарнизонная стража опять выстрѣлила. Смоленцы ей отвѣтили новымъ залпомъ. Пули защелкали въ стѣну башни, въ крышу казармъ. Ни съ той, ни съ другой стороны, отъ тумана и общей, спѣшной стрѣльбы, никто не былъ раненъ. Дымъ сталъ расходиться. Мировичъ отвелъ команду за церковь, гдѣ стояли пожарные припасы. Солдаты ворчали.

— Что мы за душегубцы, убивцы?—слышалось между ними:—каки-таки резонты! Экъ, убрались... знаемъ мы ихъ...

— Солдатство требуетъ вида, ваше благородіе,—сказалъ, подойдя къ Мировичу, капралъ Мироновъ.

— Какого вида? что имъ, скотамъ?

— Значитъ, почему, то-ись, смутъ... и какъ на своихъ наступаемъ?

— А! вамъ вида!—злобно проговорилъ Мировичъ:—извольте,—безъ того, нешто, сталъ бы я дѣйствовать?

Онъ сходилъ въ кордегардію, досталъ изъ щели манифестъ и указъ и громко, не видя въ сумеркахъ строкъ, прочиталъ его наизусть.

«Вотъ актеръ Волковъ, объявившій на память манифестъ, и я... однимъ дѣломъ прославимся,—подумалъ онъ, оглядываясь на солдатъ. Тѣ робко жались въ сторонѣ, медля сбираться во фронтъ.—Боже, да гдѣ же Ушаковъ?—озирался Мировичъ,—гдѣ онъ? вразуми меня, Господи, наставь».

За мостомъ усиливалось движеніе. Кто-то сказалъ, что гарнизонные выкатили бочки, возы и готовились изъ-за нихъ къ новому отпору. Мировичъ съ мушкетомъ въ рукѣ вышелъ къ мосту.

— Слушайте,—крикнулъ онъ туда:—сдавайтесь, пропустите насъ, не то будетъ худо. Я пришелъ не самъ собою, сдѣлалъ это по долгу — сдавайтесь же, ослушники царской воли,—вамъ объявляю указъ...

— Ты сдавайся,—отвѣтили изъ-за канавы.

— Пушку,—скомандовалъ, возвратясь, Мировичъ:—заряды изъ погреба.

— Нѣтъ ключей.

— Къ коменданту; въ кабинетѣ висятъ.

Привели канонира, артиллерійскаго капрала и гандлангеровъ. Съ ихъ помощью стащили съ бастіона шести-фунтовую пушку, прикатили ее въ крѣпость, зарядили ее и поставили противъ воротъ. Приказавъ снова зарядить мушкеты и никого не пропускать ни въ крѣпость, ни изъ крѣпости, Мировичъ послалъ вѣстового объявить гарнизону, чтобы клали оружіе, иначе будутъ ядрами палить.

— Покоряйтесь, братцы,—окликнулъ вѣстовой:—почему, какъ ихъ благородіе, пришодши и не видѣмши покорности... а какъ, вы, значитъ, измѣнники...

Во дворѣ, гдѣ за тремя пикетами было помѣщеніе принца и жили два его пристава, всѣ потеряли головы. Кое-гдѣ быстро засвѣтились окна. Хлопали двери, бѣгали солдаты. Начальники метались, какъ угорѣлые, отдавали и опять отмѣняли приказанія, бранились, спорили. Кухарь принца сцѣпился съ портомойцемъ,—кричатъ о чемъ-то.

— Ну, что жъ теперича дѣлать?—спросилъ запыхавшійся, выбившійся изъ силъ Чекинъ:—они выкатили на площадь пушку.

— А вы какъ полагаете?—произнесъ Власьевъ.

— Да что же, Данилю Власычъ, ихъ сила; думай, не думай, а выйдетъ такой афронтъ,—одержитъ верхъ сугубо-злѣйшій врагъ.

— Ну, господинъ поручикъ, значитъ вы забыли инструкцію о секретномъ арестантѣ... Курьеръ нашъ врядъ ли доѣдетъ теперь... А она вѣдь не отмѣнена...

Холодъ пробѣжалъ по тѣлу Чекина. Страшная панинская инструкція ясно указывала мѣры, какія подобало принять съ «оною персоной» въ случаѣ, если бъ покусившаяся рука оказалась сильною.

— Но, ваше высокоблагородіе,—возразилъ и заикнулся

Чекинъ:—нельзя ли иначе какъ? помилуйте, столь противучеловѣческое дѣяніе... Вѣдь онъ, полагать надо, спитъ и ничего, какъ есть, не знаетъ.

Чекину вспомнился въ то мгновеніе минувшій вечеръ и лицо принца, къ которому онъ тогда принесъ ужинъ. Заключенный, сверхъ обычая, встрѣтилъ его привѣтливо и ласково. Бросилъ «непорядочные взоры» — и угрозы убить до смерти, отсѣчь голову, когда станетъ снова царемъ. То, бывало, все толкуетъ, что онъ государь великій и что одинъ подлый офицеръ все отнялъ у него и имя ему перемѣнилъ, хотя все-таки онъ здѣшней имперіи принцъ,—а тутъ вдругъ притихъ, куда амбиція дѣлась. Весь тотъ вечеръ онъ много ходилъ по комнатѣ. Дѣлалъ это принцъ Іоаннъ съ особыми пріемами. Отмѣритъ два-три шага отъ окна къ печи и остановится. — «Благослови, Боже», — скажетъ, или: «День до вечера, вечеръ до дня, помяни меня!»—повернется и начнетъ опять ходить между дверью и перегородкой. Молился онъ въ послѣднее время больше полусловами, крестясь и какъ будто куда-то все спѣша. Опять остановится: «Благослови, Господи, и виждь... Вечеръ до дня, день до вечера, до вечера»... и, какъ маятникъ, мелькаетъ изъ угла въ уголъ, либо ляжетъ, смотритъ съ постели и смѣется. Да и весь тотъ день онъ ходилъ до изнеможенія, останавливался и чертилъ что-то гвоздемъ на стѣнѣ, за печкой,—проголодался. Чекинъ былъ доволенъ его поведеніемъ и, съ укоризной себѣ, вспомнилъ, что онъ иногда съ досады бранилъ его вслухъ разбестіей и грозилъ бить его по указу четвертнымъ полѣномъ.

— Ахъ, вотъ вкусно!—сказалъ принцъ, садясь за горячую, пріятно пахнувшую похлебку: — я малъ чиномъ, да монахъ, буду митрополитомъ, потому и кланяюсь образамъ... Вѣдь я, братецъ, послѣ обѣда нынче видѣлъ сонъ.

— Какой сонъ? у васъ все коловратныя слова...

— Да все это я въ небѣ,—какіе тамъ жители, строенія!.. а то будто иду по лѣсу — а кругомъ буря гремитъ, дождь собирается. Такъ это душно: только гляжу, студеное, темное озеро. Я и бросился въ воду, нырнулъ, плыву, да вдругъ и выплылъ гдѣ-то въ такой зелени,—солнце грѣетъ, а цвѣтовъ, цвѣтовъ!.. и все бѣлые, да алые, махровые, — большіе,—пахнутъ,—а по нимъ пчелы, жуколицы, шмели... Ахъ, Лука Лукичъ, гдѣ это озеро и гдѣ этотъ лѣсъ?..

Помнилъ отчетливо Чекинъ, какъ было свѣтло и радостно лицо узника, когда онъ это говорилъ, какъ кротко онъ улыбался и какъ, поужинавъ, со словами: «Ну, а теперь и бай-бай! благослови, Боже, на сонъ праведный», умылъ руки и лицо, утерся, бережно развѣсилъ у изголовья полотенце и, раздѣваясь, сказалъ Чекину: — «Слушай, Лука Лукичъ, какъ выйду отсуль, да стану вашимъ царемъ, тебя въ гофъ-диннеры произведу... надъ всѣми слугами, превыше всѣхъ поставлю, въ камергеры произведу... А они не давали чаю, крѣпкихъ чулковъ... Эка невидаль ихъ монастырь... вотъ поживемъ такъ-то лучше, на вольной волюшкѣ»...

У воротъ раздались крики. Отъ Мировича явился новый вѣстовой.

— Скажи господину подпоручику, — объявилъ ему Власьевъ: — стрѣлять больше не будемъ, сдаемся, — пусть идетъ. Ворота отопрутъ.

— А теперь, поручикъ, за мной! — шепнулъ, обратясь къ товарищу, Власьевъ.

Онъ схватилъ Чекина за руку и повлекъ его къ казармѣ принца. Во дворѣ побѣлѣло. Начало свѣтать. Они миновали пикеты.

У сѣней каземата ходилъ часовой. — «Что? арестантъ спитъ?» — спросилъ его Власьевъ. — «Должно, спитъ, не слышно». — Власьевъ взялъ у часового палашъ, отперъ дверь. Въ душной, со спертымъ воздухомъ, комнатѣ, уже ясно можно было разглядѣть предметы. Въ рѣшётчатое, закоптѣлое окно чуть брезжилъ разсвѣтъ. Принцъ тихо спалъ за перегородкой. На скамьѣ лежало его платье, — матросская куртка и шаровары; возлѣ стояли стоптанные башмаки. У изголовья висѣло полотенце.

— Ну, что жъ, — обнаживъ палашъ и обернувшись къ Чекину, сказалъ Власьевъ: — именемъ статута, приказываю...

Чекинъ также обнажилъ шпагу. Онъ видѣлъ, какъ коротконогій, головатый Власьевъ несмѣло шагнулъ за перегородку и какъ, разглядывая спавшаго, нагнулся и сталъ шарить. Секунды двѣ его голова и плечи виднѣлись въ дверь переборки. И вдругъ онъ взмахнулъ рукой.

Раздался ударъ стали о что-то мягкое, быстрый шорохъ чего-то навалившагося, падающаго и страшный, дикій крикъ: — «ахъ, Боже! да что жъ это?» — Чекинъ безъ па-

мяти бросился къ двери и второпяхъ не могъ найти замка.

Что-то стремглавъ выскочило изъ-за перегородки. Среди комнаты обозначился рослый, крѣпко сложенный, окровавленный человѣкъ, въ одномъ бѣльѣ и съ разсѣченнымъ наискось лбомъ. Кровь струилась по его блѣдному, искаженному страхомъ и недоумѣніемъ лицу; въ его рукахъ былъ обломокъ стула. Красное пятно ширилось и съ боку рубахи. Онъ сломалъ ранившій его клинокъ, быстро обхватилъ Власьева и, повторяя: «Іуда, убивецъ!»—силился его повалить.

— Шпагу вашу, поручикъ... штыкъ отъ солдата!—крикнулъ, хрипя, Власьевъ.

Чекинъ услышалъ голоса на дворѣ, топотъ подбѣгавшихъ къ лѣстницѣ солдатъ и протянулъ свою шпагу Власьеву.— «Успѣютъ, помѣшаютъ»,—подумалъ онъ. Въ сѣняхъ замелькали тѣни. Онъ выскочилъ за дверь.

За его спиной раздался новый отчаянный крикъ. Что-то толкнулось о стѣну, рванулось къ двери и, простонавъ: «за что же, голубчики, за что?» — глухо рухнуло на полъ. Чекинъ въ темномъ проходѣ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Ему ясно опять представился ужинъ принца, ихъ разговоръ. «А цвѣты все бѣлые, да алые... жуколицы, пчелы, шмели»...

— Гдѣ государь? гдѣ?—крикнулъ, подбѣгая къ каземату, Мировичъ. Онъ задыхался. Солдаты толпились за нимъ.

— У насъ императрица, а не государь,— отвѣтилъ, ступивъ изъ каземата, Чекинъ.

«Отместка за кронштадтскаго матроса!» — подумалъ Мировичъ, вспоминая такой же отвѣтъ Третьему Петру.

— Иди, негодяй, отмыкай дверь и кажи намъ государя,— сказалъ онъ, схвативъ его за воротъ и толкнувъ въ затылокъ:—другой тебя, каналью, давно бы закололъ.

Онъ бросился съ ружьемъ по лѣстницѣ. Дверь каземата была настежъ. На ея порогѣ стоялъ Власьевъ. Нахлынувшіе солдаты толпились въ сѣняхъ и на галлереѣ. Мировичъ вошелъ въ казематъ. Тамъ было темно.

— Огня, свѣчу!—закричалъ Мировичъ:—что ты, злодѣй, тутъ дѣлалъ впотьмахъ?—кинулся онъ къ Власьеву:—наемные душегубы, мерзавцы! ужо всѣмъ вамъ будетъ расчетъ!

Принесли фонарь. Всѣ вошли въ затхлый мефитическій казематъ.

На его полу, навзничь, лежало въ крови бездыханное тѣло принца Іоанна...

— Ахъ, вы, злодѣи, окаянные, безсовѣстные!— вскрикнулъ, отступая въ ужасѣ, Мировичъ: — боитесь ли Бога? какъ смѣли пролить кровь столь великаго, неповиннаго человѣка?

Онъ бросился къ трупу. — «Императоръ нашъ бывшій, императоръ!»—кричалъ онъ, цѣлуя руки и ноги убитаго.

— Не знаемъ, кто онъ былъ,—отвѣтилъ Власьевъ:—вина не наша... что сдѣлано,—токмо по указу...

— Въ штыки ихъ, извергов, въ клочки! — раздались крики солдатъ.

— Пользы не будетъ! колоть не надо! — остановилъ ихъ Мировичъ:—и теперь они правы, а мы виноваты... Я вспомнилъ данное слово, явился, — сказалъ онъ, глядя въ мертвое лицо узника: — вотъ нашъ государь, Іоаннъ Антоновичъ. Ему быть бы на престолѣ, стоять во главѣ войска! Отбивался онъ вѣдь одинъ, безоружный, противъ вооруженныхъ... Помните и передайте въ роды родовъ, вы его видѣли... Теперь мы безчастны и я болѣ васъ всѣхъ... Одинъ отвѣчу, за всѣхъ потерплю... Несите,—прибавилъ онъ, громко зарыдавъ: — вашему величеству отдаетъ долгъ послѣдній вѣрноподданный...

Тѣло покойнаго, въ посконной бѣлой рубахѣ и въ портахъ изъ грубаго мужицкаго холста, прикрыли знаменемъ и на кровати вынесли на фрунтовое мѣсто, во дворъ, гдѣ ужъ разсвѣло. Всѣ заглядывали въ блѣдное, будто озабоченное величіемъ роковаго событія лицо убитаго, съ русой бородой. Мировичъ велѣлъ барабанщику бить утренній побудокъ, выстроилъ отрядъ шеренгами, положилъ къ ногамъ принца свою шпагу, шарфъ и скомандовалъ, въ честь скончавшагося, на караулъ. Барабанщикъ билъ полный походъ.

— Прощайте, братцы, не поминайте лихомъ, — говорилъ Мировичъ, обходя ряды и обнимая солдатъ.

Освобожденный изъ-подъ стражи комендантъ подалъ знакъ. Старшій капралъ и нѣсколько рядовыхъ окружили Мировича. Бередниковъ отдалъ его подъ арестъ той командѣ, у которой самъ за минуту былъ подъ стражей.

Къ фронту подошелъ наспѣвшій изъ Шлиссельбурга командиръ смоленцевъ, Корсаковъ.

— Можетъ быть, вы, полковникъ, не видѣли живого на-

шего государя, Іоанна Антоновича, — сказалъ Мировичъ: — такъ вотъ онъ мертвый... Но если бы...

Загремѣлъ барабанъ. Фронтъ сомкнулся. Шеренги двинулись въ ворота. Корсаковъ повелъ арестованнаго Мировича на полковую гауптвахту.

Тѣло узника, въ бархатномъ, аломъ гробѣ, было выставлено въ церкви. Стеченіе и толки народа заставили поспѣшить съ его погребеніемъ. Онъ тайно былъ схороненъ въ глухомъ мѣстѣ, у стѣны, причемъ его могилу сравняли съ землей; здѣсь впослѣдствіи устроили, и донынѣ существующую, домашнюю, теплую для заключенныхъ церковь, во имя апостола Филиппа. Въ народѣ пустили молву, что покойнаго вывезли ночью, для погребенія, въ Тихвинскій монастырь.

XXXII.

Сентенція.

Екатерина въ это время, съ большою пышностью, совершала свою поѣздку въ Остзейскій край. Надежды нѣмцевъ воскресли. Носился слухъ, что за нимъ велъ въ тайнѣ подкопы опять ожившій «лукавый старецъ Калхасъ» берлинскаго двора. Союзъ съ Фридрихомъ грозилъ старыми бѣдами. Повторяли, со словъ Ломоносова, совѣтъ дѣльца старыхъ временъ: «дружи не съ сосѣдомъ, а черезъ сосѣда».

Девятаго іюля Екатерина торжественно въѣхала въ Ригу. Пальба изъ пушекъ, колокольный звонъ и крики «виватъ» встрѣтили высокую гостью. Магистратскіе чины и рыцарство, на богато-убранныхъ коняхъ, преклонили передъ нею, прятавшійся въ елисаветинскіе годы, городовой штандартъ. На тріумфальныхъ воротахъ красовалась надпись: «Matri patriae incomparabili». Екатерина вышла изъ кареты по цвѣтамъ, которые бросали ей подъ ноги, одѣтыя въ бѣлое, дочери горожанъ. Осмотрѣвъ войско и посѣтивъ загородный дворецъ Петра Перваго и русскую церковь во имя Алексѣя Божьяго человѣка, Екатерина одиннадцатаго іюля приняла обѣдъ отъ рыцарства. Вечеромъ въ посольскомъ домѣ ее ожидалъ балъ-маскарадъ отъ мѣщанскаго общества.

Съ улицы долетали уже звуки музыки и гулъ ожидавшей государыню толпы. Проѣхали экипажи Бирона и Миниха. Собрались и гости русской свиты. Императрица сидѣла въ пудрамантелѣ, въ уборной. Парикмахеръ убиралъ ей волосы.

Шаргородская ожидала съ платьемъ; Перекусихина—съ маской и съ голубымъ, въ розовыхъ лентахъ, домино̀. У подъѣзда стояла запряженная цугомъ, въ страусовыхъ перьяхъ, съ егерями и скороходами, парадная карета. Послѣдняя букля была взбита, послѣдняя булавка приколота. Екатерина уже протянула руку къ маскѣ. Въ это время въ зеркало она увидѣла полуоткрытую дверь. Шаргородская держала на подносѣ пакетъ.

— Что̀ тамъ? — обернулась императрица.

— Фельдъегерь изъ Петербурга... офицеръ Кашкинъ...

Екатерина вскрыла пакетъ, прочла первыя строки и чуть не уронила бумаги. То было подробное донесеніе Панина о покушеніи Миро̀вича и объ убійствѣ принца Іоанна. — «Уйдите»—сказала императрица окружавшимъ. Черезъ нѣсколько минутъ она позвонила. Лицо ея было встревожено, покрылось пятнами.—«Позвать графа Строганова,—сказала она камеръ-юнгферамъ: — да не явно; пусть войдетъ по малой внутренней лѣстницѣ». — Строгановъ явился. Дверь за нимъ заперли на ключъ.

— Ну, Александръ Сергѣевичъ, — обратилась къ нему императрица: — сослужи службу, поѣзжай за меня на этотъ балъ.

— Какъ, за васъ? шутить изволите!..—произнесъ, отступивъ, удивленный графъ.

— Ничуть! садись, вотъ мои уборы. Мавра Савишна, Катерина Ивановна, прилаживайте на него.

— Но, государыня, за что̀-жъ такая издѣвка? въ чужомъ мѣстѣ, незнакомая публика... угадаютъ — осудятъ.

— Не о себѣ, обо мнѣ подумай. Отказъ мой сочтутъ за афронтъ, а ѣхать туда не могу. Я только-что получила важныя бумаги изъ Питера. Нужно отвѣчать, писать немедленно резолюціи. Не до удовольствій, пойми; а политика, высшіе резоны требуютъ скрыть отъ всѣхъ самомалѣйшій намекъ на то, почему я уклонилась отъ предложеннаго бала. Не вѣришь? думаешь, дурачу? Полно-ка. Одѣвайся и, не мѣшкая, поѣзжай. Ты же со мной кстати, одного роста, турнюры и голосъ мой не разъ искусно перебуфонивалъ. Вотъ и найдись получше передъ чужими, да кое-передъ кѣмъ и изъ своихъ: представь на этомъ вечерѣ мою особу... утѣшь нѣмцевъ...

— Только не въ каретѣ, пѣшкомъ дозвольте, — отвѣтилъ

сдавшійся графъ,—иначе лакеи, подсаживая, какъ бы не признали и не разболтались.

— Какъ хочешь, лишь бы умненько, со смекалкой.

Спустя четверть часа, графъ Строгановъ, въ домино и въ маскѣ императрицы, окруженный депутатами города и чинами двора, черезъ полную, гудѣвшую народомъ, улицу, прошелъ въ посольскій домъ. «На оный маскарадъ ея величество изволила ходить *пѣшкомъ въ маскѣ*»,—подчеркнулъ эти слова въ тотъ же вечеръ въ «дневникѣ двора» камеръ-фурьеръ Купреяновъ. Строганова никто не узналъ. Нѣмцы приняли его за императрицу, расточали ему тонкія, затѣйливо-почтительныя любезности и, всерабственно раскланиваясь, утруждали его нижайшими просьбами объ упованіяхъ и нуждишкахъ края. Биронъ, по обычаю, жаловался на обиды и подвохи Миниха, Минихъ на Бирона. Строгановъ наслушался здѣсь такихъ секретовъ, что его въ потъ бросило.

Императрица, между тѣмъ, заперлась въ кабинеты, вновь прочла донесеніе Панина о «дивахъ» и всѣ къ ней бумаги, и велѣла вызвать съ бала Орловыхъ и гетмана. Она имъ сообщила вѣсть о кровавой, какъ она мѣтко назвала ее, «шлиссельбургской нелѣпѣ».

— Страшное, безчеловѣчное дѣло,—сказала она:—и тѣмъ досаднѣе, что принцъ уже почти совсѣмъ согласился постричься въ монахи! опомниться не могу, и трудно будетъ разсѣять превратные толки злыхъ, враждующихъ намъ языковъ. А что хуже—этотъ позорящій насъ злодѣй былъ, очевидно, не безъ пособниковъ. Я вспоминаю, что передъ моимъ выѣздомъ одна бѣдная женщина нашла на улицѣ потерянное письмо, гдѣ указывали на нѣкое соглашеніе, грозились меня убить...

— Кто-жъ пособники?—спросилъ, вспыхнувъ, гетманъ:—надѣюсь, не земляки Мировича.

— Дашкову называютъ,—вѣрить дико.

Орловы переглянулись.

— Въ арестованныхъ документахъ три руки,—продолжала, просматривая бумаги, императрица:—манифестъ мелкаго почерка, письмо отъ имени покойнаго принца къ Корсакову—крупнаго, а указъ—средней руки. Первые два—положимъ, Мировича и Ушакова... но кто-жъ писалъ третій документъ?

— Тайный розыскъ, съ пристрастьемъ! веревка и пуля—

развяжутъ всякій языкъ,—сказалъ, сдвинувъ брови, Алексѣй Орловъ:—многіе тузы объявились бы... въ хомутъ бы его и на дыбу, допытались бы, съ кѣмъ совѣщался... Да и солдаты,—безъ подговора свыше, не пошли бы за нимъ...

— Не розыскъ и не пытка, всенародный судъ, безъ скрытности, вотъ что рѣшаю,— возразила императрица:— дѣло столь важное не можетъ остаться въ секретѣ,—а особенно, когда около сотни человѣкъ въ немъ съ оружіемъ участвовали... Строгое, безъ послабленій и всякой жалюзи, слѣдствіе, а по возвратѣ въ столицу,—подробный, для всего свѣта, откровенный манифестъ... Пусть узнаютъ истинный образъ несчастнаго фантома, для коего содѣяно это безумное покушеніе.

Екатерина возвратилась въ Петербургъ въ концѣ іюля. Манифестъ о шлиссельбургской катастрофѣ явился 17-го августа. Верховный судъ надъ Мировичемъ былъ объявленъ изъ членовъ сената, синода, президентовъ коллегій, генералитета и особъ первыхъ трехъ классовъ. Преступника содержали въ Петропавловской крѣпости. Слухи о ходѣ суда проникали въ городъ и волновали все общество.

Стало извѣстно, что членъ суда, сенаторъ Неплюевъ, требовалъ арестовать и привлечь, какъ указано, «безъ жалюзи» къ допросу до сорока лицъ, большею частью, изъ высшаго круга столицы. Разнеслась вѣсть и о выходкѣ другого члена присутствія, барона Черкасова. Когда собраніе, 31-го августа, выслушавъ первый личный допросъ Мировича, рѣшило его сковать и, содержа подъ карауломъ, приступить къ сочиненію сентенціи, Черкасовъ всталъ съ мѣста.

— Я требую пытки измѣнничьему внуку Мировичу,— сказалъ онъ, возвысивъ голосъ:—въ городѣ распущены вредительные слухи, и насъ, судей, почитаютъ комедіантами и машинами, отъ посторонняго вдохновенія движущимися.

— Дерзкія, обидныя клеветы!—возразилъ кто-то.

— Строгимъ розыскомъ, господа судъ, о тайныхъ руководителяхъ жертвы,— продолжалъ Черкасовъ:—мы должны себя оправдать не токмо передъ всѣми теперь живущими, но и передъ слѣдующими по насъ родами... Въ томъ наша честь и достоинство...

— Да, не мѣшало-бъ въ скромномъ мѣстѣ въ ребрахъ у него пощупать,—подхватили другіе.

Буря поднялась въ верховномъ судилищѣ. Всѣ вскочили съ мѣстъ, кричали упрёки другъ другу. Оберъ-прокуроръ Соймоновъ заявилъ, что и нѣкоторые изъ духовенства требуютъ допроса съ пристрастіемъ.

— Воспрещаю длить столь дерзновенныя рѣчи,—повелительнымъ голосомъ объявилъ генералъ-прокуроръ, князь Вяземскій:—собраніе закрыто, а о происшедшемъ будетъ доложено ея величеству.

Отвѣтъ Екатерины сталъ извѣстенъ въ городѣ.

— Въ голосѣ Черкасова,—рѣшила она:—я иного не вижу, окромѣ, что̀ ему чистое и нелицемѣрное усердіе диктовало. Чужестранныхъ недоброжелательныхъ дворовъ министры дѣйствительно по городу разсѣваютъ, будто я заставляю собраніе, для сокрытія истины, въ семъ дѣлѣ комедію играть; да и у насъ уже дѣйствуютъ партіи, для соблазна публики... Черкасову выбиться нельзя; онъ ровный имъ тутъ... писали отъ усердія, сгоряча... Братъ мой, а умъ свой... Того ради, дайте большинству голосовъ совершенную волю...

Шопотомъ повторяли и отвѣтъ Миро̀вича комиссіи, явившейся отъ суда для его увѣщанія.

— Покайся, признавайся, — говорили Миро̀вичу члены суда: — назови своихъ единомышленниковъ, подстрекателей, пособниковъ и попустителей. Облегчи душу покаяніемъ.

— Вы ищете моихъ пособниковъ? — отвѣтилъ онъ: — напрасно; я дѣйствовалъ одинъ!

— Но какъ ты могъ рѣшиться, какъ дерзнулъ?

— Я предпринялъ лишь то, что̀ удалось вамъ самимъ и что̀ васъ поставило моими судьями, а меня подсудимымъ. Я шелъ по вашимъ стопамъ; удайся мое дѣло, вы всѣ говорили бы инымъ языкомъ.

Перваго сентября Миро̀вича заковали въ цѣпи, лиша его чиновъ. Онъ сильно упалъ духомъ, плакалъ.

На новое предложеніе пытки Екатерина отвѣтила: — «оставимъ несчастнаго въ покоѣ и утѣшимся мыслію, что государство не имѣетъ иныхъ сто̀ль ожесточенныхъ враговъ».

Девятаго сентября судъ подписалъ сентенцію: «капраловъ и солдатъ, участниковъ бунта, прогнать сквозь строй и сослать въ каторгу; камеръ-лакея Касаткина, за болтовню о дворѣ и его порядкахъ, наказать батогами и зачислить въ рядовые, въ дальнія команды. Чефаридзева, — за недонесеніе, — лишить чиновъ и тоже разжаловать въ солдаты...

Мировича—четвертовать и, оставя тѣло его народу на позорище до вечера, сжечь оное купно съ эшафотомъ». — Власьевъ и Чекинъ, убійцы принца Іоанна, вскорѣ были высланы, съ наградой по семи тысячъ рублей, въ дальнія губерніи, съ воспрещеніемъ появляться вмѣстѣ и вообще посѣщать многолюдныя компаніи, и о происшедшемъ съ ними никогда и никому не говорить.

Казнь Мировичу была объявлена на пятнадцатое сентября, на Сытномъ рынкѣ Петербургской стороны, противъ крѣпости. Екатерина, на предложеніе суда—отказаться отъ права помилованія, отвѣтила резолюціей: «моихъ правъ — не касаться никому» и замѣнила казнь четвертованія — отсѣченіемъ головы Мировичу.

Слухъ о покушеніи Мировича проникъ въ дальніе концы Россіи, долетѣлъ до Днѣпра, до Трубежа и до оренбургской линіи.

Въ кумовой пасѣкѣ, въ Переяславлѣ, въ Изюмскомъ уѣздѣ, въ Москвѣ и у Измайловскаго моста, у Бавыкиной, произвели строгіе обыски, допросы. Всѣ угадывали участь, которая ожидала Мировича. Сентенція суда подтвердила общія ожиданія. Двѣ сестры Мировича и Бавыкина долго, какъ тѣни, бродили по Петербургу, обходя и моля всѣхъ вліятельныхъ лицъ и падая въ ноги членамъ верховнаго суда.

Бавыкина выждала императрицу, по пути ея за городъ, и подала ей прошеніе на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда удостоилась поднести ведро воды ея величеству. Екатерина узнала Филатовну. — «Ахъ, матушка, не могу, — отвѣтила она съ искреннимъ чувствомъ: — проси, о чемъ хочешь; я у тебя въ долгу, но этого сдѣлать не въ моей силѣ. Судъ такъ рѣшилъ, и соблазнъ слишкомъ дерзостенъ и великъ».

Двѣнадцатаго сентября, на перекладной, изъ-за Волги, прибыла въ Петербургъ еще одна просительница. Въ первые дни она съ трудомъ добилась пріема у Григорія Орлова, у гетмана и у преосвященнаго Аѳанасія; уцѣпилась у подъѣзда сената въ кафтанъ генералъ-прокурора Вяземскаго и, волочась за нимъ по ступенямъ, рыдая и обнимая его ноги, молила о пощадѣ своему жениху. Ей сказали, что поздно,— приговоръ о казни Мировича уже былъ судомъ подписанъ. Ее видѣлъ и прибывшій въ это время съ юга пріятель

Мировича, Яковъ Евстафьевичъ, давшій ей совѣтъ — обратиться съ просьбой выше.

Во вторникъ, четырнадцатаго сентября, въ дворцовой церкви Царскаго Села, по случаю праздника Воздвиженія, для государыни служилась заутреня, затѣмъ обѣдня. Изъ церкви императрица прошла въ кабинетъ, гдѣ ее ожидали кофе и привезенные съ утреннимъ курьеромъ доклады.

Бывшій гардеробмейстеръ, Василій Григорьичъ Шкуринъ, нынѣ бригадиръ и камергеръ, въ праздничные дни вспоминая старую службу, любилъ самъ обметать пыль со столовъ и прочей мебели императрицы. Такъ и теперь онъ, войдя въ кабинетъ, обмахнулъ пучкомъ перьевъ часы и каминъ и, занявшись полкой съ книгами, сталъ по обычаю мурлыкать церковный кантъ. Въ такихъ случаяхъ, въ часы добраго расположенія духа, и Екатерина любила въ шутку подтягивать вѣрному слугѣ. Возгласитъ онъ, подражая лаврскому архимандриту: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое», — Екатерина обернется отъ бумагъ и, на манеръ хора, протяжно отвѣтитъ ему: «Исъ-паллà-эти деспота»... — Затянетъ Василій Григорьичъ, въ родѣ архіепископа Димитрія, чуть слышнымъ, замирающимъ голосомъ: «Свѣте тихій, святыя славы... Отца безсмертнаго... святаго, блаженнаго»,—императрица баскомъ вторитъ ему: «Премудрость, вонмемъ».—Теперь Шкуринъ пропѣлъ начало извѣстнаго тропаря и во второй разъ нѣжно затянулъ любимую стихиру: «Отъ юности моея мнози борютъ мя страсти...»— Онъ помахивалъ пучкомъ, вздыхалъ, оглядывался; императрица не отрывалась отъ стола и его не замѣчала. Ужъ онъ, кряхтя, взялся за дверь и готовился уйти.

— Что, Григорьичъ? не въ духѣ твоя кума? — вдругъ отозвалась, обернувшись къ нему, Екатерина:—имѣешь что-нибудь сказать?

— Какъ, матушка, не имѣть? да вотъ, пресвѣтлая, углубилась ты въ бумаги, не смѣлъ.

— Говори.

— Просительница одна ждетъ тебя, многомилостивая, у садовника Титыча; съ параднаго не пустили, гнали, ко мнѣ дошла.

— Кто она и по какому дѣлу?

— Издалека, съ Камышъ-рѣки... на перекладной домча-

лась—все по тому же... по завтрашнему-то случаю... дѣвушка, изъ прежнихъ, видно, дворскихъ.

— Дѣвушка? кто такая?

— Плачетъ, не знаю, даже слезы выплакала... охъ, прими ты ее, всемилостивая.

— Что же я могу, Богъ мой?—спросила, вздохнувъ Екатерина:—что я для нея, когда и всѣ-всѣ?.. Алексѣй Петровичъ, гетманъ, Панинъ?..

— Допусти ее, выслушай, — сказалъ, поклонившись въ поясъ, Шкуринъ.

Екатерина позвонила. Дежурный лакей ввелъ худую, красивую, съ янтарно-золотистыми волосами, дѣвушку. Оставшись наединѣ съ государыней, она опустилась у порога на колѣни.

— Встаньте, милая, ободритесь, — произнесла, ласково подходя къ ней, Екатерина: — за кого вы просите?

— За Мировича...

— Монархи невластны въ такихъ дѣлахъ; не я судила его, и не я клала приговоръ... Кто вы и почему просите за него?

Худыя плечи Поликсены вздрагивали. Блѣдныя руки безжизненно были опущены вдоль темнаго, старенькаго платья. Запекшіяся, сжатыя губы не могли произнести ни слова.

— Кто вы? — повторила императрица: — говорите, какъ матери отечества! не бойтесь... мы однѣ.

— Я невѣста Мировича,—отвѣтила Поликсена, поднявъ на Екатерину убитый, потухшій взоръ.

— Невѣста?.. что вы говорите!

— Вижу, пощады не будетъ; молю объ одномъ — дайте съ нимъ проститься, раздѣлить его послѣднія минуты.

— Сядьте, милая, сядьте,—вы падаете,—сказала, поддержавъ ее, императрица: — здѣсь, на софу... Такъ, невѣста? Вы лучше всѣхъ знали его. Скажите откровенно, безъ утайки,—продолжала, сѣвъ возлѣ гостьи, Екатерина: — что побудило его на столь дерзкій, безумный шагъ? Притомъ въ немъ замѣчена такая зазорная, звѣрская окаменѣлость, такое упорство въ невыдачѣ своихъ сообщниковъ...

Поликсена медлила отвѣтомъ.

— Государыня, можете ли хоть обѣщать?—спросила она.

— Все, что въ моихъ силахъ.

— Даже помилованіе?—вспыхнувшимъ взоромъ впиваясь въ Екатерину, спросила Пчёлкина.

— Увижу!.. по вашей искренности... Есть сообщники, подстрекатели?

— Есть... одно лицо.

— Въ живыхъ оно? и вы его знаете? — медлѐнно спросила императрица.

— Знаю... въ живыхъ...

— Можете уличить, доказать?

— Могу.

— И его не привлекали къ слѣдствію?

— Его никто не знаетъ, а въ немъ вся вина...

Екатерина встала. Облако прошло по ея лицу.

— Извольте,—сказала она:—обѣщаю даже помилованіе; говорите, кто это лицо?

— Ваше величество, дѣло идетъ о жизни и смерти близкаго мнѣ человѣка... простите, — назову зачинщика и подстрекателя, если только удостоите... если помилованіе Мировича будетъ неотложно...

— Не вѣрите? — спросила, нахмурясь, Екатерина.

Поликсена, ломая руки, боролась съ собой.

— Кто-жъ подстрекатель? кто?

— Я, государыня! — негромко проговорила Поликсена.

— Вы? — прошептала въ изумленіи Екатерина: — полно! шутите, бѣдная! Я этого не слышала, не хочу знать. Желаніе спасти близкаго, любимаго человѣка ослѣпляетъ васъ... Честь доброму сердцу и чувству; но,—простите и меня, — вѣрить вамъ не могу... Я читала его записки, календарь, стихи, — это фанатикъ сильный, но у него должны быть пособники, подстрекатели, еще болѣе сильные...

— Я, ваше величество, одна я виновница!—продолжала Поликсена: — онъ лишь выполнялъ то, чего я желала, требовала.

— Требовали? вы?—произнесла Екатерина, оглянувъ просительницу удивленнымъ, испытующимъ взоромъ:—но вамъ-то, сударыня-голубушка, зачѣмъ надобилось такое дѣло? въ чемъ могли здѣсь быть ваши собственные виды и намѣренія?..

Поликсена какъ-то съёжилась, приникла и закрыла лицо руками. Ей въ это мгновеніе вспомнился шлиссельбургскій казематъ, тайныя встрѣчи съ узникомъ, ея безумныя надежды, мечты. Представилось ей и ея прошлое — сиротливое, заброшенное дѣтство, жизнь въ положеніи швеи, потомъ камермедхенъ прежняго двора,—ухаживанья наглыхъ,

бездушныхъ волокитъ, знакомство съ Мировичемъ и гаданье Варварушки. Сбывались и слова ворожеи... пролилась кровь и вновь была готова пролиться...

Поликсена помолчала и торопливо, обрываясь въ словахъ, разсказала Екатеринѣ повѣсть своихъ отношеній къ Мировичу.

— Узнавъ принца, убѣдясь въ его страшной, безпомощной долѣ, — заключила она: — я обезпамятѣла отъ горя, — укорила полюбившаго меня, что онъ не имѣетъ отваги, смѣлости... Я хотѣла прежде обезпечить долю принца... потомъ — выйти за Мировича. Мои слова были искрой въ порохъ... Онъ предпринялъ отчаянное дѣло, — и теперь его ждетъ казнь... Государыня, казните меня — не его... Я всему виной...

Екатерина молчала. — «Вотъ нашъ вѣкъ, — сказала она себѣ—и его еще считаютъ холоднымъ, чуждымъ героизма. Дѣйствительно, новая Жанна д'Аркъ... Что скажетъ Дидеро? какъ посудитъ Вольтеръ?»

— Вы были откровенны со мной, — объявила она просительницѣ: — я сдержу обѣщаніе...

Поликсена упала къ ногамъ императрицы. Та ее ласково придержала, обняла. Въ глазахъ Екатерины свѣтилась ласковая, добрая улыбка.

— Только ни слова о томъ никому,—заключила императрица:—завтра экзекуція утромъ. Указъ о помилованіи будетъ съ фельдъегеремъ доставленъ къ эшафоту...

Поликсена уѣхала изъ Царскаго. По пути ее обогналъ мчавшійся во всю конскую прыть фельдъегерь.

Въ тотъ же вечеръ сторожъ Мировича, унося изъ каземата остатки ужина, будто нечаянно обронилъ клочокъ бумаги. То была записка, а въ ней кольцо. — «Не падай духомъ, надѣйся, — писала Поликсена:—я здѣсь; моли Бога,— все еще можетъ измѣниться».

Мировичъ обезумѣлъ отъ радости.—«Какъ? отъ нея?»— шепталъ онъ, осыпая записку и кольцо поцѣлуями, слезами:— «вотъ, когда сказалось, вотъ!»—Онъ несчетные разы подносилъ къ свѣчѣ письмо, читалъ дорогія строки, сжёгъ письмо, и, гремя цѣпью, взадъ и впередъ ходилъ по каземату.

Но вдругъ онъ остановился, какъ вкопанный: внезапная, адски-страшная мысль пронеслась въ его умѣ. — «А что,

если все это она придумала, сочинила, чтобъ только успокоить, утѣшить меня? что, если, вмѣсто помилованія, завтра упадетъ моя голова? Такъ, такъ! придумала... изъ жалости, добра ко мнѣ...»

Холодный, мертвящій ужасъ охватилъ Мировича. Онъ стиснулъ зубы, упалъ лицомъ въ постель, и все его бренное, исхудалое тѣло задвигалось въ судорогахъ злобныхъ, глухихъ проклятій и безсильнаго, душу рвавшаго отчаянія и бѣшенства.

XXXIII.

На эшафотѣ.

Пятнадцатаго сентября, съ утра, народъ повалилъ на Сытный рынокъ, гдѣ, противъ тогдашняго второго моста черезъ Кронвергскій каналъ, возвышался окрашенный черною краской эшафотъ. Явилась полиція. Подметали площадь, сосѣднія улицы. Лавки были заперты. Ожидали оберполицеймейстера и войско.

Мировичъ всю ночь не спалъ.

Его мысли были въ страшномъ, мучительномъ безпорядкѣ. Мрачныя, безобразныя представленія, обрывки, клочки видѣннаго, испытаннаго, возникали и исчезали передъ его глазами. То ему казалось, что Ушаковъ, о гибели котораго онъ узналъ во время суда, живъ, съ толпой единомышленниковъ ворвался въ крѣпость и спѣшилъ на его освобожденіе. То видѣлъ онъ засѣданіе масоновъ, слышалъ рѣчь кёнигсбергскаго каноника: «вы — Азія и мракъ, и истиннаго свѣта вамъ не видать».—Какая-то депутація шла къ государынѣ, пророчила ей возстаніе всей страны, и она подписывали указъ о его прощеніи. Грезились ему и другія картины: темная, дождливая ночь; въ окнѣ кто-то возился, чѣмъ-то скрёбъ; подпиленная рѣшотка падала, а за ней, съ фонарями и факелами, стояли гетманъ, Орловы, Панинъ и живой принцъ Іоаннъ. — «Мы о тебѣ просили, тебя не помиловали, — говорилъ гетманъ: — иди, шлюпка готова; уѣдемъ, — тебѣ не удалось, — я разбилъ всѣ преграды».

Мировичъ вскакивалъ, прислушивался, съ замирающимъ сердцемъ, вглядывался въ темноту.—«Подлый, гнусный трусишка!» — шепталъ онъ себѣ, съ отвращеніемъ, въ лихорадкѣ гнетущаго, дикаго ужаса:—«и умереть-то, по-правдѣ, спокойно, мужественно не умѣешь! Вздоръ! эка, чортъ, чего

испугался смерти... точно не ожидалъ... а хотѣлъ быть, при удачѣ, генералиссимусомъ, свѣтлѣйшимъ... Ожидалъ, вѣдь по пальцамъ, по часамъ, все сообразилъ и высчиталъ, какъ и когда... Знаю и мѣсто... лавчонки тамъ все дрянныя, съ прогнившими, зеленоватыми крышами,—одна даже провалилась и ее недавно, какъ я проходилъ, задѣлывали новыми досками... Тамъ, кажется, казнили Волынскаго; а прежде, кто-то говорилъ, на той же площади торчалъ столбъ, съ головами четвертованныхъ по дѣлу царевича Алексѣя... И теперь уже навѣрное тоже тамъ торчитъ *это* страшное, изъ досокъ, дьявольское пугало. И кто назначилъ, кто рѣшилъ эту казнь? Я здоровъ, молодъ, силенъ; сколько было упованій, надеждъ, и вдругъ — смерть... Эти руки, грудь, голова, — чуть разсвѣтетъ, — будутъ трупомъ... И за что? я лишь не успѣлъ сдѣлать того, что сдѣлали другіе — Дашковы, Орловы, гетманъ»...

«Стучи, стучи, глупое, жалкое сердце» — шепталъ, ощупывая себя, Мировичъ: — «скоро конецъ ночи, послѣдней ночи... Но конецъ ли?»

Онъ вскакивалъ съ постели, взбирался на подоконникъ и просовывалъ голову въ форточку.—«Боже, какая тьма и что за возмутительный, невѣроятный вездѣ покой! — содрагался онъ, стиснувъ зубы:—ни звука! я одинъ отрѣзанный отъ всѣхъ, а завтра еще болѣе... отрѣжутъ, отсѣкутъ... Да, да,—мысленно кричалъ онъ:—безжалостные! Давеча за дверью солдаты вонъ разболтались отъ скуки, да громко такъ, въ щелку двери, какъ молоткомъ, все отдавалось. Палача выбрали, толкуютъ, надежнаго и прежде его испытали: — однимъ ударомъ, вишь, голову отсѣкъ онъ барану, съ шерстью... охулки на руку, значитъ, не положитъ... Какъ бы убѣжать? надо убѣжать, но нѣтъ ни пилы, ни ржаваго гвоздя... Говорятъ, голова, по отсѣченіи, еще живетъ... Студенты въ нѣметчинѣ купили заранѣе такую голову съ одного казненнаго, и, поставя ее съ плахи на опилки, стали кричать въ уши: Іоганнъ!—крикнули въ лѣвое ухо,—глаза головы обернулись налѣво... Іоганнъ! крикнули въ правое, — глаза обернулись направо... страшно! Господи! ужели и я буду все чувствовать, видѣть, слышать?»

Въ лицо Мировичу повѣялъ свѣжій, предразсвѣтный вѣтерокъ.

И все, что было ему въ жизни дорогого, вся немногая

теплота и прелесть его неудавшейся, скомканной жизни, дѣтство, родина, школа, первыя встрѣчи съ Поликсеной, первыя радости и эта, послѣ разлуки, родная глушь, мечты укрыться навѣкъ среди тишины и чистоты деревенскаго счастья, — все это разомъ откликнулось, ожило, заговорило въ Мировичѣ. Онъ, примиренный, растроганный, сошелъ съ окна, легъ на кровать, закрылъ глаза и тихо, отрадно заплакалъ. Грѣющій, сладкій сонъ незамѣтно подкрался къ нему, обнялъ его и угомонилъ. Свѣча погасла. Сторожъ, поглядывая въ дверное окно, не зажигалъ ея, чтобъ не будить арестанта.

Вдругъ Мировичъ очнулся, сорвался съ кровати.

Былъ шестой часъ утра. Начинался блѣдный, туманный, осенній разсвѣтъ. Все необычайно-тяжелое, враждебное и грозное, въ ясной неотразимости, снова встало въ душѣ Мировича.—«За что же, за что? — кто-то говорилъ внутри его:—и эта казнь, это новое убійство?.. не дождешься увидѣть міра на новыхъ, лучшихъ началахъ, — рухнулъ твой храмъ, и всѣ тѣ обманщики, лжецы, кто думалъ его когда-нибудь перестроить».—Онъ увидѣлъ съ вечера присланный ему отъ священника листъ бумаги, взялъ перо и сѣлъ съ цѣлью написать нѣсколько строкъ къ близкимъ своимъ...— рука не повиновалась... — Дрожь опять охватила, сковала его члены. — «Богу помолиться, Богу», — прошепталъ онъ. Расчесавъ длинные русые волосы, онъ пріодѣлся и сталъ молиться. О чемъ? — молитва не шла на языкъ.

Вдали въ коридорѣ что-то стукнуло. Послышались торопливые шаги. У дверей загремѣли ключами. Мировичъ встрепенулся всѣмъ тѣломъ, впился въ дверь безнадежно отчаяннымъ взоромъ. Вошелъ комендантъ, за нимъ священникъ.

— Мужайся, сыне мой по духу, — сказалъ, робко оглядываясь по комнатѣ, священникъ: — молись, твой часъ насталъ...

«А записка? — подумалъ Мировичъ, — ужели я все выдумалъ, все пригрезилось?»

Священникъ остался наединѣ съ арестантомъ.—«Уйти?— пробѣжало вдругъ въ мысляхъ Мировича, — упросить священника обмѣняться съ нимъ рясой?.. нѣтъ, дѣтскія, несбыточныя мечты! Не ушелъ ранѣе, во время покушенія, теперь поздно»...

Въ десять часовъ утра площадь, мостъ, заборы и крыши лавокъ и домовъ наполнились народомъ. Прибыло войско. Сдержанный, смутный говоръ толпы раздавался въ сиверкомъ, мглистомъ воздухѣ. Незадолго передъ тѣмъ прошелъ дождь. Съ намокшихъ деревъ, у моста и вдоль заборовъ, капало. Слышались толки, что казнь, гляди, отмѣнятъ,—въ острастку только выведутъ, положатъ голову на плаху и простятъ.

Двѣ заплаканныхъ, съ измученными лицами, женщины,—старая, строгая съ виду, и молодая, блѣдная, въ черномъ,—протолкались на площадь и стали у фронта солдатъ.—«Видно, мать, да сестрёнка его, или невѣста»—шептали въ толпѣ, давая имъ дорогу. — «А слышалъ? фельдъегерь прискачетъ, помилованіе прочтутъ!—сказалъ у моста измайловскому сержанту Новикову преображенскій капралъ Державинъ.

«Ѣдутъ, ѣдутъ!»—послышалось съ улицы и у моста. Народъ двинулся къ площади. Поднялась давка, суета. Загремѣлъ барабанъ. Раздалась команда: смирно, стройся! Изъ крѣпости показались верховые. На телѣгѣ, подъ конвоемъ, проѣхалъ по мосту, съ непокрытой головой, страшно-блѣдный, въ армейской голубой шинели, офицеръ. Съ нимъ рядомъ сидѣлъ, съ крестомъ въ рукѣ священникъ. «Мировичъ, Мировичъ!»—заговорили въ толпѣ. За нимъ потянулись повозки съ прочими осужденными. У каждаго въ рукѣ было по погребальной свѣчѣ. Возлѣ телѣгъ шли вооруженные солдаты. — «Еще жить цѣлую улицу, мостъ, половину площади, — думалъ Мировичъ, — когда-то еще до эшафота.

— Вотъ, батюшка, — сказалъ Мировичъ священнику, когда телѣга въѣхала на площадь, гдѣ въ толпѣ ему будто мелькнуло испуганное, блѣдное лицо харьковскаго пріятеля:— какими глазами смотритъ на меня народъ! Совсѣмъ иначе глядѣлъ бы, когда-бъ удалось мое дѣло... когда бы принца я доставилъ въ столицу, въ Казанскій соборъ...

— Полно, безумецъ, гдѣ твои помыслы, раскаяніе?

— Кому оно нужно, когда *его*, погибшаго черезъ меня, нѣтъ въ живыхъ?

Барабаны смолкли. На эшафотѣ показался палачъ. Его помощники ввели кого-то по лѣстницѣ.—«Молодой-то, глянь, молодой, да бѣлый, какъ бумага, бѣлый съ лица!»—послышалось въ толпѣ, разглядѣвшей на возвышеніи Мировича. Площадь смолкла. У плахи явился, въ зеленомъ кафтанѣ

и въ такомъ же камзолѣ, плотный, высокій, съ довольнымъ лицомъ аудиторъ отъ главной полиціи. Онъ снялъ треуголокъ, развернулъ бумагу. Солдаты взяли на караулъ. Аудиторъ сперва невнятно и путаясь въ словахъ, потомъ громче, во всю грудь, сталъ читать приговоръ суда. Мировичъ затуманеннымъ, блуждающимъ взоромъ окинулъ площадь и окрестные дома. Гдѣ-то въ толпѣ ему махнули платкомъ.— «Кто бы это былъ»—со страшно-забившимся сердцемъ, подумалъ онъ, усиливаясь отыскать и уже не находя того мѣста, откуда ему махнули.

— Батюшка, — сказалъ онъ, нагнувшись къ стоявшему рядомъ съ нимъ священнику: — здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, неправедно погибъ великій патріотъ, Артемій Волынскій... Друзья, оберегатели царевича Алексѣя, тутъ же скончали животъ...

— Подумай о Богѣ, — отвѣтилъ священникъ: — минуты, вѣдь секунды тебѣ остаются...

Аудиторъ кончилъ, но его слова еще раздавались въ ушахъ Мировича: — «Простятъ, простятъ! — думалъ онъ, — въ запискѣ ясный намекъ; толпа разступится,—какъ знать, можетъ, уже скачетъ съ новымъ указомъ верховой»...

Общая тишина ужаснула Мировича. Онъ вздрогнулъ. Двѣ сильныхъ руки ухватили его сзади за плечи и куда-то вели. Онъ безропотно, самъ удивляясь своей покорности, подошелъ къ плахѣ.

Съ него сняли шинель и кафтанъ. Верхняя часть камзола распахнулась; грудь обдало холодомъ. Мировичъ пристегнулъ пуговки, оправилъ рубаху. — «Что же дальше? — мыслилъ онъ,—и позаботился-жъ я, чудакъ, о холодѣ!..»— Всѣ какъ бы чего-то ждали. Священникъ и аудиторъ смотрѣли куда-то въ сторону. Помощники палача рылись въ какой-то темной, безобразной корзинѣ.

«Господи, Ты единъ, единъ!—вдругъ заговорилъ въ Мировичѣ внутренній, удивившій его голосъ: — проститься съ ними»... — Онъ ступилъ къ рѣшоткѣ, поклонился на всѣ стороны.

«Прощается, прощается!» — пронесся гулъ отъ края до края площади. Гдѣ-то вблизи послышался вздохъ, затаенное причитыванье.—«Мужайся»—повторилъ тотъ же голосъ внутри Мировича: — «увидишь». — Его мысли мѣнялись съ страшной быстротой. И весь онъ, думая: — «еще минута,

черезъ полъ-минуты буду не я, буду не человѣкомъ»...— обратился въ мертвое ожиданіе, впивался въ малѣйшій звукъ. Онъ вспомнилъ о крестѣ съ мощами.

— Батюшка,—сказалъ онъ священнику:—вотъ отъ меня,—сберегите... Я побратался этой святыней съ однимъ человѣкомъ.

«А кольцо, ея подарокъ?» — спохватился онъ. Въ это мгновеніе ему случайно и впервые кинулось въ глаза скулистое, рыжее съ рѣдкими, крѣпкими, бѣлыми зубами, и нѣсколько, какъ ему показалось, смущенное чье-то лицо. Онъ понялъ мигомъ, что то былъ *онъ*... палачъ...

— Ну, братъ... ты, вѣдь, по Христу мнѣ братъ! — заговорилъ Мировичъ палачу:—возьми этотъ перстень; дорогая особа его подарила... Коли велятъ, ну, прикажутъ,—не мучь, разомъ... ты вѣдь упражнялся...

Мировичъ смолкъ. Его не останавливали. Секунды летѣли, казались часами.

«Да, ждутъ чего-то, именно ждутъ!»—замирая, подумалъ онъ, считая мгновенія. И ему почудилось, что гдѣ-то вдали ему опять махнули чѣмъ-то бѣлымъ.

Кто-то далъ знакъ. Громко загремѣли у эшафота барабаны. Мировича сзади схватили тѣ же сильныя руки.

— Да здравствуетъ и святится память истиннаго нашего государя... мученика Іоанна Третьяго Антоновича! — крикнулъ вдругъ безумно-смѣло Мировичъ.

— Пусти, я самъ, самъ!—кричалъ онъ, порываясь:—безъ повязки я офицеръ... Да здравствуетъ... невинный... мученикъ...

Барабаны, прогремѣвъ, смолкли.

Мировичъ увидѣлъ, что и онъ вдругъ страшно успокоился. Его придерживали. Еще разъ тусклымъ, испуганнымъ зрачкомъ взглянувъ на мертвенно-стихшую толпу, онъ подался къ плахѣ, еще хотѣлъ что-то сказать, гордо выпрямился, съ благоговѣйной твердостью взглянулъ на крестъ ближней церкви, и вдругъ, сильно нажимаемый кѣмъ-то и мысленно повторяя:—«Господи, да что-жъ это? насиліе? меня куда-то тянутъ? — склонился на плаху: — вотъ, вотъ... шумъ, кажется, верховой... скачутъ»...

Подъѣхала къ войску придворная карета. Изъ ея окна направилась на эшафотъ чья-то подзорная трубка. Послѣ говорили, что это была, изъ любопытства вездѣ поспѣвавшая, Дашкова.

Съ площади и съ моста было ясно видно, какъ большой,

сверкающій топоръ вдругъ поднялся надъ плахой и, съ глухимъ хрустомъ опустился туда, гдѣ лежалъ Мировичъ, въ гаснувшемъ взорѣ котораго въ это мгновеніе вдругъ завертѣлось все окружающее: фронтъ солдатъ перекосился на крышу домовъ, уличный фонарный столбъ очутился на шпицѣ колокольни, опрокинутая церковь падала, съ ужасающей быстротой, во что-то страшное, бездонное...

Палачъ за русые, длинные волосы поднялъ отрубленную, блѣдную, окровавленную голову казненнаго...

Площадь ахнула. Отъ содроганія толпы покачнулся мостъ на канавѣ и рухнули его перила. Громче всѣхъ раздался вопль дѣвушки, безъ памяти упавшей на руки обезумѣвшей отъ горя старухи и невысокаго, растеряннаго помѣщика, въ гороховомъ кафтанѣ и съ украинскимъ выговоромъ.

— Ко мнѣ, Настасья Филатовна, — шепталъ стоявшій здѣсь Яковъ Евстафьичъ Данилевскій: — у меня тутъ и квартирка неподалеку, не смялъ бы васъ съ нею народъ...

— Да, — разсказывалъ щеголеватый и длинноногій преображенецъ, идя отъ мѣста казни съ измайловцемъ:—непостижимо, Николай Иванычъ, фельдъегерь-то... опоздалъ вѣдь всего на пять минутъ. Показался, слышно, отъ Тучкова моста, когда все уже было кончено...

— И ты этому вѣришь?

— Какъ не вѣрить!—отвѣтилъ Державинъ:—къ Алексѣю Орлову, доподлинно сказываютъ, вчера еще былъ присланъ указъ о помилованіи; не свѣрили часовъ, ну—и ошиблись.

— Юноша ты мой, юноша!—сказалъ, посмотрѣвъ на него, Новиковъ:—да Орловъ-то сдѣлалъ ли по волѣ государыни? поживешь, увидишь... А теперь зайдемъ-ка хоть въ Колтовскую, да отслужимъ по убіенному рабу Божію, Василію, панихиду... Вѣдь то, что пытался сдѣлать этотъ несчастный, освободить принца, сдѣлали другіе—хоть бы Орловы, освободившіе Екатерину... разница лишь въ томъ, что тѣ успѣли, а онъ—нѣтъ... идемъ.

— Нѣтъ, не могу... — заторопился Державинъ: — и то опоздалъ; къ начальнику, къ Лутовинову, обѣщалъ заѣхать и все ему первому разсказать.

«Далеко пойдешь»—подумалъ, покачавъ ему головой вслѣдъ, Новиковъ.

Къ вечеру эшафотъ съ тѣломъ Мировича были сожжены на мѣстѣ.

Узнавъ о казни, малолѣтній цесаревичъ Павелъ плохо спалъ въ ту ночь.

Императрица переѣхала изъ Царскаго въ Петербургъ. При дворѣ заговорили о рѣшеніи уничтожить гетманское званіе въ Малороссіи; государыня занималась театромъ и литературой. Стало извѣстно, что поступившій на службу къ Елагину Фонвизинъ, передъ выѣздомъ государыни въ Ригу, читалъ въ петергофскомъ эрмитажѣ оконченную имъ комедію «Бригадиръ». Екатерина осталась довольна чтеніемъ и выразила автору отмѣнное свое благоволеніе.

— Кто подвинулъ васъ на этотъ трудъ?—спросила она чтеца.

— Безсмертный нашъ ученый и поэтъ, Ломоносовъ, — отвѣтилъ Фонвизинъ.

Слава молодого писателя была уже сдѣлана. О немъ толковала знать; повторяли имена, выраженія его героевъ.

Былъ холодный октябрьскій вечеръ.

Въ зимнемъ дворцѣ, послѣ долгаго въ немъ отсутствія, обѣдала Дашкова. Въ тотъ же день императрица получила изъ Москвы просительную жалобу дворовыхъ людей на извѣстную тиранку Салтычиху. Повторяли съ ужасомъ о кровавыхъ продѣлкахъ этой госпожи.—«Называть ее въ бумагахъ не она, а онъ»—рѣшила государыня.—«Не смягчатся нравы, пока не смягчатся сердца» — сказала Екатерина:— «лучшій путь для того—бичъ сатиры и вольное обсужденіе избранныхъ, опытнѣйшихъ умовъ».—Опять вспомнили Фонвизина и его отзывъ о Ломоносовѣ.

— А нашъ-то Михайло Васильичъ, — сказала Екатерина Дашковой: — слышали? опять сильно хворалъ, и главное— совсѣмъ закручинился... Поѣдемъ-ка къ нему. Съ весны не удалось его видѣть.

Придворная карета остановилась на Мойкѣ, у дома Ломоносова. Лакей въ плюмажѣ и въ шитой золотомъ ливреѣ вошелъ во дворъ. За нимъ двѣ дамы. На синей бархатной, подбитой соболемъ, шубейкѣ одной изъ нихъ была андреевская звѣзда.

Екатерина знакомъ остановила суету на крыльцѣ и во флигелѣ, и безъ доклада съ Дашковой вошла въ верхній рабочій кабинетъ. Упавшій духомъ и силами, Ломоносовъ, по обычаю, сидѣлъ у письменнаго стола, заваленнаго книгами, бумагами и химическими аппарами. Въ каминѣ

огонь, какъ бы прощаясь съ хозяиномъ, то вспыхивалъ, то угасалъ.

— Здравствуйте, Михайло Васильичъ, какъ поживаете?— ласково произнесла Екатерина:—мы вотъ завернули навѣстить нашего славнаго эрмита.

Ломоносовъ всталъ и съ чувстомъ, молча, поклонился.

— Чѣмъ занимаетесь? и гдѣ въ эти минуты паритъ вашъ пытливый геній? На планетахъ? въ металлахъ или на излюбленномъ вами сѣверномъ пути въ Индію?..

«Полдневный свѣта край обшелъ отважный Гама
«И солнцева достигъ, что̀ мнила древность, храма...»

— Видите, какъ я люблю и помню ваши стихи... Мнѣ же рифма совсѣмъ не удается... ухомъ туга... и въ музыкѣ мало смыслю...

— Милостивая! — прошепталъ и опять смолкъ Ломоносовъ.—Слезы навернулись на его глазахъ.

— Ну, полноте хандрить!—сказала Екатерина:—нездоровы? полѣчитесь, — пришлю медиковъ; напала грусть? — пріѣзжайте-ка въ эрмитажъ, развеселимъ васъ съ молодежью.

— Нѣтъ, государыня, не я нездоровъ и грустенъ,—отвѣтилъ Ломоносовъ:—больна и грустна моя душа...

— Васъ ли слышу, неутомимый, непобѣдимый въ предначертаніяхъ и трудахъ? Отзовитесь-ка мощнымъ словомъ; соотечественники ждутъ. Вотъ, думаю, депутатовъ призвать отъ сословій, для составленія хартіи законовъ... Вашъ геній освѣтитъ нашъ горизонтъ...

— Новому вину и новые мѣха, всемилостивая!—проговорилъ, всхлипнувъ, растроганный Ломоносовъ: — не все гладко, кочки,—обширная страна,—жертвы неизбѣжны... такъ! но великими дѣлами начинаешь ты свое правленіе и насъ, тружениковъ, не забываешь... Живи во вѣки, а намъ уже видно умирать...

Онъ еще хотѣлъ нѣчто сказать: съ языка срывалось имя безвѣстно погибшаго царственнаго узника и виновника его роковой гибели,—но онъ молча поникъ головой...

При дворѣ повторяли стихи, набросанные, въ честь посѣщенія императрицы, Ломоносовымъ:

«Великому Петру во слѣдъ Екатерина
«Величествомъ своимъ нисходитъ до наукъ
«И славы праведной усугубляетъ звукъ...
«Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности свидѣтель,
«Богиня, коль твоя велика добродѣтель!..»

Осенью того же года скончалась Бавыкина, было отмѣнено гетманство. Пчелкиной возобновили приглашеніе, и она выѣхала въ чужіе края, гдѣ, въ качествѣ знающей иностранные языки воспитательницы нѣкоей таинственной дѣвочки, она осталась нѣсколько лѣтъ. О ней вспомнили, когда въ Венеціи появилась извѣстная принцесса Тараканова...

Отецъ принца Іоанна умеръ слѣпой въ Холмогорахъ; сестры и братья, спустя много лѣтъ, стариками отправились моремъ въ Данію. Ихъ слуги, подъ именемъ «мореходцевъ», были закрѣпощены на вѣчное житье въ Холмогорахъ. Полную свободу этимъ «мореходцамъ» объявили только въ настоящее царствованіе.

Померкла слава Орловыхъ. Взошла звѣзда Потемкина. Прогремѣла Пугачевщина. Кончились турецкія войны; былъ завоеванъ Крымъ и взятъ Измаилъ. Ломоносова давно не было на свѣтѣ. Державинъ пѣлъ Фелицу, шелъ въ гору; авторъ «Недоросля» и «Бригадира» печатно адресовалъ политическіе вопросы Екатеринѣ. Пали мартинисты и съ ними творецъ дружескаго общества и типографической компаніи, Новиковъ.

Былой восторженный измайловскій солдатъ, тридцать лѣтъ назадъ, въ памятное іюньское утро, стоявшій на часахъ у полковой сборной, — теперь слабый, скрюченный горемъ и гемороидами старикъ — Новиковъ сидѣлъ въ томъ самомъ шлиссельбургскомъ казематѣ, гдѣ содержался и погибъ отъ покушенія Мировича—принцъ Іоаннъ.

Однажды обвалилась штукатурка у его печи. Новиковъ, бродя по комнатѣ, еще отнялъ часть известковаго слоя и, при слабомъ свѣтѣ ночника, не безъ труда, прочелъ выцарапанныя гвоздемъ на стѣнѣ каракули: «мы, бож... милостію... императ... Іоаннъ Третій Антоновичъ...»

1875 г.

ПРИМѢЧАНІЯ
КЪ РОМАНУ „МИРОВИЧЪ".

Романъ «Мировичъ», сперва названный по имени главнаго героя, принца Іоанна Антоновича — «Царственный узникъ» — написанъ въ 1875 году.

Получивъ возможность его издать, черезъ четыре года послѣ его окончанія, я обратился къ забытой рукописи и увидѣлъ, что многое въ ней слѣдуетъ передѣлать, особенно языкъ нѣкоторыхъ лицъ, немало длиннотъ сократить (между прочимъ, въ первой части),—многое, едва намѣченное, развить.

Особыя обстоятельства, при которыхъ романъ печатался въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» и вслѣдъ затѣмъ, безъ перемѣнъ, во второмъ, третьемъ, четвертомъ, пятомъ и въ настоящемъ шестомъ изданіи, не дали мнѣ средства исполнить необходимыхъ передѣлокъ.

Сожалѣю объ этомъ въ особенности потому, что въ романѣ остались, безъ должной обработки, нѣкоторыя мѣста, особенно увлекавшія меня своею заманчивою стороной.

Источниками для романа «Мировичъ» служили, кромѣ строго-историческихъ и офиціальныхъ свѣдѣній, различные, изданные и неизданные, частные матерьялы: записки, дневники, воспоминанія и письма нѣкоторыхъ изъ современниковъ той эпохи и ихъ ближайшихъ потомковъ. Къ числу послѣднихъ источниковъ относятся и преданія моей семьи.

Мой прадѣдъ, по отцу, былъ землякомъ и товарищемъ по воспитанію Мировича. Его жена, моя прабабка, бывшая фрейлина при дворѣ супруги Петра III-го, спасла мужа черезъ своихъ знакомцевъ, когда у него въ помѣстьѣ сдѣлали обыскъ, послѣ шлиссельбургской катастрофы. Она живо помнила и въ семейномъ кругу подъ-часъ разсказывала какъ о Мировичѣ, такъ и о причинахъ его рокового покушенія. Ея невѣстка, мать моего отца, была изъ рода Рославлевыхъ, какъ извѣстно, рядомъ съ Орловыми, игравшихъ такую видную роль при воцареніи Екатерины II. Женщина замѣчательнаго ума, воспитанія и рѣдкой памяти, моя бабка жила очень дружно съ свекровью, никогда съ нею не разставалась и умерла, какъ и послѣдняя, также въ преклонныхъ годахъ, когда мнѣ было девять лѣтъ. Большую часть ея разсказовъ я записалъ со словъ моего дяди, ея старшаго сына, отъ котораго мнѣ досталось и большинство нашихъ любопытныхъ семейныхъ бумагъ XVIII-го вѣка.

Вся, такъ-называемая, основа романа, — жизнь и любовь Мировича, нравъ и вліяніе на него героини, какъ и многія подробности воцаренія Екатерины и покушенія Мировича,—взяты мною изъ воспоминаній прабабки и бабки, а также изъ посмертной записки Квитки-Основьяненка (Планъ романа изъ жизни Мировича). Въ главномъ, что составляетъ достояніе исторіи, я держался несомнѣнныхъ данныхъ, разбросанныхъ въ массѣ печатнаго матерьяла, изъ котораго у меня составилась по этому предмету цѣлая библіотека.

Наиболѣе драгоцѣнныя свѣдѣнія о Мировичѣ и его времени, изъ числа историческихъ матерьяловъ, представляютъ изслѣдованія въ государственномъ архивѣ автора «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, гр. Д. Н. Блудова, кн. В. Н. Кочубея и гр. М. А. Корфа, а также труды академиковъ Полѣнова, Арсеньева, Кунина, Сухомлинова, Пекарскаго и Грота, профессоровъ Брикнера и Ламанскаго и гг. Бартенева, Семевскаго и Хмырова.

Я пользовался также документами архива Шлиссельбургской крѣпости, бумагами архангельскаго губернскаго правленія о брауншвейгскихъ ссыльныхъ, посѣтилъ Шлиссельбургъ, съ «каменнымъ мѣшкомъ», казематомъ Іоанна Антоновича въ Свѣтличной башнѣ, мызу Пеллу и родину Мировича.

Считаю долгомъ здѣсь привести объясненіе на нѣкоторые изъ болѣе важныхъ вопросовъ и замѣчаній, съ которыми ко мнѣ обращались во время печатанія романа въ журналѣ.

Знаменитый авторъ «Исторіи Россіи», С. М. Соловьевъ (т. XXV, 1875 г., стр. 93), допуская, что императоръ Петръ III-й *могъ* видѣться съ узникомъ Іоанномъ Антоновичемъ, предполагаетъ, что принца для этого привозили изъ Шлиссельбурга въ Петербургъ и что это свиданіе могло быть 22-го марта 1762 г.—Профессоръ г. Брикнеръ, въ статьѣ «Императоръ Іоаннъ Антоновичъ» («Русск. Вѣстн.», 1874 г.), приводя разсказы Корфа, Бюшинга, Германна и Кастéры о «шлиссельбургскомъ свиданіи» Петра III съ принцемъ, называетъ эти свидѣтельства «шаткими и неосновательными», такъ какъ, по его словамъ, нѣтъ точныхъ указаній о посѣщеніи Шлиссельбурга Петромъ III. Авторъ новѣйшей статьи о принцѣ Іоаннѣ въ «Русской Старинѣ» (1879 года) говоритъ, что даже «о времени перевода Іоанна Антоновича въ Шлиссельбургъ донынѣ нѣтъ точныхъ свѣдѣній». У Сальдерна (Biographie Peters des Dritten, 1800, 48—49 стр.) это свиданіе, кстати сказать, изображено съ наибольшею достовѣрностью.

Мнѣ въ недавнее время удалось ознакомиться съ неизданнымъ архивнымъ, офиціальнымъ документомъ большой важности. Онъ называется «**Формуляръ Шлиссельбургской крѣпости**». Въ немъ я нашелъ въ точности обозначеннымъ время (1756 годъ) «прибытія въ Шлиссельбургскую крѣпость брауншвейгъ-люнебургскаго принца Іоанна Антоновича». Здѣсь же, подъ 1762 годомъ, стоитъ отмѣтка коменданта того времени: «18-го марта (1762 г.) **изволилъ посѣтить эту крѣпость государь императоръ Петръ III**». Объ этомъ я сообщилъ покойному С. М. Соловьеву за два мѣсяца до его кончины.

Большинство изслѣдователей не указываютъ мѣста погребенія принца Іоанна. Многіе убѣждены, что онъ похороненъ въ Тихвинскомъ монастырѣ. Такъ, г. Семевскій говоритъ: «Іоаннъ былъ погребенъ безъ

церемоніи въ Тихвинскомъ монастырѣ, ночью, въ простомъ гробѣ, въ матросскомъ платьѣ, и зарыть въ скитѣ одной изъ часовень» (Отеч. Зап.», 1866 г.). Башуцкій, долго бывшій послушникомъ въ этомъ монастырѣ, говоритъ, что хотя онъ не слышалъ, чтобы тамъ была могила принца, но что это «ничего не доказываетъ», такъ какъ убитаго принца «могли похоронить тамъ не называя покойника». Мнѣ привелось, при посѣщеніи Шлиссельбургской крѣпости и ея Свѣтличной башни, услышать преданіе о томъ, что принцъ Іоаннъ былъ похороненъ въ одной изъ казармъ крѣпости, въ подпольѣ церкви св. апостола Филиппа. Другіе удостовѣряютъ, что онъ былъ погребенъ на холмѣ, въ такъ-называемомъ «тампетѣ», означающемъ мѣсто, гдѣ въ крѣпости помѣщался прежній соборъ св. Іоанна.

Въ «**Историческихъ бумагахъ, собранныхъ академикомъ Арсеньевымъ**», помѣщены выдержки изъ документовъ «Канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ», о приключеніяхъ посадскаго Ивана Зубарева, посланнаго изъ Берлина Фридрихомъ II (въ то время воевавшимъ съ им—цей Елисаветой Петровной), черезъ посредство тогдашняго русскаго эмигранта, извѣстнаго Манштейна, — освободить принца Іоанна изъ Холмогоръ, въ ту пору мѣста заточенія принца.

На основаніи этихъ и другихъ данныхъ, г. Пекарскій въ ««**Біографіи Ломоносова**» говоритъ объ отношеніяхъ названнаго Зубарева къ Ломоносову, уроженцу Холмогоръ, къ которому ловкій посадскій проникъ въ Петербургѣ, вслѣдствіе порученнаго Ломоносову испытанія сибирскихъ рудъ, какъ потомъ оказалось тайно поддѣланныхъ Зубаревымъ. Г. Пекарскій замѣчаетъ: «Для Ломоносова это дѣло осталось безъ послѣдствій; но приключенія Зубарева на этомъ не остановились, и судьбѣ угодно было, чтобъ онъ, Зубаревъ, впослѣдствіи былъ причиной одного изъ важнѣйшихъ событій въ жизни герцога брауншвейгскаго, содержавшагося, какъ извѣстно, въ Холмогорахъ». — Зубаревъ, какъ агентъ Фридриха II, былъ пойманъ и далъ свои показанія въ январѣ 1755 г., и въ томъ же мѣсяцѣ послѣдовало распоряженіе о переводѣ принца Іоанна изъ Холмогоръ въ Шлиссельбургъ; гдѣ послѣдній въ 1764 г. и погибъ.

Приведенныя въ романѣ новыя оды Ломоносова, въ честь младенца-императора, открыты академикомъ г. Куникомъ, въ 1853 году, въ одномъ изъ рѣдкихъ печатныхъ экземпляровъ «**Примѣчаній къ Вѣдомостямъ 1741 года**», откуда этихъ одъ не успѣли вырѣзать и сжечь въ царствованіе Елисаветы, когда истреблялась всякая память о бывшемъ императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ. Несправедливо было бы считать Ломоносова подстрекателемъ и даже чуть не сообщникомъ Мировича лишь за то, что Ломоносовъ, встрѣтивъ Мировича, **за два года до покушенія послѣдняго**, могъ прочесть ему отрывки изъ этихъ одъ и, на его вопросы, разсказать ему кое-что изъ того, что несомнѣнно въ тѣ годы волновало всѣхъ честныхъ русскихъ людей, въ виду безмолвной одиночной тюрьмы, въ которой тогда—уже двадцатый годъ — томился принцъ Іоаннъ Антоновичъ. Ломоносовъ былъ въ то время центромъ и воплощеніемъ интеллигенціи пробуждавшагося родного общества. Явившись въ Россію въ царствованіе «дитяти-императора»,—потомъ вѣчнаго, до кончины, узника,—онъ не могъ равнодушно относиться къ бесѣдѣ о немъ, особенно въ правленіе мягкаго нравомъ Петра III-го,

рѣшившаго даже,—на свою собственную погибель,—освободить и приблизить къ себѣ узника.

Ставить это въ вину Ломоносову было бы такъ же странно, какъ если бы кто вздумалъ привлекать Пушкина къ отвѣту въ судьбѣ декабристовъ, по поводу того, если бы Пушкинъ, разговаривая съ кѣмъ-либо изъ нихъ, какъ съ случайнымъ знакомымъ, за годъ и болѣе до извѣстной катастрофы, могъ читать при этомъ свои стихотворенія: **«Узникъ», «Къ Овидію» или «Андрей Шенье»**. Въ Ломоносовѣ, какъ и въ Пушкинѣ, живо отражались и воплощались всѣ боли, всѣ скорби и надежды родного ему времени и общества.

Критикъ одного журнала укорилъ меня, между прочимъ, за то, что такъ печально разыгравшій роль освободителя Мировичъ мною изображенъ не съ идеальной, а съ реальной, и притомъ весьма низменной стороны. Я старался быть вѣрнымъ преданію и исторіи, которыя именно рисуютъ Мировича самолюбивымъ, мало развитымъ и легкомысленнымъ «армейскимъ авантюристомъ» екатерининскихъ дней, завистливымъ искателемъ карьеры, картежникомъ и мотомъ. Этотъ «патріотъ своего отечества», между прочимъ,—на основаніи изслѣдованій гр. Блудова въ государственномъ архивѣ, — давалъ «обѣтъ Николаю Чудотворцу — въ карты болѣе не играть и табаку не курить», если исполнится его предпріятіе объ освобожденіи принца Іоанна и о возвращеніи ему родовыхъ имѣній, съ повышеніемъ его «на службѣ и въ чинахъ»... Критикъ другого журнала, напротивъ, сочувственно отнесясь къ тому, что я не польстилъ Мировичу, нашелъ въ его изображеніи съ моей стороны даже родственныя черты съ двоедушнымъ сластолюбцемъ и извергомъ Катилиной. Зато этотъ критикъ усомнился, дѣйствительно ли молодые Державинъ, Новиковъ и Потемкинъ играли въ Екатерининскомъ переворотѣ ту роль, которую я имъ приписываю. Въ этомъ я снова ссылаюсь на печатные источники и, между прочимъ, на собственный разсказъ Державина о воцареніи Екатерины — въ его «Запискахъ» (1871 г., стр. 426—36),—на показаніе о томъ же Новикова Шешковскому, въ Шлиссельбургскомъ казематѣ, напечатанное въ книгѣ Лонгинова «Новиковъ и московскіе мартинисты» (1867 г., стр. 74), и на біографію Потемкина въ «Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли» Бантышъ-Каменскаго (1836 г., ч. IV, стр. 197). — Свиданіе Екатерины съ принцемъ Іоанномъ въ Пеллѣ и посылка ею гр. Строганова за себя на маскарадъ въ Ригѣ — разсказаны въ романѣ на основаніи преданій, сообщенныхъ кн. А. Н. Голицынымъ А. С. Норову и г. Сахарову, отъ котораго объ этомъ слышалъ Ив. П. Боричевскій.

Въ европейской литературѣ существуетъ рядъ произведеній, посвященныхъ памяти русскаго «Царственнаго узника». Изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть о двухъ романахъ (есть и драмы). Во Франціи, въ 1825 году, изданъ, украшенный гравюрами, романъ г. Роже-де-Сентъ-Ипполита **«Ivan le VI ou la forteresse de Schlusselbourg»**. Этотъ романъ мною прочтенъ, благодаря содѣйствію извѣстнаго нашего библіографа П. А. Ефремова. Послѣ выхода первой части романа «Мировичъ», я получилъ изъ Англіи, черезъ посредство книжнаго магазина г. Ретгера, изданный въ 1870 г., англійскій романъ о принцѣ Іоаннѣ **«The secret**

Dispatsch» (250 стр. въ 16°, съ гравюрой), принадлежащій г. Джемсу Гранту (автору другой новеллы «The romance of war»). Оба эти произведенія, передавая быль о Мировичѣ и его невольной жертвѣ, повторяютъ басни Кастеры и другихъ иностранныхъ писателей о причинахъ убіенія принца Іоанна. Болѣе талантливо обработанъ англійскій романъ «Секретная депеша» (похожденія капитана Бэльгони). Но и этотъ, какъ и французскій романъ, основанъ на полнѣйшемъ, часто изумительномъ незнаніи Россіи и изобилуетъ невѣроятными анахронизмами. Такъ, между прочимъ (на стр. 184), Шлиссельбургская цитадель, во время Мировича (1762—1764 гг.), оказывается укрѣпленною стараніями генерала Тотлебена. (Графъ Тотлебенъ семилѣтней войны не былъ инженеромъ).

Прилагаю списокъ съ предсмертнаго, донынѣ нигдѣ неизданнаго, стихотворенія Мировича объ Іоаннѣ Антоновичѣ, хранящагося въ его бумагахъ. О немъ упоминаетъ Императрица Екатерина, въ своей переепискѣ, по поводу суда надъ Мировичемъ.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ МИРОВИЧА.

«О, время, время преходящее,
Въ коемъ дни дней множать!»

«Проявился, не изъ славныхъ, козырной голубь, длинноперистый;
Залеталъ, посреди моря, на странный островъ,
Гдѣ прослышалъ, сидитъ въ бѣломъ камнѣ, въ темной клѣточкѣ,
Бѣлый голубокъ чернохохлистый...
Призывалъ на помощь Всевышняго Творца
И полетѣлъ себѣ искать товарища,
Выручить изъ клѣтки голубка;
Сыскалъ голубя долгоперистаго,
Прилетѣлъ на Каменный островъ;
А, прилетѣвши къ бѣлому камню,
Они съ разлета разбивали своими сердцами
Тотъ камень и темную клѣточку...
Но, не имѣя силъ, заплакавъ, оттуда полетѣли
Къ корабельной пристани, гдѣ, сидя и думаючи, отложили,
Пока случится на островъ отъ моря погода,—
Тогда летѣть на выручку къ голубку...
Оттуда, простившись, разлетѣлись—
Первой въ Парижъ, а второй въ Прагу...»

Переводы сочиненій Г. П. Данилевскаго.

а) во Франціи (по французски)

1) «Basile Mirowitsch» («Мировичъ»), романъ, переводъ А. Ромальда. Парижъ, 1880 г., 8°, 427 стр.

2) «Potemkine au Danube». романъ, тамъ же, 1881 г., 8°, 329 стр., переводъ г. А. Ромальда.

3) «La fausse Imperatrice» («Княжна Тараканова»), въ газетѣ «La Ligue», 1885 г., сентябрь и октябрь, переводъ г. Шарль Анри.

4) «La princesse Tarakanoff. A qui le trône?»—(Кн. Тараканова»), от-

дѣльной книгой; пер. Анри Оливье (134 стр.). Парижъ, 1887 г. Изд. Дюпре.

5) «Fenitchka»—въ фельетонахъ газеты «Moniteur Universel», 1886 г. (10—12 августа), переводъ Гр-ни Кандіани Колонна.

6) «Le comte L. Tolstoi»—въ газетахъ «Voltaire» и «Paris» 1886 г. (іюнь и іюль).

7) «La fille des neiges»—сказка («Снѣгурка»)—въ журналѣ «La Tradition», Paris, 1887 г., № 2, переводъ А. Оливье, стр. 55—56.

8) «Gogol chez lui»—(«Воспоминанія о Гоголѣ»)—въ журналѣ «Revue d'Art dramatique», 1887 г., 15 апрѣля, т. VI, № 32, Paris, переводъ А. Оливье, изданіе Эдм. Стуллигъ.

9) «La première étincelle» — («Первая искра»), отрывокъ изъ «Чернаго года», 1887 г., въ «La vie franco-russe».

10) «Le comte L. Tolstoi chez lui» — («Поѣздка въ Ясную Поляну»)—въ «Revue d'Art dramatique»—1888 г. № 49, переводъ А. Оливье.

11) «La princesse Tarakanoff»—въ «La Revue littéraire et artistique»—1887 г. № 53, переводъ А. Оливье.

12) «L'incendie de Moscou» — «Scenes de l'année terrible» — романъ («Сожженная Москва»)—въ журналѣ «Bibliothèque Universelle et Revue Suisse»—1887 г. въ апрѣлѣ и ноябрѣ.

13) «La princesse Tarakanoff»—романъ, переводъ А. Оливье, съ предисловіями Арсена Уссé. 1888 г., изданіе Дюпре.

14) «Aux Indes sous Pierre le Grand»—романъ, переводъ А. Ромальда (стр. 1—126). Парижъ, 1888 г., изданіе А. Дюпре.

б) въ германіи (по нѣмецки).

15) «Die Pioniere des Ostens» («Бѣглые въ Новороссіи»). Романъ, переводъ г. Ф. Лёбенштейна. Лейпцигъ, 1874 г., 16°, 350 стр.

16) «Erzählung der Urgrossmutter» («Прабабушка»—неизвѣстнаго переводчика. Берлинъ, 8°, 30 стр.

17—20) «Eine Familienchronik» («Семейная старина») г. Ф. Л., Лейпцигъ, 1874 г., 16°, 145 стр. — Въ изданіи «Lesebibliothek». Фил. Реклама. Сюда вошли переводы: «Urgrossmütterchen» («Прабабушка»), «Der Leibgrenadier» («Тѣнь прадѣда»). «Grossmütterchens Paradies» («Бабушкинъ рай») и «Katharina II. am Dniepr» (Екатерина II на Днѣпрѣ»).

21) «Potemkin an der Donau» («Потемкинъ на Дунаѣ»). Романъ, Ф. Л. тамъ-же, 1879 г., 16°, 166 стр.

22) «Die Nonnenklöster in Russland» («Девятый валъ»), романъ, переводъ г. Ф. Л., тамъ же, 16°, 567 стр.

23) «Mirowicz, oder der gefangene Czar Iwan Antonowicz» («Мировичъ»), г. Ф. Л., тамъ же, 1880 г., 525 стр., переводъ Ф. Лёбенштейна.

24) «Nach Indien» («На Индію при Петрѣ I»), романъ, г. Ф. Л., тамъ же, 1881 г.

25) «Die Princessin Tarakanov»—въ 32 фельетонахъ газеты «Rigasche Zeitung». Рига, №№ 1—34, 1884 г., переводъ г-жи М. Зейфертъ,—и отдѣльнымъ изданіемъ.

26) «Die Fürstin Tarakanov»—романъ, переводъ С. Марко и Л. Штейна, изданіе А. Дейбнера. Берлинъ, 1886 г. (1—102 стр. и 1—68 стр.).

27) «Meine Fahrt nach Jasnaja Poljana»—въ журналѣ Поля Линдау «Nord und Süd», 1887 г. Бреславль, переводъ С. Марко и Л. Штейна

28) То же — въ газетѣ «**Berliner Tageblatt**», 1887 г., № 365 и въ Тюбингенѣ, въ «Chronik», 1887 г. 29—30 іюля.

29) «**Der Namenstag der Urgrossmutter**»—(«Именины прабабушки»)—въ журналѣ «Nordische Rundschau», 1888 г., переводъ Л. Штейна и А. Маркова (стр. 546—556), изданіе доктора Фалька.

30) «**Fenitschka**» — въ литературной «Коллекціи Гуго Штейна» въ Берлинѣ, 1888 г., перев. Л. А. Гауффа (стр. 1—64).

31) «**Lawrüschka**»—въ «Nordische Rundschau» 1883 (1 т. стр. 1—24), переводъ А. Ашарина.

32) «**Lawrüschka, der Flüchtling in Paris**»—въ литературной «Коллекціи Гуго Штейна» въ Берлинѣ, 1888 г. (стр. 65—104).

33) «**Kaiserin Katharina die Grosse am Dniepr**»—въ «Nordische Rundschau», 1888 г. (стр. 105—136).

34) «**Eine Braut Christi**» — романъ («Девятый валъ»), въ переводѣ Эрнста фонъ-Глена, 1888 г., въ Лейпцигѣ (1—238 стр. и 1—265 стр.).

35) «**Neue Felder**» — романъ («Новыя мѣста»), переводъ г. А. Бардс (г-жи Елагиной) — въ журналѣ «Nordische Rundschau» 1888 г., т. VI и VII (стр. 1—225).

36) «**Moskau in Flammen**»—романъ («Сожженная Москва»), переводъ Л. Штейна и А Маркова, въ газетѣ «Herold» 1889 г., №№ 1—47.

в) въ Богеміи (по чешски).

37) «**Potemkine na Dunaiu**», въ журналѣ «Matice lidu». — Прага, 1878 г., 8°, 160 стр., переводъ г. Яромира Грубаго.

38) «**Deváta vlna**» («Девятый валъ»), въ журналѣ «Lacina Knihovna».— Прага, 1879 г., 8°, 646 стр., переводъ г. Гавріила Шурана.

39) «**Katarina II na Dnepry**», въ журналѣ «Рухъ», 1880 г., стр. 179, переводъ Франца Халуна.

40) ««**Snehůrka**», тамъ же, 1880 г., стр. 199.

41) «**Posledni Zaporosci**», въ журналѣ «Ceska Bibliotéka rodinnà». 1882 г., стр. 1—244; 4 томъ, въ Прагѣ, переводъ г. Ворачека.

42) «**Fenicka**», тамъ же, 1882 г.

43) «**Sabavy na dvore Cara Aleksèje Michoilovice**» въ сборникѣ J. Vana, «Svetem. Kniha Knih.» (Anglicko-slavanska knihovna, zabavi a pouceni).—Прага, 1882 г., стр. 92—99, декабрь.

44) Отрывокъ изъ романа «**Mirovie**», въ журналѣ «Lumir», 1882 г., № 20.—Прага.

45—50) «**Z Rodinnych pameti**»: «Prababicka», — «Stin pràdeda»,— «Babiccin raj»,—«Katerina II na Dnepry»,—«Vesnicky Malir»,—«Ves Sorokopanovka». («Семейная старина», «Прабабушка», «Тѣнь прадѣда» и «Бабушкинъ рай» и разсказы: «Екатерина II на Днѣпрѣ», «Маляръ» и «С. Сорокопановка»). Въ пражскомъ журналѣ «Ceska Bibliotéka Rodinna», 1883 г. (1—263 стр.).—Издатель Jan. Vesely, переводъ Я. Вагнера.

51) «**Na svobode**»—(«Воля»), романъ, переводчикъ J. J. Benesovsky-Vesely, въ пражскомъ журналѣ «Ottova lacina knihovna narodni», 1884 г.

52) «**Uprchlici na Nove Rusi**»—(«Бѣглые въ Новороссіи»), романъ въ чешской газетѣ «Pokroc Západu» («Прогрессъ Запада»), издаваемый въ Америкѣ, въ штатѣ Небраска, въ городѣ Омагѣ, переводъ Я. Вагнера, изданіе Яна Росицкаго (№№ 6—24, годъ XV, съ 2 іюня по 6 октября 1886 года).

53) Отрывки изъ романа «Мировичъ» и романа «На Индію при Петрѣ I» въ журналѣ «Kvety» (Listy pro sabavu a pouceni, s casovymi rozledy), за подписью G. Suran.

54) «Kamenca» («Каменка» — отрывки изъ романа «1825 годъ»), тамъ же.

55) «Шервудъ передъ Аракчеевымъ» (тоже), тамъ же, 1883 г., № 3.

56) «Потемкинъ на Дунаѣ» — въ журналѣ «Народная Библіотека» братьевъ Іовановичъ, въ переводѣ Георгія Поповича, 1888 года, въ Панчовѣ.

57) «Mirovic» полный чешскій переводъ романа Яна-Вагнера, съ предисловіемъ, изданіе журнала «Svetova Bibliotekа» 1886 г. (527 стр.), въ Прагѣ.

58) «Leto na ruské stepi,—z loveckych zapisku»—(«Украинская охота лѣтомъ») въ «Ceska narodno politica», 1887 г. (№№ 251, 254 и 261), переводъ V. Mrstik, въ Прагѣ.

59) «Knezna Tarakanova» — переводъ Клары Спечингровой, Прага, 1886 г. (240 стр.).

60) «Nåvstěva Iasně Poljany» — («Поѣздка въ Ясную Поляну») — въ журналѣ «Slovansky Sbornik». 1887 г. (№№ 8—11), въ Прагѣ, переводъ Клары Спечингровой.

г) въ Бѣлградѣ (по сербски).

61) «Potemkin na Dunavu»—въ иллюстрированномъ журналѣ «Сербска Зора»; 1880 г., іюнь.

62) «Путъ у Индію». Исторійска приповетка («На Индію при Петрѣ I»). Въ 30 фельетонахъ сербской газеты «Сербское Новине» 1887 г. LIV, съ 27 по 63 №, 6 февраля—20 марта, переводъ Яна.

д) по польски.

63) «Rok 1825» («1825 годъ») — въ фельетонахъ газеты «Dziennik Posnansky», 1883 года. №№ 199—209.

64) «Dziewiąta Fala» («Девятый валъ»), Варшава, переводчикъ Іозефъ—съ Сѣннявы (А. Пясецкій). 1880 г., 8°, 569 стр.

65) «Ksienzniczka Tarakanova» — романъ, переводъ Зенона Петкевича,—Варшава. 1884 г., стр. 116. (То же и тогда же въ варшавскомъ журналѣ «Klosy» г. С. Лёвенталя).

е) по венгерски.

66) Девятый валъ» въ журналѣ «Pesti Hirlap» («Пештскомъ Вѣстникѣ»)—Пештъ, 1887 г.

Германскій писатель, г. Ф. Лебенштейнъ, которому принадлежитъ большинство вышеупомянутыхъ переводовъ моихъ романовъ и повѣстей на нѣмецкій языкъ, недавно скончался. Въ варшавскомъ иллюстрированномъ журналѣ «Klosy» (отъ 12-го августа, 1881 года, № 856) о немъ помѣщенъ слѣдующій некрологъ.

«Г. Филиппъ Лебенштейнъ, докторъ въ г. Бржежанахъ (въ Галиціи), родился въ 1814 году въ г. Бродахъ. Медицинскими науками онъ занимался сначала въ Вѣнѣ, потомъ въ лейпцигскомъ университетѣ; съ 1839 по 1843 годъ находился, въ качествѣ практикующаго врача, въ Южной Россіи, въ полтавской и харьковской губерніяхъ, у богатаго

русскаго помѣщика (г. Хрущова), жена котораго была родною сестрой извѣстнаго декабриста, Сергѣя Муравьева-Апостола. Тутъ онъ имѣлъ возможность подробно познакомиться съ русскимъ обществомъ и съ русскою литературою. Въ 1843 году г. Лебенштейнъ оставилъ Россію и до 1845 года жилъ въ Лейпцигѣ, гдѣ началъ свою литературную карьеру. Онъ былъ сотрудникомъ, по части изящной словесности, многихъ изданій, въ томъ числѣ «Der Grenzbote»,—«Europa» и др., издалъ у книгопродавца Таухница—«РусскоАнглійскій словарь»; перевелъ на нѣмецкій языкъ нѣкоторыя сочиненія Александра Марлинскаго-Бестужева и сперва 1-ю, потомъ и 2-ю часть «Мертвыхъ Душъ» Гоголя (изданія Томаса и Реклама).

«Съ 1845 по 1848 годъ г. Лебенштейнъ снова былъ въ Россіи, навѣстилъ Москву и Петербургъ, и въ 1848 году возвратился въ Австрію, гдѣ принялъ сотрудничество, по иностраной корреспонденціи и фельетону, въ газетѣ «Wiener Zeitung»; въ 1850 году, получивъ мѣсто врача въ Восточной Галиціи, онъ участвовалъ въ газетахъ: «Wiener Lloyd», «Constitutionelle Zeitung aus Böhmen» и др. Г. Лебенштейнъ съ молодыхъ лѣтъ сталъ сотрудникомъ «Универсальной библіотеки» г. Реклама, въ Лейпцигѣ, помѣщая здѣсь свои переводы съ польскаго и русскаго языковъ. Ему нѣмецкая литература давно обязана знакомствомъ съ сочиненіями Крашевскаго («Morituri», «Resurreturi», «Dajmona», «Grzechy Hetmanskie», «Pod blachą» и друг.), графа Ржевускаго («Pamiętniki Soplicy»), Корженевскаго («Kollokacia»), Зеленскаго («Musamerit»), Литвоса,—Генриха Сенкевича («Старый слуга», «Янко музыкантъ» и «Наброски углемъ»—«Szkice węglem» и проч.).

Въ послѣднее время г. Ф. Лебенштейнъ перевелъ повѣсти: Сенкевича «Namarne» («Zersplittert»), Крашевскаго «Choroby Wieku» (Alte und neue Zeit), Балуцкаго «Pansky Dziadu u Pyryi Obrazki Krakowskie». Кромѣ того г. Лебенштейнъ перевелъ на нѣмецкій языкъ «Anhell» Словацкаго и драму Урбанскаго «Pod kolumną Zygmunta» (Kreuz und Talmud), а незадолго до своей кончины занялся переводомъ романа «Воля»—(«Бѣглые воротились»), давъ ему особое названіе «In der zwölften Stunde»). Этого труда г. Лебенштейнъ не успѣлъ кончить».

Чешскій писатель, переводчикъ нѣкоторыхъ моихъ сочиненій на чешскій языкъ, г. Гавріилъ Шурáнъ, родился 8 іюля 1856 года, въ чешской Прагѣ. Кончивъ курсъ наукъ въ пражской академической гимназіи, онъ поступилъ въ пражскій университетъ, по филологическому факультету, гдѣ въ особенности изучалъ древніе языки и исторію славянскихъ литературъ. Въ 1880 — 1883 годахъ г. Шурáнъ былъ преподавателемъ гимназіи въ Прагѣ. Въ настоящее время онъ состоитъ преподавателемъ въ высшей гимназіи въ Раудницѣ (въ Богеміи). Онъ началъ свою литературную карьеру переводами съ русскаго, сербскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, критическими статьями и разсказами, напечатанными въ различныхъ чешскихъ изданіяхъ. Собственныя произведенія и переводы г. Шурáна пользуются на его родинѣ заслуженною извѣстностью и почетомъ.

С.-Петербургъ. 1889 г. 29 марта.

Оглавленіе

X ТОМА.

Мировичъ. (1762—1764 г.) Романъ.

Часть третья. **Шлиссельбургская катастрофа.**

